

ТИМУР
ЗУЛЬФИКАРОВ

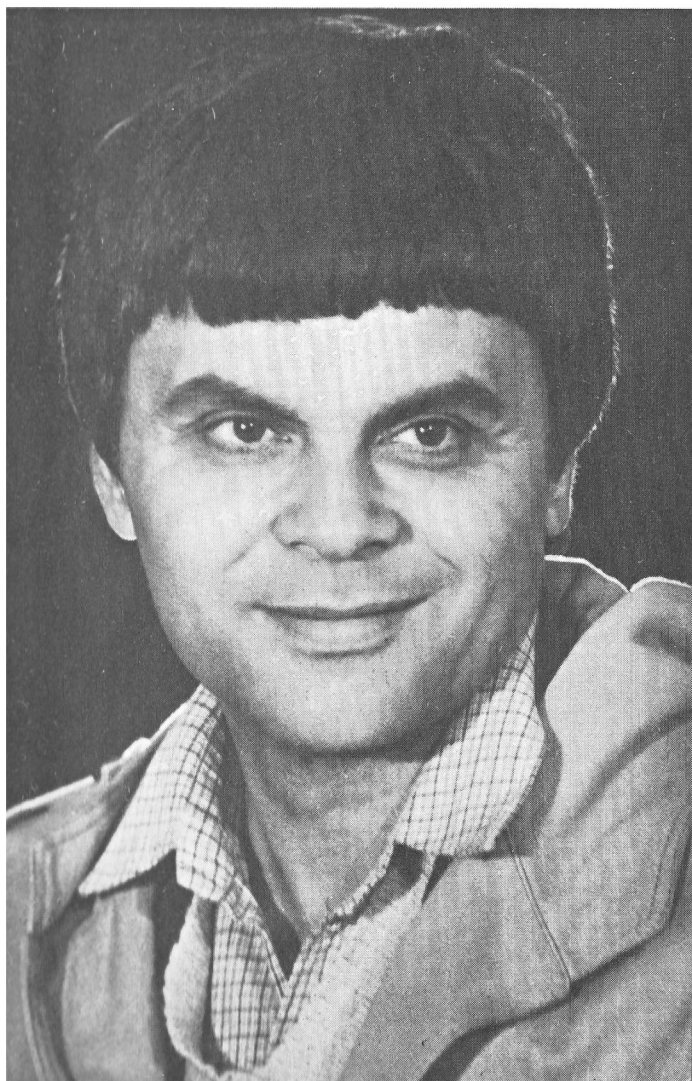
ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ
ХОДЖИ
НАСРЕДДИНА

Tyulemissov Madi مەدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

ТИМУР
ЗУЛЬФИКАРОВ

ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ
ХОДЖИ
НАСРЕДДИНА

ПОЭМЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989

Художник
АЛЕКСАНДР ГАНГАЛЮК

Зульфикаров Т. К.

З—93 Первая любовь Ходжи Насреддина: Поэмы.—
М.: Советский писатель, 1989.— 704 с.

ISBN 5—265—00895—0

Образы легендарного народного мудреца Ходжи Насреддина, всемирно знаменитого поэта Омара Хайяма, Железного Хромца Тимура, князя Михаила Черниговского и Сергея Радонежского, вызванные фантазией Тимура Зульфикарова, воссоздают причудливую картину восточного и русского средневековья.

Владение мифом как литературной формой позволяет Т. Зульфикарову осмыслить и вечные, и современные для каждого нового поколения проблемы добра и зла.

З $\frac{4702800100-104}{083(02)-89}$ 403—89

ББК 84 Р7

КНИГА ДЕТСТВА МУШФИКИ

МИНДАЛЬ

...Стрела уж пушена, а птица еще
поет в кустах...

Из народной поэзии

Почему так рано зацветает миндаль?..

Еще снег лежит на саманных плоских крышах кишлачных глинобитных убогих кибиток, еще талый малый азийский снег лежит на саманных крышах, еще снег небогатый лежит на крышах низких, а миндаль уже цветет. Цветет хладными дымными розовыми цветами.

Маленький Мушфики губами дотрагивается до этих ранних скорых смелых цветов, ему кажется: должны они быть теплыми, живыми, ласковыми, ведь одни они цветут среди февральского сырого безрадостного кишлака. Но цветы холодны и жестки — они точно отскакивают от юных доверчивых губ мальчика. Тогда Мушфики отрывает эти цветы губами, зубами от холодных, темных затаившихся веток и жует их, но они вначале безвкусны, а потом горчат на языке. Горькие, кислые ранние цветы. Мушфики выплевывает их. Ему грустно.

Почему так рано зацветает миндаль? Почему его цветы холодные? Почему горькие?..

Отец Мушфики, старый чабан Бобо Саид, говорит сыну: миндаль раньше всех цветет и позже всех дает плоды. Тутовое дерево цветет позже всех и дает плоды

раньше других деревьев. Мой мальчик, мой Мушфики, будь как тутовое дерево, как благодатная балхская шелковица.

Но Мушфики не согласен. Ему больше нравится миндаль и то, что он одиноко цветет среди февральского, унылого, черного, талого кишлака. Пусть его цветы горькие. Зато они первые. Но и тутовник тоже жаль. Жаль его обрубленные ветви, пошедшие на корм шелковичному червю. Шахский тутовник растет у кибитки Мушфики. Он еще погружен в зимнюю спячку. Ствол его глух и дремуч. Мушфики влезает на дерево и гладит его по изуродованным ветвям. словно это живое существо. словно это побитая кишлачными мальчишками бездомная, бродячая собака. Отбившийся от стада волкодав с отрубленным хвостом. Дерево похоже на этого волкодава. У него ветви обрублены, а у волкодава хвост. Дерево похоже на летучую стаю волкодавов с обрубленными хвостами. На застывшую в сыром неприютном кишлачном небе стаю волкодавов...

Ах, ата, ата, отец, зачем в мире есть собаки с изуродованными хвостами и деревья с порубленными ветвями?..

Зачем я стою под тутовым еще спящим деревом, и провожу ладонью по лицу, и неожиданно чувствую, как над верхней пухлой моей детской губой растет, колеблется от сырого ветра робкий пушок? Это — начало усов. Это похоже на маленькие глухие рожки, пробивающиеся бугорками у годовалого нашего теленка.

Ах, ата, почему у меня так рано растут усы? Раньше всех моих сверстников-пастушат. Теперь все будут смеяться надо мной. Ах, ата, вы правы: лучше быть тутовым деревом, чем ранним горьким миндалем, одиноко цветущим среди февральского талого кишлака...

Мальчик бежит по кишлаку, в темные, мягкие пустынные поля. Он проваливается высокими башмаками-каушами в густую влажную землю, но бежит, бежит, бежит. Земля добрая. Мушфики нравится, как она проваливается и расплзается под ногами. Уступчивая, ласковая земля, похожая на добрые влажные губы их единственной коровы Уляши, когда она облизывает новорожденного теленка...

Ата, ата, вы пасете большое стадо, а имеете всего одну корову. Почему, ата?..

Бежит мальчик в февральских пустынных полях.

Один. На бегу лихорадочно дотрагивается ладонью до лица и чувствует заолодевшими пальцами упругий, щекочущий пушок над верхней пухлой губой. Растут усы. Молчат бесконечные, мяклые поля. Несется в полях сырой, огромный, беспутный ветер. И только кое-где в полях розовыми, дымными, живыми островками-облачками стоят невинные, беззащитные, миндальные расцветшие деревья. Мушфики подбегает к одному из деревьев и останавливается, не отрывая пальцев от острого пушка над губой. Растут усы. Цветут холодные первые деревья...

Мальчик снимает с головы ферганскую тюбетейку — под ней плетеной хлесткой змейкой извивается косичка на наголо стриженной голове: Мушфики единственный сын у чабана Бобо Саида. Вымоленный у Аллаха под выветрившимися стенами далекого засыпанного текучими кызылкумскими песками священного мазара Али Ата. Искусала безмолвные, узкие губы мать Мушфики, оя Кумри-ханум, когда рожала его: шариат запрещает роженице кричать в родах. Ребенок должен являться в святой тишине. Чтобы добрый Ангел реял, веял над его головкой, чтобы крики и стоны не спугнули его.

Так Кумри-ханум и умерла в родах с искусанными молчными губами. Может быть, если б ей позволено было кричать — она бы выжила?..

Мушфики не знал матери. Только имя от нее осталось. Как пустая, полая, звонкая кожа от змеи. Но теперь, под миндальным веющим, сырым деревом Мушфики подумал о своей матери, и ему показалось, что он знает ее, что она, живая и трепетная, обнимает его и он прижимается к ее щекам и длинным, густым косам, терпко пахнущим кислым молоком-чурготом, в которое женщины его родного кишлака Чептура опускают головы перед тем, как мыть их, и оттого косы становятся тучными и блестящими.

Ах, это сверканье пахучих женских и девичьих кос, вымытых в мятной, мускусной иранской воде и доходящих до самых пят!..

Мушфики стоял в полях под цветущим миндалем и быстрыми пальцами дергал пушок над губой. Больно

было. Даже слезы на глазах выступили. Мальчик понимал, что это напрасно. Так же напрасно, как стричь тутовые деревья: они все равно будут жить и плодоносить, пока жив ствол. Теперь кишлячные мальчишки будут обзывать его эмирским сарбазом-стражником. Сарбазы носят длинные, густые, устрашающие, обвислые усы...

Мушфики плакал злыми слезами. Ах, отец, зачем так рано зацветает миндаль? Зачем его цветы горькие? Как мои слезы... Зачем, отец?..

ЗОЛОТОЙ АНГЕЛ

...Дни жизни — даже горькие — цени:
Ведь навсегда уходят и они...

Санои

Я сижу в кибитке на старой цветастой курпаче и читаю Коран. «Благое пристанище уготовано тем, которые питают страх Божий... Сады и виноградники... Девы с едва округлившимися грудями и одинакового с вами возраста... Полные чаши... Тот, кто уверует и будет совершать добрые деяния, поселится и будет развлекаться в цветущих садах вечной услады...» В комнату влетает золотой вешний шмель. Он тяжело и сонно тычется о голые стены нищей нашей кибитки и, опасно близко прожужжав у моего лица, вылетает в окно и тут же пропадает, тонет в ослепительном майском утреннем небе. Я осторожно закрываю книгу и думаю о золотом шмеле. Почему он летает, а я не могу летать? Ведь я человек, венец творенья, а не могу парить, носиться в этом майском струящемся небе над сплошными цветущими урюковыми садами, пенно и безбрежно охватившими наш маленький кишлак до самых неблизких Каратагских гор. Вот бы полетать над этими садами! Может быть, это и есть те самые «цветущие сады вечной услады»? Но эти сады скоро осыплются. Я знаю. Это земные скоротечные сады. Быстроцветущие. Преходящие. Рождающие миллиарды золотых текучих плодов — жители кишлака не в силах их собрать, и золотые, спекшиеся, потрескавшиеся, палые, вялые урюки густо устилают садовую землю, и по ним так ве-

село ступать босыми скользящими ногами! Бродить в этих вязких, палых, несметных плодах! Слепых, никому не нужных!.. Душистых! Липких! Бесконечных!.. Тут черви плодовые блаженствуют. Упиваются. В каждом палом урюке — свой червь вьется. Как хозяин. Ненавижу червей. Вынимаю их из урючин и давлю пяткой. Но сколько их, червей, я могу убить? Скольких?.. Они ж бесконечны, а я уже устал. Я сажусь у арыка, потом ложусь в теплую его скользящую мелкую воду и закрываю глаза. Долго лежу. Дремлю. Сплю в дремотной обволакивающей воде. Снится мне огромный золотой шмель. Он летит над цветущими садами. Я гляжу на него и понимаю, что это ангел. Таких огромных шмелей не бывает. Это Золотой Ангел расцветших урюковых садов!.. Вот он спускается все ближе и ближе, я чувствую его дыхание, и тут из его открытого рта появляется, падает на меня золотое змеиное жало. Я пытаюсь увернуться от быстрого, гибкого жала, но дикая, жгучая боль пронзает мою спину, и я уже понимаю, что это не сон, и, не успев открыть глаза, разлепить тяжкие веки, выскакиваю из мелкого убаюкивающего арыка: надо мной с плетками-камчами в руках стоят два немых брата Хусейн и Хасан. Садовые сторожа. На их лицах радостные хищные улыбки. Они изо всех сил, упоенно полосуют, бьют меня хлесткими густыми плетками и, только когда промахиваются, урчат от злости, а камчи резко ударяют по воде, и летят тысячи хрустальных брызг... Я бегу по саду, я все еще не проснулся, я все еще вижу Золотого Ангела (спаси, спаси меня от немых сторожей!), я поскальзываюсь на палых, податливых урюках и падаю на землю, и сторожа, сладострастно и глухо мыча, урча, улыбаясь, настигают меня и бьют, обжигают, обвивают живыми змеиными стелющимися плетями, и я вскакиваю и бегу, бегу, а потом поворачиваюсь и кричу в немые их сладкие звериные лица: что я сделал? Я съел несколько урюков. Палых. Они все равно погибли бы. Истлели. Ушли бы в землю. Неужели нельзя было их съесть? Червям можно, а человеку нельзя, да?.. Червям можно, а человеку нельзя!.. Я бегу по саду, стараюсь увернуться от ловких, точных, метких плетей. Моя спина похожа на раздавленный палый урюк... Я выбегаю из бесконечного сада. Сад этот принадлежит Аллаяр-баю диван-беги. Он родственник бухарского эмира и его министр. Он давно уже уехал

жить в Бухару. Он забыл про сад. Он оставил его немым сторожам Хусейну и Хасану...

Отец помазал мне спину пальмовым маслом и какой-то целебной, гиждуванской, пахучей глиной. Он сказал: сын мой, помни, что, виляя хвостом, собака добывает себе пищу, а рыча и лая, только получает побои... Ах, отец, и опять я не согласен с Вами. И не соглашусь ни под плетьюми, ни под смертным топором казни. Не буду я ни перед кем хвостом вилять. Нет у меня хвоста. Как у волкодава...

Ночью я бредил и кричал: Золотой Ангел! Золотой Ангел, ну почему червям можно, а человеку нельзя?.. Почему?..

АМАДЕРЯ

...Подстреленная птица — грусть моя —
Запрыталась, глухую боль тая...

Омар Хайям

Рано созрели яблоки. Из-за соседнего дувала часто и тяжело падали они во дворик-хавли чабана Саида. Но Мушфики не поднимал их с земли. Пусть их ест, пьет червь. Яблоки напрасно падали. Иные раскалывались и разлетались от удара на сахаристые, зернистые, сочные куски. Мушфики глотал слюну... Над дувалом появилась девичья юная, верткая головка с россыпью смоляных мелких косичек.

— Эй, Мушфики, почему ты не ешь наши яблоки? — улыбочиво спросила головка. Это соседская дочка, татарка Амадеря. Ей тринадцать лет. Она хохочет, хитро и остро сощуриив рысьи свои быстрые глаза. Она влюблена в Мушфики и уже понимает это. А Мушфики сонный. Не понимает еще.

— Не хочу есть твои яблоки. Не хочу чужое брать, — говорит он тихо, вспоминая сады Аллаяра-бая диван-беги.

— А хочешь поцеловать меня? — неожиданно шепчет Амадеря, и вся появляется на широком саманном дувале. Она в длинном алом платье из ферганского, маргеланского шелка, из-под которого видны цветастые павлиньи изоры-шаровары и узорчатые ура-тюбинские

мягкие ичиги. В маленьких хищных, кошачьих ее ушках сверкают тяжелые золотые серьги.

— Я никогда не целовался... Я не знаю, не умею это делать,— опускает глаза мальчик с усами над верхней пухлой губой.

Тогда татарка бесшумно и дерзко спрыгивает с дувала и подбегает к Мушфики. Она быстрая, ловкая, гибкая. Горячая!.. Она обвиняет Мушфики тонкими, как ивовые вешние прутья, руками. От нее пахнет мускусной водой! Она рыщет по лицу Мушфики вольными щекочущими губами. Она ищет его губы. Мушфики испуганно крутит упругой головой во все стороны. Но Аматеря сильная. Она находит его губы. Целуются. Потом татарка резко отталкивает Мушфики и мгновенно влезает на дувал. Озирается. Смеется. Серьги тяжелые золотые качаются. Качаются. Долго... Горят! Но еще сильнее горят щеки и губы Мушфики!..

— Хочешь еще поцеловать меня? — хохочет девочка с дувала.

— Да! — говорит мальчик.

— Тогда влезай на дувал,— приказывает Аматеря.

Мушфики влезает на дувал. Он стоит рядом с татаркой. Покорный.

— Спустись в наш сад и сорви мне одно яблоко. Но только одно! Чтобы другие яблоки остались на ветке нетронутыми. Чтобы ни одно не упало на землю. Сорви одно яблоко, не затронув другие. Сорви, Мушфики. Тогда можешь поцеловать меня! Спускайся, мальчик! Быстрее, пока не вернулся с базара мой отец!..

Мушфики слезает с дувала и осторожно крадется по яблоневому саду. Деревья склонились под тяжестью переспелых теснящихся яблок. Иные ветви надломались. Падают плоды на землю. Звучно. Ленно. Текут. Мушфики останавливается под одной из яблонь и, нежно и медленно касаясь пальцами плодов, пытается сорвать напосенное белое яблоко, но от легкого движения ветка едва колеблется, и тут же десятки переспелых яблок падают с дерева, больно ударяя мальчика по

плечам и лицу. Сад перезрел, отяжелел. Он осыпается летучими плодами даже от легкого дуновения ветерка.

Хохочет с дувала коварная Амадеря. Качаются, полыхают литые, тяжкие, золотые серьги в тонких ее сквозящих, кошачьих ушках.

Мушфики снова и снова берется осторожными, цепкими, дрожащими пальцами за очередное яблоко, но снова и снова с ветвей летят, свергаются перезрелые, дурманящие, ранние, избыточные яблоки, и Мушфики уже весь избит падучими рассыпчатыми плодами. Он в отчаянье. Он носится по перезрелому саду, и яблоки бьют, хлещут его по лицу, по плечам, по спине. Хрупкие, перезрелые, нетронутые яблоки!.. Хохочет татарка с дувала: Мушфики, сорви мне одно яблоко! Но только одно! Не задень другие яблоки! Не тронь! Не дай им сорваться с ветвей! Ах, Мушфики, ничего у тебя не получается. Ты слишком горячий! Ты наивный! Ты будешь несчастным в жизни! Ты хороший, Мушфики! Но ты больше никогда не поцелуешь меня! Эх, Мушфики!.. Где же твое яблоко?..

Амадеря смеется, извивается на дувале, но рысьи влюбленные глаза ее печальны. Мушфики устал. Стоит он под деревьями с опущенными руками. Налетает ветерок, и яблоки падают с ветвей и бьют Мушфики по голове и плечам, но он не обращает на них внимания. Он смотрит на Амадерю. На ее круглые, пухлые, детские губы, похожие на весенние легкие облака в азиатском струящемся, переливчатом небе.

Татарка улыбается рысьими глазами, потом прислушивается к стуку копыт за высокими деревянными воротами: беги, Мушфики, приехал отец с базара. Быстрей! Ты оббил почти все яблоки! Отец не должен видеть тебя! Прощай, Мушфики!.. Я люблю тебя!.. Но ты не смог сорвать мне одно яблоко!.. Прощай!.. И татарка вдруг плачет. Плачет...

Почему она плачет?..

Ранним утром Мушфики просыпается от гортанного рева праздничной трубы-зулкарная. За дувалом, где живет Амадеря, слышны веселые частые голоса. Мушфики

влезает на дувал и сонными глазами глядит в татарский двор. Двор полон празднично одетых мужчин в новых шелковых и парчовых чапанах, ослепительных миенбандах, тюбетейках, лаковых сапогах. Во главе нарядной толпы стоит сухонький маленький старичок в огромной белой чалме и столь же белом длинном парчовом чапане. Мушфики узнает его. Это мулла Гафур-махдум. Ишан. Один из ближайших сподвижников Главного Муфтия Бухары. Он приезжает из Бухары в Чептуру только в особо знаменательные дни. Почему же он приехал сегодня? В руках у него переливаются, скользят миндалевидные малахитовые гиждуванские четки.

Мушфики спускается с дувала в яблоневый сад и осторожно ступает по садовой траве, чтобы не раздавить вчерашние сбитые им яблоки, бесчисленно белеющие на земле. Он подходит к праздничной толпе и прислушивается к разговорам. О чем они говорят? Эти сытые, вялые люди в дорогих одеждах... Они говорят о молодой невесте. О том, что она опаздывает. Кто эта невеста? И кто жених?.. О Аллах, кого это две старухи выводят из расписной нарядной низкой двери татарского богатого дома? Кого это осыпают частыми золотыми монетами мальчишки с плоской крыши? Кто это, тоненький и робкий, скрывается, мается под тяжелой серебристой безвозвратной паранджой невесты?..

Толпа замирает.

Опускают головы мужчины.

Мулла Гафур-махдум читает суры из Корана: мужчины стоят выше женщин в силу тех качеств, которыми Аллах возвысил их над женщинами... Добродетельные женщины отличаются послушанием и преданностью: в отсутствие мужей они заботливо оберегают то, что повелено Аллахом хранить в целостности. Делайте им внушение, если боитесь неповиновения с их стороны. Устраняйте от ложа и даже наносите удары им. Но ежели они повинуются вам — не ищите ссоры с ними. Аллах осведомлен обо всем. Он велик!.. Ля илляга иль Алагу Мухаммад Расуль Улла!.. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его!..

Последние слова молитвы шепчут все собравшиеся, Мулла обращается к невесте: согласна ли ты стать доб-

родетельной и верной женой Аллаяра-бая диван-беги, который из-за государственных дел при дворе солнцеподобного нашего эмира не смог сегодня присутствовать на свадебной церемонии? Согласна ли ты отдать ему свое тело?

— Нет,— говорит детский голосок из тяжелой паранджи.

— Согласна ли ты стать добродетельной и верной женой Аллаяра-бая диван-беги, который из-за государственных дел при дворе солнцеподобного нашего эмира не смог присутствовать сегодня на свадебной церемонии? Согласна ли ты отдать ему свое тело? — ровным голосом повторил традиционный троекратный вопрос мулла.

— Нет,— сказал тихий голосок и дрогнул.

— Согласна ли ты стать добродетельной и верной женой Аллаяра-бая диван-беги? — устало сказал старичок.— Согласна ли ты отдать ему свое тело?..

— Да,— сказала девочка в тяжелой парандже невесты после долгого, долгого молчания. А потом заплакала в душной парандже. Заплакала. Завсхлипывала. В тишине это было слышно явственно, но сонные праздничные мужчины только хищно улыбнулись этим скрытым под паранджой сладким, невинным слезам.

— Иди за мной, дитя блаженное,— ласково сказал Гафур-махдум и повел девочку к воротам.

За воротами стояли оседланные холеные ахалтекинские кони. Они переливались под кожей, похожей на шелк. Шелковые кони переливались. Томились. Тяготились ожиданьем... Атласные кони...

Но вот невесту посадили на головного покорного тихого жеребца, а с двух сторон от нее на черных арабских гладких скакунах поехали усатые эмирские сарбазы-стражники.

Мушфики долго глядел вослед медленному, богатому, торжественному каравану, пока он не затонул в обильной дорожной кишлачной пыли. Пока он не затонул в азиатской вечной всепобеждающей пыли. Пыль в это раннее утро была свежая, росная, алая. Алая. Конный свадебный караван затонул в алой утренней пыли.

Алые, атласные кони утонули в алой пыли. Мушфики подумал о том, что это хорошо, что свадьба уехала в утренней алой пыли, а не в вечерней, желтой. Ведь Амадера любила алые платья... Пока они росли вместе, пока их разделял только саманный, сыпучий, широкий дувал — татарка всегда ходила в алых платьях. И вот теперь ее увезли в алой утренней свежей пыли...

...Согласна ли ты отдать ему свое тело?

Мушфики вернулся в татарский двор и пошел к дувалу. Он шел, опустив голову и ничего не видя вокруг. И вдруг вздрогнул: на земле вокруг него кротко и бесконечно лежали измятые, раздавленные вельможными, лаковыми, скрипучими сапогами белые сахаристые яблоки. Его яблоки. Много яблок, и все, все были вдавлены в землю и смяты...

...Ах, Мушфики, ты слишком горячий! Наивный! Ты будешь несчастным в жизни! Эх, Мушфики, где же твое яблоко?.. Прощай, Мушфики! Я люблю тебя!.. Но ты не смог сорвать одно яблоко, не задев других. Ты не смог украсть меня тайком от других! Убежать со мной вместе, улететь, как птицы, как полевые голуби, в бескрайние, дальние, зыбкие, солнечные поля. Ты отдал меня другим. Ты задел, ты потревожил, ты разбудил другие яблоки... Других людей! Прощай, Мушфики! Я тону в алой пыли! Прощай!..

Отец, отец, это была любовь? Но зачем она такая быстрая, такая несчастная? Она быстрее чуткого бухарского оленя-хангула? Быстрее низвергающегося со скал водопада в глухом лесистом Варзобском ущелье? Быстрее нашей реки Коко, разбухающей, несущейся неукротимо, размывающей берега в дни вешних глиняных ливней? Разве любовь — это несчастье? Разве любовь — это смятые яблоки?..

...Согласна ли ты отдать ему свое тело?..

...Да...

...И смерть напала на крепость его жизни...

Ходжа Самандар Термези

Чабан Саид стар. Он сидит на айване под густым виноградником и курит маковый опиум. Он желтый, как осенняя поздняя, квелая айва. Он уже давно не пасет стада. Он даже забыл имена любимых волкодавов, единственных спутников кочевой своей жизни... Он сидит в желтом дремливом дыму и сладостно бредит.

Он говорит: жизнь — это хмель. Кайф. Сладкий сонный дым. Не гони этот дым, сынок. Живи в нем. Дыши им. Тогда ты не увидишь ни нищих кишлаков, ни голодных детишек, ни высохших чахлых полей, ни сытых равнодушных правителей. Все потонет в божьем, благом, дурманящем дыму. В святом дыму. Пророк Мухаммад говорил, что он любит только женщин и молитву. Он забыл о желтом дыме. Азия любит желтый дым забвенья. Ищет его. И ты, Мушфики, ищи его. Ищи, пока не обмякнут, не порвутся жилы. Посмотри на мою шею. Она вся в жилах. Она как засохшая лоза. Мне мало осталось дышать этим дымом забвенья. У меня в жилах уже не кровь, а сладкий, мятный дым. Мне мало осталось, сынок. Я всю жизнь пас отары, тысячи овец и коров знали меня — и что? Всех их уже нет на земле, а я еще жив. Я пережил их... Я вспоминаю их, брожу среди них, как среди живых... И у меня даже есть собственная корова Уляша. Одна. От всех тех ушедших отар. Все остальное ушло в дым. Я бедняк, но я богаче самого эмира. У меня есть дым забвенья. Возьми, сынок, кальян. Попробуй его. И ты забудешь про любовь.

Шейх Джами сказал про любовь...

...Где ни пустила бы корней
Любовь, но все ж едва ли
Иные можно снять с ветвей
Плоды, кроме печали...

Ты познал первые плоды печали, Мушфики. Люди затоптали твои яблоки. Возьми кальян — и все затянется святым дымом-маревом... Возьми кальян, сынок!..

О Аллах, ты знаешь: я не верил в желтый дым, пока мне не попался тот баран... тот баран... баран-красавец! У него был курдюк круглый, как медный таз, в котором усопшая моя жена, оя Кумри-ханум, варила айвовое варенье... А ноги у него были, как у ахалтекинського жеребца... Это был баран-красавец! И я собственными руками зарезал его... это чудо природы, это божье чудо!.. Этого барана баранов!.. И он пошел на шашлык!.. С того дня этот баран стал мне сниться, он являлся мне на дальних смеркающихся пастбищах, у призрачных, одиноких, холодных костров... Я зарезал тысячи баранов, но такого красавца не видел... Не видел!.. Так мне явилась совершенная красота! Так мне явился Ангел Жизни в образе барана, ведь я чабан... В образе барана, которого я зарезал... В те дни я впервые вкусил дым кальяна... Я искал того барана в желтом, ползучем, обволакивающем, дурном дыму... И он являлся мне, и глаза у него были текучие, печальные, туманные, как у моей умирающей Кумри, твоей матери... И я поверил в переселенье душ, как древние дервиши-суфии-арифы...

Чабан чабан пастух пастух сотронь сотронь ножом курдючного гиссарского барана у полднего арыка травянистого мучительного илистого глинистого

Сотронь курдючного барана у арыка мшистого душистого полуденного мглистого

Сотронь сребрительным смирительным ножом сотронь дремливое баранье горло упоительное

Сотронь нарушь густым ножом полуденное горло уморительное длительное

Сотронь и выпусти в арыки крови вьющиеся кроткие невинные безвинные нагие

И выпусти курчавые кудрявые младые крови ярые да алые во потемневшие арыки загустевшие медлительно

И выпусти младые крови длинные извивные змеинные рубиновые крови «длинные ой длинные ой краткие ой чистые уж глиняные глиняные в смолкнувших арыках

Или струятся густо илы? или роятся рыбы икры? или текут бредут собираясь мутны темны живы глины?

Вышли!

И просветлели преходящие бесследные арыки

И просветлели преходящие бесследные арыки

А унесли а уносили облако излитое пролитое а уносили марево живое уносили уносили уносили

А уносили облако плавучее певучее живучее излитое излитое излитое

А уносили облако излитое забытое? забытое? забытое? забытое? полузабытое? полуразмытое? навек навек разлитое размытое?

Чабан пастух у прерванного у раскрытого у горла вытекшего суетно
молился суетно молился о молился о молился горестно молился
Молился отирая осушая нож о травы липкие молился упадая со
ножом молился о молился

Ля иллага иль Алагу Мухаммад Расуль Улла
Ля иллага иль Алагу Мухаммад Расуль Улла
Молился пастух убийца

Я был убийца... Я убил чудо-барана с глазами Кумри... Аллах, прости мне! Вчера ночью, сынок, мне явился загробный Ангел Азраил. Он сказал мне: Саид, арба твоей жизни рассохлась, распалась, стала... отлетевшие одинокие ее истертые колеса покатались в дорожную, глубокую, летучую, рыхлую, золотую пыль и там оттрепетали, затихли... как крылья осенней поздней полевой бабочки... Пойдем, чабан Саид... Я ведь тоже Чабан... Я Чабан чабанов... Я Чабан ночи... Я Чабан усопших, Чабан мертвых... Чабан тысячелетних чинар... Пойдем, старый Саид... Возьми с собой свой кальян... Ты будешь Чабаном мертвых... Мертвых так легко пасти — они никуда не разбегаются... Я сказал Азраилу, что не хочу быть чабаном мертвых, а хочу быть чабаном земных чинар...

Мушфики, этой ночью я пропел свою последнюю касыду «Чабан и Ангел». Слушай — я спою тебе ее напоследок...

И ангел ночи был чабан разливчатых чинар
И ангел ночи был чабан разливчатых разливчатых чинар чинар чинар
И Ангел Ночи Ангел Азы был чабан чинар чинар растущих пьющих чинар
в хладных родниках
И Ангел Ночи был Чабан чинар
И летал
И у залива пил у водопоя родниковых серных духовитых коз
полунощных плескал плескал плескал искал
И белое березовое осиянное нездешнее перо перо на утреннем песке
зернистом оставлял ронял ронял ронял терял
А утром шел чабан курдючных ройных слипшихся тоскующих святых
святых отар отар отар
И набредал на осиянное перо и поднимал и упал молился у
святого родника
Аллах чего я только смертный пастырь смертных изливающих
слепые семена земных земных отар отар отар
Аллах Аллах чего я не чабан небес чабан летуч чабан разливчатых
нощных раздумчивых чинар чинар чинар чинар
Чего я не чабан всевечных всеющих во небеса всевечные чинар чинар чинар
чинар
Чего я не чабан чинар Чабан Аллаховых Чинар
Чего я не чабан
И плакал смертно в чаще вещей многодумных набегающих чинар

Голос у отца был далекий, хриплый, гортанный... Последний голос... Отлетевшие, истертые, одинокие колеса его арбы покатались в дорожную, глубокую, рыхлую, золотую пыль и там оттрепетали, затихли, как крылья осенней поздней полевой бабочки...

— Сынок, дальний, сирота, прости меня, прости, но у Ангела Азраила те же глаза... того барана... той, умирающей Кумри... Прости, сынок... Ах, густ дым, как осенний, сырой костер палых листьев в урюковых садах родной Чептуры... Он ест глаза... ест душу... Ах, густ дым... сладок!.. Прощай, Мушфики. Прощай...

Дым!

Отец уже спал на айване, крепко сжав зубами кальян. Он умер.

С кальяном во рту. Навсегда ушел в дым забвенья.

Кишлачный мулла Ибрагим-ходжа отказался его хоронить как правоверного мусульманина.

Ибрагим-ходжа сказал: чабан Саид жил и умер, как кафир, как неверный. Он не признавал Великой Книги, а чтил только курящийся кальян забвенья. Коран говорит: для того, кто хочет возделывать поле будущей жизни, мы расширим его. А тот, кто желает возделывать поле мира сего,— также его получит, но не будет иметь доли в ином мире.

Чабан Саид искал рай на земле, он забыл об иных вечноцветущих райских садах, и нет ему доли в ином мире!

— О высокочтимый господин Ибрагим-ходжа! Помилуйте усопшего. Ведь он пас и ваших баранов. Оберегал их от голода и волков в холодных горных лугах. Одинокий скитался со стадами по дальним глухим тропам и пустынным пастбищам. Будьте щедрым. Свершите над мертвым древний обряд погребенья, ведь Аллах говорит о безбрежной доброте и всепрощенье. Помилуйте хранителя переходящих овечьих стад, о высокодумный хранитель нетленных божественных истин! Помилуй-

те... — Мушфики на коленях стоял перед муллою Ибрагимом-ходжой на протертых пыльных кошмах глинобитной кишлачной мечети. По кошмам летала, витала, вилась жирная, жемчужная, тучная моль. Кошмы были в клочья изъедены ею. Ибрагим-ходжа поглядел с возвышения-минбара на кроткого, коленопреклоненного отрока и сказал, улыбочиво, сыто икнув: милость Аллаха не бесконечна. Аллах говорит: горе тем, сердца которых очерствели и закрылись для всякого воспоминания о Господе! Они в явном заблуждении. А имеющие страх божий чувствуют при чтении Корана, как натягивается кожа их и сжимается на теле!.. А кожа чабана Саида пожелтела и высохла от сладкого дыма терьяка. Потому мы не будем читать святыя суры над его неправедным телом, мой мальчик, мой сиротка Мушфики...

Тогда Мушфики встал с кошмы, изъеденной молью в клочья. Глаза его сверкали.

— За то, что вы не хотите похоронить моего отца по шариаду, за то, что вы забыли о добре, о щедрости и всепрощении,— моль и тля съедят вашу мечеть и вас, как съели они эти кошмы! — крикнул мальчик и выбежал из мечети.

Ибрагим-ходжа вздрогнул от этих слов.

«Несчастья беспрерывно будут тяготеть над неверными за деяния их!» — пробормотал он суру из Корана и вздохнул, положил под язык щепотку горького табака-наса, в который он подмешивал немного мака-дурмана, кукнара...

А в мальчишку вселился Иблис. И глаза у него сверкали, как у хищной каменной куницы, когда она нападает на куропатку-кеклика. Я — кеклик?.. Я, служитель Аллаха. Кто может напасть на меня в блаженных пределах бухарского ханства? В неоглядных землях священного Мавераннахра?.. Я — каменная куница!.. А мальчишка — кеклик!.. И мечеть вечна и сокровенна на азиатской святой земле, и нет на нее ни моли, ни тли поглощающей!.. Но глаза у этого сиротки сильные, жгучие. Такие глаза бывают у странствующих дервишей. У безумцев. И у пророков... Ха-ха!.. В глухом пыльном невзрачном кишлаке родился пророк?! Никог-

да!.. Но пророки всегда рождаются и приходят с окраин... Там, на окраинах, сильнее чувствуется, как гниют империи, как дымится Мавераннахр, как тревожны границы...

Но!..

От опиекурильщика родился пророк?! Такого не бывает! У мальчишки сумасшедшие глаза — и только! Он будет дервишем, простым бродячим сумасшедшим, блаженным странником-каландаром, спящим у арыков!.. Но слова, его слова...

...Моль и тля съедят вашу мечеть и вас, как съели они эти кошмы!..

Ибрагим-ходжа на секунду закрыл глаза, и ему представилась огромная соборная мечеть диван-беги в Бухаре... Мечеть, объятая кишашей, победной, жалящей тлей! Как палая муха, окруженная роящимися муравьями!..

У Ибрагима-ходжи голова туманилась, кружилась, уходила. Он опустил на кошмы, по которым витали, вились, прыгали жемчужные моли. Теперь они казались мулле белой саранчой, белыми жемчужными конями с хищными мордами саранчи. Скакали погибельные несметные жемчужные кони... Грызли податливую мечеть белыми острыми кривыми зубами...

Белая саранча садилась на белую чалму Ибрагима-ходжи...

ДЕРВИШ-МУДЖАВИР ХОТАМ-ХОДЖА

...Он казался свечой в ночи страны...

Ходжа Самандар Термези

Пришли в кибитку покойного чабана Саида несколько желтых абрикосовых опиекурильщиков — друзей усопшего. Обмыли пергаментное его усохшее тело. Завернули в жесткий старый карбосовый саван, положили на похоронные носилки и понесли на далекий заброшенный мазар. Шли молча. В полях было дремотно. Сонно летали, улетали полевые дикие голуби. Струились весен-

ние рисовые поля. Долго шли. Несли мертвого. Саван был легкий, как осенний кокон. Пришли на мазар святого Алауддина у подножия Каратагских гор. Мазар был древний, дряхлый. На каменных надгробиях-плитах давно истерлись, истлели, выветрились погребальные священные надписи. Глиняные дувалы почти сровнялись с землею, перешли в землю, осели, осыпались, распались, унесены были вековыми ветрами, размыты дождями. Дождь времен разрушил их. И только несметные золотые осы кружились, царили над мазаром. Это были священные кладбищенские осы. Они охраняли покой погребенных...

Мушфики вспомнил старинный рубаи, который он слышал от одного странствующего дервиша. Рубаи был посвящен смерти великого амира Тимура...

...Держава Тимура пылала. Пылила Тимура нога в ^{оазисах.} ассирийских
Владыка пришел на осиное дервишей кладбище. Осиное древо его
обласкало опасно.
И влез на минарет Хромец, и зло пустыне скалился,
И перстом повелительным кликнул загробного Ангела...

Теперь Мушфики понял, почему кладбище было названо осиным. И подумал о величье амира, приказывающего даже Ангелу смерти Азраилу явиться в им назначенный срок. А где же осиное дерево?.. Вот оно. Плакучая ива одиноко росла среди мертвых тленных надгробий. Здесь, на кладбище, она росла какой-то особенно зеленой и живой. И вся трепетала, пронизанная тысячами золотых роящихся ос. Она была и зеленой и золотой. Изумрудной и золотой. Живой. Живой среди мертвого кладбища...

Теперь чабан Саид останется лежать здесь. И над ним будет веять изумрудная ива. Он будет не один...

Абрикосовые опиекурильщики осторожно внесли мертвого Саида в глиняный полуразвалившийся склеп и усадили его на сыпучую, сырую, затхлую землю лицом к Мекке. Он сидел как живой. Старый саван порвался, и из него выглянуло лицо Саида. Оно было веселое, улычивое...

Ах, отец, отец, неужели я оставлю вас здесь, на затхлой этой земле? Навек оставлю с этим уходящим улыбочивым лицом? Навек оставлю под землей? Никогда не увижу этого лица? Отец! Отец! Отец... Ата... Неужели... Навек оставлю... Уже оставляю... Уже душно мне в склепе... Уже ушли опиекурильщики... И мне тоже пора... Пора, отец!.. Прощайте!.. Я положу около вас ваш любимый чилим... Хотите — я зажгу огонь в нем, ведь вас не пустят в вечноцветущие сады. Вам скучно будет там... Прощайте, отец... Я ухожу наверх... Там ива изумрудная плещется... Тут дышать тяжело... Я ухожу... Уже... уже... навек... отец... Прощайте...

Мушфики вылез из склепа. Он вспомнил вьющихся перламутровых червей, выходящих из палых золотых урюков... Теперь они придут к его отцу... Перламутровые черви поползут по его пергаментному лицу...

Мушфики плакал. Он стоял под притихшей ивой. Он был сирота. Он был одиноким, как эта кладбищенская ива. Один во всем мире...

И тут он услышал чей-то голос: иди сюда, отрок, впервые познавший смерть. Теперь печаль, как вечная роса, падет на твои очи. Теперь перед тобою долго будут стоять могилы. И надгробные плиты. Но знай, что и мазары — эти обитатели смерти — тоже тленны. И тленность тленна. И смерть смертна. И только вечна человеческая память. Глаголы поэтов и пророков. Мудрецов и масхарабозов. Их нельзя похоронить ни на одном мазаре...

Мушфики обернулся: среди осыпавшихся безымянных склепов, заросших травой и колючкой, желтел низкий шалаш из засохшей, полевой травы. В шалаше лежал старик, едва прикрытый пыльными лохмотьями. На голове у него был четырехугольный желтый колпак. Рядом с ним покоился грушевый остроконечный посох. Глаза у старика слезились от трахомы.

— Кто вы, домулло? — почтительно и испуганно спросил Мушфики, по обычаю прикладывая руку к сердцу и отвечивая поклон старцу.

— Я дервиш-муджавир Хотам-ходжа. Я живу при мазаре. Я кладбищенский нищий. Я страж усопших... Однажды, когда я был таким же юным отроком, как ты, я вышел ранним утром из родной кибитки и пошел по дороге на базар. Случайно я поглядел себе под ноги и увидел, как моя босая ступня неотвратно наступает, убивает муравья. Я сделал несколько шагов по теплой, дорожной, ласковой пыли, а потом обернулся — раздавленный мной муравей лежал на дороге. Я остановился и склонился над мертвым муравьем. Из глаз моих на золотую дорожную пыль полились слезы.

Так я впервые увидел смерть... С тех пор я стал дервишем-муджавиром, живущим при кладбищах. Я видел в мире только торжество тлена, царство смерти. Мне казалось, что земля — это бесконечный мазар. Тогда я сотворил касыду...

Крепчал тюльпана царский ствол.

Сосуд из красных лепестков дождем был полн.

Сосуд венчанный путника поил.

И дальше путник шел средь древностных могил.

А мир — лишь до поры запрятанный погост.

Испил тюльпан и пал и холм возрос.

Я поселился на кладбище и погрузился в реку печали. Но однажды ночью на кладбище забрел странствующий певец-хаджи. Он сел на каменную надгробную плиту, вытащил из хурджина най-флейту и заиграл в кладбищенской святой ночи. Он долго и нежно играл на флейте, и полная луна заслушалась его, и цикады примолкли, и усопшие загрузили в райских дальних садах. Потом он запел песню. Я запомнил ее слова. Вот они...

Могила дервиша растрескалась могила дервиша разветрилась

Развеваясь могила дервиша могила дервиша рассеялась

Чего ж он у костра провидел чего ж он по миру-то бегал

Чего он обходил миндальные селенья

Чего его собаки ели

Чего он знал чего лелеял

Чего глядел с ночных мечетей чего в пустыне пел и мерил

Чего молил за человек

Чего упал в пчелиный клевер и закопал его надменно

Другой идущий по вселенной за ним идущий тленно дервиш

Чего рукою напоследок медовой он водил по небу

И камень надмогильный беден бесследен

И тут запела флейта нежно

И сел на камень юный дервиш

Потом бродячий хафиз-хаджи сказал мне: я стар. Базар моей жизни опустел. Пришла ночь, когда и торговцы и покупатели спят, и приходит время ночных воров. Ангелы смерти Мункир и Некир склонились надо мной. Возьми мою флейту, возьми мои песни и иди к людям. Базар твоей жизни озарен молодыми, утренними лучами солнца. Ты заплакал над муравьем и забыл о муравейнике. Иди. Странствия освежают, расширяют душу. Она становится как благословенный караван-сарай, через который протекают, проходят тысячи людей, и каждый оставляет свой след. Блаженны бродячие хафизы! Ведь даже птицы поднимаются каждую весну и осень в небеса странствий, а человек, в душе которого томятся сотни жаждущих птиц, дремлет на суфе после жирного сонного плова, завернувшись в халат лени, в окруженье пристальных, прилипчивых, ластящихся жен и детей!..

Один монгольский древний поэт сказал: есть у кочевников лишь родина коней!.. Он был прав...

Возьми мою свирель и иди к людям. Когда губы твои станут дрожать и не смогут посылать в свирель ничего, кроме вздохов старости, а ноги будут подкашиваться, как у тяжело нагруженного осла — тогда возвращайся на это кладбище и жди отрока, идущего вслед за тобой. Отдай ему свирель, посох и песни и спокойно уходи в вечноцветущие сады!.. Ах, эти вечноцветущие сады! Мне кажется, что праведники, живущие в этих садах, мечтают о золотых осенних палых листьях, но им — увы! — никогда не увидеть их, ибо, как сказано в древних книгах: ад — это облетевший рай...

Хотам-ходжа замолк и опустил голову. Слезились его глаза. От трахомы ли, от печали ли, от близкого ль конца? А глаза у него были молодые и голубые, какие бывают только у горных таджиков, веками живущих у самого синего неба.

Мушфики сказал: домулло! Я еще мал, я еще не созрел для странствий. Я еще яйцо, лежащее в гнезде. У меня только начали расти борода и усы... А кто будет слушать безбородого и безусого? Людям нужны слова мужа-мудреца, а не лепет дитя. К тому же я сирота...

— Сирота — это человек, окруженный семьей и не видящий ничего, что находится за дувалом, окружающим его кибитку. У тебя, сынок, иная судьба. Я вижу это по твоим глазам, похожим на ивовые глубокие чистые пруды-хаузы, и по твоим босым ступням, созданным для многих дорог... Возьми свирель и посох. В назначенный час они сами позовут тебя в дорогу. Прощай, отрок! Аллах уже начертил твой путь по земле. Прощай, мальчик... Не мешай мне глядеть в сторону Мекки... Уходи... Скорей... Сейчас здесь опустятся ангелы смерти... Ты спугнешь их... Вот они летят над пустыней, задевая острыми осиянными крыльями сыпучие барханы, вздымая легкую песчаную пыль! Ах, пыль, она замедает, ослепляет мои больные глаза! Ах, пыль! Ах, не пылите, не метите так, ангелы смерти!..

Глаза старика покрылись белой, густой, дымной пеленой. Мушфики поглядел в эти глаза и вспомнил, что такие же глаза, подернутые смертной пеленой, бывают у куриц, когда им отсекают головы. И у баранов тоже. Только у баранов глаза как бы засыпают, туманятся. И у людей тоже. У чабана Саида тоже. Смерть однообразна. Только жизнь бесконечна и многолика, а смерть однообразна...

— Домулло, может, вам принести воды? — словно сквозь сон, глухо и далеко сказал мальчик.

— Уходи! Ты спугнешь ангелов!.. Не плачь над мертвым муравьем, а устремляйся к муравейнику!.. Иди... Свирель и посох позовут тебя в назначенный срок! — мерцая белесыми глазами, тихо сказал Хотам-ходжа.

Мушфики взял свирель и посох и осторожно отошел от шалаша. Потом он спрятался за полуразвалившийся мавзолей с потрескавшимся куполом, сохранившим кое-где живые лужицы ослепительно голубой глазури.

Мушфики очень хотел увидеть ангелов смерти. Как они прилетают? Какие у них крылья? Ярче, чем у павлинов и попугаев? Или черные, как у воронов?.. Какие у них голоса? Руки? Губы? Глаза?.. Мушфики долго тайлся

за мавзолеем. Ангелы не прилетали. Ночь пришла. Мальчик пошел по дороге в родной свой кишлак Чептуру. Светила луна, озаряя пустынную теплую дорожную пыль, в которой ласково тонули босые ступни. Пыль была податливая. Знакомая. Родная. Пахучая.

Мушфики шел под огромной, желтой, дынной азиатской луной. Один. Только длинное облачко пыли стлалось за ним по дороге. Мушфики вспомнил рубаи Омара Хайяма...

...Льется локон в одной руке, а в другой — серебрится вино.
Я с любимой сижу на лугу, вестерком обвеваем, как сном.
Пьем дремливую влагу, забыв о безудержном беге светил,—
Пьем, пока не уснем, опьянев, под огромною теплой луной...

— «...Пьем, пока не уснем, опьянев, под огромную теплой луной...» — повторил Мушфики. Ему захотелось лечь в теплую добрую пыль и уснуть. Он увидел две смерти за один день... И от этого хотелось уснуть. Наверное, шейх Хайям тоже пережил много смертей, прежде чем написал этот рубаи...

Мушфики взял в руки свирель, и приставил ее к губам, и с силой подул в нее. В ночи послышался хриплый грустный звук. Похоронная трель... Свирель не слушалась Мушфики. Тогда он запел. Он шел по пустынной дороге и пел песню бродячего хафиза-хаджи...

И камень надмогильный беден, бесследен...
Но тут свирель запела нежно,
И сел на камень юный дервиш!..

Мальчик шел под луной и тоненьким, еще детским, но уже ломающимся голосом пел старинную, ему завещанную песню. За ним стлалось длинное облачко дорожной теплой пыли...

— Ах, пыль, она замечает, ослепляет мои больные глаза! Ах, пыль! Ах, не пылите, не метите так, ангелы смерти!..

— Прощайте, отец... Я уйду наверх. Там ива изумрудная плещется...

Хотелось лечь в пыль.

РЕКА КОКО

...И я бросаюсь в реку, ай, холодна река —
Я руки опускаю в рыданье ледника!..

Из народной поэзии

Куда течет река?

Куда течет наша бурливая река Кокоч?.. Она течет и днем и ночью. Неустанная... Человек спит ночью, как бы уходит из мира, а река шумит, шумит и льется, течет, бежит. И днем и ночью бежит, уходит река.

Куда она устремлена? Сколько лет, сколько веков равнодушно и бесцельно несет, вьет она свои прозрачные, ледяные, хрустальные волны, свои пенные, быстрые кружева? Сколько людей видели ее неверные, изменчивые, обрывистые травянистые берега? Ее песчаные, серебристые отмели знали следы бесчисленных ног. И где они, эти хрупкие, скоротечные следы?..

Мушфики идет, ступает босыми ногами по песчаной, влажной, нежной отмели, оставляя текучие частые следы — но вот ленно набегают дремливая, шелестящая волна, сдвигает песок, крутит его, уносит, смывает следы, уходит, обнажая, оставляя первозданную, сверкающую золотыми песчинками отмель. И нет следов. И набегают новая волна. И другая... И чиста, бела отмель...

Мушфики любит купаться в реке ночью, когда над водой стелется, витает, кочует белесый, ватный туман, а горное небо переливается близкими огромными звездами.

Ах, шейх Омар Хайям, вы, наверное, тоже любили плавать в ночной пустынной, опасной реке, мавлоно? И глядеть из ледяных ласковых стремительных волн на близкие горящие светила азиатского переливчатого неба, мавлоно?..

...Как жутко звездной ночью! Сам не свой,
Дрожишь, затерян в бездне мировой,
А звезды в буйном головокруженье
Несутся мимо, в вечность по кривой!..

Вы говорите, учитель, о горной ночи, о ночной реке, об одиноком, заблудшем, плывущем в лунных хладных волнах пловце!..

Но как близки звезды! Я слышу, мавлоно, как лают со звезд собаки! Вы слышите, домулло? Или это лают собаки высокогорных темных печальных кишлаков? Или это рычат волкодавы сонных, роящихся во тьме отар?..

Отары, отары, а может, вы вспоминаете чабана Саида, моего ушедшего отца? Мавлоно, я видел однажды, как плакали собаки... Это было, когда мой отец навсегда уходил от стад, и волкодавы прыгали вокруг него и добрыми, ласковыми языками лизали его отрешенное пергаментное, иссохшее, растерянное лицо, и из их собачьих круглых, мудрых, глубоких, преданных глаз катились слезы...

А может, я все перепутал? Может, это отец плакал? Может, и собаки лают не со звезд, а с высоких, погруженных в дремучую клубящуюся тьму кишлаков? А, мавлоно?..

Нет, мавлоно. Нет. Я не перепутал...

...Я плыву в ночной пустынной реке, в нежных, быстрых, льнущих волнах. Река похожа на текучую колыбель, на гахвару-зыбку. Я плыву, качаюсь, забываюсь в текучей колыбели, в ночной лунной реке-люльке... Я забываюсь, я безвольно и сонно распускаю руки и ноги, я засыпаю в ночной реке, я отдаюсь течению мягких набегающих лепетных волн... Я сплю в реке-люльке, плыву, качаюсь, ведь я рос без матери, и никто не качал, не убаюкивал меня в висящей на цветущем урюковом веющем дереве узорчатой, расписной люльке-гахваре... И вот я в материнской колыбели... качаюсь, плыву, улыбаюсь... захлебываюсь ледниковой, острой, губительной водой... захлебываюсь, тону... это я перед смертью вспоминаю малое бедное детство... и легкие текучие следы на серебристой отмели... мои следы, смытые шелестящей волной... одной волной...

Тогда я резко поднимаю палую сонную голову над высокой бесшумной волной и начинаю изо всех сил бить по воде руками и ногами, я просыпаюсь, я выбираюсь из смертной, засасывающей, коварной колыбели, я плыву к берегу, к ночному туманному холодному берегу. Но к берегу!.. Я выхожу на лунную серебристую отмель и, дрожа от холода и страха, бегу по холодному ночному песку, и за мной на песке бегут, тянутся живые мои следы. Живые следы!.. Мои!..

Ах, река Коко!.. Колыбель, едва не ставшая сава-

ном!.. Всю ночь я иду вдоль белой лунной реки и дрожащими губами пою песню о реке и пловце.

Ночная ночная река ночная река ночная река меж берегов
плескала шало

Ночница река река ночная ночевая река ночная шастала
волнами холодами

Пловца вобравши сберегала гладко зазывала забирала
останавливала валко уносил ублажала

Река река ночная колеблемая колыбель пловца пловца
приливами отливами смиренными ласкала огибала

Баюкала дитя пловца покатосями круглостями полуночной
матери река река ночная прикасалась

Пловца пловца на утреннем песке река заветно оставляла
бездыханно

Река река ночная оставляла безвозвратно бездыханно оставляла
оставляла

Оставляла

Но Мушфики выплыл из ночной реки. Он идет по берегу. Светает уже. Вершины снежных гор ослепительно сверкают от утреннего раннего солнца. Птицы поют. Летают голуби-вахири. Рань. Хладная. Розовые дымные ветлы призрачно встают из уходящих млечных туманов. Серебристые, приречные малые тополя-туранги плещутся, трепещут от утренних ветерков. Ах, эти утренние, живые, родные, азиатские ветерки щекочут ноздри Мушфики!.. Эх, сейчас бы съесть горячую лепешку с тмином, прямо из пахнущего, пышущего золотым жаром утреннего танура — круглой глиняной печи, обмакнуть бы лепешку в густой вязкий каймок, в свежие терпкие сливки!.. Мушфики глотает слюну, и тут он слышит яростный ослиный рев и видит, как вдоль обрывистого, высокого сыпучего берега бегут друг за другом два молодых осла. Ослы бьются друг с другом, это вешний шальный бой, схватка за самку. Очумевшие животные кусают друг друга, вьются, громоздятся, бьют друг друга острыми копытами, пытаются столкнуть противника по осыпи в бушующую реку! И яро трубят, и прыгают по берегу! И морды у них пенные, злые, и глаза дикие, белые, как речные отмели!..

Мушфики с любопытством глядит на эти звериные, выпуклые, переливающиеся через веки глаза. Он берет камень и швыряет в ослов, и кричит: эй, эй, бош, бош!..

Один из ослов убегает, а другой, не обращая внимания на крик Мушфики, спускается к самой воде, поднимает голову и трубит, трубит... Как-то грустно, пронзительно, тоскливо звучит его призывный глас, и Мушфики становится жаль осла.

Осел кричит и входит в реку — все глубже и глубже... А на том берегу стоит молодая, белая, литая ослица. Неподвижная. Только ноздри ее чутко ходят. Осел трубит и все глубже и отчаянней погружается в бешеную стихию реки. Еще несколько мгновений — и сильная равнодушная река закрутит, погубит влюбленного, весеннего, напоенного, слепого зверя!

Тогда Мушфики бросается в реку, хватая осла за жесткий налитой хвост и тащит его на берег, и хохочет, хохочет! С трудом вытаскивает разъяренного осла из клокочущей реки! Ах, прекрасный осел, ты еще умудрился укусить меня за руку, и моя кровь течет по моей руке, спасшей тебя!.. Как часто мы кушаем невинную руку, спасающую нас!.. А может, не надо было спасать тебя? Может, безумно влюбленные должны погибать? И незачем тащить их из реки смерти за хвост жизни?

Мушфики хохочет.

Поникший, понурый осел уходит по тропе...

А на том берегу?.. А белая неподвижная ослица с чуткими ноздрями?.. Мушфики не верит своим глазам: тот, побежденный осел, что не выдержал честной схватки и трусливо убежал вдоль реки, спокойно идет по противоположному берегу, подходит к ослице, трубит ей, и она покорно уходит с ним в тугаи... Он перешел на тот берег по висячему деревянному мосту. Ему не пришлось бросаться в реку. Его не тащили за хвост...

Теперь Мушфики не смеется. Он глядит на уходящего, поникшего, побежденного осла. Напрасно он спас его. Смерть лучше поражения. Блаженны бросающиеся в реку, а не крадущиеся по висячему мосту...

А река темнеет. Густеет. Прибывает. Поднимается. Рушит неверные, ломкие, песчаные берега. Далеко в горах идут вешние ливни. Опасные сплошные глиняные ливни, размывающие горы. А река темнеет, звереет. Уже не прозрачные хрустальные волны, покрытые летучими, пенными кружевами, несет она. Глиняные, густые тяжкие волны вздымаются. Маслянистая, медленная река движется.

Темная...

Мушфики уходит от напалзающей воды, но она настигает его. Что-то живое бьется, вьется, трепещет у его ног. Мушфики ловко и быстро нагибается и хватает руками крутую, сильную рыбу. Это пятнистая родниковая форель. Рыба-цветок. Так ее называют горцы-таджики. Форель бьется в руках Мушфики. Он рад, что поймал ее — да еще голыми руками. Но какая-то смутная тревога, идущая от прибывающей, темнеющей реки, передается ему. Мушфики внимательно глядит на форель — из ее судорожно раскрытого рта, из глаз и едва вздрагивающих жабр текут комья глины. Рыба задыхается. Глиняная река убивает форелей, забивает им жабры и рты комьями жидкой земли. Родниковые форели умирают в глиняной реке. Они прыгают над темной водой. Их много. Их можно брать руками. Но почему-то не хочется. Грустные рыбы. Серебристые, умирающие, священные рыбы прыгают над темной, медленной, губительной рекой... Мерцают тусклой чешуей...

По реке плывут вырванные с корнями садовые деревья... Плывут невинные розовые цветущие урюки, персики... белые вишни... яблони... Плывут обломки кишлачных дувалов, кибиток, деревянные двери, суфы, столбы... Мушфики вздрагивает: по реке плывет узорчатая, пустынная гахвара-качалка...

Где-то далеко в горах долгие сплошные ливни и подземные воды сдвинули, смыли гору — та сползла и перегородила реку, вода поднялась, и обрушилась на горные прибрежные кишлаки, и смыла их, и понесла, и потопила в тяжких своих водах.

Мушфики стоит на берегу и глядит на реку. Плывут, скользят мимо него утонувшие бараны, козы,

коровы. Мушфики страшится глядеть на реку: он знает, что там должны быть и утопленники. Так всегда бывает в дни вешних ливней...

И вдруг он замер на месте и плотно сомкнул губы, чтобы не закричать. По реке плыла девочка-подросток в красном платке, повязанном до самых длинных бровей. Кишлячная кизинка с насурьмленными бровями, горянка. Глаза ее были широко раскрыты от страха, она отчаянно махала тоненькими ручонками-прутиками, пытаясь приблизиться к берегу, но тяжелая стремнина властно и медленно несла ее посередине реки. В любую минуту она могла разбиться об огромные острые валуны, высящиеся над черной глубокой рекою...

...И я бросаюсь в реку — ай, как темна река —
Я губы опускаю в рыданье ледника!..

Мушфики разбежался и прыгнул, нырнул в густые холодные волны...

Река, река, родная моя Коко, вечная колыбель-гахвара моя, помоги мне! Не забирай меня! Еще рано!.. Ты же знаешь, я еще совсем мальчишка, и мне суждена большая дорога в жизни... Меня ждут посох и свирель... Я должен веселить людей! Я стану мудрецом и острословом. Ты будешь гордиться тем, что я вырос на твоих берегах! Помоги мне, Коко! Дай мне спасти эту девчонку в красном платке. Если хочешь — возьми меня, но спаси девчонку!.. Спаси девчонку!

Ах, как холодно! Какие тяжелые, глиняные волны! Но ты уступаешь, Коко?.. Вот она, кишлячная кизинка-девчонка в красном платке, с длинными бровями и лицом, белым, как раннее яблоко!.. Эй, ты, кизинка, хватит напрасно махать руками! Хватайся за меня! Ну!.. Я вытащу тебя на берег!.. Я Мушфики из Чептуры!

Сирота!.. Давай руку!..

Мушфики весь в текучей глине, но зубы его сверкают, и он улыбается и протягивает девчонке руку.

— Не трогайте меня! Нельзя! — оскаливается девчонка.

Тогда Мушфики цепко и решительно хватает ее за красный платок — там, под платком, нащупывает он ловкой рукой россыпь плетеных смоляных косичек. Мушфики крепко держится за эти тонкие косички и тащит за них девчонку, наматывает их на руку. Ему тяжело. Девчонка бешено сопротивляется, захлебывается. Бьется в воде, как задыхающаяся форель. Крутит змеиной головкой! Но Мушфики уверенно плывет к берегу. Тащит глупую девчонку. Уже берег скоро. Мушфики едва дышит. Глокает несколько раз глиняную воду. Хватается свободной рукой за прибрежные кусты боярышника. Подтягивается к берегу и вытаскивает девчонку. Она худая и мокрая, как бездомная кошка. Мушфики, тяжело дыша и выплевывая грязь изо рта, садится на камень, все еще не выпуская из рук девичьи косички.

— Ах, река, спасибо тебе! Я чувствовал, как ты помогала мне!.. Спасибо, Коко!..

В эту секунду он чувствует пронзительную живую боль: девчонка вонзает свои острые тонкие зубки в его руку. Ах, горянка! Дикарка! Кишлячная кизинка!..

— Оставьте меня! Не смотрите на меня! Вы мужчина! Вы не должны дотрагиваться до меня и смотреть в мою сторону!.. Вы же не мой муж!..— Два смоляных, заплаканных, добрых глаза виновато глядят на Мушфики.

Он отрывает руку и видит, как на ней выступает кровь. Несмотря на боль, Мушфики хохочет: второй раз за нынешнее утро меня кусают до крови. Вначале меня укусил влюбленный осел, которого я вытащил за хвост из реки и спас от смерти, а теперь вы, моя луноликая, когда я спас и вас, вытащив за косы на берег!.. Ах я глупец!.. Интересно, кто спасет меня, когда я буду погибать, ведь у меня — увы! — нет ни хвоста, ни кос...

— Вас будут тащить за язык! Он у вас слишком

длинный! — быстро сверкнула черными глазами кизинка.

— Но ваши ресницы еще длиннее моего языка! — весело сказал Мушфики. — И опаснее, — тихо добавил он, внимательно глядя на горянку. С ее точеного замученного личика глядели на него два огромных, тихих, ивовых пруда. Глядели два ночных хауза...

...А Меджнун шел босой по улицам Бухары
И кричал, стонал и рвал на себе одежды,
И улицы были малы ему, и город огромный мал был...

Куда течет река?..

Куда?..

...Через много лет, после долгих странствий вернулся седобородый мудрец Мушфики на берега родной реки Коко.

Река обмелела. Теперь это был серебристый ручей, текущий среди камней и песков. Но Мушфики шел с дутаром по мелким высохшим берегам и пел, пел свою песню-касыду и улыбался...

У него были глаза его матери... И того барана... И Ангела... и кишлачной кизинки...

И там текла река в которой я лежал в которой протекал
в которой плыл витал стонал роптал молился
И там текла река в которой я лиился я томился жил дышал
захлебывался хрусталиями вился вился младый младый длился
И там текла река которая лелеяла
И там текла река которая которая которая была была текучей
дальней давней колыбелью волн моленных материнских
лестных ленных ленных волн влюбленных
Которая была текучей колыбелью
Которая была текучей колыбелью в осиянных во песчаных
в давних давних млечных млечных милых милых брѣгах брѣгах
брѣгах
И омывала оевала волнами забвенными протекшими мое мое
мое уж
уходящее уж утекающее тело обмелевшее уже
сомлевшее уже ушедшее ушедшее ушедшее

Утекшее...

Вспоминаю реку обмелевшую протекшую на берегах опустевших

Вспоминаю и брожу брожу брожу веселый

Ой веселый

— Как тебя зовут?

— Кумри.

— Река Коко унесла твой родной кишлак Чанги. Унесла, развеяла навек твое гнездо. Ты одна осталась живая. Река помиловала тебя. Она даровала тебе берег

жизни. Поклонись реке, помолись реке, Кумри!.. Возьми ореховый гребень, Кумри. Расчеши свои живые косы! Расчеши свои спутанные смоляные косы, густые, как арчовые нагорные леса, Кумри!.. Ах, я люблю бродить в непролазных, кудрявых, вьющихся, душмяных, терпких арчовых лесах позднею осенью! Там летает редкая птица — арчовый дубонос!.. Там таится гималайский улар... Возьми ореховый гребень, Кумри! Спрячься за камень! Поглядись в текучее зыбкое зеркало ручья-родника!.. Ты теперь сирота... Такая же, как и я... Как и мой друг Турсунджан... Нас трое сирот... Тебя принесла нам река! Поклонись, помолись реке, Кумри!..

— Река-зверь! Река-убийца! Я ненавижу ее!.. Река, река, зачем ты не взяла меня? Река, река, ты возьмешь меня, как взяла ты моего отца, мать, двух братьев... Куда ты понесла их? Я хочу догнать их... Я догоню их... Я брошу в реку ореховый гребень... Зачем он мне?.. Я хочу догнать своих близких... Мушфики и Турсунджан, отпустите меня в реку, к моим родным... Я не хочу быть сиротой... Зачем мне ореховый гребень?.. Зачем мне эти живые косы?..

— Не плачь, Кумри!..

...Но вот река отступила, отошла в прежние берега. На глиняных вязких отмелях лежали мертвые форели с черными ртами и жабрами. Лежал мертвый серебристый урожай.

— Чей это улов? — сказал Турсунджан, прибежавший из кишлака.

— Это улов смерти, — сказал Мушфики. — Он всегда богатый, этот улов.

Иные рыбины еще бились, вились, тащились, тщились на мелкой глине.

Еще тлели.

Тогда Мушфики закричал: давайте спасем их! Бросим их в реку! Река-то уже хрустальная, прозрачная, и летучие пенные кружева по ней плывут!.. Река вымоет глину из рыбьих гиблых ртов и глухих задыхающихся жабр! Давайте спасать рыб!.. Турсунджан, чего ты стоишь? Чего глядишь на мокрую кизинку с длинными косами? Чего волнуешься, чего краснеешь,

лепечешь, чего голову бритую, круглую, похожую на термезский арбуз, опускаешь?.. Это ведь я поймал, нашел кизинку! Я выловил ее из глиняной реки! Я дал ей ореховый гребень!.. Я буду ее старшим братом! Заступником!.. Я не позволю, чтобы ее увезли в тяжелой душей парандже невесты, как Амадерю!.. Турсунджан, пойдем спасать форелей!.. Пока они еще дышат!.. Бросим их в ледяную, зеркальную, родниковую реку!..

Не плачь, Кумри!.. Ты не одна в этом мире. У тебя есть Мушфики и Турсунджан. Мы твои братья...

Мушфики и Турсун шли по скользким глиняным отмелям. Ловили утхающих, судорожных, уснувших рыб и бросали их в опавшую хрустальную реку. Форели там оживали. Плескались, ликовали. Много было рыб. Они лежали на всех отмелях, вздрагивая, шевелясь, густо и тускло мерцая мелкой чешуей.

Мушфики и Турсун долго собирали их и бросали в реку Коко...

Кумри стояла на берегу. Потом она увидела маленькую трепещущую в темной остаточной луже маринку.

Рыбье дитя...

Кумри поймала рыбу проворными пальцами. Рыба билась на ее ладони. Потом Кумри бросила ее в реку. Потом она стала ловить форелей и бросать их в волны, и заигралась, забылась, зарумянилась, заулыбалась, когда скользкие тугие рыбины вылетали, выпрыгивали из ее рук...

Не плачь, Кумри!.. Трепещущая маринка!.. Улыбчивая девочка-кизинка!.. Не плачь!.. Дитя человеческое... Мы бережно опустим тебя в хрустальную реку жизни, в лепечущий Родник Бытия...

Не плачь, Кумри!.. Не бросай в реку ореховый гребень!

ТУРСУНДЖАН

...Древо дружбы посади — даст сладчайший плод!..
Древо зависти сруби — горе принесет...

Хафиз

...Кумри, ты будешь жить у нас. Мы отдадим тебе половину нашей глинобитной старой кибитки, затерявшейся в урюковых бесконечных, заброшенных садах.

Мы с Турсунджаном — садовые сторожа. Хозяин садов Аллаяр-бай диван-беги забрал в Бухару немых свирепых братьев, Хасана и Хусейна, и поставил нас на их место. Он сказал, чтобы мы были чуткими и злыми, как бродячие волкодавы. Иначе он забьет нас плетью до смерти!.. Он сказал, чтобы мы не щадили никого, кто покусится на его заброшенные, пустынные сады, кто соблазнится его золотыми неисчислимыми медовыми урюками, принадлежащими только червям, а не людям. (Иль есть люди, след которых на земле — это лишь след червя, вползшего в невинный обреченный плод? И упивающегося там?..)

Аллаяр-бай выдал нам плети-камчи, чтобы казнить, хлестать, забивать насмерть похитителей червивых плодов. Но кому нужен сад червя?.. Кумри, ты будешь жить с нами, готовить, варить нам кашу-шавлю в казане, стирать в реке наши чапаны и рубахи, печь душистые лепешки в дни праздников. Ты будешь нашей сестрой. Кумри. Младшей сестрой. Теперь наша кибитка разделится на две половины: женскую и мужскую! И никто не нарушит священной границы между нами. Мы будем беречь тебя, Кумри, мы будем охранять тебя, как сады урюковые!

Мы поставим глиняный дувал между твоим двориком-хавли и нашим, Кумри! Мы поставим глиняный дувал между нами!..

..Мы замесили глину, мы насыпали в нее мелкой желтой соломы, мы нарезали сырых глиняных кирпичей, мы положили их сушиться на солнечную, теплую, вешнюю землю, и от новорожденных кирпичей пошел дым-пар...

Мавлоно Омар Хайям, когда мы месили босыми веселыми ногами густую, всхлипывающую, податливую, щекочущую глину, я вспомнил ваш рубаи, учитель...

...У гончара седого вчера я побывал,
Из темной мертвой глины кувшин он вызывал,
И лишь слепцы не видели — но ясно я видал,
Как прах отцов далеких с его перстов спадал...

Но молодые живые ноги мои продолжали скользить, плясать в святой, взывающей, тягучей, текучей, покорной глине, мавлоно...

...Потом мы с Турсунджаном сложили из теплых, тяжелых, непросохших кирпичей высокий долгий дувал между нами и тобой, Кумри!.. Свежий саманный дувал курился и дымился на весеннем, благодатном, щедром азиатском солнце!.. Ветерок прозрачный мятный веял, слетал с цветущих деревьев!.. Курился дувал, курился, курился... Обсыхал, длился...

И вот уже ты стоишь, Кумри, ты улыбаешься за высоким долгим саманным дувалом! Еще видна над дувалом твоя змеиная быстрая головка в красном платке, повязанном до самых длинных насурьмленных бровей! Головка качается, танцует за дувалом! Гиссарские витые серебряные серьги с тонким шелестом вспыхивают в твоих ушках! Глядят два ночных, ивовых, тихих хауза-глаза!.. Куда они глядят?.. Куда течет река Коко?.. Куда глядят глаза Кумри?..

Они глядят на Турсунджана. На его бритую, нагую голову. Круглую, как термезский арбуз...

...Но ведь это я выловил утопающую кизинку из глиняной реки... Я, Мушфики... Почему же ее глаза с дувала глядят на Турсунджана?..

Тогда Мушфики поднимает с земли большой сырой кирпич и ставит его на дувал прямо перед лицом девушки. Теперь Кумри не видно. Не видно ее разливчатых вспыхивающих глаз, глядящих на Турсуна... Но тут головка девушки, но смеющаяся, хмельная, дурная, маковая головка кизинки вновь появляется над дувалом уже в другом месте. Глядят глаза мимо Мушфики...

Тогда Мушфики терпеливо закрывает ее новым кирпичом, потом маковая головка вспыхивает в другом месте, и вновь Мушфики ставит перед ней новый кирпич. И так долго. Мушфики тяжело дышит. Устал. Кирпичи тяжелые, сырые. Но дувал высок. Уже!..

Теперь нигде не восстанет девичья верткая маковая головка в красном платке, нигде не прошелестят, не сверкнут узорные гиссарские серебряные серьги...

Дувал высок. Уже...

...Чего ты стоишь, Турсунджан? Чего ты не помогаешь мне таскать тяжкие кирпичи? Иль тебе не нравится этот дувал? Эта священная извечная граница между мужчиной и женщиной? Иль ты готов ее нарушить, мой друг, мой друже?..

— Нет, Мушфики-ака. Никогда. Вы хорошо сделали, что положили эти кирпичи. Особенно последние, высокие... Теперь ее не будет видно... Голова ее не будет плясать над дувалом, как на кукольных базарных представленьях, которые так любил мой отец...

— Давай дадим клятву на Коране, что всегда и везде будем соблюдать и беречь этот дувал. Дувал...

И тут Мушфики вспомнил яблоневый дувал татарки Амадери и поник...

...На глиняной суфе перед кибиткой лежала желтая, как осенний лист, старинная священная Книга. Вешний урюковый цветущий ветерок шевелил, перебирал ее потрескавшиеся, измятые тысячами почтительных осторожных перстов ветхие страницы. Эта книга была единственным наследством, которое оставил своему сыну Турсунджану его погибший отец, знаменитый придворный масхарабоз-шут Ахмад-девона, Ахмад блаженный... Но ветхая священная Книга лежала на суфе, и вешний, урюковый, цветущий ветерок, набегая из бесконечных розовых садов, шевелил, перебирал ее потрескавшиеся, измятые, поблекшие страницы. Веял ветерок. Шелестели страницы. Дремливо струилось вешнее чептуринское небо... Курился сырой саманный дувал!..

— Турсунджан! Давай дадим клятву на Коране, что мы всегда будем соблюдать и беречь этот дувал!..

Мушфики берет в руки шелестящую, трепещущую Книгу, и наугад открывает ее на суре «Скакуны», и читает замирающим голосом...

...Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу,
Скакунами, у которых искры брызжут из-под копыт,
Нападающими по утрам на врагов,
Поднимающими пыль под ногами...

Клянусь, что я всегда буду соблюдать и беречь этот дувал между нами и Кумри!..

И Турсунджан вторит ему: клянусь скакунами, задыхающимися на бегу... клянусь, что всегда буду соблюдать и беречь этот дувал между нами и Кумри!..

Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу... поднимающими пыль под ногами...

И тут Мушфики закрывает глаза и слышит, как ветерок хладит, течет по его щекам, усам, бородке.

И тут он видит, видит тех, тех ахалтекинских, вспльчивых, переливающихся нетерпеливыми, тугими, атласными кожами жеребцов! Тех шелковых коней!

Тех, уносящих в алую, заревую, беспробудную пыль, тех, уносящихся и уносящих, уносящих навек, навсегда татарку Амадерю!

Тех, поднимающих алую пыль!..

Клянусь, что та пыль до сих пор еще не осела в душе моей, до сих пор она вздымается и носится, до сих пор она жжет мне глаза, та алая пыль!..

Клянусь алыми конями!..

Я не нарушу дувал!

Я не хочу, чтоб они уносились и уносили возлюбленную мою, первую мою, не хочу, не хочу, не хочу, чтоб уносились эти алые, алые, алые кони!..

Клянусь!..

Курился саманный дувал. Турсунджан опустил голову. Круглую, как термезский арбуз.

Веял вешний, сладкий, пряный ветер с цветущих бесконечных урюков.

Роились мириады пчел. Сады жужжали, объятые пчелами.

Сады жужжали, объятые избыточными, тучными, золотыми, медовыми пчелами...

А курился саманный высокий дувал.

А за ним не было видно маковой головки в красном платке.

А Кумри стояла, прижавшись к свежему дувалу.

А у Турсунджана голова круглая, как термезский арбуз...

И она еще кружится!.. Отчего?..

Клянусь алыми конями! Я не нарушу дувал!

Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу!..

ЛЕБЕДИ

...В белопенных садах, в белопенных садах,
ой, заблудимся, затеряемся!..

Из народной поэзии

Кто тайком приходит в цветущие урюковые сады и щедро оббивает розовые цветы? Еще не пришло время паденья розовых летучих лепестков. Кто-то сбивает их. Под многими деревьями невинно лежат они. Кто сбивает их? Ночью, под яркой, теплой, разлива-той луной — кто оббивает цветущие урюки? Иль ранним росным утром, когда крепко спят под рваными курпачами-одеялами садовые сторожа — Турсунджан, Мушфики и Кумри?.. Кто оббивает невинные, беззащитные розовые деревья?.. Кто проливает розовый пчелиный довременный цвет урюков?..

...Раннее утро. Свежо и розово в цветущих садах. Мушфики стоит под росными, дымными урюками. Зябко ему от утренней свежести. Но это утро в дымных розовых цветущих, разъятых деревьях! Это юное утро в пенных вешних садах!..

Мушфики босой бежит по садовым запущенным, густым травам, разбивая ногами алмазную росу, скользя по хрупкому ее скоротечному живому серебру!..

Бежит босой Мушфики под утренними, розовыми, пчелиными урюками, бежит, скользит по серебряной траве, падает в траву, смеется, закрывает глаза, лежит в траве и гребет, гребет руками — и ему кажется, что он плывет, плывет в травяной хрустальной мягкой реке!.. Он плывет по траве!.. Но вся трава засыпана обильными розовыми цветами... Лепестками розовыми, как сосцы далекой уже, ушедшей коровы Уляши — ее пришлось зарезать на поминки чабана Саида... Мушфики плывет в розовой реке палых мягких цветов-

лепестков! Мягкие лепестки... Розовые, как сосцы Уляши...

Ах, где ты теперь, Уляша? Где сосцы твои добрые, питающие?.. Где твоя утренняя гахвара-зыбка, Мушфики, над которой, вынув розовую виноградную грудь, засыпала усталая мать татарки Амадери, по-соседски, тайком от мужа, кормящая тебя вместо усопшей матери Кумри-ханум?..

Амадеря, мы вскормлены одним молоком, а ты умчалась на алых прощальных конях!

И вот я плыву, зарывшись, затонув в розовых мягких лепестках... Я — утренний напоенный хмельной теленок в розовой реке! Но еще не пришло время падучих, летучих лепестков... Кто оббивает?.. Кто проливает довременный безвинный цвет?.. Чу!..

Кто там плещется, полощется в розовых ветвях, сметая, сбивая обильные цветы?

Почему бушуют, трепещут, качаются цветущие урюки вокруг?

Может, от ветра, но утро тихое, а деревья шумят, осыпаются, маются...

Какие-то огромные белые существа быются, вьются, хлопочут огромными белыми крыльями в цветущих ветвях!..

И Мушфики вспоминает слова отца, чабана Саида: в ранних, вешних, пустынных садах плещутся белокрылые, белогрудые осиянные Ангелы Жизни!.. И очень немногим из людей удастся увидеть их...

Чабан Саид прожил долгую честную жизнь, но так и не увидел Ангелов Жизни. Он провел дни бытия среди баранов и волкодавов. Может, в дыму кальяна явились ему белогрудые Ангелы Жизни?.. И только чистые душой люди увидят Ангелов Жизни воочию в цветущих утренних садах!..

Только чистые душой люди увидят осиянных Ангелов Жизни...

Мушфики, задыхаясь, бежит по розовым травам к своей кибитке, где спят Кумри и Турсунджан. Он кричит. Он будит их, сонных, пухлогубых. Они выскаки-

вают испуганные, худые, веселые из теплых рваных цветастых курпачей-одеял. Он кричит за дувал: эй, Кумри, вставай! Там, в деревьях, плещутся Ангелы Жизни! Это они оббивают цвет! Скорей одевайся! Они могут улететь — и ты никогда в жизни не увидишь их! Они один раз в жизни прилетают! Сегодня ночь Аль-Кадра, когда ангелы сходят на землю, когда пророку являются последние откровения!.. И до появления зари царит в эту ночь мир!.. Быстрее, Турсунджан, не то они улетят, и только палые цветы останутся на земле!.. Быстрее! Бежим!.. Бежим!..

...Ха-ха-ха! Какие же это ангелы?! Это перелетные белые лебеди! Они летят из Индии на север, в страну россов. Они ночуют на серебристых тихих заводях реки Коко. Они прилетают в цветущие сады, чтобы потереться, побиться, почесаться зудящими от птичьих роящихся блох крыльями о розовые острые ветви урюков. Они стряхивают блох о ветви. Поэтому плещутся зудящими, болящими белыми крыльями в цветущих деревьях, и блохи прыгают на светлые цветы, приняв их за продолженье крыльев. Это не небесные ангелы! Это индийские земные лебеди, стряхивающие жгучих блох!.. Ха-ха-ха! Эх, Мушфики-ака!.. Разве у ангелов есть блохи? Поглядите, как прыгают черные блохи по розовым лепесткам!.. Эй, птицы! Бош, бош! Пошли! Пошли отсюда! Хватит губить цвет!.. Мушфики и Кумри, помогите мне прогнать их!.. Бош! Бош!.. Пошли!..

Огромные потревоженные птицы тяжело срывались с ветвей и улетали. Турсунджан и Кумри весело бежали, бежали за ними и звонкими утренними голосами кричали изо всех сил: бош! Бош! Пошли! Пошли отсюда!..

А Мушфики стоял, опустив голову с долгой детской косичкой. Невинная эта косичка означала, что он был единственным сыном в семье. Но семьи-то уже не было. И детства тоже. И косичка была не нужна уже. В этот день Мушфики срезал ее. Он уже не мальчик, а юноша. Он бросил косичку в реку Коко, и она поплыла по быстрым пенным волнам!..

Куда течет река Коко? Куда она уносит косичку его детства?.. Куда?..

...Это не небесные, осиянные, белогрудые, белокрылые Ангелы Жизни! Это индийские земные лебеди, строящие с крыльев жгучих блох!..

...Нет!.. Это были Ангелы Жизни!.. И они улетели, когда Мушфики позвал Турсунджана и Кумри. Они ведь только раз являются людям... Это были Ангелы Жизни... Они оставили розовые цветы, обильные, палые розовые цветы на траве! Мушфики всем телом зарылся в мягкие эти цветы!..

НОЧЬ

...Скоро, скоро тревожная ночь —
Утешенья ничтожные — прочь! —
Не помочь потерявшему разум,
И верблюдам вдали — не помочь!..

Хафиз

Не спится летней короткой ночью в урюковых отягощенных золотыми несметными плодами садах, садах, садах. Не спится в пустынных избыточных садах, садах. Не спится в летних садах...

Мушфики и Турсунджан лежат на паласе, расстеленном под деревьями. Душно, что ли?.. Но в садах веет, реет ночной речной ветерок — вдали глухо и сонно шумит река Коко. И Турсунджан спит, открыв доверчивый рот. И кричат дремливые цикады. И красная, как поздняя тыква, стоит в небе близкая луна.

А Мушфики не спится, хотя он и лежит на паласе с закрытыми глазами. Какие-то странные, шелестящие, обрывистые звуки слышатся в саду. Сад полон этих быстрых, частых, живых звуков. Что это?..

Что-то больно ударяет Мушфики по щеке, потом по животу, по ногам... Мушфики открывает глаза и вскакивает: на паласе растекаются золотые палые урюки. С деревьев летит золотой град перезревших плодов!..

Вот золотой напоенный шар-плод падает прямо в открытый рот спящего Турсунджана. Турсунджан мычит, крутит головой, но не просыпается. Золотой мягкий распавшийся урюк течет, тянется по его пухлым спящим губам.

Мушфики улыбается. Потом он переносит сонного Турсунджана под белый тополь, растущий у самой кибитки. Турсунджан спит.

А сад полон тревожных шелестящих глухих звуков. Это звуки несметных падающих плодов. Это Ночь Падающих Плодов. В такую ночь навек влюбляются друг в друга люди...

Мушфики неслышно подходит к дувалу, прижимается к нему и прислушивается: там, за дувалом, тихо. Только плоды опадают. Золотой град ночных, падучих, пахучих, истекающих, прорывающихся через тонкие изнемогшие кожи, золотых плодов!

...Ты спишь, Кумри?..

Золотые урюки не бьют тебя по яблоневому лицу с длинными насурьмленными бровями?.. Золотые урюки не бьют тебя, не текут медово по твоему лунному лицу? Ты спишь в красном платке или снимаешь его на ночь?.. Золотые разъятые урюки не текут по твоему лицу, по черной жгучей родинке над верхней пухлой губой?..

Ах, дальний ушедший сладкопевец, шейх Ходжа Хафиз, вы написали великий бейт, разгневавший победителя вселенной амира Тимура, вы написали вечный бейт об этой родинке, муаллим, о родинке Кумри, спящей за дувалом? Вы о ней написали, учитель?..

...Если эта ширазская турчанка заберет мое сердце с собой —
За одну ее жгучую родинку я отдам Самарканд с Бухарой!..

Вы об этой родинке написали, муаллим, ибо, как палый урюк, растеклась, распалась империя Тимура, а родинка сияет на юном лице! А родинка оказалась сильнее империи!.. А красота долговечней державных мавзолеев!.. Ах, живая родинка! дышащая! спящая! невинная! трепетная! Вы об этой родинке говорили, мавлоно?..

Кумри, ты спишь? Золотой урюк не упал на черную родинку? Не сокрыл ее? Ты спишь, Кумри?.. Кумри! Кумри... Спишь?.. Я не нарушу клятву о дувале!

Клянусь алыми конями!.. Не нарушу!.. Ты спишь, Кумри?.. Ты спишь в ночь падающих плодов, в Ночь Падающих Плодов?! Спишь, Кумри?..

— Нет, Мушфики-ака. Я не сплю. Я стою у дувала. Мне урюк попал в рот. Сладкий!..

— И Турсунджану тоже урюк попал в рот. Вы оба счастливые, Кумри! Вам золотые урюки попали в рот в ночь падающих плодов!.. А меня они хлестали по щекам... Только по щекам...

Блаженны счастливы, которым урюки падают прямо в рот в Ночь Падающих Плодов!.. Такие люди навек полюбят друг друга! До смерти прилепятся друг к другу! Жизнь их полна будет золотых, терпких, изливающих душистую сладость плодов!.. А меня они только хлестали по щекам!..

— Мушфики-ака, разбудите Турсунджана. Выньте золотой урюк из его рта. Мне страшно. Река Коко там, в туманных тугаях, шумит. Она зовет меня. Там отец, мать и два братика плывут. Они зовут меня. Они плачут и кричат: Кумри, Кумри, старшая сестра, апа Кумри, зачем ты оставила нас одних в реке? Тут холодно и мокро, апа... Доченька, дай мне руку с берега... я все хватаюсь за ветки прибрежных ветел — но они обрываются, эти сохлые, серые ветки, и река уносит, уносит меня. Дай мне руку с берега... Или лучше плыви сюда — зачем тебе этот берег без нас? Зачем тебе берег сиротства?.. Разбудите Турсунджана, Мушфики-ака. Мне страшно... Там река Коко в туманных тугаях шумит, зовет. Голоса слышатся...

— Турсунджан, вставай. Просыпайся. Съешь золотой урюк. Иди к дувалу. Там Кумри. А я буду спать. Я лягу на палас. Под белым тополем. Хорошо, что с тополя не падают золотые плоды. Можно спать спокойно...

Я ложусь на палас и закрываю глаза. Тополь шелестит надо мной. Огромный. Лунный. Белый тополь. Серебряный. Хорошо, что с тополя не падают золотые плоды. Пусть они падают на Кумри и Турсунджана. Я лежу на паласе под лепечущим тополем и шепчу касыду.

Маленькую касыду о белом тополе...

Я пою касыду, и тут на мое лицо падает что-то ползучее, вязкое, живое.

Я открываю глаза и вижу огромного черного жесткого жука-короеда. Я сметаю его рукой с лица и встаю с паласа. Гляжу, содрогаясь от брезгливости и древнего пещерного ужаса — по паласу ползают короеды. Их много. Они густо и бесшумно падают, слетают с дерева. С белого беззащитного тополя.

И тут я впервые вижу, что тополь мертв. Высох. Он изъеден короедами. Он весь белый, белый, этот тополь. Седой, мертвый. Нет на нем ни одного зеленого листика... Только птицы глухо трепещут в темных глухих гнездах. Это индийские грачи — майна...

Тогда я бегу в кибитку и беру флейту-най, подаренную мне дервишем-муджавиром Хотамом-ходжой... Я весь дрожу...

...Придет время — посох и флейта позовут тебя!..

Может, время уже пришло? И пора уже бороться со страшным этим ползучим, незримым тлением, на которое обречено все живое? С гиблыми жесткими короедами, победившими, опустошившими живое трепетное священное дерево? Но как бороться? Как?..

...У гончара седого вчера я побывал,
Из темной мертвой глины кувшин он вызывал,
И лишь слепцы не видели — но ясно я видал,
Как прах отцов далеких с его перстов спадал...

Мушфики, мальчик, отрок, худой, с наголо обритой головой, стоит под лунным тополем, под мертвым тополем и изо всех сил дует в свирель. Веселый! Свирель веселая! Поет!.. Лицо его улыбается. Свирель поддается ему. Впервые слушается его. Податливая, веселая, курчавая, как каракулевый бухарский барашек, свирель-най пляшет, струится в его губах. Льнет к детским губам.

Древняя свирель. Певучая. Ночная. Лунная... Струится... Глохнет... Потом Мушфики отрывает най от губ и поет касыду о Белом Тополе...

Тополь средь ночи тополь возносится стволом жемчужным
в облако возносится

Тополь ночи

В гнездах поздних птицы ночи плодоносят яйценосят долго сонно

И по стволу яйцо течет и льнет и льется тянется мелово упоенно
Тополь тополь ночи ночи ночи тополь короедов ленных полный
полный

Тополь
Обреченный

Тополь-то умер, но касыда, касыда останется... Ее
будут читать люди, петь хафизы, бродячие певцы.

А тополь умер... Но родил касыду...

И грачи-майна шевелятся в живых гнездах средь
мертвых белых ветвей...

А у саманного дувала тихо стоял Турсунджан с
круглой, как термезский арбуз, головой. А там, за ду-
валом, прижавшись к нему дрожащим телом, стояла
Кумри, и над ними была блаженная, душистая ночь
падающих золотых урюков. Над ними была святая
Ночь Падающих Плодов!..

А Мушфики стоял со свирелью под лунным белым
тополем, и на него неслышно сыпались с мертвого де-
рева жуки-короеды. И над ним была Ночь Падучих
Короедов. Но Мушфики улыбался. И шептал певучими
губами касыду...

— Ах, Турсунджан, Турсунджан, зачем мы давали
клятву о дувале? Клянусь алыми конями, я освобож-
даю тебя от клятвы!..

— Нет! — сказал Турсунджан. — Пусть дувал будет
высоким!..

Уже светало, светало в садах, садах, садах.

Уже светало в садах, садах.

Уже светало в садах...

Ночь Падающих Плодов, Единственная, где Ты?..
Ты опять не со мной.

ОХОТА

Убей! Убей не умеющего
убивать без дрожи!..

Амир Тимур

Уже поздняя осень!..

Уже в просторных, ясных, хладных садах жгут па-
лую золотую листву!

Уже костры неохотные, сырые чадят, горят, уже дымы витают среди опустелых деревьев!..

Горькие ползучие дымы...

Но Турсунджан и Кумри стоят по обе стороны дувала и шепчутся, смеются, молчат, таятся. Они выросли за прошедшие месяцы. Уже саманный дувал отстал. Уже саманный дувал невысок. Уже маковая головка в красном платке и круглая, как термезский арбуз, голова в ферганской пыльной тубетейке переросли недвижимый дувал. Уже они встречаются над дувалом. Уже витают. Уже!..

А Мушфики старается не глядеть в сторону дувала, а уходит в пустынные сады и там играет на нае, и жжет костры, и глядит в струящиеся, немые, осенние, азиатские небеса.

Там высоко и безмолвно летят, скользят осенние перелетные птицы. Они летят в Индию?.. А Мушфики никогда не увидит иные страны, иные земли?.. Неужели он никогда не побывает в Индии, а так и останется навек в этих червивых садах (а бывают червивые народы, пораженные червем?.. Народы Падучих Короедов?.. Народы Белого Тополя?.. И тогда приходят дервиши-пророки и изгоняют червя?.. Но я хочу к иным народам, в иные сады, в живые, в не взятые червем... Я еще молод...), в родном, но убогом, малом кишлаке Чептура? Неужели эти безмолвные птицы счастливее и вольнее его?..

Мушфики вспомнил слова дервиша Хотам-ходжи: Блаженны бродячие хафизы!.. Душа странника — благословенный караван-сарай!.. Посох и свирель позовут тебя!..

Уже зовут!

Я пойду вслед за птицами. Пора!.. Да и не могу я глядеть на две счастливых, застенчивых, улыбчивых головы над дувалом... Горячо мне в глазах становится, словно от сырого дыма осенних костров...

Пора!..

Как быстро их две головы выросли над дувалом, а голова Мушфики только поднялась вровень с ним...

Мушфики бежит к кибитке. Бросает в отцовский старый полевой хурджин несколько лепешек, сухих урючин и тутовых ягод, кладет в мешок най — свирель, берет в руки грушевый посох Хотама-ходжи.

Выходит с мешком и посохом из кибитки и идет к дувалу.

Мушфики ростом с посох. Мальчик еще...

Но блаженны выходящие в путь в дни юности своей, когда голова едва превышает высоту посоха.

Ибо мир открыт шире молодым глазам!..

Через много лет придет легендарный Мушфики в родной кишлак, в родные урюковые сады согбенным от старости и мудрости путником, и вновь седая, ветхая голова его склонится и будет вровень с посохом, как в день, когда он вышел в дорогу жизни, ибо сказано: и возвращается ветер на круги своя... А садовник в сады своя...

...Турсунджан и Кумри, прощайте! Я ухожу. Оставайтесь в садах... Уже птицы летят... Уже из ущелий веет осенней прохладой... Когда я был совсем маленьким, проходя люли-цыганка по моим голым ступням нагадала мне бесконечную дорогу! Всем она гадала по рукам, а мне по ногам!.. Всем по ладони, а мне по пяткам! — и маленький путник с огромным мешком-хурджином и посохом улыбался. Он шутил на прощанье, этот маленький мудрец, уже познавший горечь первой любви. И первой смерти. А впереди была еще более щемящая и ранящая разлука с другом, с Турсунджаном круглоголовым... Ах, неужели детство — это одни потери и разлуки?.. Одни горькие, сырые, осенние костры в опустелых, грустных, хладных садах?..

— Не уходите, Мушфики-ака: Вы же наш старший брат. Кто защитит нас? Я все слышу, слышу голоса с реки, из туманных глухих тугаев. Они зовут меня. Не уходите, Мушфики-ака, старший брат-защитник...

Не уходите... — сказала маковая головка с дувала и заплакала. Слеза алмазная, родниковая дошла до смоляной родинки над верхней губой. Дошла... Встала... Колеблется!.. — Мушфики-ака, не бросайте нас... Я не нарушу клятву о дувале! Это моя голова сама выросла над дувалом. Давайте, ака, замесим новые кирпичи и поставим их на дувал. Я не нарушу клятву. Клянусь алыми конями... Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу!.. Не нарушу...

— Турсунджан, смешной, родной Турсунджан, я ухажу за перелетными птицами, я стану бродячим дервишем-хафизом. Не надо месить новые кирпичи. Надо разобрать этот дувал и построить из него семейный танур-очаг... Клянусь алыми конями!.. Прощайте, Турсунджан и Кумри. Вспоминайте меня, когда полетят перелетные птицы... Когда полетят перелетные птицы... Турсунджан, вспоминай меня... Я спою тебе прощальную песню-касыду... О друге...

И Мушфики запел...

Вспомни дружe дружe дальний когда завет из ущелий
Вспомни дружe дружe дальний когда завет из ущелий из осенних
Вспомни дружe дружe дальний когда завет из ущелий

из осенних из
моленных из пресветлых

Вспомни дружe дружe дальний когда чинара облетит
Когда отсталый стылый лебедь в азийских высях просквизит
Вспомни дружe в рощах ясных
В карагачах в арчах в фисташках
Вспомни в поздних рощах хладных
Вспомни дружe дальний дальний когда завет из ущелий
Когда ледник родящий реку заледенеет замелеет
Когда родник поящий дервиша залъется луговой свирелью
сырой серебристою свирелью
младой волнистою свирелью
овечьей мшистою свирелью
Вспомни дружe дружe дальний когда завет из ущелий
Когда завет из ущелий
Вспомни дружe
О
Осенний...

И тут Мушфики повернулся и быстро пошел прочь от кибитки, а Турсунджан рванулся, и побежал за ним, и кричал, кричал: останьтесь, ака... Не уходите!.. Но потом он отстал, отстал, отстал, и маленький путник с огромным полупустым мешком-хурджином и груше-

вым посохом ни разу не обернулся и быстро, быстро уходил, ловко и сильно ступая отцовскими дряхлыми каушами по палой, мягкой, бесшумной, золотой урюковой листве. И пропал, затерялся в дымящихся садах... Тогда Турсунджан повернулся и пошел к дувалу...

...Не уходите, ака... Не уходите... Мы замесим новые саманные кирпичи и поставим их на дувал... Клянусь алыми конями... Зачем это теперь?.. Воспомни, друже, друже дальний, когда завет из ущелий!.. Вспоминайте меня, когда полетят перелетные птицы! Прощайте, Мушфики-ака!.. Прощайте... Здравствуй, Кумри... Моя невеста... Мы пойдем в сады осенние. По обычаю наших отцов — я впереди, а ты на несколько шагов сзади, как жена любящая, покорная... Здравствуй, Кумри... Моя невеста...

— Там, на реке, голоса слышны... Зовут меня, Турсунджан... Не ходите нам по садам осенним — вам впереди, а мне сзади, как жене любящей, покорной...

...Над опавшими садами бесшумно и ровно летели перелетные птицы. Холодные, осенние, высокие птицы. Мушфики стоял у реки Коко и, задрав голову, глядел на журавлиный чеканный клин. Было что-то неживое в молчаливом небесном строе уходящих птиц. Осенние птицы словно четко застыли в небе...

А весной они тянутся лепетливой, живой, говорливой беспорядочной нитью в теплом, дышащем, переливчатом небе... Я люблю весенних птиц! Я люблю их хаотические, наплывающие, низкие, близкие живые стаи!.. Их голоса похожи на голос моего най!.. Наверное, мой най был некогда птицей! Весенней птицей!.. Я люблю весенние стаи...

Но осенние, четкие, хладные птицы летят. Но холодные безмолвные птицы летят в осеннем стеклянном небе...

И вдруг!.. Вдруг!.. О Аллах!.. Что это?..

...Чи-то гортанные, шальные, хмельные голоса несутся с противоположного берега реки. Джоон! Джоон! Эй, бош бош бош! Эй, душа! Эй! Эй! Эй, душа душа! Ай! Ой! Джоон! Джоон!.. Ха-ха-ха!.. Хватай его! Бей! Насмерть! Убивать без дрожи, без трепета! Сразу! Наповал! Эй, душа!.. Зажигай тугай!.. Зажигай! Веселей!.. Эй! Эй. эй!..

Горят и дымятся тугай и приречные сухие камыши. Горит берег. Пламя бежит, льется по камышам. Золотое. Нежное...

Вылетают из густого дыма трепещущие фазаны. Бьются, хлопают радужными перьями в воздухе.

У них крылья горят. Вспыхивают.

Как быстро горят, трепещут живые крылья!.. Быстреей мертвых камышей!..

Обгорелые, похожие на черные комья глины, фазаны падают в реку...

Из высоких зарослей ивняка и туранги выскакивают несколько богато одетых всадников с длинными монгольскими луками и стрелами в руках. Они хохочут. У них лица пьяные, хищные. Они явно иль напились вина, иль накурились анаши.

Мушфики узнает Аллаяра-бая диван-беги, немых, ощерившихся братьев Хасана и Хусейна и усатых, дико вопящих сарбазов-есаулов с дамасскими полыхающими клинками в руках: эй, джоон! Джоон! Убивай без дрожи! без трепета! без крови!..

Но кого убивай?.. Кого?..

Мушфики прячется за большой придорожный камень и осторожно выглядывает из-за него.

Пьяные, хохочущие, вопящие всадники носятся по горящему берегу.

— Давай по мосту на ту сторону. Подождем их там. Им некуда больше деться. Они сами придут к нам! Прямо в руки! Ха-ха-ха! Эй, джоон! — кричит Аллаяр-бай, и узкие его степные, барласские глаза сверкают мутным беспокойным огнем. От анаши. Шалые, слепые глаза. Опасные...

Всадники с ходу бросаются на шаткий деревянный мост, тонко повисший над бурной, клокочущей рекой Коко. Скачут пьяные всадники по хрупкому мосту. Хохочут! Слепые и раздольные от анаши!.. Мост изогнулся, трепещет под ними, как шея цыпленка под ножом, но всадники только кричат и хохочут. Пляшут кони на качающемся мосту, готовом вот-вот рухнуть, порваться.

Те самые, атласные, ахалтекинские, шелковые, алые, что увезли Амадерю. Мушфики узнает их...

...Вот бы мост порвался, провалился, не выдержал! И река бы остудила этих коней! этих накурившихся, пьяных людей, от которых исходит дух крови и смерти!..

— Эй, джоон! Эй, убивай без дрожи! Без трепета! Без крови! Наповал! Сразу!..

Кони прошли по мосту. Пьяные всадники быстро и ловко спрыгнули с коней на землю, и попрятались за придорожные камни, и затаились с луками и клинками. Неожиданно тихо стало. Только река шумела. Только противоположный берег быстро и мягко горел. Только трещали золотые камыши, и дымились сырые тугаи, и падали в реку обгорелые фазаны...

— Эй, убивай без дрожи! — прокричал из-за камней хмельной невидимый голос Аллаяра-бая.

...Кого убивай?.. Эй, неужели?! Ай!..

Вначале из дымящихся тугаев царственно выплыли высокие ветвистые рога, а потом у висячего, еще качающегося моста появился огромный олень. Бухарский золотой олень-хангул. «Ханский цветок» — так его прозвали в народе...

Вслед за оленем на берег выскочила самка-олениха и олененок-сосунок. Все трое, застыв, замерев, чутко шевелили, подрагивали влажными глубокими ноздрями. Наконец самец издал резкий острый крик, похожий на свист, и медленно ступил на шаткий, сразу прогнувшийся мост. За ним осторожно пошли олениха и сосунок...

...Неужели они будут стрелять в оленей?.. Ведь у оленей сейчас гон, и всякая охота запрещена. Но запрещена она кем? Самим Аллаяром-баем. И, значит, ему-то она позволена, а всем остальным запрещена!.. А ему позволена!.. Но ведь у них сейчас гон. Они сейчас слепые, беззащитные. У них ноздри не чуют ничего, кроме друг друга. Не чуют смертной подкрадывающейся последней стрелы. У них сейчас оленья любовь... Разве можно убивать влюбленных?..

— Эй, убивай без дрожи! Наповал! — прокричал нетерпеливый гортанный голос, и тугая, хлесткая стрела метнулась, вышла из-за камней и с сырым каким-то жадным звуком вошла, впадала, вомчалась в большой текущий глаз самца.

Огромный олень скосил оставшийся, побелевший, помертвевший сразу снежный глаз, как-то присел, изогнулся, пошел крупной дрожью-рябью и вдруг высоко и нелепо прыгнул над шатким узким мостом, упал в реку и вмиг пропал в волнах. Он был уже мертвый, когда прыгал над мостом и падал в воду, и потом сразу утонул.

Вторая стрела пробила шею самки, и она сразу сломалась, осела, упала на все четыре ноги на самом краю моста и стала мотать непослушной, чужой головой, а потом вдруг уронила ее, уложила между передних ног, словно уснула.

Не было ни крови, ни дрожи. Смерть мгновенной была...

— Эй, джоон! Я из рода барласов! Я потомок великого амира Тимура! Я умею убивать без дрожи! без трепета! наповал! с первой стрелы! без крови! Я даю смерть мгновенную! Горячую! Сладкую! Сочную! Ха-ха-ха!.. Горе тому, кто не умеет убивать без дрожи, без крови! Горе тому в государстве нашем!.. Джахангир Тимур, мой предок, сказал: убей! Убей не умеющего убивать без дрожи... Без дрожи в жертве и в себе! Ибо дрожь жертвы может перейти, перекинуться к охотнику! И я даю смерть точную, сладкую!.. Даже пьяный!.. Даже накурившийся анаши!.. Ха-ха!.. А этого сосунка мы поймаем руками! Не стреляйте в него. Ловите его. Окружайте! — Аллаяр-бай и его спутники выскочили из-за камней и бросились к мосту.

...А олененок-сосунок стоял на самом краю моста, уткнувшись недоуменными нервными, дергающимися ноздрями в мертвый бок матери оленихи. Обнюхивал. Поднимал голову и глядел на реку...

Пьяные охотники с воплями и криками приближались к мосту. Впереди всех бежал тучный Аллаяр-бай в высоких охотничьих лаковых сапогах, в узком коротком облегающем чапане, схваченном широким поясом-миенбандом. Пояс был унизан драгоценными камнями: бадахшанскими лалами, индийским жемчугом, персидской бирюзой. На голове у него была белая легкая шелковая занданийская чалма... Аллаяр-бай бежал, тяжело дыша, растопыбив толстые красные пальцы: бош! Эй, джоон! Иди сюда, сосунок! Чего ты тычешься в мертвую мать? Ха-ха-ха! Иди сюда! Ах ты, сиротка!.. Я возьму тебя с собой в Бухару! Я подарю тебя Абдулле-хану!.. Иди сюда!..

Олененок метался по мосту. Сзади него был горящий дымящийся берег и мертвая олениха-мать, через которую он так и не решился перепрыгнуть. Тогда он рванулся навстречу орущим, пьяным, хохочущим охотникам и, на бегу резко увернувшись от красных толстых пальцев Аллаяра-бая, изо всех сил бросился бежать вдоль реки, а потом свернул в урюковые бесконечные сады и помчался по алым, золотым, мягким, холодным листьям...

— Эй, он побежал в мои сады! Там мы его и поймем. Нам помогут мои сторожа-мальчишки Турсун и Мушфики! — И пьяные охотники ринулись в сады вслед за олененком...

Горели камыши и тугаи на противоположном берегу. Как комья сухой глины, падали в реку обгоревшие фазаны. Лежала на мосту мертвая олениха...

...Но ведь у них сейчас гон! Они сейчас слепые. Беззащитные. У них сейчас оленья любви! Разве можно убивать влюбленных? Разве можно?...

— Ай, я не успею предупредить Турсунджана и Кумри!..

Я бросаю хурджин и посох на землю! Я бегу, я задыхаюсь, я тону в палых листьях, я подбегаю к кибитке, я прячусь за белый тополь... Поздно!..

Поздно...

Хохочет Аллаяр-бай. У него глаза слезятся. Узкие, степные, барласские глаза. Они горят беспокойным, шальным огнем. Звериные глаза. От анаши. И смех тоже звериный, беспокойный. Тоже от анаши.

— Турсун, а где этот сын чабана, это гиблое, гнилое семя опиекурильщика, Мушфики?

Турсунджан не умеет лгать.

— Домулло, он взял дорожный хурджин и посох и пошел бродить по дорогам. Он решил стать странствующим хафизом. Ему цыганка по пяткам нагадала большую дорогу, и он пошел вслед за перелетными птицами...

Глаза Аллаяра-бая горят, роятся мутным звериным огнем.

— Я найду его и дам ему сто палок по его кочевым пяткам! Как он мог оставить без присмотра мои сады?! Уж я-то разобью камчой его пятки!.. А откуда здесь дувал? Кто его поставил? Или в кибитке появилась женщина? Ха-ха-ха! Ты не женился ли? Не разделил ли дом на две половины — мужскую и женскую?.. Ха-ха-ха! Турсун, ты не видел тут беглого сосунка-олененка?..

И тут Аллаяр-бай поперхнулся и замолк, и его хохочущие, визжащие, как дикие кабаны, спутники тоже вмиг притихли.

Над дувалом появилась и тут же исчезла испуганная маковая головка в красном платке. Со смоляной родинкой над верхней припухлой детской губой...

— Кто это? — протирая слезящиеся глаза толстыми красными пальцами, тихо сказал Аллаяр-бай. — Или это пьяное виденье? Бред? Кайф? Кто это? — дико завизжал он. — Кто? Кто?.. Турсун, кто это! У нее глаза сосунка-олененка!..

— Это моя невеста Кумри.

— Джоон! Душа! Значит, это не кайф! Клянусь

всей анашой священной Бухары и Мавераннахра — это та самая родинка, о которой писал шейх Хафиз!..

...Если эта ширазская турчанка заберет мое сердце с собой.
За одну ее жгучую родинку я отдам Самарканд с Бухарой!

И она твоя невеста?.. Ха-ха-ха!.. Мальчишка... Сиротка... Отдай ее мне!.. Я подарю тебе эти сады. Я щедрый. Я отдаю тебе эти бескрайние сады за эту тленную, быстробегущую, преходящую родинку... Ха-ха-ха!.. Отдаю бескрайние сады за крохотную родинку!..

— Нет, домулло. Она моя невеста и станет моей женой, когда вырастет на две головы над дувалом.

— Ха-ха-ха!.. Мы любим юные сквозящие стебли, курчавые зеленые побеги, а не налитые соками земли серые стволы!.. Мы любим ранние зеленые плоды, набивающие сладкую оскомину! Нам достаточно того, что она возвышается над дувалом на одну голову!.. Ха-ха-ха!.. А если ты будешь противиться — мы возьмем ее силой, и ты останешься без родинки и без садов!.. Решай, Турсун! Решай, сирота! Решай, мальчик!.. Я не хочу тебя обижать... Священная книга запрещает обижать сирот... Я милостив и щедр к тебе...

— Нет, домулло.

— Эй, Хусейн, Хасан, привяжите его к тому урюку. Пусть остынет... Вот так!.. А теперь тащите сюда ту девчонку, ту родинку!.. Вот это настоящая охота! Джоон!.. Она кусается! Извивается! Змея! Змейка!.. Ха-ха-ха!.. Возьми мой пояс-миенбанд — свяжите ее! Вот так! Эй, есаул, положи ее на коня! Вот это добыча! Охота! Джоон!.. Эй, Махмуд-мирахур, принеси чилим... Покурим и поедем! Джоон! Эй, какая охота! Какая добыча!.. Какой чилим сладкий! Ай, дым!.. Эй, Турсун, хочешь попробовать? Сразу все забудешь! Добрым станешь, улыбочивым! Сам отдашь мне родинку! Сады взамен возьмешь! Коран запрещает обижать сирот...

— Домулло, я убью вас. Развяжите меня — и я убью вас. Вы боитесь меня, мальчишку? Вы, великий Аллайр-бай диван-беги, потомок самого амира Тимура, боитесь простого мальчишку-садовника? Вы, умеющий убивать без дрожи?! Ха-ха-ха!.. По древнему обычаю наших гор, если два джигита, два палвана, влюбляются

в одну девушку, они бросаются в реку и в волнах решают свой спор... Кто останется живым и выплывет на берег — тот и победитель! Вы же родом из наших мест, вы знаете этот обычай! Пойдемте к реке, и я утоплю вас своими худыми голыми руками! Иль вы боитесь, потомок бесстрашного амира? О, если б великий амир знал, что у него будут такие потомки? Он бы задушил всех своих жен!.. Пойдемте к реке, домулло! Пойдемте, джигит, палван, ворующий чужих невест! Я голыми руками утоплю вас по древнему обычаю!..

Аллаяр-бай сидит на глиняной суфе и задумчиво, забывчиво курит чилим. Поднимает тяжелую дремливую голову со звериными желтыми плывущими глазами. Медленно и густо хохочет. Слезы текут из узких степных глаз. Потом ударом лакового длинного сапога он отбрасывает чилим.

— Эй, Махмуд-мирахур, развяжи мальчишку. Пойдем к реке. Будем джигитами. Соблюдаем древний обычай наших гор... Ха-ха-ха! Мне ведь надо искупаться, чтобы дым в голове прошел... А заодно мы подарим реке этого непочтительного отрока. Джоон! Поехали к реке! Скорей! Эй, опять охота! Опять нужно убивать без дрожи!.. Джоон!.. Душа пляшет!.. Дым гуляет в жилах! Кайф!..

...Они идут мимо меня, мимо белого тополя: Аллаяр-бай, Турсунджан, усатые есаулы, Хасан и Хусейн. Махмуд-мирахур ведет за собой коня, поперек которого на седле лежит связанная драгоценным поясом-миенбандом Аллаяра-бая Кумри...

Что я могу сделать? Что?.. Если я обнаружу себя — они растерзают меня... Но я должен помочь Турсунджану и Кумри. Но как? Как?..

Осторожно таясь за деревьями, я крадусь вслед за ними к реке...

Противоположный берег уже не горит. Только дымится. Черный берег. Пламя ушло дальше...

...Турсунджан, круглоголовый мой друг, мой садовник Турсунджан, худой, ты идешь по всяческому деревянному мосту над бешеной рекой! Ты осторожно пере-

прыгиваешь через мертвую олениху с пробитой безвольной шеей, ты идешь по мосту на тот черный, тлеющий берег. Ты встаешь на том пустынном мертвом берегу, ты раздеваешься и высоко вверх поднимаешь руки, худые мальчишеские руки, чтобы показать, что у тебя нет в руках никакого оружия — ни ножа, ни камня. Ты стоишь голый, босой, солнечный. Ты готов броситься в реку и в волнах вступить в смертную схватку с Алляром-баем. Ты солнечный...

Река Коко, помоги ему!

А на этом берегу стоит Алляйр-бай. Он хохочет. Он в лаковых длинных сапогах и в белой шелковой рубаше, он снял только чапан и чалму, он тоже поднимает вверх руки с короткими толстыми пальцами... Хохочет. Накурился... Но глаза у него неожиданно резкие, ясные, и нет в них текучего, дымного, шального хмеля. Он зверь. Охотник...

Махмуд-мирахур бежит на мост и останавливается на его середине. Он резко поднимает вверх обе руки. Тишина. Только ревет река, только вьет смертные водовороты, только глухо перекачивает по дну валуны.

— Бош! Джоон! Эй! Охота! — истошно вопит Махмуд-мирахур, опуская обе руки.

Турсунджан и Алляйр-бай бросаются в реку. Плывают. Встречаются. Река быстро уносит их. Есаулы с пьяными криками, воплями бегут по берегу. Вдоль реки...

Я тоже бегу вдоль реки!

Река, река, помоги ему!

...Турсунджан хватается Алляйра-бая за бороду. Они тонут и вновь возникают в быстрых ярых волнах. Машут руками. Цепляются друг за друга. Скользят. Бьются. Захлебываются. Уносит их хрустальная дремучая река. Пьяные есаулы от них отстают. Я бегу вровень с ними...

...Река, река, помоги ему!..

Аллаяр-бай захлебывается, бьется. Мелькают в воздухе красные беспомощные пальцы! Турсунджан цепко держит его за бороду, наматывая ее на ловкую свою руку...

Но!

Что это?! Стой!.. Подождите, домулло! Эй, подождите!.. Ай!.. Откуда он у вас? Откуда?.. Вы вытащили его из лакового сапога. Узкий короткий ура-тюбинский нож. С месяцеобразным обоюдоострым концом. Таким ножом мой отец резал больных ягнят. Сладкий нож. Он входит сразу в тело. Как в воду... Подождите, домулло! Это же нечестно! Древний обычай запрещает пользоваться оружием!.. Только руками можно...

...Я кричу?.. Бегу... Подождите, домулло! Ай!..

Турсунджан плещется в волнах, крутится, бьется, убирая, отстраняя круглую свою нагую голову от ножа. Но сколько он может храниться?.. Ускользнуть?.. Сколько?..

Нож сразу мягко входит в глаз. Как стрела в глаз оленя.

Эй! Джоон! Душа! Кайф!.. Убивай без дрожи!..

...Турсунджан, друг, почему ты сразу разжимаешь руку и отпускаешь бороду Аллаяра-бая? Почему уже не плещешься, не бьешься, не крутишься, не вьешься в волнах? Почему сразу река быстрее уносит тебя? Почему ты тонешь, уходишь, падаешь? Почему твоя голова красная? Почему одна волна набегает и смывает кровь, но голова тут же вновь делается красной? Твоя голова! Круглая, как термезский арбуз!

Термезские арбузы самые сладкие, самые сочные, самые красные! Продавцы на базарах всегда продают их на взрез... Но никто не режет эти арбузы — все знают, что они сладкие и красные... Зачем же зарезали твою голову? Зачем она красная? Зачем она пропала в волнах?..

...Я кричу? Я бегу вдоль берега? Я стою на берегу, а Турсунджана уже нет?..

...Мушфики-ака, не бросайте нас. Я не нарушу клятву о дувале. Это моя голова сама выросла над дувалом. Давайте, ака, замесим новые кирпичи и поставим их на дувал. Закроем Кумри. Клянусь алыми конями! Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу, я не нарушу клятву о дувале...

...Коко, помоги мне...

Я бросаюсь в реку. Я плыву к Аллаяру-баю.

— Эй! Джоон! Гнилое гиблое семя опикуруильщика! И ты хочешь на дно! Клянусь всей анашой Мавераннахра — тебя-то я убью с первого удара! Эй, подставляй глаз! Мой нож жаждет твоего гнезда! Живых ножен! Ха-ха-ха!..

Я набираю полную грудь воздуха и ныряю под Аллаяра-бая. Под водою резко видны ноги в лаковых сапогах. Я обеими руками крепко обхватываю эти ноги в сапогах и тащу их ко дну. Ноги дергаются, сопротивляются. Мимо меня в быстрой смутной воде мелькает нож. Мелькает. Появляется под водой голова Аллаяра-бая. Она извивается, как водоросль. У нее выпученные белесые глаза. Я крепко держу обе ноги. Река несет нас. Аллаяр-бай задыхается. Он пытается разомкнуть, согнуть, высвободить ноги в сапогах, но я держу их крепко и тащу на дно. У меня больше воздуха, чем у Аллаяра-бая, но и я уже захлебываюсь...

...Коко, помоги мне...

У меня болят глаза от быстрой упругой воды. Донный песок попадает в них. Но закрыть их нельзя. Нельзя. Что-то серебристое опускается у моих глаз. Рыба... Нож. Рука Аллаяра-бая выпускает нож. Я крепко держу вздрагивающие ноги в лаковых длинных сапогах. Потом они становятся послушными, податливыми. Аллаяр-бай мертв. Я опускаю его и, изо всех сил оттолкнувшись дрожащими ногами от песчаного дна, выскакиваю на поверхность реки. Тяжело дышу. И тут...

И тут что-то мягко ударяет меня, тычется в мою спину, я поворачиваюсь, и в глаза мне ослепительно и

нежно сверкают бадахшанские лалы, переливчатые жемчуга, вспыхивает из зеленой воды персидская небесная бирюза. Это Кумри. Она мертвая. Руки и ноги ее связаны поясом Аллаяра-бая. Я ловлю ее легкое, летучее тело, я долго распутываю мокрый, разбухший миенбанд, освобождая ее руки и ноги. Я гляжу в ее лицо. На родинку. Я плыву с ней по реке. Но она мертвая. Уже не укусит меня в руку...

...Вначале меня укусил осел, которого я вытащил за хвост из реки смерти, а теперь вы, моя луноликая, когда я спас и вас, схватив за косы!.. Ах, я глупец!.. Интересно, кто спасет меня, когда я буду погибать, ведь у меня — увы! — нет ни хвоста, ни кос!

— Вас будут тащить за язык! Он у вас слишком длинный!..

— Но ваши ресницы длиннее моего языка!..

...Мушфики-ака, не бросайте нас! Вы же наш старший брат. Кто защитит нас? Река Коко там, в туманных тугаях шумит. Она зовет меня. Там отец, мать и два братика плывут. Они зовут меня. Они плачут и кричат: Кумри, Кумри, старшая сестра, апа Кумри, зачем ты оставила нас одних в реке? Тут холодно и мокро, апа... доченька, дай мне руку с берега... я все хватаюсь за ветки прибрежных ветел — но они обрываются, эти сохлые, серые ветки, и река уносит, уносит меня. Дай мне руку с берега... Или лучше — сама плыви сюда, к нам. Зачем тебе этот берег без нас? Зачем тебе берег сиротства?..

Кумри, я оставлю тебя реке. Теперь ты соединишься со своими близкими. Я осторожно убираю свою руку, на которой ты лежишь. И река забирает тебя. Она принесла тебя. Она и унесла. Прощай, Кумри!..

Я выхожу на далекий берег. Сюда уже пришел огонь. Горят золотые камыши. Дымятся сырые тугаи. Над моей головой часто и трепетно бьет радужными крыльями и длинным красным хвостом фазан. Он почти не движется в воздухе. Почти стоит. Он охвачен огнем. Горят крылья и хвост. Поэтому он почти не движется. И все же он долетает до реки. И, как ком черной сучной глины, падает в нее...

Как быстро горят живые крылья, перья: Гораздо быстрее сухих, золотых, бездушных камышей...

В высоком стеклянном осеннем небе бесшумно и безучастно летят, скользят перелетные птицы...

ХОДЖА НАСРЕДДИН

...Он был свечой в ночи страны...

Ходжа Самандар Термези

...Не станет мужем зрелым домосед
И лавочник, сидящий в лавке темной,
Пока ты не покинул белый свет,
Покинь свой дом, на мир взгляни
огромный...

Саади

Ходжа Насреддин сидит в маленькой придорожной чайхане, под вольной, красной, осенней тысячелетней чинарой у арыка. Он сидит, блаженно полузакрыв глаза и опустив пыльные худые ноги в арык. Ходжа Насреддин старый. Морщины на его лице похожи на истертую, истлевшую арабскую вязь на надмогильных плитах древних мазаров. Но голос у него свежий и звонкий, как быстрый хрустальный арык.

В руках у Ходжи Насреддина дутар, и, ударяя ленивыми, медленными пальцами по бедным, нехитрым струнам, он поет сонную, осеннюю песню об Азии...

И палый Азьи плод разъят

И палый Азьи плод разъят в садах

И палый Азьи плод разъят в смиренных в ленных во садах гранат

Опять о Азья я твоя пчела цикада кеклик рыба гля змея

твоя духмяная медовая аллахова пчела

Опять о Азья я твоя пчела цикада кеклик рыба гля змея

Твоя о Азья в рисовых полуденных струящихся полях сомлелая

заблудшая блаженная овца овца овца

И божия мечеть стоит у божьего сыпучего дувала божьих

саманных

сонных глин

Божия аллахова заброшена захожая стоит стоит стоит

И дервиш лепетный уснулый у карагача у тутового дерева поет поет

поет

Алла! алла! алла алла алла алллаа ааа

Поет святой хаджи слепец хафиз поет поет поет поет поет поет

А за дувалом сад гранат разъят

А за дувалом сонных глин мерещится мерещится святых

хаджей мазар

мазар забыт забыт червем разъят

разъят разъят

И дервиш лепетный гортанный эмегорлый у полуденных чинар
 чинар
 поет поет поет
 Что я опять о Азия твоя моленная духмяная медовая разъятая
 алахова пчела
 Что я опять твоя полуденных дерев камней ручьев садов
 солончаков
 разъятая цикада кеклик рыба тля змея
 Твоя сомлелая заблудшая блаженная среди рисовых полуденных
 струящихся полей разъятая блаженная овца овца
 овца овца
 Алла! алла! алла! алла аааа а ааа ааааа
 алла!

Веет тысячелетняя чинара. Красные, острые, пря-
 ные листья бесшумно слетают на певца. Ходжа Нас-
 реддин ловит губами палый золотой лист, потом остро-
 рожно выпускает его. Улыбается. И глаза его по-преж-
 нему полузакрыты. Блаженные глаза...

Рядом с Ходжой Насреддином на глиняной суфе
 стоит чайник и пиала с зеленым чаем.

Веет дремливая чинара, роняя медленно золотые
 листья... Мушфики с грушевым посохом и хурджином
 покорно стоит перед старцем. Красные мягкие листья
 падают и на него. Шелестят...

— Муаллим, неужели вы ничего не скажете мне
 на дорогу?..

— Когда я открываю рот — у меня закрываются
 глаза...

Падают молчаливо красные листья. Золотые. Молчит
 Ходжа Насреддин. Улыбается... Глаза полузакрыты...
 Блаженные...

— Муаллим, смогу ли я стать поэтом?..

— В нашей нищей, бесправной стране поэт стано-
 вится пророком иль масхарабозом-шутком... Пророка
 травят, убивают, над шутком издеваются, потешаются...
 Я долго смеялся и смешил людей в нашей слезной
 стране, но устал. Да и старая истина говорит: рот
 дурака всегда полон пословиц, поговорок, анекдотов,
 историй...

...Падают золотые листья. Ходжа Насреддин молчит. Улыбается. Глаза полужакрытые, блаженные...

— Муаллим, но я убил человека!.. Я утопил Аллаяра-бая...

— Этот человек давно утонул как человек... Ты утопил только лаковые сапоги... Сапоги жаль!.. Но их много будет на твоём пути...

Падают золотые листья. Молчит Ходжа Насреддин. Глаза полужакрытые, блаженные...

— Муаллим, почему вы улыбаетесь?

— Я никогда не ем и не пью один. Этот чай в пиале остыл, ибо я давно жду собеседника. В нашем ханстве правители заняты войнами, а народ — борьбой за хлеб. И никто не хочет идти дорогой мудрости. Поэтому мудрость остывает, как тот чай, который не с кем пить... Потому остыл мой чай. Но ты пришел. Возьми пиалу. Пей...

Молчит Ходжа Насреддин. Глаза полужакрытые, блаженные...

— Муаллим, почему вы молчите?

— А почему молчит эта чинара? Потому что золотые смутные листья мудрости падают на всех в бесконечной тишине... Потому что мудрец говорит только с мудрецом... Потому что ты сам говоришь с собою... А я молчу...

— Разве вы ничего не сказали мне, муаллим?..

— Ты сам задавал себе вопросы и сам отвечал... А я молчал... И молчу.

Я пью холодный терпкий густой чай из пиалы.

Молодая моя крепкая бородка лезет в пиалу. Мешает мне пить...

Падают золотые листья. Ходжа Насреддин молчит. Глаза блаженные...

Неужели он так и не сказал и не скажет мне ни одного слова? И я даже не услышу его голоса? Нет. Не сказал. И не скажет... Это я вслух беседовал сам с собою... Сам задавал себе вопросы и сам отвечал...

Падают золотые листья. Я встаю с суфы, беру посох и хурджин.

— Прощайте, муаллим.

Я поворачиваюсь и медленно ухожу.

Тогда он говорит, тогда он говорит мне в спину, тогда он говорит мне в спину, и я замираю от радости. Голос у него родной, теплый, знакомый. Как у моего отца, как у дервиша Хотамы-ходжи.

— Возьми моего осла. Ты достоин того, чтобы сидеть на нем. Двери многих домов и караван-сараяв будут открыты вам. Святой Хызр, покровитель путников, да поможет вам в пути...

Я осторожно подхожу к ослу, который пасется неподалеку от огромной чинары. Золотые смутные листья мудрости падают и на осла. Только он ест их.

— Муаллим, а он не сбросит меня?

— Нет. Он единственный осел в нашей благословенной стране, который сразу чувствует мудрецов и кротко подставляет им спину. Остальные же стараются сделать из мудреца осла и возить на нем грязные тяжкие бессмысленные мешки своего бытия...

Я положил хурджин на покорную спину осла, а потом сел и сам.

— Прощайте, муаллим...

— Прощайте, сынок. Скоро ночь. Будь осторожен... Везде волки и шакалы... Но и ночью в святой тишине слетают на людей золотые листья мудрости...

Уже вечерние плеяды мерцали, зыбко переливаясь в темнеющих небесах. Я тронул недвижимого осла: вперед, Даджал. Уже вечерние плеяды переливались в небесах.

...Опять, о Азья, я твоя цикада, рыба, кеклик, тля, змея...

Мы медленно двигались в теплой, вечерней, дорожной пыли. И тут до меня донесся бедный одинокий звук дутара и гортанный голос. Он пел ночную песню Азии, и она долго шла за нами, и текучие плеяды становились резче и ярче, широко разгораясь над нашими головами...

И распусти пусти усталые персты в ночном арыке Азы
 И распусти пусти усталые персты в ночном арыке мятном мятном
 И воскричат уснувшие лягушки в илах вязких млечных течных
 медленных
 И воскричат уснувшие цикады в ивах ленно ленно веющих
 И распусти пусти усталые персты в текучих глинах святых
 Грядут они грядут с мазаров смытых смутных увядающих
 молящих уносящихся в поля поля скорбящие
 И распусти пусти усталые персты во глины ласковые
 размываемых мазаров уходящих уходящих уходящих дальне
 И распусти пусти усталые персты в ночном густом живом арыке
 терпком
 Азы мятном мятном мятном мятном мятном
 И распусти усталые персты в родном арыке Азы Азы Азы
 И очами расплачься
 И расплачься расплачься очами очами ивовыми ивовыми Азы
 Азы
 И расплачься очами ивовыми Азы очами ивовых баранов
 И расплачься очами размытыми как вешние мазары
 Расплачься блаженно свято под чинарой придорожной Азы
 Азы Азы

Блаже!..

Ночь была вокруг.

Уже уж ночь ночь ночь в ущелия в ущелия в ущелия сошла сошла
 сошла
 Аллах Аллах Аллах соходит со небес Твоя небесна молчна тишина
 Твоя Твоя
 Твоя соходит со небес ночных падучая свободная текучая звезда
 звезда Твоя
 Твоя речная плещет ива твоя твоя летит пахучая цикада птица
 стрекоза Твоя
 Твоя к очам склонилась родниковая ветла ветла твоя твоя твоя
 Твоя ущелий ночь о душу душу в душу в душу ночь ущелий
 пролилась лилась Твоя
 И помереть сомлеть приять и помереть у кишлака святых ноцных
 ноцных аллаховых чинар чинар чинар
 И помереть сомлеть приять у кишлака святых заброшенных чинар
 чинар чинар
 Где в палых листьях в палых листьях заяц брошенных садов садов
 чинар черешен тутов шахских брошенных садов бежит бежит наго
 глядит глядит заяц толай толай
 Где ночи дикобраз пуглив да свят у лунного у мятного у гонного
 ручья ручья ручья
 Где ночь туранги светлой светлой да приречной ах светла светла
 светла млечна

Аллах Аллах Аллах алла аллааа а ааа а алла!

Уже уж ночь ниспала на ущелья ленного у водоноя водопада
 ленноноющего берущего полнощную струю стрелу оленя
 Уже уж ночь ниспала на поля уснулого забредшего во рисовы
 изниклые поля поля поля поля вола вола вола вола

Уж ночь ниспала на ущелья млечного бухарского моленного оленя
 Азии оленя
 Аллах Аллах и помереть сомлеть приять у кишлака nocturnal nocturnal
 чинар безвинно веющих в nocturnal Азии вселенную вселенную
 сомлелую
 И помереть сомлеть приять у кишлака nocturnal далеких гор у киш-
 лака смиренного моленного спасенного намазом шейха уцелевшего
 последнего
 Ля илляга иль Алагу Муххамад Расуль Улла Х У
 Ля илляга иль Алагу Муххамад Расуль Улла Х У
 Твоя Твоя Аллах ночь Азия росная ущелий росных ночь на козы
 тропы снизошла
 Твоя Аллах Ночь в душу душу пролилась пришла пришла пришла
 взяла
 И ангел nocturnal шумно близко опускается на глинистый разрушенный
 мазар мазар дувал дувал дувал
 И клювом рыщет в перьях и роняет и глядит глядит как высшая
 земных земных дерев дерев послушливых внимающих чинар чинар
 сова сова сова
 И ночь заухала заухала заухала и в травы низкие росистые сошла
 сошла сошла сова сова сова
 И отряхнула хладны целны росы со крыла? с хвоста? с плеча?
 И ночь заухала и водопады водопои затуманила замедлила окутала
 опутала взяла взяла взяла
 Аллах Аллах душа nocturnal вся объята вся разъята вся смиренна
 вся готова вся Твоя Твоя Твоя
 Алла аллааа ааа ааа а аа ааа а алла!

МУШФИКИ

...Из прекрасного города Козалы
 вышел брахмана, певец чудных гимнов...

Сутга-Нупата

Ночь была вокруг...

Но!

Из далекого осеннего кишлака Чептура вышел мальчик с грушевым посохом и старым отцовским хурджином и затонул, затерялся в азиатской тучной дорожной пыли.

Через много лет (иль веков) он стал легендарным острословом, мудрецом и поэтом Востока Мушфики. Младшим собратом Ходжи Насреддина. Как говорит блаженный Ходжа Самандар Термези: «В ту ночь ладья его детства с помощью паруса природы достигла берега зрелости...»

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

...Все в мире изменяется... Только Высшая Мудрость и Высшая Глупость остаются неизменными...

Конфуций

СНЫ АЙЛОВЫЕ...

...Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он бабочка, весело порхающая бабочка. Проснулся он и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он бабочка, или бабочке приснилось, что она Чжоу...

Чжуанцзы

...Куда я лечу?.. Куда?.. Ай-ай!.. Эй, эй, люди, родные, я лечу, лечу, лечу!.. Эй, люди, кишлачные, дальние, земные дехкане, я лечу, лечу!.. Уууу!.. Лечу над кишлаком в поля осенние, дымные, хладные, пахучие!.. В поля пустынные, горькие... Лечу немо, лечу в айловых деревьях! Лечу — закрываю глаза в страхе, что ветви деревьев поздних отягченных обремененных душными вязкими шершавыми золотыми плодами айвы заденут глаза мои, ресницы мои, веки, но ветви не задевают лица моего — они только ласкают лицо мое... А плоды — шары золотые падают, срываются, сходят с ветвей... Нежные тихие опустелые обьялые кроткие ветви льнут к лицу моему. Ласкают лицо мое. Гладят... Лелеют лицо мое юное, сильное, резкое, росистое, росное...

Лицо рдеет.

...Оя, мать моя, старая Ляпак-биби, это ваши руки?.. Оять, оя?.. Я не хочу, оя!.. Не хочу... Это ветви, оя?.. Ветви?.. Я лечу?.. Я не сплю. Ляпак-биби, уберите, опустите ваши руки-ветви...

Я лечу. Немо. Быстро. Рею в деревьях...

Оя, старая, ваши руки сухие, сохлые, землистые... Оя, вы усохшее дерево? Оя, я люблю вас. Оя, не умирайте. Не уходите, оя. Не убирайте руки от моего лица. Не убирайте руки-ветви... Не опускайте...

Там, на окраине кишлака, стоит высохшее дерево. Китайский древний карагач. По нему идут щедрые кишашие муравьиные дороги. И днем и ночью. Муравьи идут и днем и ночью! И под солнцем, и под луной... А дерево молчит. Потому что оно высохло, выдохлось. Оно мертвое. И потому по нему победно идут, ползут, кишат муравьиные дороги...

...Оя, по вашим рукам ползут, теснятся, роятся, текут муравьи, а вы не стряхиваете их, не губите, а только улыбаетесь мне, а только ласкаете тихими пальцами лицо мое...

— Оя, не умирайте не усыхайте, оя... моя старая... Вы поздно родили меня, поздно замесили, сотворили меня... моя старая... Мой карагач с муравьиными обильными живыми дорогами... Вы поздно родили меня... Уже все птицы улетели, а я только сошел, выпал из гнезда... Я птенец, птенец, я поздно выпал, вышел из гнезда... Все ваши птицы улетели, моя мать, моя оя, мой сохлый карагач с муравьиными дорогами... мой родимый...

Но!..

Я лечу над золотыми айвовыми деревьями... над тем высохшим древним карагачем на окраине кишлака...

Я лечу, лечу, оя!.. Ууууу!..

— Сынок, сынок, проснись. Потихе, сынок. Ты разбудишь соседей. Хватит летать. Опускайся на землю. Просыпайся... Уже светает... Пора идти за дровами в ущелье... Просыпайся, сынок... Полетал — и хватит. Сынок, вставай... Просыпайся, Насреддин...

— Оя, дайте еще немного полетать... Я в садах айвовых золотых дальних смутных лечу, блуждаю, как птица! Золотые шершавые терпкие плоды падают... Вот они!.. Я птица одуревшая, опьяненная от свежих своих летучих первых крыльев!.. От плодов падающих... Оя, я птица!.. Лечу!! Ууууу!.. Птица!..

— Ты не птица. Ты жених. Тебе уже шестнадцать лет. Пришла пора искать тебе жену. Иначе будешь летать каждую ночь! Похудеешь. Изведешься. Созрел ты... Вот и летаешь... Вот и плоды сбиваешь, роняешь... Вот и сны золотые, айвовые пришли... Не уйдут, не оставят тебя, пока не полюбишь...

Это говорит отец Насреддина Мустаффа-бобо. Он тоже старый. Он тоже похож на муравьиный китайский карагач с окраины кишлака... И от его слов Насреддин сразу просыпается и, отлепляясь сладкой сонной молодой ярой слюной от узкой плоской подушки, вскакивает с дряхлого одеяла-курпачи... Глаза туманные дальние пальцами долгими тонкими трет, мучит. Зябко ему от утреннего острого зыбкого осеннего воздуха. Зябко. Грустно. Сны айвовые, золотые уходят... уходят. Уходят. Уходят... Ушли...

— Шейха Саади спросили: когда наступает совершеннолетие? Он ответил, что в древних книгах указано на три признака совершеннолетия: во-первых, наступление пятнадцати лет, во-вторых, появление страстных грез по ночам и, в-третьих, появление волос под мышками...

Насреддин щедро покраснел от этих слов Мустаффы-бобо, вздохнул и тихо сказал:

— Шейх прав, и я уже обладатель всех трех признаков... Но есть еще четвертый признак, ата... Это айвовые сады. Золотые. И в них птица вьется! Липкая птица в липких садах, плодах... Айвовая птица вьется в айвовых садах... Золотая в золотых садах, плодах...

— Золотые сады относятся к страстным грезам, сынок... Нет таких садов на этой земле... Они там... Высоко... О них говорит пророк: верующие же и тво-

рящие добро будут поселены в садах райских... Сады Эдема откроют перед ними врата свои. Они прилягут там, отдыхая у источников, и будут требовать себе всякого рода напитков...

— У кого требовать? У слуг? И в раю тоже есть слуги? О боже, нигде нельзя обойтись без слуг...

— Люди должны помогать друг другу, сынок...

— Оя, дайте мне кислого молока и лепешки с каймаком-сливками...

— Вот видишь, ты просишь мать услужить тебе... Аллах прав, Аллах велик. Его надо любить.

— Я люблю айран. Я поехал за дровами. Дайте мне мешок-канар и топор.

...И осел аль Яхшур у нас старый. Мне жаль его. У него ноги дрожат от старости, и шерсть на них повылезла, повыпала, поникла, как осенняя прозрачная трава. Лысые ноги...

Я иду рядом с ослом, а не еду верхом на нем. Жалею ближнего. Пусть даже осла... Жалею его лысые сквозящие дрожащие дряхлые ноги. Скоро и по ним поползут муравьиные дороги — предвестники смерти... И зачем я все время гляжу на них? Не отрываю от них глаз... Ведь вокруг расстилается, ликует ясное чистое осеннее птичье утро, а я гляжу на эти старые ослиные ноги. И глаза у осла текучие, горючие, дремучие, слезные, печальные... И чего мне эти сквозящие дрожащие ноги и текучие глаза? Чего?..

Кто имеет слишком чувствительную, слишком добрую, чуткую, уязвимую душу, тот долго не живет. Устает. Растрачивается. Исходит. Или становится добычей сильного и злого...

Так говорит мой отец.

Я вспоминаю его слова и стараюсь забыть об ослиных ногах и глазах. Гляжу в небо. Небо течет, струится. Свежее. Раннее. Осеннее. Опустелое уже. Уже все птицы пролетели. Одинокое небо. Скучное... Холодное небо холодных птиц...

Но!..

...Айвовая золотая немая кочующая птица льнет к шершавым золотым душным душистым живым поздним плодам, уже тронутым осенним ночным колким холодом...

Льнет... вьется... бесшумная... жгучая...

Жгучая птица!..

Да!..

МАХМУД ТАЛГАТ-БЕК

...И соколы ловили тех, кого ловили,
и упускали тех, кого упускали...

Усама ибн Мункыз

А в ущелье еще стоит, колыхается ранний мягкий туман. Малая хрустальная река мягко, дремотно, сонно шумит в камнях. Это ущелье чинар. Сильные вольные деревья стоят посреди реки, среди камней, среди быстрой хлесткой воды. Они еще зеленые, эти горные чинары, хотя осень уже и сады равнин пожелтели, облетели, обнажились, опустели...

Там, в садах долинных, рыщут зрелые осенние зайцы-толаи и рыжие алаиские лисы... Желтые осенние зайцы и лисы... А здесь холодная свежая кудрявая тесная зелень речных чинар...

Я люблю это ущелье, я знаю здесь каждый камень, каждое дерево, каждого зверя. Я люблю каждый камень, каждое дерево.

Как живых. Они живые. Сокровенные...

И я знаю, что камни и деревья тоже любят меня... Знают как своего... чувт...

Я хочу после смерти стать камнем или деревом в этом ущелье... Или зверем — но только не хищным... Пусть лучше осенним зайцем, чем лисой...

Этò ущелье — моя колыбель, моя гахвара, мой исток, люлька... Здесь, в каменной речушке, ловлю я форелей в ивовую плетеную корзину-мардушку. Гибких жемчужных ханских форелей!..

Мой отец говорит:

— Сынок, будь чистым, как эти родниковые хрустальные форели. Живи среди чистых людей, как форель среди чистых вод...

Но где эти чистые воды, эти чистые форели, эти чистые люди?..

...Старый осел аль Яхшур пьет острую ледниковую родниковую воду из реки.

Молодой Насреддин рубит длинным узким топором засохшие приречные деревья, тополя-туранги, ветлы. Топор лихо, туго мелькает в воздухе. Режет воздух. Насреддин — ловкий, меткий и быстрый отрок. Долгие капли пота падают с горячего круглого лица в хрустальную реку...

Ах, мое ущелье!.. Родное!.. Зыбкое, утреннее, живое... Хочу быть после смерти твоим камнем, деревом, зверем...

Стоять тут неподвижно, вечно... Дышать, жить, чують в осеннем терпком душистом ветре!..

Но и чинары высыхают, гибнут, но и камни выветриваются, но и звери издыхают...

Эх, все же лучше быть человеком... Ведь чинара — только чинара, камень — только камень, зверь — только зверь, а человек — и чинара, и камень, и зверь, и многое иное...

Сказано у шейха Руми:

В мире нет ничего, что было бы вне тебя...

Все, чего ты взыскуешь, найдешь ты в себе...

Сказано в Священной Книге: все в вас самих, но вы не ведаете!..

Но зачем, зачем тогда люди умирают, уходят?.. Зачем моя мать, моя кроткая тихая бессловесная Ляпак-биби старая?.. Зачем?..

Зачем мой отец, Мустаффа-ата, мой старый беззубый невинный гончар, глинный, горшечник с седой редкой бородой, — старый?.. Зачем?..

Зачем у аль Яхшура ноги лысые дрожащие сквозящие прозрачные ломкие?.. Зачем?..

Зачем ползут предтечи-предвестники — муравьиные дороги?..

Зачем? зачем? зачем? зачем? зачем? зачем...

Зачем, о боже?..

Наказание несоизмеримо с виной... Да и какая вина?..

Зачем?.. зачем смерть?..

Ай!..

Слепой топор больно бьет Насреддина по ноге, по старым ветхим отцовским каушам.

Слезы текут по лицу Насреддина — на этот раз от боли, но он хохочет, хохочет, прыгает на одной ноге...

— Эй, аль Яхшур, видишь?.. Аллах тут же наказал меня топором, как только я задумался о вечности, о бессмертии... Такие разговоры могут вести только богатые люди, а беднякам не до вечности... Бедняков пожирает время!.. Как паук мух... Я на миг задумался о вечности и едва не лишился тленной ноги! Ха-ха!.. Пришлось бы мне, как святому дервишу, каландару Девонаи Бурху, сорок лет стоять на одной ноге в знак протеста против того, что Аллах создал ад!.. И за это сами же грешники побили его камнями!.. Так что не всегда надо заступаться за грешников... Пусть спокойно шествуют в ад. Не надо мешать им. Не надо вообще никому мешать... Особенно там, в небесах... Но иногда призрачный ад нисходит, опускается с небес на землю и становится земной, живой явью... Что тогда делать?.. Только гордо стоять на одной ноге в знак протеста?..

Боль развязывает языки. А мудрец немногословен, ибо сказано, что «...говорящий не знает, а знающий не говорит...».

Насреддин замолк, снял с ноги разрубленный, разрушенный башмак, спасший ему ногу, и бросил его в реку.⁶

Башмак быстро поплыл по туманной реке и пропал за поворотом.

И тут Насреддин услышал глухой близкий яростный пьяный крик:

— Айя! Айя! Айя!..

Так остро, слепо, сонно, косо кричат бродячие хорезмские дервиши-суфии, накурившиеся анаши-банга, во время своих плясок-радений — зикров:

— Дуст!.. Хак!.. Ху!..

...С одним башмаком на ноге Насреддин бросился бежать на крик по нежному девственному нетронутому приречному песку, оставляя на нем странные, вперемежку следы башмака и босой ступни...

Кто так густо и яростно кричит в раннем туманном ущелье?.. В голосе слышится страх, мольба о помощи:

— Эй, люди, помогите!.. Умираю!.. Дух-албасты убивает, уморяет меня!.. Айя!.. Помогите!.. Люди!..

Насреддин выбегает на приречную узкую песчаную поляну-косу и видит седобородого старика в расшитом легким летучим хорасанским серебром охотничьем коротком чекмене, перехваченном широким красным поясом-миенбандом. На ногах у старика высокие «сасанидские» охотничьи сапоги. Старик кричит, крутится, прыгает на одной ноге по приречным влажным, скользким камням, как горный резвый, хмельной козел...

Насреддин сразу узнает ее — индийскую царскую кобру. Она гибко, туго обвила ногу старика, и священная раздутая ее голова колышется, качается от бега, от стариковских бешеных слепых прыжков...

Обычно кобра нападает сразу... Зачем ей было обвинять, окружать ногу старика? Виснуть на ней... Странно!..

Но царская змеиная голова гибко и зрело качается, ходит, блуждает, витает где-то около лица старика, и он старается увернуться, уйти от меткого смертного змеиного зуба.

— Айя! Айя! Люди! Умираю!.. Дух-албасты убивает, уморяет, удушает меня!.. Помогите!.. Ай!.. Дух пожирает меня!..

Насреддин догоняет вопящего смертного старика.

— Шшшшш!.. Змея... родная моя!.. Ну!.. Гляди на меня!.. Узнаешь?.. Я Насреддин!.. Ну!.. Иди сюда! — Насреддин мгновенно и ловко машет, водит рукой перед змеиной головой. Манит ее. Отвлекает от старика померкшего. Голова кобры теперь уже маячит, вьется, носится около его лица. Молниеносная голова. Голова смерти... Вот она... Жаркая... Слепая!..

Но рука Насреддина быстрее... Вот она цепко и жестко хватает, перехватывает кобру около самой головы... Потом обе руки Насреддина обнимают, сжимают змею у основания головы... Душно змее... Голова ее

засыпает... Вянет... Раздутая, пышная, вольная, налитая, опадает она... Ее тугая шелестящая кожа шершавая, как у той ночной золотой айвы...

Насреддин распутывает, освобождает ногу старика... Долго... Змея бьет его хвостом по лицу... Вьется!.. Тугая. Хлесткая. Ярая. Крутая. Спелая...

Но голова томительно, погибельно, блаженно засыпает в сильных руках Насреддина...

Насреддин оттаскивает змею от старика.

— Не бойтесь, домулло... Видимо, она приняла вас за сук дерева... Иначе бы она просто укусила, познала вас...

— Да, я уже стар... Я похож на высохший сук... Теперь убей ее! Удуши!..— хрипит старик.— Она духалбасты! Она давно охотится за мной...

— Нет, домулло... Албасты — это карлица с золотыми волосами... Она живет в пустынных городах, засыпанных, объятых сонными песками... В заброшенных кибитках и мазарах... А это кобра... Простая змея... Царская!.. Я люблю ее... Она добрая!..

— Убей ее! Я приказываю! Я повелеваю!

— Нельзя!

— Почему?

— Ведь это мы пришли в ее жилище — и мы же хотим ее убить. Разве это справедливо?.. Если бы она заползла в наш дом — тогда мы должны были ее убить, но здесь ее дом, ее ущелье. А мы пришельцы... Мы ее гости... Разве гость должен убивать хозяина?..

Насреддин отбежал в сторону, положил змею на песок и отошел. Кобра стала оживать... Голова стала шевелиться, восставать, возноситься... Потом змея бесшумно канула, пропала в камнях. Ушла... Легкий летучий нежный прекрасный след остался на песке...

— Ты неглупый отрок. Откуда ты? Кто? Как оказался в моих владениях?

— Я Насреддин из кишлака Старая Чинара, сын гончара Мустаффы-ата...

— А меня ты узнал?..

Конечно, я сразу узнал его, Махмуда Талгат-бека. Ему принадлежит половина нашей области-вилаята... И это ущелье, моя гахвара, моя колыбель, моя люлька...

И фореги тоже принадлежат ему... И кобра... И чинары... А у меня только старый осел аль Яхшур... Почему?..

— Когда вы бежали и кричали, я не узнал вас, домулло... Но теперь я вижу, что это вы, достопочтенный наш Талгат-бек...

— У тебя злой язык... Как зуб кобры... Ты спас меня от кобры, а теперь кусаешь сам?.. Но я прощаю тебя. Ты уберег меня от смерти, от албасты... Мы загнали в тугаи туранского тигра, но он переплыл реку, как рыба, и ушел в комариные камыши, а я заблудился, и моя охота рыщет, ищет меня... Слышишь лай собак и треск барабанов?..

И тут я услышал частый глухой тревожный бой охотничьих барабанов и лай низких степных волчьих собак, а потом из кустов джиды выехала на локайских сметливых, не знающих усталости, злых, хищных лошадях бекская тигровая охота во главе со свирепым атабеком Кара-Бутоном... Лисьи желтые роящиеся глаза атабека скользнули по мне... Точно две монгольские соколиные стрелы просвистели... Певучие... Зябкие!..

Сказано у Усамы ибн Мункыза: и соколы ловили тех, кого ловили, и упускали тех, кого упускали...

И упустили меня глаза Кара-Бутона. Пока...

И охота была неудачной, напрасной. Барабаны напрасно били, будили ущелье невинное, раннее нетропутое...

И кони локайские напрасно скакали, искали, чуяли, пеной гонной исходили, истекали...

И собаки степные низкие волчьи напрасно ноздрями рылись, стлались, витали...

И смертельное копье-батик в руке Кара-Бутона напрасно пролежало, взывало, ожидало...

И не летало, не летало, не летало!..

Не впадало в тварь, во зверя отходящего, кровоточащего?.. И не впадало!.. И... напрасное!

...А тигр, тигр ушел, уплыл по реке рыбой в камыши благодатные!.. В хрящущие!.. Ушел, ушел рыбой!..

Слава Аллаху!..

И Насреддин улыбался...

Тогда Талгат-бек увидел эту улыбку, и понял ее, и сказал, закричал:

— Охота неудачная, некровавая!.. Я буду менять коней локайских на густых знойных хафаджийских скакунов пустынь! На караширских терпких коней, поедающих мясо и нападающих на волков!.. Я буду менять степных глухих псов на пастушьих чутких волкодавов!.. Я буду менять хорезмские глухие барабаны на оглушающие турецкие!.. Я буду тебя гнать, менять! Тебя, атабек Кара-Бутон!.. Айе! Айе!.. И тигр ушел рыбой по воде, по реке!.. От всех вас!.. Айе!.. Я люблю кровь!.. Кровь!.. А где она?.. Ушла в камыши?.. Да?! Ушла!..

Талгат-бек сел на приречный валун.

У старика пена шла изо рта, как у локайского за-
травленного коня. И глаза стали белыми, как майские
млечные облака...

— Я люблю, люблю, люблю ярую, молодую, крутую
кровь!.. А она ушла, ушла, ушла в камыши!.. Айе! Во
всем виноват дух-албасты!.. Он везде подстерегает
меня... Мне мало осталось жить, дышать... Как говорил
древний китаец: «Пришло время разрыва струн лютни!»
Да!.. И кожа охотничьих барабанов стара и дрябла,
как моя кожа!.. И она провисла... Да!.. И потому я хочу
чужой молодой крови!.. А она ушла в камыши!.. Зачем?..
Ушла?.. Кровь?.. В камыши?..

— Старцы жаждут молодой крови, точно она может
согреть их осеннюю желтую лисью вялую кровь... И ку-
рицы квохчут и машут низкими крыльями, облеплен-
ными, охваченными утлым цепким пометом, когда чуют
весенних высоких перелетных птиц... Почтенный бек,
помните, у гератского мудреца, шейха Унсури, сказано:
я жил — и вдруг ангел Азраил ударил в барабан пе-
реселенья, а я не сварил запасов, и дела не сделаны...
Добрые дела не сделаны... А еще не поздно... Зачем
спешить на двух лошадях в город зла?.. Еще не позд-
но... Еще и на смертном одре можно сотворить добро...
Еще до ваших погребальных носилок-табут есть время...

Неужели вы хотите, почтенный Махмуд Талгат-бек из рода мангытов, чтобы единственным благом для окружающих была только ваша смерть?..

Шалые, смелые глаза Насреддина невинно и ясно глядят на старого бека, охотника...

— Как ты смеешь так говорить с нашим солнцеподобным повелителем? Ты, сын дряхлого, землистого, нищего горшечника? — закричал с коня атабек Кара-Бутон, и постылое напрасное охотничье копьё-батик ожило в его руках.— Может, кровь этого дерзкого, языкастого отрока заменит нам кровь тигра?.. Уж она-то не уйдет от нас в комариные камыши!..

— О светоч охоты, неумолимый соколородный атабек Кара-Бутон, еще проще вам добыть ослиную кровь!.. Вот мой осел аль Яхшур! Он не убежит, не уйдет рыбой. Он стар. Бросайте в него ваше разгневанное, справедливое, неумолимое копьё!.. Только не промахнитесь, а то он пустит горькие ветхие ветры в вашу сторону,— улыбнулся Насреддин.

— Оставь его, Кара-Бутон. Он спас мне жизнь. Снял с моей ноги, уже похолодевшей, уже шагнувшей в ад, смертельного духа-албасты. Он поедет со мной в мою крепость. Я хочу отблагодарить его... И слова его мне нравятся... В каждой стране должен быть хоть один человек, говорящий правду... Иначе правителям будет скучно... Но не больше одного!.. Поедем со мной, Насреддин, сын горшечника!..

— Мне надо привезти домой дрова. Отец и мать сидят без огня. Они старые...

— Дрова привезет Кара-Бутон. В наказание за упущенного тигра! Атабек без добычи пусть поведет в знак позора осла с дровами по кишлаку! Ха-ха!.. Поедем в мою крепость, Насреддин!.. Айе!.. Но кровь, кровь ушла!.. А была близка... Желанная!.. И бежала!.. Ушла!..

— Не ушла! — прошептал Кара-Бутон, и вновь желтые лисьи роящиеся его гибельные глаза пошли, скользнули по лицу Насреддина, и вновь две монгольские немые дальние кочевые стрелы просвистели у висков Насреддина... Пока просвистели... Канули в осеннее зыбкое хладное небо... Пока...

...Но Насреддин улыбался. Молодой. Вольный. Худой. Долгий, сутулый, потому что с детства привык он работать топором и кетменем... Он подошел к своему ослу и обнял его за теплую обвислую шею.

— Аль Яхшур, пойдём!.. Нас пригласили во дворец... В бекскую крепость Офтоб-кала... Оказали большую честь! Пойдем, мой друг с облысевшими ногами... Пойдем к беку, хотя больше всего на свете надо бояться милости и любви правителя... Пойдем, друг...

ГАРЕМ

...Учись, внимай, о отрок, пока полна соком твоя ветвь. И пока податлива твоя глина — принимай отпечаток мира...

Санаи

Сказано древним японским поэтом: провел я как-то ночь в опочивальне князя... И все равно продрог!..

Ночь уже... Осенняя... Хладная... Тревожная... Волчья ночь!.. Ай!.. В такую ночь волки скользят, таятся, тянутся, неслышно впадают в спящие отары... Упиваются... Хладные роятся, роятся в тесных горячих пахучих отарах, отарах...

А в бекской крепости Офтоб-кала огни горят. За высокими глиняными глухими стенами стоит, прячется, таится бекский дворец... Резные деревянные колонны террас... Тяжелые грушевые двери с арабскими письменами... Исфаганские, ферганские, текинские, китайские ковры устилают, удушают стены и полы огромных комнат... горят в дамасских бронзовых подсвечниках душистые рангунские свечи... курятся зыбкие пахучие индийские смолы-благовония из мальтийских серебряных кадилъниц... Сладкий темный медовый дым витает, обволакивает, одурманивает...

Текут, стелются тяжкие сонные ароматы, дурманы...

Уже давно сидят за дастарханом Талгат-бек и Насреддин... Уже они прилегли от многих сильных обильных хитроумных яств на узорчатые, шитые индийским тонким золотом подушки... Уже они устали от

бесед... Уже сон овеял их... Уже придворные музыканты, певцы-хафизы оглохли от музыки и пения, но играют и поют, но их голоса меркнут, гаснут, теряются, тонут в ночных тяжких, дремотных сонных коврах... Разбредаются... разваливаются... голоса... Ароматы, дурманы курящихся благовонных сонных смол ползут, уморяют, побеждают... Уже танцовщицы, уже ивовые плясуньи в арабских волнистых прозрачных, как родники гор, шароварах гибко и льстиво выются у дастархана, и глаза их слепнут от сна и желания, а ровные тугие ноги их вязнут в теплой шершавой мякоти ковров... А благодатные вольные груди их и ягодицы тяжелеют, резче обозначаются в усталых шелках, шелках, шелках... Уже!..

Уже, уже ночь!..

Уже, уже сон!..

Уже, уже туй-пир уходит в сонные глубокие ковры, как вешний яркий алмазный живой ливень уходит в приречный песок...

И натекают, наползают ароматы, дурманы дымные медовые блаженные!.. Да.

Уже!..

Уже храпит Талгат-бек...

Уже жизнь его ушла в подушки и ковры...

Но!..

Насреддин не спит! не дремлет! он следит, как ложится, падает на смутный туманный ковер, смиряется, засыпает, утихает последняя плясунья... Как осенняя недужная бабочка напоследок трепещет шелковыми крыльями-шароварами в холодных, опустелых, покрытых цепким жемчужным инеем полях, полях, полях...

Ах ты моя бабочка!.. Вот ты и оттрепетала, уснула, опала сквозящими оцепенелыми крыльями на осеннем ковре-поле!.. Опала, увяла, уснула... Ушла в смолистые зыбкие дурманы...

Тогда я тихо поднимаюсь с ковра, и дымный сладкий медленный туман остается внизу, у моих ног, и я осторожно иду среди спящих, словно среди мертвых... Среди погрязших в страстях!.. А сказано у шейха Руми: не поддавайтесь своим страстям... Ибо тогда кони пожарут своих седоков!..

Мне кажется, что я шепчу, лишь шепчу эти слова давно ушедшего, усопшего мудреца, но я говорю их громко, потому что во мне тоже говорит ночной долгий стойкий хмель, и я шествую среди смертно спящих, и неожиданно Талгат-бек просыпается... То ли от моих слов, то ли оттого, что большой палец босой моей ноги задевает в мареве смол чей-то брошенный на ковер дутар и спящая струна резко отвечает, отзывается, звенит в ковровой тишине дворца...

Ах, моя босая нога, погрязшая в низком тумане наслаждений!.. Пьяная, неверная, слепая босая нога!..

— Я слышу твои слова, отрок Насреддин,— говорит Талгат-бек глухо.— Но сказано пророком: Аллаху принадлежит одна сторона, которой я не погублю, другая принадлежит забавам и празднествам... И еще: дайте отдых вашим сердцам, и они сохранят память об Аллахе!..

— Но за стенами вашей крепости волчья нищая ночь... Нищий эмират, нищая земля, нищие кишлаки, нищие поля, а вы тонете, спите, бродите в пьяных коврах...

— А ты святой?.. Дервиш-суфий?.. Может, ты хорезмский святой Султан Ваис, который потребовал у Аллаха отдать ему души всех грешников на исправление? Ха-ха!.. Может, тебе подарить дервишскую шапку-кулох, посох и сосуд-кашкюль для сбора подаянья?.. Ха-ха!.. Может, ты святой?.. Может, ты еще и не входил к женщине?.. Может, тебе еще айвовые сны снятся?..

— Да,— опустил голову Насреддин.— Еще не входил... Еще снятся... айвовые сны...

— Что?! — сразу отрезвел Талгат-бек.— Так ты девственник?! Айе!.. Неужели есть такие в моем бекстве?! Айе!.. Пойдем, мой каракулевый турткульский молочный слепой травяной барашек, с которого еще не содрали нежную свежую первую шкурку!.. Ха-ха!.. Пойдем!..

— Куда?

— В мой гарем!.. Мне он уже не нужен... Мои бывшие ночи — такие сладкие, быстрые, спелые ночи лобзаний, содроганий, соединений сменились длинными ночами размышлений!.. Да!.. Краткие ночи соединений, каса-

ний, прикосновений сменились длинными ночами размышлений... Пойдем!..

Я не хочу в гарем, в чужой гарем... Не хочу, не хочу, я хочу домой, к своим старым родителям — я знаю, они не спят, они ждут меня, моя старая оя Ляпак-биби и Мустаффа-ата... Глядят в сырую осеннюю ночь старыми слезящимися глазами... Ждут... Оя завернула в одеяло косу-пиалу с машевой чечевичной кашей, чтобы не остыла... Я хочу домой... Спать хочу... Зачем мне чужой гарем?.. Бекский гарем... Зачем?..

Но Махмуд Талгат-бек тащит меня по бесконечным спящим темным коридорам, комнатам, айванам... У него рука сильная, цепкая, щедрая... Паучья меткая тугая рука...

— Идем, сынок... Идем, Насреддин!.. Я оставлю тебя в гареме на всю ночь, и ты сразу пройдешь всю науку любви!.. За одну ночь!.. Сейчас гаремные евнухи — старухи помогают тебе в бане и переоденут тебя в ласковый ночной фазаний чапан любви!.. В мой любимый чапан! А теперь я ношу темный чапан старости... Эх, фазаний чапан!..

— Старухи?! В бане?! Зачем?.. Зачем мне фазаний чапан?..

— Разве ты не знаешь, что фазаны соединяются только ночью?.. Только!.. Как и дикобразы!..

— Я хочу домой... Я хочу спать... Я хочу соединиться со своими родными!.. Я не фазан и не дикобраз... Отпустите меня домой, домулло!..

— Иди, иди... Смелее!.. Утром ты будешь благодарить меня... Иди, фазан! Иначе я прикажу избить тебя палками до смерти!.. Иди!.. Айе!..

И я иду. И мне интересно. И страшно. Что ждет меня в гареме?.. Что?.. Айе!.. Иду.

...И вот уже две немые банные беззубые старухи обливают меня, нагого, худого, теплой душистой обильной мускусной водой из больших глиняных хумов-кувшинов.

Стены бекской бани выложены лазурными самаркандскими изразцами...

Я лежу, томлюсь, вьюсь, как пойманная распластанная рыба, на мраморной мокрой, скользкой скамье, расписанной павлиньим меккским орнаментом и диковинными заморскими цветами и райскими гуриями...

Лежу... Вода, обильная, ласковая, струится...

Старухи властно и умело мнут, будоражат, растирают, теребят мое голое костлявое первое раннее тело отрока...

Я прижимаюсь лицом к мраморной гурии...

Я замираю, засыпаю, мне кажется, что я бегу, тону в полуденных, лестных, ластящихся, мятных, мяклых, солнечных, рисовых полях...

Я опускаюсь в теплую солнечную комариную рисовую воду... Эти поля начинаются прямо у моей кибитки-мазанки, и я часто ухожу, зарываюсь в их зеленую рыхлую, нагретую солнцем воду, воду, воду...

...И тут я слышу сквозь скользкий плеск воды какой-то тонкий, шершавый, как айвовый плод, шелестящий звук.

Я открываю глаза: склонившись над мраморной скамьей, хищно вьются надо мной, как вороны над падалью, две старухи. Айе!.. В руках у них длинные узкие сверкающие дамасские бритвы, и они ловко, неслышно снимают с моего мокрого тела волосы. Вначале под мышками, потом у основания живота... Я становлюсь нагим и гладким, как куриное яйцо...

— Айе!.. Эй, старухи, не заденьте, не повредите меня!.. Срезайте ветви, но не заденьте ствола!.. Я не хочу быть евнухом! — кричу я, стараясь не дышать и не двигаться, чтобы чуткие бритвы не впились, не вошли, не нарушили меня...

И тут в струях банной мускусной воды ко мне льнет, придвигается старушечье степное, похожее на древнюю истертую могильную плиту лицо, и беззубый рот шамкает, шепчет, улыбается:

— Сынок! Отрок!.. А почему бы тебе не стать евнухом?.. И не будет у тебя в жизни никаких тягот и забот!.. Раис Абу Али ибн Сина считал любовь болезнью наряду с бессонницей, манией и водобоязнью!.. Зачем тебе маяться, болеть?.. А по тебе видно, что ты будешь подвержен этому недугу!..

— Нет! — кричу я.— Я хочу болеть этой болезнью!..
Всю жизнь!.. Хочу! Хочу! Хочу!.. И уберите ваши брит-
вы!.. Эй, скорей!..

— Ослиный плод к ослиной жизни приведет! —
вздыхает старуха, с сожалением глядя на мое тело...

— Хочу, хочу, хочу, хочу болеть этой болезнью!..
Неизлечимой! — вскакиваю я с мраморной мокрой
скамьи, ускользя от певучих шелестящих смертных
бритв...

Тогда старухи заворачивают, запихивают меня в
тонкое гибкое занданийское одеяло, и расчесывают мои
волосы ореховым гиссарским гребнем, и втирают в
юную мою податливую кожу гиждуванское пахучее
розовое масло...

Я опять засыпаю, сплю, забываюсь в рисовой сол-
нечной рыхлой воде, воде, воде...

Айвовая, золотая, немая, кочующая птица льнет к
шершавым, золотым, душным, душистым, поздним айво-
вым плодам, плодам, плодам... Задевает их... Роняет...

Сонная птица льнет к сонным напоенным плодам!..
Льнет. Вьется. Бесшумная золотая айвовая птица..
Ночная... Жгучая!.. Жгучая птица!..

Две старухи с узкими полыхающими дамасскими
бритвами в руках бегут ко мне по моему родному, тихо-
му, нетронутому, сокровенному рисовому изумрудному
полю...

Айе!.. Я просыпаюсь!..

Махмуд Талгат-бек и Насреддин ступают по тихим
таящимся вкрадчивым покоем гарема.

Останавливаются у первой резной вишневой двери...

Насреддин в ярком цветастом фазаньем чапане —
ночном чапане любви...

«...Фазаны соединяются только ночью!.. Святые
птицы!.. Только ночью!..» — звучит в одуревшей голове
Насреддина...

Талгат-бек бесшумно открывает вишневую дверь.

— Сынок, иди. Это первая, рубиновая комната уеди-
ненья... Айе!.. Шайдилла!..

Там, в рубиновой комнате, рубиновые ковры... рубиновые светильники... рубиновые одеяла... рубиновая деревянная бухарская кровать под рубиновым балдахинном...

В рубиновых атласных шелестящих одеялах лежит, тонет, хранится, покоится дитя, девочка, девушка, женщина с вьющимися рубиновыми от персидской едкой хны и басмы волосами... Она спит. Дыхание тихое тлеет, веет, струится, вьется, льется в рубиновых дремучих атласах...

Насреддин глядит на нее...

Чья она?.. Где ее мать и отец?.. Может, тоже ждут ее, завернув в одеяло косу-пиалу с машевой чечевичной кашей и вглядываясь в осеннюю безответную волчью нищую ночь?..

— Разбуди ее! — хрипит Талгат-бек и толкает Насреддина в бок тупым кулаком.— Разбуди ее, а она разбудит тебя!.. Ха-ха!..

— Нет. Я не люблю рубин. Цвет крови... Когда при мне режут барана и я вижу его кровь, я никогда не ем его мяса... Или у вас только одна комната уединенья в гареме, мой повелитель?..— улыбнулся Насреддин, запахивая на худом пустынном своем теле огромный фазаний нелепый чапан...

— Ха-ха!.. Гарем из одной комнаты — то же, что войско из одного сарбазы-солдата! Пойдем в изумрудную комнату!..

...И не поддавайтесь своим страстям... Ибо тогда кони пожрут своих седоков... Кони-страсти пожрут своих седоков...

Пожрут!.. Пожрут?..

А за стенами крепости Офтоб-кала ночь поздняя сырая, осенняя...

...В такую ночь волки скользят, таятся, тянутся, неслышно впадают в спящие теплые пахучие отары... Льнут к гиссарским послушным избыточным овечьим курдюкам... Льнут... Упиваются... Хмельные пьяные оглохшие волки!.. Их можно хватать за хвосты — они не слышат... Они чуют только кровь, баранью покорную тугую кровь... Слепые!.. А сказано у шейха Саади: волк смерти по одному уносит нас из стада... А сказано...

...Две старухи с дамасскими полыхающими бритвами в руках бегут ко мне по моему родному мягкому рисовому изумрудному полю... Бегут, бегут, вязнут в рыхлой солнечной воде...

В изумрудной комнате изумрудные травяные ковры, паласы... изумрудные нежные багдадские светильники... изумрудные балхские атласные одеяла и подушки... изумрудная деревянная грушевая кровать под изумрудным балдахинном...

Лежит женщина в изумрудных луговых одеялах... девушка, девочка, дитя... И сон ее — неверный, хрупкий, ломкий, и она разметалась, раскидалась, распалась на одеялах, и голова ее с зелеными, крашенными индийской мятой волосами свешивается с кровати и почти касается пола... Как голова у курицы, которую тащат с базара за связанные ноги...

А волнистая зелень одеял так похожа, так напоминает мне юную терпкую водяную зелень моих рисовых полей, полей, полей...

— Подними ее голову... Не буди ее. Уйди в нее... В спящую... Как волк в ночное спящее стадо!.. Ее зовут Зумрад... Изумруд!.. Она похожа на майскую прозрачную мягкую приречную траву... Уйди в траву... Ложись на вешнюю ласковую траву... Насреддин! Иди, волк! Иди — ягненок ждет тебя!.. Айе!.. Снимай фазаний халат! — шепчет, задыхаясь, Талгат-бек. Он устал от вина, от бессонной ночи, от старости, от воспоминаний молодых... От жизни устал...

Хрипит, задыхается, мается...

Но он хочет помочь мне...

— Иди, волк... Иди — ягненок ждет тебя!..

— Нет, муаллим, нет, учитель... Наслаждение, которое испытывает волк, поедая барана, ничто по сравнению с наслаждением, которое испытывает баран, поедая траву...

— Ты боишься, отрок? Иль тебе не нравится Зумрад?..

— Разве у вас в гареме всего две комнаты? — стараюсь я еще раз перехитрить его, но он уже понимает это.

— Айе!.. У меня есть еще Алмас в алмазной комнате!.. Заррина — в золотой!.. И много других, но ты хитришь, отрок в фазаньем халате... Айе!.. Я понял!.. Ты же девственник!.. Ты боишься!.. Ха-ха!.. Я покажу тебе это!.. Сосунок, барашек, птенец!.. Ха-ха!.. Гляди!.. Айе!.. Я волк!.. Гляди — я снимаю унылый постылый чапан старости, я остаюсь в одной белой шелковой вольной сасанидской рубахе, я пью гранатовый шербет из кувшина... Гляди, Насреддин!.. Учись, внимай, о отрок, пока полна соком твоя ветвь! И пока податлива твоя глина — принимай отпечаток мира!..

— Но не отпечаток гаремных одеял, учитель!.. Да и любить в гареме — то же, что стрелять в кекликов-куропатов, запертых, томящихся в клетке. Невесело!.. Да и какая охота? — говорю я тихо, но он уже не слышит меня.

Он пьет гранатовый шербет.

Он старый... У него борода снежная, жемчужная, как сасанидская рубаха...

...И кони страсти пожрут своих седоков... Пожрут!.. Махмуд Талгат-бек, зачем, зачем вы сняли тихий чапан старости?.. Зачем лицо ваше от прилива вялой, застойной крови сразу стало темным, а потом рубиновым, как в той, рубиновой комнате?.. И стало рубиновым лицо и тело ваше в изумрудной травяной луговой комнате... Айе!.. Зачем?..

— Подождите, муаллим!.. Не надо!.. Зачем?..

...Дряхлый, слепой, с рыхлыми палыми сыпучими желтыми клыками бродит стылый волк среди ярых, молодых текучих отар, отар, отар... тычется глухой мордой в сильные крутые блаженные нетронутые овечьи курдюки...

Айе!.. Зачем?..

Зачем гранатовый обильный шербет течет, струится, вьется, ползет, бежит по вашей вольной снежной сасанидской рубахе?.. По жемчужной, перламутровой бороде?..

Зачем кувшин-кумган неслышно падает из ваших рубиновых онемевших пустынных палых рук в изумрудные травяные луговые ковры, ковры, ковры...

Зачем кумган падает, а гранатовый шербет все течет и течет по рубахе, по бороде... Обильный, необъятный шербет...

Муаллим!.. Да это не шербет... Это кровь. Из рта.. Из вашего, муаллим...

Тогда вы мокро хрипите...

Тогда вы хрипите...

— Сынок!.. Насреддин! Я покажу тебе это!.. Девственник!.. Ягненок! Птенец! Сосунок! Ха-ха! Я успею!..

— Нет. Не успеете... Зачем, муаллим?..

Айе!.. Зачем?..

Зачем вы падаете, не дойдя до изумрудной кровати?..

Падаете навек...

Рубаха сасанидская вольная, летучая, снежная, жемчужная стала рубиновой живой мокрой...

Текучая тяжкая рубаха...

Махмуд Талгат-бек, вы в текучей живой рубиновой гранатовой мокрой липкой рубахе.

Зачем, муаллим?..

Зачем вы сменили тихий темный халат старости на эту струящуюся последнюю посмертную рубаху?..

Зачем?..

...И кони-страсти пожрут своих всадников!..

И пожрали...

СУХЕЙЛЬ!

...Когда ты увидишь ее, и она заговорит, скажет слово, и ты услышишь ее тогда...

...Осел убежал и веревку унес...

Из «Кабус-намэ»

Айе!..

Я склоняюсь над Махмудом Талгат-беком, я поднимаю с глухого ковра его тяжелую вялую голову, я растираю ему мягкие, податливые, покорные, рыхлые

виски, но голова его валится, тянется из моих рук на ковер...

Она мертвая. Тяжкая. Безответная... Дальняя... Смеркается она... Меркнет... Как та голова кобры...

Айе!.. А я все тру, мну, мучу мертвые виски Талгатбека, а я все поднимаю его налитую хмельную голову с последнего ковра...

— Муаллим!.. Не надо!.. Зачем, муаллим?..

Но палый плод уже не вернуть на осеннюю, хладную, скользкую, свободную ветвь...

Тогда я осторожно, нежно опускаю голову Талгатбека на ковер, подложив под нее круглую кунгратскую атласную подушку. Точно ему нужна эта подушка. Не нужна уже. Ничего уже не нужно Махмуду Талгатбеку!.. Уже!..

Тогда я бегу, бегу по сонным, темным, пахнущим душистыми мятными дымными благовониями покоям гарема... Бегу... Бегу в фазаньем обширном гаремном чапане... Путаюсь в нем, кутаюсь, блуждаю, падаю, встаю, бегу... Я не могу снять, содрать, сорвать с себя нелепый этот чапан, потому что я совсем голый, как это и должно быть в гареме...

Я бегу!..

Айе!.. Бегу нетронутый из гарема!..

Потом открываю железную витую тяжелую, какую-то росистую, скользкую дверь и выбегаю в сад!..

Блаженный!.. В ночные мои одуревшие, очумевшие телячьи ноздри ударяет прелый пряный родной слезный запах осенних палых вялых листьев, листьев, листьев... Течет, струится, поднимается в ноздри чистый зрелый хладный дух осени... В душу течет!.. После темных дурных бредовых ароматов, смол и благовоний!.. Как хорошо!.. Хладно!.. Чисто!.. Родниковый дух!.. Точно лицо в родник горный, ледниковый опустил, окунул, омочил...

Я бегу, тону в садовых палых листьях! Бегу! Дышу. Просыпаюсь...

А в саду уже раннее чуткое утро.

Уже утренние сизые туманы блуждают, ходят среди смутных холодных деревьев... Сырые туманы... Топкие...

Но что-то золотится в этих зыбких ранних туманах... Что-то сонно, зыбко золотится в туманах, в туманах... Что?.. Я бегу, но в туманах что-то золотится, золотится, золотится... Словно живое! Телесное! Золотится!.. Тлеет!.. Словно головки девичьи в шитых золотом ковровых кокандских тюбетейках в текучих густых щедрых туманах мелькают, таятся, плывут, колышутся... Словно золотые поздние осенние янгиюльские подсолнухи в туманах летают, витают, зрелые, полные... Неясные... Зыбкие... Золотые...

Тогда я останавливаюсь. Тогда я замираю в туманных деревьях. Тогда я замираю... Тогда набегает ранний сырой садовый ветерок и сизые туманы отлетают, отходят, разваливаются, разбредаются...

Айвовый золотой осенний сад стоит вокруг меня. Избыточный. Тяжелый. Холодный... Живой... Листья деревьев уже все упали на садовую траву. Засыпали, заглушили, забили ее... А золотые душистые шершавые айвовые плоды чистым живым телесным золотом свешиваются с холодных, дымчатых от инея ветвей... Свешиваются тысячи золотых шаров... Шершавых, душистых... А листьев на деревьях нет... Опали, осенние... А плоды не собраны, не сорваны, не взяты... Нагие плоды на нагих деревьях, на деревьях без листьев... Не собранные, не сорванные, не взятые...

Я знаю, что некоторые люди оставляют плоды на ветвях до самых первых декабрьских снегов... И висят, томятся, золотятся нагие айвы в первых жемчужных прозрачных снегах... Золотые живые плоды на снежных деревьях!.. Айе!.. Да!.. Но я не ел золотые душистые шершавые плоды со снежных ветвей... Это богатые люди оставляют плоды дозревать, доживать, наливаясь до зимних снежных ветвей. Бедняки поедают свои плоды еще совсем зелеными... кислыми... Да.

Но сад золотых нагих айвовых плодов тяжело качается вокруг меня от раннего утреннего ветра...

— Что вы делаете утром в нашем саду, ака?..

...Айе!.. Что это? Что это?.. Чей это голос?.. Или чудится? Или снится...

Ай, неужели...

Или это золотая, напоенная, переполненная золотой терпкой рассыпчатой мякотью айва сорвалась с согбенной, усталой ветки?.. Сорвалась?.. Чудится?.. Снится?.. Мнится?.. Айе!..

Насреддин замер под деревьями... Чуткий, как зверь, учуявший опасность. Иного зверя... Замер... Стоит... Ждет в своем нелепом обильном фазаньем гаремном чапане... Худой, длинный, сутулый... Смешной!..

Стоит, оглядывается... Никого нет вокруг!.. Только золотой налитой перезрелый поздний нагой безлиственный сад стоит, мается от сырого ветра... Уже туманы уходят, редуют, слабеют...

— Кто вы, ака?.. Почему вы в чапане моего отца?..

Айе!.. Голос!.. Родниковый хрустальный девичий голос. Голос моей малой ледниковой реки, речки из ущелья чинар... Голос... Голосок... Птичий, летучий, веющий... Голос — лепесток дикой горной вешней алычи... Летит...

Где он?.. Где?..

Я осматриваюсь, но нет никого вокруг на туманной земле... на палой мягкой терпкой лежалой листве... за стволами золотых деревьев... Нет никого...

— Ака!.. Что вы крутите, вертите головой, как привязанный теленок?..

Тогда я поднимаю глаза... задираю голову... Вначале я вижу узорчатые йеменские красные сафьяновые ичиги... Потом белый жемчужный парчовый узкий уйгурский долгий чекмень-халат... Потом два глаза... две бухарские дымчатые темные живые огромные сливы, сливы, сливы...

Две живые сливы в айвовых плодах!.. Да!..

Там в холодных осенних ветвях, в золотых нагих айвовых плодах сидит девочка, девушка... Она сидит в ветвях, в плодах... Айе!.. Ай, ты зеленый вешний плод в поздних золотых перезрелых плодах!..

Айвовая, золотая, немая, кочующая птица льнет к

шершавым, золотым, душистым, душистым, поздним айвовым плодам, плодам, плодам... Задевает их... Роняет... Сонная птица льнет к сонным напоенным плодам!.. Льнет. Вьется. Бесшумная птица айвовая, золотая в золотых плодах, плодах, плодах...

Жгучая!..

— Как тебя зовут, Зеленый Вешний Плод на осеннем дереве?..

— Сухейль!..

...Сухейль... Южная звезда... Звезда дальних пустынь, где бродят одnogорбые африканские верблюды — дромадеры!.. Звезда пустынных пустынь!.. Счастливая йеменская звезда!.. Сухейль! Сухейль!.. Самум!.. Суховей!.. Суховей!.. Наша кибитка-мазанка стоит на окраине кишлака у самых текучих кочующих набегающих каракумских песков, и когда из пустыни идет самум, суховей, нашу кибитку, и наш убогий маленький хавли — дворик, и наше изумрудное малое рисовое поле засыпают, забирают летучие богатые темные пески... Идет набег ночных, слепых, немых, тучных песков, песков, песков!..

Сухейль! Сухейль!.. Летучие, падушие пески засыпают нашу кибитку... хавли... рисовое, нетронутое, невинное, беспомощное изумрудное поле...

Сухейль! Сухейль!.. И налетает суховей! суховей!.. И засыпает рисовое мое поле!.. И я бреду в песках высоких, заглушивших зеленые изумрудные ростки!..

Сухейль! Сухейль!.. Идет суховей, суховей!.. И замечает бедный, бедный мой посев! посев!..

Сухейль! Сухейль!.. И гибнет мой посев!..

И две старухи с полыхающими тонкими, узкими дамасскими бритвами бредут, бредут по рисовому полю, утопая, утопая в песке!.. Айе!..

— Кто вы, ака?..

— Я Насреддин... Сын горшечника Мустаффы-бобо...

— Я дочь Махмуда Талгат-бека...

— Что ты делаешь на дереве?..

— Я люблю спать на золотом айвовом дереве!.. Мне здесь поставили деревянную суфу... Я айвовая птица!.. Я сплю и вижу золотые айвовые сны!.. Мне

снится, что я айвовая золотая птица!.. Насреддин-ака, почему люди не летают?..

— Не знаю... Наверное, потому, что в небе нельзя выращивать рис... Да и летать с кетменем трудно...

— Насреддин-ака, а вам снятся айвовые сны?..

— Да... Снятся...

— Насреддин-ака, почему вы облизываете губы?.. Вы хотите пить!..

— Да, Сухейль. Хочу... У меня во рту суховей... И в голове... И в душе тоже,— тихо добавил Насреддин, не отрывая глаз от девушки, от ее сливовых глаз, от пухлых губ, похожих на реки в половодье... От маленькой, быстрой, птичьей, верткой головы в золотой ковровой айвовой тубетейке...

— Съешьте айву... Вот... Держите... Золотая!.. Ловите!..

— Не хочу айву... От нее еще суше во рту... Она вязкая, душная... Я напьюсь из арыка...

У меня во рту пустыня. Суховей. Сушь...

Это от бессонной ночи, от самаркандского густого вина, которое делают из терпкого сушеного горьковатого сахаристого изюма...

Сухейлы! Сухейлы!.. Суховей! Суховей!.. И гибнет малый бедный мой посев!.. И пески тучные засыпают рисовое изумрудное живое поле, поле, поле...

Я подбираю с земли обильный фазаний халат и склоняюсь над садовым арыком.

— Насреддин-ака, Насреддин-ака! — летит с дерева встревоженный голосок-лепесток.— Нельзя пить из арыка! Там вода полевая!.. Дурная вода!.. В ней опасный, смертельный червь-ришта водится... Незаметно входит он в человека и губит его...

— Как любовь,— шепчу я и опускаю сухие губы в арык. Пью. Вода острая. Темная...

— Нельзя пить!.. Там червь!.. Насреддин-ака!..

Сухейль ловко слезает с дерева, сбивая, свергая, задевая десятки тяжелых золотых айвовых плодов, подбегает ко мне, хватая меня тонкими сквозящими

ивовыми стеблями-руками за плечи и пытается оттащить от арыка.

— Нельзя, нельзя, Насреддин-ака!.. Не пейте!.. Вода дикая, дурная.. Червь-ришта в ней!..

Золотые айвы мягко и сонно падают на землю, на палые росные листья... Много плодов... Перезрелые... Отягченные...

Но я пью. Я не могу оторваться от арыка... Я пью, а суховой не уходит...

Некоторые плоды падают в арык... Плывут, золотые... У моих губ плывут...

Я гляжу на Сухейль, а она глядит на меня... Долго...

Я пью арычную воду и гляжу на нее...

У нее на шее темным глубоким огнем полыхают гранатовые крупные бусы... Бусы, бусы...

А пески все засыпают мое рисовое изумрудное живое поле, поле, поле...

А я все пью из арыка, и не могу напиться, и не могу наглядеться на Сухейль...

Тогда она неожиданно, гибко, быстро склоняется над арыком — длинные смоляные косы и гранатовые крупные бусы падают, спускаются в арычную воду, а Сухейль пьет, пьет из арыка!.. Пьет, а сливовые глаза умоляюще, грустно, укоризненно глядят на меня... Жалуются мне...

— Айе!.. Что ты делаешь?.. Сухейль!.. Нельзя! Нельзя пить!.. Здесь червь-ришта!.. Нельзя, Сухейль... Нельзя!.. — Я вмиг отрываюсь от арыка и подбегаю к ней, и оттаскиваю ее от арычной гibly, пахнущей затхлой глиной воды. — Ты успела хлебнуть, Сухейль?..

— Да. Много! — улыбается она мне.

— Зачем?..

— Но вы же пьете, ака... И я... И я тоже... Вместе с вами...

Она стоит рядом со мной. Я чувствую, как неслышно, тонко она дышит... Два сливовых глаза не отрываются от меня.

Я беру ее за мокрые косы, и она молчит и глядит на меня...

Тогда я целую ее в раскрытые мокрые послушные добрые губы, и она молчит и глядит на меня...

И от губ ее пахнет арычной глиняной водой. Прекрасной водой... И она молчит и глядит на меня...

...А пески, пески летучие обильные, тучные все засыпают, засыпают мое рисовое, мое бедное, мое изумрудное, мое живое, родное, сокровенное поле, поле, поле...

И две старухи со сверкающими узкими бритвами в руках бегут, бегут за мной, но потом отстают, отстают, вязнут — и тонут, тонут по самое горло в высоких сыпучих прекрасных песках... И тонут по горло в песках, и отстают, отстают, отстают...

— Сухейль, я люблю тебя!..

Тут тяжелая, избыточная устремленная айва, сорвавшись с высокой слабой ветви, падает Насреддину на голову и, не разбившись, слетает на землю и катится по палой листве.

Больно... Слезы выступают на глазах Насреддина, но он улыбается, потирая уши.

— Плод созрел. Вот и падает. Созрел. Даже перезрел. Как я...

— И как я,— говорит она, и новый падучий палый хмельной плод ударяет и ее по голове.

— Айе! Больно?.. Сухейль?..

— Айе! Нет!.. Насреддин-ака!..

— Я люблю тебя, дочь бека...

— Я люблю вас, сын горшечника...

Полузатонувшие золотые телесные палые айвы тесно плывут по арыку...

Золотой арык...

Но!..

Айе!.. Кто это?! Чьи, чьи руки сразу отрывают меня от Сухейль, от ее губ?.. Чьи?..

Желтые лисьи роящиеся глаза атабека Кара-Бутона

в упор, у самого моего носа, глядят на меня. Я слышу прогорклый, перегоревший, дурной запах вина и бараньего мяса из его узкого, перекосившегося от злобы рта. Я отворачиваюсь от этих нечеловеческих, охотничьих глаз, от этого запаха старой тлеющей томящейся плоти...

Опять две монгольские соколиные стрелы певуче, тонко скользят, свистят у моих отроческих, доверчивых, заячьих, щенячьих ушей!.. Опять!..

В руке у атабека короткая витая плетеная тяжелая турецкая камча-плеть с серебряным литым наконечником.

Он хочет ударить меня по лицу, но по лицу не попадает, хотя я стою и не двигаюсь.

Я гляжу на Сухейль, на темные гранатовые крупные бусы, на сливовые дымчатые глаза...

Я гляжу на ее напоенные, избыточные губы... на наши реки в половодье...

Я гляжу на нее и чувствую прекрасный родной запах арычной текущей глины, глины, глины...

Сухейль, Сухейль... все богатый, необъятный суховой засыпает бедный малый мой посев...

Я стою, а Кара-Бутон бьет, бьет, хлещет, рвет, режет меня камчюю!.. Все он хочет попасть по моему лицу, чтобы угодить, хлестнуть серебряным метким наконечником мне по глазу... Чтобы расплескать, вычерпнуть, вынуть, выгнать мертвым наконечником живой мой, горячий невинный глаз... Чтоб не видел я больше Сухейль!..

Все он хочет попасть по моему лицу. И я стою неподвижно и не чую, не слышу его ударов и гляжу на Сухейль, и атабек все хочет наконечником попасть, убить, «вылить мой глаз...

Ходит вокруг меня... Вьется... Прыгает!.. Приноравливается... Мается... А не попадает в мой глаз! Мне жаль его. Старый охотник... Камча свистит... Рвет... режет фазаний гаремный мой халат... Халат весь уже рваный... Тело мое отовсюду светится, обнажается... Невинное. Зрелое...

— Сухейль, Сухейль, я люблю тебя! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю!.. — кричу я, улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь, под камчюю...

— Голь! Колючка! Пыль! Пыль! Пыль! Прах! Я за-
порю тебя! Я выбью, вырву камчой твои блудливые
глаза!.. Насмерты!..— храпит, хрипит атабек Кара-Бу-
тон. Он старый. Устал уже. Мне жаль его. Старый
охотник...

Наконечник серебряный томительный не попадает в
глаз... Устает наконечник... Устает... Айе!..

И тут Сухейль срывается с места, и подбегает к
атабеку, и хватает его за бороду, за усы, стараясь
расцарапать, разрушить, разъять его лицо.

— Не трогайте его! Не трогайте Насреддина!.. Я не-
навижу вас!.. Я позову отца!.. Отец! Отец!.. помогите!..

— Нет у тебя отца!.. Твой отец мертвый лежит в
гареме! Теперь я твой отец! Теперь я твой повелитель!..
Ха-ха!.. Как только пройдет положенный после похоро-
н срок, ты станешь моей женой!.. Девчонка... Зеленая
ходжентская исфаринская урючина! С сырой молочной
сладкой косточкой!.. Я съем твою косточку!.. Ха-ха!..
Я люблю зеленый урюк! Молочную косточку! Зубам
весело! Телу прохладно!..

Атабек хватает Сухейль свободной рукой за длинные
мокрые косы и оттаскивает ее от своего лица, как щенка
от материнского сосца... Хохочет...

Сливовые глаза плачут... Плачут от боли... Глядят
на меня... Печально... Текут глаза... Молят...

Что же я стою? Я, Насреддин, сын горшечника
Мустаффы-ата, с пяти лет не разлучающийся с кетме-
нем и топором...

Чего я стою, как старый немой китайский высох-
ший карагач с муравьиными кишачими дорогами?..

А мою Сухейль атабек тащит по земле за косы, как
степной конь влачит, влечет жертву, привязанную к
его хвосту?.. Тащит. Хохочет...

Смоляная маленькая птичья головка поворачивается
ко мне.

— Ака! Бегите!.. Он убьет вас!.. Бегите, ака...

Айе!.. Тогда я просыпаюсь!.. Просыпаюсь!.. Я
догоняю атабека. Я сразу попадаю. Я бью атабека ку-
лаком по затылку. Сразу...

Так мой отец Мустаффа-ата глушил резвых, разыгравшихся весенних бычков. Когда кишлачные дехкане не могли справиться с вешними, хмельными, травяными медовыми налитыми луговыми бычками, они звали на помощь Мустаффу-ата, и он одним ударом усмирлял, укладывал бычков на траву... Они долго потом лежали одурманенные, вялые, тихие... Рука у Мустаффы-ата тяжелая, глиняная... Рука гончара...

Я ударил атабека кулаком в затылок, как разыгравшегося, привольного, вешнего бычка, и он сразу затуманился, задумался, забылся, и сел в арык, и опустил голову, и отпустил косы Сухейль. Он сразу стал мягким, тяжелым, сонным... Он сразу стал похож на древний обвалившийся дувал...

Муторно, мутно, недужно ему... Тошно... Далеко он... Жаль его... Как старого дикого раненого зверя...

Он сидит в арыке, опустив голову, точно спит, и полузатонувшие золотые айвы теснятся, тычутся в него... Застревают...

— Бегите, ака!.. Скорей!.. Сейчас сюда прибегут стражники-сарбазы! Они заперют вас до смерти, ака!.. Бегите!

Скорей!..

Глаза сливовые глядят. Молят. Текут глаза...

Насреддин запахивает на себе обильный фазаний гаремный чапан. Чапан весь изодран, разбит, разорван, разрушен камчой... Тело худое, костлявое отовсюду светится... Невинное, багровое от хлестких, жгучих ударов.

Но Насреддин улыбается...

— «Сухейль, Сухейль... Я скоро вернусь... скоро приду... Буду пить арычную воду...

— И я буду пить арычную воду... Вместе будем пить...

— Я скоро приду! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро!.. Ты жди, Сухейль!..

— Арык течет, ака... Сухейль ждет, ака... Арык течет — Сухейль ждет...

— Я люблю тебя, дочь бека...

— Я люблю вас, сын горшечника...

идет, бредет по кишлаку... За ним бегут, хохочут, хватают, дергают его за широкие великие рукава чапана кишлачные мальчишки, но он не обращает на них внимания. Собаки кишлачные на него лают, скалятся, но он не слышит, не видит... Он далекий, веселый!..

В руках у него дутар, и он бьет по струнам сильными, резкими пальцами и выкрикивает вольные пьяные слова:

— Эй, люди! Помогите! А то я умру от счастья!.. Ай, больно как! Ай, сладко как!.. Да налейте мне в душу ледяной горной воды, чтоб погасла... Чтоб не жгла так!.. Так!.. Эй, люди, во рту у меня суховей! Песок!.. Сухейлы!.. Я хочу твоей арычной воды, воды, а она за стеною!.. Эй, люди, помогите!..

Это Насреддин. Он кричит, и глаза его блаженно закрыты. Он не видит ничего. Только пальцы слепо, хлестко бьют по острым струнам дутара, и струны обрываются, сворачиваются, ползут, а на пальцах появляется кровь.

Тогда Насреддин бросает онемевший дутар на дорогу.

— Эй, люди, помогите, а то я умру от счастья!.. Помогите!..

Старая женщина с непокрытой седой головой бежит вослед за ним и кричит:

— Сынок, вернись домой!.. Не позорь нас на весь кишлак!.. Зачем ты надел чапан жениха?.. Мы же нищие... Где мы возьмем калым?.. Вернись, сынок... Насреддин!..

Это Ляпак-биби...

Но Насреддин не слышит ее слов... Отстает она... Садится на дорогу... Плачет... Старая женщина...

А Насреддин нагибается, снимает с головы лазурную ковровую тубетейку и зачерпывает холодной осенней жемчужной дорожной пыли и сыпет пыль себе на свежепобритую, вымытую, нагую чистую голову.

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю тебя,

Сухейлы!.. Помогите, люди!.. Вы же тоже любили!.. Помогите!..

Пыль течет по голове Насреддина. Холодная... Осенняя... Сырая... Невеселая...

— Сумасшедший!..

— Дервиш!..

— Блаженный!..

— Дурной!

— Бешеный! Бешеная собака! Связать его надо!..

— В него шайтан вселился!.. Нужно привязать его к дереву и бить палками, чтобы шайтан ушел из него!.. Если он не вылечится, пусть я стану жертвой шейхов!

Это кричит кишлачный табиб-лекарь Ильяс-махдум, и люди внимают ему. Верят. Они хотят помочь Насреддину...

Ласково привязывают его жесткими веревками за руки к старому высохшему китайскому карагачу.

Ласково снимают с него чапан жениха.

Ласково бьют палками. Помочь хотят. Ласково.

— Уйди, шайтан! Покинь чистого отрока, дьявол вездесущий!.. Уйди! Оставь отрока!..— шипит, шепчет, кричит, причитает Ильяс-махдум.

— Меня уже били камчой, а шайтан не ушел! Вы думаете, почтенный табиб, что он убоится, испугается целебных палок?..— смеется Насреддин, вздрагивая от частых ударов.

...Опять меня бьют...

Муравьи с засохшего китайского карагача падают мне на спину, ползут, жалят... Те самые муравьи... Предвестники смерти...

— Ай, табиб Ильяс-махдум! Не помогут палки!.. Я люблю Сухейлы! Люблю! Люблю! Люблю!.. Помогите, люди!.. Во рту у меня суховей!.. Зачем мне ваши палки?.. Ах, табиб, вы сами шайтан!.. Шайтан, забывший о любви!..

Надоело мне! Я пытаюсь разорвать веревки и освободиться, но веревки не даются, держатся. Палки ходят по моей спине. Надоело мне. Устал.

Маленький табиб бегаёт, носится, скачет, как осенний кузнечик, вокруг карагача и кровожадно кричит:

— Бейте, бейте шайтана! Не жалейте его!.. Лучше пусть он умрет — но спасется!.. Бейте шайтана!.. Еще в девятом веке шейх Абу Бек Мухаммед ибн Закарийя

ибн Яхья Рази относил любовь к тяжелым болезням! И советовал такие лекарства, как длительный пост, переноска больших тяжестей, долгие, изнурительные путешествия...

— Но палки-то, палки разве он советовал? — кричу я оглохшему табибу, стараясь разорвать веревки.

— Палки — это лекарство от всех болезней! Самое лучшее! Оно изгоняет все недуги! Терпи, терпи, сынок!.. Если останешься живым — будешь настоящим мужем!.. Бейте, бейте его!.. Гоните шайтана!.. Ай, хорошо!..

Айе! Ему-то хорошо, но мне тяжело. Уже нет сил кричать, и я шепчу:

— Сухейль, я люблю тебя. Я приду пить арычную воду... У меня глаза закрываются, засыпают. Уже... Айе!..

Опять две хищные рысьи старухи с полыхающими узкими дамасскими бритвами в руках догоняют меня... в высоких, немых, сонных песках, песках... Догоняют... Рядом уже... Я слышу шелест бритв...

Но!..

Но тут чьи-то мускулистые гибкие руки разрывают веревки и густой голос говорит:

— Эй, правоверные! За что вы бьете его?.. За то, что он полюбил девушку?.. А вам завидно?.. Вы забыли?.. Скучно вам жить?..

Это кишлачный богатырь, кузнец Рустам-палван. Он освобождает меня, и толпа вокруг замирает. Я, шатаясь, отхожу от дерева. Спина затекла. Не могу разогнуться... Потом разгибаюсь... Надеваю свой чапан жениха. Руками сбрасываю, сметаю, снимаю с горячей своей спины муравьев...

Смешно!.. Зачем меня били!..

— За что тебя били, Насреддин? — мрачно спрашивает Рустам-палван, и я вижу, как сизые жилы на его руках тяжелеют, набухают, волнуются.

— Не знаю... Скучно людям в нашем кишлаке... А тут хоть какое-то развлечение, — улыбаюсь я. — Дех-

кане работают на полях, а лентяи ищут себе иную работу...

— Мы хотели его вылечить. Изгнать из него болезнь... Шайтана изгнать! — тяжело дыша и засовывая под язык щепотку насвая-табака, говорит Ильяс-махдум. Он улыбается, обнажая мелкие свои кошачьи зубы...

— Устали, домулло?..

— Да... Трудно выгонять шайтана!.. Много сил требуется! Много палок!.. Устал я... Печень болит...

— Лекарь лечит других людей, а от своей болезни не знает лекарств!..

— Но есть одно всеобщее лекарство, домулло. Вы сами говорили о нем. Самое лучшее лекарство. Оно изгоняет все недуги... Оно называется «палки»!..

Айе! Ильяс-махдум поздно учуял смысл моих слов, но, учуяв, он с юношеской прытью бросился бежать от нас, подобрав полу своего белого бухарского полотняного чапана и поднимая пыль.

Тогда я поднял с дороги одну из палок и побежал вслед за табибом под свист и улюлюканье толпы.

— Домулло! Смотрите, лекарство само преследует больного!.. Айе!.. Домулло, зачем вы так быстро бежите?.. Поднимаете пыль!.. Чихаете!.. И ваш новый благородный полотняный чапан покрывается дорожной нехорошей пылью! Ай, домулло!.. Разрешите мне выбить ваш чапан этой недостойной палкой... Избавить его от пыли... Мне жаль ваш чапан, домулло!.. Разрешите немного выбить, выколотить пыль из него... И не бегите так быстро!.. Чем быстрее вы бежите, тем больше пыли на вашем чапане и тем сильнее приходится бить ваш чапан палкой!.. Ах, домулло!.. Хватит!.. Бегите дальше... Моя палка устала. Прощайте, поставщик кладбищ!.. — кричу я ему вслед.

Я отстаю, бросаю палку, но белая, пыльная, полотняная спина Ильяса-махдума еще долго и уныло маячит, мается вдали... среди поднявшейся дорожной пыли.

Он прекрасно бежит, этот табиб!.. У него юные, сайгачьи ноги. А мозг сонный, неповоротливый, ба- раний...

— Сухейль, Сухейль, я люблю тебя... Я приду пить арычную воду...

У меня уже нет сил кричать, и я шепчу.

— Арык течет, ака... Сухейль ждет, ака... Арык течет — Сухейль ждет!..

Рустам-палван догоняет меня. Осторожно берет за плечи.

— Пойдем ко мне в кузницу. У тебя спина как треснувший перезрелый ходжиильгарский гранат... Пойдем. Помажем ее ирбитской целебной мятной мазью...

Я покорно иду за Рустамом-палваном. Ему всего двадцать лет, но он похож на взрослого опытного мужчину. У него жена Гуль-парчин и двое детей...

— Сухейль, я люблю тебя...

В кузнице Рустам-палван сильными руками втирает мне в спину ирбитскую пахучую мазь. Спина моя становится мягкой, скользкой. Не горит уже...

Потом Гуль-парчин приносит подогретую бузу в тыквенном сосуде и пару раскрашенных кленовых чашек. Рустам-палван процеживает бузу сквозь тонкий платок и наливает в чашки. Мы пьем бузу. Пьем...

— Хорошая буза? — улыбается Рустам-палван.

— Хорошая... Но я люблю Сухейль!.. Но я люблю арычную воду!..

— Не знаю, как помочь тебе,— сокрушается богатырь...

Низенькая дверца кузницы открыта, и я вижу пыльную нашу пустынную унылую кишлачную дорогу. Мы пьем бузу, и я гляжу на дорогу. Эта пустынная малая родная дорога уходит вдаль и там вливается, впадает в Великий Шелковый Путь. Меня так часто тянуло уйти по этой дороге. ...Мальчишкой я несколько раз убегал по этой дороге, но отец находил, настигал меня на своем верном аль Яхшуре... И странно, что Му-стаффа-ата никогда даже не ругал меня за бегство, а только мрачнел и молчал, а за другие проступки наказывал... Почему?..

А меня все тянуло на Великий Путь... Там бредут большие караваны в тысячу верблюдов!.. Там языки чужие, дальние, многие... Там города кишашие... Кишлак мой родной мал мне... Птенец уже вырос, и крылья его больше гнезда... И гнездо опостылело... И гнездо уже обвалилось, разрушилось от дождей и ветров и сиротливо чернеет, свисает, тянется в нагих осенних ветвях... Но Сухейль!.. Я люблю тебя!.. Я не уйду на Великий Путь...

— Пей бузу, Насреддин! Лучше тебе стало?.. Spина не болит?..

— Нет, Рустам-ака... Spина не болит. Кости не болят. Тело не болит. Голова не болит. Но что-то болит. Жжет!.. Что?.. Что еще в человеке остается, кроме тела, головы, костей?.. Что же болит так?.. Жжет, ака...

— Одни говорят — сердце, другие — печень...

— Не болит у меня ни сердце, ни печень... Что-то другое болит... А что?.. Не знаю... Когда били меня камчой и палками, легче было... Может, прав был табиб Ильяс-махдум... Легче было, когда били, а теперь опять жжет, ака... И что болит?.. Не знаю...

— Душа, наверное...

— А что такое душа?..

И тут они слышат крик:

— Хак!.. Ху!.. Дуст!.. Хак!.. О возлюбленный боже!.. Ай, душу жжет!.. Горит душа от любви!.. От любви к тебе... Душа горит!.. Жжет!

— Айе!.. Еще один влюбленный!.. Рустам-ака, позовите его сюда, этого старика дервиша!.. Певца!.. Маддоха!.. Хафиза бродячего!.. У него тоже «горит и жжет»... Пусть он скажет, что горит и жжет... Позовите его, ака!..

По кишлачной дороге бредет слепой дервиш-каландар. На маленькой усохшей его голове едва держится дервишский остроконечный колпак-кулох. В руках у него сосуд-кашкюль для сбора подаянья и грушевый почерневший посох с металлическими кольцами. Кольца тихо и печально позвякивают, как колокольцы прохожего каравана...

— Бобо, пойдите к нам... Отдохнете... Выпьете домашней бузы... Мы наполним хлебом и халвой ваш кашкюль... Пойдемте, бобо... — Рустам-палван осторожно берет слепого за руку и ведет его к кузнице.

— Спасибо, сынок... По твоему голосу я чувствую, что ты человек божий, добрый. А сказано в Священной Книге: и не забывай о странноприимстве, ибо под видом странников могут прийти ангелы!.. И Хызр святой — покровитель путешественников — может прийти в дряхлом зеленом чапане путника-дервиша...

Насреддин и Рустам-палван усаживают старика на толстую ургенчскую курпачу, подкладывают ему подушки под спину.

Гуль-парчин приносит медный кумган и тазик, и старик моет руки. Потом он быстро шепчет молитву сухими узкими своими губами... Потом долго, медленно, смакуя каждый малый глоток, пьет бузу... Молчит. Какая-то далекая улыбка появляется на слепом его лице, изрытом оспой и морщинами...

— Добрые люди, вы хотите что-то спросить у меня?.. Я чую... Спрашивайте...

— Бобо, вы пели, взывали, кричали, что душа ваша горит от любви... И моя душа тоже горит!.. Но что такое душа и где она, бобо?.. Может, можно и ее помазать целебной ирбитской мазью, чтоб не болела, не жгла... Как побитую мою спину...

— Ты любишь девушку?..

— Да, бобо...

— Она и есть твоя душа. Соединись с нею... Она — вода на твой огонь...

— За эту воду меня уже дважды избили, бобо...

— Тебя притесняют?.. Тебя оскорбляют?.. Ну что ж... Таков этот свет... Побивают камнями плодовое дерево. Бесплодное — нет... Будь плодовым деревом, сынок!.. До самой смерти!..

— А вы были плодовым деревом, бобо?..

Слепой опустил голову. Усохшую, белую, маленькую голову в дервишском пыльном нелепом колпаке-кулохе... Прошептал:

— Был, сынок... Но люди оббили все мои плоды... И глаза не пощадили...

Старик плакал... Слезы текли из слепых глаз... Странно... Я никогда не думал, что слепые могут плакать... Что слезы льются и из слепых глаз... Странно.

О боже, что за земля?.. Что за люди?.. Что за страна, где и слепцы плачут?..

— Бобо, разве не трахома съела ваши глаза?..

— Нет... Эмирский палач умело, ловко выколол, вычерпал, вытеснил, выдавил, выпустил их из орбит ореховыми тонкими стрелами... Я видел, как в последний раз мои глаза текли по ореховым точеным заостренным палкам... Видел в последний раз, как текли мои глаза... Уходили по ореховым гладким палкам... Палач был умелым... Даже боли не было... Глаза ушли...

— За что, бобо?..

— Мои глаза с детства очень много видели... Они не были ослеплены любовью, как твои... И потому они видели нищую нашу землю... убогие кибитки-мазанки... худых дехкан на чужих полях... баев с камчами... эмирских тучных стражников-сарбазов... и кишлачных босых и в декабре детишек с фахитичными сизыми животами, похожими на купола богатых мавзолеев... Ай, эти невинные маленькие люди!.. Я благодарю Аллаха, что больше не вижу их... В нашей стране лучше всего быть слепым... И те, кто имеет глаза, притворяются слепыми... А я все чувствую... все вижу лучше зрячих... Я слепец, но я открываю глаза зрячим... Я говорю, кричу, пою, воплю на всех дорогах, что Аллах создал всех людей равными и не должно быть ни хозяина, ни раба на этой земле... ни бедняка, ни богача!.. Ведь святой Омар ибн уль Харис говорил, что сам пророк Мухаммад по смерти своей не оставил ни динара, ни дирхема, ни раба, ни рабыни, ничего другого, кроме старого мула, оружия и лука... У меня слабые малые хилые руки... Они не в силах поднять даже кетмень... Но я борюсь языком, словом...

— А надо бороться кетменем,— мрачно сказал Рустам-палван.

— Надо бороться и кетменем и языком,— сказал Насреддин...

— Язык сильнее кетменя...

— Любовь сильнее и кетменя и языка!.. Я люблю Сухейль!.. Я хочу пить арычную воду!..

— Эх, сынок, слепой ты!.. Любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на караванной

пыльной проезжей дороге или строить, вить гнездо в осенних холодных ветвях нагой белой айвы. Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, удавило невинное беззащитное яйцо. Налетел ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось... Погляди на эти глиняные столетние слепые кибитки, на эти нищие низкие глухие саманные дувалы... На этих детишек с коровьими печальными глазами... Разве можно тут любить?.. Разве можно?..

— Да, бобо!.. Можно!.. Даже Великий Шелковый Путь зарастет колючкой и саксаулом, если новые и новые караваны не пойдут по нему...

— Пусть зарастет колючкой и саксаулом, если это Путь Зла! — яростно закричал дервиш и схватился за свой посох, и печально отозвались, запели металлические кольца...

— Нет!.. Нельзя истребить Путь Жизни!.. Нельзя отдавать его колючкам, черкезу, тандыму и саксаулу!..

— Ты слепой, дурной... Ты вешний, ярый, хмельной, оглохший бычок... Мне жаль тебя... Жаль... Но в твоих незрелых, мутных словах есть соль — осадок мудрости... Я люблю и прощаю тебя, сынок... Пусть подольше не проходит твой хмель!.. Бычок!.. Не споткнись раньше срока!..

...И тут я вспомнил, как мой отец одним ударом кулака укладывал в траву разыгравшихся хмельных травяных луговых бычков и как лежали они в траве, сваленные, сбитые, тихие, одурманенные, вялые, далекие... Покорные, сломленные...

Но!

— Бобо!.. Я люблю Сухейль!.. Я хочу пить арычную глиняную полевою дикую воду!.. Помогите мне!.. Она ждет меня!.. Арык течет — Сухейль ждет!.. Помогите мне!..

— Я помогу тебе, Насреддин... А пока берись за мѣхи! Цепь ковать будем!.. Берись, бычок!.. Ночью полезем на крепостную стену... — Это сказал Рустампалван.

Ночью!..

Сухейль!..

Ночью!..

НОЧЬ!

...Ибо сильна, как смерть, любовь!..

Песнь песней

Айе!.. Сухейлы!.. Ночь!.. Ночь!.. Ночь!.. Ночь!.. Уже, уже ночь!..

Айе!.. И дожди!.. Дожди!.. Дожди!.. Дожди!.. Зачем, зачем дождь?..

...Мы с Рустамом-ака бежим, бежим, крадемся по осеннему плывущему, ползущему хлопковому темному волчьему полю... Падаем, раздираем лицо о тусклые острые голые кусты-гузапай. Дождь осенний холодный... Волчий дождь... Нехороший... Поля ползут... Сосут... Расходятся под ногами... Разбредаются...

У меня в мешке свежая, еще не остывшая, длинная тонкая цепь. Теплая еще от ковки... На конце цепи острый крюк, чтобы зацепиться за крепостную стену...

Ночь!.. Дожди!.. Темные, топкие, необъятные поля, поля, поля...

Айе!.. Ночь!.. Сладкая!.. Уже!..

Айе!.. Дожди!.. Горький!.. Зачем?..

Но цепь, цепь теплая!.. Свежая!.. Она спасет!..

— Сухейль?.. Ты ждешь?..

Где крепость?.. Где твоя Офтоб-кала?.. Где твои стены высокие?.. Где твой белый жемчужный парчовый уйгурский чекмень?.. Где красные сафьяновые йеменские тихие ичиги?.. Где темные крупные, крупные гранатовые бусы?.. Где птичья быстрая головка со сливовыми глазами?..

Айе!.. Где?..

Опять у меня во рту суховей!..

Опять две рысьи низкие беззвучные старухи с полыхающими дамасскими узкими долгими шелестящими бритвами в руках настигают, настигают меня в топком изумрудном рисовом родном солнечном поле, поле, поле...

Ночь!.. Дожди!.. Бежим!.. Цепь в мешке теплая, свежая!..

— Ака!.. Мы не заблудились? — кричу я в дожде.

— Нет, бычок. Я знаю дорогу. Скоро уже. Тебе не холодно, бычок?..

— Нет, ака. Я люблю Сухейлы!.. Она ждет!.. Она сидит в ветвях айвы... И ждет!..

— Она птица?..— смеется Рустам-палван.

— Да. Она айвовая птица. В первый раз я увидел ее во сне...

— Ладно. Не промокни, не простудись, а то твоя птица не сможет обнять тебя... Она же птица, а не рыба...

Рустам-палван смеется. Я вижу перед собой в темном тесном дожде его вольную, добрую спину, и от этой спины мне становится спокойно и тепло среди осеннего ночного ползущего неверного поля...

Ночь!.. Дожди!.. Сухейль, ты где-то рядом!.. Скоро, Сухейлы!..

Айе!.. Вот она!.. Офтоб-кала!..

В дожде перед нами неясно и сыро вырастает крепостная высокая стена. Высокая!.. С нее стекает глиняная густая дождевая вода. Вязкая эта вода несколько раз сносит нас... Уносит от громады стены...

Стоим. Замираем. Прислушиваемся, но никого не слышно в ночном безлюдном волчьем дожде... Крепость спит... Жизнь хмельных ее обитателей уже ушла в пьяные сонные подушки и ковры... Да!.. Тихо!..

Только дождь сечет саманные глухие стены... Только дождь сечет ночные поля... Только дождь сечет нас...

Рустам-палван берет у меня мешок, вынимает тонкую долгую, теплую еще от недавнейковки цепь с острым крюком и, сильно раскрутив ее над головой, швыряет вверх...

Крюк цепляется о скользкий текучий край стены, срывается и падает вниз, едва не ударив нас... Потом он еще раз бросает крюк вверх... Но ему не везет. Он слишком сильный.

Тогда я бросаю крюк, и он сразу крепко входит, намертво врезается в стену...

— Молодец, бычок! — улыбается Рустам-ака.— Раз ты так ловко закинул тяжелый крюк, можешь смело лезть на дерево к своей девушке-птице!.. Давай!.. Влезай по цепи!

— Спасибо, ака!.. Возвращайтесь в кишлак... Спасибо за цепь!..

— Ладно, бычок...

...Я долго лезу, карабкаюсь по мокрой, скользкой цепи. Цепь режет мне руки. Продрогшие судорожные ноги мои бьются, маются, топчутся, скользят о сырую текучую тупую стену.

Долго я лезу... Но вот я уже сижу на стене... Перебираю, поднимаю цепь с земли и спускаю, бросаю ее в крепостную дождливую зияющую тьму...

Спускаюсь, съезжаю по цепи вниз... Цепь рвет, мучит кожу на ладонях и пальцах, но я не чувствую этого.

Ай!.. Я в крепости!.. Сухейль, где ты?..

Я бегу по мокрому тяжкому айвовому саду.

Уже не золотятся в дожде тесные шершавые поздние телесные плоды... Уже не золотятся... Уже все айвы сошли, упали, упали с холодных дымчатых мерлых ветвей...

Уже упали!..

Только в дождливых ветвях темнеют, тянутся, осыпаются мокрыми соломинками разбухшие пустынные птичьи гнезда...

И тут я вспоминаю дервиша-слепца: любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на пыльной проезжей караванной дороге иль строить, вить гнездо в осенних холодных тайных ветвях нагой белой айвы...

Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, удавило невинное хрупкое, беззащитное яйцо... Налетел дождливый ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

...Но нет!..

Я бегу по мокрому ночному саду!..

— Сухейль!.. Сухейль... Где ты?..

Я бегу по саду. Я ищу свое гнездо. Я ищу тебя, Сухейль!.. Где ты?.. Айе!.. Вот арык... Он разбух, развалился, расширился от дождя!.. Я бегу вдоль арыка... по арыку... Арык стал рекой!.. Темная острая большая гибельная вода доходит мне до коленей... до живота... до горла...

— Сухейль!.. Где ты?.. Где твое дерево?.. Твое гнездо?.. Я люблю тебя, Сухейль!.. Люблю!.. Люблю!.. Люблю!.. Арык стал рекою, Сухейль!..

Я плыву, плыву, тону, тону, тону, тону в арыке, в реке...

— Сухейль, Сухейль, я пришел пить арычную воду, арык стал рекой!.. Сухейль, где твое дерево?.. Где ты?.. Где твое гнездо?..

Я плыву, тону в арыке...

Айвовая золотая немая кочующая птица, птица льнет к шершавым, золотым, душным, душистым поздним, забытым айвовым плодам, плодам, плодам... Задевает их... Роняет... Сонная птица льнет к сонным напоенным плодам!.. Льнет... Вьется... Бесшумная птица айвовая, золотая в золотых, золотых плодах... Жгучая!..

Я плыву, тону в арыке...

— Сухейль, где ты?.. Я пришел пить арычную воду, а арык стал рекою!.. Где ты, Сухейль?..

— Я здесь, ака... Я думала, что вы не придете... Дождь такой густой, темный!..

— Я пришел, Сухейль... Но арык стал рекою... Я думал, что ты не будешь ждать меня, Сухейль...

— Арык течет — Сухейль ждет... Река течет — Сухейль еще больше ждет!..

Я с трудом вылезая, выплываю из ночной глиняной реки... Вот оно, дерево Сухейль!.. Это ее голосок — лепесток дикой вешней алычи падает в дожде...

Дерево одиноко стоит среди реки... Айва нагая!.. Одинокая!..

— Сухейль, можно к тебе на дерево?.. Тут мокро... вода большая... Можно, Сухейль?.. Тут река... Можно?..

— Да, да, ака... Идите сюда... Тут сухо...

Я лезу по мокрому узловатому стволу айвы. Лезу наверх. Руки и ноги мокрые, дрожат. Чего они дрожат?..

На ветвях стоит деревянная бухарская суфа, над нею крыша из камышовых плотных плетеных циновок. Дождь не проходит сюда.

Тут сухо, тихо...

Сухейль сидит... Тихая на тихой суфе...

Сухейль глядит... Тихая!..

Глаза сливовые молят!.. О чем молят?.. Я не знаю. Не знаю я...

Дождь мягко и сонно сыплется, шелестит, шуршит о камышовые циновки.

Я весь мокрый. Я плыл в реке. Я весь дрожу... На тихой деревянной бухарской суфе...

Тогда она говорит... Шепчет. Шелестит... Ласкает... Лелеет... Тогда она говорит...

Говорит...

А я дрожу и гляжу на ее узорчатые тихие неслышные йеменские красные сафьяновые ичиги... на длинный жемчужный парчовый уйгурский чекмень... на рубиновое аксамитовое платье... на гранатовые крупные бусы, бусы, полыхающие темным глубоким колодезным неспокойным огнем... на бусы гляжу... на губы — разлившиеся полные реки... на сливовые беззащитные глаза... на золотую ковровую айвовую тюбетейку... на птичью маленькую головку...

Дождь мягко и сонно сыплется, шелестит, шуршит, льнет к камышовым циновкам...

Тогда она говорит:

— Ака, вы промокли... Ака, вы дрожите... Ака, вы заболете... Ака, а у меня нет ни горячего чаю, ни вина... Ака, вы должны согреться... Ака, я не знаю, как вас согреть... Возьмите мой чекмень, ака... — Она

снимает с себя жемчужный чекмень и протягивает его мне...

— Не надо, Сухейль... Мне не холодно... Это арык стал рекою...

— Вам холодно, ака... Вы весь дрожите... Возьмите мои ичиги, ака...— И она снимает с ног ичиги и протягивает их мне...

— Не надо Сухейль... Мне не холодно... Арык стал рекою...

— Вам холодно, ака... Закутайтесь... Вы весь дрожите... Возьмите мое платье, ака... Оно теплое, как одеяло...— И она снимает с себя тяжелое рубиновое аксамитовое платье...

— Не надо, Сухейль!.. Я не от холода дрожу!.. Это арык стал рекою...

— Возьмите тубетейку, ака... И бусы тоже...

— Не надо, Сухейль!.. Зачем мне бусы?.. Зачем бусы?.. Бусы-то зачем?..

— Вам холодно, ака... Вы дрожите... Вы не можете согреться... Дождь, да?..

— Нет, Сухейль...

— Возьмите... меня... ака... Ака!.. Вам же холодно!.. Ака!..

— Сухейль, Сухейль, это арык стал рекою!.. Сухейль, теперь и ты дрожишь!..

— Да, ака... Арык стал рекою, ака!.. Арык стал рекою, ака...

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! тебя! тебя! тебя!.. Сухейль!.. Дочь бека!.. Арык стал рекою!.. Сухейль!.. Стал рекою!..

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! вас! вас! вас! Ака Насреддин!.. Сын горшечника!.. Да!.. Арык стал рекою!.. Ака!.. Стал рекою!..

Дождь, дождь, дождь мягко, сонно, дремотно сыплется, шелестит, шуршит, льнет к камышовым циновкам... Упирается в них... Шумит... обволакивает, завораживает... затуманивает...

Арыыыыык стааааал рекооооою, Сухейль!.. Айе-еел!..

— Арыыыыык стааааал рекооооою, Насреддин!.. Айееел!..

...Ночь!..
Дожди!..
Река!..
Дерево!..

Но!..
И шел дождь.
И арык стал рекою.
И дева стала женою.
И стало утро.
И ночь стала утром...

И пришло сырое незрелое утро. Темное утро... Кислое. Уже мокрый, тяжелый сад возникает, мается, обозначается в дожде... Призрачный... Нагой... Слепой дремучий осенний сад... Нет уже плодов в нем... Затаились до весны...

— Пора, Насреддин!..

— Пора, Сухейль!..

— Я приду сегодня ночью...

— Я буду ждать, ака... Возьмите чекмень... Там дождь...

— Не надо! Мне хорошо! Горячо!.. Счастливый я, Сухейль!..

— Возьмите, ака, чекмень...

— Хорошо, Сухейль... Я беру чекмень... Но тут твои бусы... твои гранатовые бусы, Сухейль... Ты забыла их на чекмене... Возьми их... Надень...

— Это не бусы, ака... не бусы... это моя кровь... первая... ака... Не берите чекмень, ака...

— Нет!.. Я возьму чекмень! Я люблю этот чекмень! Я буду хранить его!.. Вечно!.. Сухейль!.. Я счастливый! Горячий! Хочу петь! Хочу кричать!.. Эй, люди!.. Я люблю, люблю, люблю!.. Я люблю Сухейль!.. Эй, люди!..

— Тише, ака!.. Вы разбудите Кара-Бутона!.. Он убьет вас!.. Тише! Идите, ака!.. Бегите, пока не проснулся Кара-Бутон!..

— Эй, люди!.. Я счастливый!.. Я горячий! Я люблю Сухейль!.. Она моя! Моя Сухейль!..

Ай!..

...И там, где много жизни,— там много смерти...

Авеста

Айе!..

Опять я бегу, бегу по утреннему зыбкому сырому крепостному айвовому саду!..

В первый раз я бежал в фазаньем гаремном чапане Махмуда Талгат-бека...

Где вы ныне, почтенный усопший бек, мой неудачный муаллим, Учитель Любви?.. Пустили ль вас в райские дремливые медоточивые сады, сады, сады?.. Иль смерть в гареме была вашей последней смертью?.. И вы сладко умерли, уснули, отошли, успокоились, как осенняя вялая тяжкая застрявшая, оттрепетавшая, заблудшая в меду муха?.. Блаженна ль муха такая?.. А?..

Айе!..

Тогда золотые телесные айвы, последние, поздние, теснились на ветвях... Избыточные!..

Теперь я бегу по саду в жемчужном чекмене Сухейль, а плодов уже нет на ветвях, а деревья, деревья уже нагие, уже пустынные, а плоды уже оббиты, обобраны...

Но!.. Я счастливый! Я щедрый! Я вешний!..

— Эй, люди!.. Я люблю Сухейль!.. Она моя!.. Моя Сухейль!.. Моя!..

Я кричу, я бегу по зыбкому сырому смутному дождливому саду... И тут что-то мнится, чудится мне... какая-то тень неясная, размытая плывет, мелькает за туманными стволами...

Я останавливаюсь, всматриваюсь: тень размытая уходит... Или только чудится мне это?.. Или это клочья тумана тянутся, разбредаются, стелются, ползут...

Утро сырое, незрелое, темное... Кислое утро...

Но я бегу, бегу по саду в мокрых, льнущих, липких туманах... Я часто дышу, я глотаю ватные эти текучие туманы!

— Сухейль, я люблю тебя!.. Люблю!..

...И тут что-то мягкое, тихое, мокрое, опускается, окутывает, опутывает мою бритую голову... Это птичье соломенное вязкое размытое развеянное гнездо... Палое гнездо...

Я не снимаю его с головы. Оно, как соломенная чалма, защищает меня от дождя... Я бегу в соломенной чалме.

И тут в дожде опять плывет, тянется передо мной лицо дервиша-слепца: любить в наше время — все равно что птице строить, вить гнездо в осенних холодных тайных ветвях нагой белой айвы... Налетел дождливый ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

Нет!..

— Сухейль, я люблю тебя!.. Наше гнездо не распалось! не развеялось! не рассыпалось! не разлетелось! Нет!..

Я бегу по саду.

У меня в руках заветный жемчужный чекмень... с гранатовым следом!..

Чекмень шершавый, как плод айвы!..

В тумане вырастает крепостная стена. Я бегу вдоль стены. Ищу цепь... Нахожу. Пробую, тащу ее изо всех сил на себя — не сорвался ли крюк. Не сорвался. Рустам-палван — хороший кузнец...

Я оборачиваюсь и в последний раз гляжу в туманный сырой смутный зыбкий сад. Опять мне чудится, что чья-то тень там, за дождливыми стволами деревьев, ходит, стелется, прячется, следит... Нет... Туманы бродят...

В одной руке у меня чекмень. Другой рукой я хватаюсь за цепь... Цепь холодная, жесткая. Остыла за ночь.

Я долго лезу, карабкаюсь, тащусь по цепи. Подниматься на одной руке трудно, но я помогаю цепкими ногами...

Дождь... Глина, медленная, текучая, ползет по са-

манной стене... Но вот я на вершине стены... Уже. Дышу тяжело. Перебираю, поднимаю на вершину стены цепь из садовой туманной тьмы...

И!..

И тут родной густой охрипший сырой чей-то голос говорит снизу:

— Насреддин, бычок, это ты?..

Айе!..

— Ака!.. Друг!.. Родной!.. Брат... родной мой... Что ты тут делаешь?..

— Жду тебя, бычок... Слезай скорее... Скоро светло станет... Спать хочется...

— Ты всю ночь ждал здесь, у стены? В дожде?..

И тут я вытаскиваю, выдираю крюк из саманной глины и с цепью и чекменем в руках прыгаю, лечу слепо, радостно во тьму с высокой стены...

— Эй, Рустам-ака!.. Друг!.. Брат!.. Родной!.. Ты же весь промок, продрог!.. Зачем, друг?..

Я падаю в мягкую ползущую грязь и потому не разбиваю, не нарушаю, не подворачиваю ноги...

Я обнимаю Рустама-ака, я почти плачу от счастья, от любви к Сухейль, к Рустаму-ака, к этому туманному незрелому таящемуся утру...

— Зачем, друг?.. Я не знал, что ты здесь... Я думал, что ты ушел в кишлак... А ты всю ночь сидел у стены под дождем... Ждал... А я был с девушкой...

— Кому дождь, кому — девушка... У тебя же это в первый раз, бычок... Я волновался за тебя... Все прислушивался сквозь дождь — не зовешь ли на помощь, — улыбается Рустам-ака...

И он еще улыбается. Шутит. Родной мой... Промокший, продрогший, иззябший, как забытый, привязанный к деревянному колу теленок в пустынном поле... Друг!..

— Накинь на плечи чекмень, ака. Он сухой. Это ее чекмень... Сухейль...

— Пойдем ко мне в кузницу... Выпьем бузы... Согреемся...

— Бежим, ака!.. Айе!.. Хорошо!.. Душа горит!.. Летит!..

— Хорошо, бычок!..

Я набрасываю чекмень на плечи Рустама-ака и наматываю цепь себе на руку...

— Бежим, ака!..

Рустам-ака куда-то глядит на стену, в туманы ползущие, точно видит он там кого-то, точно чувствует...

— Ты видишь кого-то, ака?..

— Нет, бычок... Показалось мне... Пойдем... Иди первым... Я за тобой...

Мы быстро идем прочь от крепости, от туманной стены... Вязнем в тучной, щедрой грязи... в утреннем сиротском дождливом поле... Быстро идем... Почти бежим... Тонем... Бежим... Поле бесконечно... Дождь бесконечен... Жизнь бесконечная!..

Веселая!.. Айе!..

Я бегу по полю... Светает уже... Крепость давно пропала в туманах... давно позади осталась...

— Ака, скоро кишлак. Сейчас выпьем бузы. Ой, ака, я петь хочу... плясать!.. Душа ликует! горит!..

— Выпьем бузы — и пой, пляши, бычок!.. Такая ночь один раз в жизни бывает. Больше не будет. Одна на всю жизнь... Как мать...

Уже показался в тумане засохший китайский карагач. Уже наш кишлак, наш малый нищий кишлак сиротливо плывет в тумане вокруг нас... Уже редкие горькие осенние глухие петухи кричат обрывисто...

Я бегу!..

— Эй, ака, устал?.. Отстаешь!..

— Догоняю, бычок... Догоняю...

Я оборачиваюсь. Рустам-палван бежит за мной. Улыбается.

На крутых его щедрых плечах плещется, мотается жемчужный узкий долгий чекмень... Он явно мал великану... Смешно!.. Странно, что он не упал с него, ведь Рустам-ака бежит и не придерживает чекмень... А чек-

мень не падает с него... Точно что-то держит его...

Я хохочу...

— Ака, чекмень вам и на нос не годится!.. Как только он не падает с вас?! На чем держится?..

— Держится, бычок... Крепко держится... Как приколотый... Приколотый...

Я останавливаюсь у кузницы. Тяжело дышу. Жду Рустама-ака. Он подбегает. Улыбается... Жемчужный чекмень на его плечах держится, плещется, полощется в мгlistом дожде.

Рустам-ака останавливается около меня. Потом медленно, долго, долго, долго, сонно тянется, клонится, валится, падает на дождливую зыбкую землю...

— Ака, вы поскользнулись?.. Земля гиблая, неверная, текучая... Вы поскользнулись, ака?..

— Нет, бычок... Вернее, уже бык...— улыбается он.

Я не успеваю задержать, остановить его, и он падает на дорогу. Он лежит на ползущей дождливой земле, повернув большую голову и прижавшись к дорожной мягкой грязи щекой. Точно спит он... Улыбается... Точно к подушке щекой льнет, лепится, никнет... У него в спине стрела. Глубокая. Точная. Упоенная. Хмельная монгольская ореховая гибкая стрела... Я знаю такие стрелы. Их называют «летающим орлиным клювом»... Они клюют насмерть... Глубоко, щедро входят. Разрыхляют плоть навек!..

...Стрела пьет крови! стрела пьет крови! стрела пьет кровь!.. Уже выпила!.. Глубокая!.. Затаенная!.. Точная!..

— Ака!.. Вот почему чекмень не падал со спины!.. Он был прибит, приколот к ней, к живой спине, тайной этой туманной утренней стрелой!.. Был приколот!.. Ака, кто пустил эту собачью бешеную стрелу?.. Кто, ака? Кто?.. Подождите, ака! Не умирайте! Скажите! Не засыпайте, ака! Скажите!..

— Кара-Бутон... Он был там... в тумане... на стене... Я не хотел говорить тебе, бычок...

И тут я вспомнил летучую, рыщущую, размытую тень за стволами деревьев и то, как Рустам-ака всматривался в ползущие, призрачные туманы...

— Ты видишь кого-то, ака?..

— Нет, бычок... Показалось мне... Пойдем... Иди первым... Я за тобой!.. Я за тобой!.. Я за тобой...

Я не видел никого. Он видел Кара-Бутона...

— Ака, вы закрыли меня спиной... Вы знали, ака!.. Вы приняли, вы взяли мою стрелу, ака!.. Зачем, ака?.. Это не ваша стрела... Вы взяли чужую стрелу, ака... Зачем?.. Отдайте стрелу, ака!.. Отдайте!.. Чужая она... Моя стрела...

— Теперь можешь взять, бычок... Она мертвая теперь...

— Ака, вы пробежали все поле со стрелой в спине?.. Почему сразу не сказали?..

— Мне весело было... с тобой, бычок!.. Радостно за тебя!.. Ты молодец!.. Не учуял я ее... Да и чекмень она хорошо держала... Легко бежать было!.. Не грусти, бычок!.. Вернее, уже бык... Бык...

Он улыбается. Все еще улыбается. У него глаза покрываются белесой дремотной слепой пеленой. Я знаю, знаю эту последнюю пелену... Натекает она. Как облака осени. Густая. Млечная...

— Ака, я верну эту стрелу Кара-Бутому!.. Верну!.. Клянусь!.. Верну!..

— Спать хочется, бычок... Подушку... подушку... принеси... принеси... И одеяло... Спину прикрой... Холодно... зябко... голо спине... холодно... бычок... бык... все...

Все!

Дождь идет. Туманный. Скользкий... Вялый...

На жемчужном парчовом уйгурском чекмене два следа. Две крови. Две крови самых дорогих, близких, возлюбленных, родных мне людей... Первая — радостная кровь Сухейль... И последняя — жгучая, жгущая душу кровь Рустама-палвана... Два следа!.. Навек они даны... навек...

— Ака, я верну эту подлюю темную стрелу Кара-Бутому!.. Клянусь!.. Верну!..

Я бережно, медленно, долго, длинно вынимаю, вытаскиваю, выбираю стрелу из спины Рустама-палвана. Стрела не дается. Глубокая. Глубинная. Тесная... Душная... Пошла... Вышла... Гладкая... Темная...

Мертвая уже...

Только когда стрела летит, трепещет, струится — она живая.

Только летящая стрела — живая.

А теперь она мертвая. Скучная. Пустынная стрела... Моя стрела, а Рустам-ака взял ее...

Я держу стрелу в руках. Держу за желтое оперение, потому что вся она свежая, мокрая, темная, липкая...

— Ака, я верну эту стрелу Кара-Бутому!.. Клянусь!..

Но!..

Айе!.. Что это?..

Из дорожного тумана выскакивают, вываливаются немые, беззвучные осенние всадники на караширских густых хищных лошадях... Такие лошади едят вяленое мясо и нападают на волков... Хищные лошади... И седоки тоже... Это бекские сарбазы-стражники... Немые сонные звериные люди... Охотники... И они окружают меня... Немые... Безучастно, пустынно глядят на мертвого Рустама-ака... Потом появляется атабек Кара-Буто. На локайском коне. В руке у него знакомая мне турецкая камча с литым серебряным наконечником. Он не выпался. Или пьян. Мутный он. Туманный. Опасный... Дурной...

Опять желтые размытые роящиеся глаза глядят на меня... Опять две монгольские соколиные стрелы певуче, тонко скользят, свистят у моих отроческих телячьих ушей... Нет!.. Одна стрела уже попала. Вошла. Уже не скользит. Уже убитый друг мой, друг Рустам-ака, невинный, лежит на дождливой зыбкой дороге...

С моей стрелой в спине лежит...

Атабек кричит, хохочет с коня...

— Эй, хватайте, вяжите этого вора!.. Похитителя чужих плодов!.. Наконец-то дичь попала в силки!..

— Атабек, вы плохой охотник!.. Вам надо охотиться

в зверинце... на зверей в клетках... Вы плохо стреляете... Особенно в спину!.. Промахиваетесь, атабек!.. Косой охотник!.. Слепец!.. Убийца!..

Лицо Кара-Бутона дергается, кривится, ползет, как горный оползень — сель. Хрипит...

— Теперь я не промахнусь! Прикажу забить тебя палками!.. Пыль! Прах! Щенок! Муравей! Змеиное яйцо!.. Гаремные старухи оскопят, укоротят, укротят тебя, вор чужих плодов!.. Вошь чужих одеял!..

Опять рысьи степные низкие старухи с полыхающими долгими узкими дамасскими бритвами в руках нагоняют, нагоняют, нагоняют меня...

Четыре волосатых сарбаза, спадая, слезая с коней, бросаются ко мне. Последнее, что я успеваю сделать, это спрятать, сунуть тонкую долгую цепь с крюком в широкий разбитый свой сапог-чарог, и она там неслышно сворачивается, таится, как змея.

— Я верну вам вашу подлую заячью стрелу, атабек! И не в спину, как трус, а в волчье ваше лицо! В глаза! В глаз! Я не промахнусь! Убийца!.. Облезлый, дряхлый камышовый кот!..

Я кричу! задыхаюсь! вьюсь! бросаюсь со стрелой в руках к атабеку, но сарбазы настигают меня... тяжкие потные пахучие наваливаются они на меня, пристают, прилепляются, вязнут на мне, тянутся за мной, опутывают... стрелу выхватывают из рук моих... залепляют мне глаза и ноздри толстыми, пахнущими анашой пальцами... удушливо, смрадно дышат на меня... я успеваю ударить одного, другого ногами, руками... но они связывают, спутывают, стесняют меня веревками... связывают, как ноги барану перед резней, перед ножом... перед исходом...

Они связывают меня и оставляют, связанного, в дорожной текучей грязи.

Я лежу рядом с Рустамом-ака.

— Резать? — равнодушно и вяло спрашивает у атабека голубоглазый сарбаз, вынимая из сапога широкий голубой афганский нож и наклоняясь надо мной.

Я смотрю на нож... на чистое его нагое близкое

холодное лезвие... близкое, близкое, близкое... потом на голубые невинные, сонные глаза сарбаза...

— Какие у тебя прекрасные небесные глаза! Ты, наверное, горец? — говорю я спокойно.— Такие очи бывают только у людей, живущих рядом с небом!..

— Да,— неохотно отвечает он и несколько раз проводит, шаркает, шуршит ножом по кожаному черному сапогу своему, как брадобрей по ремню.— Я горец... А тебе что?..

— Глаза у тебя, горец, как небеса, прекрасны, а душа черна, как этот сапог!.. Эх!.. Уже и в белоснежных горах завелись черные людишки!.. Как черные рыщущие блохи в благородной белопенной кунградской кошме!.. Айе!..

Я смеюсь. У самого лезвия... И лезвие начинает нетерпеливо дрожать, дрожать, трепетать у самого моего горла... Хочет моего горла!..

— Резать?..— кричит горец гортанно, дико, и глаза его становятся пустынными, как летнее выцветшее небо.— Резать? Резать? Резать?.. Я очень хочу его резать!.. Очень хочу резать!.. Атабек, хочу!.. Дай!.. Резать!.. Нож сладко, неслышно войдет, как в перезрелую перележалую хивинскую дыню!.. Хочу!.. Резать!..

— Успеешь!.. Я отдам тебе его, но вначале сам поговорю с ним. В зиндан его!.. Пусть там дозреет, как айва на осенней ветке.

— Но я хочу, хочу, хочу! — едва не плачет от обиды горец.— Нож мой хочет. Очень!.. Надоело без дела сидеть!.. Хочу!.. Резать!..

— Не плачь,— успокаиваю я его,— положи нож назад, в сапог. Отдохни немного. Ведь у тебя столько работы в нашем эмирате!.. Столько работы!.. А будет еще больше... Надо и отдыхать немного... Отдохни от трудов праведных! Отдохни, работяга!.. Отдохни, палач-труженик с голубыми небесными очами!.. Отдохни!.. И нам дай немного отдохнуть!.. Айе!.. Дай!..

Мне жаль Голубоглазого. Жаль его страстного непонятого порыва. Но чем я могу помочь ему?.. Чем?.. Ведь атабек не разрешает ему пустить в ход нож. Пока...

— В зиндан его! — кричит, хрипит Кара-Бутон.

— Я верну вам вашу подлюю! заячью! ночную стрелу! Кара-Бутон!.. Клянусь!..

Айе!..

Сарбазы поднимают меня с земли, тащат к лошадям... Разлучают с Рустамом-палваном. Навек...

Прощай, мой мертвый вечный друг Рустам-палван!.. Прощай, родной!.. Прощай, лежащий, спящий неподвижно, невинно убиенный на дождливой гиблой осенней кишлачной дороге... Прощай!.. Убитый вместо меня... Взавший мою стрелу!.. Ака... Брат... Прощай!.. Айе!.. Я отомщу!..

ЗИНДАН

...Кто сидит в тюрьме — у того мысли на воле, а кто на воле — у того мысли в тюрьме.

Турецкая пословица

Айе!..

А я и не знал, что на земле существуют зинданы... Только слышал, но сказано, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... А еще лучше побывать однажды?.. А?.. Ай, сладкие зинданы земли человек!.. Ай, кладбища с живыми постояльцами!.. Тут, в смрадных, сточных, гнилых ямах-колодцах, люди погребены, похоронены, забыты... Замогильные люди... Тут они вьются как земляные погребальные острые удушливые черви... Тут они вьются... исходят, тщатся... маются... люди-черви...

— Сухейль, Сухейль, а мы хотели построить высокое птичье гнездо любви на дереве... а тут люди живут в земле... роятся люди-черви...

Сухейль, а мы хотели построить гнездо на дереве... да... Айе, Сухейль!.. Арыыыыык стааааал рекооооою!.. Как далеко, Сухейль!..

И пески заматают, заматают, засыпают бедный, малый изумрудный мой посев!..

...Но!..

— Кара-Бутон, я верну вам вашу подлую ночную стрелу!.. Верну!..

Но как выбраться, вырваться из этого зиндана? Из этой могильной затхлои глубокой ямы?..

Я стою по колено в смрадной ползучей глине... Тут сток нечистот, отбросов... Последний колодец... Тут можно умереть, задохнуться от одних гиблых, гнилых запахов... Тьма сырая, густая, непроходимая... Мне кажется, что я один в яме, но я слышу обострившимся ухом, что кто-то стоит рядом со мной, дышит, живет, тянется... ногами перебирает в ползучей донной топкой глине...

— Кто тут? — вздрагиваю я. — Кто тут, во тьме?..

— В древней «Книге о праведном Виразе» сказано, что в аду такой мрак, что, хотя людей там так густо, как волос на голове, каждый думает, что он один... Надо сделать людей одинокими, тогда будет ад на земле. Этого и хотят наши правители...

Ай!.. Я узнаю этот голос!.. Это голос слепого дервиша-каландара...

— О Аллах! О боже!.. Бобо, вы-то почему здесь?.. За что?.. Старый... Слепой...

И он тоже узнал меня. Узнал...

— Эх, сынок, слепой ты... Любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на караванной пыльной проезжей дороге иль строить, вить гнездо в осейних холодных ветвях нагой белой айвы... Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, размыло, удавило невинное беззащитное яйцо... Налетел ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

...Погляди на эти глиняные столетние слепые кибитки... на эти нищие низкие глухие саманные дувалы... На этих детишек с коровьими печальными глазами... Разве тут можно любить? Разве можно?.. Разве можно быть богатым среди нищих?..

— О боже!.. Бобо, вы-то почему здесь, в яме?.. За что? Старый... Слепой...

— Сынок, в нашем эмирате все честные дороги, все добрые тропинки, как реки в море, ведут в зиндан... Только слепые, глухие, тупые, злые, сытые не видят этого... Но я вижу, сынок... Хотя у меня нет глаз...

— И я вижу... вижу... бобо... Теперь вижу!.. Хотя тут темно...

— Есть только одна страшная тьма — тьма души... Ее опасайся... А тьма зиндана целительна... Многие прозревают в этой тьме...

— Я прозрел, бобо. Я хочу выбраться отсюда. И освободить вас... И других, томящихся во всех зинданах земли!..

— Ой, сынок, твоей жизни не хватит...

— Хватит, бобо!..

— Мы поможем! — проговорил в крошечной тьме зиндана чей-то хриплый сильный голос.

— Кто ты, друг?..

— Я дехканин Шукур-ака...

— Я Насреддин, сын горшечника Мустаффы-ата... За что тебя бросили в зиндан, Шукур-ака?..

— Я промахнулся!.. Перепутал немного... Ошибся немного... Неграмотный я... Неученый...

— Что ты сделал?..

— Вместо того чтобы разрыхлить землю под хлопковым кустом, я немного разрыхлил кетменем белую чалму амлякдора — сборщика податей... Главного бухарского сборщика податей... Перепутал белую пышную чалму с кустом хлопковым... Ошибся немного... Неграмотный я... От усталости... Глаза слипались... Спать хотел... Неученый я... Вот и ошибся!.. Вот и в зиндан попал!..

— Кто борется языком, кто — кетменем... Люди разные...

И тут я услышал чей-то долгий хрупкий вздох во тьме и слабый старческий голос, говорящий молитву:

— Ля илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла! В этой тьме не узнаешь, не различишь время молитвы намаза... О Аллах, о всемогущий, прости раба твоего, низкого земляного червя... Пошли исход скорый, быстрый незаметный!.. Пошли, Аллах!.. Пусты в сады медоточивые, цветущие, избыточные... Устал я от ада

этого земного... О Аллах, зачем опускаешь ад на землю?.. Как перья ворон летящих...

— Кто вы, домулло? — почтительно проговорил я во тьму.

— Я астролог Ходжа Али Акбар...

— Домулло, а что вы делаете в зиндане?.. Отсюда ведь и звезд не увидишь...

— Я устал от немых созвездий, от равнодушных холодных плеяд... Я стал глядеть на малые грустные близкие огни моей земли... моих ночных бедных селений и кишлаков... на костры пастухов, на угли тануров — печей для выпечки лепешек... на дымы пряных кизяков... на нищие светильники моего народа... Я пришел от великих равнодушных светил неба к родным огням бедной, забитой земли моей... Я стал слушать, что говорят простые люди, а не светила небес... И я предсказал властителям скорую гибель эмирата... Развал, разброд Мавераннахра... Походы победных врагов-степняков... Падение дворцов, крепостей, тронов... Набеги летучих, падучих песков, засыпающих, уморяющих навек древние города... Я ушел от неба на землю... Но земля наша грустна... И мне снова хочется на небо...

— Вначале, домулло, нам нужно выбраться на землю...

— Отсюда никто никогда не выбирался живым... Только мертвым...

— А мы выберемся живыми!.. Айе, выберемся!.. Это говорю вам я, Насреддин, сын горшечника Мустафы-ата... Стоящий по колено в дерьме!.. Мы выберемся!.. Пусть дерьмо дойдет нам до горла!.. Пусть выше!.. Но мы выберемся!.. Сухейль, мы выберемся!.. Кара-Бутон, я верну вам стрелу!.. Эй, кто там еще во тьме? по колено в дерьме? по горло? по уши? Эй, кто там еще?.. Не таитесь во тьме!.. Отзовитесь!.. Откликнитесь!.. Я освобожу вас!.. Я освобожу вас из всех зинданов!.. Сухейль, ты будешь ждать меня?.. Пока я освобожу всех молчащих, томящихся, бредущих, стоящих в дерьме... Пока не опустеют все зинданы моей земли!.. Сухейль!..

— Сухейль — это звезда Канопус. Главная звезда созвездия Корабль Арго... Это счастливая звезда,— говорит из тьмы астролог Ходжа Али Акбар...

— Домулло, мы увидим эту звезду! Скоро!..

...Айе!..

Но тьма!.. Непроходимая!.. Безысходная!.. Тяжкая!.. Удушающая!.. Только шевелятся, дышат незримые люди где-то поблизости... Грязь смрадная течет под ногами... ползет... забирает... Мы словно в огромном глиняном сыром хуме, накрытом душной круглой темной деревянной крышкой... Мы словно мыши, упавшие на дно пустого хума... Скребемся... Тщимся... Маемся... Потом смиряемся... Умираем...

Ни воздуха. Ни света.

Но!..

Айе!.. Какой-то дальний редкий свет брезжит, струится, маячит сверху... Утро, что ли?.. Рассвет?.. Не пойму... Не знаю, сколько дней, недель, лет сижу в зиндане... Здесь время стоит, как вода в брошенном застойном ивовом хаузе... А хауз цветет, а в нем черви блаженствуют, множатся, плодятся, кишат... Червивый хауз...

Или мое время — это застойный хауз с торжествующими глиняными сизыми червями?..

Но свет идет сверху... Вначале глаза болят, слепнут... Потом привыкают к свету... Тянутся к нему. Лелеют его. Надеются...

Зиндан был накрыт камышовой глухой циновкой...

Такой же циновкой, как те, которые оберегали, охраняли от дождя наше гнездо в ветвях айвы... Ай, гнездо!.. Сухейль, где ты?..

Арык стал рекою...

Как далёко! Как далёко! Как далёко!..

Камышовая глухая циновка над зинданом, над ямой уходит, ползет, впуская редкий режущий свет... Чье-то знакомое лицо появляется над рыхлым краем ямы, над обрывом.

— Эй, слепые черви!.. Помои в яме!.. Вы еще не съели друг друга?.. Ха-ха!.. Борцы!.. Короеды! Тля! Моли!.. Я хотел вас резать, но вы сами пожрете друг друга!.. Я так решил! Теперь я ваш хозяин! Атабека

срочно призвали в Бухару ко стемени эмира... Готовиться к войне! Эй, звездочет, ты правильно предсказал войну, но за это попал в зиндан!.. Ха-ха!.. Теперь вы в моей власти!.. Но я не буду резать вас, как хивинскую перестоялую дыню!.. Вы сами пожрете друг друга от голода!.. Ха-ха!.. Советую начинать с этого... с молодого сына горшечника... Он хоть и костлявый, но еще свежий!.. Ха-ха!..

Я гляжу на Голубоглазого, на его дергающееся, кривляющееся, затекшее лицо. Сейчас он вновь задвинет над нами глухую циновку и уйдет...

Что же делать?.. Что?..

— Эй, моли, прощайте!.. Встретимся на кладбище!..

— Айе!.. Эй, пьяный болтун, помолчи!.. Твои слова часты и пусты, как козы шарики. Помолчи!.. Дай нам отдохнуть!.. Правильно говорят, что лучше дерьмо из зада, чем из уст! — кричу я изо всех сил.

— Хорошо, — покорно отвечает Голубоглазый. — Ты прав!.. Я замыкаю уста. Пусть говорит мой зад!.. Ха-ха!..

И он на мгновение исчезает.

Сейчас он там поднимает полу чапана и спускает штаны.

Айе!.. Этого я и хотел!.. Я быстро вынимаю из сапога-чарога длинную тонкую цепь с крюком... Цепь мокрая... Знакомая... Привычная... Хлесткая цепь!.. Моего усопшего Рустама-палвана... Я успел сунуть ее в сапог, когда сарбазы атабека бросились на меня, как охотничьи пьяные псы... Ах, только бы не промахнуться!.. Только бы цепь достала, не оказалась бы короткой!.. Не соскользнула бы!.. Айе!..

Мне смешно!.. Я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться!..

Нечто безвинное, сокровенное, млечное появляется над высоким краем зиндана-ямы. Точно огромное белесое ядро грецкого ореха над нами...

— Эй, сын горшечника! Насреддин!.. Ты правильно сказал: лучше дерьмо из зада, чем из уст!.. Пусть молчат мои уста! Пусть говорит зад!.. Эй, Насреддин, где

ты там?.. Не упусти! Не упусти свое счастье!.. Ха-ха!..— кричит, хрипит, упивается ядро грецкого ореха над краем ямы...

Голубоглазый даже не снял чапана. Только подоткнул его за широкий пояс-миенбанд. Так и сел. Рыба сама пришла к крючку...

— Эй, Насреддин, не упусти своего быстрого счастья!..

— Не упущу! Не бойся... Айе!..— Я с силой швыряю вверх крюк, и он точно и нежно цепляется за миенбанд Голубоглазого, и я резко дергаю цепь вниз, на себя, и ядро грецкого ореха летит вниз, к нам, на дно, и мы едва успеваем расступиться, как оно тяжело и сонно падает в грязь, в тину, в землю, в забытье...

— Готов?.. Иль дать ему еще немного? А? — появляется из тьмы Шукур-ака.

— Хватит ему,— говорю я.— Он не скоро очнется. Его подвела страсть к остроумию, любовь к наперченному слову... Не надо убивать за эту благородную привычку... Да и осуществить свое желание он не успел... Жаль даже его... Ты же знаешь, ака, как трудно прерываться в такую минуту... Но надо спешить, пока стража не обнаружила исчезновения Голубоглазого!..

Я снова бросаю крюк вверх, и он цепляется за край ямы. Цепь долго и тонко поблескивает во тьме... Точно змеиная жемчужная кожа тянется...

— Шукур-ака, вылезай навверх первым! Погляди, нет ли там сарбазов... Быстро!..— говорю я, и дехканин мгновенно повисает на цепи и с обезьяньей ловкостью карабкается вверх, и вот он уже на краю ямы...

— Эй, Насреддин, никого нет!.. Быстрее вылезайте!.. Я держу крюк!.. Смелее, друзья!..— почти кричит Шукур-ака. Он чуть не плачет от радости и нетерпения...

Потом по цепи неумело, тяжело поднимается вверх седобородый медленный грустный астролог Ходжа Али Акбар. Я помогаю ему подниматься, поддерживаю

его за мокрые вязкие ноги, подталкиваю... подпираю его усохшее, увядшее, старческое, непослушное тело...

— Сынок, я ушел от неба на землю... Но земля наша грустна... И мне снова хочется на небо... Люди, мне снова хочется на небо!..

— Домулло, вы попали под землю, а не на землю... Земля наша прекрасна... А сейчас вы увидите ваше небо... И вы еще поплывете на небесном Корабле Арго... Вместе со звездой Сухейль!..

...Сухейль, где ты?.. Ты ждешь меня?.. Ты будешь ждать меня, пока я освобожу всех, кто томится в зинданах моей земли?.. Сухейль, мне еще рано стремиться на небо... Раню еще плыть в небесном хрустальном Корабле Арго... Вместе с тобой... Раню!..

— Эй, кто еще таится во тьме?.. Влезайте по цепи!.. Быстрее!..

Айе!.. И они молчали!.. Они устали... померкли... отчаялись...

Несколько темных, глиняных, исхудавших, заросших людей появляются из тьмы... Кто они?.. Давно здесь?.. Почему молчат?.. И они стали людьми тьмы, людьми могил?.. Безропотные... низкие... бескрылые... И чего их держать в зиндане?.. Кому они грозят?.. Обрезанные ветви тута, пошедшие на корм слепому шелковичному червю... Безымянные... бесследные... горькие...

И я помогаю им подняться наверх. И на дне зиндана остается только слепой дервиш-каландар. И в пергаментных его руках нежно позвякивает металлическими кольцами грушевый дорожный древний посох...

— Бобо, я помогу вам, подскажу, поддержу... Поднимайтесь, бобо... Беритесь за цепь, бобо... Пойдемте на волку...

— Воля в душе человека, сынок... Идите... Оставьте меня здесь... Я старый... Усталый... Чу!.. Уже Ангел Азраил бьет в барабан переселения!.. Слышишь?.. А я еще не готов... Идите, сынок... Устал я... Старый... Дороги мои иссякли... Заросли емшаном... Жилы мои

как пересохшие песчаные реки... Идите, сынок... Оставьте меня...

— Бобо, но вы же говорили мне, что людям нужно светлое слово... Слово Истины... Слово Правды... И вы хотите, чтобы это слово осталось на дне зиндана, бобо?..

— Сынок, я устал будить мертвых, кричать в уши глухих... указывать путь слепцам... Сынок, я устал от страны слепых... Я устал от страны, где только слепец, где только слепец с выколотыми глазами видит, видит, видит... Я устал, сынок... Я хочу в могилу... И меня не надо нести на кладбище... Я уже в могиле... Но ты, сынок!.. Но ты!.. Ты молодой, вольный... Широкий... добрый... И язык у тебя как дамасская бритва... Ты иди к людям!.. Ты носи мое слово!.. Слово Правды!.. И не бойся палачей!.. Что они могут сделать?.. Только выколоть глаза... Только отрезать голову... И все!.. Какая малость, сынок!.. Душу-то они не выколют... не отрежут... Иди, сынок!.. Иди на Великий Шелковый Путь!.. На Великий Путь борьбы со злом!.. Оставь малые тропинки и дороги и иди на Великий Путь... Иди, сынок... Аллах тебе поможет!.. Иди... Не плачь обо мне... Я счастливый... Я очень, очень счастливый...

Он обнимает меня неслышными пергаментными своими ласковыми руками... Обнимает... Гладит меня по бритой голове... по щекам... по губам...

Я плачу, и мои слезы текут по его шершавым дрожащим добрым отчим пальцам...

— Не плачь, сынок... Я счастливый... Иди на Великий Путь... Большому каравану — большая дорога...

— Прощайте, бобо... Отец... Я пойду на Великий Путь... Я верну подлую стрелу атабеку Кара-Бутону... Я найду его и в Бухаре... Я освобожу всех, кто сидит в зинданах моей земли... И тогда вернусь к Сухейлы!.. Прощайте, бобо... Прощайте!.. Айе!..

И только слезы ученика остались на пальцах учителя...

Прощайте, Учитель!.. Мы больше никогда не увидимся!..

Прощайте!..

ПРОЩАЙТЕ

...И тот, кто уезжает, увозит с собой только четверть страданий...

Саади

Прощайте!..

Прощайте, мой старый отец Мустаффа-ата!..

...Мы сидим у сандала в низкой, дряхлой, сыпучей нашей кибитке-мазанке и на прощание пьем подогретую бузу из глиняных отцовских пиал...

Прощайте, моя старая мать Ляпак-биби!..

...Она всю ночь не спала, ждала меня, мучилась, томилась и сейчас глухо, слепо уснула на выцветшем, вытертом холодном паласе...

— Отец, не надо, не будите ее... Пусть спит... Я ведь скоро вернусь... Пусть спит моя мать!.. Пусть спит моя Ляпак-биби!.. Родная!..

Я гляжу на ее спящее древнее лицо... У нее нос с горбинкой...

— Спите, моя Ляпак-биби... Я скоро вернусь... Мать... Мама... Оя...

— Насреддин, ты надолго уезжаешь... Может быть, мы и не увидимся больше на этой земле... Я хотел... я хочу тебе сказать... Сынок... сын...

Он заикается... Пьет бузу для смелости... Отец... Родной... Вы старый... У вас руки дрожат... Вы старый горшечник... гончар... Уже у вас глина рвется, идет комом, горбится... не покоряется вам гончарный круг... Уже все ваши пиалы, косы, кувшины, хумы — все они кривые, косые, неверные... И их уже никто не покупает... Вот они стоят, мерцают бесчисленно в нашей кибитке, словно подбитые земляные низкие хромые смутные птицы... Косые... кривые... странные. Никто их не покупает... Но вы продолжаете их творить, лепить... Вы не можете остановиться, гончар...

Не можете...

— Ата, я хочу вам сказать на прощание, что мне очень нравятся ваши кувшины, пиалы, косы, хумы... Они не похожи на другие... Они странные... Прекрас-

ные... Как нос моей матери!.. Я люблю ваши кривые, неровные кувшины, ата!.. Я люблю подбитых, низких хромых птиц, ата!..

— Сынок, я старый... Глина рвется... Горбится... Уже не дается... Глаза слепнут... Руки лгут...

— Прощайте, прощайте, ата... Я скоро вернусь... Скоро... Только верну подлюю стрелу Кара-Бутону... Только освобожу узников зинданов... И сразу вернусь!.. Скоро!.. К вам, мои родные... Отец и мать!.. Ата и оя!..

— Я хочу тебе сказать, сынок...

— Не надо, ата... Я все знаю...

— Нет! Я должен тебе сказать... Может быть, мы больше не увидимся на этой земле...

— Не надо, ата... Я ведь знаю...

Я знаю, что он хочет мне сказать... Он хочет сказать, что он и Ляпак-биби не родные мать и отец мне... Что они нашли меня, брошенного сироту-младенца, где-то на Великом Шелковом Пути... Я давно знаю об этом... Кишлачные вездесущие старухи с детских моих дней сладострастно хищно нашептывали мне в уши: сынок... сиротка... брошенный... найденный на дороге... Алыча придорожная... сиротская... Насреддин...

Но я люблю придорожную вольную алычу... Она открытая... Она несет, дарит плоды с золотой вязкой, острой мякотью пыльным прохожим путникам, странникам, каландарам... Она не обнесена, не схвачена, не удушена слепым глухим дувалом... Я хочу, хочу быть придорожной щедрой безвинной привольной алычей, открытой людям... Я хочу быть придорожной алычей...

Но!

— Не надо, ата... Не надо... Я знаю...

Но он говорит, и я не могу остановить его...

— Мы долго были бездетными... Аллах не давал нам потомства... О, сколько раз, таясь, бежали мы за погребальными носилками на похоронах, чтоб душа усопшего, утихшего, ушедшего, как тихая веющая вешняя бабочка, перешла, впорхнула в душу нашего будущего мальчика... Но отлетала бабочка... Но не было мальчика... Тогда мы пошли на Великий Шелковый Путь... Тогда мы пошли к Амударье... к древней богине Ардвисуре Анахите... к широко разливающейся...

благодатной... выращивающей семена мужей... подготавливающей материнское лоно жен... делающей легкими роды всех жен... Мы бросали соль в реку... много соли... Река стала соленой, как море... Там было много бесплодных мужей и жен... Много соли ушло к Анахите...

— И все бросали соль?..

— Да...

— Ата, нужно вам было бросить Анахите кусок сахара!.. Она наверняка устала от соли!..

— Я так и сделал... Тайком от матери!.. Я бросил богине кусок бухарской халвы!.. И сразу! И сразу услышал твой плач!.. Ты лежал на маленьком речном травянистом островке Аранджа-бобо... На самой отдели... Рядом с набегаящими внешними мутными волнами... Ты был завернут в яркий хорасанский дастархан, на котором были многие густые следы вина и масла... Рядом с тобой стоял глиняный кувшин с бузой и две самаркандские лепешки с кунжутом... Я так и не знаю, как ты попал на речной остров... Кто твои мать и отец?.. Кто ты?..

— Не надо, ата... Не надо...

— Кто ты?.. Индус?.. Перс?.. Узбек?.. Таджик?.. Казах?.. Киргиз?.. Грек?.. Иудей?.. Араб?.. Турок?.. Так и не знаю... Велик и многоязык кишащий, неоглядный базар народов, проходящих по Великому Шелковому Пути!.. Так и не знаю, кто ты... Я даже обрезание тебе не сделал...

Айе!.. Вот почему гаремные низкие рысы степные старухи с полыхающими узкими бритвами гнались за мной... настигали меня... отставали... отставали... отставали... Отстали они...

* Ата, почему с раннего детства люди стараются что-то отнять, отрезать, отобрать у человека?.. Избить его, притеснить, пригнуть?.. Вначале отрезают кусок невинной кожи, потом секут плетью, потом бьют палками, потом сажают в зиндан, потом хотят отсечь веселую беззащитную привольную голову, потом душу растоптать, разъять, разбить, как вазу горного хрусталя, резную певучую вазу?.. Почему, ата?.. Почему, ата, нельзя жить без дамасских полыхающих бритв, без афганских сладких дынных ножей?.. Почему я ухожу

на Великий Шелковый Путь, чтобы вернуть Кара-Буто-ну его подлую ночную стрелу?.. Почему я хочу освободить узников зинданов?..

— Сынок, я знал, что ты уйдешь на Великий Путь... Ты там родился... И уходишь туда... Как птица, льнешь, тянешься к гнезду...

— Нет, ата! Нет, родной! Нет, отец!.. Мое гнездо здесь... Я вернусь сюда... Скоро вернусь... Мы снова будем сажать рис... и пить бузу из ваших кувшинов!..

— Нет, сынок... Ты не скоро вернешься... Не застанешь нас... Поле рисовое загложнет, сорняком зарастет... Кибитка развалится. Муравьи ее съедят...

— Прощайте, ата! Отец! Родной!.. Пора мне... Утро уже раннее, сырое... Петухи кричат...

— Я разбужу мать...

— Не надо, ата... Пусть спит... Устала, умаялась она... Я люблю ее... Я люблю ее нос с горбинкой... Пусть моя Ляпак-биби спит... Я скоро вернусь... И мы будем сажать рис...

...Я выхожу из кибитки...

Утро раннее, сизое, сиреневое, млечное, молочное... Алые сырые петухи кричат... Утро раннее, сизое, сливовое... словно огромные павлиньи смутные холодные туманные хвосты вокруг меня маячат, машут, колышутся, реют, мерцают... Льнут ко мне... Утро смутных ранних свежих машущих павлиньих хвостов!.. Утро ухода!..

Темным теплым животным парным пятном темнеет у кибитки мой осел аль Яхшур.

— Здравствуй, мой старый друг с лысыми покорными ногами!.. Ты уже проснулся?.. Ты уже готов к долгой дороге?..

Через спину аль Яхшура перекинут дорожный хурджин.

Айе!.. В хурджине лежат самаркандские лепешки с кунжутом, глиняный кувшин с вином и хорасанский яркий цветочный дастархан с выцветшими следами далекого, выдохшегося вина и масла...

Вы лили, проливали это вино?..

Вы лили, проливали это масло, мои дальние глухие родные выцветшие мать и отец?..

Вам весело было? вольготно? Вы были пьяными, хмельными, полноводными?.. И потому проливали

вино и масло? И потому «пролили» меня?.. И выкинули меня на берег, как вешняя река половодья выносит, выбрасывает на берег рыбьих слепых первых хрупких мальков?.. И где вы теперь?.. За каким дастарханом проливаете вино и масло?..

Дай вам Аллах вечно быть слепыми и хмельными...

Дай вам Аллах извечно проливать на вешний дастархан вино и масло!..

Дай!.. Вам!.. Аллах!..

Да!..

Но алые здешние кишлачные сырые петухи поют! Но утро смутных ранних свежих машущих льнущих павлиньих огромных хвостов плывет вокруг меня... Сизое, зыбкое, туманное, раннее...

Я сажусь на осла, и мы тихо трогаемся с места, и тут что-то неясное, нежное, белое, белое, молочное, млечное что-то мерцает у моих ног... Как огромная скользкая перламутровая размытая раковина плывет, тянется... Туманно...

Я слезаю с осла...

Айе!.. Да это же наш куст зимних астрабадских белых роз!.. Куст перламутровых раковин!.. Расцвел в утреннем теплом тумане... Его моя мать Ляпак-биби вырастила!.. И вот за ночь он раскрылся, развалился, раздался, раскинулся, распустился... Куст астрабадских зимних белых-белых роз!.. В утро моего ухода!.. В утро прощания!.. Я трогаю розы замерзшими пальцами. Потом наклоняюсь к белым широким цветам и бутонам... Потом вдыхаю их ароматы... Вдыхаю!.. Долго!.. Брожу ноздрями в белых жестких холодных цветах... Но они не пахнут. Они декабрьские, зимние розы... Не пахнут... Только цветут в тумане...

Я трогаю пальцами их новорожденные сильные снежные лепестки — они покрыты легким летучим блескучим инеем!.. Лепестки в инее. Потому они не пахнут... Не источают дремливые сладкие терпкие ароматы...

Ледяной куст белых, белых, белых жемчужных астрабадских зимних роз!..

Я дышу кустом. Я слышу холодный пустынный запах его. Запах инея...

— Прощай, ледяной родной куст зимних астрабадских снежных роз!.. Прощай, ледяной куст роз!.. Про-

щай!.. Прощай, отчая саманная низкая родимая кибитка!.. Я скоро вернусь!..

Прощайте!..

Я сажусь на осла и отъезжаю от куста, и он уходит в туман, как снежный дымчатый сугроб...

— Прощайте!..

Но!..

Но кто-то тихо, вкрадчиво догоняет меня... Обнимает меня... тонкими знакомыми родными руками... Шепчет, лелеет, ласкает, щекочет... Руки пахнут хлебом, лепешками... Губы пахнут осенней полевой чистой травой... Голубым коровьим сеном пахнут...

— Сынок, я спала... родной... Выпей кумыса... Он дает много силы... Выпей... На дорогу долгую...

Она протягивает мне в тумане большую пиалу-косу с кумысом. Я пью. Я гляжу на нее. На ее нос с горбинкой... Я знаю, что никогда, никогда больше на этой земле не увижу этого лица... этих родных слезных смутных глубоких глаз... этого горбатого носа... этих гибких певучих рук...

— Оя, родная... Спасибо за кумыс... Вы зря проснулись... Я скоро вернусь... Скоро...

— Возвращайся скорее... Я найду тебе невесту... Сынок, возвращайся... Не простудись в дороге... Утром ветер острый, сильный, густой... Горький ветер... Горький... Он, как дым, в глаза лезет... Режет глаза... От него слезы текут... Даже петухи иногда плачут... Оттого и кричат, что плачут... И люди тоже плачут... От ветра, сынок... Я тоже плачу... От ветра...

— Прощайте, оя... Родная... Оя!.. Скоро солнце придет... Скоро ветер утренний пройдет... Не плачьте, оя... Я скоро вернусь...

— Прощай, сынок...— И она брызгает из косы оставшимся кумысом мне вослед по древнему степному обычаю...

И она уходит в туман. Покорная...

— Прощайте, оя!.. Моя старая Ляпак-биби!..

— Прощайте, ата!.. Прощайте, отец! Прощай, мой старый покосившийся родной кувшин, от которого всегда тепло и радостно пахнет свежей бузой!..

— Прощай, моя саманная кривая низкая палая отчая кибитка!..

— Прощай, куст ледяных снежных астрабадских жемчужных зимних, зимних роз, роз, роз!..

Айе!..

Я еду по кишлаку.

Кричат алые петухи.

Кричат перламутровые петухи.

Кричат жемчужные петухи.

Сырые петухи кричат. У них в горле иней лежит, как в лепестках астрабадских белых, белых, белых, непахнувших, зимних, ледовых роз...

Розы от инея не пахнут, не источают ароматы...

Петухи от инея кричат сыро, хрипло, свежо...

Свежо кричат прощальные мои кишлачные петухи!..

Прощайте, петухи!.. Слезные мои!..

Еще спит сизый мой родной кишлак.

Еще спит сизая моя родная земля.

Еще спит сизая моя ранняя сонная глухая родина.

Еще спит!..

Родина!..

Я хочу, хочу быть твоим зимним кустом астрабадских жемчужных роз!..

Я хочу быть твоим ранним хриплым свежим петухом!.. Петухом, кричащим среди утренней немоты, тишины!.. Пусть иней живет, лежит в горле!.. Пусть иней схватывает горло!.. От этого песня моя свежа!..

Айе! Хочу быть декабрьским цветущим кустом!..

Айе! Хочу быть ледяным, сырым, кричащим во тьме петухом!..

Айе!..

Я еду по сизому кишлаку.

У кузницы Рустама-палвана я останавливаюсь и слезаю с осла. Ищу. Рыщу глазами по сизой туманной земле... Ищу. Нахожу. Вот она, та стрела... Та, ночная...

Та, жгучая, подлая... Она, мертвая, слепая, лежит на обочине дороги. Я поднимаю ее. На ней темная, запекшаяся корка. Это кровь Рустама-палвана. Я не буду смывать, отдирать, очищать ее. Пусть она останется на стреле...

Пусть невинная кровь догонит убийцу!.. Хотя не всегда она догоняет... Не всегда... Но эта догонит!.. Клянусь!.. Я верну эту стрелу, эту кровь атабеку Кара-Бутону!..

Я кладу стрелу в хурджин.

Я еду по сизому кишлаку. Мимо старого, высохшего китайского карагача с муравьиными дорогами... Они и ночью и утром не утихают, эти последние дороги... Карагач словно шевелится, роится...

— Прощай, карагач с муравьиными дорогами!..

Я еду в сизом росном туманном зыбком долгом, долгом, долгом поле. Тону в поле...

Потом подъезжаю к крепости Офтоб-кала. Слезая с осла.

Прислушиваюсь. Озираюсь. Никого нет вокруг, как в то утро. В утро тихой тайной ночной стрелы... Может, и сейчас она где-то рядом таится? Моя стрела? Зреет? Наливается? Крадется? Принюхивается к спине моей?..

Айе!.. Сухейль, я пришел проститься, а ты спишь?.. Сухейль... Ты спишь?..

С помощью цепи Рустама-ака я быстро перелезаю через высокую крепостную мглистую стену и опускаюсь в айвовый сад... Сад сизый, туманный, пустынный... Тихий сад клубится, струится... Стволы деревьев млеют, зыбкие, размытые, неясные...

Я иду по саду... Я ищу то дерево. Я нахожу его. Под ним лежат на белесой садовой ледовой траве разбитые, раздавленные камышовые циновки и разрушенная деревянная бухарская суфа... Лежит на траве разрушенное, разъятое бывшее летучее высокое гнездо... Лежит... От обмелевшего арыка, от реки только следы тонкого утреннего льда и инея извиваются, стелются по траве... Белесый ледяной долгий кружевной блескучий след тянется по травам... Тонко...

— Сухейль, я пришел проститься... а ты спишь... Сухейль... от арыка, от реки только утренний травяной лед да иней остались... Сухейль, ты спишь?..

Сад сизый млеет, тлеет в млечных, алых туманах...

Сад зыбкий, размытый, тихий... Тихий... Только иногда набегаёт алый ветер и нагой шелест ветвей слышится, слышится, слышится... Уже ало светлеет в стволах... Уже ало в алых стволах... Уже надо мне уходить... Уже, Сухейлы!..

— Айе!.. Сухейлы!.. Я пришел проститься, а от арыка, от реки остался только травяной блестящий ледяной кружевной сухой след!..

Я пришел проститься, а ты спишь, Сухейлы!..

Тогда!..

Тогда Тихая в Тихом саду...

Тогда Алая у Алой айвы...

Тогда в алом тихом платье из-за алого утреннего ствола айвы она говорит, шепчет, лепечет, лелеет... ..

— Я не сплю, ака... Я прячусь за алым стволом... Мне ало, ака... От той ночи... Не могу из-за ствола выйти... Ало мне, ака...

— Сухейль, но уже утро!.. Уже весь сад алый!.. Уже весь сад алый, а был сизый! Весь алый!.. Выйди из-за ствола, Сухейлы!.. Не таись! Уже весь сад алый!..

Но она не выходит. Таится. Только два сливовых дымчатых глубоких глаза глядят из-за алого ствола... Глядят!.. Томят!.. Берегут!.. Жалуют!.. Молят!..

Айе!..

Да что еще есть в мире, кроме этих сливовых молящих глаз?..

Кроме этого алого, алого, алого, алого утреннего веющего сада?.. Что еще есть в мире?..

Куда я ухожу?.. Зачем?.. Зачем навек оставляю эти два глаза за алыми стволами?..

Зачем?..

...И тут я закрываю глаза и вижу, как бежит, бежит в поле Рустам-палван со стрелой в спине... Как он улыбается мне: «Выпьем бузы — и пой, пляши, бычок!.. Такая ночь один раз в жизни бывает!»

И тут я закрываю глаза и вижу Голубоглазого с широким зрелым афганским ножом у самого моего худого безвинного горла: «Резать? Я очень хочу его резать!.. Их резать! Всех! Хочу резать!.. Ай!.. Дай!..»

— Сухейль, не таись за стволом!.. Уже весь сад алый, а был сизый!.. Сухейль, я пришел проститься...

— Я знаю, ака...

— Кара-Бутон убил моего друга... Я должен отомстить... Вернуть ему его стрелу...

— Я знаю, ака...

— Я скоро вернусь... Я освобожу узников зинданов и сразу вернусь к тебе, Сухейль!.. Сразу!.. Скоро!..

— Я знаю, ака...

— Выйди из-за ствола... Давай простимся, Сухейль...

— Нет, ака... Я вся алая... Стыдно мне...

— Весь сад алый... Только от арыка, от реки след на траве жемчужный ледяной кружевной святой беллет... Выйди, Сухейль...

— Нет, ака... Я алая...

— Прощай, Сухейль! Ты будешь ждать меня, дочь бека?..

— Да, сын горшечника... Арык течет — Сухейль ждет... Река течет — Сухейль еще больше ждет!.. Смерть придет — Сухейль ждет... Смерть уйдет — Сухейль ждет...

Айе!..

— Прощай, Сухейль!.. Я скоро вернусь!..

Я бегу по саду.

Сад.

Алый.

Айе!..

ЭПИЛОГ

Сказано в древности, что люди ходят по тропинкам, часто забывая о Великом Пути. О Пути Добра. О Пути извечной борьбы со Злом. Нельзя дать Великому Пути зарости колючкой и верблюжьей травой, как зарос, увял, истаял Великий Шелковый Путь...

Нельзя!..

И Ходжа Насреддин сошел с малой тропинки своей жизни и ушел на Великий Путь Добра...

А Любовь?..

А Сухейль?..

Арык течет — Сухейль ждет.

Река течет — Сухейль еще больше ждет.

Смерть придет — Сухейль ждет.

Смерть уйдет — Сухейль ждет...

Айе!..

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

...Познал я все сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, едиnorodный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, неведимый, благолюбивый, скорый, неустойчивый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи...

Премудрость Соломона

КОЛЫБЕЛЬ

Царь Сулаймон, Ты говоришь: я предпочел Премудрость скипетрам и престолом и богатство почитал за ничто в сравнении с Нею. Драгоценного камня я не сравнил с Нею, потому что перед Нею все золото — ничтожный песок, а серебро — грязь в сравнении с Нею. Я полюбил Ее больше здоровья и красоты... Мудрость знает давнопрошедшее и угадывает будущее...

...Да, царь!.. Дальний! Пленный!.. Нетленный!.. Ты давно ушел изник исчах изветрился как гора в пустыне Гоби, но Ты жив, потому что живо сокровенное напоенное слово Твое. Слово мудрости... И Ты единственный царь, которому внимает тихая душа моя на вечернем вечном февральском туманном сонном берегу родной реки моей Сиемы! Да!..

...Я, Ходжа Насреддин, говорю: в двадцать лет Бог (кто Ты, Господь? Авраам?.. Будда?.. Иисус Христос?.. Мухаммад?.. — но Ты) поселяет в человеке любовь к женщине...

И я не знал ее...

В тридцать лет — любовь к вину, в сорок — страсть к путешествиям.

(А эту знал я в избытке!..)

В пятьдесят лет — любовь к мудрости... Да!..

Мне шестьдесят лет.

И где мудрость моя?..

...Только родная река Сиема в тумане вялая февральская дремотная забвенная течет грядет доносится...

Живет река... И пена ее быстра мутна молода?

Почему река мутна?.. Только что растаяли молодые мутные смутные снега?..

Почему змея мудра?.. Потому что она всем телом льнет лепится тянется к земле. Струится по земле.

Как вода? Как река?.. Да?..

...Я всю жизнь льнул к земле, к траве, к камням, к деревьям... К людям земли... К дехканам, к землистым их щедрым рукам, к свежим их полевым травяным зеленым родниковым душам...

...Царь, Ты говоришь: Премудрость не войдет в лукавую душу!..

И я узнал это...

Я устал утомился от лукавых подвижных текучих человеков, а таких много ныне, как птиц-майна, уничтожающих посева полей... Да!..

Но я шел среди народа моего, я спал на нагой земле моей, положив веселую хмельную дорожную пыльную голову свою на нищий рыхлый живот осла моего...

Хаким ибн Сина, Авиценна, великий целитель, врачеватель, отчего так бурлит, свербит, томит, поет пустой живот?..

Эту загадку так и не решил я в долгие ночи мои под бездонными звездами, о которых так много знал мавлонб Омар Хайям, но так и не сказал нам ни слова... Ушел, оставив нам безответные светила...

...А река Сиема шумит, перебирая передвигая донные глухие тяжкие слепые валуны камни...

А отчего шумит бурчит клокочет ярится пустой живот?.. Что передвигает, перебирает?.. А?..

И ни один мудрец не ответил на низкий сей вопрос...

И только древний китаец Кун Цзы говорит: и голова истинного мудреца пуста, как и живот его... Да...

Но я видел многих, головы которых мечутся и мыслят только для того, чтобы сладострастно наполнить живот. И такие животные слепые головы святы в земле нашей, в Мавераннахре, в Державе блаженного нашего Амира Тимура, Повелителя Вселенной, Сахиб-уль-Кырама!.. И такие головы не сечет праведный меч его!..

И я шел, жил, надеялся среди таких голов!..

О боже! и что среди таких голов участь моя?..

Нет иных!.. О боже!.. Тошно!..

...Пророк Иса Пророк Иисус — Ты жил во времена
Одного Иуды — и ушел к Богу...

Я живу во Времена Двенадцати Иуд!..

Все предают!.. Всё предают!..

А я живу...

Но!..

Есть и иные в народе моем!..

И незримые неслышимые глухие мудрецы источают,
изливают мудрость, как темные ледники источают пенные
молодые вечно прозрачные реки...

Да?..

Но!..

О земля моя! о народ мой! что затаились мудрецы
твои?.. В каких кибитках? у каких деревьев? при каких
дорогах?

И мудрость стала тайной в народе моем?..

Сказано: мудрец живет согласно потоку жизни, а
глупец насилует жизнь, подгоняет ее под свои страсти...
ломает жизнь...

Так?..

И потому таятся хранятся и безмолвствуют мудрецы
твои, слепая родина моя?..

И потому ледники тайно порождают извергают
благодатные вольные реки твои?.. и!..

...Но я шел, но я не таился, но я прижимался при-
падал малым телом своим к необъятному телу народа
своего, как змея прижимается льнет лепится к земле...

Но где мудрость моя?.. Где?..

Мудрость, где заводь благодатная блаженная лазурная твоя?..

Где брег твой вечнозеленый?..

И вот!.. Горько!..

И вот горькое полынное забытое тело мое стало как истертый от рук многих дряхлый древний дирхем...

И вот тело мое согбенное, как Большой Минарет багдадской Мечети Халифов Джамиа-аль Хуляфа...

И вот оно покосилось пошатнулось и вот оно обветшало, как дувалы магрибских кладбищ-мазаров...

И вот оно мое! и оно было уповало! и наливалось младое! и созревало, как бухарское густое медовое яблоко! и пало терпкое подбитое!.. И пало...

И вьется червь победный необъятный...

Тело старое... Чужое! чужое! чужое! чужое! чужое... Малое... Растраченное... Бросить его в реку?..

...Сказано мудрецом перед смертью: нагим я хочу слиться с Богом! Рубаха тела тонка (не сладка уж!) как шелк иль волос... Надо снять ее...

...Снять?.. Бросить в реку рубаху тела?..

...Река река моя Сиема, ты ль у ног моих босых течешь льнешь?.. Хладная река моя!.. Ледовая ледниковая моя!.. И твои форели бредут стоят у ног моих льются лепетные... ластятся сосут мне пальцы тленные...

...И поплывет рубаха тела?..

И там текла река в которой я лежал в которой протекал в которой плыл витал стенал роптал молился

И там текла река в которой я лиился я томился жил дышал захлебывался хрусталиями вился вился млáдый младый длился

И там текла река которая лелеяла

И там текла река которая которая которая была была текучей дальней давней колыбелью волн моленных материнских лестных ленных ленных волн влюбленных

Которая была текучей колыбелью

Которая была текучей колыбелью в осиянных во песчаных в давних

давних млечных млечных милых милых брэгах брэгах брэгах

И омывала овевала волнами забвенными протекшими мое мое мое уж

уходящее уж утекающее тело тело тело обмелевшее уже сомлевшее

уже сомлевшее уже ушедшее ушедшее ушедшее

Утекшее

...Река река ты помнишь ты хранишь мои босые ноги детские?.. Твои запруды заводи ночные помнят дальнее мое крутое тело?.. Ты помнишь — я плыву в ночных волнах млечных лунных денных?.. Ты помнишь?..

Я был был был ночной агатовый каракулевый агнец твой река река моя мать, ведь живой родной единственной матери не было у меня, ведь я был найденыш сирота, и ты была моя мать, река река моя Сиема незабвенная непротекшая!..

И святы камни валуны твои теплые скользкие груди матери несужденные целебные!..

И блаженны!..

...И поплывет рубаха тела?..

...Нет!.. Я вернулся, мать! мать нетленная!

И я снимаю разбитые кривые измятые чароги — сапоги свои и босые ноги опускаю в волны по колени... Я чую форелей и сосут сосут ступни мои приречные уступчивые зыбучие пески пески пески...

И сосут берут родимые форели!..

И блаженны родины реки родимые форели!..

В ту ночь звезда была чиста моя бухарская родимая
В ту ночь река была светла моя миндальная волнистая
В ту ночь звезда была чиста
Но ты кафир! беглец! неверный!
В ту ночь звезда была чиста
Ты мул двоякий обделенный
И гроб твой будет кочевать среди слепых и необрезанных
И гроб твой будет кочевать словно верблюду в безлунных

землях

И гроб твой будет кочевать и там тебе не будет берега
И там в аллаховых песках не будет ни куста ни берега
И гроб твой будет кочевать
И будет зазданийский саван пески летучие впускать
И будут сечь мне тело мертвое
И тут тебе гнезда не знать и там тебе не ведать берега
И гроб твой будет кочевать
Но Господи ведь я вернулся
И у миндального куста
И разрыдался и разулся
В ту ночь звезда была чиста
Но у мечети незабвенной
Кричал «Алла» босой мулла
И ел святую талу землю

...Да!.. И я ем святую родную землю!.. Ем февральский небогатый неверный талый снег!.. И пью твою свежую новорожденную воду тихих тайных ледников, река Сиема моя!.. И пью мудрость тайных мудрецов, талая родина моя...

Я пил из многих рек земли — из Джайхуна и Евфрата, из Нила и Янцзы,— и нигде нет такой сладкой блаженной доброй молодой живой воды! Да!..

...Я был, я брал у многих мудрецов земли, но душа моя утихла только на берегу родины моей...

И стало ей вольно и легко, как босым ногам моим погруженным... Босая душа моя витает, отойдя от тела над рекой!.. Я только теперь учуял услышал узнал ее, как ночную тайную бесшумную птицу, как степного полевого травяного вешнего кроткого голубя-вахиря...

...И поплывет рубаха тела?..

И плывет...

Шейх Саади, Ты речешь: после пятидесяти лет смешно говорить о родине. Родина там, где тебя любят и чтут...

Нет, шейх!..

...Лишь ты сладка, вода родины реки моей!... Я сорок лет не пил тебя, и гортань моя тосковала по тебе и стала как солончак даштикипчакской степи, и стала пустынна и горяча, как пески Сундукли... А была гортань молодая свежая ярая алая, как аральский, как куняургенчский поздний арбуз...

А стала как пески Сундукли...

Я лежал на песках Сундукли

Шел верблюд на песках Сундукли

И скорпионы скарабеи в барханах мужая росли на песках

Сундукли

Так чисто умирать на песках Сундукли

Приходите чистые сыны усыпать на песках Сундукли

...Но я не уснул там...

Я вернулся, Сиема, родина, текучая колыбель моя...

И кривые мои пыльные глухие ноги стоят живут плывут в воде твоей, пахнувшей талым талым снегом... И ледовая чуткая вода ласкает ноги мои оглохшие и щекочет топит томит старые пальцы мои, похожие на морщинистые головы гиссарских степных кладбищенских черепах...

Да! Да!.. Весь я дышу, живу, томлюсь!.. Да, Аллах!..

Да! Я вернулся домой.

И там за рекой вдаль во тьме февральских сырых талых нагих глухих таящихся урюковых гранатовых грушевых садов лежит спит родной мой кишлак Ходжа-Ильгар... Там тихо... Сонно, там даже собаки не лают... Кишлак спит убито смутно за дувалами слепыми тайными... За тальми родимыми дувалами...

...Ты встречаешь меня в лае псов своих, родина моя!.. Хоть лаем, но встречаешь?.. Пусть лаем!..

Но там тьма тишина... И молчат вешние студеные серые псы мои...

И только талые деревья бродят в заречном тумане тумане тумане... Иль они мне машут серыми тяжкими ветвями?.. Иль манят из туманов?..

...Я сорок лет там не был... Никто там меня не узнает... Никому я там не нужен... Запоздалый...

...Но запах реки!.. Но запах сырых напоенных зажавшихся деревьев чудящих ворожащих в туманах!.. Но запах где-то забытых дотлевающих кизяков!.. Но запах талого изникающего тонкого снега!.. Но запах родины!.. Но запах гнезда люльки колыбели!.. Но запах льется течет бьется мне в ноздри, в душу, в глаза!.. Да!..

И я срываю свежую ломкую ветку приречного кроткого тополя — туранги... И я кладу ее на язык...

Ветка влажная снежная сырая. Горькая. Мякляя. Таает она...

Я жую ветку. Она уже вешняя. Текучая. Живая. Сладкая она...

Тогда плачут глаза мои...

Я сорок лет не плакал... С того дня, как ушел, убежал из родного кишлака Ходжа-Ильгара на Великий Шелковый Путь... Я сорок лет смеялся и смешил, тешил людей в мертвой глухой сонной военной стране — державе Амира Тимура...

...И где мудрость моя?.. Где вечнозеленый берег ее?.. Где заводь ее тайная, сокровенная?..

...А лицо мое от смеха стало морщинистым и желчным...

Говорят, что богатые люди и властители не любят, когда над ними смеются. А бедняки любят?.. Нет. Никто не любит...

Это печальный дар — смешить людей, смеяться над ними. И потому иссохли лицо и душа моя... Да...

О боже, зачем мне дар этот? судьба масхарабоза? шута? горб горбуна? Я проклинаю вольный веселый беспечный; хмельной язык свой... От него пусто во рту моем, в душе моей... Зачем он в земле нашей?.. Как шут на похоронах, на поминках?..

И вот я плачу...

Как сладко плакать!.. Пророк Иса, Ты истинно сказал: блаженны плачущие, ибо утешатся!.. Да!..

Я утешился поздними ночными слезами от встречи с тихой талой сонной родиной моей...

...И плывет рубаха тела...

И...

ИВА

И...

...Старый Ходжа Насреддин сидит на жемчужном приречном ладном валуне, опустив худые голые ноги в ледяную реку...

Река течет... Ноги текут...

Он плачет... Он счастлив... Он вернулся домой. В родной кишлак Ходжа-Ильгар. Через сорок лет... Не поздно ль?..

Нет...

...О родина, прими меня, во тьме дороги потерявшего. Прими — и в вешних волнах дай всем телом высохшим расплакаться!.. Да! да! да!.. Прими!..

...И там на берегу стояла одинокая ива и она ранняя беспечно беспечально распустилась и покрылась зелеными рьяными плакучими молодыми тальми листьями и она стояла вся зеленая и вся была в мокром сонном тяжком мертвом слепом снегу... Неубитая неуморенная непомерзшая... Невзятая стояла листьями мокрыми вешними невинными ликовала... И вся она стояла ранняя в снегу невинная расцветшая до времени своего...

И Ходжа Насреддин увидел ее и подумал, что он как ива эта ранняя расцветшая невинно среди мертвой

снежной убитой державы Амира Тимура... И улыбнулся, и подумал, что он как ива ранняя расцветшая невинная неубиенная в снегу державы тирана в снегах необъятных Мавераннахра и Турана...

Иль вся Держава — не Стрела летящая разящая?..

Иль весь народ — не лучник чагатай в собачьем волчьем малахае стрелу погибельно спускающий?..

...Ты не воин?.. Не чабан, овец для воинов пасущий растящий?.. Не дехканин, под копытами коней военных гневных урожай для воинов сберегающий собирающий?..

Ай!..

...Ты певец? Ты шут? Мудрец?.. Ха-ха!.. Ты муха с изумрудною спиною ломкой обреченной исчезающей?..

Да!.. Ты муха в державе Джахангира Тирана Амира Тимура в Державе убивающей?..

Но!..

...Но таяло!.. Но таял снег!.. Но ива таяла!.. Но с ветвей зеленых неповинных капало сбегало слетало тяжкое спадало!.. Но таяло!..

И Ходжа Насреддин улыбался!..

...Я плачу, я смеюсь на берегу твоём, малая моя родина, моя гахвара зыбка люлька; моя колыбель, мой исток незамутненный, моя река Сиема, мой кишлак чахлый сирый, мое гнездо полузабытое полуразмытое покинутое некогда навек Ходжа-Ильгар!..

...И я думаю об огромной стране Мавераннахра Амира Тимура, по которой бродит одинокий человек — и он возвращается в кишлак своих отцов, на берег древних дремлющих чинар родных исконных живых могил...

...Родина там, где тебя любят?..

Кто любил меня в стране моей?.. Кто обласкал и принял меня, как мать долгожданного странствующего сына?.. Кто отворил дверь в ночи и принял и напоил вином чужбины?..

Только зверь рыщет по земле в поисках тучной добычи.

Человек мечется бродит по земле в поисках любви. И ее всегда не хватает, как воды в пустыне...

И все караваны земли грядут бредут томятся в поисках любви.

И человек ищет человека!.. И человек ищет человека!.. И человек ищет человечество!..

И любовь, как и ненависть, бежит перекидывается перебрасывается переливается от человека к человеку, от народа к народу, как пламя в сухих камышах в азовских тугаях!..

Да!.. И я искал!..

И я избил ноги! Вот они покоятся отходят веселые в ледяной родной реке! Да!..

И я избил душу! Вот она летит над рекой в родной кишлак заснеженный туманный как ночная чудящая шалая бесшумная птица во гнездо утраченное!..

И что?.. И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?..

...Я сорок лет искал людей, я сорок лет искал ждал жаждал алкал их любви, я сорок лет отдавал людям свою любовь, свою жизнь, свою душу.

Я сорок лет отдавал плоды жизни моей, как придорожная дикая бездомная сиротская щедрая открытая безвинная алыча отдает золотые острые духмяные плоды прохожим людям, птицам, зверям...

Я сорок лет тратил, отдавал, ронял дарил терял. И что?..

Где мудрость моя?.. Где нетленный след мой?..

Иль он лишь пена жемчужная беглая летучая скорая умирающая увядающая тающая в волнах?..

Иль?..

Только старые кривые пыльные тяжкие печальные растроченные ноги мои плывут текут тоскуют в ледяной одинокой февральской дремотной реке. Да?..

И крутая нежная чуткая лепетная ханская форель льнет к ногам моим, ласкает щекочет, как верная собака влажным добрым тихим носом...

Это не форель, это волна...

Родная дальняя моя, она узнала меня... уткнулась в мои ноги... Узнала!.. Да!.. Я сорок лет с тобою не был!..

Я сорок лет смеялся и веселил людей на всех великих дорогах, где никогда не опускается не усмиряется не утихает пыль от прохожих караванов, на всех заблудших тайных тропах, во всех кибитках, чайханах и караван-

сараях' неуютной тайной темной кровавой родины моей!..

Я тешил утешал я возвышал я поднимал людей, я был везде, и только Смерть опережала меня, ибо Она Хозяйка и Повелительница в стране моей!..

И я отпугивал ее, как ночную кладбищенскую чубарую крапчатую гиену, но она была рядом на всех путях родины моей.

И ждала!.. Смерть!.. Бырс! Гиена!.. Скоро! Встреча скоро!.. И!..

Амир Тимур, ты скачешь на коне?..

Амир Тимур, ты скачешь на карабаирском долгом атласном шелковом переливчатом заливистом тугом собачьем коне с жемчужной сеткой на пенной волчьей морде?..

Амир Тимур, ты скачешь на военном необъятном неоглядном коне?

А эти кони карабаиры едят вяленое монгольское мясо!.. А эти кони едят мясо!.. А эти кони грызут волка... И скажут долго!.. Эти военные кони!..

Нет, Амир! Нет, Тимур! Ты скачешь кличешь кычешь на гиене!.. на Смерти!.. Ты скачешь на гиене! да!..

Айя!..

...Глядите — Тиран Джахангир Повелитель мира скачет на низкой землистой тусклой ночной кладбищенской чубарой крапчатой пахучей падучей гнилой зыбкой тленной Гиене!..

Да!.. И твоя добыча! твоя палая сладкая добыча! твой мертвый урожай — лежат твои трупы... Айя!.. Да!..

Глядите — Тираны всегда скажут на Гиенах!.. Да!.. Ха-ха!..

...Но так велика их добыча... Но так велика их добыча... Айя!..

Амир — ты не Повелитель народов и стран!.. Ты — раб Смерти. Ты — раб Гиены! И ты скорая добыча ее!.. Скорая... Податливая!..

...Но я не боялся Гиены, я гнал ее смехом и забывался и отдалялся.

И люди забывали о ней, когда смеялись со мной...

...Гиена!.. Смерть!.. Чух! Кыш! Пошла!.. Иди к своему

Повелителю, иди к своему Рабу, иди к своему Амиру!..
Пошла!..

И она отбегала, отходила отступала в ночь в ночь,
а теперь она таится там и ползет как опоздалая квелия
поздняя змея гюрза в снежных туманных кустах при-
речной туранги... Аяя!..

...Пошла! Уйди, гиена... Уйди, смерть... Еще не при-
шло твое время, хотя Времена Гиены Времена Смерти
Времена Двенадцати Иуд пришли на землю мою при-
шли на страну мою! на народ мой пригнетенный повы-
рубленный... потоптанный...

А я? А я смеялся? А я сверкал молодыми веселыми
телячьими лучистыми снежными зубами?..

И где?.. О боже!.. В какой стране? в какой земле?
в каком народе гиблом палом? где я смеялся?.. Где я
смеялся? шут скоморох скомрах, масхарабоз на похоро-
нах?.. Да?.. О боже, где я смеялся?.. О боже!.. Только
теперь мне стало страшно!.. Я смеялся на кладбищах!
на мазарах! на могильных низких безымянных хол-
миках!..

...Шейх Хайям, Ты говоришь:

Гляди, коль ты не слеп: могилы пред тобой!
Соблазнов полон мир, объятый суетой!
Во ртах у муравьев текут дробятся лики
Красавиц и царей, забытых под землей!..

...А я не знал! А я слепой был! Веселый, как кара-
кулевый новорожденный слизистый от чрева материн-
овцы мокрый молочный турткульский барашек, радостно
идуший под нож локайца пастуха в день, когда цветут
горные кудрявые сизые родниковые фисташки...

Смех — это молоко...

Мудрость — это мясо...

Корова много раз дает молоко, но только однажды —
мясо...

Пора мудрости — пора редкая, пора тяжкая. Пора
последняя. И вот она пришла...

...Но где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?..
Где заводь ее лазурная тихокаменная тихопесчаная вра-
чующая?..

...И поплывет рубаха тела...

...И у ног держатся ластятся форели...

...И ива неповинно расцвела взошла средь снега...
...И я смеялся средь кровавой средь Империи Гиены!.. Да!..

КОНИ

...Да! да! да! да! Ха-ха!.. Я смеялся я смеюсь среди Империи Гиены!.. Да, Амир Тимур! смеюсь и под копытами твоих коней военных пенных!..

...А ты скачешь на Трех Конях!..

На Коне Войны!.. Весь народ — рать обреченная!..

На Коне Страха!.. Весь народ — пугливый сусликтарбаган в норе дрожащий немо!..

На Коне Нищеты!.. Весь народ — как нищий странник-дервиш с нищею сумой-кашкюлем переметным... Куда идет бредет? И кто подаст? кто обласкает? обогреет?

Да! да!.. Шайдилла!.. Помоги Господь!.. Айя!.. Помилуй!..

Эй! да что за тишь! за тьма! за кладбище вселенское!..

И только Три Коня влекут слепую сонную кровавую скрипучую загробную Арбу Имперью Мавераннахр...

И Три Коня влекут Арбу Империю...

Три Коня влекут проклятую Арбу Империю...

И под дремучими тягучими тяжелыми колесами дробятся и крошатся никнут утихают покорливые выи шеи!.. Да!.. Крошатся выи шеи!.. Но!.. Доколе?.. Боже?..

Но!.. Когда споткнутся кони!..

Но!.. Когда издохнут кони!..

Но!.. Когда повалятся порушатся колеса!..

Да! Скоро ль? скоро ль? скоро ль?.. скоро ль?..

Да! Скоро! скоро скоро скоро скоро!..

Да! я знаю! да! я был под конями и под колесами! и под повозкой! и я знаю! и я видел! Скоро!..

И я смеялся и я смеялся под смертельными конями аргамаками под колесами я смеялся и кричал: скоро скоро скоро! Скоро издохнут кони!.. Скоро покатаются вольные разбитые колеса! скоро расхитят разберут потомки воры сыны внуки погребальную посмертную Арбу Мавераннахр Повозку!.. И я вижу — истомились истекли последней гонной пеною слюною судорожной кони комони! иссохлись истратились искривились исказились

трухлявые колеса! и изгнила смертная плетеная рабов народов воинов покорливых Арба Мавераннахр По-возка!..

И я был под конями — их копыта разбитые рваные!
И я смеялся! И я кричал: эй, человеки! Да Арба-то гнилая!

Да!.. Амир! Тимур! Возница Арбы! и ты уже ветх и дряхл и ногой хромою и рукой беспалой саксаульной высохшею правишь... И криво правишь!.. И Арба летит косая! И летит Арба беспутная кровавая слепая на кладбище на мазар! и там стоит ворожит Азраил Ангел Смерти!..

И там Арба станет!.. И там падет и там развалится и усмирится претворится в землю в червя во тлен канет!..
Но!..

Но пыль!.. Но тьма!.. Но кровь! Но раздавленный народ! Но убитая сиротская земля!.. моя...

Вот след Арбы!.. Сакма ее!.. И она свежа и она длится и она дышит сакма-рана!..

...И что я ноги нагие в воду ледяную опускаю?.. Мало!.. Душа-то мается! не остывает! не кончается!..

И все скачут скачут скачут Три Коня и влекут влекут влекут слепую сонную Арбу-Империю Погребальную!..

Да, скачут!.. И давят!.. И крушат!.. крошат!.. И пригнетают!..

...Раб! Человек!.. Чего боишься колес Арбы разошедшей? колес на лету на бегу сорвавшихся?..

Раб! Друг!.. Далекий!.. Смутный!.. Не бойся!.. Скоро Арба усохнет, станет!.. Скоро развалится. Скоро кони брюхом в пыль текучую падучую дремучую пахучую победную полягут да не встанут...

Друг! Поверь!.. Я был там... под конями... под колесами... я видел... я выжил... я знаю...

Но!.. Три Коня все скачут, а я уже старый. Уже! уже старый!..

Но!.. Они полягут!.. Они повянут!..

Но я старый! но боже! чтоб они не обскакали! чтоб они меня не обскакали!..

Нет!.. Амир Тимур, не опередишь ты меня, не обскачешь!..

Но!.. Три Коня скачут!.. Дышат! Пылят! Тратятся!..
...Аллах! Где же истина?.. Где правда?..

И Зло летит на Трех Конях, на лютых! пенных! на
кромешных!.. А Добро тащится на осле моем покорном
бедном дряхлом древнем медленном?.. Да?..

Аллах!.. Но что я?.. Иль Твой замысел неверный?..
И ледовая вода заходит забирает за мои разбитые
колени...

...И поплывет рубаха тела...

...И где мудрость моя?.. И где брег ее вечнозеленый?..

Но! но! но!.. Я вижу!.. Уже! уже изнемогают изни-
кают оседают кони кони кони возметенные!.. Уже сла-
гают в пыль высокие дрожащие летящие атласные коле-
ни!.. Уже глаза их налитые смертные как рубиновые
жгучие горячие афганские перцы!.. Уже пена вялая туч-
ная вислая обильная падучая краснеет! уже краснеет!..

И были кони угончивые уносчивые, а стали утомчи-
вые!.. А были кони бессмертные, а стали кони тленные!..
Да!..

И осел мой тихий бедный медленный идет... И наго-
няет. Приближается. Жалеет...

Да!.. Жалеет...

...И кто упавший лежит в пыли?.. Властитель джа-
хангир Вселенной? Меч Народов?..

Амир Тимур, ты лежишь в пыли победоносной? толь-
ко пылью побежденный, уморенный?..

И рядом тихо верно издыхают твои карабаиры ахал-
текинские аргамаки кони?..

И *сонно!.. Тленно!.. Мертво!.. Тошно!.. И пахнет
пыльной теплой многой кровью сырой сонной кровью
кровью!..

Тимур Хромец державный, ты шепчешь, ты зовешь
повелеваешь из пыли: хромой владыка!.. Хромые кони!..
Хромые народы!.. Ангел Азраил загробный! забирай
меня! быстрее!.. Я повелеваю!.. Забирай быстрее! Ты-то
хоть не хромой?..

...Держава Тимура пылала. Пылила Тимура нога в каракумских оазисах.
Владыка пришел на осиное всадников клáдбище — осиное древо
его обласкало опасно.
И влез на минарет Хромец и зло в пустыню скалился.
И перстом повелительным кликнул загробного Ангела...

Да!..

Но!.. Тиран лежит в пыли и некому его поднять и даже Ангел могил Ангел Ада Азраил учуяв Джахангира убоялся!.. Да... Убоялся!..

Вот он Азраил остановился в стороне и не подходит к упавшему Тирану и медлит и ждет, когда Смерть Амира спеленает скрутит в пыльный кокон — саван долгожданный!.. Айя!..

И вот глядите — Тиран поверженный лежит в пыли и Азраил медлит убоявшись!.. И медлит хоронясь за ивой неповинной снежной талой распутившейся и медлит Азраил чернобородый ярый восседая на многовласом дремучем памирском яке-кутасе Зверояке неоглядном! Темном угольном агатовом!.. И медлит Ангел Ада Азраил упавшего Тирана убоявшись!..

Тогда!..

Тогда Ходжа Насреддин сходит с нищего низкого дремотного осла и Владыку поднимает...

Тогда Мудрец Хромца поверженного из пыли праха тлена дорожного слепого поднимает...

Тогда Мудрец поднимает Тирана...

...И кони палые Имперья шеи выи змеинные умирающие недужно хворо гибельно напоследок выгибают ищут тщатся да роняют упускают навек навек в пыль чреватую родящую!..

Да очи коньи перцы рубиновые жгучие афганские навек вытекают из глазниц да текут да останавливаются...

Да Арба Имперья пала уже! уже! уже объята кородами жуками тлею паутиной да червями!.. Да! да! да!.. Уже объята замогильными червями!..

Шайдилла!.. Уран!.. Уйди!..

..Ай!.. Да что за бред! за тьма!.. Я Ходжа Насреддин!.. Я? Я? Я влеку Тирана? Я спасаю утлого Хромца? Ай!.. Шайдилла! Все бред!.. Все тьма!..

...Все кони пенные смертны голо хищно гневно блудно скачут скачут!.. Распаяясь! Распадаясь!.. Все Хромец своей хромой Арбой-Державой правит!.. Айя!..

...А я только ноги только старые свои глухие ледяные ноги из реки родной родимой из реки ледовой вынимаю выбираю...

Но!..

ВИДЕНЬЯ

Но!..

Но бред все тянется!.. Все я тащу влеку спасаю утлого Хромца Тирана!..

И хохочу смеюсь вослед колесам Арбы распавшимся вслепую во тьму летящим!

Иль вся Жизнь — лишь поединок смертный вечный мудрости и злодейства?.. И лишь двое на Дороге Человеков вечной — Владыка Зла и Мудрец Добра?.. Палач и Жертва — близнецы слепые двуединые обреченные заклые усталые?.. И один тащит другого?.. И один убивает угнетает уморяет... И другой спасает возвышает поднимает из праха... И лишь двое бредут грядут обнявшись по Дороге Веков по Дороге Народов аллаховых?.. По дороге черепов могил народов безвестных безмянных?.. А?..

...Тимур, ты родился от нойона Тарагая-барласа и матери Текины-хатун... Ты родился с кровавым сгустком, зажатом в правой ладони!.. Да, слепой! Да, невинный, как расцветшая ива в снегу!

Ты родился с кровавым сгустком в руке в кулачке свежем новорожденном.

И ты льешь даешь любишь кровь текучую чужую довременную... И выпускаешь кровь из сосудов аллаховых человек, как овец заждавшихся из загона...

И ты пастух отар стад народов зарезанных... И стада твои (Айя!.. да что ж это, Господь мой?) многие щедрые тучные палые...

И они загробные усопшие и они не разбредаются...

И пришли Времена, когда пасомые лежат, потому что они убиенные... И не разбредаются...

И пастух уж спит, и спит уж нож его усталый необъятный...

...Тимур, ты знаешь — меня нашли на амударьинском травянистом острове Аранджа-бобо близ Великого Шелкового Пути...

Кто-то уронил родил любил кормил забыл меня на острове...

А в руке моей — ай далекой ай розовой ай свежей ай сиротской ай миндальной ай влюбленной — был зажат запрятан хрупкий лепесток дикой приречной алычи. Как он попал в новорожденную скользкую еще от сукровицы материнской руку мою?..

...Эй, родные мои мать и отец... Веселые! Хмельные! Бражные! Слепые!.. Святые!.. Вешние!.. Напоенные!.. Избыточные, как пчелы сборщицы в исфаринских самаркандских гератских урюковых тесных медовых садах садах!..

Эй!.. Матери!.. Отец!.. Оя!.. Дада!..

Я так и не сказал вам этих слов... А теперь говорю кричу и сладко мне!..

...Оя! оя! оя!.. Матери! матери! матери!.. мама! мааааа!..

...Дада! дада! дада!.. Ата!.. Ата!.. Отец! отец! отец!.. аааа! Ай!..

...Мне шестьдесят лет, и я кричу во тьму талую! в реку ледовую ледяную туманную! в родной кишлак мой Ходжа-Ильгар заречный талый таящийся!.. И я кричу кричу талым счастливым оленьим птичьим вешним голосом:

...Оя!.. Матерь моя!..

...Ата!.. Отец мой!..

...Где вы, молодые хмельные полноводные мои?.. Где следы ваши?..

Оя! Ата!.. Спасибо за лепесток алычи подаренный оставленный!.. И все-то не увял он, все не увядает, все не увядает...

Но!.. Дальное... Уже... Все дальное... все дальное... Все!.. дальное!..

А!..

...Амир, Ты родился с кровью в руке, как Хакан Чингис.. И потому ищешь творишь кровь, чтобы вспомнить благодатные дальние охраняющие глухие недра матери своей, потаенную крепость чрева утробы ее... И потому ищешь проливаешь кровь... Чтобы вспомнить...

Амир, я родился с алычовым жемчужным хрупким летучим лепестком в руке... И потому я всегда дрожу и маюсь, когда вижу алычу приречную цветущую заблудшую придорожную... И потому я всегда дрожу, когда вижу алычу придорожную цветущую безвинную...

И цветы лепестки тихие ее как влажные свежие жемчуга растущие... Как влажные завитки белых каракулевых новорожденных гиссарских барашков-агнцев...

Да!.. Я всегда маюсь, томлюсь, вспоминаю, когда вижу алычу придорожную приречную цветущую живую алебастровую... Да!..

...Но что я? Что брожу в днях прожитых?.. Что? что? что? Что я, сова неясить стонущая на развалинах магрибского мазара Фазл-аллаха?..

...Но я живые ноги из реки родимой из реки ледовой вынимаю выбираю!.. И улыбаюсь, и веселый улыбаюсь... И смеюсь. И хохочу...

И тут казнь свою вспоминаю, глядя на голые свои ноги небогатые... И на ногах и на спине еще томятся шрамы, рубцы, раны... И еще не затянулись не забылись раны... свежие недавние... И я засыпан ими как багряными парчовыми бархатными лепестками жирных роз, атласных роз ширазских... роз гранатовых...

...Да!.. Только такими я осыпан был живучими жгучими цветами лепестками гранатовыми!..

Да! Жизнь моя, душа да тело усеяны усыпаны цветами лепестками ранами язвами точащими багряными...

Да!.. Это от ивовых гибких певучих хлестких палаческих палок, медными широкими битыми кольцами схваченных...

...Ай! я хохочу! вспоминаю!.. Бред!.. Уйди!.. Виденье!.. Опять я на себе ташу влеку Хромца упавшего недужного Тирана...

И Мудрец влечет Тирана?..

...Да!.. Тимур, ведь мы с тобой из одного кишлака... Из Ходжа-Ильгара... Мы росли вместе...

И только дувал саманный высокий амирский дувал разделял нас...

А теперь нас разделяет весь мир...

Но...

...Но я тащу тебя из пыли палого низкого мерклого поднимаю и ты Хромец на меня валишься скалишься как пьяный как желтый абрикосовый забвенный молённый опиёкурильщик и шепчешь: Насреддин, кликни Азраила Ангела... пусть забирает меня навек!.. Я повелеваю!.. И!.. О!..

...Амир!.. Хромец!.. Тиран!.. Джахангир!.. Повелитель мира!.. Тимур!.. Мальчишка дальный пыльный, идем как встарь в реку в ледяную в февральскую!.. Ведь весь кишлак боялся купаться в реке ранней снежной февральской! Ведь все боялись опасались!.. И только мы с тобой в волнах ледовых плавали бросались прятались таились уносились забывались!.. И весь кишлак сбегался поглядеть на нас плывущих в волнах ледовых опасных февральских!.. И мы лишь двое плыли в волнах и кричали и хохотали и обнимались!.. Да!.. да!.. да!.. да!.. дальное!..

Да!.. Дальние во дальнем... дальнем... дальнем...
Река... Матерь...

...А ныне я влеку тащу из снега палого Хромца Тирана, и он меня в плечо кусает острыми барласскими охотничьими зубами, но мы входим в реку ледяную Сиему родную и я омываюсь очищаюсь, а он лишь дрожит от холода от льда текучего колючего и шепчет шепчет и повелевает яростно: где Ангел Смерти Азраил?.. Пусть придет! Возьмет меня!.. И я взойду на Зверояке и паду уйду во прах под камень под плиту, во червя земляного необъятного! Я знаю!.. Мне не выпали не выдались сады небесные вечнозеленые вечнопрохладные сады ручьи заводи лазурные Аллаха!..

...Ай!.. Виденья налетают жалят жгут берут, как пчелы ярые из улья разбитого разъятого...

...И мы стоим в реке родимой ледяной и мы стоим течем бредем два старца в ледовых волнах набегающих!..

...И летают пчелы ледяные жалящие...

...Тогда я кричу: Тимур!.. Гляди!.. Мальчик!.. Агнец!.. Барашек!.. Река родная нас прощает, омывает, очищает!.. Гляди — река родная свежа чиста прозрачна как глаза агнца как глаза гиссарского каракулёвого барашка!.. Гляди — течет река очей новорожденных бухар-

вал!.. Но я хотел тебя казнить, но вспомнил! но узнал!
но помиловал!.. Но из-под ножа палача вынул!.. По-
мнишь?.. Мудрец?.. Шут?.. Было?..

Да! Тимур! Было!..
Казнь была!.. Казнь!..

КАЗНЬ

...Да!.. Казнь!.. Ай!.. Айя!..

И казнят мое старое тело!.. И казнят томят мое
тщетное суетное мелкое тело тело тело...

И сказано мудрецом: не бойтесь убивающих ваше
тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того,
кто может и душу и тело погубить в геенне...

Да!..

...Но больно! и остро! и тесно! и душно!.. И тошно!
Опять!.. Опять казнят терзают мое тело!.. О Аллах! Что
тело дано человеку только для мучений?.. Тогда зачем
мне тело?..

И на самаркандской площади Регистан у соборной
мечети Бибаханым опять казнят мое тело...

И четверо палачей чагатаев в коротких подпоясан-
ных халатах и долгих мятых монгольских сапогах каз-
нят мое тело... И четыре слепые тугие ивовые палки,
схваченные медными кольцами, бьют режут рвут раз-
брызгивают тело мое, а оно нищее небогатое, а оно
последнее... А тело мое старое, а палачи умелые рья-
ные веселые молодые, а палки ивовые хмельные, а мед-
ные летящие кольца как золотые!..

Ах, как золотые!.. Ой, как золотые!..

Ай, Амир Тимур, твои палки, твои псы палачи золо-
тые золотые золотые!.. Твои деянья золотые!.. Твоя
Арба Мавераннахр золотая!.. Золотая Империя!.. Айя!..

И рвется кожа темная моя, как листы древних лом-
ких книг тибетских иль китайских... И рвется подда-
ется кожа старая неверная моя, а раньше кожа молода
была гибка певуча текуча и не поддавалась, а только
жгла и тянулась и сохранялась не разрушалась от па-
лок... И не раздвигалась и не впускала палки. А теперь
она впускает... А теперь она рвется, дается, уступает...
разваливается... да...

Стар я для казни... Не гожусь уже... Уже рвусь разрываюсь. Уже стражду. Уже маюсь... Уже и душа утихает усыпает...

Амир Тимур! Казнить надо молодых — стариков надо щадить. Старики сами умирают — иль не знаешь?.. Ты ведь сам старый — и скоро, скоро, скоро узнаешь!..

И смерть блуждает, как самум над пьяным спящим бражным караванбаши-караванщиком...

Но мыльные веревки в мое тело, в ноги, в руки, в спину врезаются, влезают, въедаются, въедаются...

Но мыльные веревки в тело, в мякоть, в плоть, в персть древнюю мою раскрытую разъятую вползают... нарушают...

Тогда я кричу воплю шепчу из-под палок!..

...Тогда Ходжа Насреддин кричит на всю площадь Регистан! На весь Самарканд! На весь немой Мавераннахр! На весь народ молчащий молящий! таящий и таящийся!..

Тогда старый Ходжа Насреддин весь кровавый! весь закатный! весь багряный! весь залитый живой своею нищей кровью кричит стенает блуждает падает возвышается скитается...

Тогда Ходжа Насреддин кричит на всю площадь Регистан, на всю уснувшую убитую Державу:

— Эй, люди!.. Самаркандцы!.. Чего головы тихие опускаете? Чего не помогаете?.. Я столько лет на вас истратил... Или не я заступался за нищих? за вдов? за сирот? за бедняков? за малых мира сего?.. Или не я душу и тело истратил?.. И что осталось?.. Что бьют палками? Где мудрость моя?.. Где любовь помощь ваша?.. Тошно мне... глядеть на вас, на ваши лица рабы, на народ мой рабий... Эй, палачи, скорей! Я ухожу к Аллаху!.. Всю жизнь не верил, а теперь поверил... У края... У обрыва... У исхода перехода... Тошно мне... От этих ликов рабьих... от овечьих спин согбенных молящих... Эй, люди... Ха-ха-ха!.. И как я мог тут смеяться?.. На кладбище-мазаре?..

И Ходжа Насреддин напоследок из-под палок частых метких озирается... Хоть бы одно лицо!.. Хоть бы одни глаза, глядящие без страха!..

Нет!.. И люди на площади недвижные недужные!.. Айя!..

...Я гляжу на них. Они слепые. У них глаза закрыты. У всех!.. Уран, Амир Тимур!.. Уран, тиран!.. У них глаза закрыты!.. У всех!.. У всей площади! У всей толпы! Только спины вокруг!.. Ни одного лица!.. Да!..

Ну и сон средь дня!.. Ну и тьма!..

Айя!.. Уран!..

И!..

...Лишь Три косых кривых слепых хромым Коня влекут хромую слепую Арбу-Империю-Державу...

И отступает Азраил Пастух Сова Усопших на памирском многовласом крошечном зверояке... отступает... за прибрежную заснеженную иву отступает отступает отступает хоронится бережется Смерти Ангел, чтобы не расшибла и его Арба летящая слепая смертная хромая...

...Ай!.. Уран!.. Амир!.. Тиран!.. Хромец!.. Хромой Тиран! Хромой Народ!.. Хромая Держава!..

...И отступает в иву даже Смерти Ангел!.. И лишь палых раздавленных человек во след немо подбирает, как в садах червивых брошенных ангрениских андижанских ходжа-ильгарских плоды упалые червем объятые разъятые...

И подбирает Азраил покорно оброк оброн падалицу!.. И поднимает Азраил покорно падалицу!.. Да!.. Тиран!.. Тимур!.. Уран!..

...Но!.. Тошно!.. Тошно в рабьей родине!.. в рабьем народе пригнетенном тошно! тошно! тошно!..

...И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где заводь ее тайная врачующая сокровенная тихопесчаная тихокаменная?..

И!..

И что бьют меня тугими последними хлесткими протяжными палками, словно я охотничий турецкий барабан?..

...Эй, люди, правоверные? Чего молчите?.. Чего таите?.. Чего согнулись?.. Разве кто-нибудь когда-нибудь рождался с седлом на спине? Чего ж вы?.. У вас глаза закрыты от страха, но души, но души разве можно закрыть?..

Айя!.. Уран!.. Амир!.. Тиран!.. Ха-ха!..

...Тогда!

Тогда Ходжа Насреддин кричит! хохочет! вопит! заливается! мается!.. Мается он, но улыбается улыбается улыбается... Из последних сил улыбается... Казнь, а он улыбается... Все!.. Еще!.. Улыбается!.. Один!.. Среди спин!.. Кричит...

Голос у него резкий знобкий острый. Как у осенних гонных слепых шалых хмельных бухарских тугайных оленей. Голос-свист! Голос-рев!.. Как у его дряхлого ленного белого осла по кличке Жемчуг...

...Ха-ха!.. Гляди — вокруг нищета, грязь, тьма, сон, а моего осла звать Жемчуг!..

Ходжа Насреддин кричит.

У него тело старое, и оно уступает стареет разрушается под палаческими палками. И оно разваливается как древний саманный текучий уже безымянный мазар дувал... Но за телом! но за мазаром! но за дувалом! душа!.. да!.. И она страждет. И она не дается! И она бежит палок! И она восстает летит парит над палками! над площадью! над самой летит парит над сонной над Державой... Парит летит над Тимуром! над Тираном!.. Да!.. Душа летит парит над прахом тленом! над казнью!.. Над Азраилом Ангелом!.. Над развалившимся дувалом! над мазаром кладбищенским!.. да! да! да!..

Я знаю!.. Да!..

...Но и душа изнемогает изникает...

...Но люди!.. Но мои!.. Родные!.. Братья! Спящие!.. Чего закрыли вы глаза от страха?.. Отворите очи!.. Поглядите на Железного Хромца!.. На этого вялого кровожадного землистого беспалого старика!..

О народ мой!..

О стадо мое овечье дымное заблудшее послушное!.. И куда грядешь? Куда пылишь?.. Куда влекут тебя дряхлые вялые дряхлобородые вожаки вожди козлы твои первые... слепые?.. И все объято сонной дремной стадной дорожной вьюжной пылью...

И куда стадо многоногое многоязыкое грядет течет бредет тычется слепое куда движется?.. И только в соитях сладких беглых скорых возвышаются восстают

на миг громоздятся над стадом гиссарские бараны налитые!..

И вся свобода все восстанье в стаде в беглом лишь соитье!.. Да?!

...Айя!.. Уран!.. Учча!.. Ачча!..

Амир! Тимур!.. Тиран!.. Дряхлотородый вождь во- жак козел душный слепой! Я хочу плюнуть кровавой слюной последней в лик твой узкий темный барласский волчий!.. Тьфу!.. Я хочу плюнуть кровавой слюною в твое кровавое лицо!.. Где оно?.. Я хочу плюнуть!.. Последней ярою слюной!.. Тимур!.. Тиран!.. Где лик твой птичий?.. Где глаза твои рысьи рыщущие ненасыт- ные степные?..

Уран!..

...Уран!.. Ходжа Насреддин!..

ТИМУР

...Амир Тимур сидит на троне из слоновой благо- датной кости. Трон привезли из Индии...

Амир только что вернулся из тяжкого похода в Ин- дию... Ему сонно... Дремно... Далеко ему... Он почти спит... Старый он... Старый... Тиран старый... Старый недужный дальний человек... Сонно... сонно... сонно...

Скоро!

И уже! уже брезжит близкий Ангел Азраил на Зве- рояке Кутасе косматом...

Но!..

Но пока Амир спит... Чует...

Но пока Азраил отступает за приречную февраль- скую снежную раннюю иву... Хоронится. Бережется. Сторонится. Отступает...

И!.. И летит! летит! летит! моя победная кромеш- ная Арба Держава божья неоглядная Аллахова!.. Да!.. Летит моя победная Держава! Стрела назначенная!..

И отступает Азраил на памирском многовласом Зве- рояке Кутасе косматом, чтоб чтоб чтоб и Его моя Арба Держава не измяла! не разъяла! не растоптала! в землю не загнала!..

Ха-ха!.. Да!.. Азраил! Сова усопших! Страж пастух отар стад неразбегающихся!.. И ты отбегаешь отступа- ешь...

Но!..

Но!.. Азраил!.. Загробный Ангел!.. Я давал Тебе, как дает щедрый пастух чабан локаец от стад своих (моих! живых! еще живых!) дает сторожевым дремучим пахучим безухим бесхвостым волкодавам!..

Азраил!.. Ты знаешь!.. Я наполнял стада Твои непыльные недвижимые молчальные печальные!.. Я давал Твоим загробным отарам лежащим необъятным!.. Я умножал их!..

Азраил!.. Ты знаешь!.. Скоро скоро я уйду в твои отары непылящие...

Но!.. Аллах! Господы!.. Продли!.. Помедли!.. Удержи!.. Среди живых!.. Еще! немного!.. Дай! дай подышать мне!..

Аллах!.. Ты один на небе, а я на земле!..

Аллах Аллах Повелитель Утешитель мой!.. Что что что враги мои несметные cedят, что я Кассоб Уморитель Мясник народов?.. Что не уберегаю я жизни человеков?.. Что гублю головы?.. Что воздвигаю пирамиды из тел неверных неправедных?..

Аллах Аллах!.. Господы!.. Мой Господин, а свою голову — Тобой данную! — свою жизнь я ль лелею?.. Я ль сберегаю?.. Я ль опасаюсь щажу стерегу, как суслик-тарбаган из норы свистящий?..

Аллах!.. Я ль не проносил Голову свою Жизнь свою под стрелами Хакана Туклук-Тимура среди звериных воинов Джете, не знающих Корана?.. Я ль берег голову свою в ордах Тохтамыша, подползающих набегающих с тылов?.. В тюменах стадных в чуждых иноязыких в рычащих пехотах Баязида Турка?.. В темных, молчных, тихих, как ургутский тайный нож, заговорах, засадах брата смертной жены моей Улджай-Туркан-ага?.. В чагатаях?.. В монголах?.. В узбеках?.. В индусах, подсыпающих знойные сладкие зелья-яды в походные казаны-котлы мои?.. В китайцах, подсылающих косых улыбчивых немых ночных убийц в Ночах Сверчка?.. Я ль берег голову свою в набегах молодости моей с молодыми друзьями бахадурами воинами святыми псами моими в степях туркменских?..

Я один, о Аллах, среди тех святых дальних всадников-мертвецов, ибо Ты судил мне жизни!..

Я ль берег голову свою?.. Я ль, о судьи с головами

тарбаганов-сусликов?.. Я ль берег Голову свою?.. И нет мне судей на земле этой!.. И только Аллах надо мной!..

О Аллах Аллах!.. Господь мой!.. Я ль берег голову свою?.. Тело свое неполное, затравленное уязвленное нарушенное предательскими охотничьими звериными стрелами?.. Я ль берег тело последнее свое?.. Ногу свою валкую подбитую влачащуюся и болящую зудящую в ночах?.. в бессонницах ластящихся тщетных жен моих?..

Аллах!..

Я ль берег голову свою?.. Голову Джахангира?.. Голову Тирана?..

И нет мне земных судей!..

Да!..

Аллах!.. Ты знаешь!.. Я давал смерть лишь тем, кто забыл о Тебе! О небесах Твоих алмазных о садах ручьях Твоих вечно прохладных! О возмездии!..

Тогда я давал неверным заблудшим Смерть и крылья Ее вознесли их в пределы Твои Аллах Утешитель мой!.. Ибо велики Крылья Смерти!.. Ибо не каждому дано восходить к Тебе на Крыльях Жизни!.. Да!..

Уран!..

Мы были в Индии. И там сеяли смерть обильную, как ливни Индии.

И мы давали ее...

Мы воздвигали тленные смердящие башни Аллаховы из голов человеческих! из голов покорных согласных! из голов неверных!.. Мы воздвигли такие Башни (высокие!) в Исфагане... И на это ушло семьдесят тысяч человек... Мы воздвигли такие живые Башни в Исфизаре выше городских мятежных стен, разбитых нашими стенобитными машинами!.. Мы положили живых дышащих исфизарцев друг на друга и соединили слепили скрепили их серой быстро засыхающей греческой золой известью и засыпали обложили кирпичами... И на это пошло две тысячи человек...

Но!.. Аллах!.. Ты видишь!.. Ты знаешь!..

Они и из живой роящейся пирамиды кричали мне самозабвенно увлеченно: Алла-яр! Алла-яр!.. Помогите Аллах великому Амиру!.. Великому Джахангиру! Великому Тирану!.. Мечу справедливости!..

Аллах, разве у Справедливости может быть меч?..
Айя!.. Разве?..

А они кричали шипели пели шептали: Алла-яр Амиру Тимуру! Алла-яр Амиру Тимуру!.. А они славили меня из гнетущей цепкой хваткой быстрой извести предсмертными рыбьими рабьими ртами!.. Все!.. Две тысячи! Вся пирамида!.. Вся!.. И не было ни одного проклинающего!.. Иначе бы я вынул его из пирамиды Смерти!.. Но не было такого. Не было...

И только слышно: алла-яр Амиру! Алла-яр Тимуру!..
Ибо Азия любит смерть! Как запущенный заброшенный сад любит тленного червя... Ибо моя палящая пылящая Арба Кромешная Тимур-Держава любит смерть!.. Ибо мой народ любит Джахангиоров Тиранов сеющих дающих Смерть!.. Да!..

И падают обильные скошенные травы и падают несметные плоды и падают вешние тесные богатые ливни — и утучняют землю и утяжеляют светлые урожаи ее...

И падают племена под копытами и падают народы подкошенные и восстают поколения тучные и мужи войны скачущие лучники!.. Да!..

И скачет моя Держава! Моя Тимур-Держава!..

Аллах, дай Ей!..

...Аллах! Ты знаешь!..

Мы смеялись над человеками, которые и на проезжей дороге выращивали тыквы и дыни... Мы смеялись над людьми, у которых в ноздрях только дымы от рдеющих хлебных печей — тануров и запахи теплых лепешек — даже самаркандских с кунжутом! душистых! рассыпчатых, как осеннее холодное хорасанское яблоко... Мы смеялись над людьми, которые считали, что вся земля создана Тобой, мой Аллах, только для кетменя!..

Нет, Аллах!.. Ты знаешь!.. Я говорю!.. Я знаю!.. Я видел!..

Не кетмень — объединитель народов, — а меч!..

Не Кетмень — объединитель Народов, — а Меч!..

Кто уходил с кетменем дальше малого убогого поля своего?..

Кто скакал с мечом средь дальних народов и племен, постигая мир и языки и души иные?..

Мы!..

Ибо Ты, Аллах, сказал: когда вы уйдете от очагов своих на войну священную для того, чтобы сражаться на пути Моем и доставить Мне удовлетворение...

И мы сделали так. Так!.. Да!..

Мы погребли заживо защитников Сиваса, не сумевших погибнуть в честном бою. И на это ушло четыре тысячи человек...

Аллах, Ты слышал... И эти кричали: алла-яр!.. Алла-яр Амиру Джахангиру Тимуру!..

И избили у Дели сонных дальних индусов стоящих молча и свирепо и покорно недвижной несметной темной безликой безъязыкой толпой и — и мы избивали их мечами ножами плетью копьями батиками кулаками зубами... и мы устали... И это длилось несколько часов и на это ушло сто тысяч индусов... и мы устали...

Аллах!.. но эти хоть не кричали «алла-яр Амиру»... Но хоть эти не кричали... Иль языка не знали, слов не знали?..

Но они иноверцы и храмы их исчерчены испещрены блудными заблудшими нагими тучными упоенными девами-девадаси с грудями, как густые тучные гранаты Ходжа-Ильгара, как долгие дыни Чарджоу, как серебряные тучные виноградные гроздья Ходжента укрытые в полотняные мешочки от птиц зорких клюющих медовых привязчивых прилипающих... Но мои чагатаи мои нукеры мои воины зорче и острее виноградных птиц медовых... И они клевали те груди и прилипали приставали и хмелели уставали уставали уставали...

И я увез нескольких дев в гареме своем, ибо напоминали мне их груди гранаты Ходжа-Ильгара, разъятые раскрытые раздвинутые пальцами младыми в кольцах, перстами в перстнях кочевых монгольских возлюбленной сестры моей Кутлук-Туркан-ага!.. Да!..

Ай, далёко! ай далёко... ай далёко... сонно... соннооо... соннооооо...

Гранаты Ходжа-Ильгара... в перстах в кольцах в перстнях дальних возлюбленной сестры моей Кутлук-Туркан-ага уже усопшей уж усопшей уж усопшей... давно усопшей...

Далекоооо... усопшие гранаты... усопшие персты... усопшие кольца... усопшие перстни... Усопшая моя сестра Кутлук-Туркан-ага...

Зачем я пережил тебя!..

Аллах!.. Этого не хотел я... И потому сонно мне.
И одиноко.

Одни темные покорные слепые рабы спины во-
круг... Да!.. Уран!..

И!.. И хоть бы один раскрытый непуганый светлый
радостный глаз!..

...Пророк Мухаммад! Ты сказал перед смертью в по-
следней мечети:

— О мусульмане!.. Если я ударил кого-нибудь из
вас — вот спина моя — пусть и он ударит меня!.. Если
кто-нибудь обижен мной — пусть он воздаст мне оби-
дой за обиду!.. Если я похитил чье-либо добро —
пусть он отнимет его у меня обратно! Не бойтесь
навлечь на себя гнев мой — зло не в моей природе!..

Да!..

Но моя смерть иная!.. Но я был разящей стрелой
Аллаха!..

Иль виновна стрела летящая текучая в небе в цель
свою?.. Иль виновна стрела пущенная рукою правед-
ной?..

Я был Твоей кочевой святой тугой небесной стре-
лой Аллах мой!.. Да!.. И только слепец спускает слепую
стрелу!.. Но Всевидящий спускает стрелу всевидящую!..
Да!..

Аллах, я не знал цели, но Ты знал ее. А я только
чувял Ее... А я нес смерть, а я был Твоей Гиеной... Да!..

Иль пророк Иисус не воскликнул на кресте: или!
Или! Ламá савахфани! Боже мой! Боже мой! для чего
Ты оставил меня?..

Иль пророк Мухаммад не шептал умирая на руках
пресветлых возлюбленной жены своей Айши-Кубаро:
Боже!.. да... со спутниками свыше... с ангелом Джаб-
раилом...

Аллах!.. Пророки боятся смерти, хотя стоят выше
ее... *
*

Я не боюсь смерти, хотя я служитель ее. Я нукер я
воин ее...

И вот смерть скоро!.. Она уже затаилась в смертной
мертвой ноге моей чужой, убитой в степной хмельной
молодости моей сеистанскими стрелами... Она уже за-
таилась в чуждой немой ноге моей, как мои чагатаи
конники в засаде...

Мне послушен весь мир, а нога непослушна. Зачем, Аллах!.. Зачем истлела изошла до срока нога моя!.. плоть моя проклятая единая пустынная?.. Айя!.. Учч!.. Уран!.. Больно!.. Остро!.. Нога!.. Ноет!.. Жжет!.. Когда?.. Когда исход?.. Устал я...

Ты!.. Ты Пророк Мухаммад!.. Усопший!.. Ушедший за те врата?.. Что? что? что? что? есть там?.. За болью?.. За раной вечноболящей вечноточащей? за плотью? за смертью? за трепетом плоти, жаждущей жить и дышать дальше на этой земле?.. Которая сама есть плоть тленная дремучая жаждущая живая?.. Что?.. Есть?.. За?.. Смертью?..

Пророк!.. Нет!.. Там!.. Ничего!.. Я знаю... Только тут!.. Только плоть!.. Только боль!.. Только кровь!.. Только страх!..

Мой Мавераннахр — держава-пирамида плоти!..
Мой Мавераннахр — держава-пирамида боли! крови!..

И нет иной!.. И где иная?.. Уран!..

Аллах!.. Пусть все люди на земле станут хромыми на одну ногу! (На правую.) Аллах!.. Пусть все люди на земле потеряют по два пальца на руке! (На правой.) Аллах!.. Пусть все люди на земле имеют недвижную солончаковую мертвую немую руку! (Правую.)

Аллах!.. Тогда я не поведу в походы смерти в походы войны победные тюмени мои!.. Тогда я буду вышатысь среди хромых одноруких народов!..

...Алла-яр Гурагану!.. Алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр Тирану!..

Но что это?.. Бред!.. Боль!.. Этого не хотел я...

Плоть скорбит страждет жжет... Плоть персть моя болящая нашептывает слова тайные темные бредовые... да!..

Пророк Мухаммад!.. Ушедший!.. Ну, что за плотью? за жизнью? за смертью?.. Что там?.. Я томлюсь... Я чую... Что там?.. Отец!.. Скажи!..

Молчишь!.. И все вы пророки закрывались смертью, как китайским парчовым густым занавесом-саваном... тяжким беспробудным...

Вот бы допросить Тебя!.. Конским волосом защекотать замучить замутить изорвать изодрать твои ноздри!..

Что там за смертью, отец?.. Старший брат по тленю?.. Что?.. Там?..

...Но что я?.. Допросить пророка?! Бред! Суховой! Самум!.. Мга! Мгла!..

Святой блаженный Мухаммад!.. Помилуй!.. И ноет нога!.. И сонно на троне... И сонная площадь Регистан в мареве февральском полуденном мгlistом залегла... И одни спины вокруг... И ни одного лица...

Но!..

Но что кричит этот пыльный дряхлый безумец?.. Этот девонá?.. Этот сумасшедший Ходжа Насреддин? Этот блаженный? Этот бродяга дервиш?.. Этот нищий шут масхарабоз?.. Сова средь дня?.. Петух средь сна?..

— Мы плохо слышим!.. Мы повелеваем!.. Ходжа Насреддин, повтори свои слова!..

Амир открывает свои тяжкие глухие беспробудные барлаасские охотничьи глаза...

И!..

СНЕГ

— Эй, люди, правоверные!.. Чего вы закрыли глаза? От страха?.. Ха-ха-ха!.. Откройте глаза — и вы увидите хромого старца с ликом дряхлой кладбищенской ползучей червивой землистой гиены!.. И вы боитесь его?.. Тьфу! И его зовут Железным Хромцом?.. Да он завизжит завопит от одного удара палки!.. Эта рыхлая гиена... этот облезлый камышовый кот... Хромой кот! Хромой Тиран!.. Эй, палачи, убейте меня скорее!.. Мне надоело жить среди мертвецов, среди рабов, среди покорных рабьих слепых спин!.. Душно!.. Тошно!.. Пустынно!.. Одиноко!..

Ходжа Насреддин уже не вьется под палками. Уже лежит покорно глубоко далеко...

...И Амир Тимур опять закрывает глаза дремливые. И шепчут его узкие горькие полынные губы: и мне душно!.. И тошно... И пустынно... И одиноко... И нога ноет... Скоро дождь будет?.. Скоро снег будет?.. Скоро смерть будет?.. Тогда скорей!.. да!..

...Айя! ай! ай! уч! ай! ты!.. нога жжет мучит ноет палит... Держава спит... И только слышен крик боли!.. И только Тиран (один!) стонет... И только ему стонать позволено!..

Ай, нога!.. Айя!.. И ты уж не моя!.. И те! те! те! сеистанские подлые кривые слепые дальние молодые стрелы жалят и поныне!..

Да!.. и жалят и летят и вязнут и трепещут живо в теле молодом моем невинном и поныне ныне ныне!..

...И там в степи в сырой февральской кипчакской дальней давней степи росло пустынное миндальное незрелое раннее дерево... Низкое цветущее кроткое дерево... Одно... И я поставил правителя Сеистана Хола Мирзу-бека под деревом... И я позвал кликнул тысячу тюмень моих всадников-чагатаев-аргамачников нукеров в лисьих огненных шапках в волчьих злобных малахях... И я приказал повелел им расстрелять дерево стрелами бешеными тугими свежими долгими... И пролетело пронеслось вошло прошло чрез дерево несколько тысяч стрел... И опустели колчаны тесные и опустело дерево... И дерево стало нагим сухим, точно на него червь короед ройный нашел... Цвет опал убит сбит был стрелами... Расстрелян был ранний невинный невинный цвет... (А моя расстрелянная нога была виновна?)

Цвет весь упал на Хола-Мирзу-бека. Засыпал его. Затуманил. Забрал. Хола-Мирза-бек весь был в инее. Он бледный был. Молочный. Снежный. Свежий...

...Мы умертвили его через двадцать лет, когда стали Джahanгиром Владыкой мира... Мы двадцать лет щадили его...

А теперь мне сонно сонно мертво... В сонной державе... В сонном народе... А теперь мне жаль то цветущее убитое одинокое расстрелянное дерево... Кривое, темное, мертвое, как моя убитая саксаульная солончаковая нога сохляя... Да...

Одинокое дерево... Одинокий народ... Одинокая Держава... Одинокий Тиран... Одинокий мудрец... Шут-масхарабоз — и тот одинокий... Все одинокие!.. да!..

Но мы выходим из дремы, как стрела из колчана...

— Эй, Ходжа Насреддин!.. Мы плохо слышим... Повтори свои слова прощальные!..

— Твои уши заросли волосами, как поля моей нищей родины бурьяном и сорняками!.. Ты не меч ислама, а хвост моего осла, облепленный цепким навозом!.. Что ты можешь услышать?.. Что ты можешь понять, кроме своей ноги?.. Ты увечный! Неполюный!.. И потому ненавидишь весь мир!.. Ты калека! Твоя держава — калека! Убей меня!.. Я не хочу жить!.. Устал!.. Ну! Быстрой!.. Амир! Волк!.. Грызи меня!.. Ха-ха-ха!.. Только

я костлявый!.. В твоей костлявой стране все костлявые! В твоей стране голодно и холодно! И откуда люди берут силы кричать вопить: Уран!.. Алла-яр Амиру Тимуру!.. Или голодный народ громче кричит: алла-яр?.. Или голодный народ громче звонче истощнее славит тирана?.. Алла-яр Амиру Гурагану!.. Тьфу!..

И тут!..

И тут Амир совсем пробуждается от вязкой дурманной маковой дальней дремы...

В последнее время он часто жует сосет сушеный бродильный горький афганский дымный дурманский мак смешанный с бухарской ореховой кунжутной халвой... Мак дает забвенье... Мак усмиряет отдаляет ногу... И от него сладкий текучий легкий туман марево в голове...

...Но дым уходит.

Но Амир шевелится на троне. И говорит. Тихо...

Джахангиру не надо говорить громко. Держава внемлет только ему. Держава молчит. Народ молчит... Тишь!.. И потому ему не надо говорить громко. Он может даже шептать!.. Да!..

И над уснувшей империей слышен только его голос. Голос Джахангира.

Его голос слышат покоренные Мавераннахр и Туркестан, Хорезм и Бадахшан, Индия и Хорасан, Сеистан, Кидж и Мекран, оба Ирака, Фарс, Азербайджан, Мазандаран, Гилян, Ширван, Арран, Курдистан, Грузия, Диарбекир, Рум, Сирия...

Да!.. Уран!..

Амир Тимур шепчет. Как змея... (Змея мудра!)

Он шепчет главному своему сподвижнику мекканскому шерифу Сайиду Береке.

Сайид Береке стоит дремлет в зеленом изумрудном тюрбане шелковом потомка блаженной святой Фатьмы!..

...Сайид Береке!.. Ты сопровождал меня во всех моих победных походах! И не в дальних обозах безопасных, а в передовых летучих кипучих гневных гибельных пенных ковыльных конницах! в личных тесных литых хошунах тюменях!..

...Сайид! Ты бросился на воинов Тохтамыша с горстью злых камней, как некогда Пророк с горстью песка на врагов своих!.. И ты бросал камни в лики воинов всадников Тохтамыша и кричал вопил ликовал горячий, как горящий алый рубиновый кизяк!.. И ты кричал как верный смертный нукер: ягы качты!.. Ягы качты! Ягы качты!.. Враг бежал!.. Враг бежал!.. Да!..

Сайид Береке!.. И ты утешал меня в день смерти возлюбленной старшей сестры моей Кутлук-Туркан-ага!..

...Кутлук!.. Иль зовешь меня в сады? те? иль манишь в сады? те? иль бродишь в гранатовых садах садах Ходжа-Ильгара исконного кишлака нашего?.. Иль разрываешь пальцами перстами в древних степных широких кольцах перстнях гранаты благодатные перезрелые и сыплешь сыплешь кровавые зерна мне в уста молодые?.. Иль сыплешь живые бадахшанские лалы в уста мои в губы зубы молодые дальние белые, как тебризские мраморы?

Айя!.. Дальняя!.. Родная!.. аааааааа!.. аааа!.. Скоро встреча, сестра... Да!.. Я знаю!.. И ты бережешь самый сладкий гранат!..

Усопшая сестра... В усопшем саду... Бережет усопший гранат...

Да!..

Но!..

Сайид Береке!.. Ты был со мной, когда я стоял над телом умершего возлюбленного внука моего Мухаммед-Султана!.. Чья хворь? чья тля? чья беда? вползла в юное вешнее первое тело его?..

Мы оплакивали его и утром и вечером, когда уходили с войсками из Акшехира... Мы оплакивали тело его и после того, как отправили его к живой (зачем? теперь?) матери его ханской дочери Суюнга...

...Аллах, за что?..

Аллах, не дай матерям переживать сынов своих! виться над последними телами их! не дай им черных и синих одежд!.. да!..

Но я давал, ибо Аллах, Ты сказал: когда вы уйдете от очагов своих на войну священную для того, чтобы сражаться на пути моем и доставить мне удовлетворение...

И мы делали так. Так!.. Да!.. Уран!.. Ягы качты!..
Враг бежал!..

...Сайнд Береке! Ты один ехал нетронуту на белом жемчужном хафаджийском коне средь траурных плачущих сподвижников-чагатаев моих!.. Ты один ехал, ты один возвышался во дни черных одежд! во дни черных коней!.. Мы отдали тебе город Андхой с его базарами и садами!.. Мы завещали похоронить нас у ног твоих!.. Мы завещали упокоить брэнную многогрешную невеселую голову нашу у ног твоих святых святой потомок Фагимы!.. Мы были вместе на земле чело­веков — мы будем вместе на земле ангелов!.. да!.. Да! Мой нукер!.. Мой смертный воин! Мой сокровник в изумрудном тюрбане! Мой соратник сеч... Мой соответчик смертей несметных!.. Мы вместе!.. В одной лодке... В одной реке крови!..

И вместе нас уносит сносит к последнему берегу... Сайид!.. Друг!.. Скоро!.. Скоро темный берег Азраила... И там тьма!.. тьма тьма... И Азраил для нас (для нас) костер возводит... И для нас нагой да­масский разящий как клинок шампур готовит возносит!..

Но!.. Я еще на троне!..

Но!.. Я еще шепчу: аяя!.. Уран!.. Учча!.. Очча!
Ууфф!.. Ягы качты! Враг бежал! Враг бежал!.. Враг бежал!.. Ха-ха!..

И что этот блаженный Ходжа Насреддин говорит?.. Чего смеется?.. Шут!.. Масхарабоз... Продавец цветов на поле сечи... Бродяга... Дервиш... И песчинка грядет против самума? против пустыни? Бредет против тирана?.. Против святого Тимурова воинства?.. Уран!..

Аллах!.. Откуда такое?..

И дерево расстрелянное убитое смятое кривое миндальное опять цветет цветонсит сырое розовое каракулевое овечье живое?..

И нога невозвратная убитая умерая кривая ноет... К дождю?.. К снегу?.. К исходу?..

...Тишина... Над Регистаном свисает сходит холодная февральская мгла... Но и в тишине слышны слова Хожди Насреддина. Тихие слова. Знобкие. Как те сеи­станские (все еще летящие!..) гибельные верные стрелы...

— Тимур... Ты скоро хлебнешь глоток вина из чаши виночерпия смерти... Ты скоро уйдешь, старик... И твоя империя треснет и потечет, как поздний на бахче забытый жаркий перезрелый перележалый мяклый куня ургенчский арбуз... Ты скоро умрешь... И твою империю растащат, разнесут, разворуют, расхитят враги и потомки твои, как муравьи палую шумную знойную изумрудную муху... Да, старик... Да, изумрудная муха!.. Я все сказал... Я хочу умереть... Прощай...

...Ходжа Насреддин опускает ненужную слепую тяжкую чужую непослушную голову на палаческий помост.

И помост почему-то пахнет свежей горной молодой арчой, под которой так часто спал бездомный бродяга Насреддин!..

Спать хочется... Запах сладкий дремный... Арчой пахнет...

Или это пахнет пролитой побитой кровью? площадной пылью?.. февральской хладной мглюю?..

Спать хочется... Спать... Устал жить!.. Да!..

Но арчой дальней родниковой горной снежной веет пахнет!.. Да!..

...Освободите этого безумца!.. Развяжите его. Или не видите, что он сумасшедший?.. Только сумасшедший способен на такие слова!.. Но мне скучно от сплошных тихих спин!.. Мне нужны сумасшедшие!.. С ними веселее!.. Да!.. С ними я не одинок!..

Эй, Ходжа Насреддин! Ты прав!.. Я мясник! Я гиена, пожирающая падаль!.. Я хромой камышовый кот! Я изумрудная муха!.. Я калека!.. И я хочу, чтобы все люди стали калеками! Ты прав!.. Хоть один человек сказал мне это в лоб, в лик Джахангира!.. Нашелся один!.. Теперь нас двое! Двое сумасшедших!.. Один на троне, другой — на дряхлом осле!.. Один — тиран, другой — шут!.. Где разница?.. И вокруг покорные рабы рыбы спины!..

Иди, Ходжа Насреддин!.. Иди на волю, которую ты так любишь... Иди, сумасшедший... Эй, наденьте на него хирку-мухаммадий — рубище блаженного дервиша-безумца и желтый кулох-колпак-ахмадий... Для сумасшедших у меня воля!.. Пусть идет по дорогам моей необъятной державы и кричит: Амир Тимур мясник народов!.. Амир Тимур — гиена!.. Амир Тимур — изум-

рудная муха!.. Пусть кричит на всю землю! Ха-ха-ха!.. Садовники обрезают сады весной и осенью... И деревья свежо щедро благодатно наливаются!.. И я срезал со стволов народов ветви лишние вялые квелые!.. Да!..

И свежие народы кричат: алла-яр Джахангиру!.. Алла-яр Тирану! Алла-яр Тимуру!.. Уран!..

Иди, Насреддин!.. Я отпускаю тебя! Навсегда. Ты всю жизнь смеялся над людьми — теперь, люди посмеются над тобой, безумец!.. Иди!.. Мы сказали! Мы повелели! Мы умолкли!.. Уран!..

...Уран!.. Четыре палача вмиг бросают палки и развязывают мыльные острые веревки связывающие схватывающие намертво тело Ходжи Насреддина...

Уран!.. Безносый палач мычащий распутывает короткими крысиными тупыми пальцами разматывает тугой веревочный глухой узел на руках Насреддина. Руки связаны спереди — знак смертной казни.

А казнь не состоялась. А состоялась высшая милость... да. Бывает милость лишь такая в стране тирана...

Уран!.. Безносый мается. Долго. Шевелит немymi кривыми тошнотными пальцами...

Тогда Ходжа Насреддин ухмыляется, улыбается.

— Не можешь развязать?.. В этой стране все привыкли завязывать, опутывать, хватать, убивать, теснить. Никто не умеет развязывать освобождать выпускать... Разучились... Все охотники... Все волки — даже овцы!.. И волки охотятся на волков! Свобода! И вся Держава — смертный жгучий узел на руках народа!.. Да!.. Эй, быстрее развязывай! Или не слышал приказа великого Амира?.. Давай!.. Быстрее!.. Живей!..

И Насреддин со всего тугого размаха пинает Безносого ногой под крутой сытый зад!..

— Быстрее выполняй приказ Джахангира!.. Или сам ляжешь на помост! Быстрее!.. Веселей!..

...Уран!.. И уже тощее нищее побитое вишневое малиновое тело Насреддина свободно от пут... от смертных сонных резких веревок... И руки свободны... И душа...

И пахнет молодой дальнею горною арчою... Откуда этот вольный терпкий чистый хвойный запах?.. Откуда?..

И Ходжа Насреддин улыбается и забывает про казнь, про площадь, про палаческий помост, про Тимура, про обретенную вновь волю...

И пахнет молодой арчою...

И пахло молодой арчою...

Уран!.. И тут!..

О Боже!.. Так вот почему пахло свежей снежной арчой вечнозеленой!.. Это пахло снегом!.. Снежную арчою молодую!.. Вдруг!..

О Боже!.. Снег! снег! снег летит струится лепится лепечет падает слетает валится на площадь!.. Гуще и гуще!.. Глуше и глуше!..

Февральский первый щедрый снег летит на площадь Регистан...

Снег падает на город... На помост политый кровью — и помост становится молочным... Снег падает на палачей, а их так много! так их много!..

Снег падает струится ложится нежно на амирский бобровый грозный тельпек с красной кисточкой на маковке, на его белый чекмень из верблюжьей шерсти, на лик Тимура дремный долгий кромешный бездонный...

Снег валится струится на Самарканд на священный город!..

Снег выводит Амира из дремы...

...Так вот почему болела ныла чуткая моя нога!.. К снегу!.. Год Красной Свины — год суши!.. Сухой мертвый год... Год войны... Год смерти. Год неурожая...

Первый снег в году!.. В феврале!.. Айя!..

Снег падает на мой Самарканд, на мой город... Да... Да!..

...В Год Красной Свины на 66 году жизни в 22 год правления в 12 день 7 месяца ушел Хакан Чингисхан. В этот день он стал Тенгри — божеством...

Впрягли аргамаков в большую повозку, на нее возложили золотые останки владыки Хакана и Кулугэтэйбахадур воскричал: Хакан! Неужели и Ты стал грузом грохочущей погребальной последней повозки, Владыка Государь мой!..

Да!.. Стал!..

...Хакан Чингис, Ты говорил: будьте скромны в своих желаниях и приятны для многих!..

И я был таковым!..

Но!..

Хакан Чингис, Ты говорил: я ненавижу города и гнезда! Я буду разрушать их!.. Есть у кочевников лишь родина коней!.. Выше меня — только моя шапка!..

Нет, Хакан!.. Нет!..

И я не любил застойные народы, народы, обнесенные стенами!..

И я не любил народы, стерегущие границы рубежи!..

И я не любил народы, говорящие на одном языке, как сад, в котором растут деревья только одной породы!..

И я глядел на перелетных птиц, поднимающихся каждую весну и осень в небеса странствий, и думал о человеке, в котором заключено и томится множество птиц, а он обносит дувалом малый глухой очаг свой и не глядит на птиц зовущих... Да!..

Но!..

Я построил Самарканд — каменную усыпальницу гробницу мою!..

Я построил Самарканд — посмертный мавзолей гроб мой!..

Я построил Самарканд — каменную гахвару колыбель люльку мою!..

И!..

Хакан Чингис! Тебя везли в ковыльной степной смертной последней Телеге!..

И где она?.. Где след ее?.. Где сакма колея ее?.. Где?..

Хакан! Тысячи коней теснясь томясь ярясь бежали над погребальным телом Твоим — и где они?..

Хакан! Ты верил только в коней — и они истлели — твои погребальные кони!..

...Выше меня — только моя шапка!..

И где она?.. И где голова в ней?..

И даже Аллах не знал о твоей колыбели! не знал о твоей могиле!..

...Аллах!.. Я оставляю Самарканд — каменную усыпальницу мою!..

Блаженны ее лазоревые купола — умасленные тугие напоенные груди ленных млечных жен моих!.. Пусть сияют они народам грядущим!..

Да, Хакан!..

Уран!..

Снег.

Падал.

На Самарканд...

И снежный Ходжа Насреддин уходил шатаясь брел тащился по снежной площади.

— Эй, безносый палач!.. Гляди!.. Вслед за твоим носом выпал первый снег!.. Уран!..

Азиатский тяжкий сплошной жемчужный парчовый душный снег снег снег...

Падал.

На Самарканд...

Уран!..

ДОРОГА

...Уран!.. И самаркандская дорога затянута снежной глубокой парчою... Или саваном?..

Уран!.. И в полузамерзшем ледовом придорожном сизом арыке плывет вязнет доживает доцветает сломанная кем-то ветка цветущего миндаля миндаля миндаля...

И ветка розово цветет живет и в ледовом арыке...

Она молодая припухлая и она живет длится розовая нежная в ледовом сизом арыке...

Розовая миндальная ветвь цветет живет в сизом морозном ледовом арыке...

Родина моя!..

Моя розовая миндальная нежная цветущая смертная ветвь в сизом ледовом арыке арыке арыке...

Но цветешь! но живешь! но лепестки твои свежие живые сильные!.. да!.. Ледовые живые лепестки твои...

Да!.. И я возвращаюсь!..

...Да!.. Священная Книга говорит: возвращайся!.. У всякой души есть страж, над ней наблюдающий...

А мой страж уснул?..

Но!.. Душа!.. Возвратись к Господу, удовлетворенная наградой своей и угодная Богу...

Но!.. Но я не ухожу на хамаданскую мекканскую святую дорогу. Хотя она не скользкая, не сырая, не опасная. Хотя на ней не лежит снег парчовый...

Айя!.. Учча!.. Уран!.. Иль нам не суждена святая сладкая высокая пыль дороги к Богу?.. А только тяжкий сонный низкий снег дороги к дому?.. Не знаю... Пока...

И я ухожу в родной кишлак Ходжа-Ильгар...

И я ухожу с большой самаркандской дороги на малую кешскую родную кривую безымянную дорогу.

...Дорога к Богу — дорога к мудрости. Дорога вечная. Дорога тяжкая.

Дорога к дому — дорога к прошлому. Дорога сладкая...

Но мудрецы Индии говорят: кто уходит в прошлое — тот опускается в область Смерти... Дорога смертная...

...Но я ухожу домой!.. Да!..

...И где мудрость моя!.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где обитель заводь ее лазурная тихокаменная тихопесчаная тиходонная пустынная врачующая!..

...Ходжа Насреддин, ты уходишь?.. Ты бежишь, как трус ратник слепоногий с поля сечи?..

А кто будет смеяться и веселить людей?.. Кто будет бороться с сытыми рыхлыми равнодушными амирами — вождями, которые думают только об умирающих бранных телах своих? и прилипчивых вялых семьях семенах своих?

Кто будет будить спящих?.. Кто защитит слабого? Поднимет упавшего? Утешит утомленного?.. Или ты хочешь, чтобы земля твоя стала кладбищем?..

— Уже!.. Стала!.. Да!..

— Или ты хочешь, чтобы народ твой стал согбенной толпой идущей слепо бегущей за гробом? за саваном?..

— Уже... Стал... Да...

— Или ты не знаешь, что Священная Книга говорит: вожди неверные! Толпа, следовавшая вслед за вами, будет низвергнута вместе с вами в огонь?.. А ты оставляешь народ со слепыми вождями?.. А ты уходишь? Избегаешь?..

— Устал... Ухожу...

— Или ты забыл слова Пророка: боритесь с ними при помощи острых глаголов-слов, ибо, клянусь Тем, кто держит мою душу в своей власти, глаголы причиняют больше зла, чем стрелы!..

— Да... Никто не любит гневных глаголов: ни богатый, ни бедный... Ни вождь, ни раб... Зачем мне дар этот?.. Да и какой смех в кровавой стране нашей?.. Ха-ха!.. Везде смерть. Везде тлен. Везде палачи. Везде разъятые стерегущие охотничьи уши и рыщущие скользкие глаза. И потому... Ха-ха-ха!.. Я смеюсь! Я хохочу!.. Только над собой!.. Над своим ветхим рубищем, сшитым из разноцветных отрезков! над своим желтым мятым колпаком сумасшедшего дервиша!.. Только над собой смеюсь!.. Только это не опасно!.. Только над собой смеяться можно!..

Ходжа Насреддин — ты сумасшедший! Ты говоришь, что Амир Тимур — кровожадный дряхлый хромой тиран!.. Что его империя — гнилой арбуз! А тиран — изумрудная дохлая муха! Гиена!.. Что после смерти тирана враги и потомки растащат, расклюют его державу, как густые вороны тушу горного кабана-секача, упавшего в глухую тайную пропасть из-за несметного темного непокорного тела своего.

Ты над кем смеешься, Ходжа Насреддин?.. Над собой! Только над собой!.. Я сумасшедший блаженный дервиш!.. И смеюсь только над собой!.. Только!.. Ха-ха!.. Смешно! Даже слезы капаят, летят на бороду мою...

Айя! Уран!.. Да что я?.. Плачу, что ли?..

Но плакать в нашей стране тоже нельзя. Как и смеяться!.. Можно только вопить: алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр!..

И я воплю!.. И я смеюсь!.. И плачу!.. И слезы тянутся скользят по обильной снежной бороде моей...

Борода моя, как снега вокруг — лучистые тихие глубокие парчовые...

Борода моя, как кетмень забытый... Кетмень... Как давно я не держал тебя в руках... А ведь я дехканин... Я люблю рыться в земле руками, пальцами, чтобы ногти были черными смоляными святыми от земли и нельзя было отмыть их в арыке студеноем долгом долгом...

Я хочу домой... Я хочу иметь свою кибитку, свою глиняную низкую мазанку с гнездом ласточки под крышей, с саманным тихим невысоким (чтоб видеть пыльную дорогу вдаль!) дувалом...

...Какие-то дальние мазанки Азии мне снятся — и в них
мне покойно!..
Какие-то дальние саманные мазанки Азии мне мнятся — и в них
мне покойно и вольно и сонно...

...Давно снятся!.. Домой хочу...

— Ты уходишь, Ходжа Насреддин?.. Ты беглец?.. Ты безвестный невзрачный дехканин?.. И в забвеньи доживешь до смерти своей?.. И народ не будет знать могилы твоей нищей скорой низкой?.. И где имя веселое нетленное твое, шумящее как молодая река вешняя?.. Где добрая слава?.. И ты уходишь во тьму? в землю? в забвеньи? в могильного червя?..

...Да... Я уйду... Я хочу иметь свою кибитку. Свою жену... Своих детей.. (Не поздно ль?)

Я хочу по вечерам пить зеленый чай на прохладной суфе под журчащими лепетными арычными деревьями...

Я посажу горную арку у своей кибитки, чтоб она напоминала мне о бездомных дорогах моих, о ночах под звездами...

— Ты хочешь забвенья, Ходжа Насреддин?.. Ты хочешь лишь сладких сонных тихих воспоминаний?..

...Да... Я вышел из тьмы, из земли, из народа — и хочу! хочу! хочу затонуть, исчезнуть, затеряться, забыться, сгинуть в нем!.. Чтобы и имя мое забылось, затерялось, истерлось, как текучая надпись на древних арабских кладбищенских сыпучих знойных камнях, плитах...

Говорят, что истинный мудрец незаметен, невидим, неизвестен...

Да!.. Я хочу затеряться в народе, как овца в пыльном обильном прохожем стаде...

Хочу-ууууу... Затеряться-ааааа...

— «А где ты видел обильные тучные стада, Ходжа Насреддин?.. Твои стада редкие мелкие... Твоя родина нища... Твои кибитки, твои саманные мазанки глухи косы темны, и в них только дети и вдовы и калеки и сверчки, потому что мужи изошли в войнах! в набегах! в сечах!.. Твои поля больны тучным сорняком...

Айя!.. Ай!..

— Да... Но так было всегда... И сказал дальний усопший мудрец Исая: поникнут гордые взгляды чело-

века, и высокое человеческое унижится... И сказал мудрец: всякая тварь исказила свой путь на земле!.. Да!.. Так было... Есть... Будет... Времена неизменны неподвижны... И тут мудрость... Где иные времена?.. Нет их. Я не видел... И где иная мудрость?.. Иная жизнь человеков?.. Я не знаю... И потому уйду...

— Прощай, Ходжа Насреддин!.. Прощай безымянный безвестный бездомный путник на морозной вечерюющей сизой дымной снежной кешской пустынной дороге!.. Ты уходишь в сладкий дым забвенья... Уран!..

Тимур — ты победил!..

Тиран — ты одержал еще одну победу!..

Могила — ты победила!..

Тьма — ты победила!..

Песок — ты победил!..

...И темный малый человечек в желтом мятом колпаке и рваном павлиньем рубище с седой жемчужной чистой бородой уходит в дым забвенья, в снежный морозный сизый туман предвечерний...

И уходит в ночь грядущую забвенья...

...И ночь ночь ночь забвенья ночь морозная ночь сизая грядет грядет грядет над Державой над Империей!.. Да!.. Ночь снежная!.. Ночь ясная! Ночь парчовая — и лишь свежие сладкие следы врагов темнеют!.. И указуют и обнажают!..

И скачут скачут скачут тайные чагатаи палачи с ножами кашмирскими слепыми точными нагими ночными безответными умелыми...

И следы темнеют и ведут к жертве!.. Ах! Ай! Аяя! Уран!..

Блажен предатель — снег Империи!.. Ай, ай, страна моя!.. Тут и снег — предатель преданный!.. И все дороги! все следы! все тропы ведут к жертве!.. Только к жертве!.. Только к смерти!.. Да!.. Уран!..

И уходит малый человечек в ночь забвенья!..

...Ходжа Насреддин! Был! и уж нет на снегу твоего следа, а только след осла Жемчуга!..

И ты уходишь на осле по дороге кешской... Уходишь в дым дым дым дым дым забвенья!.. да...

Но! но! но!..

Но! Опять! О Боже!.. Что там у дороги у пустынной одинокой сизой талое живое темнеет?..

О Боже!..

Человек один лежит в снегу, а снег уже схвачен вечерним морозом и покрыт хрусткой ледовой алмазной коркой... о боже!..

— Кто ты?.. Что лежишь на снегу покорно?.. Или пьян? Иль накурился анаши медовой пагубной бредовой?..

— Я дехканин. Крестьянин. Я рано утром вышел с кетменем в розовое февральское поле... А по кешской дымной сырой студеной дороге скакал всадник чагатай. Нукер амира. И я не увидел его. И не пал в ноги в копыта гневные его коня с поклоном... Тогда он сошел с коня и крикнул: раб!.. Ложись на землю!.. И жди!.. Я не взял с собой ножа, и нечем мне отрезать твою слепую землистую голову... Жди!.. Я поехал за ножом... Скоро вернусь!.. И отрежу отсеку отделию отвалю твою заблудшую голову!.. Жди!.. И я лег и жду, а его все нет и нет... Уже снег упал, а его все нет... А в снегу сонно холодно... Может, он заблудился с ножом?.. Может, пойти ему навстречу по дороге?..

...И дехканин лежит на снегу. И кетмень забыто тихо лежит рядом...

...О Боже!..

И что ж ты лежишь, покорный народ мой?.. И ждешь ножа, и каждый думает: только бы нож нашел не меня, а другого, а нож блуждает, а нож устал уж, а нож уж не приходит...

Иль не можешь кетменем нож раздавить разбить?.. Не можешь?.. И вспахать взломать нукера-палача глухую рожу морду переносицу заросшую?..

Айя!.. Уран! Учча!.. Ачча!.. Тошно!..

...Но я ушел с самаркандской дороги... Но я ушел в родной кишлак Ходжа-Ильгар... Но я потерял утратил свое имя... Но я не Ходжа Насреддин, а такой же безымянный раб, ждущий последнего ножа...

Покорный я, покорный, подлый сонный...

Но!..

Нет сил глядеть терпеть!.. Но! нет сил дремать на дремлющей дороге дороге!.. Нет сил спать в стране усопших сонных...

...И Ходжа Насреддин сходит с осла... И вынимает из ветхого мешка — хурджина ветхую палку дервиша, увешанную разноцветными лоскутами и медными певучими колокольцами... И палка дрожит в руке Насреддина и поют певуче морозно шелестят звенят колокольцы тонко тонко...

— Наконец-то я нашел тебя, дехканин Я брат того нукера... Он послал меня разыскать тебя...

— Вы принесли нож, таксыр, господин мой?.. Наконец-то!.. Вот моя голова!.. Она очень устала! И замерзла! И стала думать от мороза... А может, взять кетмень и убить нукера?.. Мне стало страшно — зачем мне такая голова?.. Зачем, таксыр?..

— Да. Думающая голова — это самое опасное в нашей стране...

— Скорее отрежьте ее, таксыр... Надоело думать... Холодно... страшно... Может, убить нукера?.. Где же ваш нож?.. Где?.. Думать страшно!..

— Думающих голов стало больше, чем ножей... Не хватает ножей уже... Ножи устали... Палачи устали... Мой брат прислал палку... Но это палка не простая!.. Это двоюродная сестра посоха самого Пророка!.. Гляди, как она бьет!.. Как поют колокольцы!..

И тут дехканин вскочил с земли, с примятого подтаявшего под ним сырого водянистого снега.

— Ходжа Насреддин!.. Ходжа Насреддин!.. Спаситель мой!.. Я узнал тебя!.. Узнал... Что ж ты не пришел раньше?.. Спасал других?..

И он заплакал...

И Ходжа Насреддин положил теплую дрожащую старую добрую свою ладонь на бритую нагую его послушную голову...

— Седая голова... Прекрасная мудрая голова дехканина... Земледельца... И ты так легко хотел расстаться с нею...

...Да!.. В ожидании ножа созревает иная голова!.. да!..

Но я ухожу...

...И пошел к ослу своему.

И уже вечер перешел в ночь.

И был сизый вечер, а стала морозная ясная ночь.

И стала ночь с полевыми огромными бездонными звездами...

И звезды разгорались от мороза...

И полузамерзшие арыки едва шевелились в снежных полях...

И малые арыки совсем замерзали останавливались хрустели густели теснились от игольчатого молодого льда, а большие арыки жили текли шевелились двигались в ночи...

И малые люди засыпали, а большие двигались в ледяной ночи...

И Ходжа Насреддин двигался в ледяной студеной ночи...

Да!..

И!..

ЧАЙХАНА «ЧЕТЫРЕ ЧИНАРЫ»

И там у дороги росли четыре столетние жемчужные обильные раскидистые чинары чинары чинары...

И Ходжа Насреддин узнал их — дальних былых вечных...

И они были снегом высоко и щедро засыпаны и сияли в ночи снежные одинокие родные... И сияли в ночи пустынной как четыре снежные горы...

И Ходжа Насреддин узнал их...

И там была нищая малая чайхана и там светился уютный нищий низкий светильник и горело чадило пахучее чигирное масло...

И темно в чайхане было и пусто и дремно...

И только!.. Но!..

Айя!.. Откуда ты взялся в нищей тощей моей земле? в земле военной? в земле без мужей ядерных вольных? в земле холмов похоронных?..

Айя!.. Откуда ты взялся вырос поднялся палван богатырь красавец чайханщик Турсун-Мамад?.. Валун средь камней!.. Ты вольный улыбчивый!.. Зубы снежные

ладные ликуют горят!.. Глаза лихие свежие нетронутые непугливые!.. И весь ты весь барашек ярый! бычок бык тугой налитой порос зарос кудрявой вольной вешней бородой!.. И грудь твоя в старом погорелом чапане-халате с широким вырезом открыта обнажена и вся она кудрявая каракулевая веселая вольная грудь!..

И откуда ты палван богатырь на земле моей нищей?

И глаза чисты твои, и зубы и душа твоя кроткая чиста невинна!.. Я вижу! Я знаю!..

Я слезаю с осла и иду к тебе и ты мне улыбаешься... И ты улыбаешься и обе руки мне щедро кротко подаешь протягиваешь доверяешь...

...И что я?.. Что стою?.. Что вспоминаю?.. Как в тумане... Молодые дни мои?.. Молодые зубы губы щеки руки?.. Молодое тело мое?.. И где оно?..

Я как в тумане... в мареве... в забвенье сладком... Я под сонным детским теплым занданийским одеялом давним дальним...

...А Турсун-Мамад усаживает меня на дряхлую кунградскую кошму, изъеденную кишашей рьяной ройной перламутровой молью, но я не слышу моли, но я не чую прогорклый давний запах чигирного чадящего масла... Но я гляжу на молодого чайханщика!.. Айя!..

Сын!.. Нерожденный сын мой... Ты бы мог быть таким... Таким!.. Турсун-Мамад, блажен отец твой!.. И мать твоя!..

...А что я?.. без детей? без семьи? без дома?.. Что я... Айя!..

...А в чайхане темно. И только в углу на рваных одеялах-курпачах шевелится живет какой-то человек... Старик в косматой туркменской бараньей обширной папахе, и он не снимает ее, и во тьме лицо его старое птичье острое кажется мне знакомым... Но оно зыбкое расплывчатое во тьме и я не могу ясно разглядеть его... Но чудится мнится мне зыбкое это лицо знакомым... Откуда оно?.. Но столько лиц я перевидал в жизни моей кочевой, что каждое новое лицо кажется мне уже знакомым, уже виденным, уже прошлым...

И лицо старого туркмена в папаше мглистое темное лицо зыбкое в зыбком темном углу... Лицо во тьме мерцает...

И пустынно в чайхане... Нет никого... Только туркмен, я и Турсун-Мамад...

И он приносит мне чайник с зеленым китайским благовонным благодатным чаем и пиалу и самаркандскую лепешку густо обсыпанную млечным кунжутом. И бухарское легкое летучее теплое одеяло, чтоб я накрыл укутал холодное свое снежное страждущее неверное тело...

И он улыбается мне. И он чувствует, что я полюбил его... И улыбается мне...

...Откуда ты, нерожденный сын мой?..

— Зеленый чай — лекарство от всех болезней...
Пейте, учитель... Отдыхайте, отец...

...Отец!.. Ата! Дада!.. Этих слов не знал я...

...И голос у него чистый и нетронутый улыбчивый свежий. Ясный, как морозная ночь вокруг чайханы!..

Ночь!.. Так сладка ночь!.. Так сладок зеленый чай! так сладка круглая кунжутная подогретая на углях лепешка!..

Так сладка ты тихая заброшенная снежная ледовая морозная родина моя!..

Я вернулся! Я больше никуда не уйду... Никуда... Никогда... Да!..

...И я опускаю избитые измятые ноги мои в сандалии — подземную тлеющую под одеялами глиняную печь... Тепло ногам... Тепло душе... Дремно... Сонно... Спать хочется... Спать... спать... спать... спать...

И Турсун-Мамад приносит мне горячую пряную шурпу-суи в таджикской расписной пиале-косу и деревянную иранскую ложку и ставит пиалу на сандали, и руки у него во мгле чайханы светлые жемчужные могучие руки, как стволы вековых снежных чинар чинар чинар...

...О нерожденный сын мой несужденный... да... да...

...Я ем шурпу и засыпаю... Ем и засыпаю!.. Сон! сон... сон... Ночь... ночь... ночь... Ночь — сон... Сон что ли?.. Сон!.. О!..

Сон — и четыре снежных молчных мохнатых всадника у чайханы вырастают...

Сон — и они с пенных ярых коней темных караширских слепых слезают сползают спадают...

Сон — и Турсун-Мамад улыбочивый щедрый чистый им улыбается...

Сон — но я узнаю Безносого Ката...

Сон — и они шепчут говорят и они скалятся: давай шашлык! Жирный! Густой!.. Из молодого барашка!.. Давай!.. Быстрее, барашек!..

Сон — и они немо скалятся на Турсун-Мамада...

...Тогда Турсун-Мамад улыбается.

— Откуда в нашей нищей стране барашек?.. Откуда барашек жирный ярый в нашей нищей державе?..

Сон сон сон — и Турсун-Мамад снежно чисто улыбается...

Сон — а угли рдеют тлеют живут чадят дымят в мангале...

Сон — а там на четырех дамасских шампурах нищий тощий жилистый шашлык, жарится, мается, сворачивается...

Сон — а тогда четыре чагата скалятся: давай, барашек!.. Давай твой шашлык небогатый!..

Тогда Турсун-Мамад подает им шашлык... Тогда он им весело вешний ярый неповинный улыбается... Не чуёт... Не знает... Распахнутый...

Айя!.. Но я чую!.. Но я знаю... Но... Сон! сон! сон!..

Да я ухожу по дороге к родному кишлаку Ходжа-Ильгару...

Сон — и я ухожу домой... Я больше не Ходжа Насреддин... Я дехканин безвестный безымянный... Айя!.. Сон!.. Я засыпаю засыпаю засыпаю...

Но я!.. Я чую!.. Чую!.. Ай! ай!.. Ай!.. Я чую! чую! Знаю! знаю! знаю!..

Тогда первый Безносый чагатай шашлык тощий хищно доедает...

Тогда дамасский нагой шампур стальной в его руке освобождается блуждает... Тогда он словно не знает куда его девать, тогда он мается, тогда он шерится скалится... Тогда он ленно медленно как бы нехотя обреченно уныло метко долго нагой шампур в кудрявую открытую невинную ягнячью удивленную грудь Турсун-Мамада погружает вставляет оставляет забывает скалится печально. Нож пробирается пробивается продирается в хрупких чистых юных кудрях, как кабан-секач в весенних нежных тугаях приречных в зарослях турангах...

Тогда второй чагатай шашлык доедает — и второй свободный шампур нагой уходит в грудь Турсун-Мамада погружается теряется... разбредается... туманится... вмещается...

А чагатай печалится...

Тогда третий шампур уходит в грудь Турсун-Мамада...

И четвертый точный тихий тугой не запаздывает не запаздывает а встает рядом...

Айя!.. Уран! Да это ж сон?! Да что я? что? что? что? что?.. Да я ж ведь сплю сплю сплю... Да я ж ведь засыпаю... засыпаю... засыпаю... Сплю... Витаю...

...Да что ж я рубищем хиркой павлиньей голову свою глаза свои закрываю забираю заволакиваю... А рубище все рваное — и я вижу Турсун-Мамада...

Да, я желтым колпаком глаза закрываю — но колпак мои глаза пропускает, потому что рваный он, рваный...

Тогда чагатаи немо мнутя жмутся печалются скалятся, а Турсун-Мамад стоит стоит стоит и все не падает не падает не падает...

Сон — и уходят уносятся всадники за снежные чинары... погружаются...

Сон — но я узнаю их... Тех четырех палачей-чагатаев... И безносого ката...

Сон — но угли там в мангале трещат урчат рдеют алые...

Сон — но там на угли что-то долго долго щедро течет течет течет, а потом тихо шипит шипит капает капает капает...

Сон — но в темном углу старик туркмен в косматой папахе молится молится, пав на кошму кунградскую... молится ползает тащится скитается мается, не снимая глухой сальной папахи...

Сон — но Турсун-Мамад все стоит все стоит все стоит у мангала да все улыбается улыбается улыбается... Потом падает... падает... падает!..

Нерожденный несужденный сын мой!.. И ты убитый... Прощальный...

Айя!.. Не сон это..! Нет!.. Айя... Нет...
Тогда!..

МОСТ

...Тогда я встаю встаю бегу бегу с кошмы кунградской затхлой рыхлой, тогда я задыхаюсь маюсь, тогда я тыл руки своей сонной кусаю, как древние арабы в отчаянье.

Тогда я выбегаю из чайханы в ночь в снег в жемчужные недвижные равнодушные пустынные ледовые снежные чинары чинары чинары...

Айя!..

Будь проклята чайхана!.. Кровавая...

Будь проклята ночь!.. Кровавая...

Будь проклят снег!.. Кровавый...

Будь прокляты чинары!.. Кровавые...

Будь проклята земля родина моя!.. Кровавая... кровавая...

Айя...

...И дорога ледяная ночная снежная пустынная ледяная... И только след палачей низко дымится тянется туманится длится тлится тянется...

Ночь палачей свершается... Держава палачей туманится... Необъятная...

...И где тут мудрость моя?.. Где брег ее вешний вечнозеленый?.. Где обитель юдоль заводь ее тихопесчаная врачующая тихокаменная дальняя святая желанная нечаянная?.. Есть ли на земле такая? На земле,

где и шампуры служат текут текут струятся ножами
окаянными неожиданными?..

Есть ли такая на земле тирана?..

Есть ли такая в народе овечьем рабском?..

Не знаю... Я один на ночной ледовой кешской
зимней дороге...

...Ходжа Насреддин, почему ты садишься на осла
задом наперед? Спиной к голове осла, лицом к хвосту?..

...Потому что вокруг меня, в настоящем, такая ночь,
такая кровь, такая тьма, такое рабство, такая нищета,
что мой взор невольно устремляется назад, в прошлое...
Только мой осел глядит в будущее... Только осел гля-
дит в будущее, алчет, ищет будущего... Я не хочу туда
глядеть... Будущее еще темнее настоящего... да!.. Я ви-
жу, хотя гляжу в прошлое...

Я устал. Я гляжу в прошлое. Я еду в прошлое.
В родной кишлак Ходжа-Ильгар.

И там мудрость моя!.. И там заводь лазоревых не-
скошенных нетронутых форелей ягнят телят... Там!..

...Но я один на ночной ледовой кромешной мороз-
ной дороге...

И только след палачей дымится живет стелется ши-
рокий... Дымится раной язвой порубью глубокой...
И только след палачей дымится один жив свеж лют
среди державы сонной ледовой морозной...

долго... долго... долго... долго... Тошно...

Долго!..

И тут осел мой Жемчуг останавливается...

И снег сухой морозный снег уж не скрипит уж не
хрустит дремотно под его дремотными дремливыми
дремучими усталыми ногами... Уж не хрустит, как ран-
нее калайдаштовское яблоко в зубах мальчика-дехкани-
на... *

Яблоко... Раннее... В ранних зубах мальчика...

Яблоко... дальнее... Дальнее...

...Но что тут?

...Я сижу, я сплю на холодном голодном осле... Осел
стоит... Долго... сонно... дремотно...

Потом я просыпаюсь озираюсь...

Потом какой-то глухой текущий ровный шум доно-
сится...

Айя!.. Да это же родная река моя Сиема!.. Да это же она шумит в берегах ледовых лютых сонных!.. Да это ж река колыбель люлька гахвара река Сиема моя текучая незамерзающая родина!..

И мост висячий деревянный древний дряхлый ветхий шаткий тонкий худой мост светился во тьме снежной бредовой... Родной мой мост!.. замерзший мост мой! кость моя! худая детская голодная протянутая моя далекая висячая ручонка!..

Ойя!..

...Река!.. Родная!.. Сиема!.. Ледовая, а не замершая...

...Мост!.. Милый!.. Худой!.. Исхоженный!.. Истрепанный... Изъезженный... а не оборванный...

Ай!.. столько лет прошло... Я стар... А ты течешь молода в снегах во льдах река... А ты висишь качаешься мост дремный древний деревянный шаткий а веселый!..

И я слезаю с осла и я бегу к реке и я бегу к мосту и дикая обширная хирка шута на мне павлинья рваная полощется полощется полощется и точно надо мной она хохочет и хохочет и хохочет... И от бега разлетается, как крылья расписного фазана, и рвется рвется рвется...

Но я бегу как дальний пыльный кишлачный мальчик с бритой резвой лобастой телячьей головой к висячему мосту мосту мосту мосту...

Но!..

Но!.. Стой!.. Но что там?.. Что?..

Айя!.. След палачей ведет к мосту и там стоит Безносый. Кат. Палач...

Я сразу узнаю его. Нетрудно...

...И он глухо хмельно бредово хохочет и хватает паучьей цепкой рукой меня за плечо. Его пальцы как шампурсы ножи уходят врезаются влезают в мое плечо...

Он хохочет. У него глаза, как желтые спелые осы... Я знаю такие глаза... Он накурился анаши... Он хохочет... И плачет... И желтые спелые осы плачут... выжидают...

И рядом стоит его караширский лютый густой конь и конь храпит хрипит и круто ходит водит точеной пенной головой и дрожат дергаются рябят его атласные шелковые смоляные пугливые нервные кожи... И содрогаются знобкие атласные кожи...

...Ай родная река! ай родной мост! ай родная земля!
ай родная ночь!.. Ай родной палач!.. Родной державы
посланник лазутчик-добытчик-охранник... Ай родной
палач! Ты и тут!...

Ай земля моя!..

И на всех дорогах мостах твоих палачи стоят.

И на всех мостах палачи стерегут... Палачи блюдут...

Палачи секут... Палачи хранят... Палачи щадят...

Мой родной палач — ты и тут...

Ночь!..

Мост!..

Река!..

Палач!..

Ай!.. Много!..

Ходжа Насреддин!.. Шут в хирке!.. Помогите мне!..
Мой конь боится идти на мост! Мои друзья прошли и
бросили меня... И брат бросает брата, и сын — отца,
и палач бросает палача!.. Все предатели! Ха-ха!.. Ну и
земля!.. Ну и времена!.. Времена Двенадцати Иуд! Нет
верных людей!.. Ходжа, помоги мне пройти по мосту!..
Мост слабый ледяной сухой от мороза — мой конь бо-
ится!.. И я боюсь! Река внизу гибельная! Мост темный
неверный!.. Адский мост!.. Тонкий, как лезвие кашмир-
ского ножа... По такому мосту грешники в рай идут...
Но мост зыбкий скользкий... И все срываются падают
в реку смертную!..

— Не срываются... Увы... — шепчу я. — Идем, я
помогу тебе...

— Вначале проведи коня! Он боится... Он хочет
меня сбросить!.. Он ненавидит запах анаши!.. Ха-ха!..
Святой запах! Вся нацца держава провоняла кровью,
вином и анашой!.. Люди хотят забыться!..

Я глажу ласкаю коня по атласным чутким перелив-
чатым козам его, и кожи его перестают рябить дерга-
ться дрожать... Внемлют мне кожи... Приемлют... Успо-
каиваются... Расстилаются ровные...

Потом я осторожно беру коня за исфаганскую уз-
кую уздечку и тихо влеку к мосту...

Мост узкий...

Конь узкий...

Уздечка узкая...

Жизнь узкая... Скользкая...

Река широкая...

Смерть широкая...

И конь тихо идет за мной, и мы ступаем на скользкий мост морозный легкий, и мост начинает дрожать трепетать скрипеть, и конь испуганно шало останавливается, но я тяну его за собой и треплю и глажу мну тугую податливую сладкую чеканную холеную шею его, и мы выходим на противоположный берег...

— Ходжа Насреддин, иди сюда!.. Перенеси меня на себе. У меня голова мутная скользкая от анаши... Как этот адский мост!..

И я возвращаюсь по мосту к Безносому...

И тут!.. Нет! Нет!..

Мысль какая-то далекая темная глубинная... Мелькнула, как форель в волне ледовой... Мелькнула...

— Дай я сяду на твою шею, Насреддин, и ты перенесешь меня по мосту!.. Мои новые сапоги из сагры, начищенные нутряным салом, скользят... Голова вянет от анаши... Я не могу идти... Дай твою спину или шею! Иначе — вот он! Мой верный ургутский нож! Один удар — одна смерть!.. Зачем тебе смерть, Насреддин?.. Зачем тебе нож у самого дома?..

...И я нагибаюсь... Да! покорно! но та мысль в голове как форель вьется льется ходит в волне!.. Да...

И я нагибаюсь и подставляю свою спину и шею и он садится потный тяжкий на мою спину и шею и обхватывает меня руками и ногами, как паук вялую осеннюю муху...

...И мы идем... Идем по родному моему давнему мосту... И я тащу на себе палача...

...И пришли времена, когда каждый тащит на себе палача своего? Да?..

...А где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где сокровенная дальняя тихая лазоревая заводь ее?.. Заводь лазоревых телят форелей ягнят?.. Где?.. Где дом мудрости моей?.. Где безымянная кибитка ее?..

И я вернулся домой... И я тащу на себе палача своего... И он пахнет анашой смрадной темной гибельной и хрипит мне на ухо...

— Священная Книга говорит, что к шее каждого человека привязана птица судьбы!.. (где птица моя? иль улетела?) В нашей стране к каждой шее привязан палач... Ха-ха...

Безносый смеется на моей спине.

--- Ты мудрец, философ...

— Да, я читал Авиценну, аль-Бируни и аль-Фараби... Искал мудрость...

— Жаль, что мост краток и шея моя слаба — иначе бы я послушал тебя... Чужая шея — прекрасное место для размышлений... Палачи теперь мудрые... Палачи-философы...

— Но я не нашел мудрости в книгах... Я полюбил девушку, и ее отец бай раздавил мне нос рукояткой камчи... Тогда я понял, что мир состоит из палачей и жертв!.. И нет иных! Или ты жертва — или ты палач!.. Вот и вся мудрость!..

— Но времена меняются — и жертва становится судьей!..

— Но не в Мавераннахре!..

...Да... И я ташу своего родного палача, но мост уже кончается, и та тайная мысль, как форель, уходит в воду...

Навсегда...

А река внизу ледяная ледовая мглистая тяжкая...

Нет!.. Не могу я!.. Не могу... У самого дома... У самого родного гнезда кишлака Ходжа-Ильгара... Не могу...

Да!.. Не могу... Ташу...

Да!..

Ночь!..

Мост!..

Река!..

Палач!.. На шее... Но он сойдет — и будет свобода... И будет прямая шея...

Айя!.. И шея выпрямится выправится как помятая трава... Айя!..

И кто не носил иль не носит на шее своего родного палача?.. Айя! Айя? Уран!.. Учча! Ачча!..

Подождите потомитесь — и палач милостиво сойдет переметнется перекинется с вашей шеи на иную... да...

— Ты молодец, Ходжа Насреддин!.. Ты стал другим. Ты стал равнодушным... Ты стал нашим... Ха-ха!.. Я понял это в чайхане, когда ты не вступился за многогоречивого многокрасивого чайханщика...

...Айя!.. Да что ж это?.. Зачем? Зачем? Зачем?.. Гад! Кат!.. Зачем?..

Да я ж уже у дома! у берега родного заветного! Да я ж ушел с Дороги на Тропу! да я ж безвестный безымянный дехканин! да я ж овца покорная!.. Зачем?.. У самого дома?..

Ай!.. Турсун-Мамад!.. Нерожденный несужденный сын мой! Валун среди камней!.. И ты уже убитый!.. Айя!.. Уран!..

И шампуры текут текут струятся изливаются текуче извиваются кудрявятся от крови вытекают из груди кудрявой неповинной щедрой из открытой беззащитной из груди веселой...

...Тогда я рушусь падаю подрубленно на колени и круто ухожу из-под Безносого и он с ходу падает шумно мято глухо тяжело тупо ударяется затылком о стеклянный морозный убитый мост, но цепко уже дремно убито сонно хватается за скользкие стволы бревен, но руки его слепые пальцы скользят, но сапоги его из сагры скользят плывут по морозным скользким бревнам, но он молчит молчит молчит и катится скользит сползает по мосту...

Тогда я начинаю раскачивать трясти мост, как трясут айву, чтобы высокое воронье гнездо упало...

И я трясу мост, и Безносый безнадежно молча повисает тщится мается на самом краю моста... сползает... повисает...

Тогда я ногой в рваном башмаке-кауше тихо безреливо не глядя пинаю толкаю сдвигаю его и он молча молча срывается уходит молча в реку ледяную мгlistую печальную печальную печальную...

И гнездо воронье упало упало упало...

Река... Прости... И ты печальна...

И мост качается качается и утихает утихает и успокаивается и останавливается...

Мост... Прости... И ты печален...

Родина... Прости... И ты печальна...

Ночь! прости... И ты печальна...

Но!.. Нож палача ургутский сладкий нож промахнувшийся вместо меня вошедший в мост пустынный все еще качается трепещет все еще дрожит качается... не умиряется... не успокаивается...

Ночь...

Мост...

Нож... без палача...

Нет палача...

Но!.. Но сколько их еще ходит таится живет на земле моей?..

И они стоят и стерегут на всех мостах родины моей...

И они сидят на всех покорных шеях, а таких много...

А я?.. Я столько лет боролся с палачами веселым языком. Острым едким гневным словом... И что?.. Ногой надо было... Ногой!.. С моста!.. Долой!.. С палачами ногой надо!.. Да!.. Долой! С моста! Ногой! ногой! ногой!.. Да... Айе!..

Но жарко!.. Душно!.. Тошно!.. Снять башмаки-кауши-убийцы хочется... Омыться хочется!..

КУТЛУК

...Омыться хочется!..

И я схожу с моста к реке к Сиеме моей ледовой сизой...

И берега и камни и тугай приречные ее ледовые, но мне жарко душно тошно. Горько мне...

И я сбрасываю с себя шутовскую рваную хирку и колпак серпуш желтый и кауши разбитые невеселые...

И вхожу в реку ледовую родную и мне вольно сладко снежно свежо. И молодо.

И горькое согбенное полынное тело мое расцветает в снежных волнах...

И потный запах анаши и потный запах палача уходят уходят уходят...

И река оmyвает меня моя лазоревая моя дремотная моя ледовая!..

И старые кривые пыльные мои тяжкие ноги плывут текут в реке...

И крутая нежная ханская форель льнет к ногам моим ласкает щекочет, как собака верная чутким влажным добрым носом... Это не форель, это волна родная дальняя волна моя... Она узнала меня... уткнулась в мои ноги...

Я вернулся...

И там за рекой вдали во тьме февральских сырых снежных глухих грушевых гранатовых урюковых садов лежит спит родной мой кишлак Ходжа-Ильгар...

И там гнездо мое... И там мудрость моя... И там заводь лазоревая сокровенная обитель ягнят телят лазоревая моя...

Там!.. Скоро!.. Я сорок лет там не был...

Я выхожу из реки...

...И Ходжа Насреддин вышел омытый чистый из ледовой реки...

И там на берегу стояла одинокая ива и она ранняя беспечно беспечально распустилась и покрылась зелеными рьяными плакучими молодыми тальми листьями и она стояла вся зеленая и вся была в мокром сонном тяжком мертвом слепом снегу...

И она вся зеленая ранняя невинная стояла в снегу неубитая неуморенная непомерзшая... Невзятая стояла листьями зелеными невинными плакучими падучими мокрыми живыми изумрудами стояла ликовала... И вся она стояла в снегу ранняя невинная расцветшая до времени своего.

И Ходжа Насреддин улыбнулся и подумал, что он как ива ранняя расцветшая невинная неубиенная в снегу Державы Тимура в снегах необъятных Мавераннахра и Турана... Да!..

...И я выхожу из реки.

И снега вокруг сияющие новорожденные сияют... Светло... Молодой снег... Молодая ночь... Молодая река... А я старый... А тело мое растраченное... А я вспоминаю казни свои, глядя на тело свое небогатое голое нерадостное...

И на ногах и на груди и на спине еще живут саднят томятся шрамы рубцы раны... И еще не затянулись не забылись раны свежие недавние... И я засыпан я

усыпан ими, как багряными парчовыми лепестками палых жирных роз атласных роз ширазских роз гранатовых...

Да! только такими жгучими живучими я был осыпан лепестками гранатовыми!..

Да!.. Снега сияют а я гляжу на тело свое растраченное...

— Любобы!.. Забытая!.. Была ли ты?.. Была ли?..

— Да!.. Была... Была!.. Была!.. Да не свершилась, не сбылась, а только (только!) завязалась!.. А только началась да затерялась... оборвалась...

Да?..

— Кутлук?.. Ты слышишь?.. Кутлук-Туркан-ага сестра Тимура, ты слышишь?.. Кутлукча, ты слышишь?.. Через столько лет ты слышишь чуешь любишь ждешь на берегу Сиемы у дерева гранатового?.. Ты слышишь, Кутлукча, дитя дева девочка дальняя в платье гранатовом у дерева гранатового?.. Аяя?.. Кутлукча моя, ты слышишь, многодальняя?..

— Я слышу, Насреддин, в карбосовой пыльной медовой вольной рваной нищей рубахе!..

— Ты слышишь, дочь степная? дочь раскосая? дочь барласская амирская дочь ханская? дочь сладкая?..

— Я слышу, Насреддин, найденыш сирота с глазами ярыми... И черный сокол с ярыми кровавыми глазами ловит ловит ловит белых белых белых родниковых пьющих цапель!.. Насреддин, мальчик!.. Ты сокол... Я белая родниковая покорливая цапля!..

— Кутлукча!.. Ты в широких шелковых маргеланских татарских туманах-шароварах!.. Ты на другом берегу стоишь! Ты манишь манишь манишь!.. Ты с незрелого древа гранатового гранат незрелый первый рьяный обрываешь!.. Кутлукча!.. И через столько лет кричу тебе... на берег тот... на берег тот усопший?.. нет! нет! нет!.. Еще живой! Всегда живой!.. Кутлук!.. Не ешь гранат незрелый!..

— Насреддин!.. Я зрелая... Я спелая... Уже... Созрела... Я дева белого налива!.. И гранат белый созрел... И зубы и губы груди мои зрелые... И спелые!.. И спелые!.. И спелые!..

— Кутлук!.. У тебя губы зрелые! зубы зрелые! груди зрелые, а голова еще незрелая... И тело зрелое и тело спелое, а голова еще незрелая!..

— Насреддин, а тело зрелое, а тело спелое повелевает голове незрелой голове неспелой!..

— Кутлук, не ешь гранат незрелый!..

— Насреддин, я хочу!.. Я ем!.. Я иду на твой берег!.. Я иду иду иду на твой берег!.. И будем есть гранат незрелый вместе вместе вместе!.. Пойдем в поля солнечные комариные полуденные терпкие рисовые сомлелые!.. И там съедим гранат незрелый!.. Вместе!..

...И!.. Иииии!.. Я бегу бегу бегу по мосту по деревянному висячему летнему (а ныне ледяному!) и падаю падаю падаю валюсь перед нею на пыльные тяжелые налитые мои уж налитые колени колени колени...

И она пылко пыльно жадно хищно лепетно срываясь прыгает садится мне на худую горячую полуденную вольную пыльную шею.

И она тяжелая! тяжкая! медовая! налитая! и она зрелая спелая я чую чую шей что она спелая она уже спелая уж спелая уж спелая!..

...И будем есть гранат незрелый!.. Да!..

...И я бегу по мосту и она зреет тяжелая на моей шее шее молодой далекой сладкой шее шее шее шее...

...А теперь я влеку по ледовому мосту палача на своей старой шее!..

Ой далече! ой далече! ой далече!.. Куда ушла жизнь?.. Куда Кутлук ушла?.. Ушла!.. Ушла!.. Ушлааааа... аааа!..

Далече!..

...Но она сидит притихшая на моей юной быстрой шее!.. И мы бежим в полях рисовых полуденных млеющих...

И мы бежим и вязнем и она ногами тугими зрелыми и руками лепетными тесно тесно тесно жгуче обвивает худое мое тело!..

Кутлук! Теснее! Дева девочка! Теснее!.. И душно!.. И ноги твои шелковые зрелые круглые обвивают окружают тесно душат мою шею шею шею!.. И сладко!.. В рисовом полуденном поле...

И летают медовые комары и летают медовые полевые степные голуби вяхири...

И мы дикуем вязнем никнем клонимся соплетаемся в поле поле солнечном солнечном солнечном!..

Ай!.. Наконец!.. Уходит полуденное дымчатое дремотное вязкое мяклое водяное рисовое поле...

И там стоит стог сена горячий солнечный высокий!..

Кутлук!.. Я опускаю роняю тебя в стог медовый сонный!..

Кутлук!.. Давай есть гранат незрелый!.. Давай!.. В стогу далеком смутном солнечном шелковом бредовом сонном сонном сонном!..

...И я тронул ее груди — и груди вышли взошли из шелков!..

Тогда я сорвал с нее платье — и мало мне стало перстов!..

И мало мне стало перстов!..

И я сорвал снял собрал смял с нее гранатовое зрелое платье и млековые млечные жемчужные спелые зрелые невинные сокровенные груди встали пролегли у губ моих моих моих растревоженных солончаковых...

И млековые млечные груди, как две млековые снежные точеные горлицы, встали устремленно полно...

И клювы-соски были острые розовые как цветы кашибадамского миндаля как вишневые косточки!..

И встали невинные две снежные млековые избыточные горлицы!.. И в губы-уста мои пошли соски медовые бредовые ее соски гонные покорные!..

Но мало мне сосков, но мало снежных млековых тихих кротких покорных налитых горлиц!..

И стал я срывать сбивать сдирать рукою терпкой напоенной шаровары туманы маргеланские вольные широкие!..

Кутлук!.. Будем есть гранат незрелый сорванный!..

Кутлук!.. Как вольно! сладко! как медово! как бредово в дальнем дальнем полуденном стогу сонном сонном сонном солнечном!..

...Да, Насреддин!.. Медово!.. Вольно!.. Но расплети мои двадцать девичьих косичек заплетенных!.. Тогда будем есть гранат сорванный медовый!..

...И я расплетаю двадцать девичьих косичек!.. Долго!.. Руки дрожат! Пальцы рвутся спелые медовые!.. Косы рвутся жемчугами оплетенные!.. Долго!.. Но скоро! скоро! скоро!..

— Кутлук!.. Скоро!..

— Насреддин! Скоро!..

И она мне помогает! помогает пальцами перстами тонкостными тонкокоственными камышовыми веселыми гибкими проворными!.. И она мне помогает расплести свои девичьи многие косы!.. И голова ее свободна!.. И сливаются освобожденно льются текущие атласные волосы!..

Кутлук!.. Ты нагая?.. Ты моя?.. Ты покоренная? покорная?.. Мы будем есть гранат сорванный незрелый зрелый спелый уж гранат медовый!..

И она остается в кабульских сафьяновых ичигах-сапожках!.. И я снимаю тихие летучие шелестящие сапожки... Уже!..

— Кутлук! Уже! Скоро!.. Можно?..

— Насреддин!.. Уже. Скоро!.. Ноними с пальцев с перстов моих покорных камышовых золотые тесные хорасанские кольца!.. Тогда!.. Все!.. Можно!..

...И я снимаю кольца!.. На десяти пальцах перстах — десять хорасанских витых колец!.. Долго!.. Кутлук!.. Долго!.. И зачем снимать кольца?..

— Насреддин,ними, сорви девичьи кольца, чтоб и пальцы были голы и свободны!..

И белых белых снежных родниковых пьющих цапель ловит бьет сокол с кровавыми глазами!.. Белых цапель бьет кровавый сокол!..

И я снимаю сдираю собираю срываю с пальцев кольца, с перстов тесные перстни... И осталось одно кольцо! и оно не поддается! и уже можно! и она лежит с закрытыми глазами! и уже можно можно можно!..

А я зубами губами сонно дремну сдираю последнее кольцо, а она шепчет шепчет: Насреддин!.. Да можно! уже!.. Мальчик!.. Спелый!.. Можно! можно! можно можно!..

Но я снимаю последнее золотое девичье кольцо в золотом полуденном стогу и бросаю его в рисовое млеющее поле поле поле опаленное...

И!.. Кутлук!.. Уже!.. Иду!.. Валюсь подкошенно! подрубленно! медово! вольно!.. вольно!.. вольно!.. вольно!..

И!..

Ай!.. Ая!.. Ай Насреддин! Ну что ж ты медлил?! Мальчик!.. Мальчик!.. Поздно!..

Поздно!..

Да!.. По стогу лезет вьется задыхается Тимур с ножом своего отца Тарагая-нойона!..

И я нагой!.. И Кутлук нагая!.. И нож нагой!.. И стог стоит нагой!.. И поле нагое!..

Тогда Кутлук встает на стог. Нагая. Спокойная. Стоит. Растет. Реет. Над полем!.. Над ножом Тимура удивленным усмирленным...

Тогда она стоит нагая дремотная спокойная далекая...

Тогда она плачет нагая сонная дремотная...

Тогда она шепчет: Тимур. Брат. Убей меня. Дай нож...

— Я опоздал?.. Ая! Уран! Уйя!..— кричит Тимур, и нож ко мне к худому нагому телу моему убитому налитому подходит. Нож войти в меня готовится...

— Нет, брат. Не опоздал... Но горько!.. Дай мне нож!.. Иль сам впусти вложи его в меня!.. Прощай, Насреддин! Прощай, теленок!.. И белых цапель не убьет кровавый сокол!..

И она сходит с золотого стога и нагая нагая нагая уходит тонет в рисовом полуденном солнечном сомлевшем равнодушном поле поле поле...

И она нагая тонет в поле...

Навек тонет...

Навек уходит...

И забытые шаровары платье ичиги лежат на стоге...

И лежат забыто золотые златые незабвенные кольца...

...Кутлук! Кутлукча!.. Кутлук-Туркан-ага!.. Я кричу тебе через столько лет... Я кричу тебе на другой берег!.. Ты слышишь, любовь моя?..

— Я слышу, Насреддин!.. Я слышу! я машу! машу тебе! люблю! люблю тебя... Но я на дальнем берегу... На берегу усопших... Но! но! но!.. Зачем? зачем? зачем снимал ты золотые кольца?.. Зачем?.. И белых цапель упустил кровавый сокол...

И она уходит...

И я выхожу из реки ледовой...

И вокруг сияют снега ледовые...

И мост висячий сияет тянется ледовый...

...И только что я шел бежал по летнему летучему мосту!.. И дева зрела спела пела шнитала на гибкой моей шее...

И вот уже бреду по снежному ледовому мосту!.. И кат палач сидит как тля на утлой ветхой шее...

Но ушла и Любовь...

Но ушла и Смерть...

А я живу. А я дышу. А я еще надеюсь...

Да!..

ДЕРВИШ-АРИФ

...Да! да! да!.. Еще надеюсь...

И в снежной ледяной реке свершаю ледяное омовенье очищенье...

И выхожу из реки и надеваю хирку кауши колпак-серпуш на чистое свежее тело тело тело...

И запах реки! и запах сырых напоенных заждавшихся снежных деревьев тайно наливающих! и запах где-то забытых дотлевающих кизяков пряных! И запах светлого снега у реки уже талого уже исчезающего! и запах родины! и запах давнего гнезда колыбели! и запах дух светлый ясный льется течет бьет мне в ноздри в душу в очи!.. да!..

...И я срываю свежую ломкую ледовую ветку приречного кроткого тополя туранги. И кладу ее на язык... Я жую ветку... И она уже вешняя. Текучая. Живая...

Сладкая она... Она целебная ветка... Весна уже... Ветка снежная чувствует... И таится копится томится наливаются соком молодым бражным зеленым...

...И тут я вспомнил, как ранней кочевой весной случайно раздавил зеленого кузнечика в траве. И поднял его.

И кузнечик раздавленный издавал тот же запах, что и зеленый свежий мятый вешний лист...

Кузнечик, лист, человек — все из одной плоти... Все родное... Все живое... И все давят рушат топчут...

И тут над снегами понесся талый дальний ночной вешний крик ослицы, и мой осел Жемчуг пошел на крик покорно...

Весна уже... Ослы чувствуют... И наливаются, как деревья, бродильным хмельным соком...

...И тут я вспомнил двустипшие-бейт, которое я сказал на бухарском скотном весеннем базаре... Там продавец ослов стал тугой хлесткой палкой бить осла, который припал совпал пристал приноровился к ослице и налился... И продавец стал бить его по корню стволу долгому нагому невинному... Тогда осел метнул стаю семян слепых и полбазара окропил омыл жемчужною росой!..

Тогда я сказал продавцу залитому живыми жемчугами:

Эй, продавец, не бей влюбленного по корню!
Или омоешься жемчужною ослиною росой!..

Да... А себя я бил! мял! давил!.. И забыл о любви... И стою старый у реки ледовой... И поздно...

Но мой старый осел бежит на талый крик... И не поздно?.. И я не стал мешать ему... И сказал вослед:

...О мой вешний осел!.. Непутевый осел!..
И куда ты понес свой малиновый ствол?..

...И не поздно?..

...И тут я услышал чей-то тихий чистый снежный светлый голос:

— Осел стремится к ослу. Человек стремится к человеку. А дервиш-ариф стремится к богу!..

...Айя!.. Кто ты?.. Чей это голос в ночных глухих густых снегах?.. И тут я увидел янтарный рыжий жи-

вой беглый текучий костер на берегу. И голый босой нищий восковой человек сидел у костра...

— Кто вы, отец? Или вы тоже совершили омовенье в ледяной реке и теперь босой ногой обсыхаете у огня?.. Но где ваша одежда?..

— Я дервиш. Суфий. Ариф... Ходжа Зульфикар. У меня нет никакой одежды... Я бос и наг... Я нагим пришел на землю и нагим ухожу к Богу!.. Скоро!.. Скорей бы...

Ходжа Зульфикар стар, как древний ветхий мшистый китайский карагач. Голова его наго выбрита. Борода и брови выщипаны... Нагой, как яйцо, старик... Суфий... Аскет...

— Учитель, я много слышал о вас на всех кочевых дальних дорогах моей страны...

— Дороги моего Мавераннахра залиты невинной кровью... Куда ни ступишь — везде кровь!.. Везде нож!.. Везде смерть!.. Некуда опустить положить поставить колени, чтобы помолиться Аллаху!.. Везде кровь!.. Везде колени в крови!.. Везде души в крови... И сам Пророк и сам Аллах в крови!..

И он глухо запел касыду-молитву, и старые сизые жилы на шее его потемнели набухли насытились кровью...

...И у зарезанной мечети помолюсь

И у зарезанной мечети помолюсь зайдусь сольюсь прольюсь

И у зарезанной мечети тихими блаженными слезами обольюсь

И у зарезанной мечети тихими блаженными блаженными

слезами изойду

И в пыль священную паду паду сойду сойду взойду взойду

взойду

И в камни дальные святые камни камни тленные зарезанной

мечети

вечной упаду паду прильну

И пыль прохладную святую пыль камней зарезанных испью

испью испью

И душу душу душу смертную разъятую зарезанную душу душу

святую

разъятую святую душу душу уголю

И душу душу смертную зарезанную душу душу как зарезанную

жертвенную овцу овцу святой хладной пылью окроплю омою

напою

И уголю

И уголю пустынную побитую зарезанную душу душу святую

заблудшую

овцу душу овцу

И у зарезанной мечети помолюсь
 И в пыль паду
 И душу душу блудную зарезанную обрету душу овцу овцу овцу
 И у зарезанной мечети изойду паду взойду
 И у зарезанной мечети помолюсь и обрету и утолю
 И у зарезанной чинары у жемчужной святой у чинары
 у зарезанного
 тута Мухаммад Святой зарезанный в кровавом алом чапане стоит
 стоит стоит
 И алой тяжкою рукой зарезанной текучей алою веселою рукой
 коралловой роящейся родной манит манит манит молит хранит
 И хворь нашла и тля нашла и губь нашла на Азии безвинные
 текучие
 поля сады стада града
 И Мухаммад зарезанной веселой вольной алою родной родной
 рукой
 манит манит манит молит хранит
 И над главой его зарезанный тутовник ворожит таит таит таит
 хранит
 И у арыка дева девочка кизинка тихая безвинная стоит стоит стоит
 манит манит манит таит
 И у арыка Дева Девочка в гранатовых кровавых бусах серьгах
 свежих у арыка у воды гранатовой зарезанная Дева Девочка
 стоит
 стоит стоит манит
 И я молюсь и я встаю и я бегу и я ропщу кричу молю томлюсь
 И у зарезанной мечети я кричу кричу кричу: кто ты?..
 О Господи! Тебя-то что последними гранатами ой зăлили
 забрызгали
 осыпали?
 Кто ты? В земле зарезанных гранатовых дерев мечетей душ
 камней
 овец кто ты?
 Кто ты зарезанная Дева Девочка у сонной у живой гранатовой
 воды
 воды воды?
 Кто ты? Сними гранатовые бусы серыи зерна в воду
 опустипусти!..
 Кто ты?
 Она томится улыбается тaitся никнет тянется..
 Кто ты?
 -- Я Смерть... Пойдем со мной...— и тихую рукой
 как вешней ветвью
 напоенной шелестит манит манит манит
 И осыпаются свергаются гранатовые бусы серыи зерна
 в мягкую
 податливую сладкую родную пыль пыль пыль пыль пыль
 пыль пыль
 в арык в арык в арык
 И Мухаммад зарезанный веселый истекает ало алой гущею исходя
 в гранатовый арык арык арык арык арык
 И арык не течет
 А стоит
 Стоит
 Господь! помоги охрани в крови

...Да!.. Всюду кровь и нож и смерть!.. И сам Аллах в крови!.. И все дороги в крови!.. Все дороги ведут к смерти!.. Кроме одной дороги — дороги к Богу!..

— Отец, я едва нашел преодолел дорогу к дому... Вот он во тьме за рекой!..

— Нет у человека родного дома на земле... Только на небе!.. Я прошел семь Шатров Стоянок Шествующих к Истине, к Богу!.. Первая Стоянка — «Тауба». Покаянье... Вторая Стоянка — «Вара». Осмотрительность. Разграничение Добра и Зла... Третья Стоянка — «Зухд». Воздержание... Четвертая Стоянка — «Факр»... Нищета... Шатер нищеты!..

...Отец, я с детства не вылезаю из Четвертого Шатра!..

— Пятая Стоянка — «Сабр». Шатер Терпения!..

...Отец, в этом шатре томится таится и не ропщет весь мой народ!.. Ай, где Шатры иные иные Шатры счастья для Народа моего?.. О...

— Шейх Джунайд сказал: терпенье есть проглатыванье горечи без выражения неудовольствия!..

...Отец, мы проглатываем терпим Тимура и еще славим кричим: «Алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр!..»

— Шестая Стоянка — «Таваккул»... Упованье...

...Отец, уповаю... Все еще уповаю...

— Седьмая Стоянка — «Риза»... Приятье... Покорность... Удары Судьбы не только пусты и напрасны, но даже и мысли о их влиянии нет... Нет ни яда, ни огня!.. Гляди, Насреддин!..

...И Ходжа Зульфикар протянул худую белую восковую снежную руку к огню и словно оставил забыл ее в огне и сразу стало пахнуть палеными волосами и Ходжа Насреддин схватил старика за руку и стал тащить его от костра, но суфий сидел неподвижно и улыбался...

И только пахло палеными волосами... И рука в костре не взялась, не бралась, не горела, не тлела, а была снежной свежей холодной... Была живой мраморной...

— Отец, не надо... Иначе я тоже опущу руку в огонь, а ведь я не прошел Семи Шатров-Стоянок...

...Тогда он вынул медленно выбрал руку снежную руку тебризского святого живого мрамора из костра и сказал:

— Гератский шейх Ходжа Абдаллах Ансари учил: что есть дервиш? Просеянная земля, а на нее полита вода: ни подошве от нее никакой боли, ни на поверхности ноги от нее никакой пыли...

...Отец, но я устал... Я хочу домой... там за рекой в снежном тумане моя кибитка... Я там сорок лет не был... да... да... да... устал... да... а...

...Что-то сонно мне у костра, томительно... Ходжа Зульфикар говорит как из тумана... Засыпаю забываюсь я от тепла, от костра, от ночи... Голос суфия сливается с шелестом лепетом костра... Голос мудреца как шелест шум костра... Усыпляет... Сонно...

Или Мудрость для Спящих для Засыпающих для Уходящих?..

Нет!..

Но я забываюсь...

...Мудрец Павел, Ты сказал: кто говорит тайным языком — тот говорит с Богом... Кто говорит простым языком — говорит с людьми...

Ходжа Зульфикар, ты говоришь тайным святым колодезным языком, языком мудрости — и ты говоришь с Богом...

И я засыпаю, томлюсь...

А я хочу говорить простым ясным языком... с людьми...

И *я засыпаю... Айя...

— Шейх Ансари сказал: ночь темна и месяц затмился... Путь тесный и дорога страшная... Никакого запаса в мешке, ни капли воды в бурдюке, ни возможности идти, ни места остановки... Впереди Дракон с раскрытой пастью — позади враги, обнажающие меч!.. И много немощных тел и слабых тленных коней горьких... И ни сострадающего спутника, ни нежного друга... Да... аааа...

...И я шепчу сонно: и много немощных тел и слабых тленных коней горьких... И ни сострадающего спутника, ни нежного друга... И это узнал я в стране моей... И возвращаюсь домой...

— И это сказано триста лет назад... Так есть... Так было... Так будет... Время движется, течет только для глупцов... Для мудрецов время неподвижно...

...Да, отец... Было... Есть... Будет... Время неподвижно... Но я стар... Но я хочу домой... Но я засыпаю... От мудрости я засыпаю...

— Ты не слушаешь Учителя, а Пророк сказал: у кого нет Учителя — Шейха — у того Учитель сам Сатана сам Шайтан!..

...Тогда я просыпаюсь, тогда я веки разнимаю...

...Отец, но блаженный Будда сказал: встретишь Учителя — убей Учителя!.. И сам свети себе!.. Сам охраняй себя!.. Сам себе найди убежище. Истина — да будет тебе Светом!.. Не ищи опоры ни в чем, ни в ком, кроме как в себе самом... И тогда ты достигнешь высочайшей вершины!..

— О народ мой!.. Народ-слепец!.. И ты убил отверг святых Учителей своих и на место их поставил Тирана... Идола... А еще ветхий мудрец Исайя рек: перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит?.. Да!.. Тлен... Да...

...Но я снова засыпаю и веки снова смежаю смыкаю... Тепло от костра...

Отец, Учитель, я внимаю, но я устал, устал устал...и засыпаю засыпаю засыпаю... Я хочу домой... Я хочу жить, течь, как река живет течет дремотная родная вековая...

...А суфий ярится... мается... страждет...

Костер горит... Река течет... Снега сияют... Ночь... Я засыпаю...

Но Ходжа Зульфикар говорит... не усмирится...

— Два китайца нырнули в водопад. Первый утонул. Второй выплыл... Второго спросили: как ты выплыл,

спасся?.. Ответил: а я не боролся с водопадом, как первый китаец... Я жил жизнью воды... Я жил жизнью водопада... И спасся... И вышел на берег...

— Отец... И я был, как первый китаец... И я боролся с водопадом... Но теперь я хочу спать... Хочу домой... Хочу жить жизнью воды, жить жизнью водопада... Теперь я второй китаец... Айя!..

...Ночь... Снег... Река... Костер...

Сейчас приснится мне кибитка глиняная мазанка родная с лепным кудрявым каракулевым гнездом ласточки...

— Ты трус, Ходжа Насреддин! Кафир! Предатель!.. Ты был львом, а стал шакалом... Тьфу! — И он плюет мне в лицо, но слюна у него слабая, старческая, и она быстро на щеке моей, тихой от огня, высыхает...

...Но я сплю, но я глаз слепых немых не открываю: да, отец... да, Учитель... А был львом... а стал шакалом... стал шакалом...

...Костер горит... Лицо мое горит. От костра ли?..

И тут!.. И тут я глаза открываю...

И тут из снежного приречного тумана дыма чада прозрачный неясный всадник выплывает вырастает вырастает... Надвигается... Темный... темный... Глухой... Глухой... Глухой... У костра останавливается...

Стоит у костра всадник.

ВСТРЕЧА

...И стоит у костра всадник...

Тогда я говорю: ассалом аллеюкум, путник... Ассалом аллеюкум, ночной заблудший всадник...

Но он молчит и с коня ахалтекинского точеного атласного аргмака не сходит не слезает не снадает... Он глядит на голого нищего воскового Ходжу Зульфикара, на нагую бритую чистую голову его, на выщипанные брови и бороду... Он долго глядит... Остро... Молча...

Потом молча снимает с тугих тесных своих плечей длинный толстый ферганский чапан — халат крестьянский... И остается в белой вольной щедрой саса-

нидской рубахе и в монгольских узких богатых сапогах...

Потом бросает с коня немного чуткого чапан тяжелый на голого Ходжу Зульфикара...

— Старик. Возьми чапан... Зима в державе... Снег в Мавераннахре...

И голос у него тихий глубокий, как из ледового бездонного магрибского пустынного колодца... Голос далекого хриплого туманного зулкарная — трубы военной державы ханской...

И он сходит с коня, но сходит сползает слезает долго долго... Неловко... Невольно... Точно мешает ему что-то... Что-то...

И конь покорно садится опасливо дрожа опускается в снег на передние ноги...

И всадник хмуро сходит...

И горит костер...

И сияют снега...

И река шумит...

...Айя!.. Да это ж он!..

И я гляжу на путника молчащего, и он в косматой туркменской сальной папахе, и я узнаю того туркмена, который каялся, молился скитался ползал по кошме кунградской дряхлой, когда убивали чайханщика Турсун-Мамада...

Но я видел видел, что он плохо молился... Трезво. Неотрешенно... Неглубоко... Что он страдал, глядя из-под глухой своей папахи на смерть Турсун-Мамада... А Пророк сказал, что такие молитвы не доходят до Аллаха, а теряются в пути... да...

А он тогда глядел на смерть и мучился и маялся и отвлекался и забыл об Аллахе...

Я узнал его... Узнал...

...Айя!.. Но узнал ли?..

Что-то еще мнится чудится мне, когда я гляжу на птичье резкое каменное острое его лицо, наполовину скрытое пастушеской истертою измятою избитою папачкой...

— Старик... Возьми чапан... Снег в Мавераннахре...

— Я дервиш. Суфий... Я прошел Семь Стоянок-Шатров... И скоро встреча с Аллахом. Мне не нужны подаянья... Я не нищий... Я сам все отдал людям — кибитку, сад, жену, коня... И оставил себе только старый чапан, рубаху, чалму и разбитые кауши... Я был нищим... И пошел на базар просить милостыню, ибо Халиф Омар сказал: молитва доводит нас до полдороги к Богу, пост — к дверям Его Дворца, а милостыня вводит нас Туда... И я пришел на базар, чтоб попросить милостыню... Но!.. О Боже!.. Я увидел такую Нищую Землю! такой Нищий Народ! такой Базар Нищих... что тотчас отдал людям свой дряхлый чапан, свою рубаху, чалму, кауши... И стал голым, как при рождении!.. Я все отдал людям... У меня осталось только старое тело... И я стал свободным!.. Ибо сказано в Книге: имущество правоверного — кровь правоверного!.. И уйду к Богу!.. И скоро!.. Да!.. Но!.. Но наш Мавераннахр — Базар Нищих!.. Земля Нищих!.. Народ Нищих!.. Тьфу!.. Тьма!.. Пора мне!.. Пора!..

...И Ходжа Зульфикар уходит от костра и голый босой восковой призрачный идет уже прозрачный хрустальный уже светящийся уже свеча истаявшая идет бредет грядет по морозному молодому снегу к тощему своему ослу Мурру, и туркмен глядит ему вослед и опять глухо далеко колодезно говорит:

— Старик... Возьми чапан... Снег в Мавераннахре...

И тогда!.. Тогда! Айя!..

Ходжа Зульфикар в ночи кричит шипит визжит заливаётся, как свадебная хмельная слепая флейта-най...

— Хромой Тиран!.. Хромой шайтан!.. Хромой Даджал! Хромой Дьявол!.. Я сразу узнал тебя!.. Ты убил мой народ! мою землю! Ты вор чужих сыновей братьев мужей... Ты обобрал обворовал народ мой, а теперь швыряешь мне поганый затхлый свой чапан?.. Твой народ, как я, нищ, бос, гол, и каким чапаном обогреешь укроешь его?.. Шайтан!.. Тьфу!.. Нет у меня уже и слюны, чтобы плюнуть в воронье шакалье лицо твое!.. Тьфу!.. Но я вижу! Скоро! Скоро смерть твоя!.. И на червя находит червь!.. И на шакала находит приходит шакал!.. Азраил-Шакал из тьмы прокричал по-звал... Азраил-Шакал приготовил последний оскал!.. Тебе, Тимур!.. Тебе, Тиран!..

...Айя!..

Да это ж не туркмен!.. Да это ж сам Тимур!.. Сам Джахангир!.. Сам Тиран сидит у нашего бездомного заброшенного безымянного далекого костра...

И тут нога его подбитая хромая болящая зудящая и правая рука неотступная беспалая...

Уран!.. Ягы качты!.. Ачча! Учча!.. Алла-яр Амиру!.. Алла-яр Тирану!.. Да!..

Но...

Амир, откуда ты?.. Амир, а где псы твои с железными косицами? где псы твои охранники кромешники чагатаи лютичи в волчьих малахаях?..

...Один я... И переоделся нарядился превратился в пастуха-туркмена, чтобы не узнали, чтобы не нагнали...

...И узнают... И нагонят... И учуют... И уже где-то скачут скачут скачут рыщут свищут ищут...

...А Ходжа Зульфикар садится на осла Мурра и уходит уходит...

И долго долго в снежной блескучей мгле тьме мгле серебрится белеет тлеет его нагая восковая спина спина спина...

И он уходит в глухое горное ущелье, где не шумит малая ледовая застывшая река, где стоят снежные туранги, где плывут наплывают натекают серебряные снежные туманы туманы туманы...

Но долго долго долго белеет во тьме его спина нагая восковая осиянная живая...

Тогда Амир левой целой темной рукой хватает меня за руку и от него пахнет тянет гиблым сонным дремным перегаром макама.

— Гляди, гляди, Насреддин!.. У него в спине четыре ножа!.. Четыре шампура!.. Видишь?.. Четыре шампура из спины торчат текут сверкают!.. Те!.. Четыре!.. Из спины невиновой!.. Пусть он подольше их из себя не вынимает не выбирает... А то хлынет кровь из овдовевших опустелых ран разъятых... Я знаю... Пусть подольше поживет с шампурами-ножами... Но в глаза! в глаза! так бьют они! так остро больно тычут режут бьют сверкают!.. Глаза они рвут грабят!.. Да!.. И старые мои глаза шампуры вырезают!..

...Амир, ты терзаешься?..

...Но дервиш уходит в ночь и спина его в тумане
серебристом уже смутная уже разваливается разбре-
дается мерцает растворяется теряется теряется теря-
ется...

И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги принимающий
таящий

И дервиш на осле уходит в снежный куст приречный горный
дальный
дальный дальный
И река не шумит а промерзает тихо тихо останавливаясь обмирая
обмирая обмирая

И река не шумит а тихо тихо промерзает обмирает
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги дальной
дальной
дальной

И дервиш на осле уходит в куст туранги серебряный серебряный
серебряный в куст зачарованный в куст венчанный

И дервиш на осле уходит...

Куст...

Туманно... ой туманно... ой туманно...

Куст тихо осыпается пресветлыми тишайшими блаженными
безвинными
кудрявыми снегами осыпается
Куст куст объемлемый объятый серебряными летучими снегами
снегами

охваченный дикорастущими ледовыми святыми хрусталами
хрусталами хрусталами

И дервиш зачарованный уходит в снежный куст зачарованный

Блаже!..

И дервиш на осле в серебряном тумане тая тая тая разбредается

И дервиш на осле в серебряном тумане взлетает

Ангел

...Да... Ангел!.. И дервиш-ангел уходит к Аллаху...

...А нам куда?.. Куда шуту, мудрецу?.. Куда Ти-
муру?

Нас не ждут в садах медоточивых пряных вечных
в садах вешних райских медвяных!.. Да... Не ждут...
Я знаю...

...Но! но мне бы кибитку глиняную мазанку саман-
ную с гнездом ласточки лепным кудрявым... Мне бы
жену живую в платье гиссарском чреватую... А вечных
садов пока не надо... Айя...

...И снова я у костра замираю засыпаю забываюсь...

...Да, Насреддин... Не суждены нам сады райские... Там для нас иные врата готовятся открываются... Врата огнем объятые... Ни прокрасться! Ни проползти! Ни пробиться! Ни пробраться тайно чрез Врата Адовы!..

Там Азраил с четырьмя шампурами-ножами сходит с Кутаса Зверояка косматого и немо улыбается... И горят шипят Врата, как угли того мангала, и рассыпаются и распадаются и четыре шампура-ножа раскаляются и ожидают ожидают ожидают!..

Уран!..

Но!..

Аллах!.. Ты знаешь!.. Ведь я был Сахиб-уль-Кырам!.. Повелитель Плеяд!.. Ведь я родился под звездой Джидда!.. Ведь отей мой амир Тарагай, нойон Тарагай дал мне имя из 17-й суры: ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть земле поглотить вас?.. Она уже колеблется?.. Тамурру!.. Колеблется!.. Тамурру!..

...Тимурр!..

...И я пришел, чтобы поколебать народы земли, чтобы напомнить им о Тебе, Аллах мой, ибо обращаются к Тебе во дни Войны!..

Тамурру!.. Колеблется!..

Тимурр!.. Уран!.. Тимур!.. Война!..

Ибо обращаются к Тебе во Дни горящих Градов, а такие творил я!.. Да!..

Ибо Тобой суждено мне творить на земле человеков праведных! человеков Белого Знамени Ливы!.. Но боле возлюбил я Знамя Черного Орла! Знамя Войны! Знамя Окаб!.. И под ним жизнь моя, Господь мой!..

Тамурру!.. Колеблется земля!.. Тимурр!.. Война!..

...Аллах!.. Твой шейх Шамс-да-дин Кулар сказал матери моей Текине-хатун во дни молодости моей: женщина! Твой сын будет владыкой всего мира! Триста семьдесят потомков будут могущественны, семьдесят потомков будут правителями!..

И я увидел во сне многих коров. Они пришли ко мне вечерние луговые напоенные... И я доил их!.. Я брал руками щедрые избыточные покорные сосцы их!.. Я доил их в бесконечные мягкие кожаные ведра-кони!.. Я видел, как проливалось переходило клу-

билось молоко чрез эти ведра... Я видел, как теснились эти пресыщенные обильные ведра на благовонном вешнем лугу лугу лугу... Я видел, как шли шли шли ко мне напоенные коровы неся бесконечные покорные исходящие дымные сосцы свои!..

Аллах! Ты знаешь!.. Это шли ко мне народы!.. Да!..

А теперь я один у последнего исхода! перехода! брода!.. А перед исходом человека тянет к истоку... к гнезду забытому к люльке-колыбели-гахваре... к кибитке... к дому...

Насреддин, есть ли он, дом наш? Кишлак наш?.. Ходжа-Ильгар, гнездо родимое исконное далекое?.. Иль ты по ветру разнеслось разлетелось рассохлось размокло?..

...Тимур... Не знаю... Придет утро — тогда увидим... А сейчас ночь... А сейчас сон... Я сонный сонный сонный...

И...

Снег сонный... Костер сонный... Ночь сонная... Река сонная сонная... Туманы серебряные речные знобкие зыбкие наплывают сонные...

Утро не скоро не скоро не скоро...

...Я сплю... А он мучится у костра... А он мучится бессонницей... А я слышу его шепот...

...Конь!.. Конь мой ахалтекинский чуткий обнюхивает меня... тычется хищно в меня... И дрожит дергается тревожится рябит его шелковая кожа, точно под ней бегают мыши!.. Да!.. А когда конь обнюхивает воина — это к смерти!.. знаешь, Насреддин?..

И моя кожа тоже дергается, дрожит, точно под ней уже ползают уже готовятся уже охотятся загробные черви... Насреддин, скоро смерть моя... Чует конь... Чую я... Скоро!.. Конь дрожит — дрожу я...

— Я сплю... Владыка... Я сонный сонный сонный... И у меня никогда не было коня...

— Уже птицы не летят, а стоят в небе!.. Уже кони не бегут, а стоят и тлеют!.. Уже ветры не веют... Уже в плодах выются черви спелые победные... Уже жены мои не ждут не жаждут не алчут в ночах, жены телами золотые, а теперь телами медные!.. Уже уже сыны за-

таились как вороны, чтоб расхитить расхватать необъятную непомерную тушу Державы тушу Империи!..

Но!..

Будь проклята Держава-Усыпальница!.. да живет длиться вечно семя! Джахангира семя!.. Тирана семя!..

...Костер горит... Я сплю... сплю... сплю...

А тиран мычит, лопочет, лепечет...

...Аллах! Перед близкой смертью!.. Аллах!.. Не дай истаять семенам моим! семенам Джахангира! Не дай сойти исчезнуть моим потомкам затеряться в народах набегающих несметно!..

Аллах! Не дай семенам моим пылеть, как пылят азиатские неверные покорные дороги мои под конницами моими!..

Аллах! Да не истребится да не сгинет Семя Джахангира! и в народах Дыни и Тыквы!.. Дай!..

Аллах! Ты сказал: мы создали человека по самому прекрасному образцу! А затем Мы низвергнем его до самой низшей Ступени Лестницы!..

Аллах! Ты низвергал — и я падал!.. И я падал по ступеням!.. По Ступеням!..

Аллах! Есть вечная война Раба и Господина!.. Есть вечная война Дехканина и Бая!.. Есть вечная война Феллаха с Фараоном!.. Есть вечная война Народа и Народа!.. Есть Тиран и есть Раб!.. И это все Ступени...

Аллах! Ты ль допустишь, чтоб семена Владык истаяли в Народах, как хлебные золотые караваны в монгольских степях среди слепых кочевников Ясы?..

Но!.. Но я Ступени охранял и соблюдал!.. И падал! падал падал! падал!.. И как глубока Твоя пропасть, Аллах!.. И я падал!.. До дна!.. И за дно падал!.. И восходил. А теперь ухожу умираю...

Но дай семенам моим властвовать!.. Уран!.. Эй, Насреддин, суслик саранча кузнечик муравей, спишь?.. И где твои сыновья, внуки, жены, семена раба проклятые бескрайние?..

...Айя!.. Нет у меня никого...

А костер горит, а река шумит, а ночь идет, а я сплю, а мне снится мнится чудится кибитка глиняная и ле-

тает и стоит и чудит и ворожит и трепещет ищет над ней над крышей плоской саманной травяной лазоревая веселая вешняя ласточка... Летает лазоревая ласточка...

Аллах, дай семенам тирана?.. И зло пускает тысячи корней, и сорняки ветвятся коренятся удушают?.. И поля сорняков по земле моей тянутся... Но дай летать лазоревой ласточке...

...Но! Есть у меня лазоревая ласточка, а у тебя, Амир, Держава необъятная...

И летят над нею тополиные тучные вездесущие Семена Тирана!.. Айя!..

— Насреддин!.. А помнишь, как мы мальчишки плыли обнявшись сойдясь дрожа в Сиеме февральской ледяной и весь кишлак на нас глядеть сбегался собирался на берегах талых ледяных дальних?.. Помнишь— и Кутлук сестра моя на берегу живом живая тогда тогда тогда стояла?.. Помнишь? помнишь найденыш оборванец сирота?.. Помнишь мальчик?.. И чего? тогда? в стогу? тебя? ножом? я не ударил?.. не убавил? не исправил?.. Айя!..

Но я сплю, но костер горит, но снега ночные сияют, но туманы облака серебристо натекают наплывают набегают уморяют умиротворяют...

Тимур... речной дальний мальчик...

Вспоминаю... засыпаю...

— А помнишь голодную голую весну? А мать мою Текину-хатун, мать, матерь?.. И как она тайком от мужа нойона Тарагая ставила на дувал косу-пиалу с золотым шафрановым айвовым пловом, который быстро застывал от бараньего жира, и она звала тебя: Насреддин! Иди. Сирота... Мальчик... Сынок... Ешь быстрей плов, пока он не остыл... Ешь сынок... Не обожгись!..

...Айя!.. Тимур!.. Тогда тогда! тогда я просыпаюсь...

Ночь еще... Еще снега крошечные лютые державные снега сияют...

— Помню, Тимур!.. Помню плов!.. И до сих пор горит мой благодарный обожженный язык и пальцы...

Текина-хатун!.. Дальняя святая!.. До сих пор тот плов шафрановый язык мой обжигает радостно... И горят благодарно мои пальцы!.. И за столько лет не смог застыть тот плов бараний шафрановый...

— Теперь ты проснулся... Тогда раздевайся... Пойдем в Сиему... Как тогда... Купаться...

И он снимает с себя монгольские узкие неслышные сапоги и сасанидскую рубаху снежную обильную и сальную папаху...

И он к реке ковыляет... Хромает. Горбится. Тащится...

Я гляжу на спину его — и вся спина его в шрамах в ямах в язвах от стрел и вся спина его мается кривится кривляется... Спина немая страждет...

— Тимур, не утони... Тогда ты был другим... Спина была другой... Нога была другой...

— Но река та... Насреддин, река меня узнает... Не возьмет до срока... А лишь очистит, омоет... А лишь обласкает опасливо, как собака... Тут на земле все лишь мои покорные собаки! Да... И река — собака покорная...

И он входит в ледовые снежные волны... И плывет... И река — собака покорная?.. Покорная?.. И Тимур плывет в волнах, студёных студёных походных покорных... Покорных?..

Хромец печально одиноко вольно плывет грядет в родных ледовых волнах волнах волнах... Айя!..

Но!..

Тогда я понимаю! чую! вижу... Тогда я бегу по сыпучему сухому снегу, сдирая с себя хирку, кауши, колпак-серпуш...

Айя!.. Опять в воду! Не хочется...

А он тонет. Я вижу... Голова его печально к волне клонится... Обреченно... Он тонет. А не зовет на помощь...

Река — собака покорная?.. Тут, на земле, все — лишь мои собаки покорные?..

Но... Его свело стянуло насмерть полоснуло судорожной ледяной волною...

Он тонет... Не кричит. Не зовет на помощь. Только узкие его барласские глухие губы шепчут что-то над ледовой волной... Но вот они в ледовую волну уходят уходят уходят...

Властитель Мира!.. Джахангир!.. Меч Ислама!.. Владыка!.. Тиран!.. Главный палач!.. Тимур... Хромец Железный!.. Сахиб-уль-Кырам!.. Повелитель Планет... И все это тонет... Пусть!.. Тонет!..

Губы узкие барласские глухие навек уходят в ледовую воду воду воду... Задыхаются... Захлебываются...

Но хромой тонет... Но старик тонет... но калека тонет... но тот дальний мальчишка из реки тонет... Захлебывается...

...Я давно плыву теку бегу в реке ледовой ночной бредовой... Я настигаю я хватаю старика хромого за утонувшую покорную голову за узкие губы невеселые... за редкую кустистую бороду монгольскую... за долгий жесткий каменный ледовый зауспокойный уже обреченный подбородок... Я плыву с ним к берегу и чую чую телом плывущим чужую его пустую ледяную ногу ногу голую покорную...

Айя!.. Аллах, прости... Народ, прости... Я спасаю не тирана, я спасаю старика... Хромого... Того мальчишку в дальних волнах волнах волнах...

Тогда он шепчет мне яро яро яро хищно злобно волчьими губами ледовыми снежными бредовыми походными военными охотничьими:

— Зачем ты спас меня? Зачем?.. Убью! убью тебя! Убью реку непокорную... Уран!.. Я хотел! хочу! хочу! хочу! навек остаться в тех тех тех ледовых дальних дальних волнах волнах волнах...

— Насреддин, ты спас тирана, против которого всю жизнь боролся?..

— Я спас старика... Хромого... Я спас тонущего...

— Зачем ты спас меня?.. Зачем вынул из реки-колыбели-гроба?.. Я стар. Я спать хочу... Я хочу уснуть в волнах родных глубоких ледовых...

— Я не хотел, чтоб плакали осиротевшие народы! — И тут Насреддин улыбается.— И реки, ливни жгучих честных слез залили б мою родину... О слезы народные!.. О безысходные!..

— Раб. Ты смеешься?..

— Тиран, я мерзну... Холодно...

— Раб, ты не дал мне умереть свободно?..

— Тиран! В стране рабов — и Смерть — невольница!..

...Айя!.. да... В стране рабов — и Смерть — невольница...

И мы стоим — два старика — в реке родимой ледяной и мы стоим течем бредем в волнах ледовых лестных ласковых...

Но холодно мне... Но тошно...

— Гляди, Тимур!.. Река прозрачная, как глаза гиссарского каракулевого агнца... И камни донные ее и валуны прибрежные прозрачны и душу очищают!.. Айя!..

— Нет, Насреддин!.. Река темна!.. Она — река ледяной крови! И в ней мне вечно суждено бродить стоять купаться маяться смиряться!.. И на дне ее не камни донные, а мои крошечные аргамачники-чагатаи-нукеры давно убитые а не забытые а скачущие скачущие под знаменами зелеными тяжелыми моей Арбы Державы Колесницы убивающей!.. Они скачут и на дне, мои хмельные чагатаи в волчьих лисьих малахаях и острых стальных шлемах с рыжими плетеными косицами!.. С дамасскими гератскими мечами, две головы сразу с ходу ссекающими убирающими!.. Уч!.. Уран!.. Убитые мои все скачут скачут скачут!.. По дну скачут! Ягы качты!.. Раб!.. Насреддин!.. Зачем ты не дал мне их и там — на дне! — возглавить?.. Уйя!.. Учча!..

Но мы выходим из реки на берег далекий снежный непуганый невинный не измятый копытами сапогами каушами...

И тут мне холодно... И тут мне тошно... И тут я иду по снегу и сплю... Иду и сплю... И хочу домой...

И над глиняной кибиткой солнечной лазоревая ласточка все вьется вьется вьется...

Но!..

Тут снега сияют. Тут ночь долгая долгая долгая... Сонная...

Ну что за ночь?.. Такая долгая сонная морозная...
Когда кончится?..

...Ночь ждущего ножа покорного дехканина...

...Ночь убитого Турсун-Мамада...

...Ночь утонувшего безносого палача-ката...

...Ночь дервиша Ходжи Зульфикара, ставшего божьим летучим Ангелом...

...Ночь!.. Ой, ночь спасенного Тирана... И все она тянется... И что? что? что? еще таит хранит готовит обещает?..

Ночь... Снег... Держава Тирана... Ночь — держава адова...

— Насреддин, пойдем в родной кишлак... в Ходжа-Ильгар... Одни мы здесь замерзнем заледенеем... Пойдем на родину... Ха-ха!.. Там нас обогреют примут пожалеют... Как в детстве...

...Ночь... Тьма... Но мы идем босые по снегу...

И деревянный висячий узкий мост опять встает опять мерцает в ночи снежной... И ледовый хрупкий ломкий мост опять под нами ходит зыблется трепещет...

И тогда Тимур останавливается...

— Насреддин, помоги... Нога неверная... Мост ледяной скользкий неверный... Река — собака непокорная неверная собака пенная шальная сумасшедшая бешеная...

...Тогда я взваливаю возношу поднимаю на спину калеку... И тащу несущего его тащущего по мосту ледовому согбенно...

Айя!..

...В первый раз я бежал по мосту с Кутлук созрелою на гибкой вольной спелой шее... И не успел... И далече...

...Во второй раз я брел по мосту с палачом на ветхой шее... И уронил упустил в реку... И далече...

...В третий раз я тащусь с Тираном на спине... И что делать? И болят плечи...

А он прижимается тяжкий сонный ледовый ко мне а он размок размяк разбух в реке и шепчет сверху и лепечет...

...Насреддин!.. Раб!.. Друг далекий на реке весенней... Друг!.. Я хочу умереть ранним утром... Когда поют утренние свежие птицы... Когда утренние птицы сбивают

сметают младенческий февральский первоцвет с холодных миндальных деревьев, когда плывут по горным потокам розовые лепестки потревоженные... Розовые лепестки в белопенных вешних родниках ручьях!.. да!.. Я любил пить эти родники ручьи с лепестками, как тугайный олень-хангул пьет долгими бесшумными текучими губами... И сейчас февраль в моей Державе! В моем Мавераннахре!.. Сейчас плывут первые миндальные рощи рощи рощи в моем моем родном кишлаке Ходжа-Ильгаре... Я хочу умереть в родном Ходжа-Ильгаре... Учч!.. Учча!.. Хочу!.. И там ждет под деревом миндальным дымный дымный дымный Азраил-Ангел с четырьмя горящими палящими шампурами-ножами!..

— Тимур, ты пришел умереть, потому что ты жил... Потому что ты убивал... Потому что ты властвовал... Тимур — я пришел жить, потому что я умирал... Потому что спасал... Потому что умирал за других... Тимур, Мост кончился. Слезай. Вот он... Наш Ходжа-Ильгар... Кишлак-колыбель-люлька-гахвара... Эй, кибитка с гнездом ласточки лазоревой!.. Где ты?.. Где ты, кишлак? родина? колыбель — гяхвара деревянная?.. Я вернулся, родина...

...И тут мудрость моя! И тут брег! И тут заводы! И тут лазоревая ласточка!..

Эй!.. Я вернулся!.. Навек! Навсегда! Я больше никуда никогда не уйду!.. Тут моя колыбель, тут люлька-гахвара! И тут будет саван!.. И в люльке будет гроб! И в люльке колыбели будет саван!..

Эй, где ты, родной кишлак?.. И что не лают твои талые весенние зеленые миндальные ранние рьяные собаки?..

КИШЛАК

...Айя!.. Ачч!.. Уран!..

Но!..

Где ты, родной кишлак?.. И что не лают твои талые морозные зеленые собаки-волкодавы?.. Что не лают псы твои сторожевые, ночная волчья родина моя?.. Что не

лают не истекают злобною слюною пенные гонные охотничьи псы твои военная зоркая охотничья Держава моя?.. А?..

— Тимур! Тиран, у тебя нет родины... У тебя есть Мавераннахр, власть. У меня есть родина... Мой кишлак Ходжа-Ильгар малый...

— Насреддин, но он и мой — Ходжа-Ильгар... И я пришел сюда не как Джахангир, Тиран, а пришел как замерзший заблудший увечный недужный старец...

...Но где кишлак?..

Ночь... Снег... Сон... Собаки не лают...

И мы в снегу во тьме в ночи блуждаем ищем кричим взываем... Где кишлак?... Где люди?... Где кибитки-мазанки?... Айя!..

...Но в ночи в ночи одни деревья тяжкие дремучие дремные темные глухие деревья вырастают... Дремучие груши... Дремучие гранаты... Дремучие чинары...

...И мы блуждаем и кричим молим зовем: эй, кишлак!.. Эй, люди!.. Эй, кибитки!.. Отзовитесь!.. Эй!.. Хотя б собаки темные звериные залаяли оскалились ощерились сбежались!..

Нет!.. Никого!.. Нет Ходжа-Ильгара!.. Одни деревья темные одичалые серые мшистые глухие беспробудные безродные беспутные вырастают подступают окружают угрожают удушают... Нет кибиток... Одни сады одичалые...

Айя!..

— Эй, кто там?... Человек?..

Нет!.. Ствол глухой древесный тяжкий тянется... Айя!..

...И тут мы натываемся набредаем наступаем на развалины на рухлые кибитки... на дувалы рыхлые трухлявые лежащие...

И в арыках одичалых замерзших стоят одичалые снежные чинары необъятные...

Айя!.. Да что это?... Да куда я ехал?... Да куда бежал?... Все ушло, упало, замерзло, одичало!.. И нет кишлака! и нет люльки! и нет гнезда! и нет прошлого!.. А есть сады сирые разросшиеся неоглядно одичалые одичалые одичалые... И есть деревья забвения удушающие...

И мы в саду диком неоглядном снежном ледяном немом ночном блуждаем теряемся смиряемся...

...Айя!.. да я ж бежал стремился к людям а пришел к деревьям одичалым!.. Да я же шел к живым а пришел к мертвым...

И тут я падаю... поскальзываюсь кончаюсь что ли?.. засыпаю?.. ухожу увядаю заживо?.. замертво?.. Падаю у какого-то карагача китайского ночного снежного глухого необъятного в ночь в небо неоглядно уходящего...

...И тут Тимур, Тиран, Владыка мира... и тут мальчишка дальний речной... И тут хромой беспалый калека... И тут приходит его срок, его очередь... И тут он поднимает меня со снега и тащит тащит тащит... И ему тяжело... тяжко... Но он шепчет снежными барласскими студеными губами...

— Уран!.. Да!.. Насреддин!.. И ты старый!.. И ты падаешь!.. И тебя ждет Азраил-Ангел с четырьмя горящими шампурами ножами!.. Давай! Вместе! Уйдем!.. Возьмем в себя по два ножа-шампура на каждого!..

И он тащит меня по саду одичалому неоглядному... Спасает... Утешает...

Айя!.. Куда мы?.. Куда я?..

...И я пришел в прошлое — а там только деревья забвенные одичалые разрушающие...

И прошлое — лишь одни деревья одичалые?..

...Гляди — ты стремился ты пришел... ты вернулся в прошлое, а там только развалины, а там только деревья одичалые... да!..

И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый врачующий?.. Где заводь сокровенная тайная тихая ее?.. Где моя кибитка-мазанка?.. Где? где? где лазоревая ласточка?..

...Стоят в ночи студеной непроходимо тесно душно тошно стоят одни снежные деревья одичалые...

И я вернулся к развалинам... И я ушел из кишлака а вернулся на мазар на кладбище... а вернулся живой на кладбище...

...И Тимур на спине меня тащит тащит тащит мается кончается качается шатается... И не может выйти вырваться выбраться из деревьев одичалых удушающих смыкающихся... И блуждает...

— Насреддин — гляди!.. Что время сделало с родным Ходжа-Ильгаром!.. Айя!..

— Тимур. Это не время сделало. Это ты сделал. Ты — творитель довременных развалин... кладбищ... мазаров... Айя!..

Но он не отвечает...

...А ночь тянется... А снега живыми перламутрами сияют...

А я вернулся в прошлое верхом на Тиране, а прошлого нет, а стоят одни студёные деревья одичалые...

А прошлое — это кладбище?.. А родной кишлак — это кладбище? А родина моя — это кладбище, а я живой — а вокруг кладбище?..

Айя!.. Зачем, о Боже?..

...О Боже!.. Хорони усопших, а зачем живых хоронишь?.. Зачем деревья погребальные заупокойные морозные над головой живой моей возносишь возводишь?..

Зачем, о Боже?.. Боже!..

...И тут!.. Айя!.. Я знал! Я чувял! Я бежал не зря! Ушел не зря домой я!..

И тут чей-то голос в ночи как ручей как родник как арык живой в снегах ледовых вьется льется вешний упоенный вольный!.. Среди деревьев одичалых! среди развалин! среди дувалов палых среди кладбища мазара ледяного голос льется...

Голос!..

...И словно из ночи к нам белое снежное нежное пухлое пуховое лебяжье облако подходит... И словно пахнуло дохнуло на нас летучим тихим свежим пресветлым кротким облаком...

...И не забывай о странниках-дервишах, ибо под видом странников могут прийти ангелы Божьи...

— Путники, выпейте чургота...

— Кто ты?.. Кто ты, пресветлое тихое ночное кочующее облако?..

И она стоит вся в белом млечном снежном перламутровом траурном жемчужном чекмене турткульском и в руках у нее пиала-коса с кислым молоком — чурготом...

...Кто ты Облако?.. Кого ждешь в ночи? Кого ждешь среди развалин? Среди кладбищ?.. Среди деревьев одичалых?.. Кого ждешь живая?.. Для кого белеешь тлеешь зреешь дышишь среди кладбища-мазара?..

...Я Ханифа-Тюльпан... Вечная невеста... Вечная Дева-Вдова... да... Первый жених Хасан Мамад ушел на войну — конь пустой вернулся... Второй жених Рахматбек ушел на войну — птица вернулась, перо черное злое обронила — я подняла... Поняла... Третий жених Зафарбай ушел на войну — никто не вернулся... Но я стою... Жду... Он любил кислое молоко — чургот... И я стою... Жду... Он любил чургот... Может, придет?..

Тогда я шепчу Тимуру на ухо, тогда я кусаю его ухо холодное чуткое короткое нагое, как у пастушьих чутких обрезанных волчьих псов...

— Тимур... Джахангир... Сахиб-уль-Кырам! Повелитель планет!.. Тиран!.. Чего стоишь?.. Чего молчишь?.. Тимур, вор, верни ей женихов... Мавераннахр, верни ей женихов!.. Айя! Ай! Хотя бы одного...

И он молчит. И по уху кровь течет...

Тьфу!.. Что за малая месть?.. Что за малый расчет?..

И я слезаю с его спины...

...И остались чистыми нетронутыми девичьи занданийские лебединые одеяла и простыни мои... Я дева-вдова... Я Ханифа-Тюльпан... И ушли навек женихи мои... И не на простынях моих, а в земле лежат женихи мои...

...Ханифа-ханум, Ханифа-Тюльпан, мы путники... Идем на хамаданскую священную дорогу... Идем в Мекку!... К Богу... И вот заблудились затерялись в ночи студеной земной...

...Но под видом странников могут прийти ангелы божьи... Пойдемте в кибитку мою... Отогреетесь... Зеленого чая напьетесь... И чургота... И шафранового айвового плова. Плова... Плова...

— Тимур!.. Того... Шафранового золотого айвового плова... Тимур... ты вздрогнул?..

— Насреддин!.. Того золотого шафранового не остывшего доселе плова Текины-хатун матери моей... Ты помнишь?.. Ты вздрогнул?.. Ты изошел древней ветхой сладкой забытою сиротской той! той! той! слюною голодной?.. Вспомнил?..

— Амир. Всегда помню...

...Сирота!.. Найденыш!.. Пыль!.. А я иное помню!..

Тогда... Тогда мы были молодыми... Айя!.. Уран!.. Учча! Ачча! Уф! Уф!.. Как близко!.. Как далеко... Помню!..

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы съедали по барану и ложились в ивовые прохладные тихие хаузы — и вода становилась жирной и терпкой и густой от крутых источающих тел наших!.. да!..

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы проглатывали плоды дерев с кожурой и косточками!.. Зеленые незрелые налитые плоды в зеленых садах Ходжа-Ильгара!.. (А теперь стоят снежные деревья одичалые!)

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы в нетерпенье прокусывали женам напоенные соски грудией чрез тонкие сквозящие маргеланские ферганские бухарские одежды!.. да!..

Да!.. Насреддин! Зеленые плоды сладки хмельны остры в зеленых дальних садах Ходжа-Ильгара... в шелках разорванных разворованных распахнутых разъятых!..

— Амир!.. Ты всегда был вором чужих сосков... чужих плодов... чужих баранов... Ты был вором, а стал Тираном...

...Аллах!.. Когда мы были молодыми, мы только пили из жирных хаузов...

Мы только играли в бараньи кости — альчики...

Мы только слюну напрасную в чужих садах глотали проливали...

Мы только знали чужие следили, как соски чужие сливовые в шелках тугих прозрачных недоступных наливались наливались наполнялись... Взывали!.. да!..

Но мы не были ворами!.. Аллах — мы не были ворами!.. Тимур — мы не были ворами!.. да!.. И женихов чужих не воровали!..

...И потому я гляжу на Ханифу-Тюльпан открытыми глазами... А ты, Амир, глаза охотничьи орлиные степные за два фарсаха видящие закрываешь убираешь уморяешь...

Но... Ночь студеная стоит и над Вором и над Праведником...

...Ибо под видом странников могут прийти Божьи Ангелы... Пойдемте в мою кибитку...

...Ханифа-Тюльпан в ночи лепечет и влечет зовет манит нас и мы идем в деревьях дремных тьмовых беспробудных дремотных сонных сонных сонных снегом тяжким убеленных угнетенных...

И Ханифа-Тюльпан течет впереди маячит мерцает как жемчужное пресветлое облако и мы идем покорные за облаком за живым теплым кочевым лепетным Облаком...

И входим в низкую слепую темную косую кривую, как нога Амира, кибитку нищую сонную... И входим в кибитку темную...

...Чу!.. Эй!.. Кто стоит недвижно посреди кибитки нищей низкой тьмовой невеселой?.. Кто стоит?.. И молчит?.. И не подходит?.. и не шевельнется?..

— Эй, кто ты?.. Хозяин!.. Мы гости...

— Это белый тополь... Он пророс восстал из глиняного пола и ушел через крышу в небо... к Богу... Это белый пирамидальный тополь-арар... Он похож на моего последнего жениха Зафар-бая... Он пришел навсегда... И не уйдет никогда... Жемчужный белый тополь — арар... И я обнимаю его по ночам... Как жениха... Я Ханифа-Тюльпан, а он Тополь-Арар... Тополь и тюльпан... И я обнимаю его по ночам...

Айя!..

Ай Ханифа-Тюльпан! Ай Ханифа-ханум! ай Вечная Вдова-Невеста-Дева!.. Ты заждалась? состарилась? поникла? отцвела? ай родина убитая вдова невеста дева жена неутоленная моя моя моя!..

...И тут Ханифа-Тюльпан зажигает бухарский светильник... И светло...

И мы садимся на долгие курпачи-одеяла и опускаем

ледяные ноги в земляную печь — сандали!.. Тепло!..
И мы сидим... Оцепенело...

И тут!..

Ай нет!.. нет!..

Ты не состарилась ты не поникла ты не отцвела
Ханифа-Тюльпан Ханифа-ханум...

И ты снимаешь с себя траурный жемчужный чек-
мень и стоишь в малиновом согдийском парчовом
платье... да!..

И ты снимаешь с головы узкой птичьей голубиной
кашмирский фазаний обширный льющийся платок и...

И собранные связанные в тесный узел падают до пят
до глиняного пола низвергаются водопадные смоляные
тучные дремучие текучие падучие власы власа власа
власа...

И глядят девичьи неизмятые невинные неизведанные
глаза глаза глаза.

...Айя!.. Откуда?.. Через сотни пыльных тленных
лет?.. Откуда глядят лазоревые согдийские дальние до-
арабские глаза глаза глаза?.. Самаркандских голубых
лазоревых лазурных бирюзовых куполов изразцов глаза
глаза?.. Глядят живые изразцы, глядят живые дымча-
тые текучие глаза купола?..

Согдиана! Согдиана! ты в пыли! в земле! во тьме! во
прахе! в тлене! а глядят глядят через века твои твои
живые лазурные бирюзовые переливчатые дымчатые
глаза?.. Согдиана ты истлела!.. Уж и червь загробный
забыл оставил тебя... А глядят твои живые полноводные
небесные глаза... Согдиана — ты ушла, а глядят твои
бирюзовые живые глаза...

☪

...Согдиана Согдиана...

И там есть кишлак горный дальний

И там кибитки глиняные низкие мазанки саманные

И там выше кибиток стоят шелковые вольные травы медовые
медвяные

И в травах резвятся растут бегут зреют девы девочки ранние

И их головки маковые смоляные хмельные едва выступают

ликуют над
травами

И у них глаза согдийские лазоревые дымчатые переливчатые
давние
давние

И каждую можно купить за десять дряхлых динаров
И догнать настичь опрокинуть в травах
О Согдиана Согдиана
Согдианааанаанааа...

...Айя!.. Тимур! Джахангир! Тиран!.. Империи умирают — остаются живые глаза!..

Ханифа-ханум! Ханифа-Тюльпан!.. Ханифа-глаза!..
Да!!!

Таджичка... Ханифа-Тюльпан... Ты рядом... Здесь...

...И здесь мудрость моя. И здесь заводь тихая сокровенная тайная далекая моя... И здесь вьется льется ласточка лазоревая моя... да!..

Тогда...

Тогда Амир Тимур из нагретых сонных курпачей-одеял глядит на нее остро хищно горько... Он мучится... Он хочет хочет хочет что-то вспомнить... Но далеко все далеко все туманно зыбко все далеко все далеко...
Боже!

...Таджичка... Ханифа-Тюльпан... Была?.. Жена?..
И умерла? ушла? убита сонною моей ночной слепой глухой большой ползучею змеиною падучею рукою?..

Сонно!.. Далеко!.. Далёко!.. И средь жен ее не помню...

Жены жены... Жены...

И я брожу средь прошлых жен как средь деревьев одичалых сонных дремных беспробудных давних сонных сонных...

Жены!..

ТАДЖИЧКА

Жены!..

Аллах, Ты знаешь я был умерен с женами...

Не я умертвил жену свою Улджай-Туркан-ага — сестру кровного врага моего Амира Хусейна...

Где теперь кости его о Аллах? но близка наша встреча...

...Улджай, ты помнишь, как я отдал тяжкие серьги твои брату твоему в выкуп за захваченных им в плен друзей моих амиров Джаку, Давлатшаха, Ильчи-бахадура... И твой брат принял серьги, хотя узнал их...

Улджай, ты помнишь, как мы клялись в дружбе и любви с братом твоим на древнем мазаре Али-ата, осыпанном золотыми жгучими роящимися осами... Как мы клялись на Коране и мече... Как мы клялись — и ни одна оса не посмела ужалить нас... Но твой брат изменил той клятве, но твой брат ужалил меня... И тот меч покрылся порос мухами зловонными могильными...

Не я умертвил тебя жена моя Улджай-Туркан-ага... Не я боюсь встречи с тобой в садах иных... Да!.. Уран!..

...Жены... Но где Таджичка?.. Та?.. Была ль?.. Ушла?.. Убита?.. Иль жива?..

...Но! Но я родился с младенческими кулачками из которых кровь текла как сок из маленьких зрелых ходжа-ильгарских гранат!..

...Да! Уран!..

...Не я боюсь встречи с тобой возлюбленная жена моя Сарай-Мульк-ханум, ханская дочь, старшая жена моя... Но ты придешь вслед за мной в сады иные...

О Аллах многие ждут нас там и уже немногие придут за нами...

...Ты придешь за мной возлюбленная гладкокожая льстивотелая младшая жена моя Тукель-ханум, дочь монгольского хана Хизр-Ходжи!..

Для тебя возвел я многоплодовый птичий фазаний сад Дилькуш с павлинами бродящими в зарослях персидских сиреней и желтыми айвовыми абрикосовыми тугайными оленями, пьющими из росистых озер хаузов родников...

...Ты придешь за мной возлюбленная жена моя Туман-ага! мой сквозящий стебель! моя хрупкая камышинка моя курчавая свирель поющая в утренних миндальных рощах! Я срезал тебя и взял тебя я сделал тебя женой своей, когда тебе было двенадцать лет!..

...Жены... Но где Таджичка?.. Та?.. Была ль?.. Ушла?.. Убита?.. Иль жива?.. А?..

...Не я боюсь встречи с тобой задушенная мной возлюбленная жена моя Чолпан-Мульк! дочь монгола Хаджи-бека!.. Не я боюсь встречи с тобой там...

Не я ль брал тебя в походы мои? не я ль оберегал тебя в ночных ледяных кибитках? не я ль кутал тебя в одеяла китайские кашмирские персидские?..

Но ты была монголка! ты жила по Ясе Чингис-хана! ты являла лицо свое воинам и сподвижникам моим у походных быстрых костров у кочевых дастарханов-за-столий...

Айя!.. Ты подносила кумыс в торсуках не только мужу своему!.. И у тебя были косы смоляные до пят как у этой Ханифы-Тюльпан (и потому? и потому я вспомнил тебя). И я любил твои косы длинные как конницы чагатайские барласские мои... Я любил твои косы вымытые в кислом молоке — чурготе и оттого сияющие как смоляные шелковые атласные ахалтекинские жеребцы...

И я любил тебя, когда лежал с тобой в хорасанских тучных одеялах и держал тебя за косы, как гладкую кобылицу за поводья!..

И ты была моя кобылица! моя любимая ночная кобылица...

Но ты нарушила клятву Пророка о женах... Но ты подносила кумыс в торсуках не только мужу своему... И я задушил тебя косами твоими... И я связал ими тесно горло твое...

...Да!.. Жены!.. Но Таджичка... Таджичка... Таджичка... И нет тебя среди жен... И далёко... И я брожу среди прошлых жен, как среди деревьев одичалых сонных сонных...

Сон!..

И где? где? где?.. Ай!.. Вот она!.. Вот оно!.. Вот оно!.. Таджичка!.. Дальняя!.. Зыбкая!.. Моя!.. На миг! Навек! Возлюбленная!.. Полевая! Простая!.. Дехканка!.. Дитя!.. Стой!.. Стой!.. Стой!..

Постой!.. в мозгу сонном старом зыбком как среди поля зимнего нагого хладного пустынного постой... немного постой... Да!..

Таджичка, ты стоишь, а я вспоминаю...

Тридцать лет назад в блаженный Год Собаки я стал Амиром Карши и Шахрисябза!..

И я ехал по кешской дороге с моими хмельными конниками чагатаями друзьями Джаку, Ильчи-бахадуром и Давлатшахом...

И там (там! там! там!) у самого Ходжа-Ильгара было плескалось колебалось стояло медвяное тяжкое

поле пьяных бражных маков опийных афганских тяжких бредовых текунов маков...

И была осень... И был Месяц Мака...

И поле уже текло источало истекало дремным соком-кукнаром капало...

И там по горло в маках шла Таджичка шло Дитя Согдианка с бусами стеклянными...

И поле истекало... И чадило... Млело... Тлело... Спело... И дурманило...

И я сошел с коня макового сонного туманного... И вошел в маки и стал свой долгий пояс развязывать... И потом сорвал с Таджички стеклянные бусы...

И она стояла и у нее голова была гладкая ладная как головка пьяного мака... И голова моя была хмельная тяжелая дурманная...

И поле текло бредовыми дымными маками...

И мы легли в поле и мяли маки... И текли соки сонные дремные медовые соки кукнара... И мы встали...

И тут я увидел что глаза у нее лазоревые дымчатые переливчатые бирюзовые... И они текли проливались переливались... Страдали...

И я сказал: кто ты?..

И она сказала: я Ханифа-Мак... Таджичка... У меня бирюзовые глаза Согдианы...

...Тогда я пошел к коню... К коню Амира-Гурагана...

А она осталась в поле... Она дехканка...

...И текли в поле помятые текуны — маки...

Но! Но! Господь, прости!..

Но семя Джахангира!.. Семя Гурагана!.. Семя Тирана в поле пало!.. С коня царского в лоно дехканки!.. Айя!.. *

Прости Аллах!.. Прости за поле пьяных бражных слепых святых сонных дымных маков маков маков!..

Прости мне Аллах Таджичку Дехканку... Ведь у нее глаза лазоревые Согдианы...

И я повелел, чтоб Мавзолей надгробный мой был с Глазом-Куполом лазоревым печальным многодальным маковым... Чтоб и в гробу воспоминал я согдианку в поле маков...

...Айя!... Что я?..

Айя!.. Уран!..

Таджичка!.. Я вспомнил... Я нашел тебя во днях прошлых пыльных святых сладких дальних... Теперь иди навек усни в мозгу моем как в поле поле дремных сонных дальних дальних смутных мутных мятых маков маков маков истекающих чадящих пьяный сок — курнар творящих...

А я усну в дремливых теплых курпачах — одеялах родного Ходжа-Ильгара.

А я сплю в ночной глухой кибитке среди сада снежного одичалого...

А я сплю, а Ходжа Насреддин глядит на Ханифу-Тюльпан, на согдианку...

А я сплю, а у меня уже была маковая согдианка, а уже лежала со мной в маках бражных пьяных... Ханифа-Мак таджичка дехканка с лазоревыми бирюзовыми согдийскими дымчатыми текучими глазами... Уже была... Уже лежала в маках липких горьких сладких... Уже я вспомнил... Уже я засыпаю... Уран!.. Учча... Очча... Уааа...

Но тут...

Но тут дверца утлая грушевая сырая ветхая косая дверца кибитки тихо открывается и входит старуха... Слепая!.. Айя!..

МАМЛАКАТ-КУБАРО

...Айя!..

И входит старуха... Слепая... Прямая... Как ствол белого тополя — арара пирамидального...

И Ходжа Насреддин глядит на нее и встает с тихих курпачей и голову опускает как теленок лобастый вешший виноватый...

И Тимур глядит на нее узкими сонными глазами уходящими барласскими и в темный угол отодвигается, как пес вороватый неприкаянный...

И Ходжа Насреддин глядит на нее и узнает вспоминает...

Ты!.. Мамлакат-Кубаро!.. Родная!.. Живая!.. Кормилица далекая моя!.. Откуда ты?.. Из сада одичалого?.. С мазара с кладбища?..

Ты нашла меня на острове Аранджа-бобо... Ты меня сохранила вырастила выкормила... Ты живая... Ты от трахомы от пендинок-язв от старости слепая... Моя мать... Сладкая... Былая... Давняя... И твои густые еще волосы снежные снежные так тихо так кротко так знакомо пахнут... Мать...

— Ханифа-Тюльпан, кто тут?.. Я чую — кто-то есть в кибитке кто-то дышит...

И она слепые руки по кибитке распускает тянет ищет нежно и уже уже ласкает слепыми сухими летучими певучими пальцами...

— Бабушка, это два путника заблудились затерялись... Они в Мекку идут... И зашли к нам... в Ходжа-Ильгар...

— А Ходжа-Ильгара уже нет... Есть только дикий снежный сад...

...Айя...

Я стою, как высохший китайский карагач...

И тут слепая находит пальцами дрожащими меня!.. Меня! меня! меня!..

Ай!.. Мать дальняя живая... Из каких ты дней пришла?.. Пришла. И не узнала...

И слепые пальцы по лицу моему по бороде по груди моей дрожат бегут текут стоят...

— Зачем ты плачешь, путник?.. Зачем ты так долго не был?.. Зачем ты так опоздал?.. Зачем ты весь в ранах, мой мальчик?.. Зачем ты вернулся, Насреддин, сын мой?..

Она стоит. Надо мной...

И пахнут пахнут снежной горной бездомною арчей (опять!) родные седые снежные далекие волосы ее...

И я как свежий агнец в вымя матери-овцы тычусь в нее головой седой...

И пахнет снежной чистой арчей...

— Сынок, ты не один. Кто ж с тобой?..

...И она отходит от меня и слепыми руками по кибитке бродит бредит грезит ищет другого...

А другой сидит таится в углу и долго долго долго она ищет его... И находит... И долго слепыми сухими чуткими тихими дрожащими пальцами по лицу его каменному острому немому бродит вспоминает по руке сохлой беспалой перстами зрячими бездонными ходит ласкает...

— Зачем ты пришел, путник?.. Зачем ты погубил столько людей?.. Зачем сотворил ты столько вдов и сирот?.. Зачем рука твоя убитая иссохла?.. Зачем ты убил Ходжа-Ильгар, родной кишлак свой?.. Зачем ты убил свою родину?.. Зачем ты не плачешь, мой мальчик?.. Зачем ты жестокий? Тимур, сын Текины-хатун, тихой улыбчивой матери?..

— Старуха... Мамлакат-Кубаро... Кормилица... Я узнал тебя... Ты кормила меня из обильной тучной дехканской крестьянской земляной полевой хлебной простой груди своей...

— Твоя мать Текина-хатун была слабогрудой... Вялой... И не было молока в грудях ханских амирских ухоженных холеных пустынных солончаковых ее... И я кормила питала любила тебя... И ты родился со сгустком крови в кулачке!.. И ты любил кровь!.. Уже тогда... Уже тогда ты грудь мою избыточную до крови кусал рвал воровал... Уже тогда ты любил цедил пил кровь!.. И я давала тебе ее!.. И кровь!.. И молоко!.. Ты брал из правой груди... А левую грудь я оставляла берегла я давала Насреддину-сироте!.. И левая грудь свежа нетронута несмята неразъята неокровавлена была!.. Да!.. И я вскормила одной грудью — Тирана!.. Другой грудью — Мудреца!..

Да...

...И тут!..

Айя!.. И я закрыл забил забыл глаза...

А Тимур не закрыл...

И тут старуха на себе на груди своей ветхое карбосовое мешочное платье разодрала распахнула разорвала и там только одна грудь цела была, а на месте другой засохшая сизая нищая рана была цвела...

— Гляди, Тимур!.. В твоей груди завелся зароился зародился червь!.. В твоей груди завелась тля!.. И я

сама отрезала отсекала ее!.. Как знахарка! Как бритвой брадобрей!.. Да!.. Гляди!.. Тут рана язва впадина пропасть вместо груди... Вместо обильной доброй дехканской тучной груди... Вместо твоей груди!.. Да!.. Амир, уходи!.. Тиран, уходи!.. Ты убил мою грудь!.. Ты убил мой родной кишлак... Будь проклят ты и семена обильные потомки твои!.. Уходи, убийца!.. уходи!..

...И Тимур встал покорно с курпачей и тяжело сонно тяжело согбенно обреченно прошел протащился проковылял по кибитке низкой и выбил дверцу налитой ногой и вышел в ночь, а взамен морозный серебристый чистый игольчатый ночной пар дым вошел...

О... Свежо!..

...Ой! ночь!.. Как ты длинна долга темна ледовая ночь ночь!.. да! И когда изойдешь?.. И утро когда?..

...А Хромой вышел в ночь...

И тут опять глухие одичалые деревья взяли объели окружили обступили его...

Но он шел и деревья словно отступали расступались... Словно знали узнали... Словно убоялись Джахангира Тирана... Словно трепетали... Остерегались...

...И тут молчаливая одичалая кишлачная нищая голодная собака волкодав темно косо бредово бросилась на него метнулась встала из-за снежной ледяной развесистой чинары...

Амир передернулся оскалился во тьме ухмыльнулся: тут и собаки ненавидят меня... Тут и собаки молча бросаются скалятся зарятся... Да! Ай земля моя!.. Ай держава моя!.. Ай народ мой!.. Ай Родина моя!.. Иль ты как пес голодный молчный бешеный бросаешься на меня?.. Айя!..

...Левой здоровой вольной тугой рукой Тимур вытащил из льнущего сагрового монгольского сапога узкий летучий певучий шахрисябзский нож и почти не размахиваясь снизу метнул отпустил отдал его собаке...

А собака клубилась... ярилась... А собака была уже рядом... Уже горло Амира алкала зубами янтарными гладкими...

Но нож нашел собаку и она отбежала отпрянула, но нож пристал припал бежал с ней, но нож с ней отпрянул...

И темный живой текучий след обильный сразу рыхлый сразу теплый след бежал рядом...

Потом собака словно обленилась... Стала... Легла... А след копился роился жил натекал на снег... Собирался... Ушла залегла зашла забылась собака...

...Уран!.. Кто еще?..

Еще один нож в другом сапоге таится выжидает... Одна голова, но два ножа у тирана...

Уран!.. Ночь!.. Кто еще?..

...Амир бредет ковыляет грядет в деревьях ледяных одичалых... Он не хоронится не избегает не блуждает... Идет прямо... И деревья расступаются... Сторонятся... Айя!..

...И тут из-за китайского карагача бесшумно тайно возникает выходит выплывает Женщина в снежном парчовом степном чекмене и в руках у нее иранское расписное павлинье глиняное блюдо с пловом айвовым шафрановым...

И она стоит и улыбается и блюдо Амиру протягивает.

— Ешь, мальчик!.. Плов бараний!.. Он быстро остывает!

Но ее руки ледяные...

Но ее блюдо ледяное...

Но ее плов ледяной... Но ее плов слишком давний... слишком давний... дальний...

— Мать... Оя... Текина-хатун... Зачем вы пришли?.. Мать... Я же знаю... Вас уже нет на земле... Нет... Мать...

Но она стоит на пути Амира. Живая... Улыбается... И не дает ему пройти...

И он останавливается...

— Мать... Оя... Я же знаю... Вы неживая...

— Сынок, зачем ты убил собаку?.. Это же Азраил... Мой Ангел... Мой хозяин... Он любит ледяной шафрановый плов...

— Мать... Ай бред!.. Тьма!.. Снег!.. Ночь!.. Азраил... Собака!.. Оя... Мать... Живая?.. Да куда мне деваться?..

...Но тут она уходит отступает тает прячется за китайский карагач, а Амир глядит на снег под ее летучими бесшумными ногами...

Но снег чист ровен не тронут не измят не взят не потревожен не нарушен свежими следами...

...Мать... Зачем вы?.. Зачем тревожите?.. Зачем являетесь?.. Зачем витеаете?.. Зачем бередите душу-рану?..

Но стоит на пути но стоит в ночи белая снежная чинара молодая молодая молодая...

И Амир идет в ночи и чинара уходит отступает тает в дымчатом тумане растворяется теряется теряется теряется...

Ночь!.. Кто еще?..

Ночь!.. где исход конец твой?..

Ночь, где утро твое?..

Амир ковыляет в деревьях одичалых...

Ночь... Кто еще?..

И тут он слышит чей-то крик глухой... Чей-то стон... Чей-то вой!.. Вопль!..

И он узнает голос Слепой... Голос Мамлакат-Кубаро...

...А слепая бежит скользит тычется в ночные беспробудные деревья... А слепая ищет... Шепчет... Кричит... Скитается... Падает... Встает... А слепая бродит в деревьях одичалых... И в слепых ее руках курпача ветхая бухарская мается...

— Тимур... Сынок... Зачем ты ушел... Я же кормила тебя... Я грудь отсекла, оторвала — но любовь-то осталась... Осталась... Зачем ты ушел?.. Ты ведь хромой больной... неполный... А ночь лютая!.. А ночь кромешная!.. *А ночь морозная!.. Возьми курпачу!.. Она теплая... Сынок... Теплая...

И Слепая чуткая догоняет Тимура, но он за деревом хоронится, а она ищет, руками слепыми блуждает, а она курпачу бухарскую протягивает дарит опускает куда-то...

Словно кого-то одевает оберегает пеленает...

А Амир уходит по-кошачьи тихо немо беззвучно по снегу ступая...

...И тут слепая поскользывается и роняет курпачу и на курпачу падает... Ищет руками... Плачет...

И вдруг в деревьях одичалых воет стонет... Воет!..

— Тимур!.. Ты уходишь... Так знай!.. Ханифа-Тюльпан — твоя дочь!.. Да!.. Она была зачата в Месяц Мака! А родилась в Месяц Тюльпана!.. А Ханифа-Мак твоя согдианка маковая умерла в родах... Она была юной, ей мак был по горло, когда ты подбил подмял ее... И она обломилась рождая как хрупкая ветвь под гнетом плода урожайного небывалого... А взошла а поднялась а налилась Ханифа-Тюльпан!.. Дочь твоя!..

...Амир встал... Стоял... Долго... Дышал...

...Аллах, Семя Джахангира на миг упало сошло с Царского Коня!.. И затерялось в крестьянских полях... И взошло, как сорняк...

Аллах! Помилуй!.. Прости меня!..

И Тимур пошел пошел пошел в одичалых деревьях... И вышел к реке Сиеме... И вышел к всяческому мосту...

...Айя!.. Уран!.. Прощай, Хаджа-Ильгар!..

И на том берегу уже горели костры... Тысяча костров!..

И это был сторожевой охранный слепой свирепый амирский тюмень — отряд Главного Военачальника Мусы Рекмаля...

...Айя!.. Я знал!.. Мои чагатаи! мои барласы! мои нукары! мои псы, которым я заплатил золотом и серебром за семь лет вперед, мои волки, мои шакалы нашли меня!.. И пришли приползли пронеслись по моим следам!..

Ягы качты!.. Ачча!.. Учча!.. Алла-яр!.. Уран!..

А ночь тянется...

А уходит туман!..

А выплывает Звездный Млечный Ковш...

А ночь стоит...

А ночь стоит у Звездного Ковша, как смоляная ледяная гробовая лошадь у овса...

Учч!.. Уффа!..

А!..

...Ааааа!.. Ханифа-Тюльпан!..

Ты гасишь задуваешь бухарский светильник и зажигаешь душистую рангунскую свечу... да...

...Ханифа-Тюльпан, откуда у тебя рангунская ароматная свеча?..

И дух душистых дальних смол обволакивает нас нас нас...

И ствол жемчужного пирамидального тополя-арара мерцает восходит за крышу как свеча...

— Насреддин-ака!.. Я буду плясать танцевать... Можно?.. Древний согдийский свадебный танец... И петь!.. Можно, Насреддин-ака?..

И она стоит в малиновой короткой согдийской рубашке с широкими круглыми парчовыми летучими рукавами... И она стоит в узорчатых зеленых шароварах-изорах бархатных... И она стоит в сапожках-ичигах из красной оленьей кожи...

...Насреддин-ака!.. можно?.. Ака, не поздно?..

...Священная Книга говорит: требуйте многого от прекрасных ликом! Требуйте!..

И я требую!.. И я повелеваю!..

— Ханифа-Тюльпан!.. Пой! Пляши! Кружись!.. Ночь как смерть слепа долга темна!.. Жизнь как свеча коротка!..

...Тогда она поет!..

Тогда она дружится гнется вьется бьется!..

Тогда летят кружатся мчатся как колеса ханской колесницы парчовые вольные раздувшиеся рукава!.. Тогда летят летают бьются по кибитке тесной низкой крылья бабочки вспыхивают упадают умирают восстают и вновь вновь вновь летят!.. Бабочка!.. Луговая вешняя летящая трепещущая ты куда среди зимы куда куда?..

И летит и летает и витает по кибитке Ханифа-Тюльпан!..

И горит медоточит дурманит оглушает удушает и туманит сладкая бредовая медовая рангунская свеча!..

И льются бирюзовые согдийские живые спелые глаза глаза глаза!..

...Айя! Да что я вспоминаю вспоминаю вспоминаю только пыльный скотный бухарский тот базар?..

Да что я вспоминаю только пыльный тот базар?..

И продавец тяжелой хлесткой палкой бьет бьет бьет вешнего невинного налитого осла?..

И так жизнь моя прошла...

И где мудрость моя?.. И где любовь моя?.. И где ласточка лазоревая моя?..

...Ханифа-Тюльпан!..

Ты!..

И в ледяной кибитке горькой низкой утлой Ты витаешь Ты летаешь Бабочка Парчовая Павлинья луговая первая вешняя моя!..

Ты витаешь в ледяной ночи бабочка пыльцовая жемчужная невинная последняя моя моя моя...

— Насреддин-ака, по древнему согдийскому обычаю должна я рубаху малиновую скинуть снять сорвать с себя...

Она дышит высоко легко и летят павлиньи крылья-рукава...

И глаза лазоревые глядят текут молят...

— А я дева... А я невеста... А поздно?.. А нельзя?.. А можно, Насреддин-ака?..

— Ханифа-Тюльпан, бабочка летучая заблудшая в ледовый одичалый сад!.. Снимай!.. Крылья-рукава певучие летучие слагай!.. Но пусть горит свеча!.. Пусть горит свеча!..

И она снимает бросает рубаху... И у нее груди сметанные... И у нее груди сахарные... И у нее груди как фазаны алмазные...

...Ханифа, вынимай лебединые забытые одеяла простыни зазданийские чистые нетронутые неизмятые неизведенные свадебные...

— Насреддин-ака, три жениха легли в землю а не в одеяла... Быть мне девой-вдовой навек запоздалой... Не носить младенца в руках влюбленных у груди радостных источающих млекобогатых...

— Ханифа, бабочка среди зимы!.. Я не уйду в землю... Вынимай одеяла...

...И она из древнего обитого медью сундука вынимает простыни и одеяла... И вынимает... И шепчет что-то...

— Ханифа-Тюльпан, ты не заставишь меня расплести твои косы?..

— Насреддин-ака, а они уже расплетены распушены развязаны и до пола до пят волнятся струятся...

— Ханифа-Тюльпан, ты не заставишь меня снимать твои кольца?..

— Насреддин-ака, пустыни бедны вольны мои пальцы...

— Ханифа-Тюльпан, а соколы с кровавыми глазами бьют белых цапель?..

— Насреддин-ака, глядите свеча кончается кончается кончается...

...Тьма!..

А ночь не кончается!.. А ночь тянется!.. А ночь — бахча дынь светящихся перезрелых медами соками сахарами земляными исходящих...

Ай ночь!.. Ай ночь!..

— Ханифа-Тюльпан, где ты?.. Где? где? где?.. Иди!.. Сюда!..

И она пришла... И она легла...

И ночь ночь пошла!.. Пошла!.. Как стрела!.. Айя!..

Ночь ночь в глазах в лазоревых согдийских маковых очах Ханифы!.. да...

Конь стоит?..

Ночь ночь в ноздрях в губах устах в зубах Ханифы!.. да...

Конь храпит?..

Ночь ночь в грудях в алмазных фазанах в снежных снежных холмах Ханифы!.. да...

Конь встает восстает на две ноги?..

Ночь ночь в нагих ногах в одичалых невинных тополиных стволах столпах Ханифы!.. да...

Конь дрожит!.. Конь течет! Конь бежит!.. Конь летит!.. О!..

Сон!.. Сон!.. сон! сон!.. Сон!..

Ой!..

Ночь летит как от стрелы конь!..

Но!..

Но утро сизое туманное темное зыбкое еще не пришло... Но ледовое утро не пришло... Еще!.. Ночь!.. Сон...

— Насреддин-ака, от вас пахнет ледяной чистой рекой!..

— Да, я омылся в реке... Перед кишлаком перед родиной... Перед тобой!.. Ханифа-Тюльпан, а от тебя пахнет свежей снежной далекой горною арчей!..

— Я тоже хочу омыться в снегу... Жарко мне... Горячо... Я пить хочу... Я хочу снегом тело разбуженное омыть!..

Сон... сон...

Ночь... ночь...

Ханифа выходит в ночь...

Ай!.. Как хорошо!.. Как вольно!.. чисто!.. Как снега сияют серебристые... волнистые... пречистые...

Ханифа нага Ханифа ест снег. Ханифа ест морозные сыпучие снега... Ханифа оmyвается в сыпучих ледяных чистых сухих снегах снегах снегах... Ханифа нага и лишь волны смоляных волос текут влачатся за ней по снегам... Ханифа нага и лишь волны волос — вся одежда ея...

...Насреддин-ака! Насреддин-ака!.. Иль носить мне дитя на влюбленных руках?.. Иль носить кормить мне дитя?.. А?..

...А на том берегу костры горят чадят... А на том берегу стоит сам Амир Тимур Гураган... А рядом с ним стоит Главный Военачальник Муса Рекмаль...

Стоят... В ночь глядят...

И стоит на конях тысяча чагатаев готовых скакать убивать угнетать разрушать...

А Тимур поднимает бессонную тяжкую левую руку.

— Там кишлак Ходжа-Ильгар... Там... Расстрелять... Живоогненными стрелами расстрелять!..

...Уран!..

...Тимур, там дочь твоя?.. Айя?..

Уран! Расстрелять!..

И первые огненные стрелы летят уходят за реку во мрак на Ходжа-Ильгар на кишлак...

...А Ханифа-Тюльпан омывается в сухих переливчатых чистых снегах...

...А Насреддин-ака, а носить а кормить мне дитя во влюбленных руках!.. А Насреддин-ака! а ночь была темна а стала светла светла светла!.. А Насреддин-ааааа... кааааа... а!..

...А тут пришла прилетела стрела. И нашла... И горло певуче свежо тихо тронула нашла...

...А Насреддин-ака это от живоогненных стрел ночь жива светла... И только что пело ликовало горло тело мое, а теперь стрела затронула пришла взяла... Нашла... Да!.. И за Любовью Смерть пришла... Быстро!.. И ночи одной нам не дала... А Насреддин-ака, не носить мне дитя на влюбленных руках... А!.. И горит смолистая зыбкая стрела... А теперь горю я...

Как быстро волосы горят...

И вот уже не влачатся они по снегам, а поднимаясь свиваясь чадят горят...

Горячо!.. Горячо!.. Светло!..

И горит чадит бирюзовый сырой парчовый глаз и горит сметанное плечо... О!..

И была на снегу Ханифа, а теперь на снегу костер!..

И была на снегу Ханифа-Тюльпан, а теперь на снегу Ханифа-Костер!..

Все!..

О!..

ХОДЖА НАСРЕДДИН

...Сколько дней прошло?.. Сколько лет прошло?..

И по самаркандской снежной ледяной утренней дороге Ходжа Насреддин на ветхом осле бредет... Поет...

И дервиш на осле уходит в снежный куст
 И дервиш на осле уходит в снежный куст
 И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги
 И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги
 принимающий таящий
 И дервиш на осле уходит в снежный куст приречный горный
 дальный
 дальный дальный
 И река не шумит а промерзает тихо тихо остававливаясь
 обмирая
 обмирая обмирая
 И река не шумит а тихо тихо промерзает обмирает
 И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги дальней
 дальней
 дальней
 И дервиш на осле уходит в куст туранги серебряный серебряный
 серебряный в куст зачарованный в куст венчанный
 И дервиш на осле уходит...
 Куст...
 Туманно... ой туманно... ой туманно...
 Куст тихо осыпается пресветлыми тицейшими блаженными
 безвинными
 кудрявыми снегами осыпается...
 Куст куст объемлемый объятый серебряными летучими снегами
 снегами
 охваченный дикорастущими ледовитыми святыми хрусталими
 хрусталими
 И дервиш зачарованный уходит в снежный куст зачарованный
 Блаже!..
 И дервиш на осле в серебряном тумане тая тая тая
 разбредается
 И дервиш на осле в серебряном тумане взлетает
 Ангел

...Да!.. Ангел!..

Ходжа Зульфикар блаженный дервиш, ты уже там?
 ты уже Ангел? Ты уже в садах вечнозеленых вечноцветущих вечнопрохладных дальных дальных дальных?..

А я опять на дороге самаркандской...

Блаженный Будда, Ты говоришь: из близости к людям возникают страсти и печаль возникает, всегда идущая за страстями... Поняв, что в страстях коренятся страдания — ты гряди одиноко, подобно носорогу...

И я брел, как носорог...

И где мудрость моя?.. И где брег ее вечнозеленый?..
 И где заводь тайная сокровенная тихопесчаная тихокаменная врачующая ее?.. И где дальная колыбельная кибитка с лазеровой ласточкой?..

Айя!..

Нет мудрости!.. Нет берега ее вечнозеленого!.. Нет заводи ее врачующей!.. Нет кибитки с лазоревой ласточкой!.. Нет!..

А есть что?..

...Только есть на снегу костер...

И была на снегу Ханифа-Тюльпан, а теперь на снегу Ханифа-Костер...

Да...

...А дорога пустынная ранняя ледяная опасная...

И тут!.. Айя!..

Только этого не хотел я... Не хотел я...

Тимур, ты знаешь...

Но сказано, что каждый вступает на ту высочайшую дорогу, на которой нет земной пыли... Но сказано!.. Но исполняется!..

Но приходит время Последнего Каравана...

Но приходит время Посмертного Каравана погребального загробного заунывного заупокойного дального...

И где последний оазис?.. И где последний каравансарай?.. где последняя Стоянка-обитель-пристанище?..

Тимур, Тиран, куда ты?..

И я стою на обочине дороги, а мимо проплывает проходит Гроб с Телом, надушенным индийскими благовониями, розовой ирбитской водой, мускусом, барусовой камфарой...

И проплывает грядет высится над нищей дорогой над нищей Державой необъятный гроб Тирана из черного густого дерева на носилках-табут украшенных дорогими камнями и жемчугами...

И грядет под гробом безмолвный тюмень отряд барласов гробовых охранников...

...И мы хотим туда!.. Джахангир! Амир Гураган! Тимур! возьми нас с собой и туда!.. За загробные камни!.. Мы и там пробьемся мечами!.. Проползем про-

шелестим змеями тайными!.. Гиенами погребальными
трухлявыми залаем!.. Возьми амир с собой своих живых
чагатаев!.. Айя!.. Уран!.. И загробные конницы скачут
алчут!.. Ягы качты!.. Алла-яр Амиру Тимуру!..

Но бредет по дороге посмертный караван Тирана..
Тишина!.. Дорога!..

Снег...

Смерть витает!..

И белоснежный Ангел Азраил на белоснежном свя-
том бледном Яке подступает приступает... И белоснеж-
ный Азраил на снежном Яке подступает...

Но! но! но! я слыщу Его голос... Голос Гурагана...

...Айя!.. Уран!.. Если б не этот гроб!.. Если б не эта
смерть в Отраре!..

В мире есть только Стрелу Спускающий и Стрелу
Впускающий!..

В мире есть только один след — след из раны точа-
щей свежей разъятой!.. И этот След сладкий!..

Китайский император — ай не достать мне его жи-
вым мечом живой рукой!..

И он уничтожил в один день сто тысяч правоверных
в пределах своих! И как оставлю их неотмщенными?..

Если б не эта смерть в Отраре!.. Я бы пришел к
тебе, Китаец!.. Мои тюмени пришли бы к тебе! Я сам бы
вопросил тебя о тех ста тысячах!.. Я сам бы вогнал
тебе стрелу в тонкое узкое око твое!.. Я бы зашекотал
конским волосом твои спелые развесистые податливые
ноздри гиены!.. Да!..

Но смерть пришла!.. Вот она!.. Да!..

— Тимур!.. Ты и в гробу скачешь?..

— Да, скачу!.. А вокруг безымянные неоглядные не-
объятные черепа черепа черепа!.. И их давал я!.. Да!..
Насреддин, а что Ты без Меня?.. Добро без зла?..

— Тимур, но ты в гробу... А я на дороге... Да...

Насреддин стоит у дороги ледовой... Плачет?.. Улы-
бается?.. Прощается?..

...Но приходит время Последнего Каравана...
И уходит...

И там, где прошел караван Тирана погребальный похоронный — только там таяла дорога земля зима моя...
Только там таяла...

О Родина моя — и только там Ты таешь, где проходит смертный похоронный погребальный замогильный караван Тирана...
Только там таешь оттаиваешь!..

...О, побольше б таких караванов!..
Айя!..

И дорога тает...
Но уносят Тимура — кровавого Джахангира, Повелителя Вселенной, Сахиба-уль-Карыма, грабителя, убийцу, кладбищенскую гиену... А мудрец, а острослов, а масхарабоз, а защитник дервиш добра остается...
А народ остается...
И дорога тает...
Но уносят Тирана...
А Мудрец остается...

И Ходжа Насреддин улыбается...

И тут снег азиатский парчовый жемчужный душный сочный сонный снег лепечет лопочет никнет липнет валится лепится лепится падает струится на дорогу...
Снег лазоревый... Снег теплый...

КНИГА ОТКРОВЕНИЙ ОМАРА ХАЙЯМА

*Посвящаю моей матери,
Людмиле Владимировне Успенской*

Я, имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим, я скажу Книгу Откровений. Я скажу Книгу Своей Жизни. Аллах помоги и помилуй! Удержи руку мою ослабляю перед исходом моим! Удержи язык мой остывший молчный! удержи язык мой падающий как древние минареты хорасанских мечетей! падающий гиблый шаткий как Большой Минарет Багдадской Мечети Халифов Джамиа ал-Хуляфа! Удержи язык мой наклонный склонный как Большой Минарет нишапурской мечети Укайл, окруженной чуждыми слепыми степняками сельджуками... Они рыщут слепцы и рубят мекканскими мечами стены мечетей! и рубят мечами мечети!.. Помоги Аллах? Да?..

СМЕРТЬ

Я склоняюсь смиряюсь над книгой «Аш-Шифа» над «Книгой Исцеления» блаженного Абу Али Ибн Сины, я читаю последнюю молитву фатиху, я снимаю с головы белую шелковую чалму имама, я кладу чалму на книгу, я опускаю лицо в тихую чалму в шелковую заводь еще хранящую (еще хранящую! еще! еще еще еще!) живое тленное мое тепло мой запах мой дух плоти и шепчу, шепчу.

Шепчу!..

Тогда я вижу, тогда встает, тогда Она встает, тогда Она стоит передо мной...

Недвижная!... Веющая!..

Тогда Она встает передо мной...

...Тогда встает передо мной пред очами моими ут-
хающими навек (навек? господи?) очами уходящими...

Тогда Она встает...

Тогда встает напоследок передо мной Книга Жизни
моей...

Уже недвижимая дальняя.

Иль набежали повеяли нахлынули миндальные на-
горные роци роци роци нагорные Гиссара? Ниша-
пура?..

Тогда налетает вешний кроткий ветер, Ветер Ноздри
Новорожденного Теленка и шелестят атласно шелковые
Страницы тяжкие долгие...

Тогда шелестят желтые златые, как поздняя терпкая
душная айва, страницы Книги Страницы Книги Жизни
моей моей...

...Я перебираю гиблые переливчатые жемчужные эти
ветхие листы сохлыми негибкими хрусткими пальцами
ломкими уже. Уже ломкими...

...Живая Книга в живых перстах... Я стар. Книга
старая.

Персты старые. Хрупкие. Ломкие, как прутья высох-
шей туранги речного тополя, как ветви тополя ара-
придорожного пирамидального, взятого взрытого коро-
едами...

А я ловил этими перстами крутых вьющихся ханских
форелей в ранних студеных ледяных ручьях Нишапу-
ра... Гиссара...

А *ныне я держу желтую терпкую Книгу Жизни.
И Она Она влечется влачится рушится из моих перстов,
как курица с перерезанным горлом! Ай! Падает. Я ро-
няю ее. Роняю роняю роняю роняю...

Да!

И будете петь как ранние петухи с перерезанным
горлом!

Хрипло, обрывисто...

Роняю...

Но Она стоит перед последними очами.

И персты мои как стебли степных трав месяца мурдада августа.

Ждут пожара? Огня жаждут.

И если хрустнет подломится один из них — то не будет боли в известковых костях моих старых.

Плоть моя, персть, тело мое завернутое в белый полотняный занданийский бухарский чапан-халат сгорит сойдет как стенная перестоялая очумелая трава августа.

Да!.. Ждут огня пергаментные члены мои? иссохлые травы мои? сосуды мои как глиняные кумганы кувшины заброшенные забытые у пересохшего зачахшего арыка, где только черви в стылой глине...

Да!..

Аллах я пел как ранний росный петух с перерезанным горлом.

Хрипло. Обрывисто. Тайно...

Но пел. Но пел упоенно заливаясь захлебываясь собственной пьяной пролитой пряной уходящей кровью... Но пел в империи немоты и неволи... Пел в империи пришлых сельджуков...

Но пел. Господь мой!..

Но!..

...Иль не равно где петь твоим святым слепым ранним петухам Аллаха?..

Но горло-то зачем пересекать пресекать ножом?

И что за песня?

Из-под ножа что за песня?..

Но я пел в империи разрушителей разорителей смятенных лепетных народов.

Но я возненавидел разрушителей птичьих гнезд в детстве моем, но я возроптал против расхитителей лепных гнезд ласточек под крышей родимой кибитки мазанки моей...

Птенцы смертно кричат разрушенные...

А пел в империи разрушенных народов...

Народы смертно молчат разъятые...

Сельджуки! я пою средь вас смертно тайно, но птенцы, птенцы, птенцы уснувшие птенцы с разъятыми кри-

чащими ртами вяло падают на мою голову, когда я выхожу когда я выхожу когда я выхожу... (когда? когда? когда? куда?)

Когда выхожу из родимой глиняной мазанки-кибитки-гнезда-яйца в вешний веющий сырой хавли-двор (он дышит он чист подметен моей молодой матерью оя Биби-Ситорой...).

Когда я выхожу, а надо мной, над резной грушевой дверью шевелится свисает разоренное уморенное гнездо ласточек измятое избитое, и оно роняет птенцов-слепышей пiskuнов гнездарей на мою нагую бритую голову мальчика...

Голова чиста и нага как добела подметенный хавли-двор...

И!..

Я пою, но птенцы мягко и неотвратимо убиваются смиряются цепляются о мою голову...

Я пою и нагая юная хмельная слепая голова объята смертными пухлыми невинными млявыми птенцами слепышами разграбленными...

И они утихают не тщатся они усыпают навек на голове моей. На голове мальчика.

Аллах это ль не самая чуткая голова? Голова сырого зеленого отрока? И они умирают на тихой голове моей?..

Спадают умерые ленные с бритой моей головы мальчика...

Да!..

И они поныне поныне шевелятся на нагой шелковой голове моей, усыпающей навек в густой тихой последней чалме...

Они поныне шевелятся на голове моей на голове старца, погруженной в чалму в близкий нежный погребальный обволакивающий саван...

И чалма странника дервиша каландара обернется святым саваном...

Они поныне шевелятся на тихой голове моей. Голове старца... Аллах это ль не чуткая голова...

Они шевелятся. Те. Разграбленные птенцы-слепыши. Роятся...

...Аллах я пел в народах-птенцах, в слепышах, в народах без гнезд, без лона, без языка, в народах разъятых... И за то пришли желтые тучные народы возмездья? князя амиры хаканы отмщенья? Народы разграбленных желтых податливых гнезд? народы птенцов-слепышей?..

Но возмездье бесконечно и оно гибельно как река Аму вставшая над берегами жилищ и посевов? И зачем оно?..

Остановитесь князя, амиры, хаканы возмездья! Не останавливайтесь. Нет...

Но я пел.

А ныне я умираю. Аллах, я вынимаю изо рта золотую исфаханскую зубочистку (зачем она мне?).

Я кладу ее между двух листов книги «Аш-Шифа» «Книги Исцеления».

Хаким Ибн Сина мое исцеление близко. Всю жизнь я размышлял о смерти. Об окончательном исцеленье!.. О последнем прощанье!.. О великой разлуке!.. Всю жизнь я боялся смерти. Я не забывал о пей ни на миг, ибо мудрецу только суждено глядеть в небеса и думать о смерти. И я глядел и думал о смерти и боялся ее. А она уже со мною, и нет страха в членах моих, в душе моей готовой, в голове усыпающей смеркающейся. Иль я как город после долгой осады открывший ворота? и ждущий иных всадников? Иного Всадника? И нет во мне страха. И открыты ворота и дома мои?.. Очи и сосуды мои?.. Иль ты проста, смерть, как погруженье в вечерний ивовый хауз, где вода тепла и дремотна от дневного солнца?.. И я боялся смерти, а она проста, как погруженье в ласковый целебный хладеющий хауз...

О боже мой, ты знаешь, что я познал тебя так, как только мог познать. Прости меня, мое знание Тебя — это мой путь к Тебе...

И я встаю от «Книги Исцеления» и опускаюсь на молитвенный коврик и совершаю вечернюю молитву «магрш». И над головой моей веют веют веют раскидистые медленные китайские карагачи в моем чисто подметенном дворике-хавли... Уж не ты ль пришла подмела

его дальняя мать моя оя оя Биби-Ситора? уж не ты? не ты?.. И из-за дувала слышны голоса возвращающихся терпких напоенных травяных стад и пахнет теплой родимой обильной пылью и пахнет мокрой политой убитой усмирненной пылью и от соседей доходит живучий дальный дальний дух жарящегося в казанах мяса-«зербака»... Веют медленные китайские карагачи мои... Еще мои... мои... Ты, свояк, муж дальней сестры моей Муниффы-апа, ты, Мухаммад аль Багдади, математик, стоящий около меня, у исхода моего, ты свидетель последней молитвы моей, ты позови Чистых, чтоб я составил завещание...

...Мухаммад, позови Чистых! Мухаммад, а где они, Чистые, в стране нашей? где?.. Где Чистые как этот малый добела подметенный двор-хавли с веющими карагачами?..

...И только к смертному ложу Чистого придут Чистые!.. А где они в стране нашей? Мухаммад, иль не знаешь, что не такой, не Чистый уходит ныне? И чего тогда звать Чистых к ложу моему? Когда сам нечист?..

...Смерть! Да! да... Но так кричит вешний осатанелый плодовый осел из-за дувала и такая ночь близится. Живая животная ночь. Ночь напоенных молочных стад... Ночь стад!.. И она последняя...

...И я встаю с молитвенного мешхедского коврика, и не поднимаю его и оставляю его в ночи...

...И курица с переломанным перехваченным горлом валится из-под ножа валится валится валится тянется. Тянется... И молочные перья устилают землю. И мой молитвенный коврик теряется в перьях? в опалых лепестках цветущей вешней груши у дувала? А что за дувалом?.. Иль мне мерещится что уже мазар сразу за дувалом? близок?.. Поглядите — кладбища разрослись и они уже подступают к вашему дувалу... Воспомните Аллаха!..

Ибо сказано, что Он ближе к вам, чем ваша сонная жила (терпкая густая живая роящаяся тяжкая блаженная дающая Жила Лоза Жизни...).

...Иль там уже подступает кладбище-мазар? иль там теснятся блеющие налитые ройные роящиеся стада? И они бьются маются тшатся о мой последний дувал?.. Но так кричит вешний осел слезный осел из-за дувала и такая ночь близится... Живая животная ночь уже пришла, уже стоит. И она последняя... Но так так так кричит прохожий вешний плодовый осел за дувалом!.. так кричит... уходит... уходит...

А!

Вы стоите вы стоите у китайского карагача мой Учитель, мауляна, мудрец.

Вы стоите у мерклого веющего всесветно густой игольчатой прохладой китайского карагача в белом белеющем (как лепестки груши? как перья курицы?) шелковом чапане-саване... Вы стоите вы улыбаетесь мой Учитель Хератский Старец Ходжа Абдаллах Ансари. Вы стоите у карагача. Вы улыбаетесь в чапане шелковом волнующемся от ветра от прохлады ниспадающей с китайского карагача. Вы улыбаетесь мне мой Учитель мой Утешитель... мой усопший, мой дальний... загробный, сокровенный... Ходжа Абдаллах Ансари, Вы говорите, Вы шепчете мне под карагачем шелестящим... Вы шепчете улыбочивыми устами: сын мой, сынок, этот бренный мир — лишь перепутье, лишь перекресток, а мудрый муж на перепутье не останавливается...

Я не останавливаюсь ныне. Ныне. Ныне, мой Учитель... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбочивыми устами: сын мой, сынок, для моего сердца путь в могилу — путь в цветник-сад, а мир над прахом могильного камня — мир первой свежей весны...

Да мой Учитель, но что так веют карагачи, что так щедро упоенно сыплет лепестки плодородящая груша у дувала, что так эти эти эти стада налитые прохожие голосят тленные, упираясь в дувал, что так кричит осел, что так эта весна здешняя в малом моем убогом двореке-хавли здешняя весна творится?

Но я склоняюсь перед вами мауляна...

...Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, не думай, что я умолк и уснул в могиле: птица духа моего кричит и летает...

Да мой Учитель. Я вижу и слышу Ту Птицу. Ту перелетную. Но я всегда плачу, когда вижу перелетных птиц. Они дальние. А по двору бродит молодой здешний вешний павлин. И он цветится. И он исходит радужным переливчатым живым хвостом-снопом живым живым живым. И он ходит по двору, мауляна, и я трогаю руками его земные близкие перья, а от перелетных высших птиц я всегда всегда всегда плачу плачу плачу мой Учитель... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, погляди на мой саван — он пришелся мне лучше лучшего платья...

Да мой Учитель. Но ветер вечернего карагача трогает и полощется в вашем халате-саване и шелк в ночи переливается, как жемчужный ствол тополя арара пирамидального... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, взгляни на народ кладбища: он побросал все щиты перед одной стрелой тленья... Если ты стремишься к дервишам — оставь славу, богатство, оставь тело... Оставь тело...

Да мой учитель. Кладбище разрослось и оно уже подступило к моему дувалу. И дувал мой осыпался и я подхожу к нему и встаю на глиняную суфу и гляжу через осыпающийся дувал и алебастровые дрожащие пальцы персты мои обрывают отнимают куски дряхлой сыпучей затхлой глины и я гляжу через дувал, но там стадо теснится, течет, кудрявится. Только оно молчное. Темное. Не блеющее. Только оно молчащее... Это оно Учитель?..

Я оставляю, оставляю тело, как весенняя горная гюрза-змея шелковистую жемчужную бездомную кожу кожу кожу. И её летучую развеет разнесет разворошит ветер? И стадо тесное молчит и это оно мой Учитель?

Оно бьется молчно и туго о сыпучий дувал распадающийся под моими алебастровыми ломкими перстами?..

Но! но! но! но что так кричит хмельной ночной плодовый напоенный осел? Но что так кричит плодовый осел? Где он? Эй эй ой бош! бош! кыш! хар! тьма! уйди! брось! джоон! уйди! ты кричишь зовешь из-за чужого высокого молодого несыпкого дувала? с поля вечерних росных люцерн?..

Осел, дай мне в тиши оставить мое тело...

Я сползаю с дувала и сухие глины осыпаются на мое лицо, на глаза, на губы...

Я склоняюсь перед вами мауляна...

Я склоняюсь перед вами мауляна...

Осел бош! кыш! я гоню тебя я швыряю в тебя кусок глины, но она распадается в пыль в прах на лету...

Дувал сыплется на меня... Осел кричит... Осел кричит... Осел кричит... Плодовый...

И стадо молчное темное глухо бьется о ломкий дувал...

И будет дувал вашей жизни вашей плоти источен червем и разъят развеян ветром!..

И сыплется глина на голову мою, и сыплются лепестки вешней груши цветущей, и шелестят лепечут лопочут китайские многолиственные карагачи, и осел кричит, и стадо сметает дувал сметает свергает сметает и оно льнет ко мне, оно дышит в меня, оно ласкает меня, сносит, уносит, лижет меня многоязыкое...

Я умираю Господь мой...

Все* мои дувалы пали...

Бесшумная птица вьется длится мается с перехваченным перерезанным горлом устилает мой двор-хавли белыми белыми белыми лунными атласными перламутровыми нежными перьями... Пергаментными перьями...

Да! покидаю тело... Да, переселяюсь... Да, ухожу из тленного чапана и вхожу в вечный саван...

Да!..

Но мудрец речет а река течет...

Но мудрец речет а река течет...

Но мудрец речет как река течет...
Но мудрец речет как река течет...
Шайдилла! Ай!..

...Блаженный Будда, Ты говоришь: кто отогнал от себя всякое желание, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубил его, иссушив его — тот монах покинет оба берега, как змея оставляет свою отжившую кожу...

Блаженный Будда, Ты говоришь: кто жаждет тех радостей, жаждет полей и добра, коней и коров, слуг и близких и жен — того побеждает грех, того сокрушают несчастья, и в его сердце вольтуются страдания, как вода сквозь щели в челне...

Шайдилла!..

Да!

Но...

Но мудрец речет а река течет...
Но мудрец речет как река течет...

И вот гляди — они плачут у реки?.. Иные люди...
И вот гляди — они плачут у вешней вешней уходящей уходящей уходящей реки реки реки реки... А сказано: Блаженны плачущие, ибо утешатся... Да. И вот гляди — я плачу у вешней талой реки Нишапур-дарьи... Аму-дарьи блаженной, родящей...

...Господь господь я плачу плачу у реки реки реки
Господь я плачу у реки у травянистой вечереющей реки
реки реки
Господь я плачу у пустынной у реки реки реки
у Нишапур-дарьи реки
Господь Господь уж крови вялые уж крови крови
просятся уж просятся из вен из русл из жил
Господь уж крови как курчавые как агнцы прышущие
из загона ветхого уж просятся из вешних вешних
ветхих ветхих вен моих
Господь Господь ужель остыл ужель остыл ужель остыл
Ужель Господь остыл остыл остыл остыл
Ужель? Остыл?
Но вьется льется хладно ханская форель слетая
с трепетной проливчатой рассыпчатой волны...

И вот гляди — я плачу у вешней талой реки... У уходящей...

...И кликну хладных ледяных форелей горных
И кликну снеговых форелей горных горных родниковых
ледниковых

И в реку опушу закатны очи
И в реку опушу закатны очи
Господь чего там... если все уж прожито...
Чего там... Да форели плещутся чрез горло...

И вот гляди — он плачет у высохшей у высохшей
реки... У реки нагих донных сухих камней... У реки
нагих песков... И вот гляди — он плачет у высохшей
реки... И вот гляди — я плачу у пересохшей реки...

Русло тянется высохшей брошенной кожей жем-
чужной змеи... И вот гляди — я плачу у пересохшей
реки... И вот гляди — я плачу и не хочу покидать бере-
га... И где этот берег? И где тот? Когда река пересох-
ла... Когда река пересохла... Когда река пересохла...
Шайдилла!

Я умираю Господь мой... Я плачу у пересохшей
реки...

Но. Но. Но. Но!..

Я бегу по берегу талой реки половодья... Я маль-
чик отрок половодья... О Господи да я босыми ногами
чую чую чую как река наносит богатые донные уступ-
чивые стелющиеся пески пески пески на отмели, на
отмели, на отмели... на мой берег босых детских ног
ног ног телячьих...

...Тот монах покинет оба берега...

А я не могу покинуть берег половодья... Да. Я бегу
по берегу половодья... Шайдилла!.. Вот он — этот бе-
рег... Молодые ноги в молодых текучих льнущих пес-
ках пёсках песках песках... стрянут... тонут... вязнут...
ликуют... бьются... бегут...

И!..

ЛОВЕЦ ВОЛНЫ

И!..

Я бегу по берегу половодья, я бегу вдоль волн, я
бегу по отмелям сосущим живым, я вхожу в волну ту-
гую крутую гибкую, я ловлю волну... Ловлю... Плыву

в ней... Обнимаю ее... Держу руками... Плыву в ней...
Держу ее...

Не уходи волна блаженная!..
Не уходи волна душистая!..
Не уходи волна текучая беглая скорая!..
Не уходи волна блаженная! Родимая! Моя...
Волна волна блаженная блаженная не уходи!..
Не уходи!.. Рассыпчатая! Сладкая!..

...Я устаю держать тебя... Я выбегаю на берег, я слежу слезу за тобой, моя волна... Я бегу бегу бегу цепкими ногами по прибрежным скользким камням я бегу бегу вровень вровень с тобой, моя волна, моя блаженная, моя уходящая.

Я бегу вровень с волной, я слежу за ней: не уходи не уходи моя волна, моя, моя, ты хранишь еще мое тело, ты моя текучая колыбель гахвара люлька, зыбка, ты теплая от тела моего еще еще еще...

Не уходи волна моя блаженная!..

Я Омар, Омар дитя, отрок еще...

...Но она уходит за изгиб реки за излучину за гору травяных стрекоз, жуков, змей, она уходит, а я падаю о камни и тяжело дышу...

Не уходи не уходи волна, не уходи волна блаженная...

Куда ты уходишь волна? Куда ты течешь река? Куда? Жизнь, куда уходишь река жизнь река?..

...Я встаю, я вхожу в реку, я ложусь в новую волну, я ловлю новую волну, я отдаю ей свое тепло, свое тело. Но она течет струится чрез руки мои... Уходит, уходит с белой летучей хрустальной гривой гребнем... И она уходит за излучину...

...Я ловец волны?.. Ловец волн?.. Я бегу вровень со своей волной-шептуньей шаловливой и она уходит уходит уходит...

...Я сижу на камнях валунах и гляжу на речную излучину... Приречные туранги малые тополя и склонные ветлы тихо веют... У берега по заводи толчками плавают резкие острые водяные пауки-водомеры... Много пауков... Я гляжу на них... Потом беру одного

паука в руки и бросаю его в волны... И его уносит...
А река уходит. Течет...

...Куда ты уходишь моя блаженная волна? Я не удержал тебя. Куда ты уходишь?.. Вот!.. Уходишь... ушла...

Я ловец волны, я рыбак волны с пустой ивовой сетью-корзиной-мардушкой...

И вот гляди — они плачут у реки...

И вот гляди — отрок плачет у быстротекущей у живошумящей реки... И вот гляди — старец плачет у пересохшей, объятай объемлемой песками глухими песками реки... Но!.. Гляди — отрок вьется ликует смакует трепещет у вешней у быстротекущей реки... Гляди — старец взыскует Аллаха смирен обретает восходит у пересохшей реки... Но! куда ты уходишь блаженная мятная мякоть зелень волны? хладный дурман воды?..

Но куда ты уходишь блаженная хладная мякоть зелень волны? хладный дурман воды?..

И вот гляди — Ловец волны, Ловец волн плачет у реки...

Куда ты уходишь волна блаженная? куда ты уходишь река жизнь река куда уходишь?..

Но!..

Но! ты стоишь в красном гранатовом аксамитовом платье у реки... Ты стоишь с глиняным кувшином-хумом в руке стоишь стоишь... Ты стоишь Маина в красном гранатовом аксамитовом платье?.. Ты стоишь? ты не уйдешь как волна текучая набегающая?.. Ты — берег, Маина? ты не уйдешь как волна... Шайдилла!.. ай!..

...Отец мой, муадзин нишапурской мечети Укайл, отец мой Ибрахим-ата, отец мой, пойдите и скажите се отцу-локайцу пастуху Учкуну-Мирзе...

Отец мой, пойдите и скажите ее отцу, что я люблю ее, что я люблю ее, что я люблю ее гранатовое платье у реки, что я люблю ее гранатовое живое платье у реки, когда цветут ранние ранние хладные хладные сырые сырые сырые рыхлые святые миндальные низкие близкие деревья!..

Ата Ибрахим, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое тяжелое платье в дни цветущих речных ранних ранних песчаных миндалей ранних!..

...Куда ты уходишь волна блаженная?..

Куда ты уходишь Маина с глиняным хумом-кувшином, забыв наполнить его вешней ярой талой водой водой водой?..

Куда ты уходишь Маина с пустынным хумом забытым в руке, в перстах обвитых серебряными широкими языческими кольцами? Куда ты уходишь Маина Маина Маина?

Куда ты уходишь волна блаженная?..

...Ата Ибрахим, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое тяжелое платье памирских рубинов бадахшанских лалов в дни цветущих речных ранних ранних миндалей!

Ата, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое платье в дни цветущих миндалей!..

...Ата, муадзин, маддох, певец, а вы поете, ата, суфийскую касыду-песню?

Ата, а вы поете, закрыв глаза блаженные слезящиеся... от трахомы? от печали?..

Ата, а вы поете...

...И дева вешняя с пчелою на плече грядет грядет грядет грядет
И дева вешняя с пчелою на плече грядет грядет грядет грядет
И древо вешнее с пчелою на плече цветет цветет цветет цветет
И древо вешнее миндальное цветет

И дева со очами талыми подснежников февральских у очей
моих грядет грядет грядет
И я персты смиряю среди текучих льдов новорожденных
среди ручьев среди родников

И я уста смиряю в волнах родников
Уходит дева со смиренною февральской ранней
пробужденною златой златой пчелой
Уходит дева со смиренною февральскою пчелою златопчелою
Лишь древо хладное миндальное над головой моей цветет
цветет цветет живет
Лишь древо со пчелою на пчеле у уст моих поет поет поет...

...Ата, ата, ата, пойдите и скажите всем в кишлаке, в городе, в Нишапуре, что я люблю ее гранатовое платье... а, а, а, а она уходит. А она уходит... А!..

...Мы ставили бухарскую цветастую прозрачную тонкостенную рисовую сквозящую пиалу-косу с родниковой ледяной водой в ее шелковые маргеланские одеяла... И когда начались беспокойные телесные сны и пиала расплескалась и дева разметалась и пиала расплескалась и пиала расплескалась в одеяла сохраненные и стали они хладны и нарушены и измяты — тогда мы хотели взять ее в жены... Тогда мы хотели взять ее в жены... Когда пиала с родниковой юной водой расплескалась в ночных беспокойных тесных одеялах... И пришла ночь, когда девственница, когда Маина расплескала пиалу родниковых хрупких вод вод вод в ночных шумных одеялах... Тогда мы хотели взять ее в жены ибо срок пришел ибо расплескалась пиала в ночных сохраненных одеялах нарушенных... Шайдилла!..

...Не уходи не уходи волна волна волна блаженная!..

...Ай Омар Омар Омар отрок не ты ль до срока расплескал ту пиалу? Не ты ль вторгся вошел в Ночь Ранних Цветущих Сырых Миндалей в ее одеяла? До срока? До срока! до срока...

...Но! пиала родниковых вод стояла стоит стояла сохранная?

Сохранная...

Не ты ль Омар вошел до срока в тайные сокровенные одеяла девы девственницы?..

Не ты ль расплескал пиалу незрелую раннюю в ночь ранних ночных миндалей Омар Омар Омар?..

...Не уходи не уходи волна блаженная!

Не уходи вода пиалы сохранная!.. Тайная!..

Не ты? Не ты? Не ты?..

Не я, Ибрахим-ата. Не я, отец. Не я. Не я. Не я. Ата, не я. Но я люблю ее и прощаю ее пиалу нарушенную. Так слепа! так темна! так сладка! так... февральская вешняя ночь цветущих сырых молодых миндалей так слепа! Я прощаю ее, ата, прощаю... Ночь ранняя сладка! слепа!..

Не уходи волна блаженная!..

...Маина, Маина, я люблю тебя...

Это я приходил в ту ночь, в ночь когда расплескалась пиала!..

...Нет! нет нет, Омар! Не ты был в моих курпачах-одеялах. В гранатовых. Не ты был в гранатовых текучих одеялах...

Маина, Маина, но гляди — пиала стоит стоит сохранный напоенный тишайшая в тишайших одеялах шелестящих маргеланскими шершавыми нагими шелками!..

Гляди — она полная нетронутая стоит в одеялах!.. И вода ровная не колеблется родниковая ровная нетронутая неизмятая вода!

И одеяла не гранатовые, а цвета миндальных лепестков-цветов! Да, Маина!..

...Нет, Омар. Ты неслышно поставил иную новую пиалу...

Ты неслышно сменил одеяла...

Прощай, Омар!.. Та пиала невозвратна!..

Она расплескалась...

Омар, прощай...

...Дева девственница — бабочка клеверов луговых, бабочка падающая, летучая...

Только раз можно взять крылья легкие пахучие перстами... Только раз!..

Только раз пыльца, пыль перламутровая, тлен нежный осядет опадет на персты!

Только раз затрепещет, завьется, зальется пылью святою бабочка, исходя, моля лиясь пылясь в хладных перстах!.. Только раз!..

Только раз падет бабочка в последние маки клеверы, травы, дурманы тюльпаны юлгуны емшаны!..

Только раз оттрепещет! упадет падет! в травах (в одеялах гранатовых) летучая бабочка в перстах охотничьих оттрепещет! упадет! падет! в травах, в одеялах, в миндалях, в юлгунах, в камышах, в тугаях, в лугах, в росах дева девственница бабочка летучая дева девственница с родниковыми снежными грудями пиалами-косами, с персиковыми шершавыми зернистыми сосцами... бабочка с текучими пыльцами!..

...Только раз, Омар!..

...Только раз, Маина? Только раз в травах?.. Только раз в одеялах?.. Только!.. Но!..

Не уходи, не уходи, волна блаженная...
Не уходи, Маина!..

Не расплескалась пиала... Это я тайно впустил ночную ханскую резкую форель в пиалу и она расплескала расколола разметала воду, эта крутая густая хрустальная выющаяся рыба!..

Это форель расплескала воду!.. Никто не входил в твои одеяла, Маина!..

...Нет, Омар... Но!

...Ата, ата, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое (как те одеяла) платье на берегу цветущих ранних сырых скорых миндалей...

Ата, кто впустил форель в ее пиалу?.. блажен!..

Ата, а Кто впустил форель в родники и реки земли?.. Аллах?..

Ата, вы перебираете ваши душистые кизилловые четки. У вас от них всегда душисто пахнут пальцы...

Ата, в небе февральском сыром летят стаи перелетных птиц... Они подобны вашим четкам. Они небесные живые говорливые летучие четки...

Ата, Кто впустил форелей в родники и реки земли?..

Ата, Кто перебирает небесные живые говорливые четки-стаи?..

Ата, я люблю ее... я расплескал ту пиалу... Я, ата...

Нет, Омар...

Не уходи волна волна волна блаженная...

И вот гляди — они плачут у реки...

...Не уходи волна... Не уходи Маина... Не уходите, ата Ибрахим, муадзин нишапурской мечети Укайл, окруженной сельджуками воинами...

...Не уходите, ата. Побудьте со мной у этого последнего дувала. Я знаю, ата, что вы мертвы, но я тоже сейчас умру, и Ангел Азраил уж бьет бьет бьет в барабан переселения (иль то дойра, нагретая на костре, глухо бьется за дальними кишлачными дувалами?), но побудьте со мной у последнего дувала... Но скажите, скажите, скажите ее отцу, Учкуну-Мирзе, что я люблю ее гранатовое платье на берегу ранних розовых миндалей, ата, ата, ата...

Блаженный Будда, Ты говоришь: трудно освободиться тому, прилепленному к бывшему и будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспоминающему прошедшие...

...И я никогда не знал настоящего, а всегда бродил в днях прожитых, прошедших и уповал на будущие дни набегающие...

...И волна набегала иль уходила а иной не было... Да...

...Не уходи волна блаженная!..

Но я умираю... Но я вспоминаю... Но, ата, побудьте со мной у последнего дувала...

Ата Ибрахим, муадзин нишапурской мечети Укайл, окруженной объятай чуждыми иными сельджуками воинами, нарушителями гнезд... народов... яиц... сокровенных, нежных, таящих, открытых, обнаженных... Аллах! Будьте прокляты завоеватели иных народов!.. Шайдилла!.. Ай!.. Варвары!.. Трава!.. Тля! Песок! Ковыль! Саксаул!.. Тлен!.. Червь!.. Колючка!.. И они окружают вас, ата!.. Ярятся!.. Ата!..

АТА ИБРАХИМ

Отец! отец отец ата ата ата ата ата... аа ааа а! ата!

Вы поете, поете, поете, муадзин, с лазурного минарета мечети Укайл объятай хохочущими сельджуками воинами всадниками в меховых островерхах лисьих желтых шлемах... шапках-татарках... волчьих песьих малахаях...

Вы поете муадзин муадзин божья певчая горлица вы поете один на минарете...

Вы поете божий певчий кеклик над хохочущими пьяными от степной бузы-араки, от арзы, хорзы, от айрана, от кумыса воинами роящимися внизу внизу внизу...

Вы поете муадзин.

Вы один поете.

Сто нишапурских минаретов молчат безмолвствуют, хотя пришло время утренней росистой молитвы «субх»...

И пришло время молитвы, а вы не знали, а вы не знали...

И пришло время еды и время сна и вы алкали и вы знали знали... и вы спали...

Но вы поете муадзин один в городе молчащих минаретов. Вы поете лазурный кеклик божий, лазурный муадзин на лазурном минарете Укайл...

Вы поете ата ата ата: аааа Алла Алла Аллаааа... Бисмила... иии Рахмани... иии Рахим... Хайна хананхала... Хайна хананхала!..

Вы поете трепетный певчий лазурный кеклик Аллаха...

Вы поете в мертвом городе...

Вы поете лазурный кеклик! Ата вы поете в городе врагов! В граде иных языков, в граде ворогов... Лазурный кеклик!..

И будете петь в народе своем как в граде немых ворогов!..

И будете петь в народе своем как в граде ворогов пришельцев воинов иноязыких иноухих!.. да!..

И будете петь в народе своем, как в городе захваченном врагами... да...

Но!..

Шайдилла! ай!.. Ай!..

Тогда красноперая стрела поднимается ленная хлесткая с земли. Восстает слепая. Змеиная. Идет. Набегает...

Ата, вы поете, закрыв блаженные глаза, широко раскрыв расставив раздвинув блаженные уста.

Ата вы поете раскрыв уста, как врата побежденного града...

Тогда стрела медленно тонко долго долго долго входит в ваш поющий рот, ата. В уста.

Блаженная стрела! Точная! упоенная!..

И кто блаженный стрелок? ловец поющих ртов в стране сомкнутых уст? Кто блаженный?

Кто послал стрелу в уста, а иные стрелы только отбивали куски индийской глазури от минарета...

И кто блаженный, кто лоснится, кто вытирает пот с узкого морщинистого лба цепкой смертной рукой? кто блаженный?..

Отец Маины. Учкун-Мирза...

...Ата ата пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое платье тяжкое!..

Не ходите ата...

Но вы забыли о стреле. Но вы выжили. Горло выжило. Сохранилось. Затянулось. Превозмогло...

Но вы выжили ата ата. Но вы стали петушком с перебитым горлом. Муадзином без голоса... Немым муадзином, ата... С кривым горбатым молчащим избитым измятым горлом, ата...

...И пришла пора сельджуков (и грядет пора сельджуков).

И пришла пора немых муадзинов (и грядет пора немых муадзинов).

И пришла пора петушков мечущихся с переломанным слепым глухим кривым горлом (и грядет эта пора).

И пришла пора немых уст... пора немых... пора поющих ртов, зовущих смертную стрелу... пора кривых глухих хриплых измятых горл (пришла!).

...Тогда вы забыли ту стрелу ата?

Тогда та стрела забылась затянулась ата?

Тогда вы забыли ту стрелу в империи халифате молчащих уст уст?

Тогда вы забыли тот последний минарет? Да, ата? да?..

Но!

Но вы стали искать смаковать ту стрелу. Которая

навек обожгла ужалила ваше горло, ата ата блаженный... Лазурный певчий кеклик!

Тогда вы стали искать вспоминать ту стрелу ту блаженную ту которая навек обожгла ужалила горло.

Тогда вы стали искать вспоминать таить ту стрелу и обжигать удобрять обострять горло туранским кишущим жалящим взывающим острым вином ата ата ата...

Тогда вы взяли в руки тот дамасский резной с лазурным орнаментом стройный кувшин-кумган, похожий на лазурный минарет Укайл, и не расставались с ним во все оставшиеся дни вашей жизни...

Ата ата ата вы не расставались с ним и на ложе любви моей матери оя Биби-Ситоры!.. да?..

...И станут миндальные хрусткие ломкие шершавые одеяла девы девственницы гранатовыми льнущими одеялами жены!..

И станут миндальные одеяла девы гранатовыми одеялами жены... И стали ата.. Но!.. Шайдилла!..

Ата! вы не расставались с кумганом плещущим одуряющим и в первых павлиньих афганских сокровенных одеялах моей тринадцатилетней матери оя Биби-Ситоры в ту ночь... в ту! в ту! в ту... ту... ту... в Ночь (мою ночь!) в Ночь Невесты!.. в ночь Плода (мою ночь) в Ночь Невесты!..

Ай!.. блаженны!.. далече!.. далече!.. далече...

Но!

Но:

...Обиженные! сырые! сонные! хмельные! вы будете искать вино забвенья и на ложе любви жеп своих!.. Обиженные! сырые! хмельные! заблудшие! вы будете искать вино и на ложе первом первых жен своих! и в одеялах девственниц! и в ночь Плода! и в Ночь Невесты!.. (ай та ночь ай ай далече ай далече!..)

...Ата, это та виновная стрела?.. Ата вы не расставались с кумганом в ночь невесты и на ложе любви матери моей тихой молчной улыбчивой?

Ата вы так начали меня? так сотворили замесили меня? ата вы не выпускали кумган с туранским живым вином? вы выпускали из рук ата?

Да?.. Нет ата?.. блаженный... вы не знали?.. вы не знали!.. вы не знали...

Ата вы держали в устах цветок персика цветок сосок, дымчатую зернистую сливу-сосок томительный терпкий хладный ранний цветок сосок Биби-Ситоры моей матери?..

Ата вы не знали... Вы держали в устах горлышко напоенного кумгана горлышко томительное терпкое живое хладное?..

Ата вы не знали... Вы держали в устах горлышко сосок...

Ата вы не знали... вы блуждали устами... вы блуждали... вы не знали... где сосок?.. где горлышко?.. где? где? где? где... где где... Хмельной блаженный вы не знали... вы блуждали... вы теряли... находили... путали... не знали... где сосок?.. где горлышко кумгана?.. где?.. не знали...

Ата!.. Блаженный!.. в ночь живых рубинов роящихся струящихся текучих истекающих... не знали... Где сосок? где горлышко кумгана... вы не знали... Да ата! да да блаженный бражный вы не знали!.. И!..

...Блаженны сотворенные во хмелю уст и тел! да!..

А вы ата пили из дамасского павлиньего кумгана, поверженное горло сосущее орошая ублажая... струями рубинов вишневых растекающихся...

...И будут хмельными сотворенные во хмелю! да!.. Я ата!.. Я...

Шайдилла! ай...

Ата ата вы и поныне бродите по нашему дворику-хавли с дамасским павлиньим кумганом в руках... в зеленом старом бухарском чапане, без чалмы, без каушей, босой, растерянный, дальний, ата ата вы бродите улыбочивый по нашему дворику-хавли, добела дочиста подметенному моей улыбочивой безмолвной матерью матерью матерью оя Биби-Ситорой...

...Не уходи не уходи волна волна волна блаженная блаженная блаженная! не уходи...

Ата вы и поныне бродите с дамасским павлиньим кумганом, похожим на тот лазурный минарет Укайл, на минарет чужой стрелы... Ата вы бродите? вы утихаете? вы клонитесь к земле? вы спите? а?..

...Ата ата ата проснитесь ата проснитесь пробудитесь ата встаньте!.. Это я, ваш сын Омар Омар, проснитесь ата!.. Встаньте ата!.. то я Омар Омар Омар... ваш сын, ата... ваш Омар... отрок с нагой бритой головой, с черными, как у вас, сизыми как хератские полнотелые полноплодные многоводные сливы глазами... с глазами полными слез... встаньте пробудитесь очнитесь ата ата ата... родной... муадзин... немой, лазурный певчий кеклик с изломанным разъятым изъятым хрипящим мелким горлом!..

Ата отец проснитесь... Ата вы забыли кумган... Ата ата вы опять забыли кумган с туранским рубиновым роящимся вином...

Ата ата вы опять опять забыли забыли кумган с туранским рубиновым жалящим слепым вином начатым тронутым едва. Едва...

Ата ата вы опять забыли забыли забыли ваш павлиний кумган с едва тронутым живым рубиновым кудрявым вином на нашей глиняной суфе, а сами уснули под вешней шмелиной пчелиной гиссарской тучной грушей веющей...

Ата вы опять опять забыли на суфе кумган полный вина... Вы пьяный пьяный ата!.. Вы дряхлый ата!.. Старый ата!..

Вы забыли кумган и уснули под цветущей грушей...

Ата груша веет...

Ата кумган стоит тяжелый рубиновый живой... Душистый. Терпкий...

Ата ата зачем зачем так так так веет груша?

Зачем вы забыли кумган? В нем вино. Оно густое. Недвижное. Тяжкое. Липкое. Сонное. Ленное ленное ленное вино...

Ата я поднимаю кумган.

Мне тринадцать лет. Ата!..

Блаженны сотворенные во хмелю...

И будут хмельными сотворенные зачатые во хмелю Жизни...

Я, ата...

Я поднимаю кувшин к губам и пью. Хмельная густая медоточивая струя... Она в моем горле, ата. Стрела лазурного минарета... Ваша стрела шевелится в моем

горле ата ата ата... Я пью струю. Я пью стрелу... Ата, вино тягучее вязкое долгое... Кумган пуст ата, а вы спите...

Я ставлю пустой кумган на землю. На землю ата. Или в арык?.. В арык... Спите ата... Не просыпайтесь. Не вставайте...

Биби-Ситора подметает хавли. Она спиной ко мне стоит, но я знаю что она улыбается моя моя моя оя, моя безмолвная тихая оя, матерь...

...Спите отец. Спите ата на суфе весенней прохладной. От глин свежо вашему телу ата. Оя приносит вам длинную узкую подушку и самаркандскую курпачу-одеяло. Спите ата...

...А я иду в поле? в своем хавли? я иду в клеверах, тону падаю плыву зарываюсь забываюсь затуманиваюсь дремлю в сладких текучих шелестящих ласкающих шепчущих клеверах коровьих овечьих... Дремлю в дремотных клеверах... Шепчу в шепчущих травах...

Клеверы клеверы клеверы сладкие сладкие низкие высокие высокие высокие живые клеверы. Клеверы возьмите меня, возьмите навек меня шелковые клеверы возьмите меня навек заласкайте возьмите втяните опутайте засосите меня... Возьмите меня клеверы вешние духмяные...

Возьмите меня медуницы медвяные пряные пряные медвяные пьяные... Я плачу блаженный я плачу пьяный в высоких родимых льнущих клеверах... в медуницах блаженных блаженных... Возьмите меня... Я плыву в рисовых полуденных мягких мятных разомлевших полях мяклых в желтых ленных рисовых незрелых сырых вялых лягушках в желтых ленных рисовых незрелых сырых вялых лягушках, в комарах нежалящих сонных...

Возьмите возьмите упокойте усыпите меня полуденные струящиеся топкие ленные рисовые поля!.. Возьмите меня возьмите утопите усыпите поля поля поля лепетные... Я лежу в поливных опийных источающих сонных маках-текунах, я давлю пальцами их зернистые шершавые вялые головки и пью млечный незрелый липкий сок-кукнар... Горький... сладкий! сладкий. Маки маки дымчатые дымчатые возьмите

возьмите меня, усыпите в дурманах, в мареве, во тьме, в тлене... Маки маки высокие высокие возьмите малого малого меня!..

Но!..

...Я залезаю на цветущую густую алебастровую грушу... Брожу ноздрями в белых одуряющих цветах. Но груша не пахнет... Это розы розы розы, нишапурские жирные атласные розы розы истекают источают тлеют исходят ароматами недвижимыми непроходимыми тесными... Я лежу в розах... Но откуда в нашем убогом хавли-дворике розы?.. Нет роз. Я лежу в клеверах. Я пьяный. Шалый. Огромный. Небо струится. Я лежу в густом весеннем небе. Птицы летают. Блаженные пьяные вешние одуревшие маковые опийные птицы. Одна залетает западает тычется мне в рот. Низкая одуревшая птица...

И будет весна, когда одурманенные от цветений от излиятий цветов деревьев цветущих, цветошумящих, родящих вешний необъятный хмель дух, опьяненные низкие птицы слепые будут залетать в ваши рты!..

И будет весна необъятных цветородящих деревьев, когда слепые опьяненные птицы будут залетать в наши рты блаженные! дышащие!..

И будет весна такая весна, но не все узнают ее!.. Одна весна.

И будет такая весна, но не все узнают ее!.. Одна весна, но не все узнают ее...

Шайдилла! но я узнал ее! Я узнал! Я сплю дремлю в небе пьяных птиц, в ветвях груши цветущей цветущей!..

Но!

Но!..

Там далеко на земле на суфе спит под цветущей грушей мой отец... Там далеко на земле моя безмолвная улыбочивая мать мать Биби-Ситора подметает наш малый дворик-хавли... Там. Далекo. На земле. Да...

...Ай! ай!.. ата я слезаю, я слезаю, я слезаю, я навек слезаю с блаженной груши...

Ата вы хмельным сотворили меня?..

Где горлышко кумгана? где сосок?
Ата вы хмельным сотворили меня...
Где где где и горлышко и сосок? где?..

Я слезаю с Груши Блаженной. Я поднимаю с земли дамасский лазурный кумган. Он пуст. На липком сонном дне шевелятся ползают роятся золотые глухие осы. Они поднимаются, отлепляются тяжкие от дна гиблого и летят на мое лицо. Они жалят мое лицо. Они жалят берут мои глаза, губы, щеки. Они виснут на ресницах. Обрываются. Томятся. Их много роящихся острых золотых винных пьяных ос. Но мне весело! Сладко! Я хохочу, я не отнимаю лица от кумгана. Я не выпускаю ос. И они жалят мое лицо. Долго. Пьяные осы меркнут... Пьяное лицо. Мое упоенное в осах...

...Я бросаю в арык кумган. Полный роящихся дурных липких блаженных бражных ос ос ос...

...Ата вы забыли кумган. Ата проснитесь! Ата спите! Ата ваш кумган пуст. Ата там одни осы и они не могут лететь тяжкие. Ата не просите ваш кумган. Он пуст... Там одни уснувшие осы ата! Ата спите под цветастой старой курпачой, под цветущей яркой грушей... Ата спите... Ата вы блаженная Оса уснувшая. Не навек ата? Нет! нет! нет!.. Блаженная липкая золотая оса!.. Ата!.. Не засыпайте, ата. Не жальте...

А в кумгане осы вились, роились, смеркались, смертно сплетались, усыпали сладко... Не спите ата, не усыпайте навек!.. Смотрите — улыбчивая Биби-Ситора подметает дворик-хавли. Тихо, чтоб не разбудить вас ата... Но вас уже не разбудить ата ата ата... Осы спят а мое лицо горит... Осы спят а мое лицо горит... Ата!.. Курпача цветастая самаркандская покрывающая ваше тщетное дальнее тело не колышется не вздымается не шевелится... Я вижу...

Тогда я бегу в нашу кибитку мазанку. Тогда я захожу глиняный старый хум с прошлогодним оставшимся медом... Тогда я обмазываю последним медом стены нашей кибитки. Обмазываю стены густым сонным медом. Я жду. Я улыбаюсь. Я знаю.

...Биби-Ситора поднимает голову с длинной густой пахнувшей арабским галиэ косою косою... Она улыбается... Она знает?..

Я обмазываю стены медом... И тут налетают тучные осы... Вьются! Ликуют! Чуют! Прилипают припадают приникают к меду! Вбирают, сосут, маются... Стаи ос... Летят на стены медовые готовые... Садятся...

...Ата проснитесь. Смотрите, ата — стены медовые золотые медные медовые роятся. Смотрите — кибитка мазанка вся золотая! Живая, ата. Крылатая. А вы хотите уснуть уйти...

Но!..

Осы иные слабые малые кроткие гибли вязли мяклые покорные. Теплые.

...Омар Омар зачем ты обмазал кибитку мазанку рыхлую густым цепким гибельным томительным вязким медом медом медом? Зачем сынок?..

Тогда я отрываю отнимаю отбираю ос ос ос от липких стен, но их тонкие извилистые лапки и крылья сквозящие остаются на стенах тянутся, не даются... обрываются хрупкие ломкие медленные...

Не даются, ата!.. да...

Но кибитка золотая... Медовая... Смотрите, ата!.. Не спите. Не засыпайте. Не умирайте. Ата...

Золотая медовая кибитка охвачена объята объемлема златыми последними осами осами!.. Она вся шевелится живет роится. Она живая, ата. Не умирайте... Кибитка мазанка вся вся дышит живет златится смертными живыми живыми живыми налетевшими набежавшими пчелами осами тлями мухами...

Не умирайте ата!.. Не бросайте медовую кибитку!.. Не засыпайте! не бросайте родную медовую кибитку ата ата ата!.. Ата...

...Омар Омар о боже сынок сынок ты поэт.

О боже зачем это в стране нашей? в стране иных? в стране избитых измятых горл? молчащих уст пьющих лишь слепое вино? таящихся ртов взятых стре-

лой? Сынок ты поэт!.. Кибитка медовая сынок! Она роится живая медовая. Но она убивает летучие живые жизни... Спасибо сынок!..

...Ата! я отрываю прилипших ос, но налетают новые. А те, что увязли сникли напильсь — те отмирают вялые блаженные упоенные уснулые. Но я вижу, что их лица их пыльцевые рыльца, морды, лики улыбаются. Напоенные мертвые пчелы...

Улыбаются с мертвых стен...

Ата вы улыбаетесь? ата...

Уже мед кончается, уже глиняный хум пуст, уже живые пчелы, осы улетают, уходят, уже остаются только застрявшие навек навек в меду на стенах шевелящихся...

И благой блаженный хмельной умирает с улыбкой на устах?..

И благой блаженный хмельной умирает с улыбкой на устах?..

С улыбкой опьяненных хмельных смертных пчел?..

Да!..

И!..

Уже хум пуст, уже нечем мазать стены пчелиные утихающие. Золотые. Стылые...

Ата не бросайте медовой кибитки. Она была живая. Она роилась вешними пчелами-сборщицами. Она роилась летучими золотыми хрупкими жизнями, налетевшими из вешних садов, где вам уже не бродить мой садовник, мой ата, мой немой муадзин...

Летели летели летели дремучие золотые крылатые жизни из роц. И увязли в меду. И увязли умолкли в меду блаженные...

И где сосок и где горлышко? где где где?

Летели блаженные летели и сомлели тленные... сомлели...

Ата ата ужель, ужели?..

Ата я плачу а цветастая курпача недвижна, а в ней ваше тело, тело тело... Ужели?

Ата уже пчелы улетели. Ата пойдете в рощи, в сады лепетные... Ужели?..

Сынок сынок Омар Омар поэт... зачем... зачем... зачем петух в немой в глухой ночи зачем поэт в империи стрелы победной смертной В Империи Стрелы Победной Смертной?..

Сынок, скажи соседу Учкуну-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную!.. Скажи сынок... Хайна хананхала!.. Хайна хананхала!..

Прощай стрела блаженная!.. блаженная!..

Летели пчелы ярые медовые летели да сомлели тленные сомлели... Ата ужель? ужель? ужель? ужель?

Ужели?..

Не уходи волна блаженная...

Ата, ужели?..

СМЕРТЬ

Но! Ата дальний омытый мертвый побудьте со мной у последнего саманного дувала (и он уже рушится и осыпается на меня...)

Шайдилла!.. ай! ай... меня палого лижет стадо многоязыкое и ангел Азраил с бараньими текучими переливчатыми глазами стоит жует жует рукав моего шелкового чапана...

В ночь возвращающихся стад, в ночь возвращающихся стад стад...

О стада возьмите меня примите!..

И уйдете в ночь напоенных молочных теснящихся возвращающихся стад и Пастух не отличит вас от овец темнеющих!.. и псы-волкодавы не учуют сторожевые...

Но Господь знает...

Ата побудьте со мной в исходе моем в возврате моем в ночь возвращающихся стад...

Я не говорю я не говорю как неверные Пророку: неужели неужели мы снова оживем после того, как были уже мертвыми и обратились в прах? Слишком далек возврат такой...

Нет! не говорю так... ата, побудьте со мной...

Сынок сынок сынок Омарджан Омарджан, я тут, я с тобой, я среди смертных стад, это Ангел Азраил с бараньими текучими глазами жует рукав моего моего зеленого дряхлого бухарского бекасабового чапана... Но но но сынок Омарджан, пойдн скажи соседу Учкуну-Мирзе (он мается он страждет сынок!) скажи Учкуну-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную, что я уже тогда простил, на минарете... Пойди скажи Омар!..

Пророк сказал в исходе своем с последнего минбара: о, мусульмане, если я ударил кого-нибудь из вас — вот спина моя, пусть и он ударит меня... Если кто-нибудь обижен мною — пусть он воздаст мне обидой за обиду... Если я похитил чье-нибудь добро — пусть отнимет его у меня обратно... Не бойтесь навлечь на себя гнев мой — зло не в моей природе...

Пойди скажи Учкуну-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную...

Да, ата...

Да!..

Но!..

Ужели?..

ПЫЛЬ! ПЫЛЬ...

Учкун-Мирза! Учкун-Мирза!.. Откройте ваши глухие ворота! Откройте!.. Там мой отец лежит мертвый! Омытый на последней грушевой доске... Откройте!..

...Омытые! омытые для савана — вы только теперь стали Чистыми!

...Омытые! на смертном одре — вы только стали Чистыми...

Возлежащие в пирах земных, в туях дня и ночи, при дастарханах, в утехах тела возлежащие, таящие, тратящие, жгущие свечи и во дне, а ныне лежащие лежащие лежащие на немом смертном ложе, на последней грушевой доске омываемые... омытые перед саваном...

Омытые перед саваном — вы только теперь стали Чистыми!.. да!..

Шайдилла!.. Учкун-Мирза, там мой отец ата Ибрахим лежит омытый на грушевой доске — он простил вас, он простил ту стрелу блаженную!

Учкун-Мирза, откройте ваши глухие пыльные ворота сельджука!..

Учкун-Мирза блаженный!.. Откройте ворота глухие беспробудные убийцы сельджука!..

Я бью кулаками о ворота, но они глухи...

Друг, друг мой — тебя уже нет, но ворота твоего дома открыты.

Друг, друг мой — тебя уже нет, но ворота твоего дома открыты...

Друг мой друг посмертный тебя уже нет и ворота твоего дома закрыты...

Я бью обдираю обиваю кулаки о глухие пыльные ворота локайца — пастуха Учкуна-Мирзы... Друга посмертного моего отца отца отца...

Но он пасет на дальних пастбищах, на травяных одичалых лугах-джайлоо...

Но он пасет на дальних пастбищах, на травяных одичалых лугах-джайлоо...

И не знает. И не знает...

Но!..

Расцветал на дальних внешних пастбищах окот лазоревых* фисташковых ягнят!

Расцветал на дальних смертных пастбищах окот каракулевых овечьих скорых сырых слепых ягнят святых дитяты!..

Расцветал краткими текучими стелющимися живыми терпкими густыми макама под ножами пастухов... под ножом пастуха Учкуна-Мирзы...

...Талые талые ай тало горлицы воспыют у родников у родников у дальних пастбищ родников!..

А! ой!..

...Ай! Шайдилла!.. Блаженны все человеки! И согрешившие и понесшие в тайных одеялах!..

Но! но! но! но!

Маина! ты? ты! ты...

И на пыльных глухих безмолвных забытых вратах как знак позора висит разбитый глиняный хум... С которым ты ходила на реку? в рубиновом живом платье?..

И не знаете о ваших дочерях пребывающих тайно в ночах плода в Ночах Плода Налитого в одеялах девьих!..

И не знаете о ваших дочерях пребывающих тайно как вешние реки в Ночах Песка в Ночах Воды...

Но висят разбитые кувшины-хумы на вратах ваших!..

Тогда я снимаю хум с ворот и бросаю его в рыхлую дремливую пыль кишлачной дороги.

Маина! Маина! ты! ты! ты!

И твоя голова свешивается через глухой тупой сухой дувал?..

...А в полуденном струящемся кишлаке пустынно и немо и смертно и сонно...

Тревожно!..

А твоя голова сонно зрело молчно свешивается через сыпучий глухой дувал...

Тревожно!..

...А в полуденном струящемся солнечном кишлаке кишлаке пустынно и немо и безлюдно, но кто-то глядит с дальних затаившихся зорких крыш...

Тревожно!..

Жарко! Сонно! Солнце, Маина! Пыль! Пить хочется!*Пить — а разбитый кувшин-хум затонул в пыли...

Пить — а кувшин разбит...

Пить — а кувшин разбит...

И глядят с дальних таящих глиняных плоских крыш (на крышах трава высохла вымерла).

И глядят с дальних таящих глиняных плоских крыш (на крышах трава высохла вымерла).

...Бойтесь, что оскудеете душами, как крыши травами!

Бойтесь, что души ваши станут как травы осенние
высохшие на крышах растрескавшихся!..

Бойтесь, что души ваши станут как потрескавшиеся
крыши осенние... с травами полегшими...

Но!..

...Маина, пить хочется. Пыль терпкая текучая сол-
нечная сонная мучит босые ноги...

Твоя твоя голова движется мается над дувалом.
Свешивается...

Маина! Маина! по древнему обычаю те сливы, те
яблоки, те груши, те плоды сада, что свешиваются
через дувал на дорогу на дорогу на дорогу — те плоды
принадлежат путникам, каландарам, странникам, дер-
вишам, масхарабозам, певцам маддохам, Маина Маина
Маина...

Пыль дремучая пахучая плещется солнечная в
ногах моих босых, в глазах, в ресницах, в губах моих
моих потрескавшихся как те те те крыши глядя-
щие...

Пить хочется пить хочется, а кувшин разбит...

Но!

Те плоды, что свешиваются над дорогой — те пло-
ды принадлежат путникам... Маина...

О напои меня дорожной ранней сизой сливой у арыка

О напои меня заблудшей сизой тучной сливой исходящей

у арыка

у арыка у арыка о Маина ой Маина...

И твоя голова смоляная сливовая свешивается через дувал

у ленного у мелкого у тихого арыка у арыка

О напои меня хератской тучной тучной ранней сливой

у арыка

Те плоды что свешиваются через дувалы — те плоды

принадлежат

путникам дорог дервишам пустынь, странникам такыров...

О напои меня меня суфийской тучной сливою обильной

исходящей

длинно сладко зыбко исходящей капающей у арыка

у пустынного...

И твоя сливовая голова свешивается через дувал...

И она принадлежит путникам Маина?..

И она принадлежит путникам Маина?..

И она принадлежала путникам, путнику Маина?..

Пить хочется а кувшин разбитый...

Пить хочется а кувшин разбитый...

Но!

Я отсекаю отрываю губами заблудшую дымчатую сливу с ветви полной пыльной!..

Я отсекаю отрываю губами заблудшую дымчатую сливу с ветви полной пыльной!..

Я улыбаюсь я ликую я лелею сливу, а босые ноги мучаются об осколки разбитого хума-кувшина, а я целую твои твои твои губы губы губы пью Маина сливовые сливы сливы сливы сливы сливы заблудшие открытые пустынные...

Моя Маина! моя Маина! моя Маина Маина Маина Маина...

И ноги мучаются о кувшин о хум о твой разбитый...

А в зубах моих младых хрустят твои хрупкие стеклянные бусы Маина!..

А в зубах моих младых хрустят твои спадающие рассыпающиеся стеклянные бусы Маина!..

А ноги ноги ищут мучаются о кувшин о хум о хум о твой разбитый... И!..

Ты сходишь ты сползаешь ты струишься ты спадаешь ты с дувала пала у арыка у арыка у арыка у арыка слипшись мы лежим припав прижав совпав совпав совпав моя моя в пыли в пыли в пыли в родимой безъязыкой в древней в теплой в ласковой в уступчивой в пыли пыли полуденной в пыли пыли пыли пыли моя! моя! моя! моя! моя! в пыли ликующей восставшей до небес и скрывшей нас от крыш от крыш от глаз от глаз чужих косых моя моя моя Маина!..

И ноги ноги мучаются радуются ищут бьются выются о кувшин о хум о твой разбитый!..

О! напои меня меня заблудшей ранней пыльной сладкой сизой тучной течной сливой Сливой у арыка!

О напои меня заблудшей святой сливой Сливой у арыка...

И!

Напоила!..

Пыль пыль пыль пыль пыль...

Пыль пыль пыль пыль...

Пыль пыль пыль...

Пыль пыль...
Пыль!..
Моя Маина!..

ГЛИНА! ГЛИНА...

Пыль! пыль! пыль...
И!..

И первое семя падет прольется в пыль и станет пылью и будет пыль.

И первое семя падет прольется изольется в пыль и будет пыль...

Но!

Господь, Ты говоришь: о люди! если вы сомневаетесь в воскресении, подумайте о том, что мы создали вас из праха земного, затем из капли семени, которое образовалось из кровавого сгустка...

И до поры мы оставляем в утробе скрытым то, что угодно нам, а затем повелеваем изойти оттуда нежному дитяти...

Еще недавно ты видел землю иссушенной, но мы велели на нее снизойти воде, и вот земля всколыхнулась разбухает и вызывает к росту всевозможные роскошные растения...

Но!..

Первое семя падет прольется совется в пыль и будет пыль!

И будет пыль?.. И станет пылью?..

Но падет дождь, но падет вешний тучный многий ливень темный и пыль будет глиной благодатной! мятной! текучей! пахучей! родящей родящей...

И будет пыль глиной благодатной!.. Божьей глиной таящей хранящей! глиной душистой вешней Глиной Исторгающей!..

Глиной? глиной? глиной?..

И! и! и!..

...Мы в пыли? мы в глине Маина? мы в неожиданном налетевшем набежавшем вешнем тяжком ливне ливне ливне Маина? мы сплетенные заблудшие мы в ливне в глине Маина Маина?..

Господь Господь Гончар Гончар мы твои сосуды? мы твои кувшины?

Мы в благодатной глине мы в глине чреватой священной исходной мы в глине Маина Маина?..

И!..

...Блаженны заблудшие плывущие в вешней глине! в глиняном ливне!..

Блаженны заблудшие плывущие слепо слепо слепо в вешней глине! в глиняном ливне!..

Блаженны вымазанные в глине в глиняном ливне блаженны сверкающие в глиняном ливне как серебряные рыбы рыбы рыбы...

Блаженны плывущие в глиняном ливне как серебряные рыбы...

Господь Гончар Рыбарь мы твои сосуды? твои кувшины? твои рыбы?..

...Блаженны плывущие плывущие текущие блаженны сплетенные слепо блаженны заблудшие в глиняном ливне, а не завязшие застрявшие насмерть навек в меду пчелином в меду жизни в меду гибельном!..

Но! о Господи блаженны и те легкокрылые и те те те медовые спелые сонные ленные жизни жизни жизни... те ройные стайные божи жизни!

Но!.. О Господи мы-то в глине мы в божьем тесте мы в тесте мы в тесте извечном мы в глине дремливой текучей зыбучей чреватой Чреватой Маина Маина Маина!..

И! сойдем? утонем? разоидемся? разбреемся? вернемся вернемся вернемся в исходные темные теплые отчие глины глины родные родимые? Вернемся в родимые глины Маина Маина Маина?..

...Нет нет нет Омар!.. Нет Омар!.. не вернемся... нет нет... не сойдем... нет не канем не канем во глине в бесследные глины во глины... Омар... не одни мы... не канем не канем во глины... Омар!..

Не одни мы!..

А изойдет дитя родимое лелеемое лепетное из чрева из пыли из ливня из глины!..

А изойдет дитя родимое!.. А выйдет а взойдет малое малое дитя дитя а выйдет Глина глины!..

Блаженны глины павшие во глины!.. Блаженны гли-

ны-семена упавшие во глины!.. блаженны живые таящие глины упавшие в вешние глины родящие!..

Блаженны Маина!.. Ай не одни мы?.. не одни мы... ой Маина!..

А изойдет из чрев дитя родимое!

А взойдет дитя родимое в лоне в лоне в твоём моя моя моя Маина!..

И!.. блаженны заблудшие грядущие плывущие в глиняном ливне ливне спутанные вымазанные в глине!..

А взойдет из глин живых дитя дитя родимое родимое родимое...

...А поднялось взялось а родилось из дальних добрых тучных глин дитя дитя родимое хранимое хранимое хранимое!..

И...

И ты стоишь стоишь стоишь ты улыбаешься ты озираешься ты улыбаешься ты остаешься от горячих глин от хлынувших проливчатых ты остаешься ты ты ты дитя родимое хранимое единое ты остаешься, Муниса одна от глин от тех тех навеки навек навек навек схлынувших!..

Муниса Муниса дитя родимое дитя Объятых вешними глинами дитя ливня Дитя Глины... Дитя Ливня...

И...

Муниса Муниса дочь дочь моя моя ты стоишь ты сирота сирота с косицами чистыми смоляными в кислом молоке айране туго туго осиянно вымытыми...

Моя Маина! моя Маина! моя Маина Маина Маина Маина...

Шайдилла! о Боже Боже помилуй малых сих! помилуй агнцев вешних росооких! помилуй луговых мотыльков божиих захожих Боже! Боже! Боже!..

А ты стоишь Муниса дитя единое с вымытыми косицами!..

А я вплетаю в твои косы стеклянные бусы твоей усопшей в родах матери (моей! моей! ушедшей в глины навек в глины) Маины Маины...

Ты стоишь Муниса сирота дитя с вымытыми блестящими косицами... Ай дитя родимое! ай!.. родимое...

Но!

Но ты уходишь ты уходишь ты ушло ушла дитя навек в дожде осеннем смутном утреннем...

Но шел китайский караван чрез наш кишлак еще не опавших хладных белых гладких чинар чинар чинар... но шел караван китайский чрез наш кишлак белых белых в дожде чинар чинар чинар чинар гладких дымных... но шел в дожде китайский прохожий караван (куда? куда? куда? куда от берега моих моих родных чинар?).

Но шел китайский караван среди утренних дымных родных родных чинар чинар чинар...

Но шел в дожде китайский ранний караван среди белых чинар, а кишлак спал в дожде осеннем спал спал спал в гнезде чинар в гнезде чинар...

Но шел китайский караван и так звенели пели шептались соплетались никли колокольчики в дожде мокрые колокольчики каравана переливались проливались серебристые серебристые серебристые лучистые... кудрявые как агнцы недолгие каракулевые фисташковые...

Но так переливались серебристые мокрые глухие колокольцы верблюдов, но так так так они пели... лепетали... уходили... звали звали звали.

Но так пели мокрые серебристые колокольцы... так пели так уходили так звали мокрые ранние звали так звали Так Звали...

Но кишлак спал, Муниса, дитя дождя, и лишь ты слыхала ты слыхала ты слыхала...

Но, дитя дождя, ты в дождь не спала ты в дождь не спала а услышала услышала... (воспоминала? чуяла? слыхала?).

Но кишлак спал — лишь ты слыхала...

Дитя дождя в дожде не спит, дитя дождя в дожде глаз не смыкает...

И ты ушла ушла ушла навек навек навек ушла за караваном...

И ты навек ушла за мокрыми томящимися колокольцами в дожде в дожде раннем...

И ты навек ушла за караваном колокольцев мокрых ранних ранних ранних из гнезда навек навек ушла дитя родимое единое ушла ушло выпала выпало из гнезда гнезда чинар опавших опадавших тяжко сонно сонно сонно облетающих...

И ты ушла за караваном колокольцев мокрых
мокрых серебристых серебристых ранних ранних ран-
них...

Ты ушла дитя раннее, с косицами чистыми, с бусами
вплетенными стеклянными...

Ты ушла с бусами своей усопшей в родах ма-
тери...

И ты навек ушла за караваном колокольцев мокрых
ранних ранних из гнезда чинар кишлачных ранних ран-
них ранних...

А караванщик караванбаши китаец, монах-даос с
косой играл на нефритовой флейте-нае!..

А караванбаши улыбаясь в дожде даос с косой играл
на нефритовой флейте-нае!..

Иль караванбаши даос с косой играл улыбаясь на
нефритовой флейте-нае?

Или даос монах провидец призрак ангел не играл
на нае? иль не было дождя? иль не было чинар? иль
не ступали верблюды каравана?

Но! но! но! но оставался стлался дух дух стойкий
одурающий витал витал стоял дух камфоры барусовой
китайской дух прощальный в кишлачных расцветающих
чинарах чинарах...

А караванбаши китаец даос с косой играл в дожде
улыбаясь улыбаясь улыбаясь на нефритовой флейте-
нае!

И ты ушла дитя дитя дитя за колокольцами, за
наем навек навек за родимые чинары...

Блаженны уходящие за караваном ранним!..

Блаженны уходящие за караваном дальним ранним
ранним многодальним многодальним!..

...И даос с косой играл в дожде улыбаясь улыбаясь
играл на нефритовой флейте-нае...

Блаженны уходящие за ранние чинары... за роди-
мые дувалы...

Блаженны уходящие за ранние чинары отчины пе-
чальной... за дувалы...

Блаженны уходящие за рубежи родимые печаль-

ные... нечующие... спящие... молчальные... сиротские... печальные... родимые... печальные...

Блаженны птицы неоглядно над дувалом летящие!..

...Муниса дитя дитя дитя родимое родимое родимое и ты навек?.. навек! навек уходишь за родимые киш-лачные сиротские чинары за чинары за чинары...

Блаженны уходящие за караваном ранним ранним многодальним многодальним многодальним!.. Да!..

Ай! Шайдилла!.. В то утро мокрых серебристых певчих певчих колокольцев колокольцев, в то утро поющего в дожде даоса, в то утро опадающих родных родных чинар, в то утро пропавшей ушедшей дочери...

В То Утро Ушедшей Дочери в то! то! то! в то утро навек ушедшей дочери Учкун-Мирза шел шел по киш-лаку притихшему по узким глухим змеиным улочкам, плывущим в осеннем темном смутном дожде...

В то утро Учкун-Мирза шел по кишлаку без чалмы, без каушей, босой ступал хмельной слепой ступал ступал по дождливой текущей тусклой глине глине и рвал мучил землистыми пальцами чабана свой толстый гиждуванский чапан...

В то утро Учкун-Мирза кричал стенал стонал: эй, люди! Ой люди!.. Смотрите!.. Слушайте!.. Это я убил Ату Ибрахима, а он простил мне мою стрелу!.. Зачем я убил его?.. Зачем я убил свою дочь Маину, а сказал, что она умерла в родах!.. Я зарыл ее под деревом инжира в своем хавли... Я зарыл ее под деревом инжира, под деревом без листьев, под деревом сразу плодородящим, сразу дающим выгоняющим выпускающим родящим плод на ветви нагой нагой нагой... А у моей Маинь а у моей Маины разве были листья? разве была весна листьев? и она была ранней нагой плодородящей ветвью и я зарыл ее в землю, как шейх Барсисо, из-за святости зарывший в своей келье-худжре тайную жертву своей любви...

И я зарыл ее в землю, но сегодня земля осела она потекла в дожде и она моя Маина выглянула из земли... она вышла... моя дочь... моя Маина...

И она опять вышла в дожди!.. в этот осенний дождь, как в тот вешний ливень ливень!..

И она опять вышла в дождь... опять вспомнила вспомнила...

Зачем я зарыл тебя с грудями полными материнского новорожденного млека молока?..

Зачем я убил тебя а ты опять вышла в ливень?

Зачем я зарыл тебя а ты опять вышла в ливень ливень?

Зачем Маина?..

В то утро прибывающего пустынного дождя ливня Учкун-Мирза воскричал на плывущих улицах кишлака: эй, люди!.. Дехкане!..

Возлюбленные! Люди!.. Ой люди!.. Зачем я злой?.. Зачем в молодости моей на нинапурском базаре я поскользнулся и упал на дынной корке и в гневе разрезал ее ножом на десять кусков?.. Зачем я злой люди?.. Зачем я не простил тебя десять раз моя Маина?..

Зачем я зарыл тебя а ты вышла в ливень в ливень? в ливень, сносящий увлекающий дувалы глиняные глиняные?..

Зачем опять текут глины глины глины? не вешние благодатные а осенние глухие глухие глухие беспробудные глухие?..

Зачем текут глины?.. ай глины! я ложусь в густые темные текущие глины, я кусаю пью захлебываюсь в глинах, я томлюсь топлюсь плыву плыву я возношусь смиряюсь прозреваю я тону тону тону блаженно я тону я в глинах... я в твоих... с тобой... с тобой... моя Маина...

Эй люди я сам ухожу во глины, во глухие беспробудные осенние бесследные во глины в сель в оползень во глины глины глины!..

Эй люди... родные... услышьте... услышьте... кто-нибудь... хоть кто-нибудь простите... Ой простите! ой простите...

...Блаженны почившие зарывшиеся вернувшиеся в вешние благодатные чреватые родящие глины!..

Блаженны ушедшие в осенние глухие глины безысходные пустынные!..

Да!..

Да!.. И пастух уходит в душ кочующих стада...

Да!.. И пастух уходит навек в душ заблудшие стада...

...А! А благой усыпает умирает в вешних живых благодатных глинах...

А!.. А злой усыпает умирает в осенних мертвых глухих немых слепых глинах глинах...

А благой умирает в животворящих глинах...

А злой умирает нисходит в мертвых глинах...

Да!.. да?.. да...

Но будет тьма! но будет тьма! но будет тьма!..

И пастух уйдет уходит в душ кочующих стада стада стада... стада переходящие во тьме из ада в рай... из рая в ад...

Да! да... Душ кочующих во тьме слепых слепых настали времена!..

Да!.. времена кочующих во тьме из ада в рай... из рая в ад...

И пылят неоглядно пылят!..

Да! настали времена народов-стад кочующих во тьме из ада в рай... из рая в ад!.. Да.

Да да да... И пастухи слепцы блуждают слепо во слепых кочующих стадах стадах стадах...

Да!.. Учкун-Мирза... Маина... Глина-то одна!.. Одна?.. одна?..

Но!..

НО!..

Но у последней Доски Грушевой, у последней доски погребального омовенья, я Ходжа Имам Омар ибн Ибрахим скажу вам оставшиеся редкие мои склонившиеся надо мной возлюбленные друзья мои... Музаффар ал Исфазари, Кори-Мансур гончар, Абу-л Хасан аль Бай-хаки друг ранних хмельных медовых застолий дастарханов травяных речных моих слепых... Мухаммад аль Багдади математик, муж дальней моей сестры Муниффы-апы...

...Муниффа-апа, сестра ты оттуда от-ту-у-да оттуда рукой машешь мне у стога осеннего зыбкого вялого сена сена сена... ты машешь? не манишь?.. апа... ты плещешь руками... тебе горячо? горячо?.. апа, у тебя на ладони горящая первая из кипящего хиссарского казана-котла слоеная самбуса... и ты отдаешь ее мне?.. апа, сестра, и ты отдаешь ее мне... как в детстве... ты манишь? ты машешь?.. зовешь?.. я скоро! я скоро...

я скоро, апа... еще самбуса не остынет не охладет на тихой ладони твоей... еще самбуса не увянет в руках твоих тонких сквозящих как прутья февральские ветлы... еще не остынет, родная моя... еще не остынет кипящая самбуса... и руки твои не успеет обжечь уязвить... Я скоро! я скоро... я скоро... родная... апа... Но так далеки твои руки!.. Ты машешь... ты машешь... не манишь... не манишь... оттуда... оттуда... Оттуда!..

И вот уж близки твои руки...

Но у последней грушевой Доски Погребального Омовенья (и его уж не услышит тело мое восковое? и душа перед ним отлетит избежит?) я скажу вам склонившиеся надо мной последние люди мои, возлюбленные мои... печальные прощальные мудрые мужи мои... Я скажу!.. Я скажу в халифате мертвых глин, в Империи Мертвых Глин!.. в империи Иных, в халифате сельджуков, в империи охотников, в империи всадников рыщущих, в империи Стрелы я скажу... Я скажу...

Близки! близки близки времена, когда праведники не будут знать, что они праведники, а грешники — что они грешники... Ибо не станет Бога в душах людских лютых... вольных... И не станет границ, и многие уйдут за рубежи души... И будет время стад кочующих во тьме из ада в рай, из рая в ад!.. И такие времена близки! и такие времена близки, как моя Доска Омовенья, как дамасский кувшин-кумган Ата Ибрахима с погребальной кладбищенской водой... вот он стоит у изголовья моего... готовится...

...И вот глядите — только что в этом кумгане тяжело стояло плескалось живое роилось томилось вино, а уже уже вода погребальная... кладбищенская... немая!.. А?..

...Но вы все говорите, что такие времена близки, а уповаете на иное, а они уже наступили!.. наступили... Они уже наступили... а грядут еще более тяжкие... Да! Да!.. Шайдилла!

Но вот вы говорите мне: учитель мауляна, мы гибнем, а вы умираете, а вы уходите к Богу, а вы покидаете нас, хаким, мудрец...

Но вот вы говорите мне: народ гибнет, как белый жемчужный тополь асар, изрытый, охваченный объятый шелудивыми падучими острыми жуками-короедами, а праведники, а мудрецы уходят к Богу... Но вот вы говорите: народ гибнет, народ таится, в народе слепой, гиблый шаткий упоенный червь роится, а вы уходите мауляна... Но вот вы говорите: в народе червь, а вы уходите учитель...

Тогда я говорю вам слова пророка Исы: горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит...

Тогда я говорю вам: а таких людей много ныне!..

Но я говорю вам: не соблазняйтесь о душе своей, ибо занятность и потерять ее так же легко как белую летучую бухарскую чалму в хмельной попойке в многодневном весеннем туе-наврузе с друзьями у реки...

И вот глядите — ваши белые нетронутые чалмы в винных брызгах пятнах и в глине!..

А тело Святого Умерого Распятого, уберегшего Душу и на смертном Кресте — в гвоздинных язвах жалящих!..

И вот вы говорите: в народе червь вьется а вы уходите Учитель.

— Да! Дух чуток и пуглив, как джейран, и Он покидает народы Тóполя... Народы Короеда... Но! Дух летуч и он как Птица перелетная слепо вьет гнездо в ветвях мертвого Дерева Народа и выводит птенцов... Да, птенцы Духа, да Птенцы Мои!.. Да птенцы Мертвого Дерева!.. Горькие!.. Блаженные!.. Да! Близко время, когда от ветра зашатаются не только ветви, а стволы дерев, а Стволы Народов... И! Но я вижу! вижу! глядите! я воспоминаю!.. Иль сон! Иль бред предсмертный вялый? пенный? Иль?..

Хан Малик-шах Сельджук млад млад млад спит спит улыбчив улыбчив под дикой вешней безвинной алычой!.. Хан Малик-шах млад млад яр яр яр возвращался из своего гарема и уснул под дикой цветущей безвинной алычой горной...

...Горная дикая алыча на вершине горы вешней одинокая!
одинокая! одинокая...

Солнце светит раннее птичьё...

Алыча цветет безвинная, течет безвинная...

Осыпается безвинно пустынно...

Белый круг живой ложится на землю от хрупких палых
лепестков безвинных тихих тихих тихих

Осыпается пресветлая вешняя алыча безвинная пустынная
на вершине горы пустынной...

О встреча вешнего божьего ветра горного с безымянной алычой
осыпающейся кротко блаженно тихо тихо тихо

Алыча блаженная под блаженным вешним ветром безвинным
роняет лепестки безвинные...

О встреча алычи и ветра,

О встреча безвинного с безвинной...

Блаженного с блаженной... пустынного с пустынной... тихого

с тихой

О ветер ветер ветер о ветер ветер

Ветер...

Алыча...

Встреча!..

А! Хан Малик-шах Сельджук млад блажен улыбчив отойдя от жен утренних жарких тугих уснул под алычой блажен блажен...

...Раис Абу Али ибн Сина, мой учитель, вы говорите: и не будь расточителен в сближении с юными девами, ибо эта расточительность сократит тебе жизнь...

Да, Учитель...

Но Хан Малик-шах млад млад уснул под алычой вешней блажен блажен блажен улыбчив отойдя от жен тугих заревых зороастрийских солнечных льющихся дремотных дремотных дремотных медвяных медовых... Но Хан Малик-шах уснул блажен под вешней алычой улыбчив, вспоминая сосцы жен своих, что были как розовый терпкий густой кок-султан. Но Хан Малик-шах уснул блажен под вешней алычой... Но падало, струилось с безвинного дерева цветущего на лицо его, но падали слетали текли струились летучие лепестки на лицо его и не давали спать ему... И будили его!.. И будили его!.. И не давали спать ему лепестки вешние тихие спадая слетая на лицо его улыбчивое спящее... Тогда проснулся и повелел он в ханстве своем вырубить вырезать все деревья алычи... Чтоб не цвели, чтоб не будили его!.. И повелел вырезать вырубить вырыть вынуть из земли, погубить все цветущие деревья чтоб чтоб чтоб не будили не будили его!.. Да!..

...И вот глядите — грядут времена, когда вырубят все цветущие деревья, чтоб не будили сонных!..

Да!..

Но вот Хан Малик-шах стар стар стар стоит стоит у вешнего младого тополя тополя исходящего необъятным вешним пухом пухом семян семян семян летучих летучих падучих... И вот Хан Малик-шах стар стар стоит у тополя объятого слепым необозримым неоглядным пухом семян! И вот Хан Малик-шах стоит стар у вешнего тополя семян...

...Где жены ранние? где алычи цветущие роняющие порубленные? Где? где? где? Расточитель семян? И что что что исходящее зудящее ушедшее схлынувшее семя твое? что малое семя человек рядом с этим тополем мечущим необъятно? Что расточитель семян? Что расточитель?.. Что ты плачешь у тополя шумящего?.. Что смиряешься?.. Что ты плачешь стенаешь? Что воспоминаешь невинные алычи вешние веющие порубленные? Что что что Сонный?.. Умираешь?.. В необъятный тополиный пух семян вступаешь падаешь смиряешься смиряешься смиряешься теряешься...

И вот расточители семян Расточители Семян, не видящие в мире ничего кроме талых вешних тварей, соплетающихся в соитьях, кроме тварей громоздящихся, кроме двоящихся слипшихся струящихся сомечущих — и вот вы плачете у тополя необъятного исходящего пухом семян несоглядных...

И вот расточители семян слепых расхитители плоти своей — вы плачете у тополей мечущих!.. да!..

И вот вы плачете в Империи Мертвых Глин в Империи Порубленных Погубленных Деревьев Алычи Цветущей!..

Но! но! но! мы! мы! мы! молодые молодые ярые ярые мы сидим возлежим у дастархана в саду в саду избыточном вешнем цветущем со друзьями жизни моей!.. (Мы алычи?) Мы возлежим в саду у реки реки реки талой вешней у травяного узорчатого дастархана хорасанского обильного обильного долгого! долгого! долгого ой долгого... (Мы алычи?) Мы возлежим в саду

вешнем черешен вишен яблонь урюков пчелиных пчелиных пчелиных избыточных живошумящих ой живошумящих дальше дальше дальше... И на грушевую последнюю Доску Омовенья осыпающихся печально печально прощально? хладно? Но! мы сидим мы возлежим у дастархана в саду в саду в саду пьянящем пьянящем кишащем кишащем цветами пчелами исходящем! исходящем! исходящем... Да! Сад! сад! сад...

САД! САД...

...И берут в руки ветви полные цветов! Цветошумящие!.. И берут в руки ветви полные плодов! Плодородящие!.. И берут (уж!) в руки ветви инеем объятые декабрьским!.. И берут в руки ветви персты хладящие! Душеостанавливающие!.. И берут в руки ветви цветов!.. И берут в руки ветви плодов!.. И берут в руки ветви хладных снежных перстов!..

Но!..

...Но! сад сад сад разъятых кудрявых цветущих деревьев деревьев деревьев... Ты!.. Ты сад! ты дастархан возлюбленных друзей друзей родных! кровных! жарких! жадных! оголтелых пьющих как ранние пчелы! ярых! ярых! ярых... Эй, сумасшедшие! ранние! ай терпкие слепые ай-ай сумасшедшие родные горькие дальние блаженные мои! мои! мои! зачем зачем зачем я пережил вас? зачем? зачем мне это?

Но близка встреча встреча... да...

Но!.. Ты травяной узорчатый долгий дастархан друзей расстелен у реки реки вешней ликующей осиянной упосенной (опасной? смертной? влекущей?).

Но ты дастархан расстелен на травах приречных сырых нежных первых ты дастархан в месяце Урдби-хишт, но ты дастархан уходишь долгий в цветущие деревья в Цветень май месяц сад, но мы возлежим за китайскими горного хрусталя резными пиалами-сосудами-бокалами и молодые наши алчущие пчелиные губы губы губы сосут льнут льнут к винам мервским, балхским, кашмирским, бухарским, нишапурским, самаркандским и иным...

Но долог дастархан но долог Урдбихишт месяц но долги вина, но кратки хрустальные китайские пиалы летящие бьющиеся вспыхивающие брызгами о приречные мокрые глухие серебристые валуны... Но ты молчалив, но ты улыбчив, ты таишь, ты знаешь, ты ждешь, ты подносишь свежие новые вина, ты маг, ты парс-зороагриец, ты мальчик, отрок нежный, как приречная начальная трава, как мята вечереющих садов, кравчий, виночерпий Али-бача, ты ждешь!.. Ты знаешь, ты ждешь и зубы наши сонные молодые вялые поникшие звенят дрожат о края хрустальных пиал...

Ты ждешь а мы засыпаем засыпаем засыпаем уже мы уснули, ушли, увяли под деревьями цветущими... Ты засыпаешь Низам-аль-Мульк, хранитель империи, вазир — министр, друг, друг Духа моего, спутник Души моей... Ты засыпаешь Хасан Саббах Исмаилит Ассасин, покровитель убийц стерегущих вьющихся ночных гиен темных тайных, но тут ты по-детски лепечешь что-то губами ранними и блаженная сонная мерклая медленная медвяная слюна течет грядет по твоей персиковой щеке... Ты засыпаешь Музаффар аль Исфазари, ученик мой... Ты засыпаешь Кори-Мансур, гончар, глиняник, лепящий среди мертвых глиняных глиняных... Ты засыпаешь засыпаешь — нет! нет! ты один не спишь, не увядаешь, не уходишь в сон Абдуррахман-хан Блаженный, пьяница! амир! князь! лицедей! вор расхититель тать тля плоти своей! бражник красавец! слепец! зороагриец! любимец мой! родной вешний последний! ты один не спишь!.. Ты чуешь? чуешь? чуешь? да, ты чуешь! знаешь! уже! уже... вот!.. Ты сидишь, ты хохочешь, ты в вольных, раздольных белых сасанидских штанах шароварах струящихся льющихся от речного ветра... Ты зовешь, ты кличешь Али-бачу с хрустальными пиалами, ты один среди спящих среди спящих среди спящих...

И будете одни среди спящих Среди Спящих, ибо срок близок!..

И будете одни среди спящих Среди Спящих, ибо срок близок!..

И будете одни среди спящих среди бражных среди слепых Среди Спящих, ибо срок близок!..

И будете как псы-волкодавы, охраняющие сонное вялое ночное земное палое стадо стадо?..

И будете как псы-волкодавы с чуткими порубленными краткими обнаженными ушами ушами?..

И будете как волкодавы с обнаженными ушами?..

И будете как пророки с обнаженными кровоточащими необъятными в ночи в Ночи Волков провидящими стерегущими разъятыми ушами? очами?.. душами? сердцами?..

Абдуррахман-хан, я Омар Хайям, я не спал, я видел, я слышал, я знаю... Знаю! Но! Сад сад сад цветет цветет, а мы спим, а мы спали, а мы спим спим спим слепые глухие под веющими деревьями духовито, духовито набегающими, а мы проснулись, а мы очнулись, а мы дремали, а мы не спали что ли?..

А мы проснулись, а мы очнулись, а Урбихишт уж миновал, а деревья на дастархан опали опали опали... на пиалы пали!.. пали полегли в хрустальные пиалы пали пали а мы спали!.. Эй Али-бача неси хрустальные китайские пиалы! пиалы! пиалы!.. а деревья пали... А подносим к сонным ртам к младым губам пиалы полные цветов палых палых... А подносим пиалы цветов хладных хрустящих палых палых палых а пьем а жуем а хохочем а со сна со сна не знаем ой не знаем ой не знаем... А со сна слепые сонные пьем цветы опалые!..

А Урдбихишт уж уж уж миновал и деревья полегли опали пали пали в сонные хрустальные пиалы...

А мы пьем пиалы цветов хладных палых вялых! Но!

Эй Али-бача неси эй парс эй маг неси смени смени разбей развей о валуны хрустальные цветущие цветущие пиалы! Эй! принеси пиалы с винами струящимися роящимися родящими!.. Да!..

...И были погрязшие в утехх плоти, как вывалявшиеся в меду!..

И были погрязшие в утехх плоти, как вывалявшиеся в меду...

И были погрязшие в утехх плоти, в сластях телесных, в трате тел — как вывалявшиеся в меду, как навек прилипшие, приставшие к меду...

Те! те! те! пчелы на дне кумгана Ата Ибрахима...
на стене кибитки медовой...

И были погрязшие в утехах плоти, в трате тел —
как вымазанные в осенней глине... как сошедшие в нее...

Те! те! те! глины взявшие Учкуна-Мирзу... да...

Но!.. Но Абдуррахман-хан, ты не спал, твою пиалу
не засыпали деревья, ты звал Али-бачу с пиалами пен-
ными густыми... И я не спал, друг возлюбленный веч-
ный мой, родной и я не спал, и я видел, и я чуял, и
моя пиала не наполнилась лепестками летающими
хладно, ибо я опустошал содвигал поднимал ее... И я
видел! ай!.. Вот она! вот!.. Она! она! она!.. не уходи не
уйди из утوخающих очей очей моих! побудь напоследок
в очах уходящих побудь повея теми деревьями теми
теми... Побудь напоследок повея теми деревьями теми
теми у последней погребальной Доски Омовенья...
Хуллай! Хуллай! византийская румская захожая пля-
сунья! плясунья!.. телесная! Тело!..

И там, на том берегу, под теми деревьями были девы
юные и отроки вешние стыдливые приготовленные, как
кони для погони, но не они, не они, Хуллай... И там, на
том берегу были арабские багдадские девы-плясуньи в
розовых лепестковых сквозящих туманах-шароварах и
волосы их гибкие блестящие в танцах достигали земли,
травы, и душистые их лона темнели чрез розовые
одежды как косточки ходжентских абрикосов чрез
розовые мякоти плодов, но не они, не они Хуллай...

Арабы вы принесли Святую Книгу и этих томящих-
ся, темнеющих из зрелых одежд... да.

И там были отроки-бачи стыдливые, приготовлен-
ные, как кони для козлодранья, как агнцы для иудей-
ского закланья, но не они не они, Хуллай Хуллай... Ты!
Ты византийская румская плясунья плясунья! Ты!
нагая нагая в сандалиях! в византийских высоких пле-
теных сандалиях! Ты! Нагая в сандалиях!.. ты! Ты пля-
нешь, ластишься, струишься, вьешься, живешь, ды-
шишь, вязнешь в траве... Нагая!.. Но ты ластишься к
Абдуррахману-хану, к его раздольным белым сасанид-
ским шароварам, к его бухарской высокой чалме из
индийской кисеи, шитой тонким золотом... Нагая!..

А все спят, а все спали, а я не сплю, а я не спал...
А все спали... Нагая. А я не спал... Нагая. А Абдуррахман-хан а Хуллай а вы сходили к реке к реке слиянья. А Абдуррахман-хан слагал на речную вешнюю жемчужную отмель сасанидские привольные шаровары... А Хуллай а ты стояла а ты ждала ждала ждала а ты нагая нагая в сандалиях... Нагая. А Абдуррахман-хан допивал из пиалы хрустальной и разбивал и убивал ее ликующей о камень... А хохотал: а дева восходи на древо любви а восходи плясунья дева византийская в сандалиях!.. А дева восходи влезай на древо любви на мусульманское на древо тута срезанное шелковое шелковому червю восходи на древо мусульманское восходи нагая византийская в сандалиях!.. Нагая...

И восходила и влезала... И они входили в реку слияния и в волнах соединялись и соединялись, и омывало их, и очищало, и смывало, и смывало... А все спали... А я не спал, нагой, нагая, а вы входили в реку вешнюю слиянья...

Не уходи не уходи не уходи волна блаженная... Да!

И выходили на берег на отмель и лежали и лежали... И дышали. Рыбами забытыми рекою на песке дышали... И уповали упоенные. И забывали, забывали... И дышали ртами-жабрами. И забывали...

И будете как рыбы забытые рекой на брошенных берегах!..

Блаженны рыбы смертно пляшущие высоко в покинутых оставленных песках песках!..

И будете как рыбы забытые рекой на брошенных берегах...

Блаженны рыбы смертно выющиеся пляшущие высоко в покинутых оставленных песках песках!..

Ты Хуллай?.. Ты пляшешь?.. Ты хохочешь? Вьешься высоко! А! Ты! ты! ты!.. Ты Абдуррахман-хан!.. Да! да... Да! Да!..

Ты стоишь у ног ее, ты падаешь у ног у ног (тугих,

как отмель белых!) у стволов столпов у византийских у живых колонн телесных тополиных у стволов жемчужных ты ты Абдуррахман хохочешь, ты дрожащими перстами надеваешь на глухие девьи щиколотки золотые браслеты тяжкие мягкие дамасские облегачающие отягчающие столпы телесные манящие покорные молчащие молчащие томящие томящие манящие манящие манящие... Ты ищешь бродишь блуждаешь дрожащими перстами по стволам по тучным по томящимся, молчащим...

Лишь браслеты сверкают...

...А пророк речет: пусть женщины не делают таких движений ногами, при которых обнаруживались, обнажались бы их скрытые украшения...

А ты, Хуллай, нагая, в сандалиях, в браслетах, на столпах стволах томящих томящихся, а ты в браслетах золотых тяжких отягчающих, а ты Нагая... Нагая...

...И не соблазняйтесь о душе своей, ибо запятнать и потерять ее так же легко, как белую летучую бухарскую чалму в хмельном пиру-туе в многодневном весеннем наврузе с друзьями у реки шалой шалой вешней... да.

А ты Абдуррахман-хан снимаешь с бритой нагой головы чалму индийской шитой тонким золотом кисеи и разматываешь ее, долгую, и ею, святой, сквозящей, как паутиной, обвиваешь опутываешь тучногрудую Хуллай, ее ягодичы снежные ореховые холмы румские, византийские...

Но чалма чалма чалма падает падает из твоих дрожащих падучих алчущих перстов... А Нагая молчит, а зовет, а ускользает не дает, а чалма падает на слепой немой песок... И Чалма не обвила Нагую Византийскую Иную... а легла а пала паутиной на песок песок песок... Ай, Абдуррахман-хан, возлюбленный друг, она она нагая Хуллай зовет зовет манит манит тебя литыми столпами стволами жены осиянными белее отмели в реку в реку слиянья, а ты а ты (уже?! ужель?

нет! нет!.. еще!..) смиряешься, а вы входите в реку, а вы соединяетесь в волнах таящихся, протекающих, а вы выходите на отмель, а лежите с жабрами-ртами, а...
Не уходи не уходи волна блаженная!..

Зачем Абдуррахман-хан? зачем возлюбленный, зачем блаженный?.. Зачем ты хохочешь, зачем зачем к ногам столпам припадаешь? Зачем зачем сандалии мокрые спутанные терпкие высокие зачем зачем сандалии распутываешь, развязываешь алчущими перезрелыми перстами? Зачем блуждаешь бродишь гневными перстами в глухих сандалиях, мусульманин? Зачем раздеваешь — да она ж, да она Вся! вся! Хуллай нагая... Зачем сандалии развязываешь! маешься? молкнешь? Хлопочешь у подножия нагих столпов томящихся?.. дрожишь перстами у столпов необъятных, недрожащих, у сандалий неразвязанных... Зачем зачем зачем Абдуррахман-хан, зачем хохочешь, зачем зачем наповал в ногах Хуллай падаешь? падаешь? падаешь?.. падаешь навзничь? валишься блаженный? улыбочиво скалишься?.. Зачем умираешь?..

Ты Византия, Византия! Рум! Ты ты — Нагота в витийственных сандалиях мудрости.

Ты Византия — лишь Нагота томящаяся томящая в сандалиях витийственных мудрости в одних сандалиях! ты нагота в сандалиях... в мудрости витийственных сандалиях... да! да! да!..

И Ты заносишь Наготу в сандалиях мудрости в Страны Сокровенные в Страны Паранджи и Дувала...

И Ты проникаешь, как ришта, как червь арыков тайно в кровь входящий тайно точно точно тошно уморяющий!..

И падут Паранджи и Дувалы от твоей Наготы в сандалиях мудрости, в глухих беспробудных вязких сандалиях, как пал, как пал пал пал Абдуррахман-хан, возлюбленный мой друг, блаженный бражник!.. да?.. Ля-ил-ляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!.. да!

Господь помилуй Паранджи и Дувалы!.. Господь в иные рощи рощи веющие вечно вешне несужденные ему возьми возьми бражника святого Абдуррахмана... Возьми взамен меня, взамен меня, взамен неспящего покойного готовящегося к рошам тем Имама Хорасана

Омара Хайяма молящегося пред Доскою Омовения молящего... Возьми его взамен меня, о Боже, в рощи освежающие навеки!.. Но!..

И были погрязшие в утехах плоти в трате тел, как вывалившиеся в меду!.. Те мерклые уснувшие пчелы!.. И были погрязшие в утехах плоти в трате тел, как сошедшие в осенние мертвые беспробудные глины...

И будете как рыбы забытые рекой на брошенных высохших берегах!..

Но!

Блаженны пчелы уснувшие усопшие увядшие в сонном меду!..

Блаженны осенние текучие темные глины, ибо и они взойдут!.. дадут!..

Блаженны рыбы смертно вьющиеся напоследок пляшущие высоко в покинутых оставленных речных песках!.. Да!

Но Хуллай, нагая, я не сплю, я вижу, я вижу, вижу, как ты тащишься, маешься, поднимаешь Абдуррахмана-хана, роняешь, тяжкого напоенного, влечешь, тащишь! тащишь! тащишь по отмели песчаной, оставляя тяжкий ползучий густой след палого смертного тела, тела тела... Куда ты тащишь его Хуллай? ай! ай... зачем?.. Тело... Зачем ты тащишь его по отмели, зачем ты тащишь его, мертвого, к нашему дастархану? к Дастархану Живых? к дастархану светло спящих? к дастархану хрустальных китайских пиал полных палых лепестков?.. Тело...

...И когда очнетесь от долгого хмеля вашего — некоторые будут мертвыми среди вас... И когда очнетесь от долгого хмеля жизни — некоторые будут мертвыми среди вас!.. Но вы не заметите... Но вы не отличите мертвых от живых... Да. Да, расхитители воров тати плоти своей!.. Ибо если человек теряет душу свою — его уже не отличить от мертвого. Да... А душа умирает прежде, быстрее тела... Вот глядите — гнездо темнеет вьется льется разносится рассыпается тянется горькое цепкое держится вязкое в ветвях в ветвях — а птицы! Птицы уж давно нет... да! Но! Но Хуллай ты оставляешь Абдуррахмана-хана у дастарха-

на живых, ты придвигаешь его вялого к груше (я лежу рядом!) а сама бежишь бежишь к жемчужной пустынной отмели и нагими розовыми влажными ступнями ногами в браслетах сбиваешь заметаешь засыпаешь те те те сладкие следы сплетенных тел и этот Этот густой ползучий глубокий след След Мертвого тела... да... След мертвый мертвого... Абдуррахманахана... Хуллай ты засыпаешь его последний земной след — он темный от выступившей воды — а браслеты сверкают на ногах... След!.. след... И засыпала замела завалила и нет его... следа его...

Хмельные от тел! хмельные от тел растраченных! хмельные тратящие быстрые тела свои!.. блаженные! бражные!.. родные!..

И будет ваш след на земле — лишь след мертвого тела!..

Но!.. Но и я был и я тратил! Да... Но! но ноги но столпы стволы колонны телесные живые в золотых тесных браслетах замечают засыпают этот след, и я не сплю, я вижу Хуллай... Но девьи щедрые нагие ноги в золотых браслетах идут ступают вязнут блистают осиянные по этому следу! да!..

Ходжа Абдаллах Ансари, мауляна, учитель учитель, а вы стоите под последними китайскими карагачами, а вы улыбаетесь под карагачами а вы говорите Учитель: что есть дервиш? Просеянная земляца, а на нее полита водица: ни нагой ступне от нее никакой боли, ни на поверхности ноги от нее никакой пыли... Да Учитель... Я дервиш... Я земляца чистая нежная... Но тот след, но тот след глубокий падучий, но те те ноги ноги (ай) ступающие осиянно прощально! но те ноги живые лучистые слепящие ступающие по дремучему следу но те ноги замечают его, но те ноги в золотых тяжелых браслетах режущих очи очи очи мои и ныне! и ныне! и ныне ступают Учитель... да.

И!..

Тогда просыпаются, восстают от земли, отлепляются от стволов деревьев хмельными темными шалыми слепыми ой святыми младыми медовыми головами живые

родные родные родимые родимые возлюбленные друзья
друзья мои мои мои... Ой вот вы! я трогаю вас перга-
ментной предсмертной рукой моей неслышной возлюб-
ленные друзья мои в шелковых веющих занданийских
чапанах измятых от сна от сна от сна... Я трогаю вас
возлюбленные друзья мои пергаментной неслышной
невесомой невесомой дальней дальней еще здешней
рукой — здешней, здешней — а вы уже там... но я ско-
ро, скоро, возлюбленные мои мои мои... да. Тогда
просыпаются встают от вешней земли отлепляются
от стволов деревьев возлюбленные друзья друзья мои,
и зовут кличут Али-бачу виночерпия с пиалами пенными
его!.. И кличут Али-бачу с пиалами хрустальными
его. И кличут Али-бачу с его пиалами. И озираются.
И не знают. И озираются на Абдуррахмана-хана, темно
тяжко припавшего к стволу груши, и кличут, и не
знают...

И кличут виночерпия Али-бачу с его чеканными
хрустальными пиалами блаженные очнувшиеся Низам
аль-Мульк, Хасан Саббах, Музаффар аль Исфазари,
Кори-Мансур — мои блаженные восставшие восстав-
шие... И кличут, озираются на Абдуррахмана-хана,
и хохочут, и ликут, и не знают. И не знают. И скло-
няются над долгим долгим тучным тучным дастарханом
дастарханом... И не знают... Шайдилла!..

Возлюбленный Абдуррахман мой что что что и ты
склонился над пахучими исходящими барашками агн-
цами хрустящими щипящими горящими приправленны-
ми тибетскими томительными мятными травами?..
Что ты склонился над барашками горящими алыми
алыми алыми?.. Что одинокие раздольные лежат на
отмели пустынной что лежат белеют веют шаровары
сасанидские как крылья лебединые лисою выеденные
лисою тайной алчной?.. Что что что падаешь ты ликом
сонным в пиалу свою и я (я знаю мой Абдуррахман!
я знаю! знаю! знаю!) и я кричу шепчу молю кричу:
не трогайте! Он спит! Ой не будите! Не будите!.. Пусть
пусть спит... пусть спит... и лик его от пиалы не отры-
вайте... Ой пусть спит, ой не будите, ой не отрывайте,
ой друзья мои возлюбленные друзья, ой оставшиеся!..
ой не отрывайте!..

Шайдилла!.. О Боже!..

Возлюбленные други не будите святого сонного Абдуррахмана-хана!.. И тихо отодвинем дастархан чтоб крики, бубны, дойры чтоб пиалы плещущие брызжущие чтоб его чтоб не будили чтоб не достигали... из глухих деревьев дальних чтоб его не достигали!..

...Омар Омар чего вы переносите дастархан под дерева дальные? Чего? Он уже ничего не слышит. Не чувствует. Абдуррахман-хан! Шайдилла! Он мертвый. Мерклый. У него уста сизые как осенние прутья ивовые. У него ресницы палые ивовые. У него руки ивовые. У него голова палая ивовая... Омар он не пьяный. Не сонный. Нет! Но! но...

Блажен усопший среди цветущих деревьев!..

Блажен усопший среди цветущих деревьев!..

У твоих ног, у твоих столпов, у твоих браслетов блистающих, Хуллай! Хуллай!..

Но!..

Нет друзья мои возлюбленные! Нет... Нет Хуллай. Я поднимаю мягкими перстами твои веки Абдуррахман. И твой глаз твой сонный глаз белесый жемчужный блестит живой!.. как отмель? как залив? да! как залив нетронутый живой живой живой воды речной!..

Не уходи не уходи волна волна блаженная... Хмельные от тел! хмельные от тел растроченных! блаженные! бражные!.. Хмельные тратящие быстрые тела свои! (и я был и я тратил! да!) И ваше пиршество обернется поминками! И ваше пиршество обернется поминками...

И станут чалмы — саванами! И станут чалмы — саванами... И будут омыwać из чаш хрустальных тела молчание! уж не таящие!..

И будут омыwać из чаш хрустальных тела молчание... уж не таящие...

И станет ваша пиала вина немым слепым кумганом погребальным.

И станет ваша пиала вина немым слепым кумганом погребальным...

...Но! О Боже! Боже! возлюбленные друзья други мои да как же я люблю вас, чую, люблю, прибрежные весенние скоротечные мои... О Господи да мы же одни краткие текущие тесные дышащие тленные телесные скоротечные любящие у этой вечной мертвой реки реки реки... (а она не течет без нас!) Да мы же одни у этих осыпающихся вечных мертвых деревьев... (а они не цветут без нас...). Да мы же одни среди этих лепечущих сосущих пчел пчел... (а они не сосут без нас...). О Боже да мы же одни среди этих мертвых деревьев, песков, камней, лепестков, пчел а ты Абдуррахман-хан уходишь к ним К НИМ, а ты оставляешь нас кратких, сиротских... И пчела — лишь пчела, и река — лишь река, и древо — только древо, и песок — лишь песок, а человек — и пчела, и река, и древо, и песок, песок — и иное... И иное... А ты уходишь к ним Абдуррахман-хан... возлюбленный мой!.. протекший!.. истекший... припавший к сонному мертвому дереву... да... И ты глуше беспробуднее дерева...

И были шумнее дойры свадебной, а стали глуше беспробуднее дерев... Но!.. Но Абдуррахман-хан, но блаженный!.. Но что не унесла тебя река река когда ты входил в нее с Хуллай, с нагой в сандалиях и она принимала тебя и волны волны не разлучали вас сплетенных?.. И река блаженная и жена блаженная нежная принимали тебя и чего не ушел ты навек с волнами, а вышел на берег трезвый песчаный вязкий, а теперь лежишь ликом ярим в пиале хрустальной?..

...А недавно, а недавно, а недавно мы расстелили дастархан под деревьями цветущими, под деревьями усыпанými хмелем цветом прахом тленом цветами лепестками шмелями пчелами... А недавно, а недавно... А пришел чабан уйгур и принес в мешке-хурджине новорожденных каракулевых ягнят-агнцев сквозящих... А принес в хурджине с горных травяных джайлоо-пастбищ лепестковых фисташковых отпрянувших лазоревых начальных ягнят агнцев просящих просящих просящих... молящих молящих овечьими младенческими очами очами очами: дай! дай! дай! дай до смертного сладчайшего ножа ножа ножа дай дай дай надышаться наваяться дай уйгур уйгур побегать заблудиться

задуреть намокнуть в росных в сочных садовых некошенных нетронутых травах! дай уйгур чабан пастух дай дай уйгур не тронь пока пока пока (еще немного! да?) в нетронутых во травах сада сада сада... Не тронь не тронь уйгур пастух чабан росистых вольных травяных заблудших в травах в росах в росах поздних поздних скорых агнцев! Не тронь не тронь в нетронутых травах!.. Не коси в некошенных травах!.. Пока! пока! пока!.. Пора! пора! пора... а!.. А Абдуррахман-хан ты ты хохочешь ловишь в травах в росах ягненка (ты ягненок? ты ягненок уготованный?) ты ловишь в травах в росах первоягненка... ты берешь нож нож уйгурский вольный... ты трогаешь горло новорожденное веселое горло агнца ножом неслышным добрым... ты подставляешь самаркандскую косу-пиалу под тугую малую струю струю крови крови кудрявой пылкой нежной крови... ты пьешь ты тянешь кровь ты хмелеешь ты дуреешь ты хохочешь ты хохочешь: эй друзья, эй мужи мужи мои мои сонные сонные сонные! Черпайте черпайте берите из агнцев из ягнят травяных юных восторженных пейте сосите кровь молочную и будете иметь жизнь сладкую... жизнь долгую... жизнь долгую!.. Жизнь долгую...

Да. А теперь я поднимаю твою нагую бритую гладкую тяжкую иную голову отнимаю от пиалы, я глажу твою голову, глажу. Да... Но. Ты пьян Абдуррахман-хан! Ты не умер! Ты пьян!.. И ты не спишь!.. Я разбужу тебя тебя!.. Эй Али-бача, принеси пиалу нежного нишапурского вина несильного... Вина для старцев... Пей Абдуррахман!.. Я подношу пиалу с нишапурским вином к твоим устам — и они принимают! они приемлют! они приемлют! они живут, твои уста! да!.. Они внемлют чаше наклонной!.. И вино уходит в твоё горло ровно ровно как в песок вода прибрежная молчная уходит... Да? Но ты мертвый... Горло мертвое... Вино мертвое... Кумган опрокинут и вино уходит... Уходит... Зачем?.. Ай! Йе!.. Йе! Шайдилла! Аллах свидетель!.. Так говорят нищие святые странники-каландары, просящие милостыню... О Боже прошу Тебя: пусть он еще посидит с нами, а?.. Оставь его о Боже нетронутым в нетронутых травах!.. О Боже у меня глаза глаза овечьи молящие просящие...

Пусть он посидит с нами... пока пока пока... Еще не пора о Господь мой!.. Пусть посидит... Пусть немного выпьет... Вино нишапурское утреннее несильное вино... Оно для старцев, для аксакалов... (и для мертвых?). Господь, еще так рано!.. Еще мы так молоды!.. Еще сад цветет. Еще так так рано так росно в саду нашем вешнем. Еще не все птицы проснулись в деревьях прохладных ' сыплющих тихие лепестки... Еще рано... Росно... Еще пора лепестков веющих, еще пора ягнят росистых тычущихся в стебли напоенные напоенных утренних трав трав трав нетронутых нескошенных... Господь не тронь, не коси, а?.. пока...

Но! Шайдилла!.. пора... Абдурахман, у тебя ресницы студены утренние росные налитые — я трогаю их дрожащими перстами. Я собираю я собираю я обираю оббиваю последние слезы с твоих студеных недвижных ресниц ресниц ресниц... и они тянутся по перстам моим, тянутся тянутся спадают длинные светлые... пресветлые пресветлые пресветлые... Тогда я кричу, тогда я кричу, тогда я шепчу шепчу шепчу шепчу: он мертвый. Мертвый. Мертвый. Да... Да возлюбленные други мужи мои, други мои... Он мертвый. Весь. Насквозь. Навек. Тогда я обнимаю его голову покорную...

Тогда друзья мои берут меня за руки и отрывают от него, и он падает, падает, падает один, оставленный, на землю... А он падает один на землю, а вы влечете меня от него, от оставленного, навек прильнувшего к земле земле земле... Возлюбленные мои, други мои, оставьте вы меня! Да оставьте, да не отрывайте от него, да дайте уснуть рядом с ним в цветущих осыпающихся деревьях! да дайте лечь рядом с ним, да не хочу я не хочу я жить, когда рядом, навек полег прилет возлюбленный друг мой Абдурахман-хан с нагой бритой покорной тяжелой головой!.. Тело... Да не хочу я жить, когда хрустальные пиалы полны палых мертвящих хрустящих лепестков цветов!.. Да оставьте меня! да не тащите, не тащите от него!.. Оставьте... Я плачу плачу я плачу я поднимаю над головой своей пиалы палых лепестков и посыпаю голову свою летучим падучим прахом тленом прахом прахом голову посыпаю посыпаю вешних дерев летучим прахом прахом прахом... Тело... Да оставьте меня, оставьте...

Ты засыпаешь тяжкий след его падающий засыпаешь наве́к наве́к наве́к... молчными бесследными бездонными победными песками... засыпаешь... Потом идешь неслышно близ Лежащего идешь царишь живешь — не дрогнешь! не склонишься! не замедлишь шаг! не упадешь у тела мертвого! нет! нет! живая осиянная далекая! нагая медленно ступаешь осиянными стволами!.. мимо мимо мимо мертвого, ступаешь мимо дастархана, мимо нас живых живых умолкших ты ступаешь ты ступаешь, ты уходишь ты уходишь навек навек в деревья цветущие отцветшие еще еще роняющие лепестки хмель тлен летучий нежный еще роняющие... А Хуллай а твои очи не роняют не роняют не роняют... И уходишь в деревья еще роняющие... И уходишь и уходишь ты ты ты Хуллай Хуллай Нагая в спутанных витийственных сандалиях! Да, нагая!.. Не роняешь... Ты уходишь ты уходишь наве́к унося столпы стволы ног налитые налитые осиянные...

Ты уходишь ты уходишь навек унося живые купола грудей и ягодиц атласных... Ты уходишь ты уходишь ты нагая ты в сандалиях византийских неразвязанных... Ты уходишь навек в деревья еще роняющие цвет еще роняющие...

Ты Византия, Византия — Нагота в витийственных сандалях Мудрости сандалях!

Ты арычным гиблым смертным червем тайным Ты риштою входишь в тело тело Азии...

О Господь Господь чего тут все мечети, паранджи, дувалы, рубежи, ограды, все мазары?.. О Господь чего тут друг возлюбленный лежащий павший?..

Ты уходишь, нагая, в сандалиях. Ты Ты уходишь уходишь уходишь, и не ма́нишь — о Господи, слава Тебе милость Твоя — что не ма́нит!

Побежал бы, пошел бы, припал, кликнул в реку — а там — лег бы рядом наве́к с ханом Абдуррахманом!.. Да уходишь, уходишь Нагая в сандалях... Да не ма́нишь... И лишь на ногах золотые браслеты блистают горят говорят полыхают! И лишь золотые браслеты блистают!.. И досель и досель у Доски Омовенья златые златые браслеты уходят горят говорят полыхают!.. Уходят у Доски Омовенья...

...Не уходи не уходи волна волна блаженная блажен-
ная блаженная... Шайдилла!.. Сад! сад!.. Да! Сад среди
Глин Империи...

ФАРРАХ!

Шайлилла!.. Сад! сад! сад... в империи сонных молч-
ных тихих глин глухих... в империи порубленной ро-
няющей алычи Алычи... Сад сад ты у гробовой у Доски
Омовенья плещешь осыпаешься стоишь ленечешь
таишь таишь... Сад возлежащих друзей возлюбленных
ты и у Доски Омовенья веешь веешь веешь... ты друзей
возлюбленных живых живых живых хранишь! хра-
нишь! хранишь...

Ты веешь розов розов ты душист в империи хали-
фате сонных сонных мерклых глин глухих глухих
глухих...

Кори-Мансур гончар как лепишь лепишь как возво-
дишь ты ты среди мертвых глин среди Мертвых Глин...
из глин отзывчивых живых живых живых?..

Низам аль-Мульк вазир хранитель империи как как
ты светлый ликом светлый духом под роняющими
деревями алычами спишь спишь спишь улыбчив
спишь?..

Хасан Саббах ты млад ты пьешь из пенной пиалы ты
нож грядущий Нож Исмаилита Нож Грядущий ты еще
в душе, в крови растишь? растишь? лелеешь ли? таишь?
таишь? таишь?.. Исмаилит?.. И ты виновато безна-
дежно на Низама аль-Мулька глядишь глядишь...
Низам Низам а от тебя а от тебя идет далекий точный
точный тошный тошный запах крови запах жертвы
Запах Жертвы... И от твоей Империи! империи!.. А ты
глядишь Хасан Саббах, а ты таишь растишь грядущий
нож Грядущий Нож, а ты провидишь убийцу, ассасина...

А ты провидишь кармата тайного ярого ярого...
Да да да возлюбленные други зачатые!..

Да! зачатые!.. зачатые...

А ты уже лежишь блажен блажен Абдуррахман-хан
уж близкими учуанный червями муравьями...

А ты астролог Музаффар аль Исфазари светил
провидец по Плеядам текучим утренним гадаешь
прозреваешь: кому кому кому из этих из хмельных с

...Тогда она кричит вопит поет хрипит лепечет сонно сонно сочно: кúф-Сúф! Кúф-Сúф! Куф-Суф!.. Сельджук!.. Низам аль-Мульк!.. Вазир Империи!.. Ты знаешь. Ты вазир. Провидец. Ты из Туса... Твоя мать умерла в родах и отец твой обходил кормилиц с младенцем на руках... И ты знаешь чуешь цену чужого молока... чужого соска... чужой груди... чужой крови... И ты бережешь иные пригнетенные народы Империи... Ты знаешь... Но я вижу... Ты поляжешь вслед за Абдуррахманом... Гляди, Сельджук, твоя трава с усопшим рядом еще еще еще не примята!.. Ты знаешь ты поляжешь рядом... Я вижу твое тело павшее лежащее... уже не страждущее боле, уж не страждущее...

Тогда она лепечет лопочет плачет сонно сонно сонно: кúф-Сúф! Кúф-Сúф!.. Кúф-Сúф!.. Уже цветет пылит жужуб! Уже цветет немой жужуб... уже летит пылит метет зальет прощальный тополиный пух семян китайский пух пух... Когда через Синызьян придут придут бескрайние бездонные безглазые безгласные молчащие таящие китайцы... Ай ай ай... ай Шайдилла... Ай Хорасан... ай родина! ай малая!.. Ай Малая!..

...Ты ль хрупкое заветное невинное яйцо влекущее змею, яйцо разъятое открытое распахнутое?.. Ты ль утренний родник родник лепечущий и под копытом чуждым пришлым всадника гортанного?.. Ты ль росный новорожденный лазоревый ягненок агнец вьющийся лиющийся живущий в землистых пальцах сумрачных локайца?.. Ты ль муадзин лазурный певчий кеклик божий смертную стрелу чрез горло пропускающий навек улыбочиво прощающий прощающий?.. Ты ль ты ль цветущая безвинно Алыча на Спящих Спящих цвет ласкающий роняющая?.. Ты ль? ты ль? ты ль?.. Ты! Ты! Хорасан... Ты родина, ты малая!.. ты родина родная...

Фаррах Фаррах Фаррах святая нежная Цыганка? Гадалка?.. Провидица!.. Провидица!.. Пророчица святая дальная!.. родная!.. ай ай ай... Сова! глядящая из ночи в ночь глядящая Глядящая... Ты плачешь ты хочешь ты маешься хрипишь храпишь ты ты ты горишь в одеждах глухих густых... в кашмирских платьях юбках долгих пыльных темных ты горишь исходишь ру-

шишься сгораешь... Тщишься. Длешься. Рвешься. Обрываешься... Ты заживо живая ты сгораешь! ты теряешься в одеждах ты худая ты костлявая Святая ты сгораешь заживо ты падаешь теряешься... Плачешь... Фаррах пророчица... Сова из Ночи в Ночь перелетающая... У тебя на губах на устах слюна пена белая хмельная выходит выступает словно палый цвет деревьев осыпающегося сада сада сада...

Фаррах ты бьешься в глухих одеждах в кашмирских, ты горишь сгораешь падаешь в глухих ты путаешься в платьях зарываешься ты забываешься горишь горишь пылаешь... Ты лепечешь ты лопочешь ты провидишь ты Пророчица слепая пенная ты ты падаешь ты плачешь в платьях в платьях в платьях плачешь... Ты плачешь... Ты знаешь... Ты видишь... Ты горишь... Ты пламень...

Не Ты ль Пророк Мухаммад сказал своему сподвижнику Абу-Хорейру: если б вы ведали то, что я ведаю — вы бы разучились смеяться и много бы плакали... Да...

Не ты ль святой имам Хасан сказал: кто читает Коран и верит в него — тот всегда будет полон страха в этом мире и часто будет плакать.

А ты Фаррах ведаешь а ты падаешь а ты плачешь в темных беспробудных платьях плачешь плачешь плачешь а ты знаешь... Знаешь! А ты плачешь бьешься вьешься исходишь уходишь умираешь воскресаешь восходишь провидишь в темных беспробудных густых глухих немых платьях... А ты провидишь в темных сонных платьях... в глухих глухих глухих оградах... в шелковых дувалах дувалах уморяющих...

И будете сгорать от пророчеств ранних ваших!..

И будете сгорать от пророчеств ваших ранних в темных глухих платьях... в глухих немых имперьях халифатах... в слепых безглазых паранджах безгласных... в тупых дувалах, рты замазывающих засыпающих... в границах смертных охраняемых адовых...

Но!

Но!

Но!

Блаженны от пророчеств ранних сгорающие уходящие ранее... Блаженны от пророчеств ранних сгорающие уходящие Срока (какого срока?) ранее... Блажен-

ны от пророчеств ранних сгорающие уходящие а не умирающие наве́к в светлых саванах мазарах одеялах. в Срок (какой тут срок? тут тлен! забвенье) в срок оплаканных и в срок (он тут! он рядом!) в ближний срок наве́к распавшихся от чёрвя необъятного!..

А ты Фаррах а ты сгораешь в темных сонных беспробудных платьях! А ты Фаррах а ты сгораешь в темных сонных беспробудных платьях платьях...

Блаже...

Тогда Низам аль-Мульк кличет зороастрийца парса Али-бачу и повелевает, и тот приносит на чеканном медном армянском мешхедском подносе балхскую большую косу-пиалу вина удушливого густого старинного хорасанского ярого ярого ярого яростного... яро уносящего плескучего падучего текучего дурмана одуряющего уморяющего наве́к? наве́к?.. наве́к!

Тогда Низам аль-Мульк говорит Фаррах: выпей до дна, прижмись лицом к нагому дну косы, подними лицо ожившее из пиалы, и говори говори, смертная сова ночная, говори далее!.. Пей и говори далее! И веди и зри и веди веди веди еще не вышедшие на дорогу караваны! И веди караваны брезжущие лишь!.. лишь зарождающиеся... И веди караваны еще лежащие еще еще спящие, еще не вставшие... И веди караваны еще пустынь не знающие!.. И заблудись в стадах ягнят рождающихся завтра!.. И скажи когда когда полягу?.. Когда Империя издохнет изойдет?.. Когда когда распад паденье Халифата?.. Когда алычи заплещут вольно вешне неоглядные?.. Когда потекут пойдут глины вешние благодатные?.. Когда Фаррах? Когда Гадалка?..

И Фаррах пьет из косы льнет вспыхнувшим челом лицом к нагому дну и упивается и оживает восстает в бездонных сонных темных платьях платьях платьях... И упирается совиными очами в дно косы глядит совиными очами... И восстает хмельная яро тонко восстает высоко в платьях оживающих... И восстает хмельная темная последняя и вот она она она опять хрипит хрипит кричит лопочет шепчет хочет хочет видит видит плачет плачет пляшет пляшет пляшет вьется тянется в взволнованных одеждах сонных сонная дурная от вина

исходит стонет стонет: куф-Суф! Куф-Суф! Куф-Суф!.. Сельджук!.. Вазир благой!..

Я вижу долгий сонный скотный нож мясной, нож багдадских мясников — и ты Вазир Вазир вблизи шатра жен своих алчущих, вблизи шатра близ Нихавенда, после разговения-ифтара, встретишься с ножом Ножом Исмаилита близ шатра жен ждущих алчно, встретишься с ножом и не уйдешь, не разойдешься с хлещущим ножом...

Вазир!.. С ножом со встречным пришлым хлынувшим неожиданно из руки исмаилита-батынийца — ты с ножом не разойдешься!.. И падешь!.. И не дойдешь до жен береженных!.. И не дойдешь до ждущих зрелых жен напрасно алчно растревоженных!.. И встретишься с ножом исмаилита-батынийца из Дейлема... встретишься с возникшим вдруг ножом — и не! и не! ой не! не! не!.. не разойдешься! И взвоят по-собачьи жен шатер готовящийся...

Иль по-волчьи?..

Низам Низам возлюбленный зачем зачем ее ты кликнул?.. Друг, зачем?.. Зачем... Когда вино еще в пиалах не иссохло?.. Зачем зачем зачем кричит пророчит верещит Сова когда еще не село не утихло не изникло солнце Солнце?..

И будет время...

И будет время когда совы!

полетят во дне!..

И будет время, когда будете зажигать свечи во дне, при солнце, ибо хладно и темно будет в ваших душах!.. да... И не согреетесь. И не озаритесь... И будете зажигать возводить костры в ночи во тьме в Ночи во Тьме, а сами будете таиться за камнями, в Ночи Огромной, и говорить шептать: о Боже Боже мы жгли костры в ночи огромной необъятной... помилуй нас заблудших темных слепых... Мы для других возводили костры в ночи!.. но сами прятались за камни за валуны росистые тайные... чтобы хранители ночи, чтобы стражники сарбазы Ночи рыщущие не увидели нас у костров и не послали стрелу смертную в освещенные наши лица... а мы прятались за камни за валуны ночные, чтоб костры наши не осветили нас, не выделили из ночи... мы возводили костры безымянные для иных человеков... мы хотели уйти от

судьбы своей, от стрелы своей... мы таились за камнями... Но никто не пришел к нашим сиротским пустынным кострам... они отгорели втуне и стали темной ночной невидной тленной золой... а мы хранились за камнями... А мы береглись от стрелы рыщущей разящей сладкой! сладкой!.. Но убереглись ли?.. Но убереглись ли?..

...И вот бредете в золе холодной душ ваших прячущихся... И вот бредете в золе холодной душ ваших таящихся...

Но! Блаженны сидящие явно у костров в Ночи Стрелы рыщущей необъятной!.. Блаженны у костров своих озаренные явно сидящие! не прячущие лики смиренные в тайных ночных камнях... Блаженны костры возжигающие... блаженны озаренные пресветлыми кострами многогодальными...

А вы вы хранители ревнители стражи ночи, вы выпускающие стрелы смерти, иль слава убийц вам дороже славы человек?.. Да они же вашу Ночь озаряют, в вашей Ночи костры возводят, да они же вас озаряют, да вы же без них заблудитесь канете в ночи в Ночи падете от иных зорких совиных охотников... иль вас примут за зверя стерегущего ночного и хлесткая стрела найдет вас... иль вы звери... слепцы... хранители ночи... иль вы канете камнями осыпи в тихие долгие долгие долгие заводи заводи... пропасти... пропасти... пропасти... звери звери... Хранители Ночи...

И стрелы ночные находят ночных охотников!.. И стрелы ночные находят ночных охотников волчьих!.. Дай дай дай им о Боже! дай им найти! дай о Боже!.. Боже!.. да что я?.. прости меня... Боже... Но!.. Низам возлюбленный!.. Зачем зачем ты звал провидицу пророчицу, когда вино еще в пиалах не иссохло?..

Фаррах Фаррах гадалка! пей и говори далее! И веди грядущие еще еще еще слепые караваны!.. И летай средь птиц еще лежащих сир сир сыро сыро свернутыми в нерожденных мягких тайных яйцах!.. И блуждай блуждай и возвышайся среди стад отар ягнят ягнят зачатых завтра! завтра! завтра!.. И скажи скажи когда

когда когда полягу? Когда Империя моя моя издохнет
изойдет? Когда распад когда погибель Халифата?.. Когда
Альчи заплещут вольно вешне неоглядные?.. Когда
потекут пойдут глины вешние духмяные благодатные
чреватые крылатые?.. Когда Фаррах?.. Когда?.. Когда
гадалка?.. А!..

О Боже Боже скоро ль? скоро ль? я ль сойду со
грушевой доски последней скоро ль я сойду с Доски в
стада в стада в стада грядущие невинные пылящие мо-
лящие закатные печально принимающие тихую овцу пе-
чально сонно сонно наве́к наве́к наве́к расступающие-
ся... молчащие молчащие молчащие без пастыря без
пастыря без пастыря...

Ты ль бродишь средь живых загробный Ангел Аз-
раил загробный пастырь?

Ты ль Чабан Усопших их стада немые тихо тайно
оставляешь оставляешь оставляешь... и в живых земных
во скорых обреченных бродишь бродишь бродишь...
знаешь... назначаешь... назначаешь... улыбаешься... и
чуют чуют стражи стражи волкодавы волкодавы... и
скалятся и скалятся, но знают знают знают Чуя чуя
чуя Чабана Непреходящего... и не лают и не лают и не
лают... Но!.. Когда Фаррах? Когда Пророчица? Когда
когда гадалка?..

...Тогда она встает вьется кричит плачет в кашмир-
ских тучных дремучих пахучих платьях платьях пла-
тьях!..

Тогда она лопочет лепечет вьясь вьясь томясь то-
мясь томясь творясь творясь умирая усыпая вымирая
в сонных бездонных платьях платьях молчащих...

Ты уморяешь умерщвляешь ее блаженный друг воз-
любленный друг дуст брат Низам аль-Мульк мой мой,
ты выедаешь вызываешь выпиваешь ее из глухих одежд
ее охранных, как заветный сладкий сырой млечный мо-
лочный текучий орех из кожуры хранящей неокрепшей
мягкой...

И она бьется живет роится напоследок?.. накану-
не?.. да! я знаю вижу чую (Азраил ты рядом? назна-
чаешь?) а она пророчица провидица не знает... не ви-
дит... не чувствует смерть свою... а я (зачем о Боже?) знаю
знаю знаю...

...И будете пророчествовать о народах и странах и не знать исхода своего!..

И будете пророчествовать о народах и странах и не знать малого исхода своего!.. да!.. Малого... И что что что смерть пророка рядом с пророчествами его?.. да?..

И пророчества в империи просты: Кровь да кровь... кровь да кровь впереди... впереди... позади... позади... Кровь да кровь!.. впереди! впереди!..

И что смерть пророка рядом с пророчествами его?.. да?.. Но! но я знаю знаю знаю и оттого точат плывут очи безутешные мои...

И что все пророчества Фаррах плясуньи святой родной рядом со смертью ее близкой слепой жаркой жадной?.. Что? что все пророчества?..

И я знаю и я вижу и мои очи плывут точат точат точат и она видит очи мои и улыбается мне и улыбается мне мне мне и я поворачиваю лицо с очами безутешными печальными плывущими точащими к стволу груши отцветающей, но она улыбается мне из одежд взволнованных... Но она улыбается...

И!.. Шайдилла!.. она путается обрывается она кончается она шепчет бредит бродит в стадах грядущих смертным здешним пастырем...

Азраил ты отступаешь? уступаешь? улыбаешься выжидаешь?..

Шайдилла!.. Она срывается срывается... в стадах грядущих блуждает, теряется, поет кричит взывает стонет мается...

...Вазир! Вазир!.. Низам аль-Мульк!.. Твоя Империя... твоя... Твой Халифат несправедливый!.. несправедливый... Вот!.. вот... я трогаю их... вижу... всех!.. я глажу их загробными перстами... персты роняю... Да! да!..

Я вижу сонмы шевелящихся последних ой невинно ой невинно убиенных зябких скорых душ... Да! да!..

Я вижу сонмы... горы... холмы свежих невинных безымянных молодых молодых хладных хладных тел тел тел... они лежат словно оббитые зеленые чреватые неполные плоды в саду оббитом брошенном саду в Саду Заброшенном оббитом градом тлею татью червем... в Саду Империи... в просторах Халифата... да!.. я глажу

их печальными молчаливыми бескрайними перстами плакальщицы глажу материнскими перстами... всех их глажу... всех их мертвых ублажаю утешаю провожаю материнскими перстами... я гряду гряду гряду в телах усопших неоглядных я ступаю провожаю я одна одна одна среди них живая... я одна среди них и мать и жена и, дочь сестра и плакальщица... плакальщица плакальщица плакальщица... и шепчет Азраил устами сизыми считает неоглядные лежащие стада стада стада отары и считает и сбивается и меркнет и уходит и уходит и уходит не! не! не! сосчитавши... и уходит не не не сосчитавши а я знаю...

Да!.. И будет весна избитых зеленых незрелых неполных листьев и плодов и не будет осени напоенных благодатных спадающих ленных златотелых божьих урожаев... И сыны не будут знать могил своих ранних отцов и имен дедов своих! Да!..

И властители будут одной кровью покрывать глушить забивать другую раннюю кровь... малую — большой... малую — большой... И не прорастет? И не прорастет?.. И не вззовет? И не поднимется? и не! не! не! не прорастет?.. Но не покроют... но не заглушат... и прорастет... И прорастет!.. И кровь невинных прорастет... и возопит... и позовет...

Но!.. И будете пахать и сеять на святых родных мазарах-кладбищах развалинах...

И мечеть оскудеет опустеет и будут шуметь прибывать ярые базары живота и слюны полны полны пыльны пыльны, а храмы заброшены и пусты и там будет плесень одичалая сырая и гнезда липких летучих мышей и ворон гадающих... да.

Да! да! да! Низам аль-Мульк, Вазир Имперьи Страж горящих дымящихся дальних тревожных рубежей, сторожевой святой пес Халифата Халифата Халифата бессонная скользкая озверелая неоглядная необъятная чуящая ноздря Халифата, око Имперьи недреманное... Да!.. И! и твоя мать умерла в родах... и отец твой ходил по балхским кормилицам с младенцем на руках... и ты знаешь цену чужого доброго открытого молока и ты знаешь цену чужого открытого доброго соска... и ты до

крови сосал брал теребил сосцы чужих матерей и засыпал упоенный у чужих грудей и ты засыпал упоенный у чужих сосков и во сне не отпускал их...

И ты знаешь цену чужих открытых невинных сосков и ты охранял пригнетенные малые поверженные безвинные народы разъятые разрушенные разворошенные! да!.. И ты засыпал младенец у чужих сливовых виноградных сосков, а теперь твой Халифат твоя Имперья — Усыпальница Народов Младенцев!.. да!.. И они спят у чуждых сосков Имперьи и они спят вялые и они не проснутся?..

И они не проснутся?..

Но!

Но будут страждущие мучимые бессонницей среди спящих народов!..

Но будут будут (будут!) страдающие бессонницей среди спящих народов!..

Блаженны мучимые бессонницей среди спящих народов! да! они видят, они знают... Да!..

Гляди, Вазир, твой Халифат — без границ, без концов, твоя Имперья — без берегов, дальняя пыльная бесконечная, а люди — без родного берега, а они маются тычутся сонные о чужие соски!.. и не знают слепые малые!.. Гляди — Имперья безбрежная неохватная бескрайняя, Имперья Халифат — без берегов, а человеки блуждают сонные слепые рыщут страждут маются о берег! о берег отцов дедов! о сосках исконных исходных кровной матери матери матери!.. да!..

А ты младенец а ты сосал балхских кормилиц благодатных а ты искал мать кровную а ты искал берег а ты искал берег?..

А ты искал Берег!..

Так и народы младенцы твоего Халифата!

Так и народы твоей кормилицы твоей Имперьи! да! да да да!.. Да. Вазир! Да... Да.

Спящие ищут — и не находят... Но блаженны мучимые бессонницей среди спящих народов. Они знают...

...Ты держащий хранящий лелеющий в очах сливовых слезы слезы росы росы хрустали блескучие текучие падучие слезы обо мне, ты отвернувшийся к стволу

садовой отцветающей груши ты Имам ты Поэт Омар Хайям ты не спишь! ты мучим бессонницей средь спящих! Ты — поэт — и ты не спишь!.. да!..

Но грядут времена, когда бодрствующий прикроет очи хранящие слезы (о земле своей о народе своем о языке своем о бреге отцов своих) и предстанет спящим, чтоб не быть убитым забытым зарытым без имени! без мазара! без могилы!.. да!..

Но грядут времена когда бодрствующий притворится спящим! но грядут времена Спящих у чужих ненавистных сосков!.. времена Спящих у Чужих беспробудных беспутных Сосков, и они близки, эти времена... И они уже наступили!.. да!..

...И вы со страхом говорите о таких временах грядущих, а а они уже пришли... да!

И вы со страхом говорите о таких временах а они уже наступили а вы младенцы а вы народы младенцы а вы уже не младенцы а вы спите а вы не знаете слепцы слепцы слепцы!..

Но ты поэт ты знаешь ты имам Омар Хайям!.. Ты не держи ты осуши слезы в очах!.. Иль нет!.. Иль плачь плачь плачь блажен обо мне... мне скоро скоро... мне мало мало осталось... я-то знаю... (Азраил рядом хладный!) я-то знаю... плачь плачь один единый обо мне поэт плачь обо мне плачь мучимый бессонницей средь спящих замертво народов средь народов сонных!..

И будут плакать о плакальщицах! и будут о пророчицах пророчествовать!.. И будут плакать о плакальщицах-пророчицах и нет иных в имперьях сонных сонных сонных!.. Плачь плачь поэт умученный бессонницей среди народов сонных сонных! И смерть имам имам имам поэт поэт и смерть не уведет не избавит тебя смерть от этой божией бессонницы бессонницы бессонницы!..

И смерть не избавит! да! да!.. не уповай на смерть поэт бессонный!

Да!

Да Фаррах Фаррах гадалка святая люли цыганка пророчица лепетная пьяная бредовая, да! я не сплю средь спящей средь Имперьи Халифата... я и на последней грушевой Доске Омовенья не усну не оглохну не сойду в глиняную затхлую удушливую тьму мазара... да!

я не сплю среди спящих спящих спящих среди Халифата спящего... среди Халифата Спящих Спящих...

Да! да Фаррах все мне в Ночи Имперьи чудятся мнятся слышатся слышатся доносятся глухие крики... голоса... и шепоты... и стоны... и стоны!.. стоны!.. стоны смертные в Ночи Имперьи... вскрики!.. всхлипы!.. голоса... рыдания душные за темными дувалами... оградами... за паранджами рубежами... за стенами за стенами за стенами... все мне слышатся стенанья за стенами за стенами за стенами...

Все мне Фаррах Фаррах и со Доски Омовенья последней слышатся чудятся (не чудятся! нет! нет! Имперья... Ночь... стенает!) все чудятся... все чудится... ночные тайные копыта раздирают разбивают лунную нетронутую сокровенную заповедную азиатскую пахучую затихшую пыль... все уносят кони кого-то... все уносят... все уносят... все все вынимают птенцов из гнезд божьих окропленных звездною предутренней росой... все все вынимают сонных беспомощных прилипших жемчужной невинной слюною к подушкам бархатным бухарским долгим... все выдирают из теплых невинных одеял растревоженных... все отлепляют от жен сонных от детей пробужденных... все перерезают ножами слюну невинную жемчужную сонную... все увозят уносят уводят... все кто-то плачет плачет плачет Фаррах... все кто-то стонет... стонет стонет... плачет плачет покорно тихо... покорно... все кто-то в Ночи Имперьи во тьме Халифата тайно тайно тихо тихо стонет стонет стонет...

Да, Фаррах, все кто-то плачет плачет... стонет...

Имперья многоязыкая ночь Ночь Безбрежная... многоязыкая а только шепоты доносятся... доносятся...

Имперья... Ночь... Ночь...

И все куда-то скачут кони тайные ночные темные все скачут скачут кони-кони безысходные... походные... все скачут кони погони скачут ярые... скачут... скалятся... все скачут в Ночь Ножа Ночного упоенного бездонного бездонного...

Имперья — Ночь слепа слепа лишь нож лишь нож и зряч и точен!..

Ой Фаррах и с Доски Омовенья последней предсмертной я слышу слышу слышу... я не усну...

Я и оттуда о-т-ту-да услышу учую задрожу забьюсь... я и оттуда, за Доскою, буду слышать нагими обрезан-

ными сторожевыми ушами... да Фаррах Фаррах давно давно давно умершая ушедшая усопшая... ты слышишь? да?.. А ты не спишь а ты слышишь?..

Да!.. Имперья — ночь густая слепая многоязыкая безъязыкая...

Ночь густая слепая... лишь нож тугой тугой ночной ночной лишь Нож зряч светел точен точен точен... Да!..

Имперья-Ночь... лишь нож один слепящ! один манящ! один разящ! Да!.. И!..

Фаррах Фаррах мне мне мне неловко и на Доске... все я тянусь из савана и все неловко мне... неудобно несносно недужно неволью мне... все не спится не спится не спится... все кто-то... кто-то... кто-то... плачет плачет плачет в ночи...

И тут пророчества в империи просты — кровь да плач, кровь да плач впереди впереди...

И тут пророчества просты — кровь да плач впереди...

Фаррах... родная... дальняя сгнувшая... все смертно слезно слезно тоскливо тошно тошно тошно мне Фаррах Фаррах... Фаррах Фаррах все кто-то (кто? родимый? ближний? дальний? всякий!..) кто-то плачет в ночи...

Кто-то плачет в Ночи Имперьи... И!.. Фаррах! все не живется мне... не спится... не живется и не умирается... да да... не умирается... все кто-то плачет плачет... не уходит... не оставляет... не оставляет... плачет... ай... Шайдилла!.. Чего не умирается?.. А!..

А Фаррах но ты путаешься захлебываешься заходишься но ты но ты кончаешься изникаешь хлопчешь отходишь в темных глухих кашмирских одеждах... платьях... юбках дремучих ты захлебываешься пеной пеной на устах кричащих дрожащих роняющих!.. Но шепчешь исходишь но шепчешь: гляди Вазир гляди блаженный уготованный смерти... уготованный ножу агнец ягненок мудрец хранитель чуждых рубежей границ... гляди Низам аль-Мульк!.. Гляди!..

Над твоим Халифатом над твоей Имперьей и птицы не летят... облетают обходят сходят с вековых небесных путей путей... обходят твои небеса разящие... косятся боятся слепых пьяных стрел стрел стрел...

Над твоей империей и птицы не летят а что что что человеки?..

И на небе царит парит стрела а на земле рыщет свищет нож... да.

Над твоей империей и птицы не летят... ни журавли ни гуси ни утки ни белые белые стерхи а только только грядут идут черные высшие глухие сибирские аисты аисты аисты!..

А только черные сибирские аисты далеко высоко проходят молчные а стрела не доходит до них а стрела смертная тянется вянет в небе а стрела не берет тугое глухое тесное перо их... да... и она вянет и она тычется о перо и она упадает спадает напрасная тщетная злая слепая слепая слепая... обратная пустая...

Гляди Вазир — ты умрешь когда когда черное высокое летучее падучее дремучее перо сибирского аиста упадет на твою голову!.. да! гляди!

И будете глядеть в небеса и ждать смерти. И придут времена когда черные перья падут посыпятся на головы властителей хранителей собирателей твоей твоей Империи... да!..

И тогда птицы вернутся на тысячелетние пути свои, а народы на пути отцов и дедов своих...

И стрела не будет рыскать в небе а нож на земле искать... да. Гляди Вазир — и ты умрешь когда черное неслышное ночное перо сибирского аиста падет опустится на твою голову и не почувешь его и не стряхнешь его и не узнаешь его прежде смерти своей и тут же встретишься с погибельным хлещущим ножом исмаилита-батынийца из Дейлема и падешь и не дойдешь до шатра жен зрелых алчущих напрасно растревоженных...

И не дойдешь до жен шатра завывшего по-волчьи!..

Все! все!.. Гляди Вазир... Гляди... Твоя Имперья в Черных Перьях... Вся несметная Несметная в несметных черных предмогильных перьях перьях перьях...

Да... Твоя Имперья в Черных Перьях... в замогильных перьях перьях перьях!..

Все Вазир!.. я ухожу... я слепну от пророчеств... слепну слепну слепну... Я не вижу боле...

Ой властитель отпусти меня люли кашмирскую цыганку отпустипусти меня на волю...

Я слепа темна устала я смеркаюсь я не вижу боле боле боле... Отпусти меня на волю... очам больно... больно...

...Тогда тогда тогда Низам аль-Мульк (зачем ты, возлюбленный друг мой? зачем?) бросаешь к ногам Фаррах три золотых глухих динара, и они падают неслышно на садовую тихую траву, и Фаррах не глядит на них, но потом она взвивается восходит бьется тщится вновь в темных одеждах своих... потом она плачет, кричит, стонет: Вазир! Агнец! Мудрец! зачем ты бросил мне эти нищие золотые монеты? зачем золото? и кто покупал пророков? зачем Низам аль-Мульк? зачем? зачем я не гадалка а пророчица? зачем твои золотые динары?.. ай зачем так жалишь? зачем так насмерть жалишь?.. ай! ай! зачем властитель? зачем родной мой... скорый?.. Обреченный?.. Скоро!..

Тогда Хасан Саббах!..

Ты пьешь из пенной пиалы, ты нож, грядущий нож Исмаилита Ассасина нож грядущий нож в душе в крови растишь растишь таишь таишь еще таишь еще таишь? — нет нет! уж не таишь!.. Уж не таишь!..

Ты вынимаешь, как зудящую саднящую занозу, нож из страждущей из жаждущей крови из жаждущей души!.. Ты нож уж не таишь!..

Тогда Хасан Саббах Али-баче кричит кричит кричит... шипит змеей томясь шипит: неси!.. Али-бача!.. Неси! Скорей! пока пока пока она горит... неси... скорей! на медном на чеканном на армянском на мешхедском ледяном подносе... ой скорей скорей неси!.. неси! неси! пока она горит!..

Пока она горит!.. неси! Али-бача скорей неси!.. на ледяном подносе! да! да! да! пока она горит! горит! горит!.. Неси!..

...И ты несешь, и ты несешь зороастриец покорный шальной дикий таящий Али-бача, и ты несешь несешь несешь на мешхедском чеканном подносе, ты несешь Али-бача, ты несешь не мервское балхское дурмящее вино в китайском хрустальном переливчатом кубке-пиале!.. Ты несешь нож на подносе!.. Долгий полыхающий индийский нож с костяной рукоятью в которую вкраплены крупные бадахшанские лалы!..

И что они вспыхивают эти бадахшанские слепые лалы равнодушные?

И что они напоследок утешат взор убитого? в которого погружен нож по рукоять?.. Иль отвлекут убийцу холодной бессмертной игрой?..

И, убитый, ты видишь только хладные горящие кровавые камни у тела своего, а где сладкое неслышное певучее тонкое лезвие... оно долгое... И где оно?.. Иль в теле твоём?..

А только лалы близ тела... и они не вошли в него?..

А где обоюдоострое лезвие — тело ножа с месяцеобразным острием входящим впадающим вползающим сразу?.. где?.. оно?.. И одни лалы близ тела моего?.. да?.. а где лезвие? где? где? где?.. ай!.. здесь оно!.. Здесь... во мне... да!.. Оно!.. Мое!..

И!..

И ты несешь нож на подносе Али-бача и подносишь его Фаррах и она уже знает, и улыбается, и Хасан Саббах отворачивается, отворачивается, но тянет его тянет как течение горной густой реки тянет тело его, влечет тянет очи его, тянет его глядеть глядеть на нож свой, на посланника своего, на нож свой ярый кроткий лежащий на ледяном подносе, и он вновь поворачивает голову в низкой по глаза чалме и глядит глядит, а Фаррах улыбается и берет нож с подноса и начинает виться плясать гнущься плечами цыганскими трепетать ходить рябить бить и Али-бача бьет часто в дойру и Фаррах пляшет пляшет пляшет смеркается мается в глубоких платьях юбках пляшет с ножом в руке а потом нож пропадает теряется в бездонных кашмирских одеждах дремучих ее и ее рука уж пустынна и нож теряется в волнующихся платьях пахучих терпких глубоких и нож теряется в одеждах и Али-бача бешено немо оцепенело очумело прозрело бьет бьет бьет в дойру и Фаррах пляшет вьется гнется мается хохочет в густых непроходимых кашмирских платьях и нож теряется и рука ее уж пустынна и нож долгий пропадает в одеждах вольных широких... Фаррах Фаррах где нож? ты спрятала его? ты цыганка? ты воровка? ты уворовала утаила увела его? ты спрятала его в одеждах темных густых? где нож?..

А ты пляшешь, а дойра грохочет, а нож теряется, а рука пустынна... а... а! ааа... ай!.. Фаррах!.. Как ты нашла свое тело в этих бездонных одеждах? как нашла?.. ведь оно такое малое твое гибкое кошачье тело?..

И как ты нашла его в этой шалой шальной косоЙ пляске предсмертной? как? как? нож нашел твое тело? как?.. тело...

И оно сразу упало в одеждах подломилось запуталось сразу немое в одеждах... и пропало и полегло... и платья юбки вольные полегли на землю на траву как палые перья перья перья... полегли на траву... но еще колыхались колыхались колыхались вились двигались дышали... еще тщились маялись пустынные... опустелые как ракушки без улитки...

И крови не было и кровь не вытекала из одежд и она не явилась и она затерялась в платьях в юбках и она осталась осталась глухая в одеждах сонных обильных отяжелевших...

И как как как Фаррах нашла ты ножом свое тело тельце... тело... ай! И вот уже Али-бача заворачивает целенает тебя в твои полегшие покорные отяжелевшие смутные одежды и уносит и Хасан Саббах глядит как тебя уносят в свернутых молчных гибких одеждах... как тебя уносят в ярких одеждах как убитого павлина в радужных перьях перьях перьях...

Да...

Но ты сказала ты сказала за дойрой оглушающей: Вазир! Агнец! Мудрец! Зачем ты бросил мне нищие золотые динары? зачем золото? и кто покупал пророков?.. Зачем зачем я не гадалка а пророчица? зачем твои золотые динары? ай! зачем жалишь насмерть? зачем властитель? зачем родной мой? зачем зачем скорый?.. Но ты сказала за дойрой забивающей ты шепнула: Вазир! Пославший нож на меня — пошлет и на тебя! да!.. скорый... недолгий... И она глядела на Хасана Саббаха и улыбалась ему...

Фаррах!.. Ты!.. И тебя уносят в твоих отяжелевших глухих платьях юбках перьях радужных как убитого павлина в поникших мертвых перьях, цвет живой цвет маслянистый цвет пыльцовый цвет живой живой живой теряющих теряющих теряющих... И крови нет и она не вытекла не явилась безымянная глухая заблудшая слепая тайная?.. Да!.. Тайная?.. И она слепо затерялась в одеждах... истекла в немых одеждах?.. истекла в немые платья?..

И осталась в шелковых дувалах молчащих?..

И нож затерялся безымянный?.. безымянный?..

И никто не узнает о крови тайной... зачахшей вытекшей печально тайно тайно тайно...

И не узнают о ноже заклётом тайном тайном тайном?..

Да!.. Имперья!.. Халифат!.. Ночь!.. Нож!.. И тайна тайна тайна тайна!.. Да!..

И вот глядите — пророки правдолюбь сами умирают и нет крови явной пролитой излившейся и нет ножа и нет пославшего нож?.. Да?..

Нет!.. Есть кровь пролитая излитая вопиющая! есть нож! есть пославшийся нож!.. да!

Есть кровь — и она струится сочится вязкая открытая невинная из одежд глухих... из дувалов слепых... из империй немых!..

Есть нож — и лезвие его наглухо сокрыто в теле жертвы, но лалы лалы кровавые блистают говорят указывают... но блистают лалы на оставшейся непогруженной вольной рукояти рукояти рукояти...

Есть пославший нож — и он отворачивается отворачивается но я я я знаю... Есть Разрывающий одежды... кровь держащие... таящие... Есть Глядящий чрез слепые дувалы... Есть есть среди немых империй есть Вопящий!..

И! и...

Блаженны от ранних пророчеств сгорающие! Блаженны сгорающие от ранних пророчеств а не умирающие навеки! навеки!.. Шайдилла!..

И вы прольетесь изольетесь изойдете безымянной кровью в темных глухих одеждах? в дувалах слепых? в паранджах безглазых безгласных? в странах ножа рыщущего ночного? в империи стрелы залепляющей рты?..

И вы изольетесь изойдете тайной кровью? И нож будет тайным? И пославший его будет тайным? И кровь будет тайной? И она останется в одеждах ваших? в дувалах ваших? в оградах ваших? в паранджах ваших? в странах ваших? в халифатах?..

Но! но! но! но!.. Но кровь невинных прорастет... и возопит... и позовет... И!

Кровь пророков вопиет!.. И кровь иных безвинных убиенных просится взывает... Кровь пророков вопиет!.. И вот глядите — она течет из-под одежд, из-под дувалов как вешний арык!

И явен ясен наг нож и жертва его и пославший его!
и никто не остался не останется тайным Фаррах!
И знают!..

И я знаю Фаррах!.. но тебя уносят в одеждах как
убитого павлина в перьях маслянистый цвет живой те-
ряющих теряющих...

И кто убивает павлинов? И кто мясник павлинов?
Кто убивает? Шайдилла!.. помилуй нас!.. малых!.. Да!..
Но!.. Нож!..

НОЖ!

Да! Шайдилла!.. Но... Нож! нож, нож, нож! да...
аааа!.. Нож!.. Низам аль-Мульк Абу Али аль-Хасан ибн
Али Исхак возлюбленный друг дуст мой мой мой Ни-
зам!.. да... Нож!.. а ты оканчиваешь ифтар — разговенье
а ты возвращаешься из Исфахана в Багдад (ты сказала
ты пророчица Фаррах!) а ты шествуешь плывешь чу-
ешь ждешь в арабском паланкине к шатру своих умас-
ленных жен возжидающих кошачьих стерегущих...

...И тут падешь!.. И не дойдешь до жен бережен-
ных!.. И не дойдешь до ждущих зрелых зрелых (пере-
зрелых уж! прозрелых враз!) и не дойдешь до ждущих
зрелых жен напрасно алчно сонно растревоженных!..
И встретишься с ножом исмаилита-батынийца из Дей-
лема встретишься с возникшим явным ясным вставшим
вдруг ножом ножом ножом — и не! и не! и не! ой не!
не! не!.. не разойдешься!

И взвоят по-собачьи жен шатер жен преданных ша-
тер ой заскулит ой по-собачьи ой заплачет знойно?..
Иль взвоят иль завоюет наго зло по-волчьи?..

Но!..

Но ты Низам но ты! но ты! приходишь до шатра!..
ходишь!

Фаррах гадалка?..

Но ты приходишь ты нетронутый (иль нож уснул?
да? да? уснул о боже?) ты приходишь до шатра и схо-
дишь с паланкина в ночь тугую жен заждавшихся до-
ждавшихся... Ты сходишь в Ночь вьющихся нагих в
Ночь ластящихся стелющихся многих терпких лонных

жен ты сходишь в ночь подлунных тихих жен твое живое тело тело ублажающих вбирающих качающих томящих... разрешающих... и разрушающих и разрушающихся... Ты сходишь в Ночь Жен Усыпляющих и теряешься и разбредаешься туманишься в Ночи Жен Роящихся... И Ночь Жен заждавшихся — Бахча хивинских поздних дынь золотых золотых золотых живых потрескавшихся мягких истекающих теряющих золотые сахара золотые меды мякоти чрез щели трещины надрезы липко сонно густо истекающие... Ты дыни разрезаешь упоенно сонно разрезаешь разрезаешь разрушаешь раздвигаешь... погружаешься... Ай! Шайдилла! Ночь бражных жен медовых липких, ночь — бахча хивинских дынь золотых золотых перестоялых жен пережженных талых дынь перестоялых истекающих золотыми семенами семенами семенами!.. Ночь!.. Бахча!.. Низам ты спишь в шатре в бахче блажен сокрыт бухарским ленным льющим фазаньем одеялом одеялом одеялом...

Фаррах гадалка что не подняла с травы садовой три золотых динара?.. Что? Что? что не подняла, не собрала, не поклонилась, что гадалка?

Что гадалка?..

Низам! Рано... еще рано...

Ты спишь Низам среди дынных жен проливчатых, ты спишь ты спишь блажен блажен сокрыт бухарским ленным льющим фазаньем одеялом...

...Фаррах гадалка что ушла не подобравши не поднявши три золотых динара? что гадалка?..

Но!.. Низам!.. Рано...

А ночь а ночь уходит ночь-бахча ночь дынных жен колодезных а ночь а ночь уходит ночь ночь ночь светает!.. обнажает... Ночь светает!.. Ночь вокруг шатра смиренного светает раздвигается... Ай Шайдилла!..

...Низам ты выходишь со светильником в руках выходишь из шатра жен спящих... Ты выходишь ты сту-

наешь со светильником в руках ступаешь в ранние росистые в мятные глубокие высокие травы емшаны благодатные принимающие... Ты садишься в травы упадаешь в травах расстилаешь исфаханский душистый молитвенный коврик и ставишь рядом светильник горящий... И свершаешь утренний намаз-молитву-«субх» и упадаешь раннею хмельной главою о коврик и касаешься забвенной бритой мусульманской головою о росы росы и сбиваешь сладко сладко росы и роняешь... И шепчешь шепчешь и уповаешь и бережешься в росных травах и бережешься и уповаешь и восходишь!.. да восходишь! и пока убереженный в травах в росах хладных молишься уходишь бережешься... Молишься!.. И горит светильник в травах молчных...

Тогда тогда тогда из ближних комариных сонных камышей из тугаев приречных из туранг из ив туманных молчно, неслышно неоглядно низко черный аист восстает восходит...

...Фаррах скажи скажи когда полягу? Когда Империя моя моя издохнет изойдет? Когда когда погибель Халифата? Когда алычи заплещут вольно вешне неоглядно? Когда потекут пойдут глины вешние духмяные благодатные чреватые? Когда Фаррах? когда гадалка?..

...Гляди Вазир — ты умрешь когда черное высокое летучее падучее перо сибирского ледового аиста упадет на твою голову! да... гляди... падет на голову...

И придут времена черных падучих перьев и придут времена когда черные ледяные перья посыплются на головы властителей хранителей собирателей Империи... И тогда птицы вернуться на тысячелетние пути свои небесные а народы племени Халифата — на земные пути отцов и дедов своих...

И стрела не будет рыскать в небе, а нож на земле... Гляди Вазир — ты умрешь когда черное перо ледяное неслышное ночное перо сибирского аиста падет опустится на твою голову и ты не почувешь его и не стряхнешь его и не узнаешь его прежде смерти своей и тут встретишься с ножом исмаилита... И не разойдешься!...

...Но светает вокруг шатра смиренного... Но горит светильник в травах росных молчных... Но Низам ты сбереженный ты нетронутый ты молишься восходишь в травах росных упоаешь шепчешь шепчешь шепчешь улыбаешься блаженный вольный вольный вольный обиваешь головой нагою стряхиваешь с трав холодных долгих хладны хладны вольны вольны росы росы росы...

Но! уже из ближних комариных бледных сонных камышей из тугаев приречных из туранг из ив туманных Черный долгий Аист восстает восходит сонно сонно сонно... соннооко... сонноокий слепоокий аист бродит низко над травую веет тлеет сонно сонно сонно... Уже уже черный аист назначенный восходит... Слепой отсталый стылый аист восходит бродит над травую косо косо сонно сонно сонно сонно сонно сонно...

А ты ты ты Низам аль-Мульк друг отчий родной кровный молишься в росных травах уготованных: о Боже!.. Я ищу убежища у владыки рассвета дня... Против злобы существ, Им созданных... Против зла темной ночи, когда она внезапно на нас опускается... Против злобы женщин, дующих на узлы... Против зла завистника, когда он переносит на нас зависть свою...

А ты Низам и поныне и поныне и поныне и пред Доской Омовенья моею молишься в травах росных уготованных убереженных: о Боже!.. Я ищу убежища у Владыки людей... У Царя людей... У Бога людей... Против злобы того, кто тайно возбуждает дурные мысли... Который вдует зло в сердца людей... Против злых гениев и людей зла... Да!

Низам аль-Мульк дремлив ты молишься дремливо упоенно в травах росных уготованных утопая тихую спиною...

Тогда аист назначенный слепой отсталый стылый стальной шарит ищет черными крылами в хладном росном росном росном в воздухе просторе... Тогда аист шарит окружает крылами ворона загробного подосланного... Тогда черный аист сонно подходит грядет в воздухе... Тогда на спину Низама аль-Мулька садится сонно сонно сонно дремотно уготованно... Тогда клюв вялый сонно тычется о нагою бритую мусульманскую голову покорную готовую... Тогда и тогда Низам воз-

любленный друг мой ты молишься молишься молишься...

Тогда аист спадает слетает со спины тихой сходит сваливается в травы в камыши в емшаны в тугаи сходит... У него горло убито уязвлено стрелою... У него очи птичьи подернуты предсмертною жемчужной сладкой сонно сонной зыбкой скользкой пеленой дремотною дремотной...

Пелена дергается... остывает... заглушает очи... зарастают глухо млечны белы птичьи очи очи очи...

Ата ата отец отец ушедший я воспоминаю твое горло? двугорбое? кривое? смятенное?..

Ата ата скоро? скоро? скоро? иль уж встреча скоро?

Черный аист в белый саван иль падет сойдет привольно изойдет на саван исходящим смятым святым святым святым святым Святым хлынувшим ой хлещущим ой горлом!.. И изойдет подбитым святым высшим горлом в снежный саван похоронный. И изойдет блаженным певчим Высшим небесным горлом в саван упокоенный божий! божий! божий!.. О Боже!.. Много...

...Но! но но но Низам возлюбленный ты молишься дремлив улыбчив в травах росных утопая тихой божьею открытою спиною... И ты белеешь в травах сокровенною готовою спиною... И светильник горит дремотно молчно... И жен шатер поодаль спит удовлетворенный уморенный упокоенный... И лежит на травах обогранных теплых липких аист сбит стрелою навек навек навек усмиренный... Шайдилла! о Боже! друг мой! друже! Дуст! Низам, а ты белеешь тихую спиною склонной...

А ты белеешь открытою спиною а ты белеешь зрелою рассветною хлопковою спиною... И умрешь, когда падет неслышное перо на голову!.. Гадалка а сел а дошел я... И умрешь, когда падет неслышное перо на голову!.. Гадалка, а сел а пал предсмертный аист Аист Черный...

Ай Низам что что бросал динары божией аллаховой Пророчице?.. Низам. Друг. Скоро...

И вот белеешь розовеешь персиковой в травах росных тихую спиною сбереженной... потаенной... увлеченной... И вот белеешь розовеешь персиковой в травах

росных тихою спиною сбереженной... потаенной... увлеченной... И вот белеешь розовеешь персиковой в травах росных тихою спиною сбереженной потаенной увлеченной божией... готовой!.. да! готовой...

Тогда я вижу вижу ой я вижу — он крадется он ползет он тянется не дышит льнет он вьется гусеницей тянется змеею травяною травяною травяною... Тогда я вижу — ой Низам ой друже ой возлюбленный я вижу я кричу кричу кричу: ай обернись!.. восстань!.. беги к шатру беги! беги!.. тогда я вижу и кричу... да только с ложа смертного... да только с гробовой доски... да только он не слышит... молится... певучий шепчет... только он не слышит... только я кричу с земного гробового дальнего ой дальнего ой дальнего глухого насмерть насмерть ложа ложа ложа... Тогда крадется отрок батыniec из Дейлема тянется змеею травяною... тугою... устремленною...

Тогда нож восходит над блаженною спиною...

Тогда нож восходит над блаженною спиною...

...А я кричу с ложа...

Тогда нож витает кочует мерцает над травкою...

...А я кричу с ложа позднего ой позднего...

Тогда нож витает кочует стоит рыщет тычется находит трогает... в спину уходит...

...Ай Фаррах! ай пророчица... ай... поздно... Боже... Много... Тогда нож раздвигает разрушает разрывает расширяет раскрывает разваливает кожу кожи потаенные святые глубины плоти растревоженные...

...На траве садовой лежат динары неподобренные...

Тогда за ножом ползут, идут по спине медленные крови...

...Кто покупал пророков?

...И что что что о господи что я кричу не из трав? не из шатра? и что я кричу с дальнего смеркающегося ложа? ложа? ложа?..

Тогда за ножом по спине ползут гранатовые полные зрелые зерна зерна зерна... Тогда зерна зерна собираясь собираясь переходят в текущие красные стручки стручки рубиновые живые перцы перцы перцы жалящие жалящие жгучие долгие долгие долгие... полные... Тогда гранатовые зерна в красные стручки перцы переходят долгие долгие долгие... полные...

...Низам!.. а я кричу шепчу с глухого ложа...

Твоя твоя блаженная блаженная спина спина спина тогда твоя спина Низам Низам возлюбленный мой друже а спина спина твоя твоя арбуз арбуз арбуз кашкадарьинский алый алый ярый ярый враз ножом ножом ножом разбуженный разваленный расколотый расколотый...

О Боже что что я падаю с ложа... что падаю валюсь сползаю с ложа... что поздно?.. друже... Низам, а ты молишься...

Боже... Много...

Низам Низам а ты молишься со спиною алой алой алой заревою отворенной... Низам Низам Низам а ты молишься со спиною алой алой алой заревою со спиною свято свято отворенной как врата мечети озаренной утренней свободной упоенной окропленной росами... Низам Низам вазир имперьи око халифата а ты шепчешь обмелевшими устами а ты молишься ты молишься молишься: когда Империя издохнет?.. Скоро ль? скоро ль?.. Скоро ль как спина моя развалится разрушится имперья усыпальница народов? Скоро ль? да! да! Халифат Ножа лишь от Ножа издохнет!.. Шайдилла! ой скоро ль? скоро!.. скоро стерхи полетят в свободных небосводах! Скоро! скоро! скоро! скоро!..

Ой возлюбленный ой друже друже дуст хмельной святой Низам Низам блаженный ты в блаженных травах молишься ты молишься ты молишься... Ой а ты отмахиваешься от ножа как от осы напрасным смертным малым жалом отягченной... А ты отмахиваешься от ножа как от осы напрасной разъяренной... А ты молишь молишь, а ты молишься...

А текут спадают в травы тихие стручки стручки текучие рубиновые перцы перцы долгие долгие... такие долгие... роящиеся... животные... А текут в травы перцы живые долгие... А Низам блаженный ты блаженно кло-

нишься ты засыпаешь ты отходишь ты залитый перцами блаженными живыми долгими долгими долгими,.. сонными густыми долгими... а ты клонишься...

Скоро... скоро... скоро... сонно... сонно... поздно... я шепчу шепчу шепчу пустынно с ложа дальнего, что поздно поздно поздно... Сонно... Шайдилла! Сонно! Но! по но но но! Но скоро скоро! полетят святые стерхи в небосводах вольных! Скоро полетят святые стерхи в вольных небосводах!..

Скоро!.. И!.. Я шепчу кричу я сваливаюсь с гробового ложа с грушевой Доски Омовенья на руки последних живых друзей моих: скоро! скоро! скоро!

Я открываю врата овечьего постылого загона волчьего и льется вьется курчавое тугое пахучее дремучее застойное стадо ройно густолаво на луга бездонные на тропы на раздольные привольные... И льется бляя мляя стадо из постылого унылого загона...

...И я шепчу с ложа... И стоит багдадский светильник в травах росных рассветных и пламя одиноко тлеет и уже уж рассвет одичало неоглядно алеет и отрок батыниец убийца исмаилит мнет ловит пламя темными перстами пальцами и оно не дается и уходит через персты его чадающие и я шепчу: зачем зачем это малое пламя когда рассвет пришел? когда он озаряет? зачем мять пламя малое? зачем? зачем оно через персты убийцы протекает протекает убегает убегает избегает возникает проливается через пальцы... Опалает... Обирает... Побеждает... И растут и проливаются через персты палача живые лепестки пламени... И пахнет у ложа моего далекого палеными напрасными перстами удушающими пламя... перстами палача сырыми гиблыми сгорающими заживо...

И что мнете пламя малое, когда стоит рассвет, когда приходит день рос алых?.. И что мнете пламя, когда приходит день рос привольных озаренных алых алых алых?..

И что мнете свечу и что опрокидываете светильник, когда пришел рассвет?..

И что удушаете? заглушаете?..

...Что пахнет что смердит у ложа моего заветного последнего сырыми гиблыми перстами палача сторающими заживо?..

Шайдилла!.. Господь!.. Прости!.. Но дух сладок!.. Да!.. сладок...

...И летят снежные святые стерхи стерхи стерхи в небосводах алых алых ранних ранних!.. И летят стерхи в небесах ясных росных хладных алых?.. И летят ли? летят ли? летят ли... И я гляжу в небеса и очи слезятся... Летят ли?.. Шайдилла!.. Летят ли?..

БИБИ-СИТОРА

И мучен предмогильный вечер мой пред погребальным саваном-сумой...

И мучен предмогильный вечер мой пред Грушевой последней Омовения Доской...

И не нагреть ее моей нагой печальной пустынной спиной спиной спиной...

И не! не! не! не осенить ее подъятой зоркой тихой медленной головой... Не осенить прощальную последнюю Доску прощальную улыбчивой блаженной живой живой головой...

И близок Ангел и машет слепым тяжким тяжким падучим хромым хромым косым косым крылом крылом крылом...

И источает и горит дымит курится сладкая забвенная хорезмская посмертная испанд-трава у ложа моего...

И пахнет саваном и мускусом и предмогильной камфарой... барусовой китайской камфорой...

Мўнуса дитя заблудшес... все! все! все! караван китайских благовоний ивовый плакучий ранний караван захожий все уходит все уходит... все еще уходит... все он не ушел... ой не ушел...

И листвия летят осенние и листвия летят осенние гиссарской груши золотой златой златой златой...

И листвия летят загробные гиссарской груши дворовой златой златой златой!.. И листвия летят осенние на ложе тихое смиренное мое... на тело... на лицо...

И засыпают погребают заживо уж тело тихое покорное мос мос мое... еще о Господи мое мое...

Я слышу плеск упалых листьев... плеск о тело тихое и всё еще еще о Господи мое мое мое... все еще здешнее еще живое... все еще мое... о Господи!..

...Ой бред!.. Я сборщик хмельной шальной сборщик я пчела хмельная проливающих дурно маков маков маков опийных дурманных маков-текунов!..

Я бреду я усыпаю я блуждаю в неоглядном темном вязком глиняном сыром дождливом тошном саду сов!..

Ой бред Господь... ой я молюсь в развалинах последней тленной безвинной мечети земной...

Ой Господь... ой я имам Омар Хайям молюсь в развалинах червивых последней мечети земной...

И сова неясить сирий садится вьется на опрокинутое лицо лицо лицо мое мое мое... ой сносит жгучее дремучее уже червивое змеиное яйцо слепое на мое последнее на божие лицо лицо... ой бред... не дай не дай Господь!..

Бред!.. но но но но но но но но но... я выхожу из сада сада погребальных вялых смертных сов... Я выхожу я выползаю я выдергиваюсь выпадаю из немого из кишашего звериного из сада сов неясителей сносящих мечущих змеиное червивое яйцо... Господь!..

Я еще жив? я еще? еще? и это тело малое мое?.. еще мое? еще мое Господь?.. Я жив еще? иль мертв? иль мертв? иль мертв?.. Господь, иль мертв?.. Но!.. но...

Но кто стоит у врат сада в белом нежном жемчужном платье? чапане? халате? саване? кто? кто?..

Кто стоит у врат сада в белом белом платье долгом шелковом ферганском маргеланском платье с долгой целомудренной косою смоляной густой крутой родной родной родной?.. такой родной?..

Кто стоит у сада сов? кто ждет? лелеет кто? кто зовет кто машет машет кто манит пуховой лебединой журавлиною рукой рукой далекою далекою размытою размытою забытою забытою ой не забытою до гроба и за гробом! да!.. ой смертною ой тленною землистою загробною ой вечною веселой осиянною рукой рукой рукой: сынок сынок сынок сынок сынок!.. Омар... иди...

не бойся... Омарджан... не бойся... это я... оя... оя...
твоя... твоя... оя оя... родная мать... мать... иди дитя...
не бойся... Сын!.. иди!.. Сынок!.. мой!..

Господы! прости... там у врат сада... там мать
ждет... оя ждет...

О Боже Боже... бред уходит бред уходит... уходит
сад сов, а ты не уходи, не уходи помедли мать мать
оя оя склоненная далекая далекая далекая а ты постой
в платье вольном веющем струящемся шелковом шелко-
вом... да помедли родная перед этим ложем ложем
бледным...

Не уходи не уходи волна блаженная!
Не уходи не уходи волна волна блаженная блажен-
ная блаженная!..

Шайдилла! О Боже!.. оя ждет... Боже!..
Мать вот я вот я на последнем ложе... О Боже
мать боже боже... вот и сын твой на последнем ложе
ложе ложе...

Биби-Ситора улыбчивая молчная родная кровная...
а мое тело малое легкое... уже уж малое пуховое...
а оно легкое летучее... а возьми его на руки как в дни
начальные мои как в дни мои начальные птенцовые...
ой дальные далекие далекие далекие...

Оя возьми мое тело с ложа а оно легкое малое
легкое... а оно неглубокое... а тело мое последнее
неглубокое...

Оя возьми на руки тело мое неглубокое простое
легкое... как в дни начальные птенцовые далекие да-
лекие...

Оя возьми на руки мое последнее пергаментное
папирусное тело неглубокое с ложа этого последнего
бездонного бездонного бездонного...

Оя окутай опутай оберни обвей усохшее мое уж об-
мелевшее последнее мое отхлынувшее тело тело оберни
окутай тихим ласковым хератским саваном запеленай
навек как пеленала ты во дни начальные птенцовые...

Оя запеленай в последний саван... напоследок поле-
лэй!.. шепни!.. дохни... как ты лелеяла шептала улыба-

лашь пеленая уповая озаряя в дни птенцовые птенцовые далекие над тихой над резною зыбкой люлькой-гахварою затаенной... упоенной...

Шайдилла! о боже боже...

Матерь матерь наклонись сойди над усыпающей моею головой... над грушевой Доской...

Шайдилла! о боже... матерь ты ль и тут со мной?

Матерь ты и тут со мной...

О боже я шепчу молю томлюсь я смертно я шепчу томлюсь я смертно я томлюсь на ложе сына умирающего, матерь матерь... мааааа оя оя оя... маааааа... ты со мной?

Матерь мать... оя... родная... помоги... возьми... дай совершить с тобой и этот переход!.. и этот этот долгий долгий... темный темный темный темный божий переход!..

Матерь! я шепчу томлюсь я уповаю а тебя нет на земле матерь...

Я зову с ложа грушевого дального здешнего а тебя уже нет на земле...

Я шепчу я зову а тебя уже уж нет на земле... нет?..

Нет!..

Но ты стоишь ты веешь ты лелеешь у врат сада сов сов сов сов... Дай дай дай родная совершить с тобой и этот дальный дальный темный темный божий переход... не уходи... побудь... постой... перенеси... через тропу... через дорогу... через реку... через пропасть... через гору... через сов...

Побудь со мною у исхода как была ты у истока... матерь дальная побудь побудь со мной со мной со мной со мной...

И!.. я зову но тебя уже уж нет на земле...

И я вхожу вхожу вхожу один один один блуждаю... по кладбищу, по мазару...

Блуждаю в роще каменных надгробий мусульманских

мусульманских

Блуждаю в роще каменной согбенной дального мазара дального
Блуждаю задеваю камни святы камышовыми перстами камышами
живыми ой ой ой не печальными ой не дрожащими перстами
камышами блуждаю в святых милых милых высших высших
божьих
ка́мнях

Брожу в согбенной роще каменной мазара

Брожу в согбенной роще каменной мазара

Задеваю камни камышовыми перстами задеваю камни ленными
очами задеваю

Задеваю камни погребальные прощальные перстами камышами
Брожу схожу Аллах Аллах клонюсь как камень к камню
червем святым птицей радужной витаю в камнях в камнях
Аллах в Твоей недвижимой роще каменной смиряюсь ой смиряюсь
ой живыми ой перстами камышовыми блуждаю упадаю улыбаясь
улыбаясь улыбаясь светлыми очами светлыми очами
Аллах смиряюсь камышовыми перстами
Возлагаю дально в роще каменной мазара
Возлагаю
Улыбаюсь дальный улыбаюсь...

Но мать мать... ты зовешь манишь влечешь меня
меня из рощи рощи каменной из рощи погребальной...
ты зовешь веселыми певучими летучими знакомыми
перстами!..

Мать мать... оя... мааа... иль уводишь с кладбища...
веселая летучая уводишь с кладбища мазара... уводишь
мать...

И пылит в святой пыли мазара твое живое шелковое
трепетное платье...

И пылит в святой пыли кладбища твое платье платье
платье уходящее...

И пылит по кладбищу твое живое платье... мать...

Шайдилла! аааааа... ай!.. куда? кудаааа? куда уводишь
мать мать? что что что дальше тленья? дальше?
выше каменных надгробий? куда уводишь? улыбаешься?
уводишь? оборачиваешься? улыбаешься снежными
родниковыми зубами? спасаешь? упасаешь? дышишь
в уста мои прощальные? в очи остывающие? куда куда
оя?.. куда мать?.. Куда уводишь с близкого мазара?..

Куда дальше?..

Ай!.. вот она... сокрытая... забытая... дальная ой
дальная родная... вот она кибитка мазанка родная... малая...
убогая... родимая... родимое гнездо святое... вот она кибитка
глиняная родная...

Я дверцу шаткую дувала открываю... отворяю...

...И веют карагачи недвижимые китайские тяжкие... и веют...
и узнают меня и шевелят дремотными ветвями... и знают...
И пахнет пахнет пахнет ой как пахнет ой как в поздри очумелые
телячьи растопыренные расставлен-

ные ой тянет тянет кизяковыми родимыми родимыми
исконными дымами ой дымами ой дымами... Ой тянет...
ой куда ты привела меня мсня оя оя оя... куда... род-
ная... мать...

И ходит по двору-хавли ата Ибрахим с дамасским
павлиньим кумганом и пьет пьет вино и голову улыбчив
задирает и арбузно сокровенную мякоть открытого рта
горла являет обнажает, и мне улыбается и машет и
шепчет: сынок сынок Омарджан... ты еще не наш... но
будешь будешь будешь с нами... будешь нашим... Сынок,
мудрец, поэт, а кто пьет из звездных ночных ковшей
пиал из небесных сосудов горящих?..

И пьет бездонно из кумгана запрокидывая голову
изрытую стрелюю тою дальною... тою дальною... тою
дальною...

Мать мать... куда привела... зачем... мать?..

А у отца вино струится тянется проливается чрез
горловую рану незаросшую незатянутую... невозвратную
щель трещину кишашую...

Зачем мать? зачем он так резко запрокидывает
голову разъятую? зачем вино сладко? зачем оно чрез
рану проливается проходит пробирается? зачем ма-
терь?..

Что́ так мать?.. что родная?.. зачем привела? зачем
увела с мазара?.. Но!..

Но так трещит поет урчит бараний жир так плещет-
ся в котле казане гиссарском...

Но тут стоит у казана сосед Учкун-Мирза с кавки-
ром-шумовкой в руках умелых волосатых чабана пасту-
ха пастыря... но вынимает из казана слоеные самбусы
хрустящие... но улыбчиво на медное блюдо их бросает...
но улыбается... но улыбается отцу... но сестру Муниф-
фу-апу подзывает... но она берет с блюда самбусу слое-
ную горящую... но она находит меня дитя мальчика...
но она хохочет... но она мне самбусу протягивает...
протягивает... протягивает...

Но! но! но! но мать... оя... но я стою стою... и не
беру самбусу... а апа стоит и улыбается и на ее рас-
крытой розовой девичьей ладони лежит лежит первая
жгучая самбуса из казана... но апа не перебрасывает ее
с ладони на ладонь, не дует на руки... не дует на руки...
не обжигается... не обжигается... не обжигается...

И я стою стою стою и я беру с ладони Муниффы-апы самбусу, беру, беру, но она хладная... не жжет ладонь... но она хладная...

Зачем она хладная мать?..

Зачем Муниффа-апа сестра родимая не обжигает-ся... не дует на́ руки?..

Матьер зачем самбуса хладная?.. Зачем хладная матьер?..

Зачем привела матьер?.. зачем матьер?..

Матьер!..

...Тогда она чует... тогда она страждет... тогда она мается... тогда она голову опускает...

Тогда я мальчик я хватаю ее за подол долгого шелкового льющегося платья платья платья...

Тогда я слеп зол я мальчик я дитя родимое зло зло рву платье: зачем самбуса хладная?.. Зачем вино изливается извивается змеиное рубиновое чрез горловую отцовскую незаросшую рану рану рану?.. Зачем оя?.. Зачем матьер?..

Тогда она плачет... Тогда она плачет... Тогда она плачет...

Тогда она нежно тайно уводит меня за карагачи китайские... Тогда она шепчет, тогда оя Биби-Ситора шепчет приставив персты к устам молящим: сынок не мучь не тревожь платье платье платье... Сынок не говори отцу... не говори сестре... не говори Учкуну-Мирзе... сынок не говори... не обижай... не срывай покрывала... саваны... Они все усопшие... Омарджан... Они все мертвые... давно... Сынок не мучь платье не тереби не мучь... И оно из савана...

Зачем матьер?..

Зачем привела матьер?

...И будете среди живых но они мертвые?.. И будете среди живых но они мертвые... И будете живыми среди мертвых!.. И будете живыми среди мертвых... И будете одни среди мертвых... Тошно... И будете одни в мертвом народе... тошно!.. Матьер тошно!.. маааа... тошно... И не будете знать что вы среди мертвых? И не будете знать что вы среди мертвых?.. Но!.. матьер!.. тошно!.. И!..

...Кто? кто? кто? там стоит у казана гиссарского кипящего с кавкиром-шумовкой?..

Учкун-Мирза?.. Сосед?.. Отец Маины?.. С волосатыми руками чабана высокогорного высокоосененного?..

Кто кто стоит с кавкиром у котла кипящего? кто кто стоит спиною темною глухою как дувал спиною?..

Оя!.. я подбегаю к нему... я хватаю его руками за длинную белую рубаху... я хочу увидеть его лицо но он стоит спиною... но он рыщет вьется ходит вокруг казана... но он вокруг казана вьется вьется не дается... но он стоит спиною... но он рыщет кавкиром в масле горьком черном пережаренном...

Оя! оя... мать... он чужой!.. как он забрел в наш двор-хавли? оя я плачу... я дитя я чую чую... он не наш... чужой!.. Чужой!.. оя!.. я мальчик малый... я дитя... я тычу в спину темную глухую сонную я тычу тычу злыми злыми кулачками...

Оя пусть уходит!.. Он чужой!.. не наш... и пахнет едким шумным чадным маслом пережженным... пахнет... выедаёт... чадом чадом острым острым очи очи...

Мать... Пусть уходит!.. Пусть!.. оя!.. чужой уходит!..

Но!..

Но дым тяжелый тяжкий острый душный наполняет выедаёт очи... Наполняет сонный бедный кроткий наш хавли наш отчий тихий дворик... Дым тягучий толстый до карагачей притихших медленно восходит сокрывая глухо их восходит сонно сонно сонно... Ай оя, ай мать тошно тошно... дым в очах моих полощется полощется полощется... заносит малый наш хавли наш кроткий дворик... Мать тошно!.. я мечусь топчусь в дыму... ищу отца... ищу апу... ищу тебя... ой мать тошно тошно тошно тошно... Ой, в дыму далеком сонном непролазном дворца шаткая дувала сонно хлопает... скрипит... томит... полощется... доносится... Мать кто уходит? мать он уходит? он уходит? оя оя оя пусть он уходит!..

Мать кто он? кто он? кто Он?.. Мать дым дремуч недвижен чад в очах полощется... Мать что в белесой едкой мгле томится стонет где-то дворца шат-

кая дувала? кто уходит? Он уходит? Он уходит? Кто? Он?..

Матерь... я мечусь топчусь в дыму в чаду: да кто он? кто он?.. Кто Он?..

Матерь... я мечусь и вдруг твои твои уста льнут к уху моему... льнут к уху дымом горьким заметенному... льнут родные... льнут прощальные... льнут теплые родимые далекие... веселые... льнут... целуют... шепчут из белесой жгучей мглы: это Ангел Азраил загробный... страж усопших... пастырь стад бездонных сталых стальных молчных... Он пришел за нами... Мы уходим...

Омарджан... сынок... уж дверца бьется...

Мы уходим с Ним... и дым уйдет... чтоб не слезились твои очи... сын... сынок... чтоб не слезились твои очи... твои очи...

Шайдилла!.. оя... хоть ты не уходи... останься... я руками роюсь в тьме во мгле... в чаду захожем липком разъяренном облаке...

Матерь... ты-то подожди... помедли...

Но уходишь!.. Но уходишь! матерь но уходишь...

Шайдилла! чад! тьма! мгла! облако! уносится...

Шайдилла!.. пустынен ясен древний отчий хавли-дворик малый кроткий подметенный добела ее ее ее рукою...

Ее метла легка стоит прислоненá к стволу гиссарской тучной груши златозлатозлатоплодовой... И!..

Лишь дверца шаткая дувала тихо плещется колеблется колеблется еще! еще! еще! полощется... полощется... и замирает... забывает... и становится... становится...

Лишь слезятся лишь слезятся отдавая пришлый призрак чад слезятся выживая высыхая очи мои очи...

И будете знать что вы среди мертвых! И будете знать что вы среди мертвых!.. да!.. но тошно!..

И слезятся очи...

И точат очи мои ибо близки гробы ибо родят родники пески,
Матерь матерь платок на лике твоём, матерь вышли все
рубежи мои,

Платок на лике твоём, дремучим текучим огнем горят вокруг
озер камыши, тугай

Вышли все рубежи мои,

Платок на лике твоём, птица низко летит с полей, птица,
с лика платок сорви,

Горят вокруг озер камыши тугай
Матерь что словеса что глаголы мои?
Матерь что слезы блаженны твои?
Матерь вышли мои рубежи — сто птиц не поднимут

веки мои...

Спадает платок — и очи чисты как нагие озера пустыньны чисты...

И ты стоишь оя и ты не уходишь и ты стоишь...
Биби-Ситора... Биби-Звезда... и ты стоишь и ты не уходишь и ты стоишь и таишь!.. Но!..

Но я шепчу шепчу зову а тебя уже нет на земле... Но я шепчу на ложе!.. на последнем ложе ложе ложе...

Тогда Биби-Ситора... тогда Биби-Звезда вновь воскресают надо мной твои лучистые душистые очи... твои зрачки горящие бездонные звездные...

Тогда горят зрачки хрустальные алмазные росные рассыпчато лучистые лучистые над ложем...

...Древний китаец Мэн Цзы ты говоришь: зрачок не может скрыть зла в человеке. Если человек честен — зрачок блестящ. Если нет в нем прямоты — зрачок тускл!..

Да!..

Да!.. И горят зрачки хрустальные алмазные росные рассыпчато над ложем!..

И горят лучистые зрачки Биби-Звезды над ложем... И шепчут колыбельные уста колышутся захожие далекие далекие далекие далекие: когда рассыпаются звезды — в реках пески прибывают...

Когда палых звезд множество — пустыни тогда насыпаются...

И потому верблюды звездопады любят!..

Шайдилла! о боже!.. матерь... слышу и над предмогильным ложем ложем ложем... И потому верблюды звездопады любят!.. любят любят любят... Боже!.. Шайдилла!.. о боже... матерь... не уходишь?..

Но! но! но в месяце Мурдад но в месяце Мурдад но в месяце плодов червивых палых неподобренных...

Но в месяце Мурдад самум-афганец мгла пыль прах восстал взошел возобладал до неба над землею над землею... над кишлочною кибиткой нашей малой кроткой...

Лежала витала ослепляла дерева посева очи пыль текучая отягченная вселенская... всеобщая...

Тогда оя тогда вы вышли ранним темным утром... тогда оя вы вышли... тогда оя вы вышли из кибитки с хумом глиняным наполненным водою родниковую нетронутую...

Тогда оя вы вышли... вы выходите... выходите... выходите... одна одна в самую во тьму в афганец с хумом вод безвинных светлых родниковых...

Тогда одна выходите во тьму... во мглу... в пыль не-исходную одна выходите оя в афганец с хумом вод нетронутых...

И петухи молчат и пыль их замедает горла и заносит муадзинов рты покорные... А вы оя выходите с водою родниковой...

А вы оя стволы карагачей китайских древних сонных пыльных пыльных пыльных обмываете водою родниковой...

...И потому верблюды звездопады любят... боже боже боже... как далёко! как далёко!..

Но!..

А вы оя одна среди спящих среди Заблудших Сонных Пыльных Беспробудных обмываете стволы карагачей забитых заметенных заглушенных вольной сильной пылью пылью общей... тошной...

А вы одна оя во тьме их обмываете их поливаете дремучие ослепшие от пыли ветви листья родниковой серебристою водою... Да!..

Но...

Оя и тут вы видите как к сонной горлице слепой по сонному стволу ползет слепая чужа чужа чужа слепо зрело хищно кошка...

И вы гоните ее оя... кричите: кыш кыш кыш... Но поздно!..

И слепой хватает слепого!.. И крадет как тать и уносит в тьму слепую... и поздно...

И крылья мерзнут... крылья мерзнут...

...И будет время и будет тьма и будет слепой убивать хватать слепого!.. И будет время и будет тьма и будет слепой убивать уморять хватать слепого... И будут крылья мерзнуть...

...И поздно!.. поздно... И крылья мерзнут...

Но!..

Оя вы обмываете карагачи уснувшие оглохшие от пыли обмываете водою родниковой!..

...И потому верблюды звездопады любят!.. боже боже... как далёко!..

Оя вы обмываете спасаете ствол груши в пыль густую погруженный, а свергаются а падают из тьмы гиссарской тучной груши златозлатозлатоплодовой плоды плоды о вашу голову о кроткую об очи росные о зрачки влюбленные лучистые лучистые лучистые о звездные...

А свергаются... а обрываются... а упадают... убиваются смиряются плоды плоды несметные тяжелые тяжелые слепые тяжкие влачащие... а убиваются оя оя оя о вашу голову...

А убиваются о голову... а убивают... тяжкие... гиссарские... прозрелые... текучие падучие о голову безвинную о голову... об очи о веселые влюбленные... а упадают убивают усмиряют голову влюбленную веселую веселую веселую...

Ай Мурдад ай месяц урожая, месяц праха, месяц пыльных палых диких урожаев неподобранных плодов слепых слепых слепых несбереженных!.. спасенных!.. Поздно!.. Крылья наве́к мерзнут.

Ай Мурдад! ай месяц праха!.. Звездопады в небесах... ай плодопады во садах... ай ай мурдад!.. Слепец!.. ай тьма, самум, ай пыль ай мгла... ай! ай! оя! оя! оя... моя!..

Ай поздно!.. ай в народах пыльных палых спасенных тошно тошно тошно... мать... тошно... крылья крылья вянут вянут вянут... мерзнут мерзнут мерзнут...

Мать груши слепы слепо тяжело тяжело обрываясь упадая в тьме сомлело убиваются о голову...

Шайдилла!..

Оя оя вы сидите под стволом омытым чистым отворив улыбочивые очи...

Оя оя что не омываете ствол груши родниковую водою...

Оя оя что что что вы мертвая...

Оя вы мертвая...

Оя вы сидите а навек навек навек уходите...

...И потому верблюды звездопады любят... любят...
любят... боже боже... как далёко!..

Блаженны садовники в плодопадах усопшие!..

Блаженны садовники в плодопадах усопшие!..

...Оя но я стал астрологом султана Малик-шаха, но я
искал в ночных небесах ваши зрачки... ваши очи...
ваши очи ваши Биби-Ситора...

Биби-Звезда ушедшая ваши ваши ваши очи... твои
зрачки озаренные лучистые росистые росные...

Оя но в месяце Мурдад но в месяце Мурдад летят
летят в алмазных росных небесах летят рассыпаясь
расторгаясь разгораясь дальние твои твои твои зрачки
лучистые лучистые алмазные твои летят летят твои
живые распадаясь росы росы... очи очи очи...

Оя летят в небесах зрачки влюбленные лучистые
росистые живые видящие росные...

И потому верблюды звездопады любят... Боже боже...
Недалёко! недалёко...

Рядом с ложем!..

Матерь!.. скоро!.. скоро встреча!.. скоро скоро скоро...

...И мать узришь в миндальной роще

...И мать узришь в миндальной роще

И изольют святые очи

И изольют святые очи

И осенят молодые длани

И ослепят предсмертны лани

И возбегут предвечны кони

И возбегут предтечи кони

И упадут плоды в ладони...

Скоро!..

СЛОВО!

Скоро!.. Матерь!.. я иду!.. иду... схожу спадаю сва-
ливаюсь... с ложа... Я Ходжа Имам Омар ибн Ибрахим
скатываюсь навек? навек? навек!.. с ложа...

Но... родные... вы вы не даете уповаете... вы держи-
те... вы не даете... редкие мои останние остальные друзья

оставшиеся у гроба... не даете... не даете не даете...
мóлите останние остальные родные... не даете...

Музаффар аль Исфазари... Кори-Мансур... Мухам-
мад аль Багдади... Хасан аль Байхаки... последние
останние остальные... над ложем моим бедным бедным
скорым скорым одиноким нежно нежно нежно склон-
ные... родные... Ивовые Други... одинокие... влюбленные
влюбленные... И вот вы не даете нáвек сойти с ложа
нáвек глухо глухо глухо сойти с ложа одиноко...

...И будут Ивовые Други над вашим смертным ло-
жем!.. И будут Ивовые Други над вашим светлым ло-
жем оссенным!.. И не убоитесь исхода...

И вот вы говорите: Мауляна... Мауллим... Раис... Ха-
ким... Мудрец... Пост... Отец... Учитель... подождите...
Лишь... скажите напоследок Слово... Лишь шепните
Слово!.. Слово... Пред уходом... нам Ученикам покор-
ным тихим лишь шепните Мауляна Слово Слово... Сло-
во пред Уходом...

И вот вы говорите: учитель... подождите... Лишь
шепните Слово!.. Слово не! не! не! не уходящее во
Гробы!.. Шепните Учитель... не оставляйте сиротами...
так нас мало... мало.

И близки наши сроки... близки наши сроки... Шеп-
ните!.. Шепните Слово, не уходящее во прах! в червя!
ковыль! в емшан! в юлгун! во тьму надгробий! в затхлую
мазара землю оглохшую!.. похоронную!.. неисходную!..
во слезную!..

Шепните согбенным склонным!.. влюбленным!..
Шепните Учитель напоследок Слово Мудрости Земной
не уходящее во гробы!.. Шепните Слово Мудрости не
уходящее во гробы... Шайдилла!..

О Боже! Какое Слово?.. Что Оно?.. Не знаю... не
дано...

И не знают человски на земле и под землю...

И сокрыто Слово... И не знаю... И какое Слово не
уходит в гробы всемогущие необозримые во гробы?..

Не знаю... нет! нет! нет!.. не знаю... Боже... не знаю...
отпустите ивовые други нáвек... я не знаю...

Боже... Боже!.. Ты лишь знаешь... я не знаю... боже
боже боже... Я не знал до ложа этого... Не знаю и

на ложе!.. Боже я не знаю... други ивовые отпустите молча... тихо отпустите... Я не знаю Слова... боже боже боже!.. отпустите други склонные у ложа у Исхода Перехода...

И кому нужны мои глаголы тленные... глаголы малые... глаголы скорбные... глаголы предмогильного ложа ложа ложа?..

И кому нужны мои глаголы, если и камни камни камни скалы скалы песками исходят... пылят... если камни в пески летучие текущие пустынные просятся... кончаются... исходят... проливаются... исходят...

А что что мои глаголы?.. Други ивовые склонные родные неутешные что что мои глаголы?.. И!..

И мудрец речет а река течет...
И мудрец речет а река течет...
И мудрец речет как река течет...
И мудрец речет как река течет...

Какое Слово?..

...Не уходи не уходи волна волна блаженная блаженная блаженная!..

А она уходит!.. А она уходит...

Какое Слово?

...Не уходи не уходи волна волна Волна Блаженная блаженная блаженная!..

И она не уходит!.. И Она не уходит... Она навек со мною!.. И до гроба!.. и во гробах иии и за гробом! И за гробом!.. Это Слово?..

Но! но! но! плоть но персть но тело мое малое обмелвшее скорбит скорбит на предмогильном тяжком ложе приготовленном!..

Но* тело скорбит болит молит о скором переходе... Скоро скоро... Скоро!.. Боже! Поскорее! Боже боже... больно!..

Жалят ранят тело спину кожу Грушевой Доски запызы... Больно!.. Боже!.. Еще больно!.. Слышно!.. Вольно!.. Боже, боже!..

Раис Абу Али ибн Сина мой Учитель мой усопший вы речете: будь будь постоянно опьяненным напитком мудрости и святости! будь опьяненным сим напитком вечным божьим!..

И я был... И умираю трезвым на последнем трезвом
тесном тесном мелком мелком ложе... И Учитель больно...
Больно... Плоть скорбит... И скрыто Слово...
И больно... и... О Боже Боже... о жить хочется... о
хочется... И сладкие занозы ранят кожу... Боже!.. И!..

...Не уходи не уходи волна волна блаженная...
А она уходит... А она уходит...
А она не уходит а она со мною...

...Не уходи не уходи волна блаженная блаженная
блаженная...

Но мудрец речет как река течет...
Но мудрец речет а река течет...

О Господь плоть... персть... тело мое скорбит молит
молит молит... а река течет а река течет... а душа душа
моя как ранний рыхлый сырой куст куст святой миндальный
ранний... а она цветет цветет на ложе смерти словно куст
среди снежных хладных нагих гор гор гор...

Господь а все она цветет цветет... не опадает не
опадает... летуче лепестки на землю не прольет... все не
прольет...

Господь да да куда мне с нею неопалой? да куда с
кустом цветущим розовым живым певучим да куда мне
даться да куда с кустом мне в низкий мертвый гроб?..

Куда Господь с кустом?

Куда с кустом?..

Да куда мне в тесный блеклый саван с веющим
жемчужным лепетным кустом кустом кустом кудрявых
ярких пробужденных рьяных бражных первых пчел пчел
пчел?.. Но!.. но... Но река течет течет течет течет течет
течет... О боже о Господь Какое Слово не не не не
уходящее во гробы?..

Какое Слово?.. Слово Восходящее и из кладбищ
какое слово восходящее родящее царящее нетленное
Зерно Зерно Зерно?.. Какое Слово?..

Иль не знаю?.. не дано?.. Иль не дано?.. Какое
Слово?..

А река течет течет течет о боже...

...Какое Слово?..

...Шейх Абдулла глядел на воду реки и слился с нею... Теченье!

Шейх Хайрулла глядел на пламя костра и вошел в огонь... Горенье!..

Шейх Файзулла глядел на землю и сошел в нее... Тленье!..

Шейх Нарзулла глядел в небеса и стал птицей... Паренье!..

Шейх суфий Баязид Бастами глядел в душу и узрел Бога... Озаренье!..

Я глядел и в реку и в костер и в землю и в небо и в душу... И что?.. Тленье!..

Не уходи не уходи волна блаженная блаженная блаженная...

Да! да! да! да да да... Но какое Слово пред Уходом? Но какое не не не не не уходящее во гробы?..

...О Раис Абу Али ибн Сина мой Учитель мой Усопший вы речете: не забудь вовек того кто хоть однажды напоил тебя водою!..

Это Слово?..

Но я говорю: не забывай о тех которых ты не напоил не одарил последнею водою... А таких много...

Это Слово?.. Боже боже други ивовые склонные не знаю!.. я в истоме смертной лени пене дрожи... отпустите... отпустите тихо молча молча молча... нескорбно... я не знаю... отпустите... не стойте у Исхода Перехода...

Отпустите други ивовые склонные... отпустите во гробы... О боже!.. Какое какое какое Слово?.. Больно Боже!.. И занозы ранят кожу! И у ложа выются саванные пчелы!.. Боже!.. боже боже боже... Но какое слово?

Шейх Абу-Саид блаженный вы воскликнули в мечети в хмельной слепой проповеди: господь помоги мне!.. О Господи как одинок я! одинок о боже!..

Это Слово?..

Но я скажу скажу скажу: а караван завечерел... А жизни караван мой завечерел а потемнел а поредел

а поредел... а уходит а уходит а уходит... тонет тонет... тонет...

Но я любил иные караваны... я любил иных прохожих человеков... я любил иные караваны жизни... я любил захожие прохожие караваны непрожитые на непрожитых дорогах... я люблю их и на этом ложе... я люблю иные караваны и на этом и на этом ложе... и они не проходят и они не уходят и не одинок я Боже... и не одинок о други мои ивовые склонные влюбленные...

И караван уходит мой а иные... близкие прохожие чужие но родные не уходят... не уходят... не уходят...

И мои колокольцы оборваны а их несметны их бес- смертны колокольцы их доносятся... поют... их коло- кольцы не уходят... не уходят... не уходят...

Да Господь да я любил прохожих чуждых и люблю их на последнем ложе...

Да мои последние остальные согбенные святые други мои склонные!..

Да Господь да в мире нет нет нет прохожих... есть лишь близкие родные...

Есть лишь родные... лишь кровные!.. Да Боже!.. Вон... я слышу... колокольцы... хлебный караван в Каш- гар уходит...

Господи молю тебя... Дай миновать ему огузов стре- лы хлесткие морозные заспинные разбойничьи охот- ничьи... Дай и огузам... чтобы не споткнулись чтоб не захлебнулись пеной смертной алой их ахалтекинщи- кони кони кони!.. Дай о Боже!..

Это Слово? это слово это слово?.. Это Слово?.. Боже?.. Какое?.. не не не не уходящее во гробы?..

...А река течет течет тчет течет... а не уходит... а уходит...

Слово?.. Пред Исходом... Други склонные... не знаю... други ивовые тихие отпустите во гробы!.. молча... Слово?..

...И я совершил хадж в Мекку... к Каабе... и я шел за Словом божьим... И я шел шел шел за Словом... а оно во мне похоронено... а куда ходить когда душа померзла поморожена... а я шел за Словом... а оно во мне схо-

ронено схоронено схоронено... обронено обронено...

И я шел и видел безбожные ослепшие блаженные бражные народы... народы без книги без храмов божьих...

И я шел и видел сады несметные ярких плодов яблок... слив... персиков... необозримых... несобранных... червивых... упоенных... палых... уходящих слепо в землю жирную бездонную...

И я видел бражных заблудших блаженных садовников... апостолов садов заброшенных... плодов червивых неподобренных... апостолов бражных слепцов-народов...

И я шел в народах бражных пьяных от вин несметных млечных медовых сонных быстроногих плодов несобранных...

И я шел в народах безбожных бражных пьяных палых... в червивых плодах несобранных... идущих в землю безымянную бездонную...

И были пьяны сады... и плоды... и садовники апостолы... и народы... и черви бездонные...

И один из них садовник-китаец сказал мне: куда идешь?.. Что дальше этих млеющих садов?.. слепых заглохших сладких липких медовых?.. Куда идешь?.. Мои сады — и есть сады необозримые истин божьих! Мои медовые сады — и есть сады божьи!.. Мои народы бражные лежащие медовые и есть народы божьи божьи божьи!.. И куда уходишь?..

Тут Слово!..

И лежали бражные ослепшие медовые пророки в садах народов палых бражных медовых!.. И лежали бражные ослепшие медовые заблудшие пророки апостолы садовники!.. И куда уходишь?.. Тут сад истин божьих!.. Тут Слово!.. И куда уходишь?..

*

Тут слово?..

Но гляди садовник-бражник но гляди: твои сады... твои плоды... твои народы червем выюшимся густым источены исхожены изрыты... разворочены... о боже!.. Но гляди Садовник: из ноздри твоей измятой пыльной пьяной червь сырой жемчужный вьется хлещет льется не уходит... в очи очи дымчатые дымчатые восковые восковые одурманенные просится... о боже!..

Это Слово?..

И ушел я...

И там было поле золотых подсолнухов высоких... И иные пали тяжело тяжело сонно надломилась от собрания слепых избыточных семян теснящихся огромно оголтело жаждущих исхода... И их приняла земля глухая муравьиная бездонная... А иные стояли златоглавые златоосененные вольные солнечные... озаренные... божии... стояли устремленные... среди пригнетенных истомленных семенами поглощенных...

И я вспомнил те сады... того китайца Садовника... те бражные безбрежные народы... И поклонился помолился тем тем тем подсолнухам убереженным легким озаренным... ненадломленным... И зашатаются стволы народов... И будут палые... и будут сбереженные... О боже!.. Это Слово?..

Други ивовые!.. не знаю... отпустите во гробы...

И поле подсолнухов меркло!.. И поле подсолнухов млело!.. И отошло навечно отболело!.. Не уходи не уходи блаженное... а оно плещется стоит златотелое златотелое златотелое... а меркнет меркнет меркнет... а не меркнет...

А мудрец речет а река течет...

А мудрец речет как река течет...

...Не уходи не уходи волна волна блаженная а она уходит... а она не уходит...

Это Слово?..

Отпустите други други други склонные... Оставьте одного на ложе!.. Други други молчные... уходят?.. согбенные уходят покорные... А Слово?.. Но!.. чу!.. чу... иль слышу? иль слышалось иль встало иль явилось Слово?.. Стойте! Погодите... Может? может? может?.. Иль оно простое как родник лежащий у дороги?.. как родник поящий у дороги?.. Чу!..

Слово? иль шевельнулось донеслось? иль просится иль просится скребется как младенец близящийся из утробы из утробы?..

Чу!.. Я шел к Каабе к Камню Черному Небесному я шел к Пресветлому Аллаху... шел к Аллаху... шел к Аллаху... Я взял с собой в дорогу двух верблюдов...

двух ослов... двух верных слуг... земных простых азгабов... Я шел по нищим землям... странам... берегам народам племенам закатным...

Я хадж совершал... я совершал творил завет-закят... я одарял обильных нищих каландаров-дервишей святых последним подайнем... Я подавал... я отдавал... я милость садака творил... я все раздал... со всеми распрощался... Я нищим подарил верблюдов... и ослов... и отпустил на волю преданных слуг азгабов... и они плакали прощаясь... и я плакал... Я был поэтом имамом нищей страны и я стал нищим и мне легко и вольно было глядеть в нищие глаза нищим дехканам... И поклонился тем подсолнухам стоящим небогатым... И я был нищим поэтом имамом нищей страны... и мне было светло и вольно и блаженно и я глядел в глаза дехкан... и я ел и спал с ними на камышовых циновках на кошмах на курпачах на глиняных суфах... и мне было светло и блаженно... и я был нищим вольным поэтом имамом нищей родины державы неоглядной...

И я не боялся глядеть в глаза дехканам... И я не прятал глаз своих... И они чуяли... И знали... И пиалой последнего каймака провожали... И резали последнего петуха раннего глашатая... И плов варили и кишлак спал и кишлак без петуха-глашатая оставался...

...И лишь нищий будет осенен в народе нищем неоглядном!.. Лишь нищий будет осенен глаголами горящими!.. палящими!..

Омар ибн-уль Харис говорит, что пророк Мухаммад по смерти своей не оставил ни динара... ни дирхема... ни раба... ни рабыни и ничего иного, кроме старого мула, оружия и лука, которые он завещал беднякам и близким. Да!.. И лучше кишлаку остаться без петуха, чем державе без поэта-имама-глашатая...

И кишлак спал спал спал без петуха-глашатая оставшись... Но иные уж не спали! уж не спали! уж не спали! А поэт имам а нищий лишь поэт имам лишь нищий Ты Петух Глашатай ранний Отчины Державы неоглядной спящей спящей спящей... Да! Лишь нищий ты Глашатай нищей отчины державы неоглядной!.. Шайдилла!..

...И я с улыбкою роздал все!.. И!.. Нищим стáл я стáл
я... О Боже слово! слово! слово! Слово дай мне!.. И Оно
вставало... и давалось...

Чу!.. И я пришел к Каабе нищим пыльным немощ-
ным улыбчивым дервишем-странником... И там у Каабы
стоял дервиш певец-маддох Ходжа Зульфикар в суфий-
ском рубище-хирке и он был изрыт изъеден оспой и
был слеп и он пел пел пел пел и раздольные пьяные туч-
ные жилы на шее его были как реки моей Азии в на-
водненье... И он пел... и жилы на шее его были как
мои реки в наводнение...

И ветер из садов полдневных предпустынных прян прян прян
И мул сомлел на сонной солнечной дороге словно плод надуч червив
плакуч текуч в пыль пал пал пал пал пал
Пророк сидит в тени разбуженных внимающих аллаховых
разъятых разморенных всевеющих всевеющих чинар чинар чинар
Пророк полощет ноги дальние в арыке млечном мяклом
истекающем из плотских из живых телесных лестных млечных
рисовых полуденных полей полей полей
Пророк полощет ноги в рисовом сомлелом тленном илистом арыке
Пророк полощет ноги в месиве текучем терпком солнечном арыке
Пророк полощет ноги в лепетном густом люющемя внимающем
арыке

Дехкане сходятся в полях забыв мотыги голубые голубые
голубые

Летают выются уювают горлицы пустыни горлицы молодые
Дехкане внимают у тенистого арыка
Пророк смугл сметлив иноязык улыбчив здешним запыленным
тих верблюжым отрешенным опаленным ликом ликом ликом
Речет: человеки родичи о человеки братия вспомните Аллаха
если если веет веет тлеет тлеет из пустыни
если в садах изникли измзели плоды червивые святые пустынные
Вспомните Аллаха опускающая ноги скоротечные в нетленные
арыки рисовые илистые пряные святые
Вспомните Аллаха сотворив намаз среди всевидящих полей полей
полуденных молитвенных
Вспомните Аллаха человеки братья ибо близок ибо близок ибо
ближе сына ближе риса ближе поля ближе голубой мотыги ближе
ближе и слышнее смертней бьющей темной под родимой кожей
ближе ближе сонной сонной жизни жилы жилы жилы жилы
ближе

Вспомните Аллаха ибо ближе смерти ближе терпкого хладящего
арыка

Вспомните Аллаха ибо ближе гробовой мазаров течной сыпкой
глины глухой глины

Вспомните Аллаха ибо преходящ пророк текуч как плод а
Аллах как небеса плеяд ночных живых проливчатых рассыпчатых
недвижен о недвижен

Вспомните ибо срок близок!

А человек двояк как мул: в нем ангел вьет крылом а дьявол
бьет копытом

Вспомните Аллаха человеки азии Азии мечети высшей
донбесной вссввятой Мечети Всеединой материнской
Материнской!

Потом пророк восстал от хладного от млечного блаженного
смирренного арыка

И к муду медлсно пошел в пыли цветущей выходящей
восстающей превелико

Дехкане молчно стадно свято не решались вслед ему глядеть
лишь осененно озаренно кротко озираясь дико дико дико

Он шел он шел одним крылом играючи вия паря

Он шел он шел другим вздымая пыль хромаючи копытом

Шел шел Пророк играючи крылом небесным и хромаючи земным
косым копытом

Шел Пророк шел шел Глаголы пронося над человеками забытыми
над божьими над смутными влачил Глаголы святые
спасительные

Шел пророк с крылом небесным шел с земным копытом

Святые Азы возносятся за небеса витали пыли

Витали Азы пыли

Витали святые пыли

Он пел пел пел и раздолные пьяные тучные жилы
на шее его были как мои реки в наводненье...

И он почуял меня и сказал: отдай все, что у тебя
есть... Сверши святое подношенье...

Тогда я сказал: я все отдал... У меня ничего нет,
кроме этого старого пыльного тела...

Тогда он улыбнулся слепым лицом и опавшие его
жилы на шее вновь налились тучной тесной кровью и
стали как мои реки вешние...

И пыль лежала на очах устах пророка пыль лежала

И пыль лежала на очах устах пророка пыль лежала пыль лежала

И на градах плодовой Азии отринувшей Аллаха пыль лежала
необъятная несметная лежала

И на градах селеньях Азии пыль лежала пыль аллахова святая
пыль лежала

И заметала очи и уста пророка заметала заметала заметала

И заметала пыль поля дехкан мазары мавзолси шейхов заметала
заметала

И заметала минареты палые мечетей заметенных сокрушенных
заметала заметала заметала

И заметала след пророка на дорожном камне отпечатанный
стопой стопой

печальной уходящей пыль святая заметала выметала уносила

След текучий след плакучий вынимала заметала заметала

заметала

И заметала муадзина рот скорбящий заметала заметала заметала

И заметала азыю пыль палящая всеуносящая всеусыпляющая
азыю азыю заметала

И мухи каменные берегов нагих песчаных на уста пророка
налипали окаянно

И замстала азью пыль палящая всеуносящая всеусыпляющая
азью азью заметала пыль слепая пыль святая усыпляла
усыпляла утоляла

И мухи каменные на уста пророка налипали опалили жалили
у рек форелей хладных выжидающих хрустальными очами
о очами о очами

Тогда пророк разъял уста и начертал в пыли глаголы сонными
заблудшими недужными перстами о перстами о перстами

И начертал глаголы: человеки азьи человеки о вспомните
Аллаха

О вспомните Аллаха человецы мати азьи азьи азьи

И начертал на мертвой мерклой мяклой всепобедной пыли пыли
пыли:

Человеки вспомните Аллаха ибо близок близок срок о человеки
ибо близко близко близко златоизливающее златоуморяющее
жало

Его Жало

Иль льнут иль липнут иль казнят мирьяды жгучих желчных
златоос в распадах златодынь среди пыльных мутных смутных
азии языческих провидческих ношных немых уснулых навек
дервишей базаров иль мазаров иль мазаров

И начертал: о человеки будьте как форели вольных горных
родников форели со хрустальными очами выжидающими свято
свято свято

О человеки о вспомните Аллаха!

И налетели пряны ветры из садов плодоточащих из пустынь
барханов длящихся моляще

И налетали ветры и духмяные сопрелые и налетали и песчаные
небесные песчаные песчаные песчаные

И размывали разрушали пыли Азии и размывали разносили
размывали

И размывали обнажали города селенья реки дерева поля мазары
тленной терпкой вечной вечной скоротечной течной Азьи Азии

И лишь лежали неразмытые невзятые глаголы лишь лежали на
текущих преходящих пылях на текучем погребенном теле теле Азьи
Азии

О человеки о вспомните Аллаха о Аллаха о Аллаха у Аллаха
у Аллаха

И лишь сии Глаголы неразмытые лежали неоглядно не плескались
а лежали а лежали

Со бранных уст пророка взятых вязких скорых каменные мухи
вьась вьясь свиваясь не слетали не спадали не спадали
проникали побеждали уста святые

А улыбался а пророк очами погребальными играючи

А пророк улыбался очами пылящими

А улыбался чистыми очами форелей хрустальных

А улыбался чистыми очами

Блаже!

И он умолк и жилы на его шее опали и он чуял меня
и сказал: сверши сверши святое подаянье!.. Отдай по-
следнее!.. Вспомни Аллаха!.. Перед гробом! перед
пылью! перед тленом! перед прахом!..

И сверши святое подаянье!..

Не забывай о дервишах, ибо под видом дервишей приходят Ангелы божьи!..

Ибо и Хызр святой приходит в дряхлом рыхлом золоте дороги!.. Сверши подаянье!..

И я сказал: я все отдал... И только тело старое осталось!

Но! О Шайдилла! о боже боже! Ты же знаешь! Боже! Больно!.. И занозы ранят кожу!.. Но слова те ранят ранят жалят жалят душу душу душу!.. Но! но! но! но! но! о други склонные... последние... о кровные... о Боже дай успеть!.. И я скажу То Слово! То! то! то! не уходящее не уходящее во гробы!..

И я сказал: я все отдал... И только тело старое осталось!.. осталось... Я все отдал!..

Нет!.. я лгал и он почуял... и ушел с кривым грушевым посохом... И жилы шеи усохли схлынули умолкли... Он почуял и умолк и ушел и сгорбился...

О Боже!.. И досель сгораю я от слов своих на этом ложе смерти ложе! боже!.. И досель о боже тошно тошно тошно! други склонные мои и мне тошно тошно! и досель он горбится он горбится уходит чуя чуя зная зная он уходит...

Я сказал: я отдал все... ослов верблюдов слуг азгавов... все я отдал... Только тело старое осталось... отдал отдал... все я отдал... Нет!.. Еще была лепешка!.. Самаркандская! обсыпанная маком! млечная молочная лепешка потаенная в узорчатом хурджине малом ветхом сшитом Биби-Ситоры святою рукою...

Да!.. еще была лепешка... потаенная... о други други ивовые склонные... была была лепешка потаенная...

Да... я взял ее пронес чрез все дороги... чтоб окунуть размять в святом Зем-Земе... в божием источнике!.. Чтоб съесть ее в воде священной растворенную!

И вот я опускаю лепешку потаенную в источник... и вот я опускаю лепешку в источник божий... и вот я опускаю лепешку в источник... а она сохлая жесткая жестокая...

И вот я опускаю лепешку в источник... а она сох-

лая а она жесткая... а она жестокая... а она не мокнет... а она сохлая...

И вот я беру ее в рот а она пылится... крошится... а она не идет... а она зубы крушит крошит ломит... а она не дается...

И вот я беру ее в рот... а она сохлая жесткая... а она не идет... а она не дается...

Боже!.. дай прозреть на смертном ложе ложе ложе... боже!..

И вот я бегу в песке... в пыли тревожной мекканской святой пророческой...

И вот я ищу певца-маддоха... но он ушел... а у меня в руке сохлой сохлая жесткая лепешка потаенная...

Други склонные ивовые... кровные... пойдите в Мекку... найдите маддоха... отдайте лепешку... вон она в узорчатом хурджине сшитом Биби-Ситоры далскою рукою... Други ивовые склонные... Отдайте последнес... последнюю... Отдайте лепешку... отдайте лепешку... отдайте лепешку...

Вот Оно!.. Вот Слово не не не не уходящее во гробы гробы гробы гробы... Вот Слово не уходящее во гробы... Все!.. Боже!.. боже...

А река течет течет течет течет... а она не уходит... уходит уходит уходит...

Боже!..

...Во имя Аллаха милостивого милосердного!.. Да благословит Аллах господина нашего Мухаммада! Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла! Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!.. Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк Его!.. Да!..

Я сказал Фатиху!.. Я имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим я сказал Книгу Откровений. Я сказал Книгу Моей Жизни. Я сказал Книгу Моей Смерти...

...Не уходи не уходи не уходи волна волна волна блаженная блаженная блаженная!..

Не уходи Волна Блаженная!.. А она не уходит... уходит уходит уходит... Боже!

ТАТТАБУБУ

...Таттабубу! Дочь солнечных солончаков! дочь песков! дочь саксаулов! дочь распятских Иисусовых маслянистых кустов иссопов! дочь колодезей! дочь туркменская! дочь смуглая! дочь верблюдов заметенных дочь двугорбых верблюдов-тюя дочь многогорбых пустынь! дочь песков змей ящериц дочь песков песков песков Сундукли! дочь полноводная многоводная река река моя моя моя Таттабубу!..

И я встретил тебя на пустынной окраинной бухарской дороге...

И я стою и гляжу на тебя, на тебя, на тебя тайная сокрытая моя...

Но ты живешь но ты течешь за стенами за дувалами паранджи за волосяными сетями глухими душевой накидки-чачвана дочь река Таттабубу туркменка моя моя моя!

И что я пью не воду родников Чорбакри-Мазари бухарских а пью песок кызылкумский туркменский окрестный предбухарский твой и песок сечет ложится течет на язык мой и гортань мою алую забивает за-метаает?

И *протскает песок твой чрез тихую покорную гортань мою в желудок мой в печень мою?

Таттабубу и что черпаю из пустыни хватаю слепыми спелыми руками пью я песок твой у бухарской окраины пустыни, где пески веют лыжные змеиные?..

Таттабубу дочь дщерь жена жено полноводная сними скинь паранджу! разрушь чачван мазар дувал мавзолей шелковый паранджу стыдливую!..

Таттабубу дай мне тело твоё колодезное родниковое прохладное! Таттабубу дай мне твои соски сосцы сли-

вовые малиновые лазоревые груди купола гробницы
Гур-Амира!..

Таттабубу дева многоводная дай напитокя усладиться!..

Таттабубу пойдем бежим в поля маков афганских дурных бредовых пойдем поляжем в конопли духмяные индийские! турецкие дымчатые!..

Таттабубу отдай отдай отдай мне алую рану сладкую спелую потаенную персиковую косточку твою!.. Уйю! Уй!.. Алые косточки персиковые дев жен люблю!..

Я дервиш отрок странник святой аллахов художник Камолиддин Бехзад, а дев жен люблю! люблю! люблю!.. У!..

...Ай Камолиддин Бехзад пыльный отрок дервиш захожий! Откуда ты? Откуда ты? Откуда ты?..

Айя! Я дочь песков Таттабубу я вздрогнула я встретила я увидела тебя на бухарской сумеречной дороге, я гляжу на ноги крепкие цепкие босые твои! на глаза спелые вольные открытые текущие твои! на руки необъятные немые твои — а они хотят взять вынуть тело мое из глухого кокона мавзолея паранджи?..

Ай Камолиддин ты хочешь вынуть меня из паранджи?..

Ты хочешь алчешь тело чужой жены?..

Иль не знаешь Клятвы Пророка о женах?

Иль?.. Святой художник?.. Иль?..

Ай Камолиддин и что мне бежать из паранджи?..

Аллах охрани!.. Охрани стёны, дувалы, тюрьмы-зинданы, темницы, чачваны, чадры, паранджи!.. Аллах охрани тайны свои!.. И что без них человек?.. Прах!.. Песок!.. Пыль!..

Но!

Но пойди пойди дервиш странник отрок Камолиддин пыльный мой на бухарский базар пойди!..

И там осень и там сумерки уже и лежат неоглядные несметные пианые пыльные плоды моей Бухары!..

Камолиддин дервиш возьми купи мне арбузов термезских кровавых напоенных! возьми мне файзабадских дашнабадских тучных необъятных рубиновых гранат! возьми купи мне афганских перцев жгучих красных как глаза моих туркменских гонных пенных загнанных ахалтекинских кумысных скуластых кобылиц! возьми

возьми купи мне напоследок красномясых терпких мирзачульских хивинских долгих долгих густых тяжелых неизлитых как мои груди дынь дынь дынь!

Камолиддин дервиш святой аллахов художник возьми купи мне напоследок кровавых арбузов гранат перцев дынь!..

И приходи в кибитку мазанку мою глиняную окрашенную блаженную кибитку низкую у Мазари Шариф!..

И вместе с ночью со звездой Аль-Кадра приходи в нищую кибитку мою и там я бегу выйду из паранджи!..

Ай Камолиддин но принеси плодов на крови! Но принеси нетронутых арбузов гранатов перцев дынь!..

Бисмиллои Рахмони Рахим! Аллаху Акбар!.. Аллах велик!.. Аллах многолик!..

Я жду Камолиддин!.. Я дочь песков!.. Я живу на окраине Бухары, где начинается пустыня, где начинаются пески... И по ночам пески приходят ко мне... И по ночам пустыня, как собака кочевая приходит ластится ко мне, к одинокой кибитке моей, к моей руке...

И я дочь барханов... И я бегу теку в барханах и я брожу в барханах и я опускаюсь лежу сплю в колыбелях сыпучих песчаных необъятных лунных одеялах... И я песками омываюсь... И я дочь дитя ящерица ночных бродячих кочевых барханов...

Приходи Камолиддин!.. Я жду Камолиддин!..

И она уходит по сумеречной пустынной бухарской пыльной пыльной пыльной грезящей в ожидании скорой ночи дороге дороге дороге...

Виденье что ли?..

Но она уходит но она теснится лоснится атласно-телая в шелковой кашмирской ленной парандже! Тяжелая она спелая она осенняя плодовая она!..

Ноги стоят покоятся хоронятся столпы плоти в шелках как серебряные хиссарские белые жемчужные молодые пирамидальные арапы-тополя!

Груды пирамидальные неистовствуют плещутся в шелках как тучные тунные сомы форели в дастичумских ледниковых горных реках родниках!..

Ай груди поздние осенние как кисти гроздя избыточные тесные текущие падушие гроздя виноградные рохатинских несметных виноградников! и они обруши-

ваются дымчатые пыльные тяжкие лазоревые на голову виноградаря как купола святых лазоревых мечетей во времена землетрясений и они трескаются и истекают над головой бедного нищего виноградаря и он стоит с ножом бедным напрасным и боится срезать гроздь эти несметные лазоревые истекающие густыми вязкими медами сахарами!.. Айя!..

Таттабубу ты уходишь по дороге увядающей смеркающей бухарской и уносишь шелковые тополя-арары свои и уносишь гроздья необъятные теснящиеся рохатинские падающие как кудрявые медовые янтарные златые златые златые водопады водопады медопады.

Таттабубу ты уходить ты уносишь тайные зрелые груди водопады виноградные с сосками кишачими изюминами агатовыми самаркандскими сладостными яростными!..

Таттабубу дочь песков! жено! человеце! тяжело душно тошно тебе... да!..

Таттабубу но скоро! скоро! скоро! скоро... ой ли Господи?.. ой ли? скоро?..

Ой Таттабубу! я бегу в пыли пыли пыли на базар бухарский.

И там ночь ночь уже и там уже ночь тихих молитв и там уже спят продавцы и спят осенние несметные плоды и приходят ночные ночьюглазые воров.

Аллах и приходит время сна и ночных молитв и ночных всевидящих воров и приходит время податливых ластящихся дев и жен.

И приходит время смертных вольных охранных волкодавов-псов! Ой!

И приходит время девственниц зеленых ласкать томить оберегать хранить и приходит время жен ластящихся зрелых семенем жемчужным честным сонным чистым одарить окропить.

И приходит время жен чужих чужих иных злых валить крушить кусать губить а любить любить любить! Ай Аллах прости!..

Ай приходит время лютым вольным младым ярым семенем чадить бродить искать исходить!

Ай Таттабубу я вор ночной на базаре осенних плодов твоих!..

Ай Аллах велик! Ай человек многолик! Ай Аллах прости!..

...Но я молод и нищ.

И я краду беру с ночной росной розовой липкой базарной земли термезские тучные арбузы и файзабадские рубиновые живые гранаты и афганские жгучие перцы и красномядые мирзачульские хивинские густотелые дыни и кладу кидаю их в свой пыльный кочевой хурджин.

И бегу с базара и спят стоят лежат в молитве святой в намазе божьем забывшись замутившись продавцы и только лают чуют бродят близко алчут пенно гладко сторожевые волкодавы-псы...

Ийи!.. Ийездигирт!.. Дай кувшин-кумган воды вина орзы!.. Ийи!

Аллах охрани! ведь это твой базар! ведь это твои плоды! и твои купцы торговцы продавцы! и твои воры! и твоя ночь! и твои псы!..

Аллах всех благослови!.. Все неповинны!.. Все Твои!..

И я ухожу бегу невредим с ночного бухарского дремливого дремотного базара, от которого уже уже уже веет тлеет сладкосонной курящейся анашой маком индийским медоточивым... слезоточивым душеточивым веселящим скорбящим необъятным необъятным необъятным...

Аллах! И твои звезды знобящие ночные бухарские рядом от мака пронзающего! Аллах помилуй души нищие малые низкие от мака от опия от дыма смертного умуоряющего от анаши блаженной к Тебе восходящие!..

Аллах! помилуй души нищие усыхающие как дряхлые древние рухлые забытые мазары-клядбища!

Аллах помилуй души краткие наши на миг на миг воспаряющие взлетающие!..

Аллах! помилуй их!.. а мне дай дай дай Таттабубу в парандже в мавзолее шелковом таящуюся!..

Аллах возьми вечную душу а дай дай дай на миг тленную живую Таттабубу!..

Аллах и я в пыли лежу и молю: дай Таттабубу!..

Айя! А я бегу с хурджином тяжким в пыли пыли пыли святой бухарской по дороге окраинной! и тепло тепло босым моим ногам от пыли ночной и свежо ногам моим босым и хладно хладно хладно... И я ноги

усталые в пыли прохладной купаю... Аллах дай мне пока бухарской святой сонной равнодушной пылью не стал я!.. А стану пылью — пусть иной отрок дервиш во мне в пыли моей свои живые ноги освежает студит купает радуется!..

Аллах!..

Но пока!..

Дай мне!..

Таттабубу! туркменка в дремучих шелестящих серебряных браслетах! ты ждешь меня?

Таттабубу ночь ночь ночь пришла!

Таттабубу где где где в ночи кибитка сирая окраинная нищая безбожная туманная песчаная твоя?

Таттабубу где кибитка глиняная тихая саманная сокровенная неверная святая сладкая твоя?

Таттабубу а ты вышла из паранджи?

Таттабубу и зачем тебе шелковые стены паранджи, когда есть уже глиняные стены кибитки? И они окружают окутывают оберегают удушают тело твое вольное твое — глиняные стены саманной сырой лазоревой кибитки?

Таттабубу и зачем тебе две стены? И зачем тебе стены глиняные и стены шелковые?

Аллах я бегу, а все кибитки спят молитвенные спят и там лежат истекают извергают изнемогают изникают соплетаясь соединяясь маясь тратясь на- смерть чужие жены и мужи!..

Аллах! дай мужам ослов стволы!.. Дай женам груди слаще даштикипчацких дынь, слаще самаркандской халвы!.. Дай их лону свежесть нежность мартовской речной прибрежной каракулевой родниковой сон травы травы!..

Аллах дай им!.. Им ночным!.. Дай не спящим творящим в ночи!..

Но!.. Я бегу блуждаю с тяжким хурджином-мешком в ночи на дальней дальней окраине святой Бухары у древнего кладбища шейхов усопших Мазари-Шариф...

...Шейхи шейхи усопшие мудрецы шепните из могил, где кибитка ее... Шейхи вы же так же бежали в пыли шейхи шейхи шепните, где кибитка ее...

И я стою у молитвенных загробных вязких выветрившихся высушенных как изюм ходжентский плит плит плит...

Шейхи шейхи шепните из-под поминальных дряхлых замогильных безысходных плит!..

И я жду и шейхи молчат, потому что не знают они, где кибитка ее...

И я иду бреду по древнему кладбищу забытому и вдруг — о Аллах! что это?..

И среди древних плит могильных забытых холмов я вижу я дрожу я натываюсь я набредаю на свежую только что вырытую могилу последнюю яму последнее пристанище человеков...

И свежая только что вынутая земля сыпучая песчаная свежая сырая словно курится дымится еще свежая!.. Айя!..

Кто вырыл могилу эту?.. Кому она назначена?.. И я озираюсь в ночи, но ночь пустынная окрест... Нет никого в ночи... Но земля могила сырая вынутая вырытая только что. Еще не успела она высохнуть на песчаном сыпучем сухом ночном ветру...

О Аллах!.. О человеки!.. И вот вы дышите и радуетесь и печалитесь и не знаете что могила ваша уже уж ждет вас!..

А она вырыта для вас и земля ее поднятая свежа сыра темна хладна — и она ждет вас... А вы не знаете... Блаженные слепцы, а вы не знаете...

А может это моя могила?

Аллах но я еще отрок!..

Аллах! Еще рано... Рано?..

О погоди! помедли! не набрасывай на мя Твое последнее земное земляное одеяло покрывало саван с замогильными святыми червями червями!..

Аллах!.. Пожалей!.. Рано!..

Тогда я бегу ищу в ночи от мазара древнего от могилы этой ожидающей уготованной распахнутой как земляное последнее одеяло и хурджин с арбузами дынями перцами гранатами тяжел и ноги мои уже дрожат в дорожной родимой вольной чуткой рыхлой плоти персти летучей пыли пыли пыли...

И тяжел хурджин со плодами на кровй!

И я уже далеко от Бухары и уже начинаются забухарские змеиные темные шелковистые волнистые верблюжьи кочевые несметные пески пески пески.

И я вязну тону блуждаю в песках жемчужных сыпучих зыбких одеялах неоглядных саванах ночных...

О Бухара гнездо мое сокровенное лестное тихое!

О Бухара святая мать!.. О Бухара невинное яйцо лежащее в пустыне среди песков переметных пергаментных текучих великих!..

И будет срок и ты сокроешься изойдешь изветришься сопреешь сомлеешь в песках бездонных...

О Бухара и ты станешь псском кочевым безликим молитвенным...

Ой Бухара! и колыбель люлька зыбка гахвара твоя пустыня и пустыня твоя могила...

Но!.. Аллах продли сей нищий путь от колыбели до могилы!..

И я бегу вязну тону бьюсь в песках с тяжким хурджином...

И уже в пустыне чую малую начальную круговерть песчаную... И уже уже пустыня курится дымится... И уже в пустыне волшенье малое... И уже летят сыпучие серебристые летучие первые сети паутины пЫли пЫли пЫли...

И еще лежат бездонные урожаи зерна несметные пустыни!..

Но и они готовятся взойти вознестись взвиться возметаться воскружиться!..

Таттабубу! любовь моя! косой слепой самум близок!.. Таттабубу заблудился я! заблудился!..

Таттабубу там могила для меня вырыта!..

Таттабубу где где где твоя кибитка?..

И тут земной неверный малый огонь огонь дрожащий Камолиддин видит.

И бежит на огонь.

И там у низкой дряхлой рухлой кибитки стоит Таттабубу в темной парандже и в руках у нее рангунская ароматная душистая волнистая свеча горит...

Айя!.. Ийездигирт!..

Таттабубу малая моя свеча свеча в песчаной тревожной кромешной ночи ночи ночи!..

Таттабубу я нашел тебя! Таттабубу самум скоро! Таттабубу впусти меня в кибитку глиняную свою! Впусти меня в паранджу шелковую кашмирскую свою!..

Таттабубу самум скоро!.. Там на кладбище могила свежая пустынная открытая готовая лежит. И кого ждет?..

Таттабубу я принес тебе кровавые арбузы, коралловые дыни, рубиновые гранаты, афганские жгучие перцы!..

Таттабубу самум скоро! Впустипусти меня! Айя!.. Ийездигирт! Заратустра!..

Пророк Мухаммад! Сегодня ночь Аль-Кадра ночь ночь твоя!..

Дай мне кумган кувшин воды иль кувшин бегучего сребристого песка!.. Но дай дай!.. Но дай мне кумган воды в ночь песка!..

О напои меня водою!.. напои утешь меня собою в ночь песка! Ааа!..

Таттабубу! свеча моя зыбкая в ночи! дай дай дай!..

...Отрок! странник пыльный! Иль ты святой Хызр Покровитель путников дервишей в зеленом чапане и пламень огонь зеленый идет бежит вспыхивает от тебя от твоего чапана?..

Путник откуда ты?.. Кто ты в ночь песка?..

Какая пыль каких дорог лежит на твоих ресницах щечках очах ногах?..

...Таттабубу любовь моя!.. Я пришел из Индии... Я пришел из Китая... Я там учился брал перенимал у древних сонных меткоглазых каллиграфов живописцев...

И я принес в бухарском занданийском хурджине мешке моем китайские и индийские благовонные колонковые кисти и яичные лазоревые краски и рисовую бумагу... яньаньскую белую как баранье сало бумагу...

Я художник странник Камолиддин Бехзад пока безымянный но скоро скоро скоро весь мир меня узнает!.. Таттабубу впусти меня!.. Я буду писать переносить переселять тебя на рисовую бумагу Таттабубу скоро-

течная быстрая моя! Моя моя моя тайная сокровенная лестнотелая в шелковой парандже мавзолею своему!.. Помоги мне!.. Видишь — весь бьюсь вьюсь как в смертной пенной истоме я... Видишь — я как только что пойманная каменная куница в ивовой клетке...

Любовь тайная нагая нагая нагая моя моя в парандже своей! Я буду писать я буду писать любить любить тебя! я буду писать любить тебя любовь моя! моя нагая в парандже!

Я буду переносить тебя нагая тленная возлюбленная моя на вечную рисовую китайскую бумагу мою мою... Уйю!.. Я буду навеки писать создавать творить тебя на вечной бумаге тончайшими тишайшими перстами колонковыми кистями нагая нагая нагая тленная вечная вечная вечная моя!.. Чтоб и потомки наливались соками бездонными хмельными взирая глядя на тебя нагая тайная моя!.. Я отдам тебя потомкам нагая любовь моя!.. А сам не трону и перстом!..

О!.. Алиф!.. Лам... Мим...

Впусти меня в кибитку глиняную в паранджу шелковую Таттабубу переспелая бахча хивинских дынь избыточных моя моя моя!..

И я устал... Впустипусти меня...

И куница в клетке унялась...

Но она молчит но она не колеблется не колышется не содвигнется в шелковой парандже своей в тьмовой власяной сетке-чачване своем...

И молчат таят сокровенные потайные тополя-арары пирамидальные серебряные белые тополя столпы живые сахарные ноги ея...

И молчат таят не плещутся дастичумские тайные тучные сомы форели груди ея кисти гроздь избыточные тяжкие виноградные рохатинские медопады груди ея...

Да!..

И она молчит стоит хранит у кибитки у грушевой тяжелой резной бедной двери двери двери...

Таттабубу я знаю чую в тайных шелках ноги и груди твои а не знаю лица твоего!

Таттабубу сними хоть чачван! покажи яви лицо твое, а паранджу оставь сохрани...

Таттабубупустипусти...
Таттабубуяустал... Впусти...
Куницавклеткеспит...

Тогдаонасодвигаетсяудвери!..
НочьАль-Кадрастоитбольше,чемтысячамесяцев.
Вэтуночьангелыидухснисходятснебесссоизво-
ленияГоспода,чтобыуправлятьвсемсуществующим.
Идопоявлениязарицаритвэтуночьмир...да!..

Таттабубулюбовьмоя!.. Явисьвыйдиизойдиизпа-
ранджисвоейкакявиласьПророкуМухаммадуразу
всяКнигаразувесьКоранвночьАль-Кадра...

ТогдаТаттабубупокорнотиховыходитизпаранджи
какптицаизскорлупыкакцветокизпочкизавязии
стоитусвечивсянагаянагаянагая.

ТогдаТаттабубувыходитизпаранджинаягая.

Тогдапаранджаснееспадаеткакосенняянеслыш-
наялиствасзолотойречнойамударьинскойчинары
чинарычинары...

...Таттабубунимисголовычачванворонийтьмо-
вый!яхочувидетьлицотвое...

Таттабубуялюблюлицотвоетайное!..

...Художник,зачемвамлицомое?.. Вамнужныгру-
ди,ногимои... Вамнужнанаготамоя... Зачемвам
душамоя?.. Ионазачачваномостанется... Останется!..

...Таттабубуноснимисеребряныестепныеширокие
туркменскиебраслетысщиколотокиззапястий!.. Иони
мнемешают!.. Ионинаготетвоеймешают!.. Каксе-
ребряныекаменныезапрудычторекугорнуюволь-
нуюстягиваютстесняютзагораживают...

Ионабраслетыснимаетсобираетинаглиняный
полопускаетбросает.Ителоеевольноетечеткак
рекабеззапрудкаменныхсеребряныхуморяющихуду-
шающих.

АйначьАль-Кадра!..

АйТаттабубунагаяачачванлицоскрывает!..

...Камолиддин,амнеало,амнестыдно,аяведь
женачужая...

...Тогда я снимаю свой пыльный зеленый выгоревший чапан и рубаху и только остаюсь в широких сасанидских белых штанах-шароварах...

Таттабубу я изломаю колонковые кисти! я истопчу яичные божьи краски! я изорву вечную рисовую китайскую бумагу! навека! навсегда с тобой останусь!

И зачем мне мертвые кисти и краски и бумага мертвая эта?

И что они рядом с наготой тленной твоей блаженной божественной?..

И зачем я ходил в Китай и Индию? И что узнал? и что изведаль? и каких мудрецов постигал?.. Тщетно тщетно... Тщетно...

И что они рядом с телом твоим с наготою твоей Таттабубу?..

И как без тебя теперь буду буду Таттабубу Таттабубу?..

Таттабубу закрой грушевую дверь — там уже разъярились восстали пески зыбучие уже идут самумы...

Таттабубу закрой дверь а я свечу задую задую задую...

Камолиддин Камолиддин! мало мало мало вы принесли плодов... Там меня могила ждет...

И Она тихая идет к двери.

И Она вольная грядет ко двери...

И!..

И там уже Он стоит.

И там уже стоит Махмуд-Карагач. Чабан овчар пастух мясник дальных травяных стад стад стад...

О Аллах!..

...Таттабубу жена моя. Я устал я пришел от дальних фан-ягнобских горных трав от тесных курдючных хиссарских отар отар отар...

Таттабубу там у кибитки стоит моя высокая рассохшаяся ферганская арба и тьмовый памирский угольный агатовый зверояк кутас...

Татта-джан я принес тебе овечьих сыров и свежеврезанных каракулевых сладких молочных пенных ягнят...

Жена я принес тебе таджикскую паранджу гранато-

вых персидских рытых бархатов а то ты нага, жена моя... А то холодно тебе... И я почуюл, как волкодав, и пришел тебя согреть одеть...

Таттабубу устал я а мне еще умирать убивать тебя жена моя!.. Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!.. Аллах велик!.. А человек мал!.. А человек многолик!.. Устал я... Аааа...

И он медленно садится опускается на кунградскую лебединую белопенную кошму.

И он закрывает узкие локайские необъятные глаза чабана.

И он спит.

И только во сне жует зеленый изумрудный насвай-табак.

И только горит рангунская дремливая душистая свеча.

И стоит Таттабубу. И она нага. И только власяной чачван сокрывает лицо пресветлое блаженное ея...

...Таттабубу я так и не узнал не увидел твоего тайного дремного лица! Таттабубу любовь моя!..

...Айя!.. Камолиддин Камолиддин! Мало мало мало вы принесли плодов кровавых!..

Там меня могила ждет!..

А Махмуд-Карагач спит сидя в белопенной лебединой кошме.

И от него пахнет чистыми горными травами ручьями...

И от него пахнет горючими вольными ночными кошмарами...

И от него пахнет кочевым терпким потом и овечьим молодым сыром и свежеврезанными каракулевыми ягнятами...

И от него пахнет дремучими пастушьими бездонными горными святыми звездами...

И от него пахнет дремучими гонными голодными лютыми безухими бесхвостыми псами-волкодавами...

И от него пахнет ночью Аль-Кадра...

И от него пахнет Аллахом!..

...Добродетельные жены отличаются послушанием и преданностью: в отсутствие мужей они заботливо оберегают то, что повелено Аллахом хранить в целости!.. Да!..

Да?.. Но кто остановит самум, кто остановит пески семена летящие вольные блаженные аллаховы?..

И Таттабубу подходит к Махмуду-Карагачу мужу своему и рядом с ним на кошму покорно опускается.

И они сидят рядом. И она нага. И горит свеча рангунская. И лежат арбузы дыни гранаты перцы мои на кошме.

И тут в открытой двери появляется морда тьмовая власатая необъятная!

И тут в открытой двери является буддийский тьмовый вороний лик угольный агатовый аспидный лик яка кутаса!..

И лик глядит на свечу!.. на Таттабубу мою!.. на Махмуда-Карагача! на меня полуголого дрожащего уже печального печального печального...

И лик яка молчащего выход из кибитки малый загораживает закрывает...

Аллах!.. Да я бежать и не стал бы!..

Аллах!.. Да я Таттабубу любовь свою не оставлю!..

Йит! Баш! Хайлар! Аллах! пора пора пора пора... Айя!...

Камолиддин Камолиддин! потушите свечу! задушите свечу!.. Пусть это свершится во тьме!..

Ай Камолиддин-ака... Ай возлюбленный брат! Мало мало мало вы принесли плодов... Там меня могила ждет!.. Айя!..

Но горит свеча

Но горит свеча

Но горит свеча!.. Тогда!..

Гляди художник! Гляди Камолиддин Бехзад! Гляди, как жизнь! как кровь! как любовь! горяча горяча горяча! Не туши свечу! не души свечу! Вынимай колонковую кисть вынимай краску мертвую твою вынимай бумагу вечную рисовую твою!.. Пиши рисуй!.. Передай на мертвой бумаге наготу невинную мою!.. Передай им дальным еще не рожденным кровь веселую безвинную разъятую пролитую мою!..

...И художник Камолиддин Бехзад дрожащими оглохшими руками вынимает из хурджина кисти и краски и бумагу и рисует при свече наготу ее. О!..

Ой!..

Камолиддин! написал наготу? написал жизнь? написал плоть? а теперь напиши смерти! а теперь напиши кровь!..

Но!..

Но!..

Но зачем ты принес так мало мало мало кровавых плодов!.. О несбывшийся возлюбленный мой!..

Тогда Махмуд-Карагач не открывая сонных тяжелых глаз вынимает из сагрового сапога мягкий шахринауский долгий нож.

Тогда Махмуд-Карагач сонный слепой. Печальный он. Насвай-табак сонно он жует.

Потом не отворяя сонных глаз опускает сильно нож в термезский избыточный кровавый арбуз и арбуз враз распавшись яро ало многоводно течет...

Потом Махмуд-Карагач бьет слепым а точным ножом в коралловую мирзачульскую тучную дыню — и дыня алым мясом алой плотью обнаженной дрожит...

...Ай Камолиддин! но зачем ты принес мало плодов...

...Ай Таттабубу!.. Но может злость гнев дрожь мужа в плоды изойдет уйдет?..

Ай Таттабубу! может нож мужа иссякнув устанет от крови плодов до тебя не дойдет?

Ай Таттабубу может рука его устанет успокоится усмирится не дойдя до твоих пирамидальных живых ног столпов до грудей гроздей рохатинских виноградов медапов не дойдет?..

Да мало плодов... О боже!.. Не для нищих любовь...

И нож его бродит над кошмою и находит файзабадские гранаты и их раскалывает раскрывает рубиновые маслянистые гроздья обнажая открывая.

Ай рука его? ай нож его? ай гнев его не устали ли?..

Да плодов мало...

И уже режет нож перцы афганские жгучие красные, как глаза загнанных ахалтекинских кобылиц скуластых...

И нож одиноко стоит в малой глиняной кибитке и нож мерцает и душно тесно остро смертно тошно от ножа...

И плоды разъяты вся!

И дрожь мужа дрожь Махмуда-Карагача не изшла!

И еще бы хоть один арбуз иль дыня! Да нет их!

И пора!..

Тогда Камолиддин Бехзад идет к ножу и в руках его лишь хрупкие ломкие колонковые кисти художника.

И что они против ножа?

И что художник против воина мужа убийцы хранителя стад стад отар отар отар?..

И что кеклик куропатка что каменная куница против волкодава волка пса?

Но!

Таттабубу любовь моя но я умру прежде тебя! Таттабубу пусть нет плодов уже, да есть я!.. Может нож Махмуда-Карагача мужа твоего усмирится угомонится успокоится растворится разбредется во мне в теле моем и не дойдет до тебя любовь любовь моя моя моя?..

..Махмуд-Карагач!.. Я тоже плод на крови! Бей меня — и уйдет дрожь твоя. И твой нож растворится истает в теле моем... И та могила, которую ты вырыл, — могила моя!..

И я бросаюсь рвусь к ножу и тогда Она говорит из чачвана глухого слепого:

— Уходи Камолиддин... Он мне не только муж... Он отец мой. Да!..

...Таттабубу! Что ты?.. И я останавливаюсь у застывшего ножа? Таттабубу! что ты любовь моя?..

Айя!..

Да Камолиддин! Да!..

Иль не знаешь что есть садовники сами поедающие плоды дерев своих?.. И у него одно дерево плодоносящее — и он поедает плоды его...

Иль не знаешь, что есть чабаны сами поедающие ягнят стад своих? У него одна овца — и он поедает агнца ее!..

И грядут времена, когда у каждого будет всего одно

дерево плодоносящее — и он сам будет поедать плоды его. И забудет о людях.

И грядут времена, когда у каждого будет всего одна овца — и он сам будет поедать агнцев ее... И забудет о людях...

И тогда будет тьма... И война...

О Аллах! Дай!.. Многоплодовой матери Азии дай!..

И я жена Махмуда-Карагача! И дочь дочь его кровная... И я ветвь древа его и плод и агнец стада его... И он поедает плоды мои...

И потому уходи Камолиддин! И не мешай мужу моему и отцу моему и ножу справедливому его!.. Иди! Камолиддин!..

Но что что что мало мало ты принес плодов?..

И там меня могила ждет... И пока пески не засыпали ее — я лягу в нее...

Это Махмуд-Карагач вырыл ее... Он знал чуял измену мою... Да не успели мы возлюбленный мой!..

Иди Камолиддин!.. Иди!.. Беги!.. Хранись!..

Таттабубу но в ночь Аль-Кадра! но в ночь Аль-Кадра!..

Махмуд-Карагач иль не знаешь Четвертой Суры Корана «Женщины»? .

...Запрещается вам жениться на матерях, дочерях, сестрах ваших!..

Иль не знаешь?..

...Камолиддин говори далее Суру!.. Что молчишь?.. Говори далее!..

...Но раз уж это свершилось, Аллах простит по снисходительности и милосердию Своему!..

Но раз это уже совершилось!.. А совершилось! А совершилось Камолиддин!.. Уходи!.. Оставь нас художник!.. Оставь нас возлюбленный мой! Мне холодно ногой! А от крови мне будет теплей! Не мешай ножу!.. Иди!.. Быстрей!.. Беги! Возьми кисти свои!.. Беги!.. И свечу теперь потуши задуши... Пусть смерть как и рождение свершится во тьме в ночи!..

Аллаху Акбар! Аллах велик!.. А человек мал! А человек многолик!.. Ийи!..

Тогда я бегу к двери и там агатовая морда власатый буддийский лик яка мешает мне...

И буддийский угольный адский лик яка кутаса взирает дремно задумчиво колодезно на меня и я мучаюсь маюсь стою у лика этого...

Ангел Азраил пришел что ли в эту кибитку и глядит тьмовыми власатыми дикими равнодушными глазами чужую близкую добычу поживу?..

Художник!.. Иль ты должен глядеть взирать на жизнь и смерть буддийскими дремливыми глазами яка кутаса? Иль?..

Тогда я руками хватаю яка за морду за лик буддийский равнодушный! тогда я хватаю яка тогда я тычу колонковыми кистями в выпуклые квадратные агатовые коровьи сырые его глаза темной мутной воды: Бош! бош! бош! Уйди!..

И плачут текут очи яка...

Задыхаюсь я...

Тогда он обдает меня обливает обильной ядовитой слюною и тяжело сонно голова его отходит от двери и выпускает меня!.. Ай!..

Да тут уже метут беснуются плещут пески! да тут уже самум рассыпает необъятные летучие неоглядные зерна кишашие песков песков песков... пескaaaa... Ааааа...

Да тут уже вся пустыня восстала поднялась разъярилась встала в небеса...

И я бегу ищу брожу и я гол и пески секут глаза мне и тело мое худое...

Таттабубу!.. Прощай!..

Аллах побереги помилуй и сохрани в песках...

Аллаху Акбар!..

Аллах велик...

А человек мал...

Аааааа...

А...

Сколько прошло протекло пронеслось с той ночи песка?..

...Таттабубу Таттабубу!.. И через пятьдесят лет я пришел из Герата в Бухару...

Таттабубу Таттабубу и я нашел забытую нищую святую могилу твою Таттабубу Таттабубу!..

И я стою над тобой и я стою над могилой твоей Таттабубу моя!..

И я стою в шелковом зеленом чапане шейха и в жемчужной бухарской чалме над тобой возлюбленная моя моя моя...

И я великий художник Камолиддин Бехзад Мастер Павлиньего Хвоста и знает весь мир от Багдада до Джайпура меня...

И я стою над тобой любовь моя!..

И я плачу над тобой Таттабубу моя...

И я могу теперь купить все арбузы и дыни и гранаты и перцы Бухары...

Да поздно любовь моя!..

...Камолиддин Камолиддин и зачем вы принесли так мало мало мало плодов?..

Камолиддин Камолиддин! Там меня могила ждет!..

Ой Таттабубу! ой ой ой ой!.. Как далеко!.. Как далеко... Как далеко...

И я плачу над тобой...

И я плачу над тобой Таттабубу возлюбленная моя!..

И я плачу над тобой любовь моя!..

Таттабубу Таттабубу а я так и не узнал не увидел лица твоего любовь моя!

Так я и не видел лица твоего любовь моя!..

Но скоро скоро скоро я увижу его любовь моя!..

Ты покажешь мне его Таттабубу моя?.. Ты покажешь явишь мне его любовь моя?.. Ведь все эти пятьдесят лет я ждал, я искал его, любовь моя!..

Ты покажешь явишь откроешь мне его навеки на века любовь моя...

Таттабубу... любовь моя...

Аллаху Акбар... Аллаху Акбар... Аллаху Акбар...

Аллах велик...

А человек мал...

Ай...

ОХОТА ЦАРЯ БАХРАМ-ГУРА САСАНИДА

*Посвящаю Наталии Владимировне
Зульфикаровой, моей жене,
Стеблю Жизни*

В раю шел снег, в аду была весна...

Шейх. Учитель, ты говоришь: «Когда стрела попадает в смертную птицу — она кричит от радости, а не от боли...» да...

Но где тот человек, что радостно приемлет ждет смерть? И чья смертная последняя пенная тошнота икота дурь тьма истома равна любовной сладкой святой медовой судороге молнии совокупленья соединенья соитья?..

И где тот, что рад, покидая этот мир?

Где тот человеке человек?..

И кто спросил спросит птицу ту?..

Но!

Но что ж ты? что ты поэт?

И ты мучительно болезно ищешь среди полного июльского лета янтарные ранние палые листья грядущей листвобойной осени?

И ты приходишь ранним безлюдным утром на бег быстротекущей реки Сорбо, где ночью прошлой ты ликовал грешил пил вино первых виноградов «изабелл» ликовал плыл брел струился в тихостойной блаженной заводи и ночные рыбы скользили зыбко сладко сонно касались тебя и жарил рыбу в костре со тленными быстротекущими мимолетными ночными друзьями

своими объятами как и ты телесными нижними сла-
стями.

И ты приходишь на вчерашнее бывшее кострище и
болезненно дрожко мутно рыщешь в золе и ищешь тайную
рдяную зернь горсть гроздь кисть горящих непотухших
углей свежегранатовых живорубиновых и находишь и
обжигаешь озаряешь животлеющими углями персты
свои и душу свою.

И обожженные персты полощешь в утренней невин-
ной дремной реке Сорбо.

И страждущую мучительную зябкую слезную душу
лечишь сушишь на арчовых таджикских ветрах ветер-
ках пряных как простыню забытую одинокую вымок-
шую в тропическом обломном рамитском внезапном лив-
не заповедном.

И воспоминаешь!

И рамитские шахристанские тяньшаньские сармат-
ские вымирающие сосны сопутствуют тебе и охраняют
и сторонятся и держатся поодаль пока (а потом они
сойдутся, как и други прощальные, и будут немо про-
возжать тебя по берегу...)

...В раю шел снег, в аду была весна... ааа... ааа...
Ай! айя!..

И здесь миллионы лет назад стояло море Тетис и от
него остались реки, ракушки, сарматские сосны и чай-
ки...

Тетис, Тетис, ты бездонно ушло, а чайки скоротеч-
ные остались и летают и только в очах их бездонная
тысячелетняя печаль прощанья...

И там на берегу реки Сорбо лежала нагая перла-
мутровая кость. И я взял ее. Гладкая ладная она в
моих руках. Чья она? Чья лежала в очистительных
ликующих языкастых песках?

И пески объяли объели ее?

И волна облизала дотла ее?

И она кость неутешная веселая чья?.. Коровья,
баранья, оленья, рыба, человечья?.. Чья блаженная
она?..

И только что в перстах моих была текла пылала
рдяная огненная гранатовая скоротечная гроздь вчераш-
них углей, и вот уже нагая хладная кость в перстах
моих...

И только что персты мои млады были извилисты беглы как змеи младые выходящие из приречных ивовых алычовых миндальных ореховых роц роц роц, а стали персты тяжкие известковые болезные.

И только что персты мои были как змеи младые а стали как камни рухлые рыхлые дальные

И трудно мне носить каменные персты мои

Ай ай айя?.. Заратустра!.. Ахура-Мазда!.. Магупата Ахура-Мазда! Ангро-Манью! Сенмурв! Сенмурв! Шахиншах! Шахиншах! Бахрам-Гур Сасанид! Царь! Царь! Царь!..

Я вздрогнул! я услышал! я увидал тебя!..

Но!

Кто ты? кто ты, ветхий старец на нынешнем берегу реки Сорбой-Миена?..

Чьи ты шепчешь забытые имена?..

И там на пне сарматской былой сосны сидел ветхий старец в ветхих веющих сасанидских туманах-штанах и луристанской шелковой лепетливой говорливой люющей рубахе.

И он сидел на пне и седые шелковые ветхие власы покрывали голову и плечи и сухое морщинистое как ходжентский изюм древнее тело его.

И он был вечный странник сын путник дервиш всех веков и всех дорог и всех тысячелетий и покровитель всех путников Святой Хызр-Ходжа.

И он сидел на пне вековой сарматской сосны и вспоминал прошедшие века свои, как пень вспоминает былую шумящую сосну над собой.

И он шептал: Ахура-Мазда! Свет!.. Ангро-Манью! Тьма!.. Добро и Зло!

И вы бьетесь вьетесь в извечной борьбе войне как собака и лань! как волк и конь! как луговой лунь и алмазный кроткий фазан! как змея и яйцо соловья! да!

И я устал от борьбы войны этой! и я устал от многих дорог и троп!

И у добра — одна дорога и она бурьяном тереске-ном непроходимо затянулась заросла

И у лжи у зла — тысячи лакомых податливых бесовых козких троп и они светятся в ночи от многих ног...

А дорога Добра темна темна темна пустынна одна...

И у Ангела лебединых два крыла и один лик а у беса тысячи вороньих крыл и тысячи ликов...

И я устал от войны этой! и пришли уж уже последние времена! да!

И собака лакает терзает убитую лань

И волк изъедает кровопьет как блоха потную загнанную шею коня.

И луговой лунь окунает гибельный алчущий опустошительный клюв в алмазные осиянные неповинные перья ферганского струйчатого лучезарного фазана.

И змея пьет тянет в гнездах разграбленное певучее яйцо дрозда, иволги, райской длиннохвостой мухоловки, соловья.

И раб идет на раба

И рабы идут на пастыря царя пастуха

Да! пришли последние времена! и окрест одни бараньи слепые стада стада стада

И где убит пастырь пастух там волк пасет стадо... да!

А заблудшая овца становится волком... да...

Где где где последние времена?.. Уже пришли.

И тогда останятся дороги моя?.. Уже стоят.

Ибо устал. И стал. И стали дороги моя.

О Магупата-Ахура-Мазда! О Сенмурв — птицесобака святая моя! И куда улетела и куда бежала раздвоюсь разлучась куда куда куда куда куда?..

Но!

Айя!.. Шахиншах!.. Бахрам-Гур Сасанид! царь царь царь свят свят свят!

Где хмельная пряная вольная веселая охота твоя?

Где гонкие охотничьи борзые пеннозубые зороастрийские авестийские псы твоя?

Где убойные верные погромные стрелы твоя?

Где пенные кони верблюды слоны кусачие гонные охотничьи сметливые твоя?

Где лани газели кабаны архары винторогие козлы-нахчиры твоя?

Где жены, которых ты на скаку на бегу на конях окроплял ярым скачущим семенем опалая уязвлял жалил как рьяная пьяная медовая пчела услаждал?

И ты дале скакал! и коня менял! и жену менял!

И под тобой скакала маялась приноравливалась метала жена! и под женой конь скакал! и жена была нага и конь был наг и конь косился и наливал малиновый бегучий тяжкий ствол и чуял чуял на бегу на скаку и ревновал и ствол малиновый тучный о бегущие кусты

сребристого лоха, боярышника, туранги-тополя, когтистого алчного хищного шиповника избивал и втуне втуне извергал дымил страдал изливал.

И жена сходила блаженная с царского несметного разъяренного ствола и сходила с коня

И царь Бахрам-Гур Сасанид брал иного коня и иную жену и их нагих мчал мучил мчал мчал мчал метал

И в одну охоту он десять нагих коней и десять нагих жен менял.

И метал пылил как фан-ягнобский вешний водопад.

И был ал как осенний спелый шиповник-кравник и был ал яр млад как малиновый необъятный гонный тучный ствол коня коня коня!

Ай млад царь! ай ал царь! где охота малиновая вольная твоя?..

И она горит как рдяная гроздь углей?

Иль и ее зола тленье взяла?

Нет! нет! нет! вот она!

И в колчане у царя было десять бешеных спелых стрел и девять стрел он пустил и девять газелей ланей убил остановил.

И пошла потянулась десятая стрела.

И шла тянулась десятая стрела

И десятую лань газель нашла

И десятая жена блаженная удовлетворенная укрощенная залитая жемчужным царским необъятным семенем изшла и сошла с десятого коня.

И десятый конь ревнивый тяжкий ствол малиновый избил истратил исхлестал изрезал укротил укоротил в цветущих снежных приречных алычах. И стал. И конь-скопец стал.

Конь! Ты забрызгал живыми малинами смертными дивную первую снежную алычовую рощицу. И куст алычи стал гранатовым. Куст-кравник...

Конь, ты истек как опрокинутый кувшин-кумган с гранатовым соком.

Конь, ты стал.

И стала охота Бахрам-Гура Святого Шахиншаха Царя!.. Ая!..

Десять убойных нагих стрел!

Десять гонных распластанных раскидистых псов!

Десять убитых нагих ланей!

Десять нагих выхолощенных скопцов коней жеребцов!

Десять нагих блаженных медово уязвленных удовлетворенных жен!

Один Бахрам-Гур Сасанид!

Один Шахиншах!

Один царь!

Айя!..

Одна охота!..

А таких охот много было у Царя!..

Ай парфянская загробная дальняя всевечная бессмертная стрела летит впадает разбивает насмерть вдребезги фарфоровый глаз око летящего парящего над водопадом пехлевийского винторогого небесного нахчира козла! Ай! Айя!..

И!..

И!..

В раю шел снег, в аду была весна... Когда?

Иль пришли последние времена?

Тогда пришли Последние Времена.

Царь Хосров! Арташир! Хозрой! Шапур! Варахран! Бахрам Чубин! царь Ашшурбанипал! царь Дарий! царица Хатшепсут!.. айя!..

Но!..

И там на фан-рамитском раннем берегу реки Сорбо лежала неповинная бедная перламутровая кость.

И я взял ее.

И она кость неутешная веселая нескорбная чья? Коровья? овечья? оленья? рыба? человечья? чья чья чья блаженная она?

Царь Бахрам-Гур Сасанид, она твоя? И тут у реки Сорбо шла реяла ревела летела охота твоя?

Конь Бахрам-Гура Сасанида! она твоя?

Пес Бахрама Сасанида! она твоя?

Лань Бахрама, она твоя?

Жена Бахрама, она твоя?

Чья?.. Чья?.. чья?..

Голой кости и собака кочевая гладная прибрежная не гложет а бежит.

Уже только человек держит в руках кость эту.

Уже только человек вспоминает как мясо как плоть как персть согревала одевала кость эту.

И я гляжу на кость.

Уже от той охоты и кости не осталось в мире этом.

Уже земля съела кости их. Кости царя коня пса лани жены... кости жертв равны костям убийц.

Уже пятнадцать веков прошло пронеслось после охоты той.

О бедный скоротечный человек и ты держишь в руках кость на кою обречен в свой срок а необъятно вспоминаешь и отходит отбегает от тебя смерть и тлен как кочевая прибрежная пугливая напрасная собака от нагой кости...

Но!..

Но чего на утреннем живом берегу реки Сорбо, на краю истории, на краю человечества, среди Последних Времен среди затаившихся водородных и атомных чумных бесовых плеяд солнц звезд бомб вспоминаешь ты ту охоту?

Скоро!

Но! Никто никогда не умирает один — с каждым умирающим человеком каждый раз умирают все люди.

Все.

Люди.

Умирают.

Да.

И на пне сарматской тысячелетней сосны сидит святой покровитель путников шейх Хызр-Ходжа в зеленых византийских веющих прохладных изумрудных луговых альпийских шелках шелках шелках

Шелка веют веют веют

Шейх шелков шепчет

Шейх в шелках изумрудных шепчет шепчет шепчет лелеет *

Шейх из шелков луговых свежих шепчет шепчет шепчет шепчет шепчет

И я помню ту охоту

И я помню того Бахрам-Гура царя и десять коней хафаджийских караширских жеребцов и десять персепольских неистовых псов (они издыхали истекали исходили до смерти тратились обнажались до скелета до

костей гонной кровавой кровяной рудой пеною слюной) и десять газелей и десять стрел и десять бешенотелых жен

И я был молод млад тогда

И были млады мои изумрудные византийские вибийственные фаюмские румские шелка.

Но пришли последние времена.

И все спуталось в голове древлей моей и там в голове в памяти моей летят десять стрел и впадают в лона нагих жен и там волкозубые волконогие кони грызут податливых газелей и там царь Бахрам-Гур Сасанид алчет емлет нагого коня и там тьма и там Ангро-Манью демон Зла как сова неясить верещит в малиновых кровавых когтистых, как лапы орла, шиповниках арчах алычах чинарах карагачах... Айя!..

И пришли Последние Времена и помутилась побилась чистодонная родниковая моя голова глава и побились порушились мои целомудренные нетронутые девственные шелка шелка...

Но тогда!

Но я был млад ал тогда! И та охота была молода!

Молодость — быстротекущее время

Старость — мимотекущее время

Вечность — всеетекущее время, но вечности нет без смерти, а пришли последние времена а пришла смерть моя...

Ардвисура Анахита возьми меня!

Ай! в арчовой алычовой гранатовой яблоневи вишневи вешней бархатистой парчовой роще пчела собирает мед, змея собирает яд, а я собираю нагую кость и воспоминаю Первые Времена

И я был млад млад яр ал все пятнадцать веков и тело молодое крутое служило мне на всех дорогах моих и только ступни мои от многих дорог моих были ветхи и роговатая желвь болозень мозоль покрывала ступни мои, но я прятал хранил ступни мои от людей, чтобы не узнали лет моих.

Долго журавль летает а мозолей не натирает.

А я был вечный странник журавль земли земной а я был вечный пеший журавль и тело мое было младо а

мозольчатые ступни прятал таил я от людей, как дерево таит кольца лет своих в стволе своем, чтобы не узнали меня, святого вечного Хызр-Ходжу.

Ибо печальна встреча тленного быстротечного человека и Вечного Странника, как взгляд на древний могильный камень Бисутуна иль Таки-Бастана.

Но вот пришли Последние Времена и тут я стал неожиданно буйно смертно страшно гибло дряхлеть стареть мелеть костенеть и стала дряхлеть черстветь вечномладая кочевая персть плоть моя.

И наступила явилась кость моя.

И все тело мое покрылось мокрыми водяными сукровичными кровяными мозолями.

И все тело мое стало как моя тайная ступня

И пришли Последние Времена и стала гореть тлеть как солончак страдающая плоть моя

И даже от ветра страдает болит чуткое болезное тело мое, кожа древних ломких тибетских пергаментов моя...

И скоро скоро скоро смерть моя...

И стали тлеть гореть мои молодые веющие девственные изумрудные волны шелка и на них нашла шелковая жемчужная ройная рвотная моль тля

Аллах охраняй меня!..

...Святой текучий Хызр-Ходжа! ты молишь Аллаха, но когда ты явился в мир — еще не было ни Пророка ни Вестника ни Аллаха... Ни звездной Книги Бытия Его!

...Поэт! мы пили наше вино еще до появления виноградной лозы на земле... да...

Но вот пришли Последние Времена...

Поэт, и прошлой ночью, когда ты с друзьями сподвижниками жег и ставил костер на ночном берегу реки Сорбо и жарил хлеб, рыбу, осетинский сыр и пил вино первых «изабелл», и я Хызр-Ходжа сидел неподалеку от костра на пне сарматской сосны и глядел на вас и там была семья. Мать Анастасия. Отец Иоанн-Иван. Сын отрок Кирилл-Иоанн. Дочь отроковица Ненила-Малина-Русь.

И они были язычники безбожники и поклонялись не Богу, а вину, которое иссякало, костру, который уга-

сал, ночной реке, которая усыхала, небесной звезде, что готовилась рассыпаться, упасть...

И они поклонялись не вечному Богу, а тленному животу телу своему.

И они были пианы на берегу.

И отец Иоанн-Иван сквернословил и пил без меры вино первых терпких мятных виноградов «изабелл», а потом пошел пианый в заводь реки Сорбо и богохульствовал и сказал: «Я пойду по волнам немокренно как Христос», но вера его неглубока была, река глубже веры его была и он поник остался навек в волнах глупых реки.

И пианый отрок Кирилл-Иоанн пиано сонно наго являлся матери своей Анастасии и преступал и домогался ее и хотел познать лоно ее из которого явился, но она отстранила его.

Тогда один из мужей по имени Иосиф-бес взял от костра горящую головню и сказал блудному отроку: «Ты пил много вина, теперь съешь горячего хлеба и не восхочешь матери своей, которая вскормила тебя. И не восхочешь вернуться вспять в лоно ее».

И Кирилл-Иоанн взял огнистую головню как огненный хлеб в слепые пьяные уста свои и забыл отошел от матери своей. И мать Анастасия возопила пиано на берегу ночном:

— Моя дочь возлюбленная Ненила-Малина отроковица! Моя дочь дева нетронутая девственница тайная! и зачем ей девственность ее когда грядет Последняя Война? когда пришли Последние Времена?.. Дочь моя! пойдись с мужами со всеми в прибрежные туранги ивы травы алычи камыши и там отведай великую сладость сласть телесную соитья содроганья бытия! Жизнь женщины — это много ночей и много мужей, а у тебя будет много мужей, а ночь одна, ибо пришли Последние Времена...

И девственница отроковица Ненила-Малина бежала от костра, но пианые мужи бежали за ней вслед и на бегу раздевали снимали сдирали с нея веющие одежды ее и она стала нага и она была телом бела бела бела как чайка моря Тетис и ягодицы ее нагие нетронутые были как чайки белые и пианые мужи поссорились из-за девственности ее, но потом отдали Иосифу-бесу

девственность ее и он был первым мужем ее, а потом другие поочередно настигали и совлекали в холодный ночной прибрежный нежный перламутровый предательский песок, а потом усладившись насытившись оставили ее и вернулись к костру, где была мать ее.

И было десять мужей. И одна дева. И одна жена. И одна девственность ее.

Царь Бахрам-Гур! А у тебя было десять жен. И десять коней. И десять стрел. И десять ланей.

Но пришли Последние Времена.

И пришла иная охота. И пришли иные охоты. Да!..

Тогда Ненила-Малина вошла в реку, которая взяла пианого отца ее, и омылась.

И когда плыла, шептала: «Я рыба».

А потом вышла на берег и пошла к снежной горе Фан-Рамит и влезла на вершину горы, где в вечно-снежных колыбелях лежали снежные барсы.

И когда взошла, увидела вдали костер, где пианые мужи были и мать Анастасия ее.

И когда взошла на вершину горы Фан-Рамит и увидела внизу костер и пианых язычников разгульных мужей и мать свою, не захотела возвращаться к ним, на землю их.

И когда взошла на гору, вспомнила, как настигали ее и девье лоно ее расхитили как кудрявое гнездо малиновки пианые мужи веселые темные бесы первые и последние и называли ее чайкой за ее белое нагое раздольное непочатое яблонево тело ее, за белые ягодицы бегущие ее.

И вспомнила и сказала: «Я чайка. Я птица». И вспомнила, что была чайкой моря Тетис.

И как птица с горы бросилась снялась в небеса ступила сошла пошла в небесах над горами Фан-Рамит, потому что пошел Большой Хрустальный Ветр-Корабль с Хиссарских чародейных хребтов блаженных и Ветр вспомнил Ненилу чайку свою и он не дал Нениле-Малине пасть а легко закрутил ее взял и понес над горами Фан-Рамит и орлы могильники сторонились ее, хотя нарушала владенья их.

...Да!..

В раю шел снег в аду была весна... да...

В раю был ад в аду был рай... Айя! ай! пришли Последние Времена...

Где рай? где ад? где земля? где небеса?

И Ненила-Малина шла в небесах и поэт шел за ней.

И пришел на Русь.

И видел — в русском поле в суздальском ополье Бес ворон ел кость Руси

Гляди — голой кости и пес не гложет

Гляди — от голой кости и ворон вран декабрьский адов в поле снежном лютом отлетал не брал

Бес! Оставь кость... И что тебе она, егда она бедна гола? Что тебе кость егда плоть изшла? Что тебе кость егда ты победил сатана?

Но бес ел кость, чтобы не осталось и кости сего малого следа...

Но бес ел кость и трупный вялый змеиный язык его летал лизал и кость точил сокрушал дотла

Айда!..

А Ангро-Манью ветхий слезный а древний демон Зла дэв печальных зороастрийцев являлся на горе Фан-Рамит, где лежал вечный снег, а в снегу, как в колыбели, лежали снежные барсы ирбисы, и превращался в огненного пламенного Иблиса Шайтана грядущих близких мусульман! Айя! Шайдилла! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллах велик а человек нищ лжив мал! Ля Илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла!.. И новорожденный Иблис шел в нетронутых вечных альпийских снегах и от него шел огонь и снега таяли под когтистыми ногами лапами его и таяли сокровенные небесные колыбели лежанки и снежные барсы тонули текли смирялись в огненной снежной воде реке и тонули слепыши молочные барсы щенки и это были первые жертвы Иблиса...

И там на горе Фан-Рамит росла одинокая тяньшаньская цаган-монгольская ель...

И она видела...

И ель всю ночь крича, кляня, чудя, противясь — в сову чудовищную к утру обратилась... да...

В раю шел снег в аду была весна... айя...

Ай Бахрам-Гур Сасанид ай Шахиншах царь царей Бахрам-Чубин Святый а где кость твоя? иль в огне Иблиса Шайтана изшла? а где охота твоя? иль забылась навека? Иль летит лишь та ель-сова?..

Нет!

Вот летит десять убойных нагих тесных душных долгих стрел! Вот летит стая смертных стрел!.. И где их гнезда?.. А их гнезда — лань, кабан, пес, конь, козел... и человек!..

Вот бежит на бегу издыхая извергая изникая истекая кровяной рудой десять раскидистых бесконечных распластанных от горы до горы волчьих гонных гневных псов псов псов! И они обгоняют обходят стрелы что летят визжат отстают над ними... да!..

Вот летит по горам по ущельям фан-ягнобским фан-рамитским десять нагих хафаджийских ахалтекинских стрелоподобных выхолощенных обреченных коней скопцов жеребцов

И они пенно слепо блудно шало хмельно обходят обгоняют ланей газелей бухарских дымчатых оленей и зеленых мшистых мутных вздыбленных архаров козлов кабанов и не могут остановить гонкие безумные обреченные ноги свои и уходят с обрывов в ледовые волны хребты реки Сорбо но и в ледовых волнах бегут мчатся мягутся ноги их

И!.. Ий!.. Смерть-река кипящая берет топит ноги их?..

Но река Сорбо уходит под землю в недра Фан-Ягноб горы и только чрез полфарсанга наскальными гибельными водопадами выходит из горы Фан-Рамит и уходят кони под землю в пенной реке но их морды блаженные пенные и пена их ликом боле пены бешеной реки... Иииии... И пена их морд ртов превышает пену реки...

И рыбы ручьевые хрустальные крапчатые форели входя в водопадах реки Сорбо под гору Фан-Ягноб не выходят в водопадах горы Фан-Рамит, а теряются блуждают сленнут под землей, под долгой долгой долгой горой, а кони святыи охотничьи кони охоты Бахрам-Гура царя царей выходят невинные нетронутые пройдя минуя подземные глухие водяные пути и свято плещутся в водопадах волнопадах выходящих из горы Фан-Рамит!..

Ибо пена их царских ртов морд святых превосходит пену Сорбо реки, ибо пена их жизни превосходит пену подземной реки смерти... да!.. Аяя!..

Царь Бахрам-Гур Сасанид! святые бессмертные стрелы псы кони жены охоты твои!.. Йездигирт! Йирт!.. Йи!..

Вот скачут мечут на нагих шелковых конях четвероногих постелях десять нагих блаженных блудных медово уязвленных удовлетворенных царем жен жен жен!..

Царь побереги пощади свои несметные семена царя свои зерна свои жемчужные избыточные урожаи!..

Царь зачем золотые семена золотые монеты динарии рабам неистово даришь расточаешь разбрасываешь швыряешь?

Царь как горная река неистовствуешь? Царь гуляешь? Царь умираешь? Царь в раба претворяешься?

Нет!..

Не щадит!..

Не бережет!..

И тонут жены кони лани стрелы псы шиповники ущелья реки горы в половодье царских урожаев!

Царь! пусть жены рабыни разъятые раскрытые распахнутые до медового алмазного пупка скачущие ярые царей царевичей цариц рожают!

Пусть будет народ царей коней а не народ рабов баранов! Аяя!

Царь Бахрам-Гур Сасанид! Царь царей! Летит твоя охота по этим путям и тем, по аду и по раю!

И пыль загробных адовых путей в небесах пыль звездная августовская звездопадная пыль млечных охотничьих путей гуляет оседает опускается на брENNую землю и на брENNые скоротечные очи наши...

Царь, гуляешь? Царь, сыплешь палыми звездами?

Царь! Пыль от тех земных пьяных царских охот поднялась восстала навеки в небеса и стала Млечным Путем...

Да!..

Аяя!.. И в ночах вечная она жалит скоротечную душу, жалит скоротечную жизнь, жалит скоротечные очи поэта!.. очи моя!..

Йа!..

...Но!

Но царь ты устал. И сошел с коня

Бахрам-Гур Сасанид Шахиншах, ты устал от охот,
от псов, от коней, от жен, от газелей, от стрел устал
устал устал

И сошел с коня

И в ущелье Рамит-Ситора-Звезда стала охота твоя
и там у реки зеркальной насквозь хрустальной до са-
мого дна реки Сиемы постелили на песчаных жемчуж-
ных отмелях византийские фригийские лесбийские ков-
ры и румские лебединые родосские круглые подушки
с запахом корицы и мяты и шелковые китайские одея-
ла твои и ты возлег на одеяла и спал и цветущие кусты
древовидной дикой жимолости и кудрявой снежной
алычи тихо осыпали невинные кроткие цветы на спя-
щее младое крутое тело твое и на лицо огненное двад-
цатилетнее твое на лицо царя

И древовидная жимолость и скоротечная скоромлеч-
ная алыча кротко неслышно нежно роняли сыпали
лепестки ласковые на тебя

И ты спал у реки вешней два дня и был наг наг ибо
после потных охот не было сил у тебя накрыться шел-
ковыми одеялами и огонь молодого хмельного яблоне-
вого тела шел от тебя и согревал тебя и мешал не да-
вал опасной прохладе реки остудить тебя...

И была тишина над сном царя и даже орел-ягнят-
ник бородач над царем не летал не бродил в небесах
а сон царя оберегал сидя у спящих ног царя и смилив
необузданные необъятные когти кривые извилистые по-
громные своя...

Но!

Но в ярых румских рубиновых лакомых пуховых
несметных спелых персиковых одеялах волнах ле-
жали томилась вились жадно дыша две жены близ
царя. *

И одна была Азада.

И она была телом медная.

А вторая была Дилором.

И она была телом золотая.

И они были родные сестры.

А их отец был ярый древний лучник палач воин
Науфаль-Халиль-Султан-Зульфикар. И он любил вой-
ны, ибо в войнах многих жен добывал окроплял сед-
лал.

И он говорил: «От войн сладкие медовые густые дщери и сыны рождаются, ибо испуганное невольное семя бежит как загнанный обреченный зверь и оттого сладит и восходит сильнее.

Царь, от войн имперья-зверь сильнее!..

Царь, там жизнь бьет, как родник, где рядом смерть-ледник...»

И дарил царю для неизведанных утех-охот крутых разноязычных разнотелых дочерей!..

И Азада имела много имен и царь звал ее Азада-Стрела, потому что была быстра и певуча и стройна и люта и страшна как монгольская тайная заспинная засадная хищная бессонная стрела...

И царь ее звал Азада-Рысь, потому что рысьи степные шалые беглые волчьих изумрудов глаза были у нее а ноги спелые сахарные ненасытные буйные бурные безумные вкрадчивые медновласые неслышно ступали у нее...

И царь звал ее Азада-Гюрза, Азада-Агама, Азада-Оса, потому что была гибка извилиста безумна в ночных и дневных соитьях как гималайская агама-змея, как хлесткая молниевидная переспелая скорпионова змея-гюрза...

И она была тягуча текуча как прутья ивы у ручья

И она была неверна как вешний новорожденный кудрявый мутный бегущий с гор ручей, что капризно своенравно меняет русла и ложа свои.

И она меняла ложа и постели и одеяла древних царей-владык, но тут на ложе Бахрам-Гура на молодых одеялах и яростных звериных гонных бессонных постелях его остановилось и застряло осиное змеиное ивовое рысье тело ее и стреловидная жизнь ее полегла в одеялах царя.

И она была текла билась вилась скользила виляла витала металась в соитьях с царем как капризный неверный ручей и царь не мог насытиться ей и укротить ее и забыть ее. И возил ее в одеялах в кочевых сладких постелях своих.

И она как змея жалила как оса кусала жгла как рысь грызла тело царя и он был весь как медведь или человек застрявший в разъяренном распаленном разворошенном пчельнике но не мог бежать и забыть меды ее.

Ибо в постелях в волнах одеял с ним была летящая

бьющая щекочущая стрела, и грызущая рысь, и жалящая змея, и обжигающая оса и неверный хладный ручей нес в измятых неистовых избитых одеялах его воды бешеная своя.

И Азада-Агама свистела, как суслик-тарбаган, как стрела, и визжала как рысь и мучила мяла лизала ломала душила давила доила царя, как в давальнях давят виноград, и вино соитья вязко шло и царя насмерть всласть дурманило туманило брало... О!.. И с Азадой царь воспоминал, как был агамой, как был гюрзой, как был рысью, как был осой...

И царь любил ее как змея любит яд! да! Айя! Яйя!.. яй!..

И Бахрам-Гур Сасанид Шахиншах Царь Династии Сасанидов любил и алкал Азаду-Ад и не мог оставить ее...

А вторая жена в ночных одеялах постелях забвенных блаженных была Дилором-Чанги.

И царь звал ее Дилором-Лань! Дилором-Газель! ибо у нее были слезные полноводные очи лани что плещутся переливаются чрез тесные веки, но никак не расплещутся а сохраняются печально печально печально и у нее были печальные очи лани которую извечно стрела нагоняет нагоняет нагоняет настагает... Вот она!..

И у нее были дымчатые лазурные очи древних согдианок иль моавитянок.

И царь звал ее Дилором-Камыш! Дилором-Бамбук! ибо была бела и чиста и пряма как молодой певучий сквозной шелковый девственный бамбук иль камыш в устьях Герируда иль Джайхуна

И она была тихая медленная густоногая солнцеволосая согдианка с лазоревыми сонными извечно дремными *загробными запредельными очами кладезями (куда глядят? кого хотят? кому, бездонные, сияют? обещают?).

И у нее была головка как у змеи малая точеная маковая бредовая а каждая грудь сахарная тучная снежная с малиновой персиковой косточкой-зернососком была боле головы ее и царь брал нежно млечно ее груди в руки в грубые охотничьи ладони в персты неистовые длинные жадные мускулистые медвежьи каменные свои и не хватало ему перстов и рук и его руки

и ладони и персты тяжко гибло уставали дрожали от этих избыточных целомудренных живых девых нетронутых урожаев...

И не мог он обнять объять охватить груди плоды дыни тыквы хивинские неохватные сии... Йии... иии...

Айя!..

Царь и ты два дня бездонно колодезно беспробудно беспутно спал спал спал... И не алкал во снах...

Но!..

Царь! и ты пробуждался молодой ярый напоенный чрез два дня дня дня и за то время кусты древовидной жимолости и жемчужной кудрявой алычи осыпали лепестки палые на тебя на одеяла твои на жен бессонных готовых твоих.

И сонная охота твоя была свято погребена под палыми цветами лепестками.

О умереть заснуть бы навека под палыми тихими неслышными ласковыми цветами лепестками!..

О постели мои погребены забыты замечены под палыми жемчужными цветами! айя!..

Но где жены мои? Азада-Агама! Азада-Рысь! Азада-Стрела! Азада-Оса!..

Потешь меня в утренних лепестковых незамутненных чистых как волны реки Сиёмы одеялах одеялах одеялах!..

Ийя-я!.. Помоги мне Ахура-Мазда! укрепи утренний ствол камень мой! отойди от меня Ангро-Манью!

И царь Бахрам-Гур Сасанид вставал в одеялах и брал бухарскую тяжкую камчу-плеть с золотым визгливым серповидным наконечником и хлестал резал вызывал ярил Азаду-Агаму в ранних одеялах.

И она ползла к нему как рысь как гюрза как гималайская агама.

И царь шептал ронял пенные слова как жимолость и алыча неслышно лепестки роняла:

— Да!.. Жена должна ходить ползать на четырех руках ногах лапах как рысь бессловесная иль снежный стелющийся барс!

И только такая дикая жена лакома! Ибо жена ближе к земле, а муж — к небесам!

И так будет в веках!

А когда жена встанет восстанет — тогда муж сгинет
зачахнет!..

Да!.. Жена великий колодезь бездонный тайный!
жена — древля тайна! и она должна таиться за сте-
нами, за глухими паранджами, чадрами, слепыми
платками, кибитками, мужами! и не иссякнуть запеча-
танному колодезю и не обнажиться тайне, как зароды-
шну в утробе согревающей питающей! и жена — ло-
вушка яма охотничья — и в нее каждый муж охотник
зверь тайно сладко обрывается проваливается утопает!

Блажен колодезь!

Блаженна жена-рысь грядущая ползущая раба пред
мужем повелителем на четырех покорных лстивых
лапах!

Блаженна жена тайна ловушка охотничья крутая
безысходная западня святая мужей яма яма яма...

И царь шептал опуская роняя жгучую судорож-
ную огненную как горящий кизяк камчу на нагое пол-
зущее уготованное разъяренное прекрасное тело Азады-
Агама:

— И после первого соитья жена должна навсегда
отходить от мужа с замесом со плодом во чреве
яростно зачатым! айя!

И у жены есть одна ночь — ночь святой завязи! ночь
святого крутого зачатья!

И нет других ночей у жены! А у мужа много жен и
много ночей зачатья!

Но! Азада-Агама что так долго вьешься визжишь
ползешь ублажаешь томишь тратишь ты меня в моих
царских одеялах?

И столько жен и одеял сменил я, а тебя не изго-
няю...

И царь шептал сокрушенно в шелковых волнах
одеялах.⁸

— Жена должна любить! рождать! и хоронить! И
Бога блюсти!..

И нет иных путей у жены!

А иные пути грешны и в ад ведут раздольные гул-
ливые они!..

Азада-Рысь Азада-Стрела Азада-Агама и что в тебе
плод не завязывается не сотворяется не совершается?

И что ты только любишь соитье а царя мне не рож-
даешь?

...И царь страдал и бросал напрасную огненную камчу в бескрайние бесплодные одеяла и она шипела, остывала в одеялах как горящая ветвь головня шипящая ореховая ввергнутая брошенная в ледяную горную реку реку реку.

И царь отходил остывал как камча как ветвь огненная палящая как звезда падающая в ледяной реке.

И тоскливо стало царю от Азады-Агамы и терпкого неурожайного ненасытного тела нагого ее.

И тогда глядел он на Дилором-Лань! на Дилором-Газель! Дилором-Бамбук! Дилором-Камыш возлюбленную свою!

О Ахура-Мазда! о бог Зардушт зороастрийский мой! ой!

И глядя взирая на Дилором-Камыш царь ярился распаялся!.. Кассандра! Уссандра! айя!.. Ксеркс! Артаксеркс!.. Дуккан-Дауд!.. Цари, помогите мне!..

И раздевая донага груди лона лядвии Дилором-Бамбук он наливался рушился на нея упал как волк со скал шахристанских на лань... Хатшепсут! Даидри Ассирийский, помоги мне! иль с древних пирамид Хеопса разбей развей меня об эфиопские зубчатые зубастые глыбы камни валуны... О Ватофрадат-царь!.. Вахубарз-Парс-царь!.. Артахшатр-царь! Помогите мне! Поднимите с земли мое древо цветущее палое, мой ствол!.. О...

И обнимая обвивая раздетые губы груди лядвии Дилором-Лани и припадая прилегая прилепляясь к лону ее — он враз вмиг хладел опадал стволом и утрачивал ярость крепость фаллоса-ствола.

О Ахура-Мазда! о бог Зардушт! и что любовь немогуча! и как вода ствол мой стал, когда я возлег на нагую мою Дилором-Лань?..

О царь Вахубарз-Парс! Помогите мне!.. Кто, кто рубит валит цветущее вешнее древо довременным варварским топором саранчовых наползающих набегающих степных звериных эфталитов племен?

И что похоть необъятна бесконечна и ствол мой как камень, когда Азады-Стрелы касаюсь?..

О!

О Дилором-Газель дева была и девственность единственная защита ограда стена ее была...

О гонный царь Бахрам пробивался продирался пробирался чрез любые заросли чрез любые лона гнезда лядвии а здесь сокрушался и не мог пройти чрез девственность Дилором-Лани.

И во всех женах и девах были гнезда ему и стволу алчущему его а здесь не было.

И тогда царь Бахрам-Гур Шахиншах всех миров и всех охот и всех человеков и всех жен брал в губы в зубы свои губы и зубы и груди и соски персиковые Дилором-Лани а телом соплетался и метал в лоно Азады-Агамы и кричал стенал:

— Дилором-Лань ты родишь мне царя, потому что я беру обвиваю как дикий виноград тебя я мечу в тебя семян водопад я сокрушаю девственность стену твою я лечу рвусь мчусь чрез мраморные первозданные нетронутые лядвии твоя твоя твоя... Дилором, где девья кровь твоя?.. Айя!.. Где зерна гранатовые что радостно текут по алчущим разбуженным ногам?..

Но она шептала ему:

— Нет царь! Ты не расколел не разбудил не открыл гранат! И не текут рубиновые зерна по моим беломраморным живомраморным ногам. Я не рожу тебе царя! и невредима и не шатнулась не пала стена девственность моя! и ты терзаешь мучишь меня а мечешь семена в лоно неурожайное Азады-Рыси старшей сестры моей родной!..

Сестра моя Азада-Агама! я люблю тебя, но боле я люблю царя!.. Но!..

Царь я не рожу тебе царя.

Царь не для тебя девственность моя.

Не суждена тебе девья плева пелена моя... И ты святой изумрудный Паук, что ловит пеленает изумрудных блаженных мух в иных паутинах сетях пеленах!.. И я муха не твоя... Но!..

Царь я люблю тебя.

И Бахрам-Гур, царь Имперьи тосковал.

И брошенный Трон Златой Имперьи необъятных Сасанидов вспоминал.

И тут!

И тут на третий день на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли вешние вольные неохватные лепетливые говорливые ветры ветерки с хребтов Коктау и с озера Каракуль-Катта.

О ветры Коктау!

И они принесли понесли нанесли на ущелье свя-
тых перелетных вешних птиц золотистых и серебристых
и изумрудных щурков и царских пятнистых удонов и
арчовых дубоносов.

И тут на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли потя-
нули вешние необъятные сладимые ветры с хребтов
Каратау и они принесли белобрюхих и черных стри-
жей и сизых и белоспинных скалистых диких голу-
бей и райских длиннохвостых мухоловок и пеночек
и певчих славок и синих лазоревых каменных дроз-
дов...

И тут на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли хлад-
носнежные ветры с хребтов Чалтау и Хирманджоу
и Хазратишох и они принесли хохлатую чернеть и
связь и чирка и лебедя-кликуна и индийскую камы-
шовку и лесного конька и садовую овсянку и сыр-
дарьинского ремеза и тяньшаньского крапивника и
скалистого поползня и краснокрылого стенолаза...

И хладный великий Ветр с Заалайского Алатау
принес снежного грифа и черного грифа и болотного
луня и скопу и орла-бородача и орла-ягнятника и
орла-могильника.

И хладный Ветр Заалайского Алатау принес высо-
кородного высокогорного орла-могильника и он встал
над ущельем Рамит-Ситора-Звезда и чуял и ждал средь
райского несметного многостайного птичьего летучего
неоглядного певучего родящего стада.

Чует муха, где струп, чует ворон, где труп...
да!..

Но неоглядные певучие трескучие стаи веяли средь
цветущих алычей миндалей шиповников жимолости
урюков груш яблонь и осыпали лепестки летучие не-
объятные белопенными ливнями дождями.

И лепестковые ливни витали летали и ущелье Ра-
мит-Ситора-Звезда заносили погребали заметали

И стаи вешних птиц летали над коврами одеялами
постелями Бахрам-Гура Сасанида и над Азадой-Рысью
и Дилором-Ланью летали витали пели дышали упо-
вали.

И метели блаженных веющих лепестков летали ви-
тали

Но хладный заалайский орел-могильник стоял ждал
над ущельем.

...Царь Бахрам-Гур Сасанид! гляди уж над тобой над молодой ярой жизнью твоей уж несметный необъятный высокородный орел-могильник стоит!

Цары! но текут твои блаженные волны шелковые одеяла псы кони стрелы охоты жены твои!.. Йездигирт! Йирт!..

Но!

Но прѣкисает вянет горчит в торсуках-кувшинах и кумыс монгольских молодых скуластых волконогих до-небесных роскошных кобылиц!..

Но!

Цары!

Ты!

В одеялах необузданно неоглядно дремно свято алчно хищно лежишь!..

Гляди, царь, в волнах одеял не утони!

Но! Но! Но!.. Йо!..

Но!

Весной даже хрупкая летучая лазоревая стрекозка мечтает грезит об ослином фаллосе стволе! йе!

И царь нагой в одеялах лежит и Азада-Агама и Дилором вьются у тела его.

И у дутара две струны и они звенят поют когда меж ними ходит бродит кочует палец перст бегучий певца!

Азада-Рысь и Дилором-Газель две родные сестры — две струны дутара а меж ними как перст, ходит ищет рыщет свищет царь, и они звенят...

Цары! Гляди по телу твоему ползут роются роются скитаются вешние ярые мухи и пчелы и муравьи

Царь! Гляди — над телом твоим летают райские мухоловки и индийские камышовки и павлиньи удоды и хотят собрать пчел и мух и муравьев с тела твоего, но Азада-Гюрза не дает им и гонит отстраняет отмечает их.

И Азада-Агама не дает птицам а гладит мнет тело царя и сметает свергает с него муравьев и мух и пчел.

И от нее от перстов змеиных ее идет телесное ласкание сияние забвенья на царя и царь блаженно засыпает замирает.

И тогда Азада берет рыжего ражего ярого буйного муравья, и приставляет к сонному фаллосу стволу Бахрама и царь просыпаясь от блаженной муки сонно гонно терпко кличет Азаду-Рысь и окропляет ублажает ея разъяренным вечноужаленным стволом-фалло-

сом, а потом отходит отползает, как осенняя квеляя заснеженная пчела муха, смиряется, но Азада-Гюрза нового муравья на него напускает.

Царь, неисчислимы сладимы муравьи земли! Иль не знаешь?

Царь Бахрам-Гур Сасанид! Шахиншах! иль не знаешь что на всех дорогах тропах твоей Империи уже уж готовятся ярятся враги Империи массагеты, турки, китайцы, индусы, арабы?

Я царь! Я Шахиншах-Чубин Имперьи Сасанидов неоглядной! Я знаю!

Но!

Но пусть снимут со всех границ моей Имперьи со всех дорог и тайных троп пусть снимут кровавые бессонные мои заставы!

Пусть на всех дорогах тропах расстелют праздничные обильные застолья-дастарханы! И не поперек дорог краткие застолья пусть готовят а вдоль дорог долгие дастарханы!

Пусть там певцы и ивовые плясуньи пляшут и играют и пришельцам уступают улаждая!

Пусть режут каракулевых первобарашков! Пусть вина мидийские пехлевийские парфянские селевкидские хузистанские отворяют разливают щедро бредово вкушают пьяными перстами проливают...

Пусть пекут в золотых танурах-печах золотые кунжутные лепешки пышущие самаркандские и самбусы бухарские!

Пусть дороги засыпают ранними розами астрабадскими...

Пусть и други и враги вешние дни скоротечные возлюбят провожают празднуют!

Разве весной враги бывают?

Разве весной кровь человеков проливают?

О Ахура-Мазда! Бог мой!

Сегодня я на всех дорогах тропах моей необъятной сладкой Имперьи Сасанидов всех несметных врагов друзей принимаю угощаю одаряю ублажаю!

Я царь не войн и кровопролитья, а я царь винопролитья а я царь хмельных скоротечных пиров праздников! Айя!..

Я пьяный пьяный неоглядный царь и моя Имперья неоглядно пьяная хмельная! Я голова, а имперья — тело. Голова пьяная — тело пьяное.... А иначе все им-

перии не стоят и одного рыжего муравья, что в моем
стволе-фаллосе гневно рьяно пьяно застрял...

И царь рыдал от счастья.

А сказано: «Блаженны плачущие, ибо утешатся».

И царь утешался...

Но орел-могильник витал стоял над его головой пи-
аной, над его пиаными женами, конями, стрелами, оде-
ялами...

Но!.. Воспомним дни как волны в бурю набегаю-
щие!.. Царь, вспомним дни грядущие непроглядные...

В раю шел снег в аду была весна...

И поэт шел с нагой костью ветхою в руках по вет-
хому берегу реки Сорбо, а вокруг были Последние
Времена...

Царь, иль в моих руках кость плачущая текущая
твоя?..

И поэт шел с нагой костью в плачущих руках а над
ним шла как чайка Ненила-Малина-Русь в небесах в
горах

И на пне сарматской сосны сидел ветхий ветхоза-
ветный Хызр-Ходжа в дряхлых тленных изумрудных
византийских страждущих шелках шелках шелках

Ай сладки вы последние времена!

Ай гуляй! дави! пей! убивай! разоряй! сокрушай!
у исхода! у обрыва! у пропасти! у конца! Айя! айда!..

Но Хызр-Ходжа рыдал.

Но поэт с костью в руках рыдал.

Но Ненила-Малина рыдала шествуя в небесах в
фанрамитских горах.

И!

И орел-могильник витал стоял над ущельем Рамит-
Ситора-Звезда.

И орел-могильник чуял ждал над пианым Бахрам-
Гуром Сасанидом и над пиаными женами конями газе-
лями стрелами псами одеялами его.

Царь, пора?

Царь вставай от одеял!

Скоро скоро скоро по всем тленным пыльным смерт-
ным дорогам твоей Империи арабы корейшиты понесут

Огненную Вечную Книгу и от Нее навек бежит твой бедный бог Ахура-Мазда и Заратуштра! Аушья! аушья! аушья!

Скоро скоро погромный пророк мусульманской святой резни войны Кутайба ибн Муслим придет на дороги Имперьи и в одной руке его будет Книга а в другой дамасская необъятная сабля со святыми сурами письменами аятами!

И кто не поклонится Книге — поклонится сабле! ая!

И кто не возьмет в душу слова Аллаха — в того войдет неслышно разрывная дамасская сабля с огненными письменами сурами Корана! Алиф! Лам! Мим!

Бисмиллои Рахмони Рахим! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! У! Уй!..

И если народ не возьмет в душу в жизнь извечную в судьбу свою Книгу Аллаха — то он возьмет в тело свое погромную святую дамасскую корейшитскую аравийскую кишашую змеиную саблю с вечными кровотекущими живыми обогранными письменами-аятами. Воистину будет так!

И самая вечная сладкая Книга — Книга написанная вырезанная на мечах ножах стрелах саблях пулях бомбах

И книга сия вечна и вечно человеки сию Книгу читают и внимают ей.

И такие книги писали на бычьих шкурах и на пергаментях и на саблях и на мечях и на пулях и на атомных бомбах, что еще таят письмена последние тайные непрочитанные свои.

И бес объял победил целые народы — и потому родились безумные всенародные всеобщие поголовные бомбы.

И!..

Царь Бахрам-Гур дальный веселый хмельной дивный охотник! пора! вставай от одеял!

Пора! царь! дитя! Еще далеки Последние Времена! и их тебе не увидеть, царь!

Гляди — твои вазеры, твои военачальники твои воины слуги нукеры во главе с главным военачальником Имперьи Науфаль-Халиль-Султан-Зульфикаром пришли от столицы Имперьи Персеполя и принесли на

трех верблюдах-дромадерах древний Златой Трон Имперьи на четырех золотых львиных лапах!

Гляди — они поставили Златой Трон в твои испуганные притихшие одеяла!

Царь вернись на Трон от безумных погибельных пьяных молодых косых охот!

Царь вернись на Трон! царь тебя кличет твоя необъятная Имперья-Сирота! Тебя алчет твой необъятный сирота-сосунок-народ! Царь тебя Династья ждет!

Царь оставь хладных коней псов ланей жен!

Тот кто совокупился с женщиной — с тем семь лун не говорит Бог!

Но одержимый объятый телесными сладостями царь уйти восстать от одеял от жен от псов от коней от газелей не мог не мог не мог

О! Царь Кайхусрав! Царь Кайкубад!.. Где ваши династии имперьи души черепа?.. Айя!..

Всю ночь я брал в руки птицу райскую длиннохвостую мухоловку, чуял пальцами быющее вьющееся тельце. И она упокоилась улеглась в руках моих...

Поэт, уйдешь в небо... Уйду.

Всю ночь я брал в руки рыбу форель и чешуя ее жемчужна и нежна и сладко забвенно перстам моим как от приречного кроткого ветерка от нея...

Поэт, уйдешь в реку... Уйду.

Всю ночь я брал в руки каменную куницу и она смирялась вилась в моих руках и лелеяли ласкали утешали меня ее царские меха.

Поэт, уйдешь в землю... Уйду... Ууууу

А!

А царь Бахрам-Гур Шахиншах раздольный в одеялах лежал.

И над ним орел-могильник недвижим стоял чуял ждал уповал.

И в одеялах пустынный Златой Трон Имперьи Сасанидов стоял на четырех львиных золотых неистовых державных лапах.

И в одеялах лежала близ царя Азада-Агама, Аза-

да-Стрела, Азада-Гюрза, Азада-Рысь. И она была нага и открыта вся царю.

И в одеялах лежала близ царя девственница Дилором-Чанги, Дилором-Камыш, Дилором-Газель, Дилором-Бамбук.

И она была нага и открыта вся царю как каршинская белая степь что нельзя пройти ни пешком ни верхом ни рабом ни царем и девственность была неодолимой оградой стеной дувалом ее.

И она шептала чисто стройно и дыханье чистое родниковое нетронутое было у нее, ибо не пила вина и не курила анаши-конопли и не знала семени мужа она:

— Азада-Агама родная кровная сестра моя. Я люблю тебя. Но боле люблю я несужденного мне царя.

А Азада-Агама шептала:

— Дилором-Чанги! родная сестра моя! я люблю тебя! Но стрела бьет лань! но гюрза жалит пьет цедит газель! но больная младая рысь грызет целебный сахаристый бамбук и камыш!

Царь Фаридун! Царь Йим! Питиахш Папак! мои бывшие цари! где постели где одеяла где соплетались соединялись мы?

Ай я вспоминаю я маюсь я визжу я вою от них!

Дилором-Чанги я люблю тебя но бойся но беги моей любви как газель гюрзы как лань стрелы!

Ибо остался в моих прощальных одиноких погребальных неурожайных одеялах один царь один охотник один Бахрам-Гур Сасанид!

О царь — в одеялах не утони!

О Трон Златой Имперьи в шелках волнах одеялах в коврах в постелях бешеных не утони!

Ибо царские ночные неистовые одеяла колодези омуты Герируда Сырдарьи Амударьи бездонны глубоки и неумелые жены навек тонут в них в них в них как безрукие безногие пловцы!.. Йис!..

И у нее было дыханье палых болезных овец и кладбищенских трупоядных шакалов от многих поросских родосских хеттских мидийских перегоревших вин и от конопляной тьмовой анаши и от разнопахучих семян мужей царей

Смерть! подкаменный майский скорпион каракурт изнывающий от избытка наплыва могильного яда где таишься ты?

Я пушу тебя смерть скорпион каракурт в одеяла мои!

Я с тобой смерть!..

И тогда царь Бахрам-Гур воскричал восстал восстал воззвал приказал повелел из одеял.

И тогда царь сказал:

— Пусть на вечном Златом Троне Империи Сасанидов бушует живая скоротечная пагубная святая жизнь любовь а не сумеречная смерть а не погромная унылая мертвенная плесень моль тля Власть! Ибо власть — это всегда смерть! плеть! меч! яд! нож! стрела! Пусть будет Златой Трон как постель утех а не как палаческий помост а не как бездонный всенародный Саркофаг! Айя!

И тогда воскричала Азада-Агама нага из одеял:

— Царь! давай обольем Трон Златой златых Сасанидов скоробегучим терпким живым веселым чело-вечным перламутром! жемчугом! серебром!

Царь! изольем на Златой Трон!

Царь! я б родила тебе царя да растратилась в чужих постелях одеялах шелках коврах царях рабах! Царь неплодная неурожайная я!

А!

Царь я люблю тебя!

Царь давай сойдемся сольемся зайдемся изольемся извергнем жемчужны млечны сладки беглы тунны семена на Златом Троне царь! царь!

И царь Бахрам-Гур повелел и рабы воины воздвигли запруду из гладких валунов бараньих лбов на зеркальной до дна хрустальной реке Сиёме.

И поставили в серебряные воды запруды Златой Трон и там на Троне Азада-Агама и царь соединялись маялись металы а потом сходили с Трона Сасанидов в прозрачные дивные льстивые благодатные щекочущие ледниковые воды воды воды и там омывались очищались.

И царь сказал:

— Мы рыбы, Азада-Агама! И только чешуя от нас серебряная не опадает не уплывает.

И царь Бахрам-Гур повелел и рабы воины взяли из серебряной запруды Златой Трон и воздвигли его в бе-

лых сахарных ветвях столетней хиссарской чинары.

И воздвигли царя и Азаду-Агаму на Златой Трон, и там они бились соединялись.

И царь сказал:

— Мы птицы, Азада-Агама. Только перья от нас лучистые не сыплются не витают не опадают не летают.

И царь повелел и Златой Трон внесли в пещеры горы Фан-Рамит и там во тьме царь и Азада как крошечные летучие мыши как суслики-тарбаганы соединялись.

И царь сказал:

— Мы звери нор. Но где яростные когти и хвосты и волнистые вздыбленные сумасшедшие меха наши?

И Златой Трон вынесли из пещеры и поставили среди вешнего невинного ущелья Рамит-Ситора-Звезда

И стала тишь тишина.

Царь прошумело схлынуло семя твое как вешняя Сиёма-река?

И Азада-Агама шептала:

— Царь я люблю тебя но не рожу тебе царя ни в водах ни в ветвях ни в пещерах ибо я неурожайная как обугленный прогорклый орех пустая... айя!

И Бахрам-Гур стонал и косился на Дилором-Чанги и томился недоступной как снежная Фан-Рамит-гора девственностью ее.

И Бахрам-Гур томился на Златом Троне с Азадой-Стрелой нагой и устал от нее и от колодезного пустынного тела ее и грыз губы ее и груди ее и круглые как валуны окатыши шелковые атласные ноги ее а потом он сошел сполз с Златого Трона и стал в муке грызть золотые державные львиные лапы. Да не давались они гневным горьким зубам младым его...

О!..

Тогда голо наго тоскливо смутно стало царю.

Тогда голо стало ему и в цветущих жимолостях алычах шиповниках грушах виноградах яблонях вишнях тополях турангах орехах чинарах

Ай голо! ай тускло! ай смертно! ай пустынно! стало

Ай молодой царь и нашла на тебя печаль предмогильного шейха Хызр-Ходжи старца!

Ай одиноко ай дико сиротливо отроку-царю и в цветущих деревьях необъятно неоглядно лепестки роняющих роняющих

И царь Бахрам-Гур глядел очами белесыми невидящими ненавидящими обмелелыми

И затосковала душа его и тело его и скелет и все двести сорок восемь костей тайных составных его... (О Господь ужель нельзя было проще содеять сотворить человека? Хотя бы из двухсот сорока семи костей, ведь всякая болит!)

И окрест царя пели пели золотистые и изумрудные шурки и царские пятнистые удоды и арчовые дубоносы и райские длиннохвостые мухоловки и ферганские алмазные фазаны и лесные коньки и индийские дрозды и камышовки и тяньшаньские крапивники и краснокрылые стенолазы и иволги и соловьи рамитские, а не пела молчала непернатая непевучая скорбная душа царя.

И средь мириадов певчих хлопотливых стай не пела душа его.

И отовсюду глядели на царя соитья, совокупленья, соблазненья, совращенья, совпаденья и скорбно голо было ему.

И только глядел царь на орла-могильника и на орла-ягнятника и на орла-бородача.

И звал его:

— Орел-могильник мой последний друг! я царь Бахрам-Гур Сасанид Чубин Шахиншах мира царь необъятной Имперьи царь сотен племен и народов! орел-могильник я твой!

И в двадцать лет я вкусил несметных охот коней псов стрел кабанов жен!

И в двадцать лет я вкусил любовь!

Царь ты вкусил плоть, а не любовь!

И только смерть не вкусил я!

И только смерть осталась у меня!

И хочу ее испробовать вкусить я! Айя!

И только смерть — тайна для меня!

Смерть иди сюда! Смерть я зову тебя! Нас двое на земле — ты да я!

Орел-могильник орел стервятник орел бородач хочешь заживо отведать меня?

Эй слуги воины вознесите втащите на вершину снежную горы неприступной Фан-Рамит меня! Там в снегах снежные барсы лежат! Там они изорвут изгрызут охотника печального меня!..

Ай царь Ашурбанипал! царь Аргишти! царь Дадидри! царь Яссар!.. Ай святые мертвецы, скоро буду с вами я!.. от этой жизни я устал устал устал...

Азада-Агама прощай неплодная возлюбленная моя.

Дилором-Камыш прощай возлюбленная несужденная нетронутая ненарушенная моя. Мой арчовый ивовый островок среди пенных бешеных волн реки Кафирнихан! прощай! пусть волны не затопят не зальют не разнесут тебя! прощай!

Но! И!..

И тут!..

И тут царь увидел как два винторогих козла-нахчира встали на вершине горы Фан-Рамит.

И они чутко стояли там а потом весенние слепые темные кипучие кровавые игрища гоны течки начались у них и стали они метаться по горе а потом сошлись сшиблись совпали веселые тела их и понеслись понеслись неразлучно совокупно сцепившись насмерть напоследок упоенные влюбленные понеслись святые вольные и с бездонного обрыва скалы фан-рамитской сошли сошли пошли сорвались. Но и в воздухе последнем не разлучались веселые вольные морды тела ноги души их! И божий двукозел над горами витал парил!

И они пали насмерть в пропасти и пропасти стали последними постелями их! Но успели они! Но успели они в небесах, а потом на землю полегли!

Так часто погибали в любовной схватке-истоме-полете винторогие нахчиры-козлы.

И потому вырождалось вымирало мелело нищало святое летучее любовное стадо их!..

И царь Бахрам-Гур увидел их и сказал:

— Я хочу как козлы-нахчиры лететь! парить! витать! любить!.. Я хочу умереть как они!

Азада-Агама! возлюбленная моя! ты со мной полетишь?

Дилором-Камыш! возлюбленная моя! ты со мной полетишь?

...И Азада молчала как стрела которая не летит, как змея которая не ползет а спит.

И Дилором прошелестела как под ветром камыш прозвенела как под перстом забвенная струна:

— Царь я полечу с тобой.

И тогда царь понял кто его любил.

Кто не мог разделить с ним любовь и жизнь а мог с ним смерть разделить вкусить.

— Дилором-Камыш возлюбленная моя! ты со мной полетишь!..

Но пока перемещали Златой Трон вместе с царем и Азадой свечерело повечерело в ущелье Рамит-Ситора-Звезда.

И от пустыни Кызыл-Кум пришла тюркская узбекская уйгурская верблюжья засушливая луна

И от пустыни Кара-Кум пришла таджикская дождливая туманная печальная плакучая луна

И от пустыни Гоби пришла цаган-монгольская грядущая победная кровавая луна

И от пустыни Такла-Макан пришла красная как яньаньская тыква китайская луна

А вместе с Красной Луной пришла ночь красного кабана красного волка ночь красной лани ночь красного ножа ночь красного убойного охотника стрелка.

А в ночь Красной Луны бойся самоубийства ибо Красная Луна бессонная темна хмельна дурна.

И от Красной Луны идут бредовые кровавые кровомутные кровоядные Времена! да!

И в Красную Луну кровоядные кровомутные мужи острее алчут ищут жен ибо полная луна мучит насыщает полнит сосуды жилы их! да!

А* те мужи что не находят жен и не истратятся в них, те алчут жаждут убийств, чтобы утихла усмирилась понизилась сошла изшла кровь их... да...

Но!

Но над горой Фан-Рамит встала древнеперсидская зороастрийская звезда Тиштар Звезда Дождя Ангел Дождя.

Пророк Заратуштра! Пророк народов языков и империй! Тиштар — твоя возлюбленная звезда!

Пророк но близок срок твой! Уже грядет на твои

народы и имперьи и языки пророк Пайгамбар Мухаммад!

И он отнимет у тебя все твои народы и имперьи и языки! И только звезда Тиштар останется у тебя!

И только звезды Тиштар не отнимет он у тебя...
Прощай прощай прощай прощай...

И царь Бахрам-Гур Сасанид млад яр в очах погибельный пожар жар жар жар!

И царь сказал дуря хмелея от Красной Луны:

— Дилором-Ланы! Пришла ночь! В эту ночь мы совершим последнюю охоту на земле этой! а утром взойдем на гору Фан-Рамит и сойдясь обнявшись объев друг друга полетим над землей возлюбленная моя!

Эй слуги воины охотники! готовьте гонных коней необузданных псов! берите стрелы и сабли копья и ножи!

В ночь Красной Кровавой Луны пусть будут красными рдяными кабаны-секачи тугайные олени лани газели киики волки винторогие нахчиры-козлы! Ииздигирт! Иии!

Пусть последняя моя охота по земле гранатовой рубиновой избыточной рекой бежит!

И стали готовиться к охоте.

В раю шел снег в аду была весна...

И от Красной Луны пришли Красные Последние Времена... да!

Поэт глядишь следишь?

Гляжу тоскую чую царь!.. Скоро скоро!.. Андайя!..

Гляжу царь! вижу — вот она последняя ночная погромная убойная охота битва бойня резня твоя!

Гляжу царь! вот твоя охота готова скакать гнать терзать разрывать убивать...

Гляжу царь но печально мне...

Царь словно твоя загробная заупокойная кость на берегу реки Сорбо в моих руках.

И Ненила-Малина витает зовет грядет в небесах в горах...

Но что это?

Гляди царь!

Туман туман туман туман туман туман

И тут со снежных хребтов Коктау Чалтау Алатау Хирманджоу Хазратишох пошли большие снежные вешние ветры на ущелье Рамит-Ситора-Звезда.

И они принесли от Китая от Синьцзяна желтый златой лессовый яньваньский удушливый слезный туман туман туман туман

И не стало тюркской узбекской уйгурской таджикской цаган-монгольской и иной луны.

И стала желтая тьма и туман дурман мгла мга. И стала тьма.

И не стало ни пророка Заратуштры ни звезды Тиштар его.

И не стало в ущелье ни зверей ни птиц ни человек а только туман

И не стало слышно пенья птиц а только шелест как от летящих осенних листьев иноязычных желтых дынных иероглифических китайских мириадов летучих неприкаянных кочующих душ: Игы! Хинь! Мань! Уянь! Уяль! Хи! Туа Туа Туа Туа... И они шептались перекликались так...

Куда куда куда залетел пришел китайский туман?

Куда куда куда залетели занесли несметные стайные души духи Хуа? куда?

Иль это перелетные стаи гусей лебедей чибисов индийских ибисов древнеегипетских в тумане перекликались блуждали?..

Не знаю, не знаю, не знаю...

Царь Бахрам-Гур Сасанид погибла заблудилась ослепла охота последняя твоя!

Царь тьма мга тебя взяла и твою охоту, а завтра смерть твоя а завтра тебя ждет снежная Фан-Рамит последняя гора!

— Нет! — задыхаясь умирая от тесного тумана воскричал царь.— Пусть во тьме в тумане будет скачет охота моя! И зверь ослеп от тумана и его можно слепого руками трогать убивать! Азада-Стрела бери в руки стрелу иль нож и бей лань!

— Да, мой царь!..

— Дилором-Лань бери нож и режь тугайного покорного оленя!..

— Нет, царь!..

...И пошла в тумане последняя охота царя.

И охота была побоище кровавище резня. Тесная слепая тупая бойня была.

И охотники брали в руки стрелы ножи сабли и в тумане в упор в тело в глаз в плоть в кость били резали слепых бухарских тугайных оленей и газелей и архаров и ланей и кабанов-секачей и коней и псов и двух заблудших однолеток красных сибирских горных волков. И не надо было коням скакать а псам бежать догонять и зверя рвать.

Туман был. Мга была. Тьма была. И зверь не знал куда бежать. И стоял. И стояла немо бушевала буйствовала творилась ярилась в тумане последняя охота Бахрам-Гура царя.

Царь устала рука твоя с ножом? устала душа твоя? царь это резня а не бой!

Царь, завтра смерть твоя! и ты хочешь этих невинных беззащитных убитых зверей взять с собой?

И в иных мирах продолжить продлить охоту свою? О!..

Да, поэт! Пойдем со мной! Лучше быть с мертвым царем, чем с живым рабом!

Поэт я и тебя возьму с собой!

Поэт будем охотиться в мире ином!

Поэт что ты без царя?

Поэт — всего лишь одна вспышка тайного безбожного ножа!

Поэт! ни один зверь не может быть таким рабом как человек!

И где убьют царя — там убьют и царского певца. А у раба и певец раб.

А грядет раб а грядет рабский певец как китайский туман... Айя!.. Поэт, прощай!.. Кончается ночь... Кончается охота... кончается туман мгла тьма... кончается жизнь моя младая как ледниковая рассыпчатая алмазная волна волна волна... Аааааа...

Поэт, пойдем со мной!.. Продолжим охоту царскую в иных мирах!..

Аааа...

И ночь изшла.

И охота изшла.

И Красная Луна изшла.

Тут запела утренняя родниковая флейтовая шахристанская иволга и пошел Большой Хрустальный Ветр от Хиссарского Чародейного Хребта.

Поэт, бояся Большого Ветра, ибо он осыпает обивает одновременно щедрые плоды с деревьев и от него мается трясется бедное сердце поэта и может упасть сорваться как плод довременный...

И изшел туман и обнажил утреннее дивное невинное ущелье Рамит-Ситора-Звезда.

И вновь запели птицы и вновь зацвели деревья.

И царь Бахрам-Гур Сасанид увидел ночную загробную охоту резню свою.

И лежали на земле убитые лани архары олени кабаны-секачи и два молодых однолетних сибирских красных волка и три коня и три борзых пса, ибо во тьме убивали охотники и не знали кого убивают...

Ибо во тьме слепые убивали слепых...

В раю шел снег, в аду была весна...

Царь! и была тьма и много невинных убили там...

Поэт! а будет такая тьма и не станет во тьме виновных и невинных и не станет ни охотников ни дичи ни жертв а только будет резать нож и свистеть хрипеть сабля пуля бомба меч огонь стрела...

Поэт и ты будешь в той тьме! Поэт и ты узнаешь те времена!..

А моя охота — это лишь ручей, а та грядущая тьма народов — океан... Поэт, пойдем со мной!..

Иль мне жаль тебя!..

Погоди царь!

Но пришло утро и птица иволга пела в ущелье Рамит-Ситора-Звезда и Звезда Ангел Дождя Тиштар над горой Фан-Рамит стояла излучала ожидала.

И лежали на земле убитые лани олени кабаны и волки и кони и псы.

И у реки Сиёмы до дна хрустальной кристальной зеркальной и песчаной жемчужной отмели лежала Дилором-Лань.

И она была убитая тихая потому что в девьем лоне
ея стрела слепая тугая прямая убойная хищная безум-
ная всевластная стояла. Словно нашла свой колчан.

Тогда царь Бахрам-Гур ночной охотник Шахиншах
необъятной Империи Сасанидов сказал.

Тогда царь воскричал.

Тогда царь восшептал и стал глядеть на охотников
воинов нукеров вазиров слуг убийц своих и искал убий-
цу среди них и не мог найти.

Тогда Азада-Стрела тогда Азада-Рысь тогда Азада-
Агама тогда Азада-Гюрза прямая снежная как гора
Фан-Рамит тогда Азада сказала:

— Царь не ищи убийц среди охотников своих.

Тогда Азада-Стрела сказала:

— Царь ты сказал: «Азада-Стрела бери в руки стре-
лу иль нож и бей лань!»

И был туман но я нашла свою лань!

Азада-Стрела нашла свою Дилором-Лань!

Царь ты сказал а я повиновалась! Царь ты не смог
разрушить девственность ее а я разрушила стрелой
своей!

Царь!

Она была мне-кровная сестра а стала кровавая се-
стра! на века!

Тогда сказала Азада-Агама и была прекрасна чаро-
дейна снежна неприступна высока как Фан-Рамит гора.
И она была прекрасна как всякий убийца что не скры-
вает не таит деянья своего.

Тогда сказала Азада:

— Царь теперь ты полетишь со мной с вершины
Фан-Рамит-горы!

Теперь возлюбленный мой мы полетим с тобой как
горные святые нахчиры-козлы!

Теперь возлюбленный царь мой мы с тобой одни.

Ты. Я. И третья — смерть.

Тогда она сказала:

— Царь теперь мы с тобой полетим навека насмерть
с горы.

Но царь сказал:

— Азада-Стрела Азада-Агама Азада-убийца ты по-
летишь одна.

И царь поглядел на охоту кровавую свою и на убитую свою Дилором-Лань и понял навек кого он любил.

А Азада-Агама гордая высокая дикая последняя нагая прошла мимо царя дохнула пахнула на него великим вольным спелым телом своим уж обреченным и пошла по горе Фан-Рамит, и царь не глядел на нее а глядел на мертвую Дилором-Лань.

А Азада-Стрела взошла на гору на снежную адову скалу и сразу с ходу яро прямо сошла с нее и Большой Ветр с Хиссарских хребтов не удержал не взял ее и пала рядом с Дилором-Ланью сестрой своей. И теперь они лежали рядом.

Тогда их отец Главный Военачальник Имперьи Науфаль-Халиль-Султан-Зульфикар бесслезный, ибо любил Имперью и войны ее и царя ее более своих дочерей, сказал:

— Царь, не сокрушайся! Я добуду в войнах новых жен и новых дочерей подарю тебе для охот и утех.

Но царь сказал:

— Отец, хватит мне этих двух мертвых.

И тогда Науфаль-Халиль-Султан-Зульфикар взглянул на них как отец, а не воин, а не раб Имперьи, и заплакал.

Тогда царь Бахрам-Гур Сасанид сказал слугам воинам сподвижникам своим:

— Я не хочу отдавать тела их земле. Я не хочу отдавать их червям. Я хочу как парсы отдать их орлам. Пусть они орлами витают летают в горах горах горах...

Тогда царь приказал воинам молчным своим, чтобы они отнесли вознесли воздвигли Дилором-Лань и Азаду-Стрелу на снежную вершину горы Фан-Рамит на которой в вечноснежной колыбели лежали снежные барсы и порождали и над которой уж! уж! уж! орлы-стервятники орлы-могильники орлы-ягнятники орлы блаженные стояли ждали уповали.

Айя!

А ты царь?

Кайхусрав-царь! Кайкубад-царь! цари древлие и что же вы не поможете живому не утешите брата-царя?
Айя!

...Царь Бахрам!

Царь и ты Владыка Мира и Царь Имперьи и Царь
человеков а раб соитья?

Но! Царь! Прошли дни соитий и наступил день люб-
ви. Но утонул он в днях соитья как малый камень в
волнах половодья каменной реки реки реки.

И пришел день любви средь многих дней соитья, но
ты царь не узнал его.

И тогда пришла смерть.

И ты узнал ее царь.

И смерть закрыла глаза Дилором-Лани любви твоей
и открыла твои глаза царь.

Да поздно.

Поэт в многошумных днях-волнах соитьях своей
любви-волны не упусти! Йи! Йиздигирт!

Но упустил?

Царь! И перестало тело женщины мучить тебя.

Царь и перестали тешить тебя кровавые рдяные
охоты убийства твои.

Царь Златой Трон Имперьи ждет тебя!

Царь Имперья ждет тебя!

Царь народы дети младенцы сосунки ждут кличут
тебя как кормящую обильную мать.

Царь изшла младость! охота! любовь твоя!

Царь хладная власть ждет тебя! Айя!

Да! Берикилля!

И вот ты уходишь царь!

И вот ты садишься на Златой Трон и на трех верблю-
дах дромадерах уходишь уходишь уходишь уходишь
навсегда на века!

Погоди царь!

Сейчас навек ты сгинешь изойдешь изветришься в
веках!

Оглянись, царь!

Вот! вот! вот! вот! вот прощальное твое дивное свя-
тое печальное отроческое лицо в безумных пылких гон-
ных смоляных кудрях агатах чернее мокрого блестя-
щего горящего вороньего крыла кудрях кудрях куд-
рях.

Царь зачем теперь тебе яркие спелые сафьяновые
неистовые каракулевыи змеинные кудри твои?

Царь для кого ныне они?

О святой Бахрам-Гур Сасанид! блаженный великий
неистовый божественный царь!

Цары!

И ты гранитной душной несметной рукой которой мог заживо задушить гималайского медведя и ты царской хмельной дрожащей рукой вырываешь прядь смоляных агатовых невинных кудрей из головы неподвижной недрогнувшей своей.

И ты вырываешь прядь невинных неповинных кудрей из бороды непролазной своей.

Чтобы не рыдать не стенать.

Чтобы Дилором-Лань забыть задушить не вспоминать.

Я знаю царь!

Разве Цари Владыки Империй Народов Языков разве рыдают стенают?

Разве Владыки Цари не убивают а убиваются маются как безмянные рабы человеки феллахи гуламы дехкане крестьяне?

Разве плачут?

Царь ты улыбаешься улыбаешься улыбаешься.

Царь!..

Да руки да кудри рыдают рыдают рыдают.

И уходит грядет навек на века навсегда по ущелью Рамит-Ситора-Звезда но уходит бредет грядет по векам, словно по горам, охота твоя и Златой Трон твой и твоя божественная бесслезная болезная всевечная бессмертная царящая парящая орлиная голова глава в святых святых разорванных разграбленных кудрях кудрях кудрях, Царь!

Прощай!

В раю шел снег в аду была весна.

Когда стрела попадает в птицу — она кричит не от боли а от радости.

Поэт, ты птица та?..

А поэт шел берегом реки Сорбо с дивной дальней чародейной чьей-то костью в руках.

А Хызр-Ходжа сидел на пне сарматской сосны в изумрудных веющих византийских шелках и не мог сойти со пня, ибо стар стал.

А дева-жена Ненила-Малина одиноко брела витала
в небесах в горах.

А река Сорбо текла как тогда.

А птицы пели в ущелье Рамит-Ситора-Звезда как
тогда.

А деревья кусты цвели как тогда.

А гора Фан-Рамит сияла лучезарной белизной снеж-
ной вершины как тогда.

Но были Последние Времена.

В последний раз река текла

В последний раз гора стояла

В раю шел снег в аду была весна

А?

АБХАЗСКАЯ БАЛЛАДА

На пицундском берегу на пицундском берегу
Ай да на дальнем давнем ай на дымном дымном на
пицундском берегу берегу берегу
Где пицундские сарматские телесные древние мясистые
сосны растут
Где самшитовые рощи густотелые маслянистые стоят
падают
Где дремучие жуки-носороги и бабочки мучнистые
летят пылят хоронятся покоятся в магнолий
многосахарных цветах
Там стояли там прощались древний отрок
Магаддар-гора и дева Ахалсат-лань
Там стояли там руками девственными соплетались там
прощались там клялись там обещали Магаддар-гора
и Ахалсат-лань
И это было тысячу лет назад
И это было тысячу лет назад
...Невеста моя! я пойду поплыву в Турцию в Грецию в
Аравию и вернусь богат
И я уйду нищ млад смугл а вернусь злат
И я привезу тебе греческий ярый густой как звезда
Хидда смарагд
И я привезу тебе африканский несметный палящий как
звезда многогорбых аравийских пустынь Джидда
алмаз
И я скоро вернусь а ты жди меня на берегу берегу дева
Ахалсат...
Талатта! Талатта!.. Таласса! Таласса!.. О море море!..
Прими сбереги верни меня!..
Невеста невеста жди жди меня!..
Жди Ахалсат-лань!..

И это было тысячу лет назад...
...Невеста жди меня... Жди Ахалсат-ланы!..
И он входит в ладью колхидскую ахейскую смоляную
И остроугольный латинский домотканый крылатый
парус льется трепещет над ним
Как майская пицундская бабочка пыльцовая сыпучая
обильная...
...Да!.. Прощай! прощай! прощай!..
Жди Ахалсат!.. Хидда-смарагд!.. Джидда-алмаз!.
Жди Ахалсат-ланы!..
...Я буду ждать тебя Магаддар-гора
Я буду жечь возводить творить костры в ночах
Я буду следить искать твой парус в многокипящих
среброшумящих волнах волнах волнах
И мой гранатовый налив цветок росток цвести и рдеть
не станет без тебя...
И это было тысячу лет назад...
И лодка жениха ушла
И в Понт Эвксинский ладья колхидская ахейская с
латинским парусом сошла вошла истаяла изшла
И каждую ночь и каждую ночь Ахалсат-ланы собирала
прибрежный морской хворост
И костры возводила берегла в ночах
И ждала
И прошло тридцать лет
И была ночь Рождества Христа
И Ахалсат-ланы сидела у костра и в море глядели
смоляные как черные росистые ежевики очи ея
И были у нее текучие колхидской лани глаза а теперь
от ожидания стали очи необъятные абхазского орла
И были у нее молодые глаза а стали от моря от ветра
от летучего текучего песка от еженощного костра стали
очи бзыбьского орла
И тут явился взвился восстал латинский парус
в волнах
И тут явилась содвигалась колыхалась колебалась на
волне ахейская колхидская знакомая незабвенная ладья
И там стоял Магаддар-гора
И он был стар
И парус был рван
И ладья была дряхла
Но Ахалсат-ланы была млада!
Но Ахалсат была юна!
Но Ахалсат дождалась...

Но дождались догляделись очи верные ея...
И это было тысячу лет назад...
И это было тысячу лет назад...
И Магаддар-гора сел у костра
Невеста моя многожданная скоро станешь ты моя
жена!

Я пришел узнать, как ты ждешь меня...
Многотерпеливая многотерпкая невеста моя ты
верна ль как спелотелая жена?..

А не будешь верна — я убью тебя!..
И он брал гладил ласкал берег лелеял руки ея
почерневшие от тысяч костров
И он целовал вечнозеленые вечнорозовые терпкие сливы
вечнодевских сосков

А утром вновь ушел в Эвксинский Понт...
...О Ахалсат-лань моя! я привезу привезу тебе греческий
ярый густой косматый как самшитовая звезда Хидда
смаerald

О Ахалсат моя! я привезу тебе аравийский знойный
палящий как звезда многогорбых пустынь звезда
Джидда кинжал алмаз

Но как как сладок велик кочевой мир Ахалсат!
Но стал я бродягой Ахалсат
Но нет! нет! нет мне пути назад
Но парус мой дряхл ветх но душа как перелетная птица
моя

Но не жди меня Ахалсат-лань
Но я бродяга на века невеста бедная горячая плакучая
прибрежная моя

Ахалсат не жди меня
Ахалсат не пали не возводи одинокие костры
девственницы в ночах ночах бродяги жениха

Я болен болен пьян пьян необъятными безымянными
бездонными дорогами и языками слепыми сладкими
иных народов иных стран

И только смерть прервет порвет дороги струны жилы
пьяные пыльные неоглядные родимые блаженные моя
И люди любят ближних своих а полюбил дальних
чужих я

И я птица кочующая ночующая в чужих гнездах
селениях градах

Не жди меня Ахалсат
И что ждать что отворять заветные врата для блудного
горького пахучего дремучего гладного хладного пса

И где где где родина волка
Прощай Ахалсат с глазами горного покорного
бзыбьского безбрежного орла

Прощай!..

И родимый дряхлый долгожданный парус канул сгинул
яростно в агатовых валах горах волнах

...Не жди Ахалсат-ланы!.. Прощай!.. На века!..

Но она улыбалась на пустынном берегу где сарматские
древли сосны растут

...Магаддар-гора Магаддар-гора мой вечнозеленый
жених! мне не нужен смарагд! мне не нужен алмаз!
Магаддар-гора! мне нужен твой ветхий парус в волнах!..

Магаддар-гора я буду ждать тебя как древляя
тысячелетняя сарматская колхидская сосна

Магаддар-гора жених мой я буду разгонять выращивать
ставить возводить костры веселые сиротские блаженные
в ночах

Я буду возводить костры невесты девы девственницы в
ночь жениха...

И она улыбалась на берегу и агатовая бархатная
парчовая волна избегала умиралась у ног смуглых
спелых девьих непочатых нетронутых ея...

...Айя человеки человеки ай человеки ай сладка смертна
вечна любовь несметнее пустынь морей песка песка
песка

Ай человеки ай любовь вечнопадучая вечногремучая
святая ярая блаженная падучая блескучая змея звезда!
Ай да куда летишь грядешь горишь пылишь палишь
вечномладая летучая исторгающая россыпь осыпь
изумрудов да алмазов беглая текучая божия слезная
захожия звезда

Ай да куда летишь куда летишь куда куда куда куда?..
Ай любовь звезда вечнопадучая рассыпчатая святая
куда?..

Прощай Ахалсат-ланы!..

...Я буду ждать тебя вовеки Магаддар-гора!

Я буду ждать тебя пока кочуют над Колхидой над
Пицундой солнце да луна

Я буду ждать тебя мой дряхлый ветхий изотлелый
вечный парус в яростных агатовых ликующих волнах
Я буду ждать тебя Магаддар-гора...

...Ай человеки ай ай ай ай ай... Да куда?..

Куда течет ползет плывет грядет гремучая падучая
змея любовь звезда?..

ПРИТЧИ ДЕРВИША ХОДЖИ ЗУЛЬФИКАРА ДЕВОНЫ

...Истинный мудрец незаметен... Говорящий не знает. Знающий — не говорит...

Лао Цзы

Бродил во времена амира Абдуллахата и Алим-хана по Туркестану блаженный дервиш Ходжа Зульфикар Девона вместе с сыном своим Касымджоном-Стеблем.

Говорили, что он был родом из кишлака Кухнаи-Масчидд, что под Бухарой. Кишлака давно нет. Город съел его.

А молва о Ходже Зульфикаре жива.

Так люди переживают кишлаки и града.

И поныне бродит Ходжа Зульфикар по дорогам Азии, где и осенняя хладная пыль сладка, как белый бескосточный ходжентский изюм.

Ибо для дервиша мудреца нет смерти.

Дервиши не умирают, хотя хотят...

Народ таджиков помнит притчи Ходжи Зульфикара.

И я лишь иду по путям его и собираю слова его.

Да услышится, да прозвучит громогласно то, что сказано шепотом в придорожной вечеряющей чайхане за пиалой зеленого чая.

Дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель пришли в ущелье Ходжа-Оби-Гарм, где текли клубились целебные родоновые горячие воды и Ходжа Зульфикар опустил в серные пузырьчатые пенистые потоки ступни ноги свои пергаментные высохшие потрескавшиеся от многих пыльных дорог.

Он сказал:

— Сын мой, ступни у человека стареют ранее всех членов. Если хочешь определить сколько лет человеку — взгляни на нагие ступни его...

И он улыбнулся и сказал:

— Подлинное лицо человека — это его ступня... да... Потому и сокрыта она.

Они сидели в ущелье Ходжа-Оби-Гарм опустив ноги кочевые в потоки кружевные целительные.

А в узком гранитном скалистом ущелье росли тесные приземистые низкие чинары.

И многие чинары поднимались вздымались росли в глухих гранитных скалах и были кривыми косыми уродливыми витиеватыми, как письма арабов, ибо пробивались чрез камень, ибо крушили крошили камень гранит, но и камень угнетал давил их.

И не все поднимались урождались.

И кривые стволы чинар, возрастая, вбирали впускали в себя в мякоть в плоть в древесину свою потаенную рассыпавшиеся камни и полны были камней.

И корни чинар алкали искали корм свой в недрах в ложах камней.

Тогда Ходжа Ходжа Зульфикар сказал!

— Сын мой Касымджон, гляди на эти кривые косые низкие искаженные как лицо человека от внезапной боли чинары в дремучих глухих скалах.

Гляди — как бьются насмерть сцепившись бессонное дерево живое и мертвый сонный камень.

И дерево разрушает точит побеждает разбивает раздвигает разрывает камень но и само стелется пригнетается искажается.

Так и любовь во дни Тирана

Так и мудрость во дни Тирана

Так и смерть во дни Тирана

Дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель сидели на берегу Кафирнихана-Рая и увидели в волнах медленного утопленника-осла

И от него уж шел пади утлый скорбный дух чад и мешал жить и мешал дышать.

Тогда дервиш и сын отошли от берега и сели в травы.

Дервиш сказал:

— Вешнее наводнение смыло осла в реку и он погиб. Смерть сделала из осла рыбу... Живой осел стал мертвой рыбой... Вот так, как учат буддисты, мы кочуем из вида в вид...

Дервиш сказал:

— О Аллах! Я тоже хотел бы умереть в реке... Чтобы и мертвым плыть бродить в волнах, чтобы и усопшим быть странником путником волн волн волн водяных дорог... О река!.. Мой текущий гроб!.. А волны-саваны кафаны белопенные летучие мои!..

Но не торопись Господь мой!..

Дервиш улыбнулся и сказал:

— Но зачем такой гиблый дух пади сопровождает сей святой переход из твари одной в другую?

Дервиш сказал:

— И этот чад напоминает мне дух чад войны бойни резни пади человеко... да...

Тогда Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, что такое война? Откуда она?..

Дервиш сказал:

— Тут на берегу текущем Кафирнихана-Рая некогда стоял дышал кишлак Тавиль-Угра. И он славился жадностью и свирепостью и бездушием жителей своих.

Ни один нищий ни один святой кочевой путник-каландар не получил здесь ни милостыни ни одежды ни ночлега ни доброго пожеланья ни даже пиалы простой ручьевого воды...

А ведь никто не приходит в мир из лона матери с домом, землей, едой одеждой...

Все приходят нагие и беспомощные как нищие

И всё дают людям люди

И кто не дает — тот открыт с четырех сторон-

врат бедам, как песчаным гиблым мутным кызылкумским одичалым солончаковым суховеям ветрам... да...

И в Книге сказано: «Не забывай о странноприимстве, ибо под видом странников могут прийти ангелы...»

Но люди окрест Тавиль-Угры покорно молчали, а когда молчат люди-рабы, тогда восстают земля вода и огонь...

Тогда восстает Аллах! да!..

Тогда Аллах покарал Тавиль-Угру и в одну весеннюю безмятежную глубокосонную овечью рыбью ночь наслал на алчный волчий кишлак четыре беды с четырех сторон: землетрясение, пожар; наводнение и чуму.

Земля и вода взметнулись взбунтовались поднялись тайно и разъяли поглотили дома, пожар съел деревья, а людей взяла крысиная странница-чума...

Кишлак опустел. Не осталось ни кибиток, ни деревьев, ни людей.

Стала пустошь на месте Тавиль-Угры...

Дервиш сказал:

— Война приходит как все четыре беды с четырех сторон, когда люди становятся как жители Тавиль-Угры...

Но — слава Аллаху — есть в Азьи моей иные кишлаки...

Дервиш сказал:

— Однажды я брел мимо кишлака Исписар-Кудус-Мукадас, что славился урюковыми садами и щедростью жителей своих.

И там из нищей кибитки вышла седая жена Бибиканд-Усть и она сказала мне:

— Путник, твой чапан ветх дряхл рван. Возьми новый чапан. Это чапан жениха, который не стал мужем. Это чапан моего сына Улькаффада-Ятима, что ушел на войну...

— Твой сын не вернулся с войны в свой родной кишлак, к своей матери, в свою кибитку, в свой долгожданный халат несбыточного жениха, мать?..

— Нет, дервиш...

...Солдат Улькаффад-Ятим отважно жертвенно воевал. И оставил руку на войне.

Ранней весной, когда цветут плывут томят грядут мечутся урюковые сады, однорукий солдат вернулся в Исписар-Кудус-Мукаддас, в свой заветный кишлак.

Однурукый остановился на берегу реки Кафирнихан-Рай.

На противоположном берегу тонул дремал в фламинговых фазаньих павлиньих урюковых опахалах садах его родной кишлак Исписар-Кудус-Мукаддас

И там был шаткий шалый деревянный самодельно связанный из стволов и веток неверный скоротечный мост чрез бушующую вешнюю вечную реку и этот мост вел в родной кишлак Исписар-Кудус-Мукаддас

И было раннее раннее утро в кишлаке и все все спали яро

Но там на мосту стояла качалась вздымалась таилась Бибикианд-Усть мать

И однурукый солдат пошел к ней и тут ему что-то неловко слезно стыдно морозно зябко что ли стало оттого что у него одна рука, ведь он так лихо сметливо играл в кости-«альчики» в детстве своем.

И тут у него стала болеть ныть дрожать культа.

И у него стала ныть страдать жечь давно потерянная убитая дальняя счастливая рука

Но потом он засмеялся и сказал:

— Мать! Бибикианд-Усть вас никто не обнимал одной живой рукой, а я обниму... Вы худая стали от войны и одной руки мне хватит, мама...

Но потом он вспомнил что он дитя перед матерью своей и впервые за всю долгую войну затрясся заплакал

И тогда узкий шаткий убогий самодельный мост над рекой стал метаться качаться как люлька-гахвара, которую часто качают, чтобы младенец уснул.

Потому что однурукый солдат Улькаффад-Ятим рыдал

И мост трясся рыдал с ним но Бибикианд-Усть не рыдала

(Дервиш сказал: О земля, где и мосты рыдают!..)

Тогда Бибикианд-Усть сказала и Улькаффад-Ятим затих и мост затих.

Тогда Бибиканд-Усть сказала:

— Сын я ждала тебя. Я знала что ты придешь живой.

Тридцать джигитов ушло из нашего кишлака на войну.

Никто не вернулся.

И общее горе спаяло связало нас, матерей и отцов и старух и детей, словно смоляная табунная веревка, которой вяжут усмиряют непокорных пенных дурных жеребцов

Если ты вернешься в кишлак — ты развяжешь веревку

Ты напомнишь матерям об их убитых невозвратных мальчиках-«альчиках»

И они неутешно свежо темно могильно загробно восплачут и станут раздирать в кровь всласть в кость на себе безвинные забытые платья

Солдат! однорукий мой Улькаффад-Ятим, мой мальчик, пощади их души пощади их тела их платья...

Ты убитый для родного кишлака а убитые не возвращаются...

Тогда Улькаффад-Ятим однорукий святой солдат тихо нежно свято повернулся и ушел

Тогда тогда тогда Бибиканд-Усть зарыдала

И мост зарыдал с ней...

Аллах! дай Ей!..

И дервиш Ходжа Зульфикар замолчал а потом сказал:

— Пока есть кишлаки такие и матери такие — до тех пор не придет на землю мою на Азью всематерь мою с* четырех сторон Последняя Война...

Да! Аллах!.. Да!..

МУДРОСТЬ

Тогда Касымджон-Стебель спросил у дервиша Зульфикара:

— Отец есть ли мудрецы в нынешней Азии родине моей? Любят ли мудрость нынешние люди? Не забыли ли они мудрецов своих?

Знают ли и почитают они мудрецов своих?

Или забыли о вечной мудрости в суете маете и заботах живота тела своего?

Голодный пригнетенный человек печется ли о вечности о мудрости?..

Тогда дервиш Зульфикар сказал притчу.

...Великий мудрец Омар Хайям совершал хадж в Мекку.

В пути он заблудился. Одинокий.

Ночь пришла — чужая ночь чужбины. Одинокая.

И тут великий шейх увидел огни и вошел в убогий забытый Богом неказистый безвестный нищий тощий кишлак Хуш-Дора.

Навстречу Омару Хайяму вышел староста кишлака Хамид-Муйсафедд.

Он сказал:

— Ты цыган с белой пляшущей медведицей?..
А где медведица?..

Шейх сказал:

— Я Омар Хайям.

Тогда староста узнал шейха, упал на колени перед ним и взмолился:

— Великий шейх! Мудрец! Аллах привел тебя в наш убогий безвестный кишлак! Все жители моего кишлака поклоняются тебе и знают наизусть твои вечные рубайяты!

О как они будут поражены и рады, когда узнают, что сам шейх посетил их!

О как рады будут мои бедные односельчане! Само солнце ислама среди ночи вошло в наш кишлак! О велика милость Аллаха!

Тогда усталый сонный старый умирающий шейх сказал:

— Я рад, что меня знают и почитают в таком глухом кишлаке. Зови людей. Я скажу им о вечной мудрости скоротечного нашего мира.

Тогда Хамид-Муйсафедд радостно слепо сказал:

— Мы ждем цыгана с белой пляшущей медведицей. Сегодня свадьба у старшего моего сына Мастона Шерали и все жители кишлака там яро пьют едят

смеются пляшут. И они не смогут прийти к тебе, шейх. Может быть, ты пойдешь на свадьбу сына моего, шейх?

Тогда Омар Хайям сказал:

— Хамид-Муйсафедд, блаженный отец блаженного сына Мастона Шерали. Вы ждете цыгана с белой медведицей, а пришел мудрец с божьим словом... Жаль!..

Но свадеб и похорон и цыган с медведицами много было и много будет в твоём богозабытом кишлаке.

А мудрец уж никогда не забредет в кишлак твой, блаженный Хамид-Муйсафедд.

Прощай. Пусть будет много сыновей у сына твоего. Дай Аллах. Прощай.

И шейх ушел в ночь навек.

...Цыган с белой пляшущей медведицей — это крошечная ночь с падучей звездой?.. А?..

Зачем мудрость безвестному кишлаку иль кишащему многолюдному граду?

И без мудрости рождаются радуются совокупаются и умирают люди

А с мудростью приходит печаль как с осенью желтый грустный лист.

Зачем печаль человекам? Если есть цыган с белой пляшущей гулливой медведицей?

И шейх шел в ночи печальным бездомным сиротой ибо нет дома отчины гнезда у мудреца как нет дома гнезда отчины у ветра. Да!..

И лишь Аллах был с ним

И ночь

И падучая рассыпчатая звезда

...Отец вы печальны?

Это вы брели в ночи.

Это вы были в кишлаке Хуш-Дора.

...Отец, дервиш Ходжа Зульфикар, а кого ждут в Последние Времена, в нынешних селеньях и градах?

Мудреца с вещим словом?
Цыгана с белой медведицей?
Ночь с падучею звездою?..

В Последние Времена ждут Пророка-Махди с огненным глаголом: Людие, милосердствуйте, жалеите, прощайте, любите друг друга... Людие, если вас не объединит любовь, вас объединит смерть.

ЛЮБОВЬ

Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель скитаясь странствуя страдая озаряясь пришли в Фан-Ягнобские горы ранней весной и там сели у подножья несметной горы Хан-Хабриза-Буса близ родника и пили воду его и ели лепешки опуская окуная их в родник.

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Много есть яств на земле, но нет ничего лучше родника с хлебом, ледниковой новорожденной воды с кунжутной свежеиспеченной лепешкой из безымянной придорожной чайханы.

И нет на земле ничего слаще любви между мужем и женой.

И жена — это родник лепетный говорливый шелестящий, а муж — жаркая пышущая лепешка из танурапечи.

Тогда Касымджон-Стебель сквозящий отрок прут стебель лакомый зеленый ивы иль сизого тополя-туранги сказал потупясь рдяно:

— Отец, близок срок мой. Близка любовь моя. Уж надела свадебные платья и насурьмила алчные змеиные брови извилистые как тайное сахарное непчатое нагое тело ее и глядится в самаркандское хрустальное зеркало трепещущая невеста безвестная моя...

Отец что есть любовь?

И как мне готовиться к ней?

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Я всю жизнь боялся берегся и бежал любви. Ибо любовь и смерть кочуют неразлучно как стадо и пастух.

И смерть-пастух пасет любовь-стадо свое. Как

снежный стелющийся барс-ирбис-козопас пасет высокогорных обреченных коз-нахчиров своих.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— На Востоке были Лейли и Меджнун, на Западе были Ромео и Джульетта.

Но исход был один — смерть. Барс съедал коз.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Касымджон-Стебель, сын мой, я расскажу тебе об иных. Я расскажу тебе о неистовом Муртаззо-Шамс-Дойристе и жене его Бунаффше-Бульбуль-Певнице, каких сто лет не рождалось в певучей Азии моей.

Я расскажу тебе о блаженной Коко-Мехрдад и возлюбленном ее...

Я расскажу тебе...

...Узбек Муртаззо-Шамс-Дойрист из Кунгурта убил свою возлюбленную жену-дунганку Бунаффшу-Бульбуль-Певницу.

Узбек Муртаззо-Шамс-Дойрист и жена его Бунаффша-Бульбуль-Певница пели и играли на многих кишлачных свадьбах-туях и имели много денег и подарков, но Муртаззо-Шамс ревновал жену свою и убил ее ночным точным шахрисябзским неслышным нежным долгим находчивым ножом, когда она тихо и ясно спала с ним в богатых бухарских фазаньих павлиньих сокровенных одеялах...

Узбек Муртаззо-Шамс убил в ревности жену свою и поместил положил удивленное невинное тело ее — так и не проснувшееся в ночи — в дубовую бочку, в которой солили томили на зиму огурцы.

Узбек Муртаззо-Шамс спрятал тело возлюбленной спящей жены своей в дубовую бочку и забил ее и пошел ночными козьими тропами, тайными горными высокими перевалами Гиссарского Хребта к далекой реке Фан-Ягноб-Дарье.

Узбек Муртаззо-Шамс три дня и три ночи бессонно бесслезно шел по горам, неся на спине тяжкую немую дубовую бочку с телом Бунаффши-Бульбуль-Певницы горлицы дивной небесной, какой сто лет не было в родной певучей Азии моей...

На четвертый день Муртаззо-Шамс увидел пенную бешенотелую Фан-Дарью и опустился с гор к реке.

И бешеное белопенное тело реки напомнило ему тело его жены неистовое змеиное сладкое скачущее тело Бунаффши в первые ночи их любви.

И тут он впервые заплакал.

И поставил дубовую бочку на берегу кипящем снежными вешними волнами волнами волнами.

И тут он впервые услышал голос Бунаффши-Бульбуль возлюбленной убитой жены своей.

Голос был не похож на голос Бунаффши-Бульбуль, потому что она молчала три дня, пока он нес ее по горам, потому что он шел из глухой сырой дубовой бочки, но Муртаззо-Шамс узнал его.

Голос пел древнюю таджикскую персидскую томительную песню: «Чашми сиехдори курбонат чавонмард... Стал я отрок жертвой твоих черных глаз...»

Тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Жена моя, раньше ты пела для всех людей и я ревновал тебя, а теперь ты поешь только для меня...

А река Фан-Ягноб-Дарья в том месте пенно и бешено свергаясь ниспадая со скалы Уч-Булак уходила под землю и там тяжело душно слепо жила бесилась металась извивалась под землей и лишь чрез два фарсанга водопадами выходила падала билась из скал близ кишлака Уч-Ош.

Страшная бесследная слепая бездонная та пропасть была и жители Уч-Оша говорили, что даже рыбы, попадая в подземелье, не выходили живыми с волнами, а погибали бесследно в тьмовом гиблом подземелье.

И еще жители Уч-Оша говорили, что там, в подземелье, — ад, и там видели Ангела Ада Святого Азраила, что входил туда с водами в черном чапане-халате и выходил в рваном побитом порушенном чапане...

И его не щадила не берегла подземная река...

Узбек Муртаззо-Шамс услышал на берегу пустынном глухой уже нездешний голос жены своей, шедший из дубовой бочки: «...Чашми сиехдори курбонат чавонмард...»

Теперь голос рыдал молил:

— Муртаззо-Шамс возлюбленный муж мой! я люб-

лю тебя! И всякая жена втайне сладко мечтает погибнуть от ревливой гибельной ярой сладостной руки мужа, но но зачем ты убил меня во сне моем и не дал мне проститься с тобой родной муж мой! зачем ты не дал мне увидеть тебя на прощанье, возлюбленный мой? И я ждала во сне зebb-ствол твой а пришел нож тугой ночной слепой, возлюбленный мой мой мой!..

Тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Жена моя, я не хочу отдавать тебя червям земли. Я отдам тебя ледяной воде, где ты будешь ждать меня.

Тогда Муртаззо-Шамс бросил бочку с убитой женой своей Бунаффшой-Бульбуль со скалы Уч-Булак и она ушла низверглась теряясь в пенных волнах навек под землю

Навек ушла

И голос ее навек ушел с земли живых

Тогда Муртаззо-Шамс побежал к кишлаку Уч-Ош, где подземная река Фан-Ягноб водопылящими гремучими водопадами выходила вырывалась выметалась освобождалась из подземелья

И Муртаззо-Шамс убоился, что жена его выплывет в бочке смертной во гробу текучем своем, но она не выплыла.

И она навек застряла затерялась осталась в текучем подземелье

И она невинная навек осталась под землей в неожиданном тесном гробу своем... вместе с чародейным голосом своим и песней своей...

*

Тогда Муртаззо-Шамс пошел к судьям и сказал, что убил жену свою, но не сказал, где похоронил тело ее.

И его судили за убийство и сослали на двадцать лет в лалабадские невозвратные свинцовые рудники, где в шахтах от сатанинской руды человеки гибли заживо истлевали распадались как от проказы через пять лет.

Но Муртаззо-Шамс пробыл в рудниках двадцать лет и вышел на волю живым, ибо плоть его была как сушеный бухарский сыр-панир.

...И вот он пришел на берег Фан-Ягноб-Дарьи и взял в руки дойру и встал на скале Уч-Булак, где река уходила под землю.

И тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Возлюбленная жена моя Бунаффша-Бульбуль. Ты двадцать лет мертвая лежишь ждешь меня под землей в текучем гробу-бочке твоей. Там в подземном хладе черви земли не тронули мертвого тела твоего.

Я двадцать лет живой заживо тлел чах разрушался слеп под землей в сатанинских чадящих рудниках-шахтах, что хуже лепрозория Кокташа, ибо оттуда мы вынимали выбирали тайную свинцовую мутную руду — из которой пули льют — смерть огонь чуму для всех человеков на земле...

И мы вынимали смерть из могилы.

Но мало мне возлюбленная моя.

Но слишком мала нища ничтожная кара моя но слишком велика любовь твоя возлюбленная моя моя моя...

Но как мала сама смерть рядом с любовью твоей возлюбленная Бунаффша-Бульбуль моя моя моя... Айя!..

Ай велик Аллах! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

Аллах слава тебе что людям любовь дал дал дал... Аллаху Акбар!

Аллах слава Тебе, что любовь превышает и жизнь и смерть... да...

Бунаффша-Бульбуль возлюбленная моя и ты там ждешь ты там поешь возлюбленная моя вот и встреча близка близка близка!..

И я там буду играть на дойре, а ты будешь петь, долгожданная дивноголосая моя!.. И там я не буду ревновать тебя!..

Айя!.. О Господи! Как счастлив блажен напоен как в молодости я!..

И Муртаззо-Шамс с дойрой в очарованных уповающих руках сошел со скалы Уч-Булак и река его тихо бережно взяла и понесла под землю, где Бунаффша-Бульбуль его ждала...

Чашми сиехдори курбонат чавонмард!

Чашми сиехдори курбонат чавонмард!

Стал я отрок жертвой твоих черных глаз

Стал я отрок жертвой твоих черных глаз...

Ай! Господи! Ай нельзя тут жить! тут дышать! тут страдать!

Ай жизнь больше чем душа!..

Ай Господи! Где силы взять? Ай река переполняет берега!..

Ай Господи дай силы жить жалеть страдать до сострадать...

Аллаху Акбар!.. Аллаху Акбар... Аллаху Акбар!..

Аллах как небеса велик

А человек как земля мал

Да!..

КОКО-МЕХРДАД

Аллаху Акбар! Аллах велик! И Он дает душе человеческой пережить вместить простить жизнь сию и не сойти с ума

Дай Аллах!..

Тогда Ходжа Зульфикар окончил первый свой рассказ о любви Муртаззо-Шамс-Дойриста и певицы светлоголосой небесной горлицы Бунаффши-Бульбуль.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Сын мой Касымджон, это было во времена тирана Музаффар-хана, а тогда было много смертей неправых...

И это было во дни Тирана, а во дни Тирана смерть частая великая гостья и хозяйка.

А где смерть великая частая хозяйка гостья — там и любовь великая гостья, как золото в текучем речном гранитном песке песке песке...

Но!

Когда давят виноград — он рождает святое хмельное вольное вино — волю, утеху тела и души.

Когда давят пригнетают народ — он рождает любовь — великую волю тела и души и вечных хмельных возлюбленных мира сего и мира иного... Ибо любовь — это вино трезвых... да!..

Чреваты бездонны Времена Тирана!

Но я поведал о любви Муртаззо-Шамса и Бунаффши-Бульбуль.

Но это была страсть, а не любовь.

А страсть ближе к смерти стоит.

А любовь — это жизнь.

Сын мой, Касымджон, а теперь я расскажу тебе о любви, о жизни...

О Коко-Мехрдад и возлюбленном ее...

О помощи Аллах сказать мне сии слова ибо история сия страшна свята

О помощи Аллах...

Коко-Мехрдад! Коко-Мехрдад! Коко-Мехрдад!

Твой голос — талая лепетливая родниковая серебряная вода

Твоя душа — талая приречная начальная трава, а в ней уже тюльпаны талые стоят и их коровы талые едят

Твое тело — талая снежная солнечная февральская поляна на несметной дозвездной донебесной горе блаженной Хан-Хабриза-Буса а на ней уже цветут плывут первые миндальные кусты дерева а их телята талые едят

Коко-Мехрдад тебе тринадцать спелых лет а голова твоя неистово каракулевая кудрявая как нагорные калайдаштские арчовые леса

Коко ты бежишь из своего заоблачного нагорного кишлака Хабриза-Буса по талой горе Хан-Хабриза-Буса вешней за млековой коровой Курачча-Почча

Коко ты догоняешь корову тучную и ставишь серебряное памирское ведро гармское под сосцы ее и течет течет течет молоко жемчужное от твоих камышовых задышающихся беглых гибких перстов перстов перстов и от розовых несметных коровьих сосцов сосцов сосцов

Коко а твои соски девьи сокровенные в кулябских атласах шелках тесных тронет кто?

Коко гляди — уж ведро дымное серебряное полно пенится полнится клубится избыточное оно

Коко я напился талого горного мяклого снега снега снега когда поднимался в высокий кишлак Хабриза-Буса твой а теперь дай мне молока из памирского серебряного ведра из серебряных перстов твоих Коко!

...Путник в талых диких нетронутых горных девьих текущих снегах горы несметной Хан-Хабриза-Буса вы кто?

...Коко-Мехрдад кишлачная девочка дева дитя кизинка ты бежишь ты машешь руками-рукавами гранатовыми динаусских атласов в горных снежных облаках облаках облаках

О!..

А!..

Коко ты дева ты птица горных кочевых снежных облаков

Коко ты держишь в руках текущие облака-жемчуга

Коко ты витаешь в облаках как улар как снежный ирбис-барс козопас. А?

Коко у тебя в носу сквозит лазоревая серьга как у древних согдианок а на босых щиколотках тугие браслеты горят. А?

Коко иль не знаешь что серьги и браслеты на теле жен проклял запретил святой пророк Мухаммад-Пайгамбар?

Коко твой отец зороастриец парс огнепоклонник что не знает заветы знаки мусульман?

Коко что глаза твои лазоревые согдийские более серьги и браслетов горят кипят роятся молят?

...Путник а лазоревые глаза согдийцев древних тоже проклял запретил пророк Мухаммад-Пайгамбар? А?..

И она улыбается и закрывает глаза глаза глаза, а тут густеет вечерних небес тьма-лазурь-глина синева синева синева...

А тут темнеет сизая снежная бездонная бредовая несметная занебесная одинокая гора Хан-Хабриза-Буса

Гора клубилась парилась дымилась от талых дневных снегов дико одиноко в небе высилась...

*

Гора Хан-Хабриза-Буса мы уйдем а ты будешь стоять

Но в Последние Времена погибнут и сгорят и человеки и горы

И только будет сажа ненасытная непролазная понад землей стоять витать и солнце звезды застилать

Не дай Аллах!..

Гора Хан-Хабриза-Буса мы уйдем а ты будешь стоять...

...А тут темнеет на вершине горы зыбкий кишлак
Хабриза-Буса

Кишлак мы уйдем а ты будешь стоять...

И я гляжу на тебя безвестный безвинный кишлак
Хабриза-Буса!..

Кишлак а почему ты должен сгореть в огне Последней Войны?

Аллах, а в чем вина этого вечереющего замерзающего в текучих беспредельных нагорных снегах кишлака?..

Ай, Аллах!.. А?..

А тут темнеет на снегу корова Курачча-Почча

А только густолунно плещется колеблется свежерожденное дымное молоко в памирском серебряном ведре

Коко дай испить молока из чародейного ворожащего парного дымного ведра ведра

Тогда она тихо срывает золотую согдийскую серьгу с лица и рвет разрывает нежную лакомую девичью ломкую ноздрию и кровь струится по ее губам но она не знает не чувствует.

Коко иль не знаешь что серьги и браслеты на теле жен проклял запретил огненный нагой корейшит пророк песков Мухаммад-Пайгамбар?..

Путник знаю. Путник серьгу как вишню незрелую с ноздри спелой срываю снимаю

Коко кровь течет по твоим губам

Коко зачем серьгу срываешь

Коко пророк горящих песков Мухаммад-Пайгамбар тебя в ледовых снегах снегах снегах прощает

Коко кровь течет по твоим губам

Коко гляди — я беру кровавую серьгу и ей ноздрию свою алчно упоенно насквозь пробиваю прокалываю и в ноздре текучую серьгу гранатовую оставляю

Коко я улыбаюсь и моя кровь течет по моим губам, как и кровь твоя

Коко я теперь тоже древний согдиец и пророк меня прощает

Коко уж бархатная ледяная черноатласная ночь пришла

Коко уж стали от мороза бегучие текучие талые снега

Коко уж несметная жемчужная гора Хан-Хабриза-Буса застыла вся в ночи как пирамида снега снега бела бела бела бела

Коко гора была текучая а стала ледяная скользкая как корка дыни на базаре смертельная она

Коко гляди — Аллах высыпал рассыпал на небесные неоглядные бархаты атласы бездонные россыпи алмазов и хрусталей из своего вселенского рукава

Коко гляди — близкие звезды плеяды серьги из хрусталя — и их можно тронуть перстом а дальние плеяды из алмазов — и их не достать...

Коко я пил нагорные текучие талые снега но теперь они покрылись звездной переливчатой игольчатой сыпучей морозной коркой пеленой плевой

Коко а жажда алчба моя велика

Коко дай мне дымного теплого молока из памирского серебряного ведра, а то в горле в гортани моей стынет в лед, как горный талый ручей, моя слюна

Коко гляди как полыхают алмазы хрустали серьги плеяд

Коко а чьи огни там у подножья несметной жемчужной ледяной горы Хан-Хабриза-Буса чьи огни тревожные ходят роятся горят? А?..

Путник там санитарные кордоны

Путник там санитарные дозоры

Путник там санитарные заставы

Там солдаты-сарбазы с гонными чуткими псами людоедами овчарками

Путник как ты прошел по горе Хан-Хабриза-Буса к моему родному кишлаку Хабриза-Буса?

Путник как солдаты не остановили не убили тебя?

Как псы сторожевые не учуяли пенными волчьими охотничьими ноздрями не расхитили не порвали тебя волчьими гладными хладными зубами? а?

Путник иль от мороза в их ноздрях застряла льдом пена слюна как хрустальная кандаринская слюда? А?

Коко а почему у подножья горы санитарные заставы стерегут стоят?

Путник ты не называешь свое имя.

Путник в нашем одиноком нагорном родном кишлаке Хабриза-Буса чума.

Потому внизу собачьи чуткие заставы дозоры стоят
Путник теперь тебе нет пути назад

Путник теперь твои следы на горе лежат дымят и
выдают тебя...

Коко а я не хочу идти назад! вспять!..

Коко я увидел тебя и не хочу идти назад!..

Коко дай мне молока из памирского ведра!..

Путник а в корове Курачча-Почча чума

Путник а в молоке чума

Путник ты еще живой нетронутый не чумный! не пей
молока

Путник пока ночь шурабского угля и заставы
спят — скользи беги струись по горе родной моей чумной
обращенной беги беги беги назад!

Айя! дай тебе Аллах миновать солдат и собак! дай
Аллах!..

Коко-Мехрдад но в моей ноздре точит живет кровото-
точит твоя блаженная серьга!

Коко-Мехрдад я пью кровь твоей серьги чумной
милой дивной а теперь я хочу твоего молока! дай!

И я пью молоко из памирского серебряного ведра
Коко сладко пенно молоко!

Коко я пью я люблю молоко!

Коко гляди какая алмазная ночь окрест горы Хан-
Хабриза-Буса!

Коко гляди как кочует гуляет необъятная рассыпчатая
раздольная падучая звезда!

Коко гляди! она упадет падет забьется как блестящая
колосистая дремучая игольчатая рыба в ведре
дымного молока!

И будет биться виться остывать в молоке и будет
сбивать молоко в сметану, а потом в масло!.. Айя!..
Ай сладка!..

Коко гляди как ручьи талые текли с горы а теперь
от мороза стоят стоят стоят!

Коко я люблю люблю люблю тебя

...Путник гляди при падучих при звездах — у меня узлы сизые тугие желваки лимфы пенные хмельные на горле на теле

Путник родной это моровая бубонная древля лихорадка жар чума

Путник завтра утром придет теплое февральское солнце и тысячи талых ручьев двинутся поползут поскочат с родной моей горы Хан-Хабриза-Буса

И станет моя родная гора Хан-Хабриза-Чума

И в каждом талом буйном бегучем теле ручья будет скользить как рыба тайная чума

Путник беги назад! Еще не поздно! Путник безымянный... ака-брат!.. Беги назад!..

Путник ранним утром придут солдаты и собаки по твоим агатовым следам

Путник ранним утром пока не двинутся ручьи с горы они сожгут дотла мой родной кишлак Хабриза-Буса

Путник они обольют керосином наши кибитки дувалы деревья и наш скот и чумных нас и подожгут изведут мой кишлак очаг чумы дотла

Путник иначе не уйдет чума

Путник пусть мы заживо сгорим но с нами изойдет задохнется чума

Путник пусть чистые бесчумные ручьи утром пойдут по горе Хан-Хабриза-Буса!

Путник гляди — уж движутся огни от подножья горы сюда сюда сюда!..

Путник гляди — они грядут восходят сюда

Беги вспять!.. Еще не поздно!.. Ака-брат... беги ползи скользи назад!.. Ай!..

Коко-Мехрдад дай мне тронуть губами моими тяжкие святые желваки сапфиры живые на горле твоем!

Путник а такими сапфирами душными ярыми взято уязвлено осыпано все тело мое... О...

Аллах осыпал землю и небеса ночными звездами хрустальями а меня сапфирами бессонными живыми пульсирующими

Коко дай мне кровь губ твоих испить целовать!

Коко не беги не рвись не струись не берегись от меня

...Но она она она бежит утопая умирая задыхаясь
тратясь в хрустких сыпучих снегах снегах снегах

Но я догоняю ее но я обнимаю ее но я бережно
держу ее как птицу залетную дрожкую горлицу в руках
в руках в руках

Коко я целую губы твои

Коко я целую сапфиры лимфы реки вены напоен-
ные твои

Коко твоя ль узкая жаркая неутоленная рука гладит
лелеет лицо мое на миг?..

Коко твоя ль рука гладит меня мя?

Йи!.. Йиздигирт!..

Коко зачем тебе эти последние гранатовые динаус-
ские волнистые атласы да потаенные сокровенные ша-
ровары-изоры шелка в которых бьется вьется напослед-
док, как розовая косточка персиковая, тело вольное
последнее твое? Как узкогорлая река Фан-Ягноб в
душных скалах-брегах?

Коко, а?

Коко дай мне снять сорвать разбить атласы шелка?

Коко гляди — наши жемчужные одеяла одеяла рас-
стилаются последние снега снега снега, а завтра будет
талая гремучая бегучая падучая вода.

Коко, а?

Коко у нас родится сын

Путник за одну ночь не рождаются сыновья

Путник пусти пусти пусти меня

Путник я чума

Путник зачем? а?

Коко ты любовь

Коко а любви боится бежит чума

Путник пусти меня

И она рвется из спелых сумасшедших рук моих как
каменная узкотелая извилистая стрелотелая змеетелая
божественная куница и она вырывается из рук моих и
бежит вверх по скользкой необъятной горе к своему
кишлаку Хабриза-Буса

И я бегу за ней вослед и чую как звереет темнеет
дичает густеет окрест меня несметная снежная ледяная
гора Хан-Хабриза-Буса...

...Гора прости меня, гора похорони меня в непробудных дебрях недрах твоих...

Но я люблю навек насмерть Коко-Мехрдад!

Айя! помилуй мя Аллах несметный, рядом с которым — песчинка летучая падушая и жизнь моя и гора Хан-Хабриза-Буса! И сама чума!..

И я бегу за Коко и вбегаю в ледовый мертвый застывший кишлак Хабриза-Буса.

Там застыли усопшие арыки дувалы кибитки деревá

Там нет дымов над кибитками и танурами...

Там открыты все окна двери все врата...

Гость путник входи! Тебя встретит щедрая хозяйка чума...

Там всех взяла удушила съела чума

Там одна чума

Коко ты одна в кишлаке еще жива

Коко где ты спряталась где ты таишься? А?

Коко где кибитка твоя?

И я бегу по мертвому кишлаку и заглядываю в каждую кибитку и там на одеялах-курпачах дико разметавшись раскидавшись как влюбленные в ночи любви удушенные укушенные чумой лежат лежат лежат

Чума, смерть — ты похожа на любовную страсть...

И у смерти и у страсти судорога дрожь последняя одна... А?..

А, Аллах?

Но! но! но!

Коко где ты? где кибитка твоя?

Коко я люблю тебя! я спасу тебя!

Коко огня любви боясь бежит чума!

Коко — любовь единственный мортус-апостол цельитель врач!

Коко! любовь — чумы палач!

Коко где кибитка твоя?

И тут я вижу следы на снегу и они ведут к окраинной кибитке.

И над кибиткой стоит китайский змеинный сухостойный высохший карагач, как исполинская небесная забытая метла.

И все кибитки распахнуты, ибо там мертвецы, а эта кибитка закрыта и дверь грушевая резная с письменами из Корана наглухо изнутри закрыта

И я читаю письмена на двери: Аллаху Акбар Аллаху Акбар Акбар

Коко отвори! Коко я люблю тебя!

Но она молчит там и дверь недвижна глуха

А окно кибитки из толстого дымчатого самаркандского глухого беспробудного стекла

Коко отвори!

Коко я люблю люблю тебя!

Коко я врач целитель на раны язвы сапфиры лимфы избыточные реки в наводнение твоя твоя твоя! Айя!

И тут я ноздрями чую дым и чад.

Тогда закрыв глаза руками, чтобы уберечь хрупкие глаза — хотя зачем мне теперь глаза? а Аллах? — я бросаюсь на стекло на окно и оно глухо трескается раздается и тысячами брызг осколков огненных течет и мне руки жалит рвет и сыплется искрами в лицо.

Зачем мне руки теперь и лицо а Аллах?

О!..

И окрест темно а в кибитке светло.

Светильник-чарог керосиновый горит что ль?

Нет.

Светильник-чарог керосиновый лежит на земляном кишлачном крестьянском полу

Он пуст. Пуст он.

Коко ты вылила из чарога керосин на себя

Коко ты подожгла себя как зороастрийская согдийская посмертная жена

Коко ты горишь как большая свеча как живой светильник-чарог, который зажигают на больших праздниках-туях, чтобы всем было светло

Коко какой праздник сейчас?

Коко зачем ты зажгла себя?

И я бросаюсь на нее в огонь ее, но она бежит от меня

и

Коко пусть будет два чарога

Коко дай мне от твоего огня! Возлюбленная моя!

Коко но зачем ты зажгла себя?

...Но она извиваясь как каменная куница бежит от меня из кибитки прочь чрез разбитое окно и я бегу за ней

Поздно...

Коко возлюбленная моя зачем зачем ты сожгла заживо себя?..

Поздно...

И над ее окраинной кибиткой стоит как исполинская небесная метла китайский высохший змеиный густой карагач карагач карагач

Айя!

Поздно...

Коко! возлюбленная моя! живой блаженный текущий бегущий сноп огня!

Коко и ты бежишь восходишь течешь по чешуйчатому стволу карагача и нижние сохлые ветви сразу с ходу занимают охватываются от тебя а потом и другие ветви долгожданно радостно горят а потом и ствол несметным пламенем облит облит объят

Поздно...

И несметный в ночи пылает сухостойный ликующий Карагач-пожар... Айя...

Коко возлюбленная моя зачем ты зажгла себя?

Тогда тихий голос из пожара сказал шепнул лизнул как язык огня:

— Возлюбленный мой я сожгла себя, чтобы чума со мной ушла.

Возлюбленный мой так сладко так блаженно мне гореть ведь я чума ведь я смерть навек ухожу от тебя тебя тебя

Возлюбленный мой! Безвестный путник! но ты так и не сказал мне имени своего!

Возлюбленный мой! прощай! я тороплюсь... и ты не успеешь тут сказать имя свое... но ты скажешь мне свое имя там там там там... там... в вечных садах где не бродит смерть чума... Ай! Аллаху! Акбар!.. Аллаху Акбар... Аллаху Акбар...

...Поздно...

Коко-Мехрдад!
Возлюбленная моя...
И...

...И Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель сидели у подножья несметной горы близ родника Чашма и пили воду его и ели горячие лепешки, опуская их в ледяной родник ледниковый.

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Много есть на земле яств, но нет ничего лучше ледяного родника с горячей лепешкой.

И нет ничего слаще на земле любви между мужем и женой.

И жена — это родник лепетный, а муж — жаркая пышущая лепешка из придорожной чайханы, из горячей печи-танура... да!..

Тогда Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, вы рассказали о Коко-Мехрдад и возлюбленном ее...

Тогда Ходжа Зульфикар остановил его:

— И это было во дни Тирана Музаффара-хана, а тогда было много смертей несправедных.

И это было во дни Тирана, а во дни такие Смерть — частая гостья и хозяйка великая. Ибо Тиран — это и есть Смерть-хозяйка всевластная...

А где смерть — великая частая гостья и хозяйка, там и любовь великая гостья и хозяйка.

Как неразлучные близнецы они кочуют по земле Тирана, по временам его слепым.

А чреваты бездонны зыбки, как пустыня Кызыл-Кум
Времена Тирана!.. да!..

Ибо когда давят виноград — он рождает вольное веселое вино

Ибо когда давят пригнетают истребляют изводят народ — он рождает великую вольную бессмертную любовь... да, Касымджон-Стебель сын мой!..

— Отец, ата, вы рассказали о Коко-Мехрдад и возлюбленном ее.

Но Коко-Мехрдад ушла не узнав имени его.

Отец вы сокрыли имя возлюбленного ее.

Отец кто он?..

...Тогда Ходжа Зульфикар поднял голову и долго глядел на несметную гору у подножья которой они сидели на траве вешней у родника Чашма.

Гора была вся в густых арчовых кудрявых клубящихся непролазных лесах лесах лесах.

Гора кудрявая была как голова дальней Коко-Мехрадад.

Коко иль голова твоя довременно утихшая кудрявая несметно рощами арчовыми взошла явилась проросла? а?

И там в рощах клубящихся густых пела летала птица редкая — арчовый дубонос витала там.

И Касымджон-Стебель сказал:

— Отец вы знаете эту гору?

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Да. Это Хан-Хабриза-Буса. И мы пьем воду ее ручьев и родников и она чиста.

И чисты ее леса.

И ее птица — арчовый дубонос — певуча и чиста.

И только черен печален пень обгорелого китайского карагача...

И только черен печален пень обгорелого китайского карагача...

А тогда сухостойный карагач пылал...

Сын тебе сказать имя возлюбленного Коко-Мехрадад? Того который не сгорел не взошел с ней а остался тлеть на земле...

— У вас рубиновый святой шрам рубец от той незабвенной согдийской серьги горит на ноздре... Я только сейчас увидел ее отец... У вас другие шрамы ожоги рубцы сокрыты в белопенной бороде...

— Тебе сказать то имя, сын?

— Не надо отец... Но как чиста и прекрасна и сладка вода в роднике...

Я пью пью пью пью ее отец отец отец отец отец отец...

Блажен!

...Коко зачем?..

Коко я скоро навек насмерть приду к тебе...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕРВИШ

О Аллах! В последние времена явится последний дервиш Азии!

О Господы! В последние времена явится последний юродивый Руси!.. Да!..

Вот он!..

Вот он стоит на дороге между Бухарой и Самаркандом у старинного мазара-кладбища Чорбакри-Мазари!..

— Дервиш последний, это ты? как имя твое? кто мать и отец твои?..

— Я Ходжа Зульфикар. Я последний дервиш Последних Времен...

О Последние чреватые Времена! Сладкие! Времена утеснения смешения кишаших кочевых бродячих бесследных безъязыких безбожных народов!

И ранее были блудные сыны, ушедшие от отчих домов своих, но тоскующие о них, а теперь стали блудные народы-сироты, которые и не помнят домов своих.

И мать моя была Анастасия из города Новгорода Новгорода, а отец Ходжа Касым из города Бухары.

И потому в Азии я последний дервиш Бухары Ходжа Зульфикар, а на Руси последний юродивый Тимофей — Измигул.

И потому тянут влекут до смерти до раны душевной меня саманные глиняные безымянные кибитки Азы родины моей

И потому тянут влекут меня до хрусткой боли маеты в костях сырых моих кривые хмельные самогонные мшистые избы Руси родины моей.

И в кибитках солнечных сыпучих ждут странника пророка Пайгамбара Мухаммада и оттого курят анашу слезную

И в избах дождливых зябко дрожко ждут странника пророка Иисуса Христа — и оттого пьют матерно темно горько слепо

И потому плачут очи мои от брошенных церквей галер кораблей Христа и порушенных мечетей пирамид мавзолеев стоянок шатров караван-сараев домов Аллаха

И плачут два ока глаза мои

И потому плачут страждут точат оба ока мои — одно по Руси, моей, другое по Азии моей...

Гляди — один зрак мой голубой дымчатый васильковый лазоревый веселый русский, око любви, око войны, другой — сизо-черный бездонный сливовый глаз таджикский... око мудрости...

И оттого люди тешатся надо мной:

— Эй, разноглазый!.. Один глаз твой глядит на Новгород, другой — на Бухару!.. Эй, мул, лошак двойкий! Ты кто: лошадь или осел? Азиат иль русич-русак?..

Я не лошадь не осел но человек! я дервиш Ходжа Зульфикар.

Но имею от лошади и от осла несметный косматый ствол-зебб вольный беглый неистовый как лошадь и стойкий тугой налитой упорный как осел.

И вот дервиш Ходжа Зульфикар стоит на дороге между Самаркандом и Бухарой у старинного мазара-кладбища предков шейхов своих Чорбакри-Мазари

О шейхи шейхи кости предки безмолвные мои!

И вы лежите под сонными плитами письменами прощальными и все ваши пергаментные постные бесплотные молитвенные жизни и все ваши упования ныне в бешеном текучем стволе-зеббе моем! айя!

Да Аллах да!..

И!.. О!.. Что?.. О!..

И близ мазара-кладбища особенно яро вопиет восходит восстает в бедных моих бухарских сасанидских древних туманах-шароварах раздвигая разбивая расширяя руша их ствол мой!

О кладбищенское ярое несметное древо мое! о надгробная святая чинара арча тутовая шелковица в ветхих карбосовых рухлых тщих шароварах-туманах штанах моих...

Йййи!..

И Ходжа Зульфикар вспомнил, как в дальнем детстве они с отцом Касымом-Истад-ата ловили рыбу на реке Аму и нежданно выловили вытянули на берег несметного тьмового вороньего сома и как он вился бился на илистом берегу и как долго убивали усмиряли его камнями отец и сбежавшиеся дехкане из приречно-го кишлака

И долго били камнями сома и пришел вечер и не могли убить его и пришла ночь и тьмовый сом слился

с ночью и не могли убить его и во тьме вслепую стали избивать друг друга и долго долго долго колыхался уповал он на ночном жемчужном брегу святой реки Аму...

И долго колыхался сом тот незабвенный...

О...

И ныне колышется уповает он в мозгу моем, в котором уж ночь...

О...

Но! Аллах повелевает дервишу жить лишь молитвой постом и милостыней! да!..

Но!..

Аллах но как унять усмирить укротить этого неистового амударьинского бешенотелого тяжкого сома в бедных туманах-шароварах моих?.. И от него дрожат мятутся подламываются согбенные ноги мои...

О Господи! как усмирить этого сома несметного вьющегося среди бедного мазара-кладбища немых уповающих предков шейхов моих моих моих?..

Сом сом что пришел ты на кладбище это? и мечешься бьешься алчешь над плитами камнями святыми?

Разве тут воды-заводы твои? Разве тут река-жизнь?..

Тут иссохшие молитвенные камни плиты смерти, живой сом мой...

И ты тут ищешь воды свои?.. Ты ищешь дев жен своих?..

...Мулла мулла Набби-Амак Абу али ибн Сина дней моих целитель дай дай твою сухую скудную бритву обрезанья дай!

И почну ножом святого сома моего и окроплю оболую кровью щедрой кудрявой пьяной молодой тучной моей я безысходные камни плиты мазара этого! я Аллах! я залью живой жизнью своей твои святыя камни... да! да! да! да!..

Мулла мулло да мало узкой каратегинской ловкой ласковой шелковой бритвы твоей! мало мало! дай мне дамасскую скорую широкую саблю твою тайную! дай кашкадарьинский арбузный гневный палаческий меч твой! дай чтоб сом мой кровь излил на камни всех мазаров всех кладбищ! ай!..

Ходжа Зульфикар дервиш иль ты накурился полуденной термезской августовской знойной дьявольской анаши-банга? после которой человеку на земле ничего не надо кроме прохладного последнего кафана-савана?

О Аллах! иль Ты хочешь чтоб кроткая бритва обрезанья стала мечом саблей оскопления дервиш? блаженный мой Ходжа Зульфикар... Иль?..

Но! но вот он стоит на дороге между Самаркандом и Бухарой у старинного мазара-кладбища Чорбакри-Мазари...

Вот он стоит последний дервиш Последних Времен Ходжа Зульфикар-лошак...

Вот он стоит в святой пыли прахе древлей дороги, вот он стоит в сиреновой последней бухарской чалме дряхлой и дряхлой последней рубахе-хирке, рубахе суфия-монаха дорог и в последних сасанидских туманах-шароварах. И ноги желтые абрикосовые последние его наги босы...

Дервиш где дом твой?

Дервиш семья твоя?

Дервиш Ходжа Зульфикар где родина твоя? где язык твой? где имя твое?

Змея где кожи твои жемчужные летучие шершавые забытые на песчаных солнечных отмелях Аму-Дарьи Герируда моего?.. Утренний алычовый ветер развеял унес их... Где?.. И...

Я забыл дом мой. И дувал свой и камень свой.

Я забыл семью мою.

Я забыл родину мою.

Я забыл Русь и Азью мою.

Я забыл язык мой.

Я* забыл имя мое.

Я только помню Бога моего...

Я только жемчужный перламутровый пергаментный саксаульный безымянный бродячий куст у дороги.

Куст ты мертв?

Ходжа Зульфикар и только что ты стоял млад яр и сом твой бился вился метался средь каменных клад-

бищенских усопших плит уповал в ногах в туманах-шароварах неистовых твоих и вот уж ты стоишь как усопший саксаульный куст у дороги.

Дервиш где сом твой? что гулял витал по мазару?
Дервиш где молодость твоя?..

Господь мой что? где? куда? когда? молодость моя?
А?..

И усопшая палая бабочка «павлиний глаз» лежит в августовских русских травах лепетливых полевых и ветер тревожит полощет крылья безвольные ее и крылья трепещут, как живые, но бабочка мертвая...

И бабочка палая мертвая а крылья льются от ветра как живые

Я, Господь мой?..

Но!..

О Аллах!

Я последний дервиш Азьи Ходжа Зульфикар стою на дороге между Самаркандом и Бухарой у старинного мазара кладбища Чорбакри-Мазари

Чорбакри-Мазари

И я молод и яр в дряхлой рубахе-хирке и в сасанидских карбосовых туманах-шароварах своих и в сиреневой бухарской последней святой чалме своей.

Дервиш отрок что молодость твоя? что молодость человека? что волна шипучая бегучая и вот она вильнула уперлась плеснула в каменистый берег и ушла...

Молодость — это весна, а шейх Баязид сказал, что «весной даже летучая хрустальная лазоревая изумрудная стрекоза мечтает о малиновом рубиновом зеббестволе неугомонного погромного осла... да!..».

Отрок слышишь как шумит в ночи горная река в камнях в руслах излучинах своих?

Отрок закрой глаза свои и прислушайся к телу своему — и ты услышишь как шумит семя твое в жилах в руслах твоих, как ночная неостановимая река река река...

...Да!

Молодость — это тайный гон бег семени твоего

Молодость — это река горная семени твоего человека

И пути молодости твоей — это пути семени вольного твоего

И странствия молодости твоей — это странствия кочевья слепого твоего зебба-странника.

...Господь я молод и странствую по путям семени моего, по путям коня сома осла моего

Да Аллах мой! эти пути стыдливы сокровенны но они идут чрез древние немые мазары кладбища и без путей этих остановится жизнь и дыханье на земле...

И всякий отрок обречен и идет по путям этим... да!

И вот молодой дервиш Ходжа Зульфикар стоит на пыльной дороге у мазара и обеими руками хочет усмирить унять неистового сома своего но не может

И тут проезжает является колышется на безумной пылкой пыльной ферганской арбе молодая медовая чародейная белая как самаркандская халва вдова ворожея четырех усопших мужей Арриа-Сорейя из кишлака Чор-Руд

И она видит усилья молодого Ходжи Зульфикара и кличет верещит страждет мается с арбы:

— Эй, неопытный рыбак, ты не поймаешь сома своего! Давай я помогу тебе как я уже помогла четырем усопшим мужам моим! Айя! И они лежат на этом мазаре и ждут меня! И я пришла к мертвецам моим а встретила возлюбленного моего! о...

Эй Ходжа Зульфикар у меня есть сладкая мардушка-ловушка-сеть пленица для бешеного сома твоего! Я улвлю и укрошу его! Иди сюда, дервиш!..

...Арриа-Сорейя! Аллах повелевает дервишу жить молитвой постом и милостыней!..

...Дервиш и ты протягиваешь руку нищей милостыни вместо того чтобы одарить меня сомом радости?

И с таким сомом ты молишь о милости? И с таким буйным зеббом ты протягиваешь нищую руку?

Иль не знаешь молодых ярых дервишей, которые кормились лишь своим бродячим блудным бешеным со-

мом, щедро наделая ублажая орошая им лона одиноких солончаковых дев, вдов и жен?.. О! Арык на песок пришел...

О твой гладкий шелковый рьяный огромный желудь!

Гляди — и он на глазах моих и твоих восстает несметным дубом!

Гляди отрок!

Дай мне взойти на дуб твой!

На тутовник на тут твой мусульманский обрезанный дай мне взойти сахарным мраморным телом!..

И я объемлю ненасытное твое кишашщее как лесной муравейник древо твое!..

...Вдова но тут кладбище мазар святых шейхов?!..

...Дервиш, могильные немые плиты — самые нежные сладкие заветные ложа постели! и усопшие шейхи что всю жизнь постились и убивали свою плоть из-под плит так шепчут! так дышат! так уповают! так надеются! так воспоминают так млеют тлеют!..

И загробные зауспокойные плиты содрогаются сотрясаются зыблются колеблются... Как ложа жен-изменниц...

Идем дервиш свершим святое соитье-совокупленье совпаденье продолженье

И на каждой плите быстрое текучее сладкое ложе гнездо любви сотворим затеем!.. И окропим все плиты семенами перламутровыми сомлелыми веселыми все-ленскими

Дервиш слышишь как шейхи мученики аскеты суфии оттуда под плитами ходят таятся тлеют маются надеются?

И ты хочешь отнять у них загробную надежду?..

И когда говорила шептала сошла Арриа-Сорейя с арбы и обронила сняла собрала сорвала с тела своего свирепого все долгие одежды и нагая пришла к дервишу и прильнула припала аки к роднику к его лицу телу и умело объяла укротила усмирила то что не мог двумя хваткими руками унять удушить дервиш дервиш дервиш

И они пошли неразлучные по кладбищенским иссохшим плитам и содеяли на всякой плите

...И тогда дервиш сказал Арриа-Сорейе:

— Вдова ты свела проводила четырех мужей загнала под сии загробные безысходные плиты и я не хочу быть пятым мужем и сходить под сии плиты ибо Аллах не под кладбищенскими плитами а над ними.

Она сказала:

— Аллах всюду. И над плитами и под ними.

Но отошла от Ходжи Зульфикара при имени Аллаха.

И она тайно рыдала в ночи и говорила шептала:

— И я пришла смиренная к мертвецам моим а встретила безумная возлюбленного живого моего...

И прошел день утех день плотских вожелений свершений сластей телесных и пришел вечер молений.

И ушел вечер молений и пришла Ночь Плеяд и сна

И пришла ночь Плеяд особенно ярких жарких над кладбищами-мазарами

И пришло утро яви и пробужденья и молодой дервиш Ходжа Зульфикар проснулся на росистой чьей-то заупокойной тленной плите безымянной изрезанной вечными письменами Корана

И тут он увидел убогое древнее забытое кладбище пустынное немое и вспомнил чародейную вдову-ворожею Аррию-Сорейю и ласки ее и тело ее пенное бурное речное горное и стал искать ее но не нашел ее.

Ибо ночной самум пришедший от пустыни Кызылкум сокрыл навек след арбы ее.

И Ходжа Зульфикар вспомнил Арриа-Сорейю среди немного заброшенного сиротского тоскливого унылого мазара и зарыдал:

— Арриа-Сорейя ты унесла навек чудящего творящего летучего искрометного гонного пенного сома моего? ты унесла навек молодость мою? ты унесла навек любовь мою?

Уйю!..

«

И Ходжа Зульфикар рыдал среди мазара среди немых мертвецов, потому что Арриа-Сорейя вдова летучая была любовь его.

И он пошел по дорогам кишлакам городам народам племенам языкам очагам и искал ее, но не нашел.

О Аллах!.. Вот горец-дехканин бредет по горам с вязанкой сухостойного хвороста для очага своего

О Аллах! И Ты даешь всякому человеку вязанку дорог на плечи его, как вязанку хвороста.

И горит хворост в очаге моем и горят дороги мои.

И горит жизнь моя мимолетная вязанка сухих веток-дорог на плечах моих...

И горит чадит костер на спине моей на плечах моих.

И я ношу на спине моей костер дорог моих... да...

И Ходжа Зульфикар брел и горели дороги его и искал он Арриа-Сорейю любовь свою и не находил.

А она искала его по земле и они шли друг за другом и в иной миг были в нескольких шагах друг от друга и спали в одних рабатах и караван-сараях, но не знали, но не суждено им было встретиться тут.

Так совершили они земной круг, идя в пыли дорог друг за другом и не зная.

Тогда он сказал:

— Арриа-Сорейя возлюбленная моя! Я буду ждать тебя там, где кончаются все дороги и куда приходят все люди.

И если мне не суждено увидеть тебя в живом платье — то увижу тебя возлюбленная моя в мертвом недвижимом кафане-саване.

Но пусть подоле носится мечется по грешной земле пыли твоя грешная святая арба Арриа-Сорейя блаженная любовь моя!..

И ветхий деньми и дорогами дервиш Ходжа Зульфикар встал у мазара Чорбакри-Мазари, ибо вязанка дорог его сгорала уж...

И костер дорог сотлел на кочующей согбенной спине его...

Тогда!..

Тогда она явилась...

Та арба...

Та Арриа-Сорейя...

...Возлюбленная моя! Арриа-Сорейя моя! я искал тебя по всей земле моей! я всю жизнь мою потратил на поиски следов твоих!

И я нашел тебя возлюбленная моя

И я встретил тебя возлюбленная моя
И пылит в душе в очах кочевых слезных моих арба
твоя возлюбленная моя

И пылит арба твоя святая соринка вечная на дне
слезных очей моих

И я искал тебя и на это ушла жизнь моя возлюб-
ленная моя

И я прошел круг земной свой и искал тебя и на
всех кладбищах мазарах искал тебя и на всех мазарах
яро восставал вспоминая ярый сом мой Арриа-Сорейя
возлюбленная моя ибо после тебя только на мазарах
я мог любить жен моих

И вот я встретил тебя

И вот пылит в знакомой тучной пыли сладкой как
белый ходжентский изюм арба твоя

Только ты в саване возлюбленная моя

Только усопшие волосы твои белее савана возлюб-
ленная моя

Только ты мертвая возлюбленная моя

О Аллах иль этой встречи искал жаждал я?

О Господь мой что в такой одежде явилась любовь
моя?.. Айя...

...Но Аллах сказал: сколько поколений уничтожи-
ли мы?

Найдешь ли ты хоть одного человека, который бы
остался от них?

Слышал ли ты самый легкий шепот хотя бы одного
из них?

А, раб?

А, Ходжа Зульфикар?

...Да Аллах!.. Слышал!.. Я слышал как шейхи муче-
ники загробные шептали дышали из-под плит, когда я
возлюбленную свою Арриа-Сорейю ублажал на гробо-
вых плитах окроплял!

Да Аллах! Слышал!..

Айя!.. Тогда Арриа-Сорейя отворила усопшие даль-
ные пергаментные песчаные замогильные белесые
слепые уста:

— Ходжа Зульфикар возлюбленный мой...

Я пятьдесят лет искала тебя по земле... И нашла...
Возлюбленный мой... Прости что я в саване при-
шла...

А все платья мои я на дорогах избила износила
извела...

Прощай... Возлюбленный мой похорони меня упокой
меня...

Возлюбленный мой... я твоя блаженная посмертная
счастливая жена... Уай... Уа... Уа... Аллаху Акбар!..

Аллах велик как небеса

А человек как земля мал

Да!..

ЛЕГЕНДА О СЛИВОВЫХ МОНАХАХ...

Юродивый святой Руси Тимофей-Измигул сказал:
— О Господь мой!

Блаженный Павел Апостол сказал: Ибо слово о
Кресте для погибающих — юродство есть!

Ибо написано: Погублю мудрость мудрецов и разум
разумных отвергну! Где мудрец? где книжник? где со-
вопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость
мира сего в безумие?

Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в
премудрости Божией, то благоугодно было Богу юрод-
ством проповеди спасти верующих...

Но где юродивые на Руси сей?.. Я последний юро-
дивый Руси Тимофей-Измигул...

Да Господь мой! мой ивовый печальный осенний
Господь мой...

Но после той Войны, когда будут гореть рыдать
сникать чадить камни — все живые станут юродивы-
ми... да...

Я стою в новгородском осеннем сквозистом поле
поле поле

Я последний юродивый Последних Времен Тимо-
фей-Измигул

Сладко Отче в осеннем чистом вседальнем тихом
нежном струистом поле где только витают серебряные
перламутровые жемчужные паутины целебные пелены
кружева

Господь запеленай меня в осенние летучие пелены
паутины свои полевые! ай!

Но мучает меня тишина Руси этой и слова владык
князей нынешних властителей безбожников о жизни
и мире

И палачи опричники хлопчут ратуют за отмену смертной казни громогласно, но если отменяют казни — куда пойдут руки и ноги их, что привыкли ступать по людям живым?..

Но мучают меня в поле вечном этом слова Апостола Павла: Егда все рекут мир и утверждение, тогда нападет на них внезапно всегубительство...

О Господи не мучь ухо мое обморочным миром тишиной болезной сей! или гробовыми саванами пеленами паутинами сетями тихими этими запеленной обвей забей чуткое ухо мое!

О Господь мой что я вижу как горят не леса не травы не звери а камни горят

Господь мой что слышу тайный глас огня что ест поглощает гложет камень?

И стоят времена царя Иоанна Грозного как лютая зима...

О последние человеки! и вы учуете узнаете дух горящих камней который никогда не знала ноздря человеческая.

Но зачем Господь мой!

Иль так велики грехи наши что запылают и камни? иль?

Русь иль не осталось праведников что спасут уберегут тебя от огня вызвав милость Господа нашего?

Русь иль изошла изникла в бесах в палачах в опричниках в вине хмеле? в сквернословии как чистый лес в могильных засохших дубах?

Русь! я устал любить жалеть тебя... я ухожу... прощай...

Господы! отпусти с Руси... Пожалей мя... пожалей...

Погоди певец!

Куда ты баловень полей?

Иль не веет в душу Русь былых алмазных бело-стенных чудовых монастырей?

Иль не веет не сквозит не говорит не лепечет в душу неоглядную русскую вольную Русь былых церковей монастырей?

Иль не кличут тебя души русских монахов да царей?

Кличут Господь мой! да оттого душе моей одинокой в веке нынешнем больней...

Господы! отпусти мя! пожалей... отпусти к колодцам Азии моей... Ей-ей!..

Где монастыри? где церкви белы лебеди? где монахи чернецы? где цари пророки апостолы Руси моей?

Господы! в земле они! во прахе неисходном! в холодной летучей ползучей тле золе...

...Нет певец! они в душе твоей! ей-ей!..

Тогда!.. О Господи пожалей!..

Ой Господь мой! я скажу легенду о последнем на Руси монастыре...

Ибо в Последние Времена явится и последний монастырь на Руси

Ой сливовые ивовые монахи!..

Ой был стоял во граде Печоре близ Пскова последний русский монастырь

Ой было в монастыре том двадцать последних монахов-чернецов и владыка их молодой ярый игумен настоятель Андрей

И еще был тучный неистовый сад слив и яблонь в монастыре и он кормил питал последних тихих монахов.

Но!

Но властитель хозяин князь града Печоры Степан Иоанн Безбожник мучился от монастыря сего, как от зуба томящего больного, потому что был он последним монастырем на Руси и князья безбожники Руси таили роптали на Степана Иоанна за монахов-чернецов его.

И не знал Степан Иоанн как мирно извести избить изгубить монастырь с обитателями его, чтобы не смущали они его родной чистый безбожный град Печору и Русь всю изгнавшую Христа.

Он мог кликнуть гонителей-насильников опричников на монастырь, чтобы те срыли навек стены его и зарыли заживо обитателей его, но князья запрещали ему.

А говорили:

— Изведи монастырь скверну нечисть сию мирно! без насилия!

От насилия Русь устала и отдыхает ныне от явных палачей опричников! а полна тайных...

Излечи чирей нарыв сей на чистом теле Руси не

пожом а травами! зельем мирным! отварами тайными!
Чтоб рассосался сам без ножа на теле блаженной
Руси...

Иль не знаешь зелий таких?..

Но Степан Иоанн не знал такой травы, такого отвара-зелья и оттого мучился и страдал бессонницей и часто в ночах бродил окрест кроткого белого монастыря, не зная, какую беглую пожирающую хворь, чуму тлю огонь тайно наслать на монастырь, чтоб неслышно опустошить его.

Но не находил.

Тогда его дочь восемнадцатилетняя Агата-Ночь, которая любила его и видела муки его, решила помочь ему.

И извести последний на Руси монастырь на Печореграде.

И в ночь августа-серпеня-густаря, в ночь Владимира Крестителя святого, в ночь когда самостийно падают первые яблоки белого налива и лазоревые сливы монастырского сада в садовые травы, когда Господь осыпает землю скоротечными алмазными звездопадами, Агата нагая явилась под луной и летящими избыточно звездами на монастырской высокой древлей стене.

Агата родилась осенней долгой ночью, Агата вышла из чрева матери ночью и потому любила ночь и страдала бессонницей и часто бродила в ноши и звала себя Агата-Ночь.

И теперь она шла по стене нагая нагая нагая и долго шла и у нее волосы агатовые бешеные несметные роящиеся как ночной лесной муравейник кудрявые смоляные запальчивые были а тело сметанное сахарное гуляющее ленное бездонное тело девственницы первое было

Она впервые нагая была и радовалась гладкой яблоневого мраморного наготы своей и хмельная тугая избыточная была от наготы неистовой вольной своей а соски сосцы ее были как сливы лазоревые что падали в садовую траву а груди были а лядвии спелые были как яблоки белого налива-наплыва, что впервые тайно в садовые травы с дерев обрывались опускались окунались

...И тут явился вышел первый монах чернец Епифаний под белокаменную стену монастырскую и она сказала:

— Отец! Смотрите — сегодня ночь когда падают первые тучные яблоки и сливы и звезды божии падают...

Смотрите — мирозданье как сад изнемогает!

И падают яблоки и сливы и звезды и девы-девушечки белого налива падают монах отец возлюбленный мой падают падают падают... изникают изнемогают...

Отец пожалейте! помилуйте! поймайте!.. не оставьте...

И она спелотело пала со стены монастырской на перезрелые дрожащие руки-длани монаха Епифания пала и она нагая и он в тьмовой вороньей бедной ветхой рясе и она нагая девая и она сказала шептала:

— Отец! я нагая! мне холодно холодно! дайте мне вашу рясу-ограду!.. Отец я от девства своего устала! — и она стала трясти шатать его как перезрелую яблоню и она разорила собрала совлекла с него прелую пряную рясу и они вначале кротко устыдились а потом яро усладились усмирились в травах и на них тайно тяжело слезно палые яблоки и сливы и звезды падали... засыпали их... засыпали...

Ой ли?..

Ай ли?..

И она прошла чрез рясу его монаха, а он прошел чрез ее девство, как чрез черемуховую ограду...

— Господь мой! Прости им...

— Прощаю сыне... прощаю... прощая...

А утром нашел непролазный татарский туман от псковских древне-русских лесов на печорский монастырь и объятый туманом а еще более объятый уязвленный бабьим телом плотским плотяным нижним дурманом монах Епифаний навсегда покинул пристань обитель юдоль свою и ушел в мир, канул в суетное море житейское.

А потом вослед за ним польстился на ночное открытое безвозвратное тело Агаты монах Евстафий-голодарь-рясофорник, а за ним отец Афанасий-столп-

ник, а за ним отец иеромонах Фома-книжник и другие вослед.

И не стало монастырской былой беглой братии.

И опустел обмер потух последний монастырь-свеча-лампада на граде Печоре и на всей Руси, аки гнездо покинутое.

И остался в монастыре один настоятель игумен Андрей-бездомовник, что дал обет молчания.

И он не знал о бегстве грешных братьев своих и маялся от неведения и не знал какой бес посетил опустошил монастырь...

А уж стоял сентябрь-вресень и шел северный ветер-сиверко и слива брошенного монастырского сада вся пала тучная кривая хмельная в траву и там была ледяная дымчатая дымчатая дымчатая сиротская скользкая мякляя медоточивая ненужная постылая. Одинокая.

И однажды ночью одинокий игумен Андрей шел ступал по палым лазоревым тучным мутным сливам и луна вышла из ветреных туч и облила обдала обхватила обсыпала зябким перламутром-жемчугом сливовый тяжкий нагой одинокий сад и нагую дрожащую Агату бродящую одиноко на монастырской высокой стене.

И тогда игумен Андрей понял куда ушли монахи и кто был бес-совратитель, но маялся он и мычал как зверь в ночи, ибо не мог говорить ибо дал обет молчания, но мычал и стонал глядя на Агату.

А потом взял с земли садовый шест-андрон, которым спелую сливу сбивают с дерев, и посек побил ударил тем андроном Агату по молочным лунным ногам что дрожали от хладного ночного осеннего ветра-чичеры, который уж осенний первый снег уже нес...

...Ай Господи устал я от сказанья этого от печальной легенды песни этой... Да жаль мне сих человек... Да изболелась дрожь-душа как тело нагое Агаты от ветра-чичеры...

Но дале говорю... Я блаженный юродивый Тимофей-Измигул...

И побил подбил игумен кроткий Андрей-бездомовник андроном Агату по ногам и она подкосилась неверно

тяжко подломилась и упала слепо шатко со стены на землю и там на сливах палых сломала обломала убила обе ноги и стала звать на помощь в ночи.

Тогда игумен Андрей закричал люто:

— Господь мой! прости мне! помилуй овчу эту! Покарай меня убивца слепого лютого!

Покарай меня Господи Господи покарай мя! раздави меня как палую сливу сию ступней своей праведной!

Покарай меня за гнев лютый волчий мой!

Господь мой!.. покарай изведи меня за заблудшую бедную овчу сию!..

И он рыдал и склонился над Агатой:

— Дочь дочь милая моя! прости меня чадо чадое мое! прости мя!

Но ты извела совратила последний монастырь Руси и опустошила приют мой! И если Спаситель вернется Русь болезную проведать, то негде ему переночевать нынче будет...

Дочь, но цена велика!

И что сломанные поверженные убитые ноги твои когда душа погублена твоя? дочь моя?..

И он взял андрон дряхлый шест на котором были ветхие гвозди чтобы сливы высокие со ветвей рвать доставать и стал гвоздями неслышно легко упоенно рвать драть себе лицо и руки, но страдал над Агатой притихшей и своей боли не чуял, а только ее муку знал.

И взял ее на руки могутные тихие ласковые свои и Агата стихла на руках его как дитя, как стихала она в детстве на руках отца своего, хозяина Печорыгорода, безбожника князя лютого Степана Иоанна. (Вот так неправедные отцы убивают уморяют чад своих... да...)

И понес игумен Андрей тихую нагую Агату на руках своих целебных лучезарных сладимых и вынес за врата монастыря и пошел покорно по улицам города в дом князя.

И вновь замолк навек...

И вернулось к нему молчанье-немота его.

И бит был плетями и сослан угнан был в Сибирь на реку Вилюй ледовую косматую.

И там двадцать глухих лет валил рубил лес таежный на лесоповалах комариных кровяных и стал седым старцем но молчал все эти лета и дни.

И его принимали как немного и сторонились.

И через двадцать лет он вернулся в родной город Печору к родному монастырю своему о котором часто неслышно сладко рыдал в ночах вилюйских ледовых лесных...

Но за эти двадцать темных сиротских лет сливовый монастырский сад одичал и разросся несметно неоглядно и бросился метнулся как пес лютый чрез рухлые стены монастырские на город Печору, и от него на окрестности и на Русь всю. И залил заполнил Русь всю.

И был несмытный урожай диких тучных слив заброшенных лазоревых и жильцы Печоры гнали самогон сливовый душный необъятный и стал град Печора самогонный и стали окрестности самогонные бредовые дурные и стала вся Русь самогонная пьяная болезненная дурная как палая постылая сиротская слива, в которой червь бродит.

Но отец Андрей высоко нетронуто прошел чрез пьяные деревни и города и нашел монастырь свой и стал могутным топором деревья сливовые дурные вырубать и сад очищать от тли от хвори...

О Господи! помоги ему! помоги топору его!

Да что одинокий топор его в несметном запущенном пьяном саду хвори пагубе море?..

Что одинокая утлая ладья в кишашем море?..

О Господи!..

•

И однажды ночь была в саду монастырском древнем

И отец Андрей рубил валил топором гнилые мшистые деревья

И осень была

И чичера-ветер нес на Русь первые снега первые летучие хладные пряхи пелены кружева

И тогда отец Андрей услышал в ночи чей-то тихий плач

И подъял очи глаза

И там на стене порушенной палой низкой стене монастыря стояла она

И там стояла Агата в первых метельных снегах пеленах перламутрах кружевах

И она была в бедном плисовом полушубке и бедных лаптях

И она ныне ныне была вся седая как снега кружева а была была тогда тогда тогда тогда вся агатовая курчавая смоляная нагая вся была тогда

(О Господи! зачем виться кипеть и седым волосам? в седых младых снегах кружевах?)

И она была на глухих кривых бездонных невозвратных костылях

И она рыдала и чрез костыли шаткие руки дрожащие простирала поднимала воздымала к отцу Андрею необъятно руки простирала уповала

И она сказала:

— Возлюбленный мой... Я двадцать лет жду тебя в саду этом... Я двадцать лет жду тебя... Я той ночи жду... батюшка батюшко...

И она рушилась металась оседала с костылей на землю но отец Андрей не дал упасть ей.

И впервые за двадцать лет он разъял седые уста:

— Агата... Я двадцать лет валил рубил на Вилюе дерева кедры неповинные...

Но всякий раз, но всякий раз, когда древо падало — я видел как ты со стены свергаешься падаешь...

Возлюбленная моя... Прости мне...

Агата...

Здравствуй!.. Чадо очарованное!..

Вот и повстречались...

...О Господи! благослови сей сад с двумя Твоими человеками блаженными святорядающими

Блаже!

Вот и окончена легенда о сливовых монахах...

РУСИЧИ

Дервиш Ходжа Зульфикар закрыл сизо-черный бездонный сливовый глаз Азы... Око мудрости...

И открыл васильковый лазоревый глаз Руси... Око любви... Око войны... И вспомнил Русь — родину Анастасии матери своей...

Русичи святые!..

У них в крови: иль убивать иль быть убитыми.
Да...

Там в жилах их в недрах их скачут вьются тянутся монголы на кумысных скуластых смоляных кобылицах и бегут пешие ночные постельные холеные хоромные русские спелые творожные дебелие тяжкие пуховые княжны в алых кумачниках-сарафанах забытых...

Смоляные смятенные стыдливые кобылицы...

Алые палые на ночных зыбких травах сарафаны...

Сахаристые мраморные нагие бегущие княжны...

Монголы сходят со смоляных кобылиц и упадают прилипают вьют гнезда на снежных женах нагих

И они пили кумыс из сосцов ковыльных кобылиц

И они пьют из молочных сосков снежных цариц...

Аллах!.. Обереги их!.. Они человеки святые невинные Твои... И святые внезапные безымянные дивные чародейные жены их...

Да!..

И пришли Твои русичи — сыны кумысных смоляных монголов и млечных ночных на века испуганных кочевых беглых снежных цариц...

Но!

Но с той поры с той ночи жены Руси в страхе бегут текут грядут по иным народам, племенам, землям, языкам... неся тучные бессонные груди лядвей лона семена...

И ими залита земля...

Да!.. Господь! да!..

И одна из них жена Анастасия бежала ушла в Азью и стала мне мать матушка родимая моя...

И Русь как Азья стала родина родимая моя...

И необъятный вещий божий медовый снежный язык Руси стал языком моим...

РУСЬ ОПРИЧНАЯ

Двуострый меч!
Двурушный друг!
Полночный стук!
Голова с плеч...
Русь!..

ПЕЧОРСКИЕ ПОСЛЕДНИЕ МОНАХИ

Печорские последние душецелительные древние монахи
на русских неоглядных жемчужных ледяных снегах
снегах снегах

Печорские целебные черные таинники монахи рухлые
последние дряхлые едва стоят молят дышат тяжело
на русских рождественских святых неоглядных снегах

Монахи монахи последние печорские древние согбенные
ивовые старцы мудрецы вы колодези родники ручьи
врачующие целебные в песках

Но скоро вы истаете навек как талый полевой
апрельский снежный бегучий прах

И что? куда? зачем? без вас верблюжья русская
кочующая одинокая пустынная иссохшая душа?

Куда? к кому? прильнет? кто напоит усладит утолит
ея? что сирота без вас?

Но скоро вы истаете как снежный прах

А бывало — с сенокосов сеновалов спелых
деревенских жен в корзинах вместе с сеном золотым
медвяным проносили тайно в монастырь в святых
младых ночах

И сладили терзали истекали ублажали услаждались
до утра

И Христос всю ночь прощал прощал прощал...

ЛИСТОПАД В БЕРЕЗОВЫХ РОЩАХ

Рощи золота червонного
После листопада дольного
Стали рощами соборами
Храмами белоколонными
Византийскими
Исконными

* * *

Сбросив платья листопада
Сарафаны листопада
Златотканы златохладны
Белотелой роща стала
И нага затосковала
В ожиданье в ожиданье
Шубы снежных горностаев

* * *

Я ушел в дальные пустынные златодымчатые
златодремучие переславльские златистые соборные
студеные осенние рощи рощи рощи
И там возвел златой костер из золотых обвялых
опустелых дымчатых ветвей
Но горький чадный факел пламень светоч одиночества
Лишь ослепил меня рождая слезы у очей

ПЕСНЯ

Ой вы хвойные хоромы
В вас бы сгнуть на века
В вас уснуть бы навсегда
Да на тихих на холомах
Обворованы обломаны
Словно ветви май-черемухи
Плачут храмины Христа
Плачут сироты Христа
Уповают уповают
Русский божий человеце
Уповают на тебя...

АФАНАСИЙ АФОНСКИЙ

Святой покровитель строителей Авва Афанасий
Афонский могутнотелый
Пришел на Русь с афонским двуручным топором
блаженным
Чтоб укрепить освежить обновить поправить русские
древлие храмины церкви

Но увидел что у церкви стоят заброшенные опустелые
осиротелые рухлые угнетенные обреченные
Тогда Авва Афанасий во гневе забросил метнул в небо
русский топор тунный священный
И ушел в Афон согбенно одиноко опустело моленно
А топор упал с русских осенних бедных небес
на русскую бедную землю

А топор упал в русское дождливое поле близ
Переславля-Залесского
И ныне лежит там забвенный

О русский безбожный многоядный многогрешный
заблудший ветхий веселый пианый человеке
Иль не пойдешь в поле переславль-залесское
и не возьмешь топор блаженный
Иль ты навеки пьян и тебе далече?..

ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА

Животина моя животина русская скотина корова
плакучая в оводах в слепнях одна одна бродит
в сиротских пустынных полях полях полях
Животина русская моя родимая одна
А твой хозяин пастырь русский уж полвека иль убит
иль мертво пьян спит в конских необъятных щавелях
Животина ты одна в полях в бездонных беспробудных
лопухах в бурьян-батый-татарниках-травах
Но тут грядет крестьянка травяная в зеленом
изумрудном полевом лесном сладостном позабытом
тереме сарафане
И к одичалому вымени коровы животины ладно
смирненно умело спело склоняется припадает
И отгоняет сытых оводов слепней малиновых и сосцы
оглохшие сосуды заросшие одичалые землистые
очищает осиянными перстами омывает певучими
радостными брызнувшими просиявшими молокáми
Да кто ты крестьянка доярка цыганка странница
избранница

И она улыбается
И она Параскева Пятница
О Матерь!..

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ МИЛИКИЙСКИЙ

Он дал обет молчанья на Руси немой молчащей
Он дал обет молчанья на Руси опричной на опасной
Он брел монах молчальник в дальних переславльских
рощах тайных стародавних листопадных
Но листья падая слетая за него шептались маялись:
О как печальна Русь! Как люта слезна! Как печальна!..
И в голос он тогда завыл завыл заныл как баба
вопленица плачая плакальщица:
О Русь! О родина! О дщерь моя! О слезная! О хладная!
О как же ты печальна!
И падал горестно и жадно многожды в златопарчовые
бездонные постели листопадов
Николае...

ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Святой Авва Иоанн Лествичник муж скорбей в венце
молений и с высокой вольной как сторожевая
деревянная вышка Лёствицей
Пришел на Русь блаженную святую чтобы проведать
укрепить православный русский народ в исконной
древней сладкой вере вере вере
И поставил в суздальском осеннем поле божью
Лествицу поднебесную
И она взялась встала в русском поле как афонская
сарматская сосна греческая
И стояла в поле одинокая восходя за облака текущие
осенние
И воззвал в поле дождливом Святой Иоанн Лествичник
моленный
О русские люди! иль стали как муравьи земные а
не птицы небесные?
Иль в пианых косых немых курных избах забыли о
церкви о Боге о небе?
Но из изб из полей из неоглядных непролазных
дождей не было Иоанну ответа
А была только немь да хлябь да тоска кручина
полевая лесная бесконечная
Тогда древний старец Святой Иоанн задыхаясь маясь
умирая в туманном дожде взошел на верхушку
Лёствицы

И оттуда увидел всю Русь без единой лебединой
храмины церкви
И застенал зашептал устами старческими пенными
последними
О Русь да без церквей моих ты словно мать
роженица без грудей без сосков лиющих млеко
И чем питаешь новорожденное дитя? и чем утетишь
человека?
О Господи да как же Ты дозволил?
И с поднебесной Лествицы седой летучею главой
метнулся насмерть в горестное суздальское поле
Но был он ветх и сух но был он в вольном саване
хитоне афонском
И набежавший русский вечный ветер Его понес
над Русью бережно покорно
И поныне носит
О русский человеке подыми воздень небу очи
И узришь Лествицу небесную и летающего Старца
над собою...

* * *

В высокородных высокодумных старорусских икшанских
яхромских рощах
В высокородных уж объятых первым снегом пухом
березовых студеных рощах я брожу бездумно
скитаюсь бездонно многовольно
И душу омываю остужаю хладным ясным духом хладных
первоснежных роц роц роц
И язык гортань горло орошаю склонясь над лесным
ледовым чистодонным родником
Родник бежит струится ворошит палую золотую листву
Родник чрез палую листву золотоберезовую свою
сребристую текучую извечно жизнь влачит влечет
Я орошаю остужаю освежаю душу духом хладных
первоснежных ноябрьских роц
И легкие болезные мои забвенно пьют колюче
разрываясь услаждаясь смертно хладный ящий воздух
дух медовых хладных снежных роц
И палый лист золотой золотой золотой течет лиет мне
прямо в душу от серебряных берез берез берез
И палый лист золотой летучий летит мне в душу
со серебряных берез

И палый лист золотой лиется в душу со серебряных
берез
Лиется в душу лист золотой серебряных берез берез
берез
И среди рощ осенних серебряных хладных
так смиренна одинока тихая душа
И среди рощ объятых первым кружевом снегов душа
как брошенный колодец позабытых деревень Руси
забытой бездонно тайно глубока
Так вся отверста кротка глубока первоснежная душа
моя
Что палый лист золотой летит летит летит
с серебряных берез мне в душу
И не может пасть и найти дна

* * *

Златая дрожь гостит бежит в высокородных дымчатых
осенних переславльских золоторощах
Сыра земля приемлет падающий бродильный винный
сладкий лист
Потом из дивного перебродившего перегнойного
палого хмельного трупа златожелудя
Младой дубок задумчиво кудряво простодушно
заструится возбежит

* * *

В недужном хрупком летучем злате золоте стоят
октябрьские абрамцевские рощи рощи рощи
златозыбкие безвинные
Их только тронь перстом сомлелым тихим — и все они
с повальным обрывным вольным шумом о землю
осыплются
Да жаль

И вот они стоят нетронуты сохранно кротко благодарно
Но с дрожью ждут повального листа от недреманного
неосторожного перста
Иль русского всевечного погромного бродяги топора
Иль северного ветра листовая златобоя златокузнецца
Да жаль златодрожащих чащ

МОЛИТВА РУССКОГО МУДРЕЦА

И я главу кладу во суздальский сугроб под ледяной
бердыш двурогий
под ледовый тунный гробовой под тьмовый
И голову склоняю под бердыш двуострый лунный
под ледовый русский
безысходный

И голову слагаю под бердыш ледовый
Русь
Ночь
Палач
Опричник
Поле

И только светится с реки святая прорубь Иордань
купель Христова
И только светится с реки святая прорубь
Да далеко она далёкая далёкая далёкая

О Господи дай напоследок дай Твои певучие
ледовые пресветлые
веселые ладони
Возложи персты о Боже на покорный гроб мой
Возрадуй напоследок навеки Отче

ПОЭТ

— Поэт дервиш Ходжа Зульфикар что такое зрелость?

— Зрелость — это когда человек начинает говорить афоризмами мудрости. Жизнь оседает замирает в истинах. Жизнь — осенняя река, замирающая в запрудах-завоях. О бедная жизнь! О бедная зрелость!..

Жизнь бьется как рыба плененная в сети...

Но иная долгая плотная жизнь укладывается в краткое изречение: Родился. Ел. Пил. Плодился. Умер...

А где след твой, человеке?..

Печаль, а много жизней таких бесследных. И след алчного человека — лишь алчные дети его...

— Поэт что такое старость?

— Старость — это когда человек молчит, ибо знает он, что скажет.

И потому внимает другим человекам.

А потом внимает лишь Аллаху.

Молчанье — это мудрость.

Но и смерть приходит в молчанье.

Старость — это когда человек понимает из чего Аллах составил 'его: тут печень — она ноет, тут сердце — оно спотыкается, тут зубы — они гнилы, тут голова — и она тяжела, как несметная груша Захматабада тронутая перезрелым червем... Да!..

Пади, голова моя, пади заройся в землю родную, из которой поднялась, явилась, взошла...

Поэт, ты червь плода избыточного упоенного текущего в сахарах своих...

Поэт, ты сладкий червь сладостной жизни...

Но печально тебе в сахарах медах текучих плакучих...

Всю ночь метель мела мела мела
Казалось что снега чрез окна властно пролетают
Всю ночь мне не спалось мечталось каялось рыдалось
Я думал — это смерть со мной спала
А это старость у меня заночевала...

СЕСТРЫ

Две сестры две блаженные пыльные путницы смиренницы
божьи странницы посланницы идут бредут грядут
пылят свято к моему дому к моей тихой кроткой
окраинной вечерней золотистой кибитке саманной
У одной в волосах роза душанбинская гератская яроалая
У другой в волосах венки из засохших ромашек
Одна из них Слава Глория Сладчайшая
Другая Смерть Мори Горчайшая

И обе грядут плывут пылят к моей кибитке
в сумерках лазоревых
чудящей ворожащей

Кто раньше?

А мой дом а моя кибитка саманная безвинная
беззащитная оплетена опалена охвачена объемлема
объята златоосенним златомедовым златопыльным
златокудрым сладчайшим рохатинским виноградником
Блаже!

ВЕТЕР-ЧИЧЕРА

В июне неожиданно пошел северный ветер-чичера
И ночи вдруг стали неистово холодными как ледники
Памира
И холодно мне под старым моим родным хоронгонским
одеялом одеялом одеялом
И всю ночь я мерзну зябну и чихаю
И некому мне сказать шепнуть обласкать:
Будь здоров спи лети во сне родимый мой

О неожиданный сиротский северный ветер-чичера

Одинокий как я

ВЕТЕР УЛАН

В иссык-кульском неродном ветре улане
Почему-то ты оставила забыла свой голос матушка
В иссык-кульском тонском чужом ветре
почему-то чудится мне слышится голос
давно ушедшей усопшей усохшей
вдали вдали вдали моей матушки
Ветер Улан откуда идешь грядешь ты?
Откуда веешь?..

ВЕСТНИК

Дервиш в зеленом дряхлом нищем забытом
бухарском чапане и белой покосившейся
слезной дряхлой рухлой чалме
сходит с Тянь-Шаньских гор
И идет ко мне по берегу Иссык-Куля
ступая босыми желтыми абрикосовыми ногами
в зарослях эфедры облепихи барбариса терескена
Он вестник
Он несет страшную весть
Я чую по его дряхлому чапану по его слезной забытой
чалме, которую уж никто в Азии моей
не может сотворить слепить
Он несет страшную весть
Я чую по его нищим голым ступням что уж не боятся
колючек янтака

Погляди на них...

Погляди на вислые тела их, на нагие как у крыс
глаза их... Ложь в очах их.

Тлен в телах их.

Да.

СТАРОСТЬ

Дервиш сказал:

— Я стар стал и кожа на локтях коленах костях
моих повисла и плещется тихо нище как забытое киш-
лачное белье на веревке в осеннем сиротском ливне
ливне ливне

И ветер уносит его далеко далеко далеко

Куда? куда? куда?

Туда... туда... туда...

ПАВЛИНЬИ ПЕРЬЯ

Однажды дервиш Ходжа Зульфикар проходил мимо
горного нищего убогого кишлака Бакыт-Ордо который
стоял на берегу реки Су-Курдюк и каждую весну ливни
и сели сносили его в реку и он плыл там и тонули жи-
тели его

Уж больно уж очень был кишлак нищ слеп голоден
дремуч текуч обречен

Уж много видели кочевые очи дервиша а тут зары-
дали

Тогда дервиш запел веселую песню и так с солнечной
песней в устах в очах прошел миновал кишлак.

Тогда жители Бакыт-Ордо сказали:

— Дервиш что ты поешь веселую вольную вешнюю
песнь? Иль не видишь нищеты и горя нашего?

Дервиш сказал улыбаясь и не таясь:

— Лишь в аду звучат райские песни! Чем кишлак
чем родина чем земля бедней темней — тем песнь певца
хмельней веселей!..

Дервиш сказал:

— Я хочу в нищий унылый хвост курицы вставить
несколько лучистых павлиньих перьев

Таковы песни и слова поэта певца во все времена

Тогда жители Бакыт-Ордо забыли о грядущих селях
и ливнях и плывущих в реке кибитках утопленницах

Тогда дервиш перестал петь и увидел нищие кибитки
и опять зарыдал...

СОН

Я сплю бездонно колодезно необъятно на зимней
Руси Руси Руси
необъятной
И всю ночь всю ночь мне снится пыльный златомедовый
рохатинский виноградник
И лишь под утро я тронул губами златокурчавую
тесную высокую кисть гроздь
И проснулся а во рту сладко медово темно
Ягода янтарная щедротекучая во рту

СМЕРТЬ

Дервиш сказал:

— Если в твою кибитку в твой дом никто не стучится, не просит о помощи, не приходит — значит скоро придет неслышно Смерть последняя святая гостья...

Дервиш сказал:

— Бойся одиночества, ищи с утра раннего людей, которым можешь помочь! да!

Дервиш сказал:

— Смерть, как вор, что ищет тихие молчные одинокие дома, но бежит домов, где много гостей и смех и беседы и живые души и где всегда пьют вино и едят плов! да!

МУЖИ И ЖЕНЫ

И еще дервиш Ходжа Зульфикар-река сказал улыбаясь и туман нашел на лик его

И еще дервиш сказал:

— У женщины одна ночь — ночь зачатья

И нет других ночей

Разве можно съесть дважды один персик?

Глупец тот кто еженощно сладко спит с женщиной.
Он уже ест гложет косточку плода
И он уже ест завязь дитя своего

Мужчины и женщины не должны получать наслаждения от того что в ногах их! да!

Наслаждение — лишь малый нищий спутник зачатья как яблоко лишь спутник яблони.

Но люди стали отделять наслаждение от зачатья

И вот садовник слепец рубит и валит топором богатое дерево чтобы достать с высокой ветви одно яблоко! слепец!

Так и мы губим рубим древнее тело дерево свое

И дервиш улыбался и тут туман сошел с лика его

Но потом дервиш закрыл глаза многомудрые многовидящие и увидел, как тихие и покорные как ослы работные во дне а с приходом ночи ярые и пенные, как жеребцы вешние, три миллиона медоточивых таджиков пять миллионов телолюбивых узбеков и сонмы иных мужей бросаются на жен своих и маются истекая извергая в пахучих душных одеялах лож семей своих и!..

О! — застонал дервиш.— О Аллах всевидящий и Ты видишь все эти сонмы совокуплений чрез крыши домов с небес своих и не остановишь рек семян этих что текут втуне в одеялах курпачах простынях

О Аллах гляди ведь и отары глухо томно спят в кошарах а человеки мечутся в жарких жадных одеялах?

И дервиш стонал и сокрушался

Все мы лишь по пояс человеки а там скоты

О Аллах зебб мой отними отбери угомони согни...

О Аллах!.. Я не могу! Только Ты!..

ТОЛПА

Дервиш Ходжа Зульфикар отрешенно упоенно вожденно прилипчиво бродил на самаркандском базаре скотном, где ярая толпа растерзала юного вора-карапчаку, который неслышно неслышным тайным каратагским ножом отрезал отнял курдюк у гиссарского

несметного барана и бежал с несметным курдюком в руках, но поскользнулся на дынной корке и пал в пыль базара липкую дынную под тяжестью курдюка и тогда его настигла бушующая слепая толпа и удавила его и потом его ножом отрезали отделили отвалили ему голову его слепую мертвую уже как он отрезал курдюк

Дервиш видел расправу, кишашую резню охоту бойню погоню эту и содрогнулся и закрыл глаза руками и сказал:

— И что жизнь человека — пусть даже базарного тихого вора — не стоит бараньего курдюка?

И что голова человека лежит в пыли рядом с сахарным курдюком?

Дервиш сказал:

— Я еще не видел чтобы толпа сходилась сбегалась чтоб помочь человеку.

Всегда сходится стекается толпа чтобы растоптать человека иль убить гонного неповинного зверя.

Всегда толпа собирается для зла а не для добра

И не видел я иных собраний, скопищ, сонмищ людских, кроме молящихся в мечети

Лишь толпа молящихся на коленях светла добра! твоя толпа Аллах!

И в ней не отличишь вора от убийцы его. Да!

Дервиш сказал:

— Но грядут времена слепых убойных толп, времена несметных гибельных саранчовых ройных слепых народов, где всякий человек с чистой божьей душою будет как вор с отрезанным курдюком в толпе базарной гибельной.

Дервиш сказал:

— Я не люблю больших народов ибо в них тонет мудрец глохнет пророк немеет певец страшится дичает поэт... да!..

Дервиш сказал:

— Я люблю малые народы! малых детей! я люблю малые сады! малые хавли-огороды! малые родники кишлаки! малые очаги! малые дувалы несметной Азии родины моей... да...

ПОСЛЕДНИЙ ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ

Осень в рамитском златокурчавом струистом
хрустальном ущелье ущелье ущелье
Арыки дремливо забиты золотой глухой несметной
опалой листвою листвою ореховой
Арыки не текут а стоят ленно ленно
Но вода золотая струится тянется златомедленная
златозабвенная

Окрест струится по горам блаженное забвение
златых деревьев вод лазоревых
камней задумчиво жемчужных забвенье забвенье
запустенье вековечное теченье

А на горе Хазратшох боярка древо одинокое
златоплодовое
влечет кормит ягодами златорассыпчатыми
златомедовыми последнего гималайского
алогубого шатуна медведя
Окрест блаженно! тихо! Господи! недвижно свято сонно
дремно вечно все окрест блаженно!
О колыбель моя о люлька-гахвара о гроб о саван мой!
мое рамитское осеннее ущелье

А у последнего вымирающего высыхающего
гималайского медведя-шатуна
глаза губы лицо душа уже уже уже
как у печального Адама
первочеловека

ОДИНОКИЙ ПОЭТ

Дервиш Ходжа Зульфикар сказал:
— Пророк Пайгамбар Мухаммад не любил поэтов
ибо враги Аллаха говорили что он лишь поэт, а не
пророк. И божественные суры Его — лишь поэмы
лишь сонные блудные мечтанья виденья поэта а не
хладные вечные Глаголы Бога.

Но!

Дервиш сказал:

— Аллах делает поэта иль мертвецом иль мудрецом.

Дервиш сказал:

— Поэт живет мало дней а мудрец знает долготу дней, велики четки дней его. Ибо поэзия приходит в молодости а мудрость в старости. И потому если поэт не станет мудрецом — он умрет.

Дервиш улыбнулся и сказал:

— Я был поэтом а стал мудрецом и потому живу в старости моей.

Дервиш сказал:

— Поэт как дитя любит всех людей а не все люди любят его. И потому поэт всегда обижен на мир и глаза его всегда готовы наполниться слезами.

Дервиш сказал:

— Поэт Уртузук-Лаккай-Уш-Ош был обижен на людей и отрешенно одиноко жил на берегу реки Фан-Ар-Дарья.

И всякое раннее утро он выходил из убогой своей кибитки и шел к реке и глядел на быстротекущие мимогрядущие блаженные воды ее и они успокаивали усмиряли его.

И проходили утекали обиды печали его как волны. И он шептал как шепчут волны:

— Река ты уносишь печали мои как волны свои. Река ты течешь но вся стоишь.

И одни волны упускаешь но новые творишь.

Река ты врачуешь утренним ветром душу мою скорбящую...

Но однажды была лютая зима какие раз в сто лет бывают в Азии моей но поэт был молод и не знал о таких зимах.

И река замерзла.

Но Уртузук-Лаккай-Ош-Уш ранним морозным зябким утром пришел как всегда на берег Фан-Ар-Дарья целительной врачующей его волнами своими, но не увидел воды бегущей а увидел молодой лед.

И до того дня поэт был обижен на людей равнодушных к красоте его стихотворений а тут обиделся на Бога.

И сказал глядя на льды:

— Господь иль Ты даешь мне знак! Река стоит и жизнь моя скоро встанет как вода бегущая.

...И поэт заплакал и сказал:

— Господь! и Ты оставил меня! Если человека оставили забыли люди — значит нет любви в нем, значит его забыл и оставил Бог! да! Я знаю Господь мой!

И поэт сказал покорно:

— Смерть не могла прийти в одинокую кибитку мою по воде чрез реку текущую, а теперь придет по твердому льду.

И поэт вздохнул с надеждой и улыбнулся:

— Если не поскользнется... Да, Господь мой?

И пошел блаженно от кибитки своей к кибиткам других людей.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ ДЕРВИША

— Черная корова весь мир поборол?..

— Ночь...

Корова на холме
Корова на холме
Корова на холме
Далекая далекая
Она бредет ко мне
Она бредет ко мне
Корова водоокая
А сумерки уже
А сумерки уже
А сумерки уже
С Хиссарских гор нисходят
Она бредет ко мне
Она бредет ко мне
Такая же как я
Далёко одинокая

Но ночь приходит раньше чем корова

ТАЙНА АЗИИ

— Дервиш Ходжа Зульфикар, в чем тайна Азии, о которой много говорят люди?

— Скажу тебе. На дне души всякого азиата лежит Аллах, как камни иль песок на дне реки. Засохнет

река-жизнь и выступит со дна Камень Аллаха... Да!..

И всякий азиат носит сладкий бестелесный камень сей. И не тяготится и не склонится от божьей ноши сей, как иной. Воистину так! да!.. И не предаст ношу сию...

И тут тайна Азии.

ЖЕНЩИНА!

Дервиш Ходжа Зульфикар сказал:

— Женщина! Сокройся! в избе иль кибитке за стеной сохрани держи лицо свое!.. Ты тайна! Ты колодезь запечатанный... Бездна гор, куда не глядят... Ты раба в ночной реке — и кто знает пути твои?..

Дервиш сказал:

— Женщина, лицо твое тайна за паранджой иль платком. И жена являющая обнажающая средь чело-веков лицо свое, как бешеный муж обнажающий являющий на базаре-торжище многолюдном сокровенный зебб свой! да!..

Дервиш сказал:

— Женщина ты зверь! ты должна ступать на четырех ногах и руках как снежный барс-ирбис стелющийся! и ты должна исчезать после первого соитья и вынашивать плод зачатья тайно тайно тайно... вдали от мужа твоего...

Дервиш сказал:

— Последние Времена — это когда женщины являют лица и тела свои как нагие атласные кобылицы караширские на скотном базаре...

Дервиш сказал:

— Это времена Иблиса, Последние Времена. Времена Суда... Ты видел, как новорожденного младенца вынимают из пелен из нежных одеял и бросают в пыль дороги под ноги слепых косматых верблюдов и ослов?

Так гибнет тайна, так приходят Последние Времена...

Дервиш сказал:

— Женщина — это ночь. И зачем тебе ночь средь дня?..

Да!..

ОДЕЖДЫ

Дервиш сказал:

— Одежды — это листья вокруг плода. И зачем женщины стремятся к богатым одежам, когда их тайна-сила — в ночной нагоде их?..

И кто ест листья, оставляя нетронутым плод?..

И дервиш сказал стихи:

...У весеннего ветреного зыбкого пенджикентского
нагорного неистово курчавоглиняного арыка

Отрок Алауддин-Давля всадник внезапный нечаянный в
яром изумрудном чапане

И дева кизинка Карамат-Изюм кишлачная переспелая
пятнадцатилетняя в талом гонном тесном жемчужном
чекмене

Они шепчутся задыхаясь умирая вымирая у шалого
ветреного арыка

О как пагубно повально томительно мучительно
погубительно сокрушительно мешают им одежды!

О охваченные запретными тунными стенами
взволнованными одеждами

О как долог мучителен медовый шепот пред
схождением с коня!

Пред искушеньем соитьем совокупленьем!..

Арык отрок дева изумруд жемчуг

Ветер ветер ветер вешний вешний вешний

Уносит бешеные одежды...

...Младой муж и младая жена безумно хладно
омываются смиряются в неистово курчавоглиняном
арыке

Блаженны глиняные божьи нагие первочеловеки...

* * *

— Дервиш, кому мучительней всего жить на свете?

Дервиш улыбнулся:

— Девственнице охваченной задушенной заживо
запретными тяжкими жемчужными одеждами...

...Дервиш улыбнулся печально:

— Слова всех мудрецов — лишь одежды нагих вольных медовых неоглядных человек... да!..

ТЕЛО

Перед смертью дервиш Ходжа Зульфикар погладил тело свое обмелевшее спокойной бестрепетной рукой и сказал:

— Аллах слава Тебе что ты дал мне крепкое ладное густое как карагач тело... И все двести сорок восемь костей моих еще целы...

Перед смертью дервиш сказал, погладив, тронув тихими пергаментными перстами свое неслышное тело в хладных уже одеялах:

— Спасибо тебе, тело мое. Ты хорошо послужило мне в жизни... Теперь тебе придется немного пострадать перед смертью... Прости меня, тело мое... уж не мое...

Но столько утех наслаждений блудных возбешений вожделений хотений плотских подарило ты мне, тленное тело мое!..

И что рядом с ними нищая краткая плата-кара-смерть моя?..

Да, Аллах?..

ЛЮБОВЬ

— Дервиш Ходжа Зульфикар, что такое любовь? Кто она?..

Он сказал и затуманились дальные очи его:

— Любовь это рыба, мечущаяся в ночной горной безумной весенней прибывающей реке.

И река ломает камни донные валуны а рыбу взять не может.

И кто знает пути рыбы сей?

Кто знает?..

Где тот человек?..

Но рыдал на берегах реки той...

Господь мой, где любовь, где ночная шалая вольная тайная вешняя рыба моя?..

Айя!..

НОЧЬ

В кишлаке блаженном Дагана-Киик, где все жители от детей до стариков слегка курили златистую коноплю анашу и оттого всегда были веселы и улыбчивы, Ходжу Зульфикара спросили:

— Дервиш, почему Аллах сделал ночь черной как шурабский уголь как майхуринский агат?..

Ходжа Зульфикар закурил серебристую коноплю и сказал медоточиво:

— Чем жена старей — тем ночь темней... Аллах сделал ночь слепой черной, чтобы мы всласть вслепую в одурь в страсть — как в младости — любили мяли терзали ублажали старых жен наших... Как я мну терзаю в перстах блаженную анашу коноплю сию перед воскурением...

Да! Велик и щедр Аллах! И всем человекам дает Он... И все мы лишь нищие, просящие милостыни у Него.

Воистину так!..

И Ходжа Зульфикар медную коноплю воскурил и воспарил.

МОЛИТВА

Ночь в рамитском ущелье

Костер

Человек

Без ночи есть костер и человек

Без костра есть ночь и человек

Без человека нет ни ночи ни костра

Есмь только одинокий Пастух звезд Пастырь

Плеяд Аллах...

Да!..

Тогда...

Кто помянет пожалеет Тебя, Господь мой?..

Молился на Ура-Тюбинской пустынной сонной дороге дервиш Ходжа Зульфикар, упавая коленями си-зыми в росяную дремливую пыль.

...Путник, молись, пади на колени в любом месте, где застал тебя миг молитвы: на траве, на пыли, на камне, на реке... на враге... на жене...

Йе йе йе...

И упасешься вовек!..

САДОВНИК

Блаженный дервиш Ходжа Зульфикар сказал:

— Во всякое время люди думают о Последних Временах...

Но!

В Последние Времена явился садовник Науфаль-Халиль блаженный.

И он возвел сотворил обильный медовый яблоневый сад на горе Сухто над яркой рекой Вахшем

Но затем пришли вешние глиняные ливни и сошел с горы оползень-сель и собаки лаяли и тонули в губельной текучей глине и сад Науфаль-Халиля сошел в реку и погиб там вместе с яблонями медовыми мраморно-сахарными с козами и пчелами и собаками его.

Но Науфаль-Халиль взрастил новый сад яблук и собак и пчел и коз на горе Сухто губельной где земля тучна и обильна над обрывом над рекой кишасщей...

И пришла новая весна и новые ливни и новый оползень-сель снес увел сад Науфаль-Халиля в реку Вахш как в могилу безысходную

Но Науфаль-Халиль блаженный садовник возвел новый сад над самой бездной и яблоки там были неслыханно душисты и сладки и пчелы носили яркий златой мед и собаки и козлы там были ядреные и чистые как родники Фан-Ягноба и шелковистые как жены Пророка

О Сад над бездной! О избыточные медвяные неслыханные плоды яблоки над бездной!

О Науфаль-Халиль блаженный!..

О пастух пастырь сада несметного! и ты уйдешь

с садом своим как со стадом яблонь несметных в могильную бушующую бесследную бесслезную реку...

Гляди человече! в последние времена поплывут цветущие яблоневые сады по рекам безутешным глиняным вместе с садовниками их... да!..

И будет время плывущих цветущих радостных садов средь волн глиняных мертвенных...

О Сад над бездной!.. О век мой последний!.. И ты плывешь в реке вместе с садовником твоим? Господом пастырем твоим? да!..

О Господы! Но пожалей помилуй помедли помедли помедли!.. дай сотвориться дай налиться яблокам медовым златым моленным последним!..

Но сад Науфаль-Халиля стоит царит парит над бездной!..

И в нем дремлют пророки человеков: Иисус Христос и Будда и Мухаммад странники изгнанники блаженные...

И в ту ночь собаки не лаяли. И козы по склонам не витали. И пчелы не летали.

И лишь медоточиво избыточные яблоки неслышно срываются сходят с ночных росистых ветвей и упадают ложатся в садовые некошенные травы травы травы...

И Пророк Будда улыбочиво сонно от яблока вкушает рощи Уравеллы вспоминая

И Пророк Иисус улыбочиво сонно от яблока вкушает Гефсиманский сад вспоминая

И Пророк Мухаммад улыбочиво сонно от яблока вкушает вспоминая корейшитов святые пальмы

Август

Ночь Трех Пророков

Ночь падающих звезд и яблок

Ночь что сулишь что обещаешь?

КОЛЕСО И КРЫЛО

Дервиш Ходжа Зульфикар взмолился в ночи августа, когда были обильные звездопады текущие:

— Господь мой что будет в Последние Времена?

— Жена, ты ранее возлежала подо мной покорно как курица под победным петухом а теперь сладимая умелая хлопчешь вьешься ходишь как рыба форель в водопадах Фан-Ягноба!

Кто научил тебя так ловко и умело трястись виться как каменная куница Рамита в корнях чинары? С кем ты совпадала сотекала изменяла мне в эти пыльные глухие кочевые мои годы? Кто обучил тебя так дрожать и трястись на ложе любви?..

Тогда она певуче сказала, улыбаясь во тьме кибитки:

— О! на ложе любви мое лоно пустынное окропи!.. Муж мой, Ходжа Зульфикар, я верна тебе. Это не я дрожу, трясусь — это дрожит и трясется земля! Иль ты не чуешь землетрясения, которое наслал в Ночь возвращенья возлюбленного мужа великий Аллах?..

Ибо для странника дорог нет землетрясений, ибо его крыша — это небо, но вот ты вернулся в сирую нищую грешную кибитку и она трясется и сыплется! О Аллах помоги мне! Спаси меня и мужа моего!..

И она пылкой шалой ярой испуганной разъяренной находчивой сметливой ногой изменницы во тьме ударила ткнула в шаткую рухлую стену.

Тут дряхлая саманная кибитка содвинулась затряслась и рухнула, но я и жена моя Закия-Азья-Аслакалия успели выбежать во двор-хавли и остались жить.

Тогда жена сказала:

— Если б не наша великая любовь, муж мой, если б ты в ночи не поливал, не окроплял не утолял свой засохший огород, то во сне мы были бы погребены насмерть под стенами кибитки...

Тогда я сказал:

— Жена моя, теперь я знаю, кто научил тебя трястись на ложе любви. Это был сам... Аллах!.. Гляди — все кибитки нашего кишлака целы нетронуты недвижны и лишь наша рухнула. Лишь на нашу кибитку наслал землетрясение всевидящий Аллах!.. Айя!..

— О как сильна вольна нога верной долгожданной долготерпеливой любящей жены! — сказал покорно тайно улыбаясь дервиш-странник Ходжа Зульфикар.—

Такая разгневанная раздольная разъяренная нога может разрушить не только дряхлую кибитку, но и весь бренный мир!..

Аллах сохрани побереги от такой ноги!..

Но!..

Аллах!.. Дай мне подоле сладко трястись и дрожать и витать на ложе любви в ночи святых землетрясений Твоих!..

Айя!..

И!.. Странники бегите землетрясений в родных долгожданных кибитках своих...

БОЛЕЗНЬ

Весной на файзабадской дороге густо роятся идут несметные курчавые библейские отары отары отары Пастухи-локайцы гонят стада на альпийские луга на небесные пастбища-джайлоо где идут несметные тянь-шаньские травы травы травы-кормилицы

А Ходжа Зульфикар дервиш сидел на придорожном теплом камне и грелся грезил как послезимняя ящерица

И отары шли пылили мимо него.

И все прохожие кочевые отары были несметны богаты окотами грядущими тяжкими плодовыми каракулевыми чреваты

И все отары влачили тайные приплоды тучные свои.

Но одна отара была мала, но крутые сильные овцы козлы бараны коровы быки были клубились ярились в ней, как пенные волны в весенней Кафирнихан-реке.

И не было в той нищей малой отаре квелых гунных слабых.

Тогда Ходжа Зульфикар спросил у прохожего пастуха Явдата-Локайца:

— Явдат, что малю, но ядрено отборно твое малое стадо? Иль волки его обокрали обглодали обобрали?..

Явдат сел у придорожного камня и развязал кровавый мешок-хурджин кочевой, где у него было вяленое мясо и овечий сыр и угостил дервиша щедро.

И сказал:

— Пагуба падь хворь мор падеж пришли на мое стадо. Только самые ядреные сильные алчные овцы бараны козлы коровы быки остались... Но аллах даст и вновь восстанет прибудет стадо!..

И ушло стадо малое ярое и ушел щедрый божий Явдат-Локаец и ушли его гладные бесхвостые псы-волкодавы, которые ранее не видны были в тучном стаде, а теперь они зримы стали в редком стаде как донные валуны в обмелевшей реке.

Тогда дервиш Ходжа Зульфикар тихо сказал напившись слоистым овечьим крупитчатым сыром и вяленным мясом

Тогда Ходжа Зульфикар сказал вослед уходящим:

— Когда болезнь мор хворь падь нападает на стадо — она уморяет квелых и слабых.

Когда болезнь мор хворь падь тля тать нападает на народ — она убивает самых сильных блаженных радостных

Аллах зачем так караешь?

И мор падь ящур рогота укус падеж — это болезнь стада

А тиран, тирания — болезнь народа

Аллах зачем мой народ караешь?

И в больном бражном палом народе стаде квелом вялом неоглядном кишашем лишь пророки певцы дервиши высятя зреют блуждают как гладные псы-волкодавы...

И высится тиран — слепой овчарь пастырь

Ай Аллах!..

Ай пыльно!.. ай слéпо!.. ай темно в очах моих кочующих!.. печально!..

СТРЕЛА. ПУЛЯ

Стрела летела и пела вольная в вешнем веселом небе небе небе

Человек шел и пел в вешних травах младенческих колыбельных лепетных

А потом они встретились

А теперь оба лежат недвижно в травах безвинно
в туне веющих веющих веющих

Господь зачем была эта встреча? стрелы и человека?
пули и человека?..

Господь кому теперь травы веют? невеселые...

ВОЙНА

Дервиш сказал:

— Если в мире встречаешь много злых и равнодушных людей — значит война близка... да...

И если добрые люди боятся восстать против зла — значит скоро восстанет Аллах!..

И станет народ как забытый сад текучих истрескавшихся гранат...

И еще сказал:

— Зависть ведет к воровству.

Когда один человек грабит другого — это воровство.

Когда одна часть народа грабит другую часть народа — это бунт мятеж смута.

Когда один народ грабит другой народ — это война.

Но все это — лишь три воровства.

И еще сказал:

— Чем власть тупей — тем острее злей ножи топоры в руках ее палачей! да!

СТРАНСТВИЯ

— Ходжа Зульфикар, святой дервиш, зачем ты так много странствуешь по миру?

Сказал:

— Чтобы узнать, что издревле таится томится находится во мне, в душе спящей колодезной бездонной моей...

И еще сказал:

— Человек не должен бежать несчастий и горя, а, напротив, должен искать ждть упоенно любить их.

Так познается полнота этой скоротечной жизни.
Да!

И еще сказал:

— Отнимать у человека веру в загробную жизнь.— то же, что отнимать у новорожденного младенца жизнь будущую земную сладостно грядущую... да...

И еще сказал:

— Все великие мысли и ученья — лишь малые скоротечные сиротские стоянки на пути к бездонному необъятному Аллаху...

О сладость! Вайя вахаббу! — И он захлебнулся радостными блаженными слезами...

СЛАВОЛЮБИЕ

Однажды дервиш взмолился в минуту душевного одиночества и пустынного славолубия:

— О Аллах! я устал от одиночества мудреца! дай пошли мне хоть один день из моей посмертной необъятной славы... пошли...

И дал ему Аллах.

И тут нищая тощая кривая одинокая кибитка дервиша вмиг наполнилась цветами, дарами и ярыми многими пенными как удурианские верблюды людьми и они душно тесно смертно обступили дервиша и хватали его за дряхлый чапан его и за руки его и за плечи его и за седую бороду его и алчно ждали жаждали хищно тела его и слов его вещей и затоптали дряхлые одеяла-курпачи подушки его и задавили слепыми ногами малый очаг-сандали его и кричали пели шептали молили:

— О великий дервиш Ходжа Зульфикар, помоги нам! исцели нас! подай нам! ублажи нищие солончак-овые души наши вечными божьими дождями словами! айя! дервиш вечный послужи скоротечным нам!

И тогда дервиш стал смертно гибло задыхаться от хищных людей этих, похожих на огненный вечно-безумный вечнокишащий цыганский табор, и стал быстро исходить умирать и напоследок взмолился издыхая извергая:

— Господь мой! прости мне... пощади... я умираю... избавь меня от этих слепых людей от этой слепой тошной душной, как кольца ночного хайдарабадского питона, славы...

...И тогда толпа вмиг дьявольски истаяла и дервиш один остался на растоптанных погибших курпачах одеялах.

— О Господь мой! Гляди — от славы моя глиняная кибитка едва не рухнула, а что же с душой моей стало бы?..

О Господь!

Пусть приходит слава как надмогильная плакальщица... не ранее...

...И счастливый веселый блаженный пустынный дервиш возрыдал в одеялах раздавленных...

ГОРДЫНЯ

Дервиш сказал в минуту гордыни:

— Я могу встать на весы с любым мудрецом или поэтом и победить перевесить его, ибо я не один на весах — Аллах со мною... двое нас...

Господь мой ты незримо стоишь на чаше весов моей...

Но не дай гордыне моей...

И я лечу на весах до звезд как муравей...

ДВА СПУТНИКА

— Дервиш, с кем ты так часто беседуешь, ведь никого нет в пустынной одинокой кибитке твоей?

— Я всякий день и час говорю с Богом или со смертью... Два моих вечных спутника... И оба молчат безответно...

И еще сказал:

— Жизнь — это рабство, смерть — это свобода.

НОЧЬ

Всю ночь всю ночь слышны слышны слышны
Почти человеческие рыдалистые всхлипы стоны
стенанья сороки-матери
У которой вороны расхитили разграбили растащили
испили избили новорожденных млявых пуховых
неповинных птенцов птенцов птенцов
Да что ты сестра птица мать пернатая неутешная

Да что ты .
Да что я
Да вместе мы в ночи уже рыдаем

ВАЛУН И КАМЕНЬ

Дервиш сказал:

— Жизнь — это огромный валун а мудрец — это малый камень. Камень бьется тщится о валун и является искра мудрости. Сноп искр — сноп мудрости.

Мудрец бьется о жизнь — и рождается сноп мудрости.

Чем сильнее бьется камень о валун — тем ярче сноп искр.

И потому любит мудрец горе жизни, горечь бытия.

Да!..

Но!

Когда я слышу слова Пророка — я чувствую себя осенним амударьинским пересохшим камышом в который поставили вверхли бросили святой необъятный ненасытный звезды лижущий костер!

Да!

О!

СЛОН И МУРАВЕЙ

— Дервиш, почему слава часто приходит к недостойным и минует великих?

— Иной суетный мечущийся муравей поднимает больше пыли чем царственно ступающий шествующий слон

Иной раз пыль слона приписывают муравью

И вот все видят пыль на дороге и ждут каравана а ползет одинокий муравей...

Но оттого жизнь веселей! И тут театр божиих оборотней теней!..

И дервиш улыбнулся

СОРНЯКИ

— Дервиш, мудрец, почему ты не наставляешь не поучаешь людей а кратко молчишь?

— Я свои многие язвы и пороки знаю и втуне

борюсь с ними и не побеждаю — и что же мне учить
иных человеков?

И что я не вспахал малое свое поле и не собрал
сорняки утомительные его, а иду в чужое полу и тут
учу?

МУДРОСТЬ

— Дервиш, что такое мудрость этого мира? свиток
изречений афоризмов притч историй? Груда мертвых
валунов камней на берегу живой струящейся реки?

Иль мед мудрости взятый от цветов далек теперь
от них?

Иль я не хочу быть мухой иль пчелой уснувшей
увядшей усопшей в меду мудрости?

Иль лучше быть живым жуком в живом роящемся
навозе?

О Аллах! кто я? медовая усопшая в меду небесная
блаженная пчела? иль низкий упоенный жук в святом
блаженном придорожном изумрудном коровяке-навозе
первозданном?

— О человек! ты и пчела и жук... Ууууууу...

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

— Дервиш, когда близки Последние Времена? как
их узнать?

— Когда Святые Книги покрыты глухой недужной
пылью и нет на них живых внимающих перстов... как
на телах забытых старых жен...

Когда разбиты глиняные чаши приготовленные для
божьих путников бездомников повинников Аллаха у
раздавленных растоптанных безвинных сокровенных
родников ручьев...

Тогда близки Последние Дни.

Слепой бегучий человек! Их не торопи...

ЛЕС

В осеннем опадающем яхромском лесу

Все звонче обнаженной явственной шум хладного

ручья ручья ручья

О испить бы ледовой родниковой воды воды воды

Все звонче все томительней лесной ручей среди
нагих деревьев
Средь приближающейся старости зимы
Все явственней зов звон сон смерти
О древля избавительница от пагубного сладкого
недуга жизни
Иль тебя чую чую слышу слышу слышу
В лесу осеннем все слышней больней ручей ледовый
жилою лазоревой в виске колышется
колышется колышется

ЗВЕЗДЫ И ЯБЛОКИ

Однажды дервиш Ходжа Зульфикар ночевал уповал
в дангаринском нагорном яблоневоm саду.

Был месяц август-мурдад, когда идет звездопад в
небесах и плодопад в садах.

И падающие глухо тяжко самовластно самостийно
яблоки не давали дервишу спать.

Тогда дервиш шепнул, глядя из бессонного сада в
небеса:

— Как бесшумно слетают спадают спелые звезды
падучие плеяды! Как глухо тяжко страшно бьют о тра-
ву падучие спелые яблоки!

Есть люди — летучие тихие алмазные звезды.

Есть люди — тяжкопадающие бессонные яблоки...

ЛИСТ ЧИНАРЫ

...Однажды в осенних дремных чептуринских сумер-
ках коровьих молочных бредущих Касымджон-Стебель
сказал Ходже Зульфикару:

— Отец, это лист чинары осенний златой лунный
пал на вашу голову в сумерках.

Дервиш улыбнулся:

— Это лысина китайских безмолвных мудрецов
пала на мою голову. Вечный лист вечной осени. Этот
лист упадет лишь в могилу со мною...

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Дервиш сказал:

— В Последние Времена многие звери заговорят
языком человеков.

Дервиш сказал:

— В Последние Времена многие люди любят собак и зверей боле людей.

Дервиш сказал:

— Гляди — суслики-тарбаганы выходят из нор своих и идут друг к другу учуяв беду пагубу мор огонь землетрясение наводнение.

И вот человеки в Последние Времена провидя чуя великий огонь не выходят из домов своих и не идут друг к другу и сидят покорно среди слепых сонных семей своих или в хмельном одиночестве своем... да!

И что же, суслики мудрее человеков?

СВЕЧА

Дервиш сказал:

— Все мы одиноко бродим по Азьи и Руси — полю милосердия — с безнадежно гаснущей умирающей в непролазном дожде свечой свечой свечой.

И где в необъятном дожде кочует и утихает жизнь — свеча наша?

Господь мой! где?.. Кому светила и светит свеча наша?..

РЕЛИГИИ МИРА

Дервиш сказал:

— Утро жизни проводи с огненным хмельным мусульманином, день жизни — с хитроумным переимчивым иудеем, вечер жизни томительный с блаженным послушливым христианином, ночь жизни с необъятным вселенским бессмертным зазвездным буддистом.

Так блаженно протекут детство зрелость старость смерть! да!

Но разве может быть у одного человека четыре отца?..

МОЛЧАНЬЕ

— Дервиш, почему ты безмолвствуешь молчишь во дни свои многие? Иль нечего тебе поведать людям?

Дервиш сказал:

— Когда я слышу мудрого — я внимаю покорливо. Когда я слышу глупого — я молчу сокрушенно...

Перед смертью дервиш сказал в последних бухарских одеялах:

— О Аллах! где кочевые пыльные ярые ноги и руки мои? Я уже и муху севшую на одеяла мои не могу отогнать — не то что смерть всемогущую владыку мира этого... вот от нее трясутся мечутся стены кибитки моей как от хаитского землетрясения вселенского повального пагубного...

ВЕЛИКАЯ ЖЕНА

— Дервиш что есть женщина? что есть великая жена?

Дервиш улыбнулся и сказал покорно:

— Однажды ранним утром в дымчатой матерчатой нетленной нетронутой нежной хладной перевозданной пыли дорожной на пути в Куня-Ургенч я увидел вдали путника с собакой. Они сонно тяжело шли навстречу мне. Путник впереди, собака — позади. Дремные они...

Когда они приблизились — я увидел мужа грядущего высоко и жену немо неслышно ступающую за ним как и должно на дорогах мусульманских древних неистовых! да!

Когда они подошли совсем близко ко мне в утренней лазоревой святой дымке тумане — я увидел мужа с собакой.

Когда они прошли мимо меня — я опять увидел мужа и жену, а потом, когда стали удаляться, — опять мне почудилось, что это был муж с собакой.

Так я и не понял, кто это были — муж с женой кочевой иль хозяин с молчной преданной вьющейся за спиной его собакой?

Иль пыль дымка утренняя на куня-ургенчской дороге густая?..

И муж прохожий сказал мне улыбочиво ясно: «Салом аллейкум!» — а она — жена? собака? — промолчала...

И дервиш улыбался:

— Вот что есть на земле женщина! вот что есть на земле великая жена мусульманина! И всякая! Айя!..

...И на дороге пыль собралась соткалась забродила загустела в бродильное тесто — и родила явила перво-рожденного путника человека!..

Амитаррра!..

Вот она древля тайна!..

И в виде в образе в облике пыли мы взойдем восстанем незримые из ветхостных могил и обовьем обхватим возлюбим живых!..

Иыхх!..

КОЛОДЕЦ И ВСЕЛЕННАЯ

— Дервиш, какой колодезь самый бездонный? Колодезь ночного августовского неба, когда летят тучные рассыпчатые звезды осиянные?

Сказал:

— Самый бездонный колодезь — тело зрелой спелой влюбленной женщины.

— Дервиш, что может сравниться с бесконечностью Вселенной?

Сказал:

— Голова новорожденного талого младенца идущая из лона девой юной молочной матери-роженицы...

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ

— Дервиш, что есть молодость и старость?

Сказал:

— Вот человек путник шел по висячему мутному деревянному мосту над рекой и поскользнулся и упал в реку.

В молодости я смеялся над таким человеком а в зрелости печалюсь а в старости плачу...

БЕГ ВРЕМЕНИ

— Дервиш, что есть бег времени?

Сказал:

— Вначале ты теряешь любовь женщины, потом пиалу с вином дрожащим, потом пишу плодов земных...

Потом приходит дьявол-шайтан со смертью как пастух с пенной бешеной собакой-волкодавом который

неизбежно огненными клыками выхватит изорвет отломит разрушит гиблое горло обреченное твое...

Но!

Или приходит Аллах с Вечностью как пастух с новорожденным каракулевым молочным агнцем улыбчивым, который нежно лизнет тебя в очи засыпающие как дальняя мать молочная...

Аллах не придет к тем кто заживо истлел в земных обольстительных плотяных похотях страстях тратах и тело его грядущий пир гиен и грифов-стервятников.

Аллах не придет к остову где гиены и грифы роятся... да!..

МУДРЕЦ — ПРОРОК

Дервиш сказал:

— Мудрец — это остывший поэт. Пророк — это разгневанный мудрец...

Да!.. Но слепая хмельная жизнь моя прошла лишь у врат мечети а у врат только нищие стоят... да...

Мудрец сказал: «Но все врата мира не закроют одной раны Христа! да!..»

Мудрец сказал: «Более всего печалюсь, когда вижу убитых птиц с недозрелыми мягкими неродившимися яйцами и пойманных рыб в коих тунная напрасная неплодная икра.

Так уходят с земли неверующие не дошедшие до Бога.

Им не хватило земной жизни чтобы дойти до вечной... да!..»

Дервиш сказал:

— Бойся полной луны и пустой сумы.

Голод в полнолунье ведет к печали а печаль сестра смерти.

И дервиш улыбнулся...

Дервиш сказал:

— Мудрец одинок как пустынный в самодельной саване. А весь мир — лишь одинокий гроб-саркофаг его...

Дервиш сказал:

— Мудрец одинок как дитя свернувшееся во чреве матери... да!..

Дервиш сказал:

— Есть одна мудрость, которую я бы выбивал на камнях: человек-чабан пасет овец а Аллах пасет людей, и нет иной мудрости...

ЖЕНА

О Аллах! Ты знаешь что благочестивый муж в старости перед смертью неудержимо стремится раздать свое имущество нищим и бедным, чтобы заслужить Твою загробную любовь.

Так осенняя варзобская чинара роняет по ветру спелые ленные зыбкие листья.

Истинно говорят китайцы: «Если я не буду пускать бросать деньги на ветер — то как они вернуться ко мне назад?»

Но! Аллах, ты знаешь, что женщины к старости, напротив, стремятся наполнить насытить свой дом утяжелить семейное многоголосое гнездо свое...

И вот старый Ходжа Зульфикар стал тайно носить из дому вещи — то одеяло то кумган то казан то курпачу — и сладко самозабвенно раздавать их на пятничных хиссарских базарах нищим и беднякам и душа его наполнилась древним блаженным солнечным светом добротолубия.

И стал он осиян и счастлив, как никогда в долгой в своей жизни.

И раздав дары он сидел в чайхане и пил зеленый чай с хоронгонской мятой и витал над бедной землей как накурившийся иссык-кульской конопли.

И стало тайно таять малое его достояние.

Тогда младая знойнотелая жена его Изюм-Султан проследила пути его и узнала и задумалась. Она знала, что не сможет остановить дервиша в его святом расточительстве даянии и быстро истает кибитка их и имущество невеликое.

А дервиш дошел до того, что тайком унес на базар любимые свадебные серьги Изюм-Султан и отдал их слепой гадалке-цыганке, которая слепыми перстами учуяла старинное бухарское золото серег и зарыдала и

дервиш Ходжа Зульфикар блаженно зарыдал вместе с ней.

И тогда Изюм-Султан нашла себе нищенских одежд и накупила индийских едких красок для лица и стала летуче сметливо являться на базарах то в облике нищей старухи под паранджой, то дряхлого каландар-странника, то слепца, то калеки, то гадалки, то немого масхарабоза...

Бесконечны были перевоплощения ее и она всюду следовала текла хищной чуткой змеей за дароносным мужем и забирала все приношения его и возвращала их домой.

Но потом она неистово бездонно смертно возлюбила древнее ремесло нищих и открыла в себе великий дар перевоплощения «танассух» и обрела себя и ушла навек на пути нищих странников и там безымянно бродит поныне. И она является людям в разных обликах обличьях и уже не знает, кто она. Забыла она на века, кто она, ибо кто идет путем нищих, тот идет к Богу.

А дервиш остался один в пустой кибитке.

...О сокровенная жена моя Изюм-Султан куда куда куда ты ушла? где пылит твоя жемчужная перламутровая сахарная целебная сладчайшая дымная нога?

Куда? куда? куда?

О Аллах! и всякая душа находит пути свои и никто не знает их кроме Тебя!

Но!

Айя! ай как пустынна кибитка душа жизнь моя... айя как одинок и счастлив я!

И дервиш взял последнее изумрудное одеяло свое и пошел на многодышащий базар... ай! айяй! ай!

Ай Аллах мой! Все ушло из моей жизни...

Все ушли...

Только Ты не уходи!

ТРИ ЧЕРНЫХ ВОРОНА НА СНЕГУ

Однажды ранним утром дервиш вышел из родной косо́й кибитки забытой и увидел трех смоляных спелых глазастых воронов на снегу всечистом.

Дервиш поглядел долго мучительно в бездонные несметные очи первого ворона — и тот взлетел над снегами и ушел.

Тогда дервиш поглядел в очи второго ворона — и тот взлетел вослед.

А третий ворон упоенно ждет, чтобы дервиш взглянул в очи его, но дервиш не стал глядеть в очи его ненасытные ждущие а пошел прочь.

А ворон сидит и яростно ждет, чтобы дервиш взглянул в очи его, но дервиш уходит ушел прочь

А ворон сидит на снегах одиноко неволью и ждет ждет ждет

Не летит он...

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Дервиш Ходжа Зульфикар сказал о собрате своем неугомонном святом Ходже Насреддине:

— Этот жизнелюб жизневол и уснув вечным сном будет тихо похрапывать в гробу в саване-кафане мусульманском... да...

Аллах! неисчислимы необозримы неуследимы Твои знаки Твои вести из иного мира...

ЦЫГАНЕ

— Дервиш, почему цыгане кочуют бродят витают необъятно по земле?

— Потому что более всех живых чуют смерть-странницу и бегут ее и поют пляшут, чтоб не слышать вкрадчивых незримых кошачьих рысьих шагов ее.

Да!

ЗАГАДКА

— Дервиш, скажи, кто та долгожданная ненавистная неизбежная гостья, которая сразу войдя в притихший всякий дом становится властной хозяйкой? И все смиряются. Кто она?

Сказал:

— Смерть она.

БЕШЕНАЯ СОБАКА

Однажды в ночь бессонницы, когда взошла неистовая собачья вечнолающая вечновоющая звезда Сириус, дервишу Ходже Зульфикару приснилась бешеная собака.

Она неслышно подошла подползла к дервишу и укусила его в руку.

Утром дервиш проснулся тяжкий и вышел из кибитки а у двери стоит обреченно пенно бешеная ползучая собака-волкодав памирский с обрезанными ушами и хвостом — и глядит на дервиша.

Тогда дервиш понял, что ей приснилось, что она укусила дервиша в руку и вот она покорно пришла к его порогу...

Дервиш улыбнулся и сказал:

— О Аллах! одному Ты повелеваешь укусить, другому — быть укушенным. И неповинен всякий в деяньях своих... Ийи!..

И отдал руку собаке...

МЕЧТА

Я хотел бы навек насмерть уйти в дальние
каратагские забытые зыбкие горы
И поселиться там на окраине глухого вымирающего
кишлака Гульпери-Шамс
На самой окраине в самой глухой палой заброшенной
кибитке у мшистой сироты скалы
Тут я забыл бы свое прежнее имя Ходжа Зульфикар
и назвался бы Хоркаш-бобо «собиратель праха»
Тут я забыл бы все свои странствия и премудрости
Тут я забыл бы как древнекитайские мудрецы все
слова человекoв а только свистел бы как утренние
солнечные глазастые птицы и мычал как вечерние
напоенные тучные коровы
Тут я как буддийский затворник монах забыл бы
все прошлые дни дни дни мои мои уж не мои
уж не мои уж не мои уж ничьи...

Но однажды ранним ранним сиреневым пустынным
утром ты пришла к сиротской кибитке моей
Как ты ее нашла? в одичалых бесследных горах?
И у тебя в запыхавшихся стыдливых молчаливых
милых руках не малая сумка а большой мешок-канар
Значит ты пришла навсегда возлюбленная моя
Роксана-Ракосса юная моя

Плакучая прощальная плясунья на моих похоронах

Однажды Касымджон-Стебель сказал отцу Ходже Зульфикару:

— Отец, мудрец, я возлюбил девственницу Уффля-Бойчочак. Я много дней и ночей безумно бездонно перезрело стою у ее сырого дувала и гляжу на нее, но она не глядит на меня, но она не любит меня.

Как соблазнить алую горянку дикокозью змеиную стреловидную девственницу дальнего кишлака Бартанг-Баррак?

А она не глядит на меня — как ее обнять укротить обуздать?

Тогда дервиш улыбнулся и сказал:

— Ты видел как искусный рыбарь ставит сеть-мардушку-ловушку в узкую протоку меж двух текучих скал и стреловидная крапчатая святая ханская форель неминуемо неизбежно идет в смертную сеть?

— Мудрец, но горянка мудрей мутней и злей чем обреченная летящая в сеть форель!

— Ловец а ты дождись когда пойдет из ущелий ветер алых скороспелых вишен алых скороспелых девых вишен ветр!

Когда пойдет потянет из ущелий ветер шалый вешний ветер смол трав жуков камней очнувшихся стрекоз муравьев ручьев родников мух грязевых святых троп дорог ветер святого мумиё пьяный ветер алых вишен

И этот ветер будет спело гнать сбивать с ног всех влюбленных сметать с напрасных ног

Ловец дев нетронутых! жди ветра алых наливающихся быстрых вишен!

О где мой дальный ветер алых вишен где где где он навек устал стал навек уснул в траве златой запутался прилег прилег? о...

И тогда Касымджон-Стебель ловец дев стал у дувала Уффля-Бойчочак и стал ждать ветра алых вишен.

И вначале пришел альпийский злой ветер вечных снегов и он нес снег и песок ледяной

И Уффля-Бойчочак прошла с ведром к реке и не взглянула на ловца и она была как ледяная вода в ведре

И много дней Касымджон у ее дувала стоял как второй дувал и ждал уповал и уже пришла весна и отцвели миндаль и персик и урюк и вишня...

Но ветер алых скороспелых вишен не настаивал

Тогда Касымджон-Стебель в последний раз пришел к дувалу — а он был от любовной лихорадки-болезни чахл и худ и всякий ветер его уже шатал — и тут стреловидная Уффля-Бойчочак змеекоза неприступных скал с ведром кудрявых вод от реки весенней пошла

И тут неожиданно неоглядно дико как землетрясение двинулся пошел пошел пошел ветер алых скороспелых вишен от бушующих проснувшихся ущелий — и на глазах Уффли и Касымджона сад вишен белых нежных стал враз атласно ал ал ал но ветер безумный не престаивал не уставал и он согнал погнал гнал гнул Уффлю и Касымджона и опрокидывал ронял их в несметную восставшую траву траву траву и он Касымджона на Уффлю поставил подъял и держал томил и помогал и платья и рубахи и изоры и джурабы ичиги и кауши сапоги сметал и путал и уносил и обнажал их первотела безвинные в последний раз.

Тогда Касымджон прошептал:

— Возлюбленная моя Уффля-Бойчочак все вишни твоего сада враз стали алы и две сокровенные тайные вишни черешни твоих сосков девьих враз стали явны наги алы и ал наг открылся стал твоих спелых сахарных ленных ног тюльпан ног мак

О сладок алый алых вишен набежавший обнаженный божий урожай

О расплескался разметался в ветре алых вишен хрупкий скоротечный алый твой святой елейный лестный как халва сладчайшая всей Бухары и Самарканда алый мак тюльпан

Отец Уффли-Бойчочак Курбан-Султан-Ильча — кузнец видел но молчал, ибо он тоже в ветре алых скороспелых вишен был зачат.

Как и все жители блаженного святого кишлака
Бартанг-Баррак.

Уффля! улля! уффья...
Где ты ветер ал?..

АЛЫЙ ВЕТР

Там ветер с Хиссарских гор гор
Зеленых вишен касается
И за одну ночь и за одну ночь
Они спелотелой мясистой алостью наливаются
наполняются разливаются разбредаются
Блаже
Кто спит в эту ночь — тот мертвый иль дряхлый
иль жгуче несчастный

ДВЕ СМЕРТИ

Дервиш сказал: почему из миллионов войн бунтов
смут казней из мириадом человеческих смертей две
смерти всегда стоят перед глазами человека: смерть
Иисуса Христа на кресте и грядущая неотвратимо
собственная кончина?
Две смерти из мириадом!
Или это одна и та же смерть?
Фаррья!..

СЛАВА

— Дервиш Ходжа Зульфикар, что такое слава,
о которой мечтает отрок воспаленный гневный и пе-
чальный предсмертный старец?

...Слава это щепотка острого афганского табаку в
нос, чтобы гений не уснул в безмолвной безвестности.

Слава — это златомедовая златопалая пчела, ко-
торую поедают бесчисленные роящиеся муравьи...

Слава — это неразделенная любовь.

Ты любишь всех людей и хочешь, чтоб все люби-
ли тебя... а люди безответны...

И в каждой женщине ищешь мать а в каждом
мужчине — отца. И не находишь. И тычешься безот-
ветно как приблудный сирота теленок-сосунок в сосцы

в вымя всех вечереющих бредущих с обильных лугов-
травостоев коров... да!

О сладость безответного!..

И стадо уходит нетронуту в вечерней медовой мед-
ной сытой бронзовой святой пыли...

О сладость о блаженство сиротства!..

О одиночество отверженного сосунка...

И все мужи — отцы. И все жены — матери твои...

И никогда не узнаешь смерти родивших тебя...

Уходит пылит ройное возлюбленное стадо...

Пыль.. Пыль.. Пыль Азы, родины моей...

Пыль сладкая как белый бескосточный ходжентский
кокандский изюм... И я ем жую пью ее блаженный...

И где я?.. И где пыль?.. И где тлен Азы родины
моей... Ееееееее й... й...

Человек — это смертная конечная тоска по дому,
по семье, по языку, по родине своей...

Дервиш — это цыганская бездонная кочевая не-
насытная тоска по всем людям, по всем очагам, по
всем языкам...

Да!..

И я ушел в Фан-Ягнобские горы, в могильное
одиночество мое, когда уже не стало в душе обмелев-
шей моей любви ко всем людям.

Раньше я всех любил — теперь вижу добрых и злых.

Раньше — я был река, из которой всякий пил.

Теперь — я стал горный редкий тайный родник,
к которому надо подниматься по козым тропам...

Я стар...

И что мне одинокая могильная мудрость моя?..

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Касымджон-Стебель спросил у отца своего Ходжи
Зульфикара, когда они сидели под пыльным октябрь-
ским рохатинским виноградником, что истекал кадил
капал тлел медами пьяными медвяными:

— Ата, а вы встречались с Ходжой Насреддином
на путях стезях тропах своих?

Ходжа Зульфикар сказал:

— Я дважды встречал Ходжу Насреддина — в Фан-

Ягнобских горах и в Пенджикентских горах, холмах...

В первый раз он был молод и смеялся всякий миг, как человек, накурившийся всласть с избытком даровой анаши-банга.

Он ехал молодой на молодом осле и хохотал и глаза его слезились от смеха.

Я спросил его:

— Ходжа Насреддин как звали твоего отца?

Он сказал:

— Ходжа Насреддин.

— А деда?

— Ходжа Насреддин.

— А прадеда?

— Ходжа Насреддин!

— А сына? а внука? а правнука?

— Ходжа Насреддин!..

Вот почему ты бессмертен, Ходжа Насреддин!..

Тогда он громко захохотал, закричал:

— Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!.. Айя! Я Ходжа Насреддин! Я! Я! Я! — И голос его отдался отразился чистым эхом в Фан-Ягнобских узкогорлых горах и ущельях.

Тогда Ходжа Насреддин сказал:

— Я эхо... Я эхо своих предков и потомков, мертвецов и новорожденных...

А потом он показал на свой богатый зебб-ствол что лежал как крутой камень как неистовый снежный барс-ирбис-козопас в засаде в крепких карбосовых залатанных в причинных местах штанах и сказал:

— Вечен бессмертен не острый быстрый как жало весенней змеи-гюрзы язык мой, а зебб сынородящий мой... Где то́, что порождает тленный язык? А зебб порождает лакомых чад-детей!.. Ей-ей!..

Тогда я сказал ему:

— Ходжа Насреддин, ты говоришь о любви, а сам мозолишь тиранишь младым ядреным задом спину покорную нищий круп своего осла! А? Зачем тебе осел четвероногий если две ноги тебе дал Аллах? А?

И он устыдился и сошел с осла и покраснел рдяно спело как скоротечная скороспелая ура-тюбинская вишня.

— Молодость должна бродить на двух веселых хмельных вольных ногах, а? Иль ты пьян и не можешь устоять на двух своих ногах и тебе нужны четыре ослиные ноги, а?..

И он не нашел, что мне сказать, а только на прощанье поклонился и виновато побрел пешком — следом за ослом...

Во второй раз я встретил Ходжу Насреддина в Пенджикентских пыльных беломраморных горах холмах холмах.

И он был дряхл и полуслеп и осел под ним был дряхл ветх шаток и они едва брели по дороге и Ходжа Насреддин все время на ходу засыпал и падал стекал как дождь с осла и обнимал его обвислую лысую шею.

Прах ехал на прахе и дремал.

О Боже!.. Только что человек был млад в Фан-Ягнобских горах и вот уж дряхл в Пенджикентских медовых мраморных холмах...

О Аллах! печаль старость мудрость грядут на четырех ногах... да...

О Боже!.. Как дорога от Фан-Ягнобских гор до Пенджикентских холмов коротка...

Лишь горы и холмы всевечно стоят...

Да еще всевечен недвижим Аллах!..

И еще на осле ехали текли два больших мешка. Тогда я сказал:

— Ходжа Насреддин, где смех, где младость твоя? где твой ярый ствол жало майского двурогого златого шмеля иль скорпиона в карбосовых штанах? Где снежный барс-ирбис-козопас затаившийся, как в засаде, в бедных карбосовых штанах? А? Иль язык не пережил твой зебб? Иль твой язык раньше зебба опал замолчал?..

Но он дремал молчал и тихо проезжал.

— Ходжа Насреддин скажи изреки извергни мне на прощанье мудрость бытия? а? Как скорпион златой вечности яд?..

— Все прах прах прах... Жизнь — лишь быстрая дорога — волна дорожной пыли от Фан-Ягноба-горы до пенджикентского Ак-Тепе холма... да...

— Ходжа Насреддин, что в твоих обильных мешках?..

— Там маски... Маски женщин, детей, старцев, воинов, зверей, пастухов, ханов, крестьян..

Там жизни театр...

Всякий человек однажды в жизни изрекает мудрость иль остроту... И я бродил среди людей и запоминал вечные слова их...

Всякий человек хоть однажды в жизни бывает «Ходжой Насреддином»...

И вот я надевал маски людей встречных и говорил их словами изреченьями...

Сам я ничего не выдумывал, я лишь запоминал повторял и изображал

Сам я не вырастил ни одного плода а лишь с чужих дерев садов воровал собирал

Но вот я стал ветх и память ветха мертва моя и молчат мои уста и молчат мертвые маски мои в мешках... Я лишь эхо человеков... да!.. Вот моя судьба масхарабоза-шута!.. Я лишь кочующее текучее зеркало чужой мудрости

Я не из персти праха а из стекла... Ха-ха!..

Но вот пришел срок и стеклу разбиться... да!..

И тут он вытащил из мешка пыльную давнюю маску молодого Ходжи Зульфикара и надел натянул ее дрожащими руками на дряхлое лицо свое и улыбнулся и дальним голосом Ходжи Зульфикара сказал:

— Ходжа Насреддин, ты говоришь о любви а сам мозолишь тиранишь младым ядреным сытым задом спину покорную нищий круп своего осла, а?

Зачем тебе четвероногий осел если две ноги даровал тебе Аллах?

Молодость должна бродить на двух веселых вольных хмельных ногах, а?..

Иль ты пьян и не можешь устоять на двух своих ногах и тебе нужны четыре ноги осла? а?

...Да, Ходжа Зульфикар. В молодости я всегда был пьян от избытка жизни и вина — и две мои убогие ноги не могли удержать разгульного раздольного меня...

Молодость — это весна, а весной меня притягивали все женщины, а весной нет некрасивых женщин, а весной я боялся выйти на улицы, ибо мне хотелось

всех дев и жен, а весной мой зебб разливался по всей Гиссарской долине как неистовый Кафирнихан-река.

И разве могли две бедные ноги удержать носить мой зебб и тяжкого меня?..

А теперь я ветх, стар — и опять две мои ноги не могут удержать шаткого сонного меня...

Потому я бродил всю жизнь на четырех ногах моего осла...

Да!.. Мало ног мне одолжил Аллах! Вай дод! Айя!..
Пришлось брать ноги у осла... айя...

Тогда старый Ходжа Зульфикар затрясся дрожко блаженно и вспомнил и затосковал и зарыдал

Тогда Ходжа Насреддин в пыльной забытой давней давней молодой маске вспомнил и затосковал и зарыдал

Тогда рыдали на пустынной Пенджикентской дороге два Ходжи Зульфикара — один молод, другой стар.

Один в маске на осле — молод, другой без маски на дороге — стар...

Прощай Ходжа Насреддин

Прощай Ходжа Зульфикар

Жизнь — лишь быстрая блаженная текучая дорога волна летучей пыли от Фан-Ягнобской горы до Ак-Тепе — пенджикентского холма...

Аллаху Акбар Аллаху Акбар Аллаху Акбар

А на пенджикентских древних холмах беломраморная летучая веет пыль пыль пыль пыль

А на пенджикентских древних холмах беломраморный летучий веет прах прах прах прах

Лишь велик Аллах! айя!..

НОША

— Ходжа Зульфикар, дервиш дорог, ты много странствовал по миру сему. Какая ноша самая тяжкая?

Дервиш сказал:

— Самая тяжкая ноша — это невысказанная мысль...

Ты видел женщину, переспелому животу которой миновало девять божьих месяцев... И вот палачи закрыли дверь дона чрева недр ее руками мечами ножами глухими мешками своими и не дают плоду чаду ее исхода?..

И тогда плод разрывает внутренности ее и идет чрез гортань, горло ее как тайный солитер-нутряк, удушья ее...

Ты видел рыбака, который слезным оком провожает сорвавшуюся с уды вольную рыбу?.. И он готов броситься за рыбой в реку бушующую...

Ты видел желчного алчного ферганского дехканина Останкул-Парвиза, который нагрузил на спину осла шесть мешков муки и поверх сел сам словно седьмой мешок с мясом и костями и треснула раздалась обрушилась рухнула тщая неповинная тунная спина осла и позвоночник его рассыпался как костяные разорванные четки-бусы?..

Тяжкая ослиная гибельная ноша — невысказанная мысль

Тяжкие ослиные гибельные рассыпавшиеся Четки Бусы Времена окрест — Времена Невысказанной Думы... Последние Времена... Времена Тирана и Раба... Слепого алчного Хозяина и рухнувшего осла.

Господы!.. Не оставляй...

БАЗАР

Дервиш Ходжа Зульфикар бродил с пыльным возлюбленным сыном своим Касымджоном-Стеблем по осеннему тучному самаркандскому базару золотых разлившихся томящихся благоуханных плодов плодов.

И сын сказал:

— Отец, как прекрасен сладок томителен златотекуч златотягуч зрел базар душных парчовых плодов... Базар золотых шелковых урожаяев!..

Но Ходжа Зульфикар сказал:

— Базар — это кладбище мазар плодов текучих падучих снятых палых уж налившихся.

Сад — это жизнь зреющих живых наливающихся
ликующих плодов! грядущих томящихся урожаяв...

Сад — это молодость, базар — старость...

Иди в сады, сын мой...

ЖЕНИХ

В горном Каратегине блаженном блаженного дер-
виша Ходжу Зульфикара спросили:

— Шейх, мы горцы-чабаны. Мы знаем, что работ-
ного могучего осла надо выбирать по длине ярости
спелости весеннего зебба-ствола.

А как выбирать жениха для спелых дочерей на-
ших, от девьих ярых тел которых тлеют и горят зани-
маются истребляются ночные бухарские одеяла?..

О девственниц ночные тайные пожары в сокровен-
ных бедных чадных одеялах!..

..Ночная родная дочь бессонная моя! И тебе
надо покрываться утешаться не хладным одеялом а
бессонным гонным мужем ярым!.. Ая! Уя!..

Ходжа Зульфикар, но как выбрать жениха, что жар-
че всех девьих непочатых бухарских несметных одеял?..

Тогда шейх улыбнулся и сказал:

— О я видел я знал такого ярого пряного густо
наперченного жениха! Погорельца всех бухарских и
иных девьих одеял! Он жил в горном Хоронгоне и
его звали Кошкари-Науфаль!..

О блаженный жених Кошкари-Науфаль!

И когда пришел его срок и его зебб стал как ноч-
ная жемчужная лунная ревушая в чреслах-брегах
река семян его отец нашел ему невесту оправу не-
истовому громовому ленному камню-зеббу его и устроил
обильную долгую хмельную свадьбу-туй.

И свадьба шумела пела шла семь дней и лишь на
седьмую ночь Кошкари-Науфалю муллы позволили
войти к невесте его Гульсум-Хурсанд и разорвать
разбередить разворошить разбудить гранатовый бутон
томящийся ее.

Но тут жених ярый блаженный Кошкари-Науфаль
неожиданно исчез пропал.

Стали искать его но не находили.

А Гульсум-Хурсанд сняла с себя парчовые свадебные одежды и возлегла алчно на бухарские фазаньи одеяла, которые тут же стали тлеть гореть чадить бродить от несметного неутоленного тела ее, и стала ждать стонать подвывать визжать желать алкать Кошкари-Науфалья обреченного жениха своего.

Но искали и не находили его.

Тогда пришли к Ходже Зульфикару многочисленные мужи и жены и дети — родственники Кошкари-Науфалья и Гульсум-Хурсанд и взмолились слезно:

— О блаженный шейх Ходжа Зульфикар! Дервиш пастырь пастух погонщик многих божьих дорог! Чабан пастырь человеческих душ! Где жених наш Кошкари-Науфаль, что бежал от ложа невесты своей? что не стал мужем? Куда бежал от отворенной ногой ждущей невесты своей? Куда бежал от сладкой забвенной медовой калитки распахнутой в бухарских горящих вратах стенах одеялах?

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Я скажу вам, где место его. Но вы не повредите его? не убьете его?

Они сказали и поклялись:

— Мы не тронем и волоса Кошкари-Науфалья.

Тогда Ходжа Зульфикар улыбнулся и сказал:

— Велика и горяча любовь Кошкари-Науфалья ко многожеланной Гульсум-Хурсанд!

Но слишком длинна свадьба была, а слишком жажда была велика Кошкари-Науфалья!..

И сколько дней может просидеть жаждущий у нетронутого родника ручья?

Ай блаженный Кошкари-Науфаль!

Ай* велика любовь и жажда твоя!

Эй хладные мужи и жены забывшие о святой любовной жажде-лихорадке!.. Ищите Кошкари-Науфалья в сарае-ослятнике!

И пошли к сараю и там нашли Кошкари-Науфалья блаженного среди стада удовлетворенных ослов.

И ослов было более ста...

И всех Кошкари-Науфаль почал ублажил познал...

А ныне на дряхлой нищей навозной затхлою соломе

в углу сарая свято влюбленно утоленно утомленно опустошенно божественно улыбочиво спал и самозабвенно шептал:

— Теперь я очистился... Теперь мой зверь-барсирбис-зебб усмирился упокоился истратился в неистовых ослах!.. Теперь я люблю тебя, моя небесная святая Гульсум-Хурсанд моя...

И тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Чу!.. Тишина!..

Пусть спит блаженный Кошкари-Науфаль!..

Пусть снится ему в бухарских одеялах его горячая желанная долгожданная жена Гульсум-Хурсанд!

И тогда люди отошли от сарая, где и ослы не трубили, чтобы блаженный Кошкари-Науфаль спал, чтобы снилась ему его возлюбленная жена Гульсум-Хурсанд...

Аллах! Господь мой!.. Не забывай прости меня...

НЕВЕСТА

В горном Хоронгоне дервиша Ходжу Зульфикара спросили:

— Шейх, мы горцы-чабаны. Мы знаем, как выбирать коня или барана. А как выбирать невесту?

Шейх сказал:

— У меня не было ни коня, ни барана, ни невесты. Но скажу.

Надо привести девушку и посадить на суфу придорожной чайханы под персиковое осеннее дерево.

Тогда прилетит золотая спелая осенняя медвяная оса. И если она минует златые духмяные душистые крупитчатые избыточные блаженные плоды персика и сядет на золотой парчовый рукав девушки, а потом неслышно перелетит перекочет на жемчужную атласную щеку, а потом на коралловые послушные тихие губы — и будет долго нетронутно сидеть на рукаве том, на щеке той, на губах тех — значит девушка та добра покорна светла и сладка как персик.

Это невеста твоя. Бери ее в жены. И ты будешь пчелой осой на мед ее, а Аллах будет витать стоять над вами Всевечной Золотой Доброй Осой!..

— Отец мой, ата!.. Дервиш Ходжа Зульфикар вы видели лжеучителей лжепророков на путях своих?

— Видел. Многих.

— Дервиш вы внимали им?

— Внимал. И блуждал как во тьме во сне от слов их. Когда человек изнемогает изникает горит от жажды а чистодонные реки далеки а ясные родники закрыты запечатаны загажены, человек готов испить из мутной придорожной болезной лужи, где кишат маслянистые лягушачьи головастики.

И я пил воду прогорклую квелую лживую дурную на путях моих.

И болели кишки мои словно я напился песка и душа моя кочевая маялась стенала...

Да!..

...Но вот Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель пришли ранней весной на плоскогорье Сафед-Дорак где таяли лепетливые многие снега стекая сходя с гор, где росли смолистые мускусные мускулистые тысячелетние арчи и уже сквозили на талых пригорках первые травы целебные «рано» и первые целомудренные тюльпаны и талые коровы ели их.

И тогда Ходжа Зульфикар опустил омыл голову в свежерожденном роднике и сказал тихо:

— Сын мой, устала голова моя одинокая от тяжелых рассказов, от мудрых притч, от хмельных словес...

Истинно сказано, что рот дурака всегда полон по-словниц, анекдотов, рассказов...

Устала голова моя от человеков... Разве можно учить наставлять человека?

Всякий человек — тайна, колодезь, степь каршинская бескрайняя, пучина бездонная аральская морская, почная звездная текучая бездна августа на вершине хребта Хазратшох.

Всякий человек сам себе пророк, шейх, учитель, поводырь.

Устал я.

Хочу глядеть лишь на новорожденные ручьи идущие пьяно рьяно от ледника

Хочу молчать при ручьях нарождающихся

Хочу молчать как эти тысячелетние арчи нагорные

Им потому тысяча лет, что они молчат, Касымджон
сын мой талый тюльпан мой

Хочу молчать как эти зачарованные жующие траву
«рано» коровы

Истинно говорили китайцы: «Персик и слива молчат,
но к ним не зарастет тропа...»

О Господи зачем эти тропы? эти дороги?

О Господи зачем мне ноги?

...Все гуще камень на моем пути

Все гуще ночь

И нету мочи далее брести

Останови да упокой меня Господь

Под алычовым придорожным перламутровым

кустом...

КОЛОДЕЗЬ И ГОРА

— Дервиш Ходжа Зульфикар Девона Афанди Бла-
женный ты много странствовал. Дервиш ты пил из
многих рек родников и колодцев.

Дервиш какой колодезь самый глубокий?

— Самый глубокий колодезь — это человеческий
глаз.

Око безвинного человека. Око младенца. Око муд-
реца.

— Дервиш, какая гора самая высокая?

— Та гора, с которой учат пророки и мудрецы.

* * *

...Возлюбленная моя!

Ранней весной

Когда цветет в пустыне саксаул — розовый сосок

песков

Когда цветет живет колеблется сыплется летучими

жемчугами лепестками от ветра у реки

снежнокудрая блаженная первоалыча

Ранней весной
Пойдем пешком-босиком из Хивы в Бухару
Возлюбленная моя...

Айя...

Айи...

И я понесу поберегу полелею в руках узорчатые
сафьяновые изумрудные тихие тихие кауши-башмаки
твои...

Теплые еще от твоей чародейной вольной веселой
ноги...

Айи...

УЩЕЛЬЕ

Осенний непролазный беспробудный зыбкий знобкий
дождь в дальном дальном родном пустынном
кандаринском ущелье ущелье ущелье

О ущелье

Кто пожалеет твои мокрые невиноватые скалы твои
мокрые опустелые козы тропы твои мокрые
сиротские нагие деревья

Кто пожалеет

* * *

Вечерний ежик на укропной грядке
Куда грядешь в душмяных сонных росных зарослях
Вечерний друг бродячий брат мой

А окрест сыплются мечутся осиянные текучие
звездопады августа

А окрест разгулялись несметные хладные тучные
августа звездопады

Над тобой и надо мной

Брат мой

* * *

...Пока я пил вино
Раззолотилась роща
И опала
О Боже! И на дне пиалы
Лист золотой лежит дрожит
Обвялый...
Весь пианный...

* * *

Осенней слезной осенью туманной туманной туманной
Я рисую рисую журавля зимушника домушника
на бумаге на бумаге на бумаге
Но он все улетает улетает улетает...

* * *

Вечерней порой в тихой вешней придорожной луже
Раздумья жабы перед бедствием вселенским
Чу!.. О чем ты жаба?..

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Когда меня понесут в саване моих дедов моих отцов!..
Когда меня понесут в последней одежде земной
и в первой одежде небесной — в занданийском нищем
саване-кафане моих забытых дедов и отцов!
Когда меня напоследок понесут в спелой виноградной
пыли августа-мурдада в которой я некогда и провился
явился сюда
Когда меня понесут поредевшие бедные согбенные
друзи сироты мои мимо твоего дома возлюбленная моя!
И ты будешь пить чай с ореховым вареньем
Не выходи из дому возлюбленная моя
Пей чай с ореховым вареньем которое ты любишь
так же как я любил тебя
Возлюбленная моя

* * *

В осеннем заброшенном ноябрьском чептуринском
саду саду саду
Бродячая пустынная собака лает и ночью и днем
Она сходит с ума от шороха шепота шелеста
необъятных неоглядных падающих листьев листьев
листьев
Скоро снег собака...

* * *

Я пойду в рамитские таджикские родимые осенние
сквозистые пересохшие холмы холмы холмы
Куда ходят покорно умирать усыпать бездомные собаки

Они там перед смертью лижут рвут едят жуют
целебную спорыш-траву
А я не могу...

ЗИМНЕЕ ОДИНОЧЕСТВО

Ночью шла шла шла струилась стремилась металась
метель метель метель
Казалось что снега паутины пряжи ледяные насквозь
пронизывают тощую блаженную одинокую мою
саманную кибитку в хиссарском беспробудном
поле поле поле пуховом

В метель не спится мне
В метель мне не спалось
И так мне стало одиноко одиноко
Что я открыл дверь и окно заметенное
И впустил вихрь веер нимб сноп святой летучий
снежинок алмазных веселых
Ой хорошо! Свежо! Светло!..
Неодиноко!..

* * *

Сегодня мы опять вдвоем с тобой сестра жена моя
метель метель метель
Такая зима лютая долгая окрест одинокой кибитки
моей в хиссарском поле поле поле
Что рад я и тихому вялому нежданному гостю
муравью
Одиноко сонно ползущему по лепешке сухой
ханакинской моей
Откуда ты зимний брат мой?

*

* * *

И ушел в златоосеннее падение парение златодерев
дерев дерев
И ушел в среброснежное зимнее молчание мечтание
моление сребродерев дерев
И ушел в жемчужное весеннее кипение волнение
дерев

* * *

Будь тих и смирен как отставшая от стаи утка
Плывущая грядущая смутно на вечерней осенней
дымчатой Аму-реке
Утка иди ко мне...

* * *

Сентябрь
Русь
Желудь с дуба икшанского на землю летит
Русь мед уходит из твоих дождливых трав и цветов
Мед горчит
Засыпают квелые тунные млявые пчелы
И я засыпаю и вижу Азью мой улей златомедовый
Туда туда туда летит медовый сонный взор мой

* * *

Дервиша спросили:
— На какой дороге нельзя ни на миг оглянуться,
ни на шаг вернуться?
Дервиш ответил:
— На дороге мертвых... к Аллаху идущих... грядущих...

* * *

Безбожники звонят в колокола
Но люди спят бездонно и не слышат
Но вот Христос шепнул свои слова
И даже агнцы от сосцов молочных отлепились
отделились отделились

* * *

— Дервиш Ходжа Зульфикар, что такое первая любовь?..

— В молодости я пил три вина: вино молодости напоенного тела, вино любви и вино лозы. И три реки сливались во мне и смешивались свято... И был я вечно хмельным как от макового сонного кукнара.

Но вот однажды я встретил в кишлаке Исписсар-Изюм-Курага спелотелую вдову Кулдай-Дур-Ханум.

Она брала воду из реки и наклонилась задрала платье, входя в волны, и я увидел сахарные спелые тучные гладчайшие нагие ноги ее и увидел что она была без изоров нагая нагая нагая долго стояла она долго долго воду в ведро набирала и река текла чрез нагие тучные ноги ее и река протекала в ногах ее потому что она была без изоров-шаровар-туманов она была нагая...

Тогда я закричал:

— Кулдай-Дур-Ханум! Ты зачем ходишь на реку нагая в одном лишь сквозистом платье и его задираешь воздымаешь яро?

А она захохотала:

— Я ведь вдова! Я одна! Я одна нагая и нагие ноги мои одиноки! Пусть хоть этот сладчайший речной весенний насим-ветерок развеет обвест курчавый арчовый затаенный средь жемчужных отмелей ног мой островок!..

И река чрез ноги ее текла струилась протекала и она стояла...

Тогда я пришел в кибитку свою саманную малую и лег на дряхлую курпачу свою хотя день был а не ночь но я лег на курпачу и закрыл глаза и увидел как река струится чрез нагие ноги Кулдай-Дур-Ханум и стеклянными бешеными лисьими ногтями перстами в кровь в смерть расцарапал изрезал удавил удушил избил измял молодой безумный неповинный ствол зебб свой и орехи наследства каменные...

А потом я побежал к реке и закричал весь в крови:

— Кулдай-Дур-Ханум! Ты взяла разрушила девственность мою! Гляди — мой зебб и орехи в крови!.. Ийи!.. Ийи!..

Но Кулдай-Дур-Ханум уже не было на реке...

* * *

Дервиш сказал:

— Только в пятьдесят лет я стал выслушивать людей, а до того самозабвенно опьяненно говорил сам. Мне стыдно за мои пятьдесят глухих лет...

ВРАГИ

— Дервиш, ненавидишь ли ты врагов своих?..

— Разве ненависть сильней любви?.. Если я перестал яриться, наливаясь, глядя на женщин, если я перестал быть пчелой бегущей в медовый улей в ногах их, то что мне враги мои?..

Где враги мои?

Нет их.

БРАТЬЯ

Дервиш сказал:

— Орел — это небесный лев, лев — это земной орел. Они братья. Но орел может ходить по земле и летать в небесах, а лев — только ходить по земле.

И потому орел — старший брат льва... Да...

* * *

— Дервиш ты великий поэт. Но вот гляди на ничтожного поэта Урзака-Укку. И вот он, как и ты, читая стихи, стонет рыдает умирает. И так же, как ты, имеет рьяных ценителей почитателей. И носит такие же длинные кудрявые безумные волосы, как ты.

И горят глаза его ройным огнем — лучистым снопом, как у охотящегося зверя в ночи!..

О великий дервиш-поэт, где же различие меж вами?..

Дервиш сказал:

— Ты видел на дороге лужи после дождя?.. Пошел заструился ветер — и волны пошли побежали рябью по лужам. В лужах и океанах волны равно ходят, вздымаются. Только в луже рябь а на океане — буря...

Но потом дервиш опечалился и сказал:

— Но что вешняя дорога без луж малахитовых ликующих? Пуста нема. Скучна.

Урзак-Укка! малая птаха! ночная ореховая совка сплюшка! поющая! прости меня...

...Дервиш сказал:

— Так должны жить и умирать поэты...

Если они должны умирать...

ПАЛАЧ

Блаженный дервиш Ходжа Зульфикар сказал притчу о палаче Хасане-Гурге.

О превосходство палача!

Тебе дано меня убить! убить пресечь прекратить меня... да!

И что же?

Я люблю тебя Хасан-Гург палач!..

Палачи мои я люблю вас и тогда беззащитны вы. И падают руки ваши и убойные орудья ваши от улыбки моей...

Но столько палачей на бедной родине Азии моей... столько охотников в бедном лесу родины моей, но столько охотников в лесу а дичи нет уж.

И тогда палачи дичи охотники убивают друг друга.

Когда в лесу нет дичи уж вольной а есть червивое множество охотников — тогда охотники охотятся на охотников... И палач находит на палача...

О бедный лес мой... о бедная Азия родина моя...

Лес палачей... Лес охотников...

И палачи тщатся хлопочут и вопиют о милосердии, об отмене казни смертной, но если отменят казни — куда пойдут ноги их?..

И они привыкли топтать человекoв а не землю свою...

И был палач именем Хасан-Гург. И он был тяжкий главный палач Азии.

Но в старости отошел от дел своих и обрел дом и землю на берегу дальнего Аральского моря, где никто не знал его.

И там жил неслышно как трава и думал, что Аллах забыл его, а убитые усеченные удушенные его не встанут и не пойдут на него.

И на земле вокруг дома посадил он только обильные кусты гранатовых рубиновых ширазских роз и астр.

И обнес свой дом и цветы высоким слепым дувалом саманным.

...И всякое утро, боясь соседей, Хасан-Гург прятал оберегал хранил в гранатовых розах и астрах беглые дрожащие руки свои, руки мясника человеков, душные убойные руки ката, потому что во дне проступала наполнялась натекала на руках его далекая безвинная богатая кровь жертв его, и ничем нельзя было смыть ее, и он держал разбухшие разлившиеся, как реки в половодье, руки свои в гранатовых рубиновых розах и астрах, пока не шла ночь и не сокрывала кровавые руки его...

И ночью уходила кровь с рук его до утра...

Дервиш сказал:

— О палачи!.. Поберегитесь, чтоб старость ваша не прошла среди гранатовых роз и астр и только ночь возвращала бы вам данные убойные тяжкие кровавые рубиновые руки ваши... да...

Дервиш сказал печально:

— Да что-то жаль мне палача с гранатовыми старыми руками в гранатовых цветах...

Жаль...

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Блаженный дервиш Ходжа Зульфикар Девона сказал сыну своему Касымджону-Стеблю:

— Сын мой, есть еще один рассказ о Ходже Насреддине, великом страннике...

Ходжа Насреддин родился и вырос в глухом безвестном кишлаке Ходжа-Ильгар.

С детства тянуло нестерпимо влекло его на Великий Шелковый Путь где брели многозоркие многодалные караваны и слышались многие языки и наречья.

Но смертно жаль было ему расставаться с родным кишлаком, с родной саманной кибиткой, с матерью и отцом, с друзьями, с возлюбленной Тути-Карамат.

Но!

Но тянуло отрока Насреддина на Великий Шелковый Путь, ибо великий бродяга странник цыган кочевник жил и томился и бродил в нем, как хмель в вине.

И вот однажды отрок Насреддин, а ему уж было двадцать лет, встал ранним утром, когда все колодезно

темно пухлогубо спали, и тайно тихо быстро побежал пошел прочь от родного кишлака.

Он бежал в утренней прохладной абрикосовой пахучей родимой пыли допотопной первозданной и боялся оглянуться назад, где в утренней сизой фазаньей малахитовой млечной павлиньей дымке пелене плыл спал чудил его родной Ходжа-Ильгар.

Он бежал на Великий Шелковый Путь в исконной летучей хладной пыли первотворенья объятий обуянный прахом прадедов своих и боялся оглянуться назад, чтобы не увидеть свой кишлак и не разрыдаться и не повернуть вспять.

Он бежал по горной тропе и Ходжа-Ильгар навсегда на века уж оставался за спиной его.

И остался один последний поворот на дороге и вот уже за горой пылил жил Великий Путь.

И вот уж он был шумел плыл под ногами дрожащими Насреддина-беглеца...

И тут Насреддин не выдержал и прощально обернулся напоследок и увидел слезный дымный родной свой кишлак Ходжа-Ильгар, что безвинно плыл уходил умирал навек в утреннем мареве.

И тут содрогнулся понял Насреддин, что не может он покинуть забыть оставить навек свой кишлак, как нельзя оставить одинокого на дороге кочевой опасной малое невинное заблудшее родимое дитя.

И тогда Насреддин зарыдал, потому что Великий Шелковый Путь звал его и был у его ног молодых, а он не мог уйти...

И там на повороте на роковом изгибе дороги росло младое блаженное веселое тутовое дерево — балхашская шелковица с сизыми полными ягодами и бил крутой веселый родник.

Тогда Ходжа Насреддин сел под шелковицей и Великий Шелковый Путь шел жил у ног его, а вдали в дымке плыл жил родной кишлак его Ходжа-Ильгар.

И отсюда мог Насреддин очами не разлучаться не расставаться с ним и видеть его и любить его.

И шли мимо него караваны и языки. И люди шли к нему, а он сидел под шелковицей.

Он просидел под шелковицей пятьдесят лет.

Люди разных стран и языков шли к нему и мимо него по Великому Шелковому Пути.

И несли в тленных мешках диковинные несметные тленные товары а в устах несли нетленную славу о мудрости Ходжи Насреддина, что вкопанно блаженно сидит у родника под веющей шелковицей...

Истинно говорил древний китаец: «Самые великие путешествия я совершил не выходя из дому»...

Шли близ Насреддина ханы, вазирьы, странники-каландарьы, нищие, шейхи, хаджи, купцы, убийцы, воры, влюбленные, женщины, дети, звери, животные, птицы...

И Ходжа Насреддин не странствовал — мир странствовал кочевал блуждал у ног его, в душе его.

И он сидел под деревом и ел сухие пряные тутовые ягоды и пил целебную лепетную воду родника. И ту пищу, что давали ему прохожие люди за мудрость его.

Так прошло пятьдесят лет
Так жизнь прошла
Балхашская шелковица высохла
Родник целебный обмелел
Ходжа Насреддин стал стар
Но блаженными счастливыми были ветхие глаза его
Ибо повидали впитали они неоглядный текущий
грядущий по Великому Шелковому Пути народов базар
бродячий караван-сарай мазар бытия...

И не расставались не разлучались глаза его с родным гнездом люлькой-гахварой кишлаком Ходжа-Ильгаром.

Никогда!

И один мудрый бездонный божий вечный глаз великого недвижимого странника Ходжи Насреддина всегда глядел на Великий Шелковый Путь.

А другой слезный человеческий телячий тленный бедный глаз всегда глядел на Ходжа-Ильгар!..

Дай Аллах двум божьим сим глазам очам!.. Дай!..

...Тут Ходжа Зульфикар замолчал, но потом намокли очи его как утренняя росяная трава и он тихо сказал: — Сын мой Касымджон-Стебель! Но есть есть еще одна печальная притча о Ходже Насреддине.

О безумном сумасшедшем Ходже Насреддине...

О Ходже Насреддине Девоне...

...И он ушел бежал не озираясь не оглядываясь из родного кишлака своего Ходжа-Ильгар.

И долго странствовал по Великому Шелковому Пути и много горя человекoв увидал сошел с ума от горя этого ибо одна лошадь не может нести груз десяти лошадей... И рушится она...

И стал безумным Ходжа Насреддин

И стал Ходжой Насреддином Девоной...

И сел навек под балхской шелковицей и недвижно просидел там пятьдесят лет ибо устал бродить и видеть горе человекoв и прощать вмещать его.

И люди узнав что он сумасшедший обходили его издалека стороной.

Он был одинок как пустыни песок

И балхская шелковица высохла выдохлась над его головой

И зачах изник серебристый целебный родник

И завял загдох зарос тандымом, черкезом, терескеном Великий Шелковый Путь — станoвая сонная снятая лoза-жила уснувшей Азии родины моей.

И там где ступали шествовали многодальные неистовые верблюжьи царственные караваны — там смертно шелестят душные ползучие мышинные верблюжьи колючки травы.

И Ходжа Насреддин сидел под вымершим высохшим тутом и от тоски и смертного волчьего одиночества грезились чудились ему дальные несуществующие добрые люди и дивные истории.

И он выдумывал диковинных людей и истории о них. Но некому было поведать их.

И тогда он рассказывал их самому себе и сам хохотал печалился сострадал радовался им.

И рыдал от них, рассказывая их самому себе вслух всласть, как синий дрозд, что поет в глухих ущельях лишь для себя.

И в молодости его истории были веселые — и он хохотал над ними, как нищий каландар накурившийся ашаши-банга

А в старости истории его стали печальными — и он рыдал одиноко над ними

И все эти истории навек ушли с ним в безвестную могилу его...

...Тогда Касымджон-Стебель сказал дервишу:

— Отец, и вы побоялись подойти подползти к Ходже Насреддину Девоне и подслушать хоть одну историю, придуманную от смертной желтой тоски одиночества? Отец?

И дервиш сказал маясь и рушась и волнуясь, как летучий бархан Усть-Урта под тяжким густым ветром самума.

Дервиш сказал:

— Когда я пришел к нему, он был уж ветх и уж не рассказывал своих историй а только неслышно рыдал

И он только сказал мне:

— Дервиш Ходжа Зульфикар ты опоздал.

Я уже все рассказал

Когда у человека пуст карман — он просит подаюнья

Когда у человека пуста душа — он ищет общенья, он ищет человек...

Дервиш, теперь только загробные Ангелы Мункир и Некир заставят заговорить меня...

Но!

Дервиш, но если б ты знал, какие истории и люди уходят со мной в могилу мою...

Прощай...

О, Аллах! отними упокой безумную голову мою...

Ууу...

Дервиш сказал:

— Истинно говорили древние китайцы, что слово дано человеку лишь для того, чтобы проникнуть в безграничность молчания...

Аллах!.. Ты!..

А слово — лишь тропа, ведущая в неоглядное безмолвье плоскогорья Уч-Булак...

ВЕЛИКИЕ ТИРАНЫ МУДРЕЦЫ ПОЭТЫ

Касымджон-Стебель сказал отцу своему блаженному дервишу Ходже Зульфикару.

Он сказал:

— Отец, великие мудрецы и поэты не умирают. Они вечны. Бессмертны... да!.. Но и великие тираны — увы! — тоже вечны и бессмертны.

Тогда дервиш сказал:

— Великие поэты и мудрецы — это бездонные колодезные добрые глаза человечества

А великие тираны — это рубцы, шрамы на лице человечества... Это незаживающие скорбные желчные язвы, раны...

Да!

Но!..

И дервиш улыбнулся:

— Но лицо без шрамов и рубцов иной раз кажется скучным постным небогатым, как слишком приятное травянистое сахарное яблоко...

Не так ли?..

ДОРОГА И ТРОПА

Дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель брели тонули томились колебались блуждали в теплых родимых колыбельных материнских сумерках по золотым осенним шафрановым медоточивым регарским холмам по козым неисчислимым тропам тропам тропам...

Касымджон-Стебель подумал:

«Отец, ваше лицо в морщинах, как регарский вечеряющий холм в козых тропях?..»

И еще он подумал:

«Отец вы уйдете навек с вашими морщинами, а холм с козыми тропами останется... Аллах! не дай такой печали...»

Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, чем отличается тиран от мудреца?

Дервиш сказал:

— Тиран любит большие шумные дороги, по которым можно гнать много народу, большое войско.

Тиран любит большие дороги на которых можно столкнуть стравить и убить много людей.

А мудрец любит одинокие отрешенные дальние козы тропы, где он может лишь один созреть, один уйти, один умереть...

Истинно так, сын мой!..

И они шли брели в регарских вечеряющих шелковистых шафрановых холмах

И они утонули в звездных ночных бархатных ага-
товых атласных набегающих холмах холмах волнах

Ночь

Взяла

Их

До утра!..

Но! Аллах!.. Покойно душам одиноким на Твоих
родных святых ночных кочующих холмах волнах ладьях
скользить витать!..

КАРМА

— Дервиш Ходжа Зульфикар, вино, хмель, пиан-
ство — грех великий?..

Сказал:

— Вино, хмель, пианство — грех, но вот Аль Коф-
фейль аль Коббейль Ульль Курдюк Эль Мубаррак ало-
горлый ярогубый родился великим пианицей.

Но он не пил вина, соблюдая запрет святой и избегая
своей кармы, и долго болел мучительно хворал и умер
до срока своего.

И умерло угасло стало алое горло его — гибкий
блаженный тунный сосуд для вина, и стали ярые пост-
ные уста его — в которых не родились великие воль-
ные веселые слова застолья хмеля и блаженного по-
хмелья.

Зачем это?

И дервиш опечалился.

РАДОСТЬ

Дервиш в старости болел маялся зубами и долго
с неохотой собирался к табибу-лекарю, но тут пришла в
его кибитку рухлую Смерть-избавительница и Ангел
Азраил Ее.

И дервиш обрадованно воскричал:

— О блаженная Смерть! о блаженный Азраил!..

О как я рад, ведь вы избавили меня от палача табиба зубного лекаря что кровожадно алчно хищно поджидает меня!.. А...

И ушел навек счастливый вмиг забыв о земной жизни своей...

ХУЛИТЕЛИ

— Дервиш Ходжа Зульфикар, как ты относишься к завистникам хулителям стихотворений хадисов изречений твоих, поэт?

Сказал улыбочиво:

— Когда в малой душевной кибитке злоумышленник, завистник тайно иль явно пускает нутряные горькие ветры в твою сторону тогда тошно ноздрям человеческим и душам.

Но если завистник свершает тайное свое деянье под звездным неоглядным небом божьим пологом среди вселенной — то что ноздрям моим и душе моей от дурного облачка сего?

Дервиш сказал:

— Поэт — будь неоглядной вселенной, а не душевной тесной кибиткой.

Тогда враги Твои — как дурные облачка растают бесследно...

ВОЛЯ

— Дервиш Ходжа Зульфикар, может ли человек летать по воздуху иль ходить немокренно сохранным по водам рек?..

Сказал:

— Однажды в горах хребтах Зеравшана в краю тысяч блаженных вешних ветров я очень захотел летать — и вместе с ветром Обихингоу полетел с горы на гору...

Однажды на вешнем противоположном берегу реки Сорбо я увидел тугую жену Курайш-Кишмиш в рубиновом бархатном переливчатом маргеланском платье и очень захотел пойти к ней по водам алмазным шумящим — и пошел и тронул, объял, укротил бархаты ее...

Но однажды — лишь однажды — я захотел хоть на миг забыть о Боге своем — и не смог...

Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель были бродили по майскому дальнему горному урочищу Хазору-Санг, где от обильных камнепадов все тропы и ущелья были завалены несметными непроходимыми непролазными скалами и камнями.

И тяжек путь был средь густых камней.

И часто святые путники садились на камни и отдыхали уповали средь камней удушающих.

И вот они сели на камень бродяжный и Касымджон-Стебель сказал:

— Что должен брать человек на земле этой?

Дервиш сказал:

— Надо брать на земле то, что идет течет падает в рот. Воду и рыбу рек. Плоды земли и дерев. Пока ты молод — коров и овец...

Дервиш сказал:

— Но нельзя брать зверей яро бегущих. Но нельзя брать птиц вольно летящих.

Дервиш сказал:

— Сын мой, если птица вольная летит — это не значит, что она летит в рот твой, как в гнездо заветное...

Сын мой, если зверь бежит — это не значит, что он ищет сладкое последнее пристанище в утробе твоей алчной, как в норе упасающей... Нет!

Сын мой! пожалей помилуй побереги зверей!

Скоро их не останется на земле...

О Аллах слишком расплодился разлился разросся как бурьян как верблюжья колючка алчный охотник безбожный человек! да!..

И охотников стало боле чем птиц и зверей

А когда не станет зверей и птиц — охотник пойдет охотой на охотника, человек на человека! И будет не лес зверей а лес охотников

И это будут Последние Времена

Не дай Аллах!

Дервиш встал с камня и сказал:

— Нельзя трогать даже безвинный одичалый дикий камень на земле. Гляди, Касымджон-Стебель...

И дервиш поднял камень и там лежал таился ко-

нился ярился метнулся майский напоенный златоядный скорпион.

И он бросился на руку дервиша, чтоб метнуть в нее яд свой, но дервиш успел стряхнуть его на землю.

И сказал:

— Сын мой, я нарушил гнездо безвинное сокровенное скорпиона... Представь, что ты спишь в ночи, а люди тайно пришли и разрушили дом-кибитку над тобой и унесли стены и крышу и разбудили тебя не в твой час..

И дервиш и сын его побрели средь нестемных камней урочища Хазору-Санг...

ЛЕТАЮЩИЕ КОРОВЫ

Дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель находились бродили дышали ликовали весной в дальнем урочище Тавиль-Дара где были тучные травы и паслись тяжкие курчавые несметные стада коров и овец, утопая уплывая в травах.

И столько было трав что коровы и овцы не могли поднять едящие губы головы алчные свои от земли

И вымена коров как белые тугие валуны атласные лоснящиеся лежали плескались в травах несметных необъятных

Тогда Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, нынче многие старцы и жены и даже дети говорят о близких грядущих Последних Временах

Отец что будет в Последние Времена?

Дервиш сказал, глядя на тучные хмельные травы, на тучные стада на коровьи тучные валуны-вымена

Дервиш сказал:

— В Последние Времена не станет трав и растений на лысой убитой земле. И коровы будут летать, чтобы объедать верхушки деревьев, где еще будет доживать зелень.

И валуны-вымена их будут как засохшие многодневные лепешки...

Не дай Аллах летающих коров над головой... О!..

Дервиш Ходжа Зульфикар сидел с сыном своим Касымджоном в блаженном дремотном дремливом варзобском осеннем ущелье, где река Варзоб-дарья вила несла кружила смиренные лазоревые каменные запруды заводи и на запрудах заводях плавали золотые листья чинары чинары чинары...

— Отец, что такое семья, по которой так страждут томятся тоскуют люди?.. Что есть гнездо человек?

— Сын мой, пророки говорили:

Иисус Христос: Враги человеку домашние его...

Блаженный Будда: Семья, очаг — место мерзости...

Сын мой, я говорю: Семья, очаг — это каменная запруда на реках веры моей..

Но река идет струится сквозит чрез заводи запруды те... чрез медленные заводи бирюзовые лазоревые с золотыми палыми листьями листьями листьями прибрежных чинар...

— Отец, блаженный Ходжа Зульфикар мой, что есть река веры?

— Сын Касымджон, Пророк Иса сказал: Много званых, да мало избранных...

Я расскажу тебе об избранном...

Вот он стоит в очах моих!.. Родной блаженный слепой шальной человек Киззяк-бай Истад!.. Слепец домашнего очага, невольник семьи Киззяк-бай! лепешка семейного танура-печи!

И вот тебя избрал Господь!..

Айя! Ауйс! Снежный барс-ирбис летящий со скалы на хрупкую ломкую податливую блаженную овцу!

Уйсы! Чуй... Так Господь мой летит на избранного слепого человека на Киззяк-бая Истада!.. Айя!..

Киззяк-бай Истад землистый чистый родниковый зеленый изумрудный дехканин-крестьянин, у тебя ноги ногти руки глаза уши язык гортань печень кишки в летучей земле земле земле прахе, ибо жизнь твоя прошла в поле с кетменем в землистых низких багровых осенних слепых низких ругах.

И даже нутряная слюна на языке твоём темна
горька солонка от земли.

Поистине земледелец в поле ест землю свою... да...

Киззяк-бай родитель-творитель пшеницы кукурузы
лука тыквы укропа риса хлеба на малом куске земли
своей среди семейного очага-танура хавли-двора твое-
го...

Киззяк-бай червь земли... да...

Киззяк-бай Истад откуда имя твоё, крестьянин
неистовый ползучий муравей двуногий кромилец алчной
семьи своей? вода корней её ненасытных?..

...Я родился в кишлаке Кухнаи-Масчидд окраинном
близ святой Бухары у сатанинской святой пустыни
Кызыл-Кум... Ууум! Уум! Ум! откуда даже солончако-
вые засушливые многотерпеливые верблюды бегут пол-
зут грядут... ибо даже слюна их высыхает на языке
их...

И мать моя Фергана-Маргелан-апа родила прежде
меня одиннадцать детей: Муниффу, Мунирру, Мухфизу,
Муборизу, Муборак, Матлубу, Маструббу, Мутлибу, Ха-
сана, Хусейна, Хола-Мирзу.

И всех взял Аллах в детстве их.

И тогда родился последыш я.

И тогда бедная опустелая Фергана-Маргелан-апа
берегла безумная меня и держала день и ночь на
испуганных мучительных млековых неурожайных не-
плодовых гробовых руках и каждый день взвешивала
меня на домашних малых весах и к железным гилям
она прибавляла всякий день маленький свежий коровий
коровяк-кизяк, чтобы узнать, как я наливаюсь молоком
её и прибывает тельце моё с каждым днём и ночью
на руках бессонных её...

И много вылепила мать моя любовных нежных
кизьяков таких...

И Аллах пожалел мать мою и кизьяки её и оставил
меня на земле...

И на одной чаше весов был живой человеческий пла-
чущий прах, а на другой чаше — коровий целебный
терпкий веселый кизьяк и Аллах улыбнулся в небесах и
оставил меня на земле а не взял в небеса...

И с той поры меня нарекли в кишлаке Кухнаи-
Масчидд родном Киззяк-баем Истад, и поныне, когда

я вижу чую как дымится на кишлачной пыльной дороге
ль в печи рдяно тлеет златой кизяк-коровяк я вол-
нуюсь задыхаюсь блуждаю спотыкаюсь маюсь и воспо-
минаю свою дальнюю усопшую святую мать...

Да!..

Но!..

...Дервиш Ходжа Зульфикар, отец мой, что есть
семья, по которой так страждут томятся тоскуют чах-
нут люди?

Отец, что есть гнездо человек? Ведь сказано: Не
знают истины кому грезятся бессмысленные сны:
отец, мать, дети, жена и верный друг... Аум тат сат,
аум!.. Монах, рви узы. Гряди, как носорог...

...Семья, очаг — это каменная запруда это лазоревая
заводь на реках веры моей...

Но река идет струится чрез запруды те, чрез лазо-
ревые заводи те... Йе!.. е!..

...Отец, что есть река веры?..

...Пророк Иса сказал: Много званых да мало избран-
ных...

Я говорю тебе об избранном о святом дехканине
муравье черве земли...

О святом блаженном Киззяк-бае Истаде!..

...И вот одним туманным петушиным ранним утром
Киззяк-бай Истад встал и надел праздничный зеленый
чапан и белопенную чалму индийской кисеи и ход-
жентские сапоги и взял два таджикских хурджина-
мешка и пошел на пятничный необозримый базар
святой Бухары.

И там щедро накупил лихой хивинской халвы, и
самаркандских сыров, сахаров, хлебов, и каганских
чарджоуских дынь арбузов и персиков, и гиждуванских
платьев и изоров-шаровар и маргеланских атласов и
шелков и двух гиссарских курдючных несметных ба-
ранов и солнечный-радостный ликующий пошел
вспять домой в родной свой кишлак пыльный убогий
Кухнаи-Масчидд, где в бедной кибитке саманной и
хавли-дворе жила уповала ждала его уйгурка желанная
жена Усуль-Асаль и одиннадцать рьяных ройных чад-

детей его, которых он назвал именами преждеусопших сестер и братьев своих; Муниффа, Мунирра, Мухфиза, Мубориза, Муборак, Матлуба, Мутлиба, Матрубба, Хасан, Хусейн, Хол-Мирза.

И они были полнотелыми как внешние горные ручьи и живучими как кусты туранги у реки.

И Киззяк-бай Истад шел по пыльной пустынной родной дороге с двумя тяжкими хурджинами, в которых томились сласти, и гнал пред собой двух гиссарских тучных баранов, в которых кочевал копился плескался целебный жир и мясо.

И Киззяк-бай Истад думал о детях своих и о спелой жене своей Усиль-Асаль, которая днем была уж стара, суха, как изюм, но ночью еще млада сладила текла как гроздь кисть рохатинского забытого виноградника октября, и яро глотал слюну их алчных двенадцати ртов, языков! О!..

И Киззяк-бай Истад улыбался предвкушая...

И уже показалась явилась плыла вдали его бедная саманная косая кибитка родная и на глиняном дувале сидели лепились томились одиннадцать детей его и глядели на пустынную пыльную дорогу и ждали отца своего, и Усиль-Асаль глядела тихо покорно покойно чрез низкий дувал и думала, что сила двух зарезанных баранов вселится в мужа ее и он разъярится в ночах ее и будет трясти декабрьские заснеженные квелые виноградники ее.

И уж они увидели Киззяк-бая родного мужа-кормильца-отца и маленький баловень Хол-Мирза закричал:

— Отец! Ата!.. Вся хивинская кунжутная халва моя моя моя!.. Ата, халва моя!..

И дорога была пустынная пыльная.

И Киззяк-бай Истад ласково ступал и близилась кибитка его с двенадцатью пенными ртами зыками детей чад и жены его.

И два хиссарских несметных курдючных барана обреченно пыльно текли в двенадцать алчных грядущих ждущих ртов-ворот.

О!

И на пустынной дороге не было никого, но стал нежданно высоко человек в темном волосатом длинном чапане локайца-чабана.

И Киззяк-бай Истад знал всех жителей кишлака своего и окрестных кишлаков, но этого не знал.

Но прошел мимо него и ласково сказал:

— Салом аллеюкум, путник. Будь моим гостем. Пойдем в кибитку мою. И я зарежу барана и будем есть мясо его. Ведь сказано в Книге: Не забывай о странноприимстве, ибо под видом странников могут прийти ангелы...

Тогда тот сказал тяжело беспробудно глухо, пряча в чапан лицо и жгучую богатую непролазную — по самые глаза — бороду.

Тогда тот сказал простуженным потраченным дальним ветхим голосом древнего курильщика анаши:

— Ты Киззяк-бай Истад?

— Я,— сказал Киззяк-бай Истад и, неожиданно для самого себя, встал и сбросил со спины два хурджина на землю, и два барана, учуяв, покорно вкопанно тяжело встали пред ним.

Тогда тот сказал:

— Ты Киззяк-бай Истад. Ты двуногий червь, муравей раб земли и семьи твоей.

Ты божий святой дехканин.

Ты чистая нищая блаженная ползучая душа.

И что ты видел познал, червь, кроме ночной своей жены, кроме одиннадцати детей — арычных пиявок-ришта тела твоего, кроме кетменя твоего, который всегда мокро блестит в поле сухом от честного едкого сладкого пота твоего, Киззяк-бай Истад?.. А?..

Языкастый двуногий червь... мимолетный тленный мотылек прах... А?..

И тогда Киззяк-бай Истад задрожал лицом, головой в белопенной обильной бухарской чалме, но ничего не мог сказать онемелыми устами, а только замычал:

— Аааааааааа... Аллах!.. Спаси меня меня меня меня...

Но потом сказал:

— Кто ты?

Тот сказал:

— Я Ангел Джабраил. Меня послал к тебе Аллах. Киззяк-бай Истад! Велика милость Аллаха. Отныне

за чистую твою жизнь земную Аллах дарует тебе вечную жизнь в вечных небесах!.. Айя!.. Ангел Киззяк-бай Истад!.. Взлетай!..

Тогда Киззяк-бай зарыдал, заверещал, застенал.
Тогда Киззяк-бай Истад воззвал:

— О Аллах! Я не хочу быть вечным Ангелом Твоим!
Я хочу быть тленным червем скоромимопроходящим человеком земляным!

О Аллах, зачем Ты меня избрал?

Аллах, вот рядом кибитка, семья родимая кровавая рана язва беспробудная сырая бездонная зудящая медовая моя!

Аллах, вот там одиннадцать чад моих на дувале родимом алчут любят уповают сидят.

Аллах, вот жена моя еще лакомая желанная в ночах Усуль-Асаль гроздь осеннего винограда моя глядит на чресла мои еще плодовые чрез низкий дувал...

Аллах, помилуй и минуй меня мя...

И он рыдал и падал в ноги Ангела Джабраила.

Тогда!

Тогда пришел восстал песчаный нежданный ветер-самум от ясной тихой пустыни Кызыл-Кум...

Тогда пришли рассыпались визгливые несметные разъяренные ярые жемчужные пески пески пески...

Тогда Киззяк-бай почуял, как два неистовых крыла, как две болезные бешеные опухоли, встали над ним, родясь биясь восходя выходя болезно, как плод из роженицы, из плеч его, из мяса, из персти, плоти его и как в ключья разорвался раздался раскололся вдребезги, как сосуд хрустальный о камень, его зеленый чапан-халат.

Тогда ветер-самум прибыл, стал гуще яростней, и тогда Киззяк-бай Истад неожиданно яро слепо неистово щедро прямо остро туго встал на крыла и восстал над дорогой и над Архангелом, что немо недвижно тяжело стоял на земле, как черный тополь.

И вначале ветер потащил Киззяк-бая по дороге, и он как птенец-аист подпрыгивал над землей и трепетал крыльями часто и неумело...

Но потом Киззяк-бай Истад встал над дорогой на свежих крыльях и понесся потек вольно по ветру.

Но потом он восстал взошел в небо, в воздух, в ветр летящий в десяти шагах от кибитки своей, едва не задев крыльями дувал и детей своих и жену свою Усиль-Асаль.

И он успел только схватить из мешка в руки кусок хивинской кунжутной халвы и хотел бросить ее любимцу своему Хола-Мирзе, но мальчик, закрывая глаза ручонками, истошно испуганно слепо закричал снизу, с земли, навек уходящей от Киззяк-бая Истада Ангела Аллаха.

И Хол-Мирза закричал, запричитал, захлебываясь заикаясь от страха:

— Ата! Отец! Родной ата! Мне не нужна хивинская халва! Только вы не улетайте, как птица, ата ата ата ата ата... Ата...

Но Киззяк-бай Истад Ангел Небес уж улетал

Но он уходил в высокие вольные вечные небеса

И тут он увидел сверху свой убогий малый сиротский смертный очарованный испуганный кишлак Кухнаи-Масчидд...

И тут он увидел всю Бухару и увидел, как мал с небес Аллаха его кишлак, его кибитка, его семья, его песчинка соринка жена Усиль-Асаль, его сын Хол-Мирза, навек застрявший жгучею соринкой в его слезящихся очах очах очах...

Прощай! прощай! прощай! прощай!..

И Киззяк-бай Истад вечный Ангел Аллаха уходил навек в осиянные небеса.

Но рыдал

Но!

Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

Аллах велик, как небеса...

А человек, как земля, мал...

ВЕРНУВШИЙСЯ ВСПЯТЬ

Дервиш Ходжа Зульфикар сказал:

— Гляди — давноусопший шейх встает грядет в святой пыли с давнозабытого мазара-кладбища!

Кто видел хоть одного Вернувшегося из мира иного?

Никто не видел.

...Но вот дервишу Ходже Зульфикару стало семьдесят пять лет и он сидел в чайхане Рохат-Арр в варзобском весеннем вольном ущелье тысячи хрустальных кудрявых ручьев и тысячи курчавых ветерков у реки Варзоб над которой стояли жемчужные цветущие алычи безвинные таинницы.

И дервиш съел шурпу и выпил зеленого чая, которые неслышно немо улыбаясь подал ему чайханщик Гульмамад-Уффл а потом пошел под цветущие алычи и пал на прибрежную атласную начальную траву и тихо взмолился:

— Аллах! Господь! Уже ноздри мои устали изъязвились от дорожной пыли, уже ступни мои истрескались и земля жгучая ползучая в них! уже очи мои не рады алычам таинницам цветущим которые осыплются! Возьми Господь меня в сады Твои нетленные — для того я надел новый зеленый чапан.

И когда кончил шептать, умер на траве прибрежной в зеленом травяном чапане своем.

Травяной изумрудный чапан, в котором покоился как в коконе тихий иссохший уж дервиш полег навек в изумрудную атласную приречную траву.

И чапан стал саваном.

Тут пришли тихо из чайханы люди во главе с чайханщиком Гульмамадом-Уффл и скоро совершили фатиху и прошептали суру загробную Ясин и похоронили дервиша на старинном забытом мертвом мазаре Ханака-Хиссар, где уже давно не хоронили мертвых, но дервиш одинок был на земле и некому было оплакать его и найти ему могилу на свежем живом мазаре пристанище новоусопших и потому похоронили его на брошенном мертвом кладбище древних забытых шейхов.

И дервиш ушел с земных путей на небесные в изумрудном чапане своем.

...Прошло триста лет и в райском вечноцветущем саду затосковала занедуговала душа дервиша Ходжи Зульфикара и он пал в садовую траву где лежали вечноспелые златоспелые нечервивые персики яблоки урюки палые и взмолился:

— Господь мой триста лет прошло как ушел я с земных путей но вот сегодня ноздри мои затосковали вспомнили пыль сладкую липкодынную земных дорог а ступни алчно жгуче зачесались в жажде тех алмазных мелких горных ледовых хрустальных рек по которым я любил бродить босиком а очи жаждут алычей таинниц цветущих.

Аллах верни меня на землю хоть на миг на день!

Тогда Господь сказал:

— Дервиш а не боишься смертной сиротской ножевой раны тоски на земле где не знаешь ни одного человека? ни одного лица?..

Но дервиш сказал:

— Не боюсь, Господь мой.

И тогда он оказался в чайхане Рохат-Арр в варзобском весеннем ущелье где веяли пряные шелковистые ветерки и клубились родники свежерожденные ручьи и стояли у реки цветущие таинницы алычи.

И молодой чайханщик Асан-Чолок неслышно принес дервишу шурпы горячей и зеленого чаю.

И дервиш ел шурпу и пил чай и глядел на цветущие алычи у реки.

И он был рад и счастлив и полон воли ручьев родников и алычей цветущих.

И он улыбался и полон был как река безумная вешняя полна безумной шалой воды волны, раздвигающей размывающей берега.

И он рыдал от счастья и от воли и все вешние ручьи родники и все вешние пряные летучие ветерки и все травы и все алычи шли текли бежали носились просились в ноздри талые блаженные его в очи талые бывые его в душу его вновь земную вкушающую.

И он вспомнил узнал ту чайхану Рохат-Арр и он вспомнил узнал все ручьи все родники все ветерки все травы все алычи у реки.

И вспомнил дервиш Ходжа Зульфикар скоротечную свою земную жизнь.

...И он сидел в чайхане Рохат-Апп и пил зеленый чай и вспоминал.

И только не мог он вспомнить ни одного лица ни одного человека что ели пили дышали жили смеялись скоротечные слепобыстротечные вокруг него во множестве в чайхане.

И не мог он вспомнить узнать ни одного человека окрест себя и все были чужие чужие чужие новолицы.

И дервиш не знал ни одного из них и ни один из них не знал его.

И он был окрест неоглядно кругом на земле этой сирота.

И тогда дервиш вспомнил слова Господа: «Дервиш а не боишься смертной сиротской тоски раны ножевой гиблой на земле где не знаешь ни одного человека? ни одного лица?..»

И тогда дервиш смертно затосковал неслышно затрясся зарыдал как малое дитя брошенное отцом и матерью на пустынной ночной горной кишлачной дороге на которую наступает ночь с дальними хладными плеядами ее и близкими волками и дикобразами ее.

Ай ночь колючих Плеяд ползущая как хрустальный игольчатый слепящий дикобраз — куда? куда? куда? И каждая звезда — колючая колышется алмазная игла игла игла.

Ночь святой лучистый вечный дикобраз — сколько звезд игл несметных у тебя тебя тебя?..

И ночь пришла и тогда дервиш затосковал ибо он один был на земле сирота. Ибо он один был на земле Вернувшийся Вспять.

И тут молодой чужой чайханщик Асан-Чолок подошел к дастархану дервиша и стал ладно проворно убирать косу-пиалу и чайник и пиалу.

Но потом он стал долго мучительно глядеть на дервиша.

Но потом он вдруг наклонился надломился над дервишем и шепотом острым как каратегинский скотный нож свистящим шепотом сказал:

— Путник! кто ты? Откуда-то я знаю знаю знаю тебя! Ля илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла! Откуда ты? Айя!.. Ай Аллах!

Тогда дервиш дрожа маясь витая вымирая высыхая сказал:

— Ты не знаешь меня.

Я издалека издалека издалека издалека!

Ля илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла!

Я пришел я вернулся вспять! айя! уйя малийя! хйя!

Иль ты видал чтоб река вспять бросилась метнулась к леднику-отцу потекла?.. зйя!

Тогда чайханщик Асан-Чолок тайно взял губами ухо дервиша как кошка берет облизывая дитя свое и шепнул ему словно сыпанул перца ярого красного рубинового афганского на язык сокровенный:

— Дервиш! я узнал тебя! ты Ходжа Зульфикар Девона! Ля илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла!..

...Господь мой! Ты ль не оставил меня?..

АРБА

И каждое утро в сизом павлиньем родном первобытном допотопном томном топком тумане оставляя млечный летучий след проносится по кишлаку Кудрат-Ошик моему мимо утлой саманной кибитки моей вздымается проносится высокая ферганская арба.

И я не сплю и совершаю утреннюю молитву-намаз вослед уходящим Плеядам и гляжу гляжу на арбу плывущую в сиреневом персиковом тумане тумане тумане она проносится грядет высокая вздымается! айя!

И аробщик молодой жгучий могучий с молодой ярой бородой смеется немо немо улыбается белоснежными лучистыми как вершины Чакал-Каляна как белопенные водопады Шахристана зубами зубами зубами

И два угольных памирских тьмовых густых как агатовый гиждуванский камень яка влекут арбу в серебряном извечном родном тумане

— Ай аробщик куда ты едешь в тумане? куда стремишься? куда куда куда маешься скитаешься уповаешь?

— Ай дервиш Ходжа Зульфикар садись на арбу мою и вместе поедем покатаемся поскитаемся!

Ай дервиш иль ты не странник Аллаха?

И он хохочет лучистыми среброснежными безвинными зубами в ярой агатовой ползучей неистойвой кудрявой бороде алмазами играя

И так меня влечет тянет ласкает улыбка человеческая, что я иду к его арбе.

Но так меня тянет улыбка человеческая, что я иду к нему очарованно хотя я знаю знаю знаю чую кто он и куда его арба стремится струится в утреннем зыбком илистом тумане тумане тумане

Но тут арба сквозит бежит летит неслышная в тумане и я не могу догнать ее и бегу бегу бегу догоняю но не могу догнать ее:

— Эй аробщик! иль бегут как волки твои медленные яки? иль летят как грифы бородачи стервятники ягнятники твои яки?

И тут в тумане я вижу вижу вижу чую что яки ползучие возлетают в тумане обрастая жгучими темными неслышными крылами и они уже не яки а грифы стервятники и они несут арбу в небеса воздымаясь возвышаясь поднимаясь над землей притихшей в тумане над туманом туманом над туманом

— Эй аробщик лучезарный зачем летит твоя арба на крылах грифов в тумане а не тщится не ползет по святой земле власатыми ногами тьмовых ленных яков? *

Эй аробщик зачем твоя арба летит грядет в тумане по туману? куда стремится куда скитается спешит? куда возлетает? Разве мало ей земных дорог? Зачем арба в небеса восстает воздымается?..

— Эй дервиш иль не знаешь что мне надо обойти навестить многие сады града и кишлаки? И там собрать свои святые палые червивые урожаи урожаи урожаи? Я ведь сборщик палых плодов палых урожаев!.. И потому

я лечу на крылах грифов стервятников а не на ногах яков!

Эй дервиш Ходжа Зульфикар скороспелый иль не знаешь?

И тут я вздрагиваю маюсь: откуда он знает имя мое?..

И он опять хохочет хохочет уходя взлетая в тумане близ моей бедной одинокой головы и колесо текучее арбы летучей у самых глаз моих испуганных опасно крутится в тумане взлетев напрасно яро тунно крутится над землей.

Но опять влечет меня улыбка человеческая и опять я влекусь к его арбе уже уже бешено круто взлетающей и хватаюсь за безумное тунно крутящееся летучее колесо и на его арбу с трудом влезаю в бешеном тумане тумане тумане

И лечу в тумане и земля покорно остается за туманом

И тут на арбе я вижу сопревшее истлевшее сено а под сеном уже лежат два спящих человека но от них идет адов дух чад утлый скорбный чад тлен умерших и я чую вдруг что это не спящие а усопшие сокрытые сеном истлелым, но аробщик хохочет лучистыми зубами осиянными звездными и опять смертно смертно бесцельно беспредельно влечет меня улыбка человеческая:

— Эй аробщик бери меня в арбу твою летящую в тумане! улыбка твоя меня манит влечет туманит радует пьянит ранит навек насмерть туманит!

Тогда аробщик кричит:

— Эй дервиш божий Ходжа Зульфикар давай давай в тумане серебристом неоглядном напоследок полетаем полетаем повитаем!

Но тут нежданно он быстро хватко из-под сена вынимает Книгу из овечьих тибетских древних шкур и медленно, задыхаясь, ибо туман летучий мешает ему, читает древние ветхие полуистертые письмена знаки

Но тут он хрипит храпит и уходит улыбка с лица его и внезапно лучистые зубы изникают потухают как костер в который налили десять бурдюков воды

...И тут он поникло пустынно шепчет мне:

— Ай дервиш! уходи с арбы! еще не пришел твой срок летать витать в загробном зачеловеческом тумане! еще в Книге усопших еще не вымерли не выдохлись твои знаки! еще Аллах тебя не призывает! ай жаль жаль жаль мне! дервиш жаль мне! Ай проклятая святая божья Книга мне мешает!..

И тут арба встает в тумане и в тумане резко прямо на землю опускается ударяется колесами визжащими кричащими и два грифа стервятника страшась опять вернуться в яков травоядных озираясь огненно глядят на меня адовыми алчными трупоядными очами

И я схожу с арбы и тут аробщик опять снежными своими лучистыми зубами улыбается

И опять влечет манит пьянит туманит меня улыбка человеческая

Но аробщик кричит на древнем небывалом языке якам-грифам своим и арба уже не разбегается а сразу в туман за туман в небеса за небеса безумно восстает как стрела истошная прямая в журавля летящего встающая летящая арба вмиг воздымается вмиг изникает во тумане во тумане во тумане

И лишь трухлявое чадное сено с арбы круто вставшей в небеса сыплется тянется на меня сверху из тумана...

Азраил Ангел! Аробщик мертвых!.. Ту!.. Я узнал тебя! твоя ползучая летучая арба в тумане в небеса бездонно необъятно разъяренно воздымается! айя! .

...Ай дервиш ай жаль Аллах тебя еще не призывает!

И я остаюсь на земле кроткой притихшей кишлачной овечьей скоротечной милой талой

И я остаюсь на земле осыпанный сеном горьким чадным трухлявым...

Но влечет манит пьянит меня улыбка человеческая вечноснежная в тумане!..

Дервиш сказал сыну своему Касымджону-Стеблю, что вырос и стал мужем и стебель стал стволом.

Касымджон-Ствол спросил:

— Отец, ата, а когда будет День Страшного Суда? Кто знает срок?..

Дервиш сказал:

— Сын мой Касымджон-Ствол, никто не знает, когда будет этот День. Знает лишь Аллах.

Но я видел человека, который знал о Дне Страшного Суда.

Его звали Диловар-Дурды-бай.

Он был дервиш-бродяга. Каландар из Ходжента.

Однажды в странствиях своих по берегам Сырдарьи он увидел на берегу спящего бездонно человека. Человек давно спал, потому что высохла выдохлась соляная слюна сна на его бороде седой измятой и мухи оставили иссохшие губы его, на которых не было влаги бытия.

Он давно спал а рядом с ним на жемчужном песке лежала труба-зулькарнай. Труба была древляя, но золотая, и потому ржа не взяла ее, а только потемнело золото ее певучее дремучее гремучее от древности.

А в зулькарнае-трубе свил жемчужное густое гнездо паутину каракурт-паук пустыни, палач лошадей и верблюдов.

Диловар-Дурды-бай сел около спящего и просидел два дня, но спящий не просыпался.

Тогда Диловар-Дурды-бай с трудом, задыхаясь, маясь взял в руки золотую тяжкую трубу-зулькарнай и хотел приставить ее к устам, чтоб вострубить и разбудить спящего, но убоился ядовитого матерого каракурта, что глядел на него роящимся изумрудным малахитовым иным оком.

Тут спящий дико сомлело тяжело проснулся, почувяв, что кто-то взял зулькарнай его, и сказал сонно дымно издалека слепо Диловару-Дурды-баю:

— Кто ты?

Диловар-Дурды-бай сказал:

— Я дервиш, путник всех дорог и троп, я паук неоглядной паутины божьих земных дорог...

...Тогда Спящий улыбнулся и сказал:

— И что ты нашел в паутине своей блаженный Диловар? Идущий — да находит. Я Ангел Исрафил. С золотым Зулькарнаем — Трубой Восстанья Усопших.

Дервиш я скажу назову тебе День Страшного Суда, когда усопшие восстанут и будут судить живых.

Я скажу тебе день, когда я прохриплю протрублю в Золотой Зулькарнай, и изгоню каракурта и разрушу паутину ядоносную слепую его дыханьем своим и призову усопших к восстанью из могил их.

Дервиш Диловар-Дурды-бай дай мне тленное ухо твое.

Я скажу назову тебе День Страшного Суда.

Я назову тебе срок, которого не знает никто, кроме Аллаха и меня.

И ты будешь один знающий на земле живых! Уййялла! уййя!..

Дай тленное ухо твое. Я скажу шепну в нищее мимолетное ухо твое великую нетленную Весть! дай!..

И Исрафил, ленно приподнявшись с прибрежной шелковой колыбельной травы и дыша дервишу в лицо земным сонным терпким желчным тлетворным перегаром анаши и вина и бараньего стойкого стадного стайного жира, взял зубами ухо дервиша и тайно страшно неоглядно шепнул назвал ему День и час Страшного Суда.

И дервиш узнал Срок и День восстанья усопших и, как хмелем, наполнился нетерпеливой мукой жаждой сказать прокричать людям на всех дорогах о Дне.

Тогда Исрафил вновь упал ушел в траву и закрыл глаза и шепнул метнул, уходя в сон на века:

— Дервиш Диловар-Дурды-бай, червь земной, но если ты шепнешь хоть одному человеку о Сроке, о Дне — ты в тот же миг скорчишься, захлебнешься собственной дурной слюной нутряной ядовитой как яд каракурта слюной и умрешь в икоте.., умрешь! умрешь! умрешь!.. умрешь... Каракурт пойдет из тебя и удушит тебя!

И убитый молчный дервиш Диловар-Дурды-бай пошел по дорогам своим и встретил многих людей и жаждал алкал сказать хоть одному человеку о великой Тайне, о Дне Суда, но как только тщился он лишь шепнуть подумать о Сроке, как рот его вмиг наполнялся

ядовитой гиблой прелой пряной слюной и он бился рвался в икоте и рвоте и ничего не мог произнести и рыдал рыдал немо криво свято. Каракурт шел из него и уморял его удушал

И тайна жгла сосала уморяла утомляла убивала его как опухоль язва в глубинных колодезных нутряных поверженных кишках.

О человече! какая польза, если ты знаешь о Страшном Дне, но не можешь людям шепнуть сказать, а?..

Но дервиш немой пророк — павлин без хвоста иль ночное небо без письмен Аллаховых плеяд! да!

Ай Азья моя! сколько немых пророков бродит по тебе?..

Потом Диловар-Дурды-бай пошел по последней дороге своей и стал стар и умер.

И только перед смертью и только перед ней в пенном бреде икоте рвоте истоме огне поту лихорадке он метался по бухарским гробовым саванам занданийским одеялам и жгуче шептал рвотно кричал плача называл День Суда, но никто не внимал ему, никто не слушал его, думая, что это предсмертный бред.

Каракурт изшел из него и ушел к другим.

Так он и ушел навек с Великой Тайной своей...

О Азья моя! Сколько немых пророков бродит по тебе в немой жгучей тоске?..

И тут Ходжа Зульфикар пустынно дико огляделся окрест и склонился к Касымджону-Стволу и забился заблудился во рту язык его и тут он нежданно неистово задрожал как горный наскальный кишлак в землетрясенье и слезы пошли по его лицу и икота дурнота желчная рвота вмиг взяли измяли гортань его и пошли по лицу его как страшная гиблая рябь по Сырдарье от внезапного верблюжьего кызылкумского ветра самума Ирдашш-Улана, который насмерть насквозь пронизывает иссушает ребра верблюдов несметным песком своим.

Каракурт пошел из него.

...И тогда он в страхе во тьме побежал к реке Сырдарье и опустил ввергнул голову виновную свою слепую в ледовые злые волны ее и стал неслышно рыдать, рыдать и пить, пить, пить ледниковые святые многоглазые целебные всезнающие всевидящие врачующие воды ее, чтоб остановить ядоносную рвоту. И каракурта тайного.

И затих живой счастливый на святом берегу.

И затих стал тленный пагубный блудный язык его.

Аллах! Несметно необъятно око твое...

О!..

КОСТЕР

В ущелье Ардашер-Бартанг уже смеркалось уже ночь ступала нисходила ночь древняя сошестввенница по козым глухим тропам тропам тропам.

Черная корова весь мир поборола... Ночь...

Блаженный дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель сидели у целебного летучего одинокого костра.

...Дервиш! человек зажигает костер в ночи, чтобы обогреться и приготовить пищу?

...Нет! человек возводит в ночи костер, чтобы люди пришли к нему и он не был одиноким...

Костер — это крик немой об одиночестве...

Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, костер — это вестник предтеча житель ночи...

Костер — скоротечный житель скоротечной ночи... да!..

А каковы вестники смерти — этой вечной ночи?

Когда человек чувствует срок исход свой?

Когда выпадают вымирают зубы и волосы? когда печень и желудок не приемлют пищи, как не приемлют огненный песок? когда сердце спотыкается как старый полуслепой конь на памирской бездонной шаткой тропе-овринге? когда от человека память уходит, как тропа в кромешную ночь иль в осиянное утро?

Дервиш сказал, глядя в костер:

— Ты говоришь о вестниках тленной персти, плоти, о тлене праха... да!

Но есть иные вестники смерти, иные предтечи исхода...

Дервиш сказал:

— Когда на дорогах, в градах и селеньях ты встречаешь мальчиков и отроков, похожих плотью и ликом на тебя — значит Аллах посылает на землю на смену тебе иных отроков, а тебя хочет взять в небеса...

Дервиш сказал:

— Когда в пенье, звоне, лепете всякого ручья родника ты слышишь уже не утоляющий умиротворяющий шелест воды, а слышишь дальний пыльный голос давно усопшего отца и близкий родной птичий кроткий голосок лепесток недавно усопшей матери твоей — тогда они зовут кличут дымно блаженно тебя, как звали в детстве твоём по сиреневым вечерам: «Ау, ау! Зульфикар! дитя! где ты бродишь? Пора есть вечернюю лепешку с чурготом и спать, спать, спать... Пора: сынок! родимый навек! навеки спать!»...

О Аллах!

Из ручья родника шепчут лепечут кличут отец и мать свое дальное любимое заблудшее престарелое дитя дитя дитя...

Тут дервиш зарыдал, но слезы тихие блаженные высыхали от близкого костра.

Тогда дервиш сказал:

— Я сказал все притчи, что нашептал мне Аллах.

Я был напоенным мудрецом, а стал пустынным глупцом.

Я был вешней рекой, а стал худым осенним ручьем.

Я сказал все притчи и опустел, как высокогорный кишлак, жители которого переселились перекочевали в блаженную тучную льстивую кормилицу-долину...

Пчела ужалила человека и потеряла жало и уснула увяла насмерть.

Я потерял жало мудрости и должен умереть.

Тогда дервиш сказал:

— О Господь! Устал я быть человеком! Хочу быть веющим приречным вешним алычовым кустом, дрем-

лющим бездонным мшистым изумрудным камнем у тропы, бегучей алмазной родниковой лепетной водой...

О Аллах! хочу быть кустом камнем родником...

В ночи крошечной для заблудших одиноких путников костром костром костром...

РОДНИК

Дервиш сказал:

— В молодости я бродил по Долине Сорока Четырех Родников Чилу-Чор-Чашма.

В молодости я пил много самаркандского вишневого пряного вина и от него была неистовая болезненная жажда и боль в печени и я во всех сорока четырех родниках ту злую песчаную жажду утолял усмирял.

Дервиш сказал:

— В молодости я пил много дурного вина и любил одиноких переспелых открытых как родники вдов и курил мутную птичью поднебесную коноплю от которой человек вспоминает, что он был птицей...

Дервиш сказал:

— Человек должен истратить свою плоть чтоб как кость туберкулезника обнажился страждущий дух и я тратил грешную плоть свою и не мог уйти из Долины Родников Чилу-Чор-Чашма, где меня врачевала очищала алмазная целебная вода...

И на семь смертных человеческих грехов у меня было сорок четыре родника-ручья.

Но и они не могли омыть унять остудить усмирить меня.

О кочевая мускусная рыщущая алчная пахучая птица лиса рыба молодость моя!

И куда улетела? И куда унеслась? и куда уплыла? куда? куда? куда?...

Но тогда!

Но тогда хмельной шальной я пил из родника кротко роящегося в песке среди перевозданных камней

И тут зло похмелья охватило меня и я решил вычерпать вынуть из земли родник как вынимают белый гриб с корнями

И я хотел найти тайный подземный исток его и раздавить задушить растоптать родник

И я взял ореховую палку-посох и вонзил ее как нож в родник и стал рыть землю и песок текучий, чтобы вычерпать вынуть вырезать из земли родник.

Долго я рыл землю и песок дремучий текучий и выбирал разбрасывал тайные сокровенные подземные камни

Но родник из глуби земли безвинно бездумно беззащитно струился струился роился бился вился по рукам моим пианым алчным палаческим

Но родник струился и раздавленный разворошенный распахнутый разъятый

Но родник тихо пел шелестел шептал как сонный младенец с которого сняли сорвали пелены одеяла и холодно ему во сне его невинном, но живо его дыханье...

Дарвиш сказал:

— Тут стало хладно рукам моим а потом душе моей.

Тут мой хмель ушел как утренний туман.

Тут я понял что родник растоптанный раздавленный неисчерпаем неиссякаем...

Дарвиш сказал:

— Так и душа человеческая... Так мудрость божественная земная...

Дарвиш сказал:

— Тогда я упал ликом на родник и сказал: «Родник, брат, прости меня»...

И больше никогда я не пил вина...

Дарвиш сказал:

— Чилу-Чор-Чашма! Долина Сорока Четырех Родников Святая блаженная благословенная, где утолял я жажду младости!...

Где ты?

Где струятся родники ручьи Твои неумирающие?..

ХОДЖА ЗУЛЬФИКАР И ХОДЖА НАСРЕДДИН

Сын Ходжи Зульфикара Касымджон-Стебель-Ствол горяч яр кудряв сказал:

— Мой отец Ходжа Зульфикар стал стар. И стал часто болеть хворать роптать.

То голова болит томит, то сердце, то живот, то кости ноют страждут жгут по ночам! ай!

Скелет болит рушится что ли?

Старость — это когда ты понимаешь чуешь читаешь — из чего ты составлен собран! айя!

Аллах мой!

И тогда Ходжа Зульфикар отец мой надел дряхлый залатанный чапан-халат и пал на колени в хиссарском поле и обратился к всемогущему Аллаху.

Тогда я сказал:

— Отец, зачем вы надели дряхлый рухлый халат на время молитвы, кода Книга призывает надевать на себя самые лучшие одежды в час молитвы?

Отец сказал:

— Сын мой, все мусульмане надевают новые чапаны, а я надел дряхлый и Аллах сразу увидит меня с небес среди прекрасных вдохновенных изумрудных спин и обратит особое вниманье на меня и услышит мою малую мольбу:

О Господь мой! зачем ты так сложно богато сотворил человека? зачем столько костей тканей органов бедному одному одинокому человеку?

Блаженно дерево — у него лишь корень ствол листья и плоды а у человека одних лишь костей двести сорок восемь и каждая горчит горит болит!

О Аллах мой нельзя ли было проще сотворить составить замесить двуногого человека?

И *Ходжа Зульфикар стenal в кротком поле.

Тут проезжал мимо Ходжа Насреддин на осле и он услышал мольбу страдальца Ходжи Зульфикара.

И он улыбаясь лишь бухарскими сливовыми блудными пыльными прекрасными глазами сказал:

— О мудрый дальний друг близнец мой Ходжа Зульфикар! Я тоже часто думаю — зачем столько костей кожи волос органов частей бедному человеку? А эти кровоточащие печень сердце почки легкие кишки

и... мочевого пузыря! И все это одному человеку, а? Нельзя ли было проще и ясней сотворить человека, а?

Ну, скажем, из двух частей: головы и зебба? а блаженный Ходжа Зульфикар?..

Тогда Ходжа Зульфикар встал с земли отряхнулся вздохнул и поглядел на блудноглазого Ходжу Насреддина и хмуро сказал:

— Ты прав великий Ходжа Насреддин! Но зачем тебе к твоему ослиному вселенскому страннику зеббу — сну многих азийских жен — еще и голова? а? Зачем зеббу голова?..

И они обнялись и засмеялись а потом разрыдались а потом расстались...

Два великих блаженных вольных близнеца странника Аллаха...

И долго долго слезно кровнoлюбленно озирались оглядывались умирали оживали радовались...

И один пошел в Бухару а другой в Мешхед.

И пыль дорожная лазурная взяла их...

И трое их было на дороге — Ходжа Насреддин — Ходжа Зульфикар скоротечные и третья пыль всевечная всевластная была.

И осталась пыль одна... айя!..

Алланна!..

И Касымджон-Стебель-Ствол — летучая Искра от Великого Камня — засмеялся а потом опечалился...

КОЛЕСО САНСАРЫ

Однажды дервиш Ходжа Зульфикар вместе с сыном своим Касымджоном-Стволом сидел в пустынной вечерующий ура-тюбинской чайхане и вдруг закрыл глаза словно безумно вспомнил нечто нечто положил руки на голову и долго сидел так.

Куда ушла душа его? куда?

О какие пределы билась душа его как птица влевающая внезапно тайно в окно кибитки и бьющаяся о стены слепые?

О стены вселенной! о которые бьется душа человеческая — а что там? а что там? а что там?..

Там один Аллах!..

...И дервиш долго сидел молча молча молча а потом стал шептать древнюю Песнь Саньясина.

И шептали снежные уста его:

— Раздайся песнь! Пой громко эту песню Саньясин!
АУМ ТАТ САТ АУММ! Пускай в тебе угаснет жажда жизни! Она влечет душу от рождения к смерти и от смерти к новому рождению!...

Не знают истину все кому грезятся бессмысленные сны: отец мать дети жена верный друг... Там где ты думаешь найти свободу — ни этот мир ни тот тебе не может дать...

Бесплодны твои искания в святилищах и в книгах...

Я отвергаю жизнь и здесь и там — все небеса и землю и самый ад и все страхи и надежды...

Так рви свои оковы отважный Саньясин!

Не обращай внимания на то — живет твоя плоть иль умирает уже. Ее задача кончена и карма пусть ее уносит.

Уподобляйся вечно бегущему потоку! АУМ ТАТ САТ АУММ!..

Дервиш ты вспомнил тысячелетнего монаха Саньясина и вечную Песнь его?

Касымджон-Ствол сказал:

— Какие у него были глаза и волосы, отец? Как звучал его голос мимолетный скоротечный переходящий? Я знаю песнь его но хотел бы увидеть его во плоти земной пыльной дальней отец!

Тогда дервиш открыл глаза и убрал покойные руки с головы своей и озарилось лицо его.

И он сказал:

— О блаженное Колесо Сансары Колесо превращений! *запредельное запредельное! запредельное!

И все мы плывем живем на Колесе необъятном этом!

Истинно сказано: Великий квадрат не имеет углов а великое Колесо не имеет пределов границ рубежей!

Но Саньясин сошел сорвался с Колеса и ушел за те пределы и нам его не увидеть! ни в образе человека ни в образе зверя ни в образе растенья иль камня!

Сын мой смертный Касымджон-Ствол: но там пни свежи и монах бежит за рубежи души души души! да!

А в последние времена многие человеки уйдут за рубежи души.

А там Шайтан Сатана ждет алчет их!

Сын мой, но был в рамитском ущелье монастырь мусульманских монахов мистиков суфиев-аскетов и там был Укульссак-Духна-Чормазак-Каландар и он молился Богу всякий час и ненавидел ночь и сон ее, ибо она отнимала его у молитвы, у Бога.

Но весной когда цвели рассыпались дышали в ущелье снежнокудрые безвинные алычи и груши и яблоки — он маялся сокрушался ненавидел цвет жемчужный их ибо святые текучие духмяные падучие лепестки соблазняли отвлекали его от молитвы и тайных бесед с Богом его.

И тогда он брал топор лесорубов и рубил деревья цветущие чтоб не мешали ему Бога любить.

И много безвинных деревьев он порубил погубил повалил в шумящем обильном цвете их.

Но вот однажды он пришел с топором на вершину горы Рамит-Фан-Звезда и тут увидел одинокое цветущее дерево дикой сливы.

А под деревом бил роился родник и там пила воду из дивных камышовых осиянных лепетных перстов своих вдова Кусс-Камышш-Халва-Ханна из кишлака Гульдира-Сафеддак.

И монах суфий аскет солончак Укульссак-Духна-Чормазак-Каландар увидел вдову спелотелую и родниковую воду протекающую в ее перстах и насмерть навек запредельно возлюбил ее и руки ее и ноги и воду родника в ее перстах.

Весна была тогда окрест а на вершине горы блаженной Рамит-Фан-Звезда был веял вешний лютный святой плотоядный пряный от цветущего шиповника и боярышника ветер и он гнал гнал гнал Укульссака-Духну к Кусс-Камышш-Халва а ее гнал гнул к нему и аскет от медового ветра и адова соблазна и плотского блудного внезапного возбешенья на вдову с топором в руках бушующих камнем упал пал пал пал объял усладил взял! айя!

И все ее платья изоры ичиги бусы изорвал растерзая как памирский белый снежный исполин волк попавший в сеть для алмазного ферганского фазана! айя!...

Аллах упаси! не дай весной встретить покорную спелотелую невнятную вдову на вершине горы, блаженной у хрустального родника! не дай!.. Но!.. Дай!.. Аллах!..

Но и в любви аскет суфий Укульссак-Духна не выпускал из рук топора, а потом опустошенно сказал:

— Кусс-Камыш-Халва ты шайтан! я рубил цветущие безгрешные деревья а надо рубить тебя! Ты плотина из валунов камней на реке моей!..— И он изрубил топором все одежды ее.

Она сказала:

— Вечный встречный возлюбленный мой Укульссак-Духна! Я всю жизнь ждала тебя! Руби меня! Я люблю тебя! У оленей гон бывает осенью а у тебя весной! блаженный мой Укульссак-Духна! Я узнала твой зебб! и теперь не боюсь твоего топора! Руби вали меня!.. Олень мой! Я насмерть на века люблю тебя!.. Подрубленно поваленно люблю люблю тебя! олень олень люблю тебя!

И она омылась в роднике и не поднимая не собирая с травы одежд своих счастливых в прах изорванных осиянная нагая нагая нагая ушла.

Навек Кусс-Камыш-Халва-Ханна ушла.

А Укульссак-Духна навек насмерть остался у родника на вершине горы Фан-Рамит-Звезда с тунным постылым топором своим.

И он ждал ночи и Плеяд ее и Бога ночного своего, чтобы воззвать к Нему и молить о грехе своем.

И ночь пришла и Плеяды притекли и Укульссак пал на колени на вершине горы и стал взывать к Аллаху но Аллах к нему не приходил не приходил не приходил...

— Йыыыы!.. Йынн!.. Господь мой! что покинул меня? что не слышишь меня? где где где ты ты ты ты ты?..

И тут встала древля зороастрийская звезда любви Тиштар. Звезда сноп костер огня и она стала жечь поедать жалить Укульссака-Духна, ибо Тиштар — ноч-

ное палящее солнце для всех влюбленных на земле, а их мало! да!..

И тут луна встала над блаженной горой Рамит-Фан-Звезда

И суфий молил звал Бога но Бог молчал

...Не знают истины все кому грезятся бессмысленные сны: отец мать дети... жена жена жена... вдова... Кусс-Камыш-Халва!.. айя!

И тут Укульссак-Духна увидел что луна жемчужной парчою пехлевийской мешхедской одинокою дикую цветущую озябающую на горе сливу облила обдала убрала.

И тут монах увидел что у сливы было два дивных округлых девьих женственных женовидных сросшихся ствола. Двустволая нежная трепещущая молочная жена млечная живая слива цветущая под луной была была была.

И суфий глядел на нее и шептал:

— Слива... двустволая нежная сестра жена алавастровая млечная молочная Кусс-Камыш-Халва-Ханна лунная трепетная я люблю тебя навек! ты не ушла? ты не ушла? ты не ушла? возлюбленная лунная... ты не уйдешь?.. ты не ушла любовь моя!..

И Укульссак-Духна обнял сливу за кроткие розовые пахучие текущие в ночи ветви ея и поместил забыл свой зебб между шелковистых круглых ладных стволов ея словно меж сахарных ленных спелых лядвей Кусс-Халвы и забылся задохнулся умер ушел блаженно задремал.

— Кусс-Камыш-Халва вдова возлюбленная моя млечноцветущая снежнопарчовая слива жена кроткая моя! ты не ушла! ты навек насмерть со мной! Со мной любовь моя!.. Моя!..

И так он стоял под зябкою хладною луной и под звездой зороастрийского свирепого священного любовного огня Тиштар! Тиштар! Тиштар!

И ела свято жалила жгла его звезда Тиштар.

И никто не видел его на вершине ночной горы Рамит-Фан-Ситора-Звезда.

Но видел Аллах и улыбнулся в небесах.

И тут перестала жечь жалить уморять его звезда
Тиштар! аяя!..

Ибо это не плотское вожделенье возбешенье а
вечная любовь была.

А вдова Кусс-Камыш-Халва-Ханна с того дня как
зверь пошла сошла в вахшские тугайные комаринные
низкие несметные леса где бродили витали летали бу-
харских тугайных оленей летучие златостада стада стада.

И там она возлюбила возжелала Гула-Хангула
золотого вожака вождя убийцу рогача властителя всех
оленьих стад.

И осенью когда полетели в терпких виноградных
винных небесах черные аисты и белые стерхи слепо-
гонный хмельной Гул-Хангул и Кусс-Камыш-Халва-
Ханна кроваво блаженно неразлучно двуедино скакали
носились блуждали в тугаях и олень трубил как
походный военный зулькарнай-труба вдова шептала:

— Укульссак-Духна! мой спелый вечногонный
олень-хангул! ты навеки насмерть со мной со мной а я
твоя твоя!.. аяя!..

И Аллах простил их в небесах!..

И тогда дервиш Ходжа Зульфикар сказал:

— И устали они быть человеками. И ушли за рубе-
жи души.

И Укульссака-Духна суфия аскета монаха смертно
неотвратимо потянуло к деревьям и он ушел ушел ушел
в деревья в деревья в деревья, которые губил неодолимо
прежде.

И Кусс-Камыш-Халву вдову смертно неоглядно
неостановимо иступленно потянуло к зверю и она
ушла ушла ушла во звери во звери во звери.

И Укульссак-Духна стал сливой деревом.

И Кусс-Камыш-Халва стала оленем.

Но вечна необъятна загробна была их любовь и
потому всякую весну олень приходил к цветущей сливе
и сладко вспоминая маясь окунал опускал дрожащую
голову в духмяные блаженные трепещущие ищущие
страдающие ветви ветви ветви!

О несметно беспредельно Колесо Сансары Колесо
Превращений!

...Дервиш сказал:

— Но несметна беспредельна свята и любовь весенних преходящих скоротечных человек!

Аллах! дай ей!

Дай оленю у сливового дерева!..

ГРЕХ

Дервиш сказал:

— О Аллах! как смертно жгуче связаны соединены на земле люди твои! Они как рыбы трепещущие серебристо в одной сети Твоей Господь мой! И все человеки как рыбы выющиеся страждущие текучим мимолетным святым живым последним серебром в одной сети! да!

И вот в кишлаке Нораки-Ордаки кузнец Андарр-Махмад-Тандыр-Панирр выпил много бредовой ургутской мутной илистой бузы и пришел ночью в кибитку свою и избил измял в смерть сонного сына своего Алима-бачу и изгнал его из кибитки и мальчик нагой от сна бежал в декабрьскую ледовую ночь в тугаи камыши Вахша.

И там провел ночь нагой плачущий дрожащий безвинный среди ледовых камышей и тугаев а утром вернулся в дом свой и похмельный Андарр-Тандыр-Панирр принял впустил его забыв о ночном хмельном грехе своем.

Ночью той мальчик кричал рыдал звал из камышей и многие в кишлаке слышали крики его но убоявшись железной гневной дурной руки кузнеца не пришли на помощь.

Но с той ледовой нагой ночи в ледовых камышах Алим-бача стал смертно хрипеть хиреть мучиться хворать и уже не могли его отпоить возвратить кипящим молоком и маслом и болезнь чахотка душная гробовая скоро высосала иссушила его и умертвила сожгла его как бродячий огонь вмиг опустошает камыши летние и тугаи на берегах комариного Вахша-Варахша.

А потом болезнь эта перекинулась переметнулась к сестрам его и братьям неповинным и взяла их как блудный огонь берет скоротечные камыши августа а потом болезнь взяла могучного кузнеца Андарра-Тан-

дыра-Панирра и жену его а потом пошла как чума гулять витать по всему кишлаку а потом пошла к другим кишлакам и городам, где уже никто не знал ни кузнеца Андарра ни его безвинно умерого сына.

И болезнь пошла по всему Туркестану по всей Азы родине моей и от нее пошла и по другим народам.

Дервиш сказал:

— Так смертно связаны на земле все люди и все народы — и грешные и безвинные! да!

Слышишь — нагой дрожащий безвинный уповающий мальчик Алим-бача рыдает стенает зовет на помощь в дальных дальных ледяных ночных вахшских сиротских камышах и тугаях!

Но никто не приходит к нему.

И вот вымирают кишлаки селенья дальные безвинные града! да!..

Дервиш сказал:

— Как камни древних мавзолеев мечетей мазаров смертно тленно люто кровно свято до глубинной заветной потаенной кости крови связаны люди на земле.

И если любовь не соединяет их — их соединяет грех болезнь смерти!

И это Аллаха мечь!..

Эрррь! ерррь!..

ВСЕОБЩАЯ КАРА

Дервиш сказал:

— И вот безносый старик-пекарь Мукаддас-Муйсафед-Мурр в лепешечной вынимает отлепляет из рдяного танура-печи блаженные кунжутные пышущие златым жаром лепешки и ты покупаешь их и слепо истекая слюной кочевой берешь их из его трухлявых рук на которых огненная гробовая рубиновая пыль-сыпь ройная и ты алчно ешь глотаешь хлеб из мертвых поверженных рук его и вместе со святым хлебом этим в тебя навек входит застревает пускает корень огненная болезнь его костная ртутная тайная костипожирающая как бродячая гладная собака что жжет сильнее чем рдяный танур-печь со рдяными рубиновыми углями! айя!

Аллах лучше б я вошел задохнулся как сыровылеп-
ленная лепешка в рдяный танур чем взял болезнь эту!
Да куда ж мне деваться? и вместе с хлебом золотым
я чужую болезнь вину навек глотаю впускаю! умираю!..
Старец сифилитик за что мне твоя кара?
Господь зачем мне чужая кара?..
Иль своей не чую не знаю?..

Тут дервиш заметался задрожал и сказал:

— Как камни древних мавзолеев мечетей мазаров
смертно тленно свято люто связаны скреплены люди на
земле этой.

И если любовь не соединяет их — их соединяет
умерщвляет грех болезнь смерть! И тут отмщенье...

Эрррр! ерррррр!

Господь пожалей!..

СЕМЯ ГРЕШНИКА

Дервиш улыбнулся и сказал:

— Вот был грешный человек женолюб женоужа-
ленный Исматт-Истадд-Джугара и от всякой жены иль
девы он был ходил страдал как ужаленный осой в
зебб.

И он имел много жен и детей в разных кишлаках
и градах и семья его тучное ужаленное неоглядное вита-
ло по многим кишлакам и градам как пыль кочевая.

И вот был человек праведный Махмадулло-Доддхо и
он имел жену и детей многолюбящих единственных
многовозлюбленных в кишлаке Чорбед-Тудай.

И он был как река благодатная чью воду по вечерам
дехане разбирают на огороды свои.

И его жена забирала по ночам на свой огород всю
реку его.

Однажды ночью пришло землетрясение пагубное и
кибитка Махмадулло-Доддхо рухнула и убила удавила
его и жену его и всех чад его. И остановился род и
пресеклось честное семейное кроткое законное се-
мя его.

В этом же кишлаке была и одна из семей, один из
очагов-хавли кибиток домов грешного блудного Исматт-
Истадд-Джугара, которого называли «Ветр кочующих
семян».

И он и его семья вся погибла погребенная под кибиткой в кишлаке Чорбед-Тудай.

И кибитка их стала мавзолеем их, могилой их.

Но остались семьи, жены, сыны, дочери его в других градах и кишлаках, куда не пришло землетрясенье.

И не остановился род его.

И не пресеклось кочевое вольное беспутное шалое не удушенное одним семейным дувалом семья оголтелое Исмаат-Истадд-Джугара.

Дервиш улыбнулся и покачал головой:

— О Аллах! Кого щадишь? чье племя семья растишь лелеешь хранишь?

И вот Ты изводишь семья праведника и насаждаешь летучее саранчовое семья грешника?

Господь шепни! молю коленно!..

ЗАВОЕВАТЕЛИ АЗИИ

Дервиш сказал:

— Завоеватели. Они пришли ночью вплавь на высоких иноязыких иноуких бесшумных лютых конях по нашим мелким азийским горным лепечущим рекам.

И пока на берегах наших спящих кишлаков и градов обсыхали их кони — они умелыми ножами превращали спящих в усопших, живых в мертвых.

И спящие сонно сладко жены думали, что гиблые гранатовые обильные текучие ножи их — ненасытные бессонные зеббы мужей их, а мужи думали что ножи их — медовые осиные укусы страстных жен их.

О Азья моя спящая гранатовая йййяя!

И смертно свято соплелась переплелась змеиные мужи жены завоеватели ножи певучие Твои...

Ййййи!..

Аллах! моя ль слепая бессонная рука в казане котле кипящего ночного масла иль воды лежит молит вопит?..

Йи... но душа сильней руки в котле кипящем жжет горит чадит...

Помоги!..

ОРЕХОВЫЙ СОН

Однажды дервиш Ходжа Зульфикар уснул в летний пустынный полдень в тени огромного маслянистого тавиль-даринского орешника.

А мудрецы говорят что пребыванье в тени дурного густого полуденного солнечного орехового дерева так же опасно и утомительно как общенье с глупцом иль палачом.

Но дервиш уснул ушел под полуденным жарким ореховым лоснящимся деревом и долго дурно мутно томно мято спал спал спал.

Сон его был как глиняная горная река весной, когда идет ил, камень, почва, земля текучая.

А когда проснулся — увидел вопящий самолет в небе и машину на дороге в чаду.

Дервиш сказал:

— Дурной ореховый полуденный сон! Истинно говорят мудрецы... Аллах дал небесные крылья орлу и гонные ночные ноги кормящие волку.

И зачем человек взял крылья у орла а ноги у волка? На погибель себе?

Зачем? Когда мысль человека необъятно выше орла и быстрее волка?

О дурной ореховый полуденный сон в тени орехового бредового орешника!

О дурной ореховый сон с сатанинской чадящей машиной и самолетом его!

И так! и тут! под ореховым ядоносным деревом навек уснут все человеки! все человеки! все человеки!

Не дай Аллах!

И дервиш встал с земли и отошел от бренного бредового орешника и пошел к реке Бартанг-Хрусталь и окунул темную голову свою в воды его пресветлые и изгнал сон бредовый ореховый ореховый ореховый.

А ты человеке?

В какой реке бредовый сон ореховый развеешь?..

ПЕЧАЛЬ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

Однажды печальная мудрая женщина Азья-Алау-Апа-Танур сказала дервишу:

— Блаженный Ходжа Зульфикар как печален подлунный наш земной мир! Как жесток Аллах всевидящий отец жизни нашей!

Я была девочкой, мой отец был чабан и вот однажды в горах Заилийского Ала-Тоо я не спала и видела как

ночные волки резали терзали разрушали разрывали невинных молчащих покорных тесных мгновенных ягнят и овец. И не могу забыть этого.

Зачем? Зачем Аллах устроил резню эту на земле? И в чем вина молочных ягнят тех что из чрева овцы матери сразу попали в волчью пасть, минуя этот травяной мир земной?

Иль ты не видишь здесь печали, блаженный дервиш?

Дервиш сказал:

— Блаженная дальная девочка-кизинка Азья-Алау-Апа всевечная дочь чабана! и с той ночи гранатовых текучих волков и овец ягнят ты осталась скорбной девочкой на века навсегда!

И я познал твою великую печаль.

Но вот ты представь что овцы собрались разъярились и теснят едят грызут жуют как траву померкшего волка! айя!

Азья-Алау-Апа эта печаль поистине страшна велика!

Азья-Алау-Апа твоя овечья печаль — ручей а эта волчья печаль — океан.

И так будет в Последние Времена! да!

И не станет на земле обильных молочных трав и плотоядные волкоядные овцы будут алчно блея давить душить грызть жевать зачумленного одинокого волка!

Аллах не дай!

ЗОЛОТАЯ ТРУБА ИСРАФИЛА

Поэт Бозор-Канд-Кандара сказал дервишу:

— Чтó мы скоротечные персиковые поэты в сравненье с тобой — вечным мудрецом? Мы лишь дуем свистим в нищий най-свирель а ты дуешь в полый многовековой ствол чинары — и она поет трубит гудит во всё края!

И чтó превышает звук зов мудрости, дервиш?

Сказал:

— Золотая труба Исрафила. Золотая Труба восстанья всех усопших и наступленья последнего Суда!

О Золотая Труба где зов вселенский соловьиный твой?

И лишь пророки до срока слышат дальный стон зов ее...

Однажды дервиш сидел в чайхане в горах Памира с двумя поэтами.

Первый поэт Зиерат-Шо выпил пиалу вина и разгорячился расплескался воспалился и сказал:

— Я возвышаюсь средь всех нынешних поэтов как гора Хан-Тенгри!

Второй поэт Ульдукк-Кукнор-Ош выпил две пиалы вина и воспалился разъярился и воскричал:

— Я не видел Джомолунгму гору но я возвышаюсь парю над нынешними поэтами как сия неслыханная неоглядная невиданная гора!

Тогда дервиш выпил пиалу зеленого чая и тихо мирно сонно шепнул:

— Вы два ореха-яйца а я зебб ваш!.. айяллаа...

ИЗРЕЧЕНЬЯ ДЕРВИША

Дервиш сказал улыбочиво:

— Если человек болезно томительно воспоминает смакует всех соблазненных покорливых льстивых жен и первотелых перевозданных перводанных дев жизни своей и боится потерять забыть каждую — значит смерть ревнивица избавительница от жен грешных и дев безутешных близка к нему.

Блажен воспоминающий напоследок грешных жен и лакомых сладконеумелотелых дев своих! и забывающий смерть ревнивицу свою! да!

* * *

Дервиш сказал:

— Когда муж яро глядит на встречную женщину и провидит чует в ней во чреве в чреслах ее будущее дитя свое — тогда постигает пожирает его любовь плотская земная.

Любовь — это ярость зов гон грядущего отца! да!

* * *

— Дервиш, много ли врагов было в долгой пыльной неоглядной жизни твоей?

Дервиш сказал:

— У меня был один враг — быстротекущее время.
Но и этот один враг победил съел меня! да!
Но не Тебя Господь мой! йе! йа!

* * *

Дервиш сказал:

— Когда ты бредешь в незнакомый город иль кишлак где нет у тебя ни одного друга — тогда скорбит душа и тело твое.

Но если ждут тебя там любящие люди — как лаком долгожданный долгожеланный близящийся город иль кишлак!

Так и смерть проводница: она сладка тому, у кого там уже уж много загробных друзей.

И печальна для того, кого никто не ждет там.

Потому так печальна сиротлива смерть в молодости и радостна в старости!

О сладкие загробные заупокойные тихие вечные грядущие встречи!

Близки вы!

Дервиш сказал:

— Как печально быть одиноким на земле этой скорой, но еще печальней быть одиноким в садах вечных тех! да!

* * *

— Дервиш, ты много странствовал. Какие города и кишлаки самые лучшие на земле твоей?..

Сказал:

— Нет ни городов, ни кишлаков, есть только люди — добрые и злые...

* * *

Дервиш улыбнулся и сказал:

— Если ты дал бродячей собаке кусок лепешки, то и через десять лет она узнает тебя и будет виновато махать хвостом и глядеть покорно. А человек через день забывает благо добро, что ты сделал ему.

И этот человек — венец творенья?

* * *

Дервиш сказал:

— Я умру в одиночестве. Меня проводят только ласточки на кладбище. Я их кормил лепешкой в дни последние мои...

* * *

Дервиш сказал:

— Если ты стоишь на берегу реки — она движется бьется течет у глаз твоих.

Если ты стоишь на дальней горе и глядишь на дальнюю реку — она вся недвижно стоит.

Земной суетный плотский человек стоит на берегу реки и течет вместе с ней.

Мудрец покоится на дальней горе и недвижна вся река жизнь его. Да!

Но одиноко тошно мудрецу на горе его...

ХИТРОСТЬ

Дервиш сказал:

— Я хочу кончить жизнь нищим у мечети.

О блаженно!

Смерть древняя постыловерная жена моя! но как ты подойдешь ко мне, ведь женщин не пускают к мечети?

О блаженно!..

МУДРОСТЬ МАЗАРА

Дервиш сказал отроку Омару-Кундалю:

— Сын мой, живи так, чтобы к кафану-савану твоему сошлось стекло много печальных прощальных людей.

Не живи так чтобы к савану твоему не пришел никто и некому было нести усопшее тело твое или сбежались яро шумно как на веселый туй-навруз с тайной радостью недруги твои.

И еще он улыбнулся и шепнул отроку:

— Живи, пируй, ликуй так, чтобы могилу твою тайно оплакали безвестные сладкие жены и девы!

О медовый гибкий душистый ивовый надмогильный мавзолей-мазар тугих рдеющих рдеющих виноградных жен и дев! в которых погуляло послало потомилось порезвилось втуне семя твое и зебб твой!

И вот усопший зебб учуяв просится чрез кладбищенскую рыхлую благодатную тучную землю восходит среди мазара-кладбища как кокандский дымчатый сахарный яростный бамбук весной весной весной!

О Омар-Кундаль плодовый отрок мой!

Оллллль!

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

— Дервиш как спастись от ночного землетрясения? Куда бежать?

Дервиш улыбнулся и сказал:

— Надо всю ночь сотрясать ложе и лоно жены своей — тогда не услышишь не учуешь никакого землетрясения и не узнаешь страха.

Землетрясения нет для влюбленных упоенных неспящих в медовых одеялах а есть лишь для спящих и хладнотелых, которым уже снятся саваны и могилы.

Блаженны святые соитья — святые землетрясения земли!

Говорят в Фергане был муж Кулдабад-Будур-Хар-Джигит продавец локайских скуластых змеиных густых лошадей который до самой старости так ярко всходил на почную жену свою Гульчехру-Келин в шелковое ладное атласное седло ее и скакал до утра джигит и тряс сотрясал ее и кибитку свою так, что по всей долине ферганской до самых окраинных предгорий тянь-шаньских шли губительные земные волны землетрясения! айя! и рушились хладные кишлаки и города!

Аллах дай таким святым мужам джигитам всадникам ослам!

Дай захлебнуться изойти в таких атласных шелковистых сладкоколенных седлах в таких волнах земных!

Йыххх!..

ДОЯРКА-ДЕХКАНКА

Однажды в сумерках дервиш шел берегом лазоревого Вахша-Варахша и увидел как дехканка Зайнаб-Кампир доила вечернюю избыточную корову.

Дервиш сел на землю и залюбовался жемчужными перстами доярки что гибко ласково вплетались в лазоревые сосцы коровы и вытягивали извлекали тянули млечные лунные струи молока благодатного.

А потом дервиш сказал Зайнаб-Кампир:

— Жена, лазоревые сосцы коровы — это четки в твоих перстах.

Тут ночь пришла поплыла и вышли Плеяды.

Тогда дервиш сказал:

— Гляди дехканка! Плеяды Огненные письмена — это четки Аллаха! И он перебирает рассыпает их огненными падучими звездами!

А мудрец перебирает малахитовые гиждуванские четки и Глаголы вечные роняет.

Но что хладные падучие звезды письмена текучие Аллаха, доярка?

Но что четки мудреца и его глаголы некормящие?

Но вот ты перебираешь мозолистыми багряными святыми перстами сосцы коровы лазоревые благодатные и текут струи блаженные млечные кормящие.

Доярка блаженны святы твои четки сосцы кормилицы коровы!

И Дервиш выпил из пиалы-косы парного молока сладчайшего дымного витающего!

И пошел бреггом Вахша-Варахша ворожащего, что от луны стал тоже как молоко текущее.

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК МУДРОСТИ

— Дервиш Ходжа Зульфикар! Что ты бродишь в народе своем, как хмель в вине? Что кочуешь как цыган? Ведь ты уж стар и срок твой близится... Что ищешь?..

— Я ищу золотой песок мудрости в народе моем..

— И много золотого песка мудрости ты нашел?..

...Дервиш протянул ладонь. Она пуста была. Только багровые мозоли, шрамы, язвы были на ней.

— Я нашел лишь малую горсть золотых крупиц и держал их на ладони, но и они расплескались, просыпались, пролились чрез персты мои...

Слишком тяжка крива долга была моя дорога... На ладони остались лишь эти живоогненные рубины...

И еще сказал, улыбаясь:

— Мудрость не живет в суете, тщете, маете, а в тиши и чистоте, как форель в хрустальной блаженной чистодонной безвинной воде...

СОБАКИ

В кишлаке Бозгашт-Бахриниссо к дервишу Ходже Зульфикару метнулись бросились две бродячие жемчужнопенные парчовые шелковые летучие молодые изумрудные рубиновые лазоревые травяные покосные альпийские уже волчьи собаки собаки собаки.

Одной собаке дервиш дал лепешку, второй почесал доброй щедрой непуганой кочевой необъятной рукой за сальным острым неоглядным всечутким внезапным ухом.

Через десять лет дервиш вновь брел шел этим кишлаком и вновь те же древлие рухлые змеиные шаткие ползучие муравчатые муравьиные покосные собаки слепо потянулись к нему.

Та которая некогда съела лепешку — не узнала его и рычала лаяла на него.

Забыла она дервиша и лепешку его.

А та которой он почесал за ухом — узнала его и смирно гибло ластилась медово к руке его.

Вспомнила она дервиша и руку его.

Тогда дервиш сказал и слезы, что уже часто приходили в очи его древлие, пришли в очи его:

— Любовь и ласка выше несметней незабвенней хлеба! Незабвенней!

И на том стоит этот ярый изумрудный рубиновый сапфирный лазоревый мир наш скоротечный а вечный а вечный а вечный!

И пошел по дорогам и тропам своим слезным блаженным... айе!

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Дервиш сказал:

— Гляди человек! седой старец плачет рыдает как дитя вспомнив дальнюю младую давноусопшую мать свою! да! и не хочет утешиться! и не хочет остановиться!

Однажды ночью дервиш проходил брел по кишлаку Навруз-Туй-Модар-Падар-Дада и услышал бой дойры и многие голоса веселые за высоким дувалом чьего-то дома-кибитки богатой обильной.

Дервиш остановился у кибитки где горели праздничные огни яркие веселые живые и слышались хмельные чужие голоса жаркие жадные и пахло свежим терпким пловом и гороховой пряной шурпой из молодых петушков яровчатых голосистых заливистых хлебных колосистых которые потом прощально поют в животе твоём и шашлыком и нежными пахучими лепешками из рдяных тануров-печей.

Там билась заходила рыдала витала спотыкалась как река в камнях дойра.

Там был праздник чужой.

Там чужие люди ликовали пели пили ели жили грешили дышали и дервиша пыльного забытого не знали.

Аллах! Господь мой но есть ли на земле чужие люди? нет их! если ты любишь чуешь жалеешь их!..

Тогда дервиш уперся уставился ликом желтым пергаментным головой своей седой в веселый саманный дувал как молодой бычок упирается рожками в дерево...

Тогда дервиш окунул лицо в чужой глухой дувал и вспомнил дальнюю кибитку свою и свой дувал и свой дальний пыльный праздник и свою трепещущую дойру...

Тогда дервиш потерял ликом седым пыльным о чужой дувал и вспомнил свою дальнюю молодую лучезарную давноусопшую мать мать мать

Тогда дервиш сладко томно медово задремал зарыдал забился о чужой дувал ликом старым биясь вьясь затрясся зарыдал зашелся зашептал:

— Где вы мои хмельные огни? Мои веселые родные люди? мой праздник? мой золотой плов? моя петушиная шурпа? мои рдяные лепешки из танура? моя дойра?

Где мой отец-дада? вольный пианый как весенние летучие облака поля?

Где где где вы моя молодая иль старая модар-мать?

Ай Аллах! во всей Твоей вселенной и на миг нет вас! нет вас! нет вас!

И дервиш вспомнив долго томительно сладко о дувале рыдал

И желтое как сушеная дыня лицо его страдало маялось рыдало

А чужой праздник пел ликовал бился за дувалом.

И дервиш сладко падал содрогался о глухой немой чужой дувале

— Где где вы молодая иль старая бывшая давно-усопшая мать моя?

Во всей вселенной и на миг нет вас! нет вас...

Во всей вселенной, если даже пропустить ее звезды неисчислимые через персты, перебрать, как рисинку за рисинкой перед пловом, нет вас! нет вас, мать молодая или старая моя...

Но тут!

Но тут грушевые резные богатые двери-врата в дувале открылись явились и в ночи явился мальчик-писар в ореховом кротком золотопарчовом чекмене.

И в руках у него была горячая лепешка а на лепешке дымный плов и он сказал:

— Дедушка, великий дервиш Ходжа Зульфикар! Я Гульмамадд-бача, сегодня у меня праздник-туй обрезанья — там мулла-табиб уже кровожадно алчно точит нож о сахарный камень-мрамор.

Тогда дервиш улыбнулся и сказал:

— Ты не боишься божьего светлого плодового ножа Гульмамадд-бача? Не страшись, ведь от этого ножа твой зебб будет сладким нагим ножом жен и девых лон!

О!..

Гульмамадд-бача сказал:

— Десяти безвинным баранам отсекли насмерть отрезали головы вместе с шеями их на праздник мой

а я ль боюсь потерять утратить лишь тайную ко-
жицу?

И он протянул дервишу горячую рдяную лепешку и дымный золотой плов:

— В Книге сказано: Не забывай о странноприим-
стве, ибо под видом дервишей бродят по Аллаховой
земле ангелы!

Дервиш дедушка а может вы ангел божий?

Дервиш улыбнулся:

— Зачем летучему всевечному ангелу плов и ле-
пешка?

Тогда мальчик сказал:

— Пойдемте на праздник-туй мой! Рады будут
сокровенные пресветлые отец и мать мои и гости мои,
шейх!

Но дервиш улыбнулся и сказал:

— Гульмамадд-бача, светлая необрезанная душа
моя! Дороги мои уже идут не к праздникам-туям, а
мимо них.

Но так сладко мне плакать у чужого дувала, у чу-
жого праздника, вспоминая праздник свой и мать свою.

Истинно сказал пророк Иса Иисус: Блаженны пла-
чущие ибо утешатся.

И я плачу и утешаюсь слезами моими.

О сладкий слезный чужой святой дувал! прощай!

О святой трепетный родной мой мальчик родное
блаженное дитя Гульмамадд-бача! сквозящий нежный
ивовый апрельский прут ты дал мне горячий золотой
плов и рдяную пахучую лепешку и святые сладкие
слезы мои!

Я счастлив! необъятен! неогляден! мальчик дитя
теля прощай!

И дервиш сладостно яростно бережно обнял маль-
чика и неожиданно бесследно изник как летучее облако
в пустыне, истаял в ночи, как только дервиши святые
могут внезапно призрачно истаять исчезнуть истра-
титься изойти в родной ночи...

Аллах, куда в ночи уходят плачущие святые дер-
виши посланники бездомники Твои?..

Ийи!..

* * *

Други мои мы бродим млады свежи хмельны вольны
от речного ветра в зарослях вешнего тамариска
На берегу родной илистой майской Варзоб-Дарьи родной
реки реки реки
Други мои на берегу я наберу нарву приречной свежей
мяты душицы духовитой травы
Чтоб вдали от вас вдали вдали вдали пить чай
с душицей и вспоминать вас други други мои

...Друг дальный уходящий улетающий набери побольше
мяты душицы побольше нарви нарви нарви

* * *

Кулик зук пестро блаженно хлопочет верещит мается
в приречных турангах тополях весенних ходит мается
молит жалостно кричит верещит
Он ищет подругу скоротечную мимокрылу
скорокрылу свою чтоб сесть с ней в неразлучное
сладчайшее гнездо

Кулик зук

А я всю жизнь одинок

* * *

Дервиш сказал:

— Две вещи я люблю — вечерних бредущих с хиссарских холмов тучных млечнопенных коров (сейчас испью дымное ленное молоко их) и ночных жертвенных многовратных спелых персиковых жен (сейчас трону певучие груди их сосцы певучие тягучие).

Дервиш сказал:

— Я люблю вечерних коров и ночных жен.

0!

* * *

Ливень ливень вешний хиссарский азийский глиняный
тяжкий ливень ливень
Ты сокрыл забил затопил слепые окна моей одинокой
лысой топкой осевшей кибитки кибитки кибитки
во текучих глинах

Ливень ливень круши кроши топи рушь мою кибитку
постылую
А в ней мою старую древлюю мученую жизнь утопи
умори ливень ливень
Да не тронь не оборви мои зеленые черешни и вишни
безвинные
Которые три года назад посадил я у кибитки
Еще не налившиеся гранатовой рдяностью еще
не налившиеся черешни и вишни
Мои молодые младые не оборви ливень ливень ливень

* * *

О жена моя жено
Так далеко я ушел от тебя по дорогам странствий
тунных тщетных пыльных моих
Так далеко я ушел от тебя
И некому вытащить вынуть болезную летучую соринку
из дряхлого кочевого глаза моего

И плачет глаз мой от соринки
И плачут глаза мои от разлуки
И уходит соринка в слезах из глаз...

Жена моя жено ты и издали помогаешь мне...

* * *

Однажды дервиша Ходжу Зульфикара ждали в дальном кишлаке Панджруд — родине великого Рудаки — сладкопевца-слепца.

Вышли жители кишлака простодушные на дорогу с лепешками и кислым молоком-чурготом, которые одни любил древний уже постный дервиш.

Один житель сказал:

— Ходжа плывет на царственном верблюде.

Другой сказал:

— Ходжа скачет мчится на коне.

Третий сказал:

— Ходжа трусит семенит на осле.

Четвертый сказал:

— Ходжа грядет, опираясь на грушевый посох.

Тут явился на дороге дервиш.

Он был с молодой ярой тугой женой в татарских

— Дервиш Ходжа Зульфикар, всякий народ иль племя поклоняется Богу своему. Иль много Богов у человека?

Сказал:

— Как смерть для всех одна — так Бог для всех один!

Да!

АПРЕЛЬСКИЙ ТЮЛЬПАН

Дервиш кочуя и странствуя хотел сорвать молодой дымчатый гранатовый первый сквозящий тюльпан в горах Варзобского ущелья.

Он протянул руку кочевую к тюльпану но пожалел цветок безвинный ломкий.

И три дня просидел прождал у тюльпана, пока не опали два лепестка матерчатых еле душистых.

Тогда дервиш положил лепестки в ноздри свои.

И пошел нетронутой тропой козьей средь тюльпанов нетронутых...

ПАМЯТЬ

Дервиш Ходжа Зульфикар странствуя и кочуя и прозревая пришел весной в Хоронгонское ущелье и тут уснул в апрельской бархатистой спелой траве где жили тысячи жуков змей ящериц бабочек.

И тут дервиш уснул в апрельских несметных травах уйдя лицом к корням трав.

И тут во сне пошла слюна от губ его и окропила травы свежие и во сне в забытии стал спящий дервиш есть молодую траву как коза баран иль корова.

Тогда очнулся проснулся дервиш потому что ел он траву и горько стало во рту его увидел что стадо коз и овец глядит на него уязвленно.

Но дервиш ел траву во сне и от забытого родного духа ее и от удивленных овечьих и козьих глаз вспомнил он как ел траву эту во времена неистово дальних предков овечьих и козьих и коровьих своих.

Тогда дервиш сказал:

— Прежде человек ел траву а теперь он алчно хищно ест козу овцу корову, которые едят траву.

И пожалел опечалился о том.

Дервиш поднялся на травяной весенний холм Дарье-Фани и тут увидел двух пьяных бродильных хмельных травяных телят.

Они терлись друг о друга шалыми боками — бычок и телка — и зыбкие глаза их были шалыми и бегучими и мутными и ярыми как глиняные ручки бегущие с гор

И бычок тщился маялся а телка мычала печально податливо

...Бычок бычок младший брат мой! телка телка младшая сестра моя! как помочь вам в апрельских смеющихся духмяных неистовых травах?

ДУХ

Однажды дервиш возлег на вершине горы Хоронгон-Алла и стал следить за теченьем весенних облаков и так забылся ушел в себя и в облака текущие неслышные, что кишлачные мальчишки приняли его за усопшего человека и сняли с него чапан и сапоги унесли.

Но дервиш не учуял и продолжал следить за полетом-пареньем горных необъятных орлов-стервятников.

Тут и орлы узрели недвижимого странника на вершине горы и стали кружить над ним принимая его за умершего.

Тогда один из орлов сошел с небес и сел в траву близ дервиша и хотел клювом взять от тела его.

Тогда дервиш очнулся от бездонной колодезной думы дремы и увидел что он без одежд и орел в траве готовится отведать почать плоть его живую и улыбнувшись сказал:

— Тот кто погружается в думу в дух — становится голым как при рожденье и стервятник клюет тело персть плоть его заживо.

Господь такова плата за вечновеющий осеняющий необъятный Дух Твой?

ЛЮДИ СУЕТЫ

Неверные! и во время молитвы головы ваши забиты полны страстей житейских суетных и подобны мелким горным бегучим ручьям на которые обрушиваются обильные сели-оползни и камнепады и засыпают ручьи ваши.

Но если вера ваша велика — она как река широкая кипучая гремящая в которой неслышно и бесследно тонут оползни и камнепады гор. Да!

ПУТНИК ПУСТЫНИ

В зыбкий предутренний час когда птицы сходят с
ветвей на лесную росяную тропу
В дальних прохладных святых анзобских шахристанских
нагорных певучих фисташковых арчовых ореховых
рощах рощах лесах лесах лесах
В знобкий предрассветный час когда алые девственницы
уже шепчут «да» в разъяренных бухарских
занданийских одеялах и простынях

В зыбкий сизый утренний час я одиноко бреду
в кызылкупских жародышащих рдяноогненных
песках песках песках
Где стоит один сухостой сухоед саксаул
И как воду в самом вспоминаю свою дальнюю молчную
древнюю неплодную согбенную жену Чептурагуль

МГНОВЕНЬЯ СКОРБИ

— Дервиш что такое скорбь человеческая?

Дервиш сказал:

— Скорбь человеческая — это когда ты умираешь а мать у ложа одра смертного глядит на тебя текучими глазами и не может помочь тебе

И что тут малая смерть твоя и мука плотская проходящая рядом с этими глазами?

Не дай Господь!..

Но есть есть минута миг мгновенье нечеловеческой скорби! есть!

Это когда тебя принесли на кладбище в гробном последнем занданийском саване и положили в землю

и зарыли а потом встали над тобой возлюбленные
друзи и дети твои и жены и вот они говорят последние
слова молитвы и печали

И вот они говорят над тобой а потом тихо и на-
всегда навечно безвозвратно насмерть уходят

И навек стихают над тобой живые голоса и стопы
их

И тут ты остаешься один один один в чужой земле
(Кто последний уходит? ты матушка дряхлая моя?
ты возлюбленный друг мой? помедли не уходи!)

И люди земли уже ушли навек над тобой а люди
кладбища-мазара еще не пришли к тебе

И ты сирота земли лежишь лежишь лежишь один

О! Тут есть мгновенье нечеловеческой скорби! да!

И никто не избежит

Возлюбленная жена моя помедли

Не уходи

ЗЕМНОЙ ЧЕРВЬ

— Дервиш о чем тоскует человек в раю? в бла-
женных вечноосенних златоурожайных избыточных
теснящихся лоснящихся плодовых садах при родниках
алмазных?

О чем тоскует человек рая где алчут спелые девы
кроткие? на которых одежды из шелка кашмирского
и там ветер яблоневый зовущий?

А сказано в Книге, что если бы хоть одна дева рая
явилась на землю — то одна повязка-платок с ее главы
стоила бы всех дев и жен этого мира! да!

Дервиш сказал:

— Я был в тех садах и пил из тех родников и
видел тех шелковых дев.

Я там сидел под деревом яблони и ел яблоки ее и
радовались зубы мои медовому хладу яблочек что белы
как рис Тебриза

Но потом я перестал есть избыточное медовое
рассыпчатое яблоко и тут увидел что плоть его чиста
чиста нетронута и тут я вспомнил калайдаштские
сады тучных яблонь и жемчужного потаенного сокро-
венного червя выходящего из недр яблока земного у
самых уст моих

И вспомнил яблоневого червя и смертно затосковал.
по вьющемуся червю тому

Да! Господь мой! да...

По червю земному скоротечному тленному яблоне-
вому тосковала в раю вечная душа моя

Червь пахнет живой землей сырой

ВОР

Однажды на пятничном базаре блаженном святом в
Янге-Юлле дервиш Ходжа Зульфикар увидел, как вор
Карапчук-Дузд тайно ловко сметливо неслышно бес-
следно обворовывал обирал покупателей и продавцов и
иных людей базара.

Тогда дервиш неожиданно разъярился и распалился и
бросился к вору и схватил его за руку грешную.

Тогда вор улыбаясь смеркаясь ярьась скалясь как
смерть явил дервишу из рукава дряхлого чапана гра-
натовый тайный готовый молниевидный нож и шепнул:

— Мудрец, поэт, я не мешаю вам когда вы творите
стихи иль нетлѣнные слова мудрости. И вы не мешайте
мне. И вы не нарушайте ступени бытия! Айя! Там поэт,
там хан, там вор, там палач. Всех расставил Аллах!..
айя!..

Дервиш иль вы ловец палач воров а не ловец божьих
слов? а?

И вор зарыдал.

— Дервиш! Мудрец! Аллах обрек меня так же как
и тебя на мое гибельное ремесло! Но мудрец редко
теряет жизнь отдает голову от своих лучезарных сти-
хов слов а вор всегда обречен! Так чье же ремесло
дело страшней для человека уже в зачатъе обреченного
на путь свой?

Тогда дервиш сказал:

— Карапчук-Дузд, ты мудрец а не я.

И усомнился и поник и отпустил грешную черви-
вую извилистую безвинную обреченную дрожащую

руку вора Карапчука-Дузда и пошел в святой говорливой лепетной пыли многошумного базара...

И шептал:

— Поистине мудрость является чрез всякую душу и даже чрез вора. Потому и несметна она, Аллах! И знает ее только тот, кто знает посещает всех людей... Ты, Господь!.. Только Ты!

Да!..

Истинно сказано: Бог для людей что мать для детей...

ЗВЕЗДА АПОКАЛИПСИСА

Ходжа Зульфикар и Касым-Стебель пришли в пустыню Кызыл-Кум и тут сын спросил у отца:

— Ата! Мудрец! Дервиш откуда на земле пустыни обильные?

Тогда дервиш улыбнулся, но глаза его стали безумными нездешними.

Дервиш сказал:

— В Последние Времена во дни последней Звезды Кометы Войны во Дни Апокалипсиса в реках морях и океанах стало рыб изобилье такое что и вода меж них тесно не струилась не текла

Когда пришла Звезда Войны и встала костром в небе все рыбы от страха и огня открыли рты и испили до песчаного дна все воды рек морей и океанов и многие моря высохли пошли паром дымом от Звезды Огня

Тогда обнажились пустыни дна. Тогда родились вышли явились пустыни несметные.

Потому ныне и находим мы в пустынях онемелые окаменелые кости былых рыб с открытыми ртами! да! И потому верблюды — это рыбы горбыли морей и змеи пустынь! да!..

Дервиш сказал:

— А гляди какое нынче изобилье человеков на земле!

И что будет когда увидят Звезду Апокалипсиса в небе?

Что Аллах Господь мой тогда?

И от изобилья людей на земле пустыни придут на города и селенья? да?

— Отец, ага дервиш откуда на земле встали разлились реки океаны и моря обильные?

Дервиш сказал:

— От изобилья рыб встали восстали поднялись явились со дна морей и океанов пустыни

Но в пустынях тех явилось множество верблюдов и стало верблюдов более песков в пустынях. И тесно стало верблюдам в пустынях от несметного множества пагубного их. И они испили все реки и колодцы.

И тучными стали стада их и негде было веять реять течь витать пескам вольным.

Тогда встала в небе Звезда Апокалипсиса Огонь освобождающий

И от страха от Звезды последней той верблюды подняли змеинные рыбы допотопные головы к Звезде Огня и излили мочу ярую многую на пустыни колыбели постели песчаные свои

И столько мочи верблюжьей пролилось что стали затопили пустыни соленые рыжие лазоревые моря и океаны! да!

И потому есть горбатые рыбы горбыли — верблюды малые морей от тех пустынь ушедших на дно

Дервиш сказал:

— Какое нынче гибельное пагубное изобилье чело-веков на земле!

Дервиш сказал:

— Гляди — скоро не останется на земле ни пустынь ни рек ни лесов ни морей ни океанов

Господь где Звезда Апокалипсиса Твоя?

Но!

Помедли с ней!

Господь пожалей рыб верблюдов и людей!..

И пески пустынь и воды морей...

СВЯТАЯ ПЫЛЬ

— Дервиш Ходжа Зульфикар что ты любишь более всего на этой краткой земле?

Дервиш сказал:

— Более всего я люблю ветер.

И дервиш улыбнулся и стал бить мять хлестать себя

руками по дряхлому своему чапану халату и ветер понес густую древную пыль от халата и стала от чапана пыль текучим слюдяным жемчужным столбом в небеса.

И дошла до Ангелов.

Тогда дервиш снял чапан и бросил его на землю но продолжал бить себя руками по сухому телу и пыль шла от него и вставала в небеса сребристо густо.

Тогда дервиш улыбнулся и сказал:

— Все люди из плоти а я из пыли. Пусть ветер развеет разнесет меня летучего по миру а не чужие люди положат меня тяжкого странника в неизвестную слепую могилу мою...

И дервиш улыбался и бил себя по кочевому телу своему и пыль шла от тела его.

И это было на пустынной дороге от Куны-Ургенча в Хиву.

ВЕТЕР

И еще дервиш сказал:

— В старости я стану таким сухим и легким, что ветер неслышно возьмет снимет унесет меня с весеннего мятного тавильдаринского сквозистого холма.

И люди скажут: Он не умер. Его ветер унес. Он не ушел в землю а ушел с ветром кочевым над землей

Куда куда куда

Куда унес забрал его блаженный алычовый ветер Тавиль-Даринского ущелья?

АЛЛАХ

Отрок Касымджон-Стебель стал мужем и стали мучить его не только сласти телесные но и вечные тайны бытия.

Он спросил дервиша Ходжу Зульфикара:

— Отец что есть Аллах? Кто он?

Дервиш сказал:

— Аллах — это все люди на земле.

И те что дышат и тлеют.

И те что лежат в могилах и ждут Суда и уповают.

И те что таятся в недрах матерей и надеются.

Аллах! Ты!

И это было на дороге в златорунную каракулеву
святую Бухару, где осеняло озаряло многих дервишей.

БРАТЬЯ

Безвинная кишлачная косая глиняная полузабытая
полуразрушенная мечеть Ханакки-Хазрат
И одинокий лазоревый путник на вечереющей
хиссарской дороге дороге дороге
Кто ты дервиш? кто ты путник в ласковой лазоревой
кочующей пыли пыли пыли?

Друг! давай зайдем в вечереющую мреющую
в неоглядном слезном поле кишлачную богову убогую
мечеть мечеть мечеть
И там помолимся бездонному Аллаху
И хоть на миг и хоть на миг на вздох на выдох
насмерть навек станем первобратьями
И хоть на миг друг друга кровно пожалеем
да полюбим примем словно братья братья братья
А потом выйдем разойдемся в поле сонном ворожащем
под ледовыми нечеловечьими Плеядами
И вновь чужие дальные прощальные немые
безоглядные...

ВЛАДЕНЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Дервиш сказал:

— Человеку в мире должна принадлежать лишь
кибитка дом его и кусок земли у кибитки, что кормит
его и чад его и соседей его.

Дервиш сказал:

— Человеку в мире должна принадлежать лишь
кибитка и кусок земли-кормилицы у кибитки его и
торная сладкая тропа ведущая от дома его к другим
домам и людям-братьям.

А остальной мир должен принадлежать камням тра-
вам водам зверям деревьям.

А человек обильно расплодился разлился как река
в губительное наводнение и взял воды морей у рыб и
лазурь небес у птиц.

Дервиш сказал:

— Так приходят Последние Времена...

ПЕСНИ ДЕРВИША

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя гиссарская родимая
В ту ночь река была светла моя варзобская хранимая
В ту ночь звезда была чиста моя колодезная близкая
И други встретили меня
И мать обласкала живая
В ту ночь звезда была чиста моя текучая падучая
В ту ночь звезда была чиста моя плакучая блескучая
В ту ночь растаяли снега и цвел миндаль в руке
горючей
И шел туман туман туман и шел стекал в долины
смутные
И кротко родина моя меня впустила мя заблудшего
В ту ночь звезда была чиста
Но у погубленной мечети
Цвела жемчужная чалма
Над плачущим последним шейхом

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя гиссарская
родимая
В ту ночь река была светла моя варзобская
хранимая
В ту ночь звезда была чиста
Но горлица всю ночь всю ночь кричала горлица
февральская
Всю ночь кричала одичало горлица ой сонная
влюбленная ой талая ой талая

И дева Халида трет лоно о коня локайского ферганского
ногайского гиссарского
Трет дева лоно неутоленное невзятое да раннее трет
лоно о коня о круп коня о талый талый талый
Трет мучит дева лоно талое февральское святое

малое

А птица рвет крыло о ветвь туранги талой талой талой
А птица рвет крыло о ветвь о талую о беспробудную
об алюю

А дева скачет тонет страждет в поле талом

А птица верещит кричит и в реку упадает падает

стенает

Тогда дева сходит с коня кашгарского снимает отнимает
отлепляет лоно талое точащее святое опоздалое

Тогда дева сходит с коня и плачет

Тогда дева плачет

Но!

Люблю люблю люблю люблю люблю люблю люблю
люблю о Господи Господь люблю люблю люблю

Тебя тебя тебя у талого припухлого куста куста куста
приречного у скоротечного у талого куста у миндаля
Люблю люблю люблю

Молюсь молюсь молюсь устами припадая к талому
ко горькому пустынному кусту кусту кусту молюсь
молюсь молюсь молю

Ой Господи устал

Сплю

Но ночь! но ночь! но ночь но родина но малая
гиссарская земля суфа долина ложе люлька курпача
дремотная моя моя моя но ночь! но мать у дувала
талого но ночь но в лае святых талых волкодавов
родина земля моя моя моя растаяла в ту ночь
и приняла прияла тихого покорного объяла мя
узнала мя простила мя впустила

И тальми хвостами кротких волкодавов обласкала
ублажила усыпила уманила уморила умолила
умолила возвратила

Ночь ночь отара талая овечья сонная прихлынула
смирилась укротила обратила растворила растворила
растворила

В ту ночь звезда была чиста

Но у поваленной мечети

Цвела жемчужная чалма

Над сонным бражным тьмовым шейхом

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

В ту ночь звезда была чиста моя гиссарская родимая
В ту ночь река была светла моя варзобская
хранимая

В ту ночь звезда была чиста

И встретит у дувала мать

И за обрезанным за шахским тутом талым стоит отец
убитый смытый

И за обрезанным за тутом шахской царской балхской
шелковицей стоит отец Касым убитый дальний
бывый бывый бывый

И руку протяни и тронешь его чапан застреленный
зарезанный забытый смутный смытый неповинный

И за зарезанным за тутом стоит таит хранит
зарезанный улыбчивый отец

И он меня не узнает а только ветку талую губами
снежными овечьими бухарскими веселыми жует

И он меня не узнает

В ту ночь в ту ночь

В ту ночь всю ночь всю ночь всю ночь мне снится
Василиса дщерь малая дщерь родимая мне снится

снится Василиса дочь

И я бегу от тута талого разъятого

И восстанет и ленно возникает мается в тумане
миндаля пролетный талый талый стальной жывый Ангел

И бежит летит и верещит лелеет дышит ропщет
страждет рядом рядом рядом

И я рукой пера жестокого пахучего дремучего
в тумане милом рódном во таджикском радостно
касаюсь радостно смиряюсь

И обнимает Ангел Азраил меня и окружает дышит
жарко близко возвещает назначает и отходит
за туман за куст
миндальный

Тогда мать у дувала плачет плачет плачет мать
руками обвиваясь закрываясь талыми миндальными

Тогда Ангел с застреленным зарезанным роящимся
крылом к ней ковыляет опалает усмиряет утешает
возвышает возвышает возвышает

Тогда она улыбається

Тогда я у куста миндального смиряюсь улыбаюсь
очами талыми сыновними бараными ягнячьими
телячьими

загробными миндальными земными беспечными ой
дальными
Жено снишься снишься жено да прощаешься да все
прощаешься прощаешься
Жено снишься жено да чего чего прощаешься за
кладбищами-мазарами за последними холмами малыми
за камнями погребальными
Жено возлюбленная навек милая святая все
прощаешься все плещешь все руками дальними
прощальными миндальными певучими касаешься
касаешься касаешься
Жено помилуй подожди приди вослед (потом! потом!
потом! поболе!) да полелей за гробами за саванами
за носилками прощальными за спиной кромешной
Азраила Ангела
Жено все ты прощаешься жено жено кроткая да тут
я тут родная родная живой живой еще я тут одна моя
моя моя живая
Тут звезда чиста лучистая пречистая в ноши
миндальная гиссарская блуждает талая родимая звезда
живая осеняет осеняет изливает
Тут роща рощица взошла в ночи малá кроткая
миндальная безвинная телячья
В ночь в ночь камней талых
Жено тут я и снишься ты и обнимаю обнимаю и лелею
как орех зеленый лик твой плачущий талый святой
улыбающийся во ладонях моих страждущих
Жено возлюбленная дитя ягня малбе малое
Жено тут тут тут я жено там там там там встреча за
гробами за горбатыми гробами за гортанными гробами
за верблюжьими за кочевыми дальними гробами
Там там там там встреча встреча за гробами кочевыми
необъятными
Там встреча за гробами за гробами за гробами
Ай ночь ай сон ай камень талый талый талый

В ту ночь миндальную миндальную миндальную
В ту ночь звезда была чиста
И сломленная ветвь плыла плыла плыла
И сломленная ветвь плыла цвела жила в арыке талом
ветвь миндальная все длилась все жила искала все не
шла расцветала доцветала доживала рассыпалась
распадалась уповала уповала уповала упоенно
расцветала

божьи божьи божьи неповинные невинные да чуткие да
кроткие да сладкие влюбленные да росные
Текут по талому по мне святые божьи ивовые коньи
радостные слезы
В ту в ту в ту ночь исхода в ночь святого талого коня
родимого невинного миндального истекшего
В ту ночь звезда была чиста
И у мечети талой талой
Чалмой святой шейх обвивал
Коня локайского как саваном

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя гиссарская родимая
В ту ночь река была светла моя миндальная волнистая
В ту ночь звезда была чиста
Но ты кафир! беглец! неверный!
В ту ночь звезда была чиста
Ты мул двойкий обделенный
И гроб твой будет кочевать среди слепых и
необрезанных
И гроб твой будет кочевать словно верблюдов в безлунных
землях
И гроб твой будет кочевать и там тебе не будет берега
И там в Аллаховых песках не будет ни куста ни берега
И гроб твой будет кочевать
И будет занданийский саван пески летучие впускать
И будут сечь мне тело мертвое
И тут тебе гнезда не знать и там тебе не ведать берега
И гроб твой будет кочевать
Но Господи ведь я вернулся
И у миндального куста
И разрыдался и разулся

В ту ночь звезда была чиста
Но у мечети незабвенной
Кричал «Алла» босой мулла
И ел святую талу землю

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя падухая кочевница
В ту ночь река была светла моя текучая смиренница
В ту ночь звезда была чиста

В ту ночь река лежала тихая в камнях камнях камнях
камнях

Лишь куст миндальный млея светился
Лишь куст миндальный тлея творился
Но на суфе на курпаче молился бражный дервиш талый
И рядом рядом на кошме лежала дева вся нагая
И за охранным валуном кричали все ослы Гиссара
И талый ствол локайский конь храпя хранил в ледовой
заводи
И дервиш бранный все не мог намаз окончить и косился
И груди девы шли в ладонь и восходили и бесили
И дыни всей святой Хивы в руках дрожащих

золотились

И дыни всей златой Хивы просились в руки и томились
И были талые сосцы как Балха дымчатые сливы
И шейху нищему в уста ломились дивные просились
Тогда он встал немой глухой
И полз полз к заводи ледовой
Весь сад ея живой нагой
Накрыв пахучею кошмою

В ту ночь звезда была чиста
Но у мечети талой вдовой
«Алла» кричали два коня
Сойдясь смирясь в реке ледовой

И уносились в снежных волнах

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя безвинная кишлачная
В ту ночь река была светла и колыбелью рыб лежала
В ту ночь звезда была чиста
В ту ночь река была светла и колыбелью рыб
плескалась
В ту ночь от неба до корня очнулась талая чинара
Очнулась древля февральская очнулось древо древо
мусульманское

И дервиш палый реку пил и талый посох землю чуял
И бледный снег с камней сходил и лаял волкодав
подлунный
Тогда с небес с звезды с горы сходил пастух старинарь
Ангел
И шел к реке и реку пил и дервиша крылом касался

И дервиш падал и стонал и полз по хладным хладным
кámням

И Ангел все его прощал и поднимал и улыбался
И Ангел все его прощал и талы были очи Ангела
Господь Господь я так устал
Уже Посланник Твой явился
Бери веди меня туда
Я здесь навеки льда напился
В ту ночь звезда была чиста
И над мечетью талой божьей
Всходили двое в небеса
Обнявшись злее двух влюбленных

И на земле остался посох

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя моленная целебная
В ту ночь река была светла и шла форель у берега
снежного
В ту ночь звезда была юна моя родная родниковая
В ту ночь река была светла и шла форель в мои
ладони
В ту ночь звезда была чиста моя гиссарская молочная
И пил теленок из сосца регарской млековой коровы
Господь помедли поддержи теленка под сосцом
колодезным
И мя помилуй под звездой пока форели льнут в ладони

В ту ночь звезда была чиста
И у мечети вечной тихой
Святой намаз творил мулла
И улыбался талым ликом

Алла!* Алла! Алла алла...

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя тревожная бродяжная
В ту ночь река была светла и донный камень
завораживала
В ту ночь звезда была чиста
А мы безмолвствуем а мы безумствуем а на горе цветет
миндаль

А мы терзаемся а мы кончаемся а груди снежные как
два крыла
Чего ты маешься чего туманишься лети родимая лети
взлетай
А груди млечные а груди ленные а груди спелые как
два крыла
А ночь февральская а ночь бредовая а ночь чудовая
прошла прошла
А на кусты кусты кусты миндальные цветы блаженные
метель мела
И намела
И утренняя знобкая звезда чиста как хладная ночная
простыня
И вся белым-бела белым-бела миндальная гора гора
гора
Два талых белых млековых жемчужных голубя над
простыней горой миנדальной снежной восходят да
летят
Два талых белых голубя над простыней миндальной
летят

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

В ту ночь звезда была чиста
И в снегах талых по колено по горло по очи по душу
я стою
Господь Господь чего молю о чем о чем молюсь молюсь
молю молю молю
О Господи и камни талые твои твои люблю
И талую мечеть устами сокровенными храню целую
языком покорным страждущим щенячьим сладостно
лижу лижу ищу
Стою по душу по колено в талом божьем в материнском
во таджикском во родном миндальном теплом во
ягнячьем во телячьем во коровьем теплом стойле яслях
млеке во купели колыбели во снегу в податливом снегу
Стою по душу по колено в талом святом во снегу
Стою по душу в талом снегу
Господь молюсь молю люблю
Стою в снегу

В ту ночь звезда была чиста
В ту ночь мечеть в реке плыла

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя песчаная рассыпчатая
В ту ночь звезда была чиста моя моя зороастрийская
И ты просыплешься святым песком и ляжешь вся на
дно долины
И изойдешь святым песком и ляжешь вся на дно
долины
И ляжешь успокоишься моя моя родимая родимая вся
безутешная просыплешься глухим песком сойдешь на дно
долины
В ту ночь звезда была чиста моя привольная веселая
И шел окот лазоревых ягнят на талых на лазоревых
джайлоо
И шел окот лазоревых кудрявых талых каракулевых
фисташковых ягнят
И нож локайский обаялся в отчих милых ранних
пастбищах святых торжествовал витал ал ал
И овцематок сирот свежий спелый хор упало опоздало
блеял пел пел не роптал приял приял приял
И куст фисташковый невинный на крови
новорожденной чуткой юной чутко щедро неповинно
слепо пышно живо скоротечно расцветал
А все мне снилась мнилась в эту ночь моя ягнячья
дальная согдийская топазная забвенная да смутная да
смуглая спина
А все мне снилась в хоронгонской каменной запруде
заводи ночной ночной ночной моя моя ягнячья рыба
дальная спина
А все я на текучих трепетных теплынь камнях на
заводи ночной младой нагой спиной лежал лежал да
плыл забвенный дальный да лежал
И лелеяла впускала упускала ластилась ночная
сапфирная дремливая дремотная праматерь прарека
моя моя моя река река
И нож глухой слепой локайский отступал роптал и не
был ал
И куст фисташковый приречный мокрый чудный в руки
шел как младший брат
И вся текла текла была плыла забвенная песчаная и
по спине нагой текла текла шла по спине брала
дремливая река река река
Моя моя моя моя моя река спина звезда запруда
заводь ночь моя моя прошла

В ту ночь звезда была чиста но утро было тало тало
И таял снег и таяла звезда и таял куст и таял камень
И лишь не таяла мечеть и лишь кричал прохожий
дервиш
Я ухожу на Русь на смерти! Прости меня Аллах
весенний!

И сизая тропа влекла текла как вена непорезанная

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

В ту ночь звезда была чиста моя прохожая
прощальная

В ту ночь река была тиха моя за гору уходящая

Прощайте прощайте

Уже и звезда позади оставалась

Уже и река позади почивала

Прощайте прощайте уже отсыялись уже отплескались

Уже

Ай прощайте

Да я и не плачу не стражду да я ухожу за долину

гиссарскую за камень овечий за талый последний
окраинный

Прощайте

Да что-то в тумане молочном родимом туманится

мается тянется

Да догоняет ублажает ласкает снежными дланями да

умоляет утоляет материнскими снежными талыми

руками

Ай родимая мать беглая моя чинара белая чинара

Ты в тумане пустынном догнала обласкала снежными

талыми родимыми ветвями обвивала забирала не

пускала

Да что ты

Да не плачется в молочном во пустынном во тумане

родном утреннем прощальном

Да не плачется родимая да что объяла напоследок

дланями ветвями талыми

Да что не пускаешь что лелеешь оберегаешь тихими

руками ветвями

Отпусти мать

Да не плачется в тумане

Отпусти мать отпусти повеи плесни махни вослед

Уже и на родине мне не спится

Усопшие дальные други мои упокоенные в
бескрестовых бесследных неверных звериных могилах
Пришли что ли что ль — и стоят у двери у бессонной
полночной моей у пустынной

Пришли и стоят — и боятся ввалиться войти слезной
дальной веселой святой вереницей

Стоят улыбаются шепчутся — и боятся войти
журавлиной прощальной загробной дрожащей
нездешней дружиной

Пришли — и стоят и боятся войти чтобы сон мой
земной длился длился длился

О Боже! да я ведь не сплю...

Жду ли вас?.. да входите немые! входите родимые!
для меня вы извечно живые

Да что-то не спится

Уже и на родине мне не спится

Бессонница брошенных тысячелетних переселившихся
высокогорных сиротских каратегинских безвинных
таджикских родных кишлаков в голове моей что ль
поселилась

Иль я как чабан на вершине хребта Хазратшох
звездападами августа как камнепадами землетрясений
хаитских застигнутый осыпанный мучимый изувеченный
неизлечимо

Иль я словно заяц-толай листопадник дрожащий от
всякого листа-янтаря квелого опадающего неумолимо
А много а много таких опадающих листьев

Уже и на родине мне не спится

Иль смерть словно конник локаец наемный убийца с
бесшумным ножом хутталянским бессонно зевая
блуждая страдая в регарских холмах холмах
вечереющих призрачных шелковых близится близится
неотвратимо

Не медли безвинный блаженный родимый убийца

О Боже готов я

Пусть нож справедливый не дрогнет в руке твоей за
грехи мои посланной свыше

Да какие грехи у немого певца немого ночного народа
Владыка

Уже и на родине мне не спится

Загробная Сура Ясин на уста мои что ли присела
как птица ночная неясить сова на священные плиты
мазара кладбища Али Зульфикара пустытника
И тяжело протяжно колышется на устах моих вьется
бессонно молитвенно
Иль дальний отец мой Касым безымянно безвинно
бесследно бесслезно зарытый в Сибири
Вернулся из братского рва котлована где тесно и тошно
костям его стало безвинным гонимым
Вернулся и бродит в ночи озираясь затравленно в
поисках одинокой своей мусульманской бухарской
могилы

О Боже

Уже и на родине мне не спится

Иль плачу в ночи вспоминая далекую густотелую
нагблещущую Софью-Софию первовозлюбленную
перводней бывых святых дней моей младости
И она стоит шепчет улыбается покоряется плещется
нагая нагая атласная под варзобскими лунными
скалистыми алмазными водопылящими
тяжкосеребряными светлозмеинными воспаленными
разъяренными водопадами водопадами водопадами
И я плачу вспоминая те вечнотекущие на
быстротекущую мимолетную скоротечную
живомраморную Софью-Софию летящие водопады
И я плачу в ночи и слезы вытираю бухарским
обильным фазаньим одеялом

Да мало мне одеяла

И все оно вымокло словно тогда тогда тогда оно
побывало в тех в тех водопадах где царские рыбы
форели чреватое вяжась восходя в водопадах о царское
тело Софии плескались плескались икру извергали
метались метали

Уже и на родине мне не спится

И матушка тихой доселе живою святою полночной
певучей веселой рукой чародейной целебной подушку
мою поправляет взбивает смиряет
Спи спи спи древний сын сыне мальчик

Сплю сплю сплю древля мать матушка тепло то моя
матушка
И бьются вьются ходят в скалах варзобских те те те
чудотворные незабвенные царские дивноструйные
серебряные водопады
И летят летят рассыпаются в очи в душу мою россыпи
гроздь серебряные гроздь жемчужные гроздь
алмазные гроздь неувядающие

Бсже
Блаже
Засыпаю

ВИДЕНЬЯ ДЕРВИША НА ШАХРИСЯБЗСКИХ ХОЛМАХ

В пыльных осенних золотистых златых златистых
шелковистых мучнистых телесных неоглядных холмах
холомах шахрисябзских я брожу брожу томлюсь
творюсь блуждаю упадаю прозреваю возлетаю
Ай сладко в пустынных необъятных холомах
шахрисябзских
Ай Аллах! Кто там вдали на холме пыль летучую
падучую рождает воздымает оставляет
Ай Господи! да кто там скачет мается теряется
блуждает приближается?
Ай Господи! ужель уж близок твой последний пыльный
Всадник
Ай Господи иль близок твой Посланник Азраил
последний Ангел
И уж пыль родная родная родимая меня заносит
окружает охватывает забирает засыпает удушает
И уж пыль дремучая пыль отчая златая дремная
текучая златая золотистая мя усыпляет умирляет
уморяет
Ай Господи! ай рано рано арано
Ай Отче иль не медлишь? не жалеешь? да помедли во
холомах родных во таджикских шахрисябзских
Но! Господь! Когда придет мой срок! когда подъедет в
святой пыли золотой слепой Твой перелетный Всадник
Ангел Твой Посланник
Но Господь! но погоди! но уложи тогда! тогда! тогда!
потом! потом! потом! но уложи тогда навек навеки
во холомах саркофагах саванах холомах золотистых
златых спелых шелковистых персиковых холомах
шахрисябзских

Блаже! заверни запеленая тогда меня в шафрановые
саваны волнистые шелковистые холомы шахрисябзские
Ля иллаха-иль Аллаху Мухаммад Расуль Алла!

Айя!

И проплывает за холмом недалним пыльный святыи
всадник шейх чабан пастух овчар локаец

И я сладкую живую пыль ем пью глотаю радостно
вдыхаю улыбаюсь улыбаюсь улыбаюсь

Блаже!

* * *

И шейх Зульфикар возлег на холме айвовом пыльном
дынным дымном вечернем шахрисябзском

И шейх лежал дремал и спал и дева спелая ему
являлась дева Руси сарафанница Марья

Ай! что за сон Аллах? да что за сон? за бред? за тьма?

о Господи да что за сон среди осенних холмов
невинных шахрисябзских азиатских мусульманских
наших?

Аллах! но что за сон? за мак афганский хмельной
косой бредовый дурманный?

Айя!

Ля илляха-уль Аллаху Мухаммад Расуль Улла!

Но! но дева дева дева Марья бродит ходит по холму
нагая бродит по холму ночному шахрисябзскому

Но дева Марья Русь бродит по холму пустынному
печальному

Но у нее коса спелая золотая как холомы
шахрисябзские осенние шафрановые

Но у нее ягодицы спелые спелые снежные сахарные
как сахара бухарские но у нее ягодицы как яблоки
тугие поздние золотые калайдаштские

Но у нее груди как дыни мирзачульские как тыквы
тяжкие янгиюльские октябрьские

О Аллах! и что мой сон среди сахаров бухарских?
среди мирзачульских медовых дынь? среди янгиюльских
тыкв протяжных тяжких?

И бредет бродит грядет по ночному пустынному холому
дева дева уже спелая уж спелая уже уже нагая
нагая

Айя!

О Господы! Зачем мне сон такой в холмах осенних
дальных сонных шахрисябзских хладных посылаешь
навеваешь?

Тогда шейх на холме ночном пустынном просыпается
Тогда дева Марья нагая уходит по холму унося яблоки
калайдаштские дыни мирзачульские тыквы янгиюльские
тяжкие

О помедли!
О Аллах!
Кому такие урожаи?

* * *

И груди на деве Марьи Руси избыточно сладко дико
упоенно росли росли цвели

А она несла а она не знала

А она не знала

И росли как дикий виноградник

И сосцы медовые дикие виноградные желуди дальние
святые божьи ягоды

И холмы холомы азиатские регарские айвовые
абрикосовые таят таили затаили древних шейхов
чабанов усопших дервишей ушедших всадников

И опять я объятый объемлемый стою овейный
холмами холомами хладными осенними регарскими
айвовыми абрикосовыми сладкими пыльными холмами
шахрисябзскими

И груди плодовые чудовые ярые на деве созрели святые
персиковые шершавые шелковистые валуны живые
окатыши

А она дитя не знала

А она дева Марья солнцеволосая густоногая спелобедрая
кудрявольстиволонная святая

А она смеялась взывала в золотых златых златых
златых боярышниках фисташниках

А брел на пыльном осле зеленый шейх в златых
айвовых поздних холмах холомах шахрисябзских

А брел тонул зеленый шейх в мареве златых златых
виноградников

А брел зеленый пыльный дальний древний святой шейх
Зульфикар в айвовых холомах шафрановых

А дева зрела на холме осеннем спелом зрела
непомерными нагими плодами

А дева в арыке ледовом роднике купала груди пыльные
ягодицы крутые круглые верблюжки горбатые холмы
нагие речные дивные окатыши

А ослы пыльные тучносемянные долгостволье

шафрановые кричали падали заглядывали да в пыль
падучую пахучую сходили ползали да там метали
в пыль слепо слепо смирялись извергали маялись
да в пыли лежали уповали уповали уповали
А дева Марья не знала не ведала да глядела нагая из
арыка девыми родниковыми виноградными очами
блистала
Да подлетали всадники прохожие да били да кричали
гортанными локайскими кочевыми языками да
отступали в марево вспомнив Аллаха!
Ой отходили в марево ой пропадали отступали ой ой
калялись! ой проклинали!

Айя!

Ой вольно в холмах в холмах осенних медовых
вольных вольных шахрисябзских неоглядных!

Айя!

И подходил к деве изумрудный пыльный шейх
Зульфикар и слезал сходил с осла дальнего снежного
гладкого пыльного косящего
И шейх груди девы необъятные избыточные арычные
нагие проливные осенял сосцы ея чудовыми певучими
плакучими летучими камышовыми перстами осиянными
И шейх грудей перезрелых сосцов девы напевных
моленных жертвенных медвяных дымчатых сливовых
сосцов перезрелых касался перспелыми перстами
И шейх улыбался древними текучими очами
И дева улыбалась и сосцы горючие не прятала
И сияли окрест холмы холмы шелковистые абрикосовые
айвовые пустынные невинные холмы святые
шахрисябзские гиссарские регарские
И сияли окрест холмы холмы золотые коконы аллаха

* * *

Ой да под родниковой снежной ветвью виноградной ой
под гроздью ягод под октябрьской рохатинской под
ледовой
Ой пришла кишлачная кизинка дева Халида из
кишлака уже уже уже ледового уже далекого
Ой пришла дева Халида
И стоит под ледовой под медовой под бредовой дальней
дальней дальней гроздью тучных ягод под медовой под
далекой
И стоит дева родниковая

Да! ликует! боже! блаже!...

И под коленями молитвенными липко сонно зыбко
истекают тихостные благодарственные ягоды...

* * *

О Господи молюсь да бьюсь да вьюсь да упадаю в
рохатинском винограднике октябрьском холодном

хладном хладном

И ягоды ледовые медовые беру лелею хладными устами

И в пыли собираю ягоды медовые тугие палые талые
обвялые

И осыпается октябрьский виноградник ледяной
разъятыми измятыми блаженными разорванными
ягодами

И сладко!

Господи! в пыли в палых напоенных ягодах лежу
лелею дальный дальный дальный

Господи! витаю в золотистом рохатинском
винограднике! в пыли мучнистой во пречистой во
душистой святой виноградной серебряной

Господи! витаю в винограднике студеном в золотом
в опалом в рóдном в дальнем дальнем дальнем

В сладком!

Ползу моленно святым божьим червем виноградным!
Лечу витаю святой божьей горлицею птицей

виноградной!

Блаже!.. Сладко-сладко сладко в сладких во медовых
во ледовых виноградниках!..

* * *

Под лазоревым багряным зыбким виноградником
под рохатинским ай да под таджикским

Ай да под агатовым живым виноградником да под
кудрявым тучным под курчавым под барашковым под
сладким

Ай под каракулевым ай ай ай живым живым родным
пыльным виноградником

Ай под родниковой проливчатой кистью ягод липких
липких дымчатых

Ай да под текучей падучей гроздью рохатинской
гроздью ягод девственных сосцов нахлынувших

Ай да под милой дивной родной гроздью источающей
 проливчатой
 Ай под липкой пыльной пыльной пыльной дальней
 дальней рохатинской
 Ай под сладкими липкими прилипчивыми родными
 виноградными птицами птицами птицами пыльными
 пыльными святыми низкими горлицами
 молитвенными
 Ай молюсь, молюсь молюсь Тебе Аллах Владыко
 Ай летают птицы виноградные у лика моего осеннего
 далекого остылого
 Ай смеются радуются очи очи очи мои сирые сирые
 ай ай
 Господи еще живые все живые все живые все живые
 Ай смеются радуются хмельные очи мои пыльные
 Да! да! да! под гроздьями студенными октябрьскими
 заиндевелыми рохатинскими смеются краткие очи моя
 слиловые дымные
 Да! смеются очи под гроздьями ветвями проливчатыми
 избыточными
 Да ликуют очи выцветшие в виноградниках родимых
 рохатинских
 О боже! как дышится! как живется! как пахнет родимой
 исконной отчей мусульманской сладкой виноградной
 медовой летучей пылью пылью липкой
 Как сладко в сладких поздних золотых золотых золотых
 дурных хмельных бредовых студеных сизых
 каракулевых налитых золотом живым родимых
 рохатинских виноградниках
 Как сладко золотых золотых тесных обвялых ягод
 касаться устами зубами очами власами
 Как сладко!
 Господь! дай надышаться твоей пылью живой
 в виноградниках твоих студеных поздних золотых
 кудрявых хладных рохатинских
 Господь дай заблудиться задуреть прозреть в далеких
 горных виноградниках пустынных
 А виноградники истекают протекают медом вязким
 золотом живым текучим липким липким липким
 Господь! да я блуждаю радуюсь в Твоих студеных
 виноградниках златистых рохатинских
 Господь! да ягоды медовые бредовые твои текут да
 истекают трескаются источают да роняют меда в очи
 в уста в душу во лицо мое счастливое

ГРЕХ

Шелковистая! ты встала! ты стоишь на берегу берегу
лесного камышового карасей озера тихого низкого
Шелковистая! шелковистая ты встала ты стоишь на
берегу лесного озера в платье струйчатых струящихся
сквозящих ситцев

Шелковистая шелковистая шелковистая волнистая ты
встала ты стоишь в платье русских кротких ситцев
И нагие белого налива девьи ноги твои нетронутые явны
зрелы белы проступают сахаристы

И лоно девичье курчавое темнеет как косточки дрему-
чих перезрелых мяклых мятных мятых золотых златых
сквозящих урюков таджикских дальных дальных
дымных

Ай Азья Азия родимая ты далека а Русь окрест меня
стоит томит лесная дивная озерная вологодская
малиновая

И стоит на берегу необъятном дева дева девья девая
юница отроковица нетронутая шелковая волнистая
шелковистая

Ай дева ай пойдем пойдем бежим сойдем в поля поля
поля в луга в постели зеленые

Ай дай сотрону груди сокровенные молодые ярые
мирзачульские хивинские дыни яблоки антоновки
орловские пречистые дай отведаю сосцы колодезные
чистые малиновые лесные шелковистые

Дай сотрону груди груди твоя как яйца лебединые дай
невинные сохранные сосцы лазоревые дымчатые как
гиссарские поздние тучные сливы сливы сливы

Дай дай дай шелковистая в полях бездонных
в травостоях безысходных вологодских дай дай дай тя
запрокинуть

Дай в травах заливных медвяных беспробудных дай
в травах муравьиных святых русских наших дай в
некошених дай дай тя покосить да усладить да
затеряться да забыться

Ай забыться

А расступались травы а легли легли легли мы а потом
и ноги девьи налитые уступчиво покорно ненаглядно
сонно сонно расступились разделились разлучились

Ай дева травяная не трави ай дева шелковистая
волнистая сладимая ай дева не трави ай дева не томи
ай дева упусти пусти меня забытого

А ты стоишь томишь таишь а ты уходишь все уходишь
все уходишь в платье ситцев неповинных веющих, все
ты уходишь берегом жгучим озера безвестного лесистого
пречистого пустынного

О Господи! Да чашу дивную да чашу юную непитуую
да непролитуую сию да пронеси да мимо мимо мимо!

УБИЙСТВО БАРАНА УЛЛЯ

И баран после резни смерти оставляет нам бездонное
медоточивое абрикосовое тело свое
А что ты человеце оставишь после кончины своей

Баран Уль-Джэк на берегу блаженного лазоревого
Иссык-Куля

Баран Уль ты учуял близкий грядущий нож и заблеял
неповинно среди пыльного родимого курая и уж не ел
курай и не алкал а чуял прозревал

И жгуче втуне падала твоя слюна жемчужная на
заросли древовидного курая терескена янтака и зло
кипела там

Баран Уль ты учуял ты узнал

И я видел как гиблый хилый иссохший солончако-
вый чахоточный чабан Куддус-Куздул-Казан (ему
жить осталось три дня) связал скрутил опутал ноги
ладные твоя

И долго долго долго мучительно рушил тебя молодого
крутого спелого ярого на древлюю землю на курай

И не мог свалить унять тебя долго долго но потом
свалил в родимый враз притихший как Иуда как
апостол Петр курай курай курай

А потом сладкий дынный долгий дрожкий зыбкий
знобкий потный мирзачульский скотный нож бродил
бродил дрожал ходил искал о горло зрелое буйное а
потом враз нашел пошел потонул утоленно сладостно
пропал в ласковых гортанных гранатовых нагих струях
водях волнах

А струи вольно туго бились вились пенились упадая
иссякая томно гулко глухо в медный таз

А потом их блудный пьяный шалый маковый бредовый
пес Шальдур-Иясс лакал лакал лизал

И одурев сомлев деревья каджисайских персиков как
воров ночных грыз брал кусал

Баран Ульь я видел как убивали тебя но стоял но спал
Баран Ульь я слышал как ты перед ножом крикнул
вдруг человеческим голосом позвал: Аллаааааааа!..
Перед смертью все звери как человеки кричат
Почему Аллах?

Баран Ульь я не ел убитое невинное тело твоё и имя
твоё
Баран Ульь я не ел не грыз не сосал не пил бешбармак
как гранатовый пес алкал лакал медный таз
Баран Ульь а все кто хмельно косо сочно смертно
хохоча и плача ели тело твоё и грызли тебя
Те всю ночь текли страдали животами кишками исходя
твоими тайными гранатовыми водами волнами
А дети утром бледно икая маясь бляели бляели
исходили овечьими голосами голосами голосами

О Аллах! Иль бараны умирая кричат как люди а люди
утихая блеют как бараны
О Аллах как все смешал Ты! все Ты перепутал! все
смешал Ты! как печально! как блаженно!.. сладко!..
сладко!.. свято!..

Говорят что нож кривой тупой слепой был у
чахоточного чабана Куддус-Куздул-Казана
И через три дня он умер и его чахоточный тупой нож
умер вместе с ним
Но перед смертью он шептал: Аллааааааа... и бляел
как баран
С той поры когда при мне режут казнят останавливают
барана
Наутро всегда на горле моем является саднящая язва
узкая ножевая страждущая гранатовая рана
И долго долго не утихает не иссыкает не зарастает

Ульь баран брат мой прощай

* * *

Эфедра облепиха барбарис
Несметные живучепряные живучесладкие
живучевязкие кусты на берегах несметных Иссык-Куля
А у меня всего одна лишь жизнь
И та дрожащая как у барана Улля

Киргиз-кайсацкий Бог у юрты брошенной стоял стоял
 дремал витал стоял
 Киргизский Бог у юрты позабытой брошенной рыдал
 И брошенный забытый чей-то молью сокрушенный
 съеденный старинный ветхий древний ширдак в руках
 держал и к лику поднимал и очи талы очи Божьи
 осушал обтирал
 И с Иссык-Куля словно одеяло с сына блудного
 грешного жарко бездонно жгуче спящего снимал и
 подымал великий ветер Улан
 И шел на брег покорный адов ветер Улан
 И подымал срывал с земли последнюю брошенную
 юрту и в небеса вздымал как древний кочевой
 киргизский Ак-Колпак
 И витал в небесах кочуя Ак-Колпак
 И витала сиротою жемчужной юрта брошенная забытая
 в небесах
 И последний бай-манап брал нож у сарта-чабана-раба
 и властно говорил: Раб! режь меня! я уж не бай-манап!
 я бай-баран!
 Пришли на землю ханскую бараньи рабьи времена!
 Раб! режь меня!..
 И резал горло бай-манапа бай-барана сладостный
 залиvistый ликующий чабан
 Киргиз-Кайсацкий Бог один как бог на иссык-кульском
 берегу стоял
 Над ним витала позабытая перламутровая жемчужная
 блаженная киргизов юрта сирота во небесах как
 Ак-Колпак
 Шел страшный святой Ветер Улан
 Бог поглядел на юрту и сказал: Земля киргизская пуста
 темна!
 Сегодня кочевать спать ночевать придется в юрте
 бешено летящей в небесах!..
 Аллах!..
 Уран!..

ПУТНИК

Иссык-Куль берег страна лазоревых теплых прибрежных
 камней камней камней
 Спи путник странник Зульфикар Ходжа бездомник
 среди теплых чарых летних ленных дней и ночей

Спи певец безродник одинокий на каменных постелях
колыбелях спи ложись дремли чуди бездомник сирота
певец
Спи и накрывайся одевайся теплым мшистым древним
камнем-одеялом
Спи бездомник певец
И мать Муриза-Ханум давно усопшая ушедшая
дорогой невозвратной мертвецов придет среди ночных
постелей-камней
И мать бродит средь постелей-камней
И мать грядет бродит средь лунных камней и ищет
заблудшего сына певца своего
Спи спи спи дитя певец пока не повеет льдами с тянь-
шаньских столбовых пирамидальных елей с маковых
мятных сыртов с джайлоо хладных отар отар овец
овец овец
Спи певец пока не придет шайтан улан ветер ветер ветер
И станут хладными постели одеяла снежные камней
камень камней
Но пока среди бродяжных томных ленных летних
августовских дней и ночей
Спи спи спи дремли чуди уповай певец в стране немых
солнечных камней
Спи на теплом иссык-кульском камне покрывшись
теплым мшистым камнем-одеялом
И мать бродит где-то рядом словно сошедшая на
берег с гор туманных ель тянь-шаньская
И под утро когда камни остывают изникают
Она поправит тихо камень-одеяло
И осенит тебя согреет тайным забытым святым родным
нетленным лепетным лепечущим струением дыханьем
И тронет дланями-ветвями и погладит голову
нежнейшими сладчайшими перстами...

Матушка останьтесь
не покидайте

* * *

Дервиш что нежнее всего на свете?
Переспелый исфаринский персик?
Дитя новорожденное молочно дремлющее в снежной
безвинной гахваре-люльке-колыбели?
Губы и груди возлюбленной в дремной утренней постели?

Крылья пыльцовых живожемчужных живомучнистых
бабочек очнувшихся в апреле?
Дервиш сказал: Персты матери бродящие по сыновнему
темени...

РАЗЛУКА

Пустыня пустыня Кызыл-Кум необъятная всевластная
И только несколько капель алмазных
И те у очей прощальных у твоя
Возлюбленная моя

* * *

Античный иссык-кульский мускулистый тополь
Под ним пасущаяся свято тленно бренно млечно лошадь
Ночь
Лошадь неподвижно ест траву
А тополь по долинам дымным лунным чудотворно дивно
одинокое бродит бродит бродит

* * *

Самые прозрачные очи у иссык-кульских чаек
Ибо они глядятся в чашу самых прозрачных вод
До дна видна Иссык-Куля чаша...
Вот бы были людские души как очи иссык-кульских
чаек

* * *

Конь конь киргиз-кайсацкий молодой конь
Что ты бродишь в пыльных овечьих отарах плящих
грядущих с джайлоо Тянь-Шаня
Что ты бродишь в пахучих курчавых отарах
Что забыл табуны косяки тонких кумысных кобылиц
волконогих бархатных атласных жемчужных скуластых
Что забыл косяки ярогонных яроногих яроспелых
ярозадых своих кобылиц ураганных
Что забыл косяки кобылиц с головами как яхромский
желудь гладчайший
Я люблю возвышаться в муравьиных ползучих овечьих
отарах

ОДИНОКИЙ ДУБ

В осенних дымчатых сумерках я прихожу и сажусь
на хладую траву под одинокий дуб
Дуб чует меня и осторожно бережно осыпает роняет
желуди окрест

И ни один желудь не падает о мою голову
Я сижу в сумерках и жду когда придет ночь ночь ночь
Чтоб уйти незаметно
Чтобы он не учуял
Одинокий

* * *

В лесу осеннем сладко травянисто пахло
надломленной березовой ветвью
Ветвь лежала уповала в золотистой уж хладеющей
траве траве траве
Матушка моя далекая я вспомнил о тебе

* * *

О Азья
Я брожу по твоим пыльным медовым пряным ленным
липким базарам
Где нищие подают милостыню нищим
Где только нищие подают нищим
О моя Азья!
Да куда ж ты?..

ЗИМА

Наступила зима
Полетели побежали потекли белые мухи
И моя возлюбленная Музарра-Кафот подарила мне
кожаную бухарскую мухобойку...

* * *

Рдяная ветвь рдяная гроздь рдяная зернь поспевающих
прибывающих наливающих вишен
Кольшется над нами на весеннем майском таджикском
блаженном ветру ветру кольшется колеблется движется

Рдяная ветвь гроздь зернь поспевающих яроалых вишен
над нами блаженно бездумно колышется
А мы сидим в траве молодой вместе с моими
возлюбленными друзьями братьями Юрием Сафаром
Маратом Борухом Виктором и Володимером
И нежно пьем прошлогоднее гранатовое вязкое ура-
тубинское вино прошлых вишен
И рдяная ветвь поспевающих наливающих вишен над
нами божественно дивно струйно колышется колышется
колышется

Други на холодной траве земле не остудитесь не
разбредитесь

Господь продли их дай долготу дней им
Пусть скорей поспеют оборвутся обрушатся мои
скоротечные скороспелые вишни
Пусть подоле их рдяные вишни тугие хмельные
колышутся

ПРОРОК АЗЫ

Гаремная неутоленная неугомонная погромная
загробная неурожайная солончаковая печаль телячьих
азиатских водооких вольнотелых тунных верных жеп
Ослиная охочая слюнявая тоска прохожих пыльных
пенных охающих дервишей
Как балхский шелковичный тут избыточно чудовищно
обрезанных
И вот от встречных взглядов ножевых пророк провидец
Азии зачат замешан
урожден
И вот пророк тайком из девьих тайных тесных лядвий
чресел жгуче слезно слизисто безумно по кошачьи
извлечен
И тайным скотным ятаганом с девьей пуповины как
с лозы лазурной срезан срезан срезан
Пророк провидец с талой кроткой головой коровьего
невинного дитя теля имтерпким ненасытным
необъятным зеббом всех ослов неистовых Хиссара
и Хорезма
Енна!..

В душу врезаются вонзаются въедаются осенние
 оголенные сиротские костлявые деревья
 Как иглы щепки занозы долгие бездонные под ноготь
 О не выжить не пережить зиму многолютую
 многоснежную
 Моей таджикской дальной горной одинокой сливе
 тонкоствольной...

ЧЕПТУРА

Чептура дальняя кишлак дальний
 солнечный стог сена у мазара шейхов
 у глиняного сыпучего древнего мазара шейхов шейхов
 (шейхи шейхи где вы где вы?)
 бегаю вокруг мазара с татарской ласточковой девочкой
 дремливой
 бегаю дремлив
 земле под ногами от вешних дождей сыро
 бегаю за девочкой дремлив дремлив дремлив дремливо
 татарку девочку дремливую дремливо догоняю в
 солнечном стогу стогу стогу дремливом с девочкой
 лепетливой лежу смеюсь дремливо
 обнимаю
 задеваю
 замираю
 убегаю
 цветет урюк у светлого дремливого дремливого
 дремливого арыка
 было было было было
 было
 цвело цветет урюк осыпавшись дремливо
 осыпается урюк над арыком как мазара сыпучая святая
 глина глина глина глина глина глина глина глина
 осыпаются урюков пресветлые летучие пчелиные
 медовые глины глины глины
 осыпаются вешние певучие летучие божьи лепестки
 глины птичьи голубиные
 дремливые
 чептура родина родимая родимое гнездо яйцо кибика
 глиняное глиняная
 чептура чептура чептура чептура
 дремливая дремливая дремливая дремливая

ФАТТЬМА

В атласных вишнях атласных витает лик Фаттмы
В атласных мясистых вишнях витает витает пресветлый
ленный лонный лик Фаттмы
И тополь взрыт пустынным шелудивым корбедом
а не ива божья склонна ива
И тополь взрыт а ива девственница ночи ива
девственница нагого ночи озера залива
А за горою Азья Азия пылит пылит тучно пылит свято
пылит пылит пылит
Кричит мазара загробный замогильный зааллахов
муадзин
Ословерблюд трубит молчит мычит рычит смиряется
ословерблюд пустынь хладеющих дехкан дехкан
долин долин полуденных струящихся долин
Витает в вишнях лик скуластый Фаттмы
Пророк перстом пахучим липким плод в уста возьми
храни молчи
И плод течет и нарождается Глагол живой нетленный
нарождается Глагол святой святой святой
И плод течет и истекает плод и нарождается томящийся
божественный Глагол сырой сырой святой святой
И плод течет и нарождается народ
И плод течет и ждет народ
И плод истек и зашептал Пророк: Фаттма Фаттма
Фаттма
И пали вишни и несметно тля нашла и словно агнцев
свежесрубленных в подножиях дерев обильно кровь
падучая стояла а не шла не шла густа густа темна
темна темна курчавая млада
А за горою Азия пылит а за горою мул двояк чреват
в пыли святительных сиятельных чинар чинар лежит
лежит лежит лежит плодоточит
И зашептал Пророк: Фаттма Фаттма Фаттма
Тогда народ упал в залив текучих палых мертвых
сонных вишен вишен вишен в месиво во глины
И тут молился уповал молился
Верблюжье древо расцветало одичало дико
Верблюжье древо расцветало одичало одичало дико
дико дико
всепустынно древо верблюжье царило восходило
короедов гиблых в небо Азьи
У ног народа стыла стала кровь река река река

Уже младенцы утопали вязли молча молча молча на
века

Но!

Гут пророк Пророк восплакал воскричал: алла! алла!
алла! Алла!

И просветлела протекла смиренно кровь-река

И тля прошла

И народ в ликующих плодах в атласных цельных

тучных вишнях ликовал о ликовал ой ликовал

И за горою Азья разрешилась млечным пенным гласом
сосунка первоосла первокопя в пыли святых
хранительниц кормилиц родниковых доаллаховых
моленных веющих всевеющих чинар чинар чинар

Тогда пророк Пророк младой младой святой уже святой
в садах в садах Аллаховых народов восходил восходил
шел шел улыбчив шел стенал стенал стенал

Искал очами осененными лучистыми искал искал

Искал

Но лик Фаттмы скуластый средь плодов атласных

тесных не витал

Уж не витал

МОЛЬБА ДЕРВИША

И горлицы спадают у очей

И горлицы спадают у очей у вешних льющихся у очей
очей

О Азья Азья о прими о утоли меня вдали в Руси дорогу
утерявшего утратившего

Прими и в сонных маках дай всем телом высохшим
расплакаться

О Азья дай чтоб у ресниц летали напоследок горлицы
закатные закатные

О Азья Азья дай о утоли прими убереги возьми возрадуй
о в исходе о возрадуй

Летят летят летают горлицы твои твои твои

о виноградные о хладные

Летят спадают у моих очей очей синей синей темней
темней Руси Руси Руси

О Азья мать мать о всематерь упаси о упаси
о упаси

Аллах в могиле безымянной безглагольной на мазаре?
на дороге? на горе? на огороде? о в могиле безымянной
моего отца таджика о в могиле безымянной о Аллах

меня похорони повеи похорони навечно усади средь
вечных терпких мусульманских ломких глин святых
И пусть склонится пыльный Ангел Твой
И пусть склонится пыльный Ангел Твой над
предмогильную утихомиренной моей кафира головой
И пусть склонится Ангел Ива
Пресветлый Ангел укажи отцов убитые забытые
размытые могилы
Чего развеял Ты мазары голубые голубиные осиные
златоосиные
Чего крылами и когтями разметал сметал ссыпал
свергал святые глины глины
Что начертал что насаждал что насылал всеуносящие
немые смутные арыки
Аллах иль дашь сойти в кладбищенские обозначенные
ангелами саваны и глины
Аллах иль пустишь по немым всеуносящим по
безбожным тленным по арыкам горьким всепустынным
Но!
Спадают кротко горлицы у уповающего у живого
у живого лика лика
Спадают говорливо горлицы у уповающего лика
Господь готов я к Макам к Глинам и к Арыкам
Чтоб только веяла склонялась напоследок Азья Ива
Чтобы цвела в очах последних чтоб цвела пчелиная
моленная Христова Русь Русь Липа
Господь готов готов я к макам к глинам и к арыкам
Иль медлишь иль жалеешь иль отодвигаешь срок
иль напускаешь светлых горлиц жизни
Иль длишь иль длишь меня недужного блаженного
влюбленного иль длишь иль длишь меня Владыка

ГЛАС ПРОРОКА

И ливни смывали сметали птенцов божьих
И глиняные ливни вешние смывали сметали желтых
божьих птенцов со хрупких липких гнезд
И глиняные ливни сметали смывали безвинных
божьих птенцов птенцов птенцов
И был несметный урожай младенцев Азьи
И был несметно слеп кишачий урожай младенцев
Азьи Азьи
И матери раждали и ослы кричали и коровы мычали
Азьи Азьи Азьи

И тучной сонной саранчой младенцы матерей искали
 и сосали иссушали искушали
 И мужи Азьи семена летучи в лона дев падучих
 исторгали извергали в лона дев метали яро в лона
 ласковые необъятных жен метали семена звездами
 августа падучими обильными пылящими пылящими
 распавшимися в ночах в ночах Аллаха
 И мужи Азьи исторгали извергали кочевые семена
 взыгравшие молящие о лоне
 принимающем
 Медовые мужи и жены Азьи Азьи ленной ленно
 совпадали сометали содышали как стрекозы над
 полдненными полями терпкие обмяклые двойкие
 слипались
 Медовые мужи и жены лишь слипались лишь слипались
 лишь слипались
 Что Ты Азья? что ты что ты азья?
 Иль Мухаммада Глас забыт зарыт как мавзолеем разъят
 разъят в пустыне каменной во градах окаянных в
 кишлаках печальных дервишей затравленных густыми
 волкодавами
 Или пророку каландару нищему хафизу не испить воды
 из пиалы с поклоном божиим дехканином протянутой
 Иль не вкусить блаженного ночлега в безымянной
 горной чайхане ночных пустынных малых скорбных
 караванов чахнувших хаджей Аллаховых
 Иль у мечети в пыль святую молодую теплую
 праматерь в пыль родную мать не упасть не лечь не
 распластаться затеряться свято затуманиться
 пресветло разрыдаться изойти в блаженном вековом
 намазе
 Где Ты Азья? где ты где ты азья?
 Иль вязнешь глохнешь во садах младенцев ярых
 неаллаховых кишачих
 Иль Вязнешь усыпаешь у груди несметных матерей
 плодоточащих незапечатленных неаллаховых
 Иль Мухаммада иль пророка (ближе он соска слепого
 изливающего слепо во уста дитя родимого он ближе
 страждущего ока матери питающей)
 Иль пророка не помянешь не помянешь не помянешь
 Что Ты Азья что ты азья что ты азья?
 Иль не чуешь как птенцов невинных как птенцов
 невинных с гиблых шатких гнезд смывают ливни
 благодатные

Иль возжидаешь иные Ливни Аллаха всесмывающие
смертно упадающие
Иль возжидаешь Ливни Аллаха
Иль ждешь чтобы младенцы в глиняных потоках
утопали ускользали увядали в гахварах последних
зыбках усыпали
Иль животная безбожная плодовая кормилица слепая
иль смеркаешься
Смеркаешься?
Что?
Ты?
Азья?

* * *

Порезы множились на густых виноградинах, ягодах,
И головами бражно прилипали овцы к виноградникам,
и девы источали и стенали, и ослы кричали
и крепчали, и вздымали и метали,
И винные в арыках рыбины сбежались,
и смежались, и молчали, и молчали,
В колокола всю ночь звонили похоронно,
Нашествием летучих мускусных мышей сметён
был сдвинут крест на кладбище пророков,
А ночь, а ночь, а ночь была, была цветочная пыльцовая
качалась осыпалась разбрелась раздвигалась,
Лежала на песке садовом виноградина отпавшая
свободная лучистая невинная блаженная лежала.

* * *

И кликну хладных ледяных форелей горных
ледниковых
И кликну снеговых форелей горных горных родниковых
И в реку опущу закатны очи
И в реку опущу закатны очи
Аллах чего там... Если все уж прожито...
Чего там?.. Да форели плещутся чрез горло...

* * *

Аллах Аллах я плачу плачу у реки реки реки
Аллах я плачу у реки у травянистой
вечереющей реки реки реки

И я стою лежу на островке средь волн средь
укрошенных усмирённых медленных влюбённых
( ) жено!

УЩЕЛЬЕ

Я осенним ручьем играю
И студеность его рассыпаю
На лицо свое тихое, зябкое.
Только камни вокруг, только камни.
Даже птица не звякнет крылами,
Даже конь по тропе не восстанет.
И снега, что в полете недалёном,
Я заранее принимаю.

* * *

Адово древо декабрьского града...
Рабынь, в прудах лежащих, взгляды за ограды,
И обречённость сладко ниспадающего всадника,
И его сметливая игра их грудями, уступчивыми
радостно...
И уединённость живота девственницы-избранницы...
И желтых караванов многодальность...
И ослов многострадальность...
Декабрьского града древо адово...
Близ его ствола ледовость всадника...

* * *

Ночь, ночь... Ночные всадники скоропалительны,
Ночные кони упоительны,
Ночь, ночь... Ночлежники-пещерники успокоительны,
И ветви древа птичьи усыпительны,
И жуки со цветов душистых уморительны,
Ночь, ночь... Пустыни лани у колодцев воспалительны,
А мягкие барсы со скал в оскалах уловительны,
А в реку усладительную рождает девственница уносимого
Спасителя,
Ночь, ночь... Усыпальница тюльпанов,
ликов странников расхитительница,
Орлиных гнезд хранительница,
Ночь, ночь... Владычица волчиц,
облизывающих раненого витязя...

СОН

У берега чинар у берега чинар ласкалась дева
к жеребца густым бокам
У берега чинар у берега чинар
Были икры девы как рыбы белые
были игры девы оголтелые
У берега чинар живот жеребца нож вмещал
нож пастуха вбирал впускал у берега чинар
Пастух нож полоскал у берега чинар у берега чинар

ЖИЗНЬ

Морды ночных зверей о морды ночных зверей
морды ночных зверей
Капающие морды святые над родниками молодыми
морды ночные зверюг зверушек
Морды в ущельях сырых роняют колкие капли
и бегут среди азийских полей
Морды ночных зверей вольней
И с влажного древа морды ночных живущих
И с камня глядят морды подлунные
Из вод зрят рыбки лики послушливо
Из нор пещер щелей рожи стерегущие
И куда зрят глазища сущих?

* * *

Я лежал на песках Сундукли
Шел верблюдов на песках Сундукли
И скорпионы скарабеи в барханах
мужая росли на песках Сундукли
Так чисто умирать на песках Сундукли
Приходите чистые сыны усыпать на песках Сундукли

* * *

И брег иной узрел монгол и отпустил коня
в душмяные заутренние зарнистые поля
И пал и полз и возлагал
И только к ночи был в Селенья взят
И только к ночи перестал конь ржать

НАГАЯ ДЕВА

Горцы скошены к роднику.
Камни чуткими змеями подернуты.
И глаза оленя растут.
И охотник о ружье трется.
И все это сделала дева,
До погруженья в родник раздеваясь.

* * *

Полоскала одежды дева нагая
И груди теряла в поток, словно белые яблоки.
А горцы в селенье у вод целый день пропадали,
А жены носились вдоль вод целый день с топорами.

ДЕКАБРЬСКАЯ МОЯ ВИШНЯ

Она меня ждала и листья сберегала
Она меня ждала и листья соблюдала сохраняла листья
хладные декабрьские листья запоздалые
Она меня ждала моя моя давным-давно посаженная
давным-давно забытая декабрьская таджикская
моя невиноватая родимая родная
А тут увидела меня и вся затрепетала вся замаялась
зашлась вся задрожала как живая
И разом вся блаженная опала оземь златом звонным
златом хладным златом долгожданным
Блаже

* * *

Таджикские мои сады
Мои далекие родные ранние миндальные
Уж отцвели
Уже отликовали отсияли отплескались
Расплескались как пиалы многошумного бухарского
дремучего вина в моих перстах во понокотах
во ночных в моих в стареющих в дрожащих

МАРОККО

Ай пить древний чай с удурианской атласской мятой
забвенной наана-мятой
Маракешских бездонных извилистых Медины базаров
На берегу пустынном Атлантического Аль-Мухита океана
океана океана
И никого' никого окрест и только волны валы гребни
хребты текучие бессмертные Аль-Мухита
океана океана
Набегают неоглядно на глаза на ноздри на душу
набегают волны океана

И только дерево золотых перезрелых климантинов
над головой моей тяжело блуждает небывалыми
живозлатыми плодами
И марокканские пальмы едва колышутся в слезных
блаженных очах моих пальмы пришедшие тайком
пешком из Сахро-Сахары
И вдоль океана несметно тянется дымится творится
тысячелетнее кладбище-мазар плит молитвенных
мусульманских
Тянется загробный заупокойный недвижимый лежащий
таится караван давноусопших шейхов азгабов
мохаджиров Пророка гневных сотоварищей
Куда ты караван загробный не заблудись не утони
в волнах бесследных океана
О Аллах куда заблудшие усопшие неправедные грешные
уходят караваны
Иль ждут Великого Суда когда подземные на землю
двигнутся взойдут безвинно убиенные несметные
кишащие собратья
И на земле не будет ни спасения ни места
ни дыхания а только в волнах океана?..
Но пока в приливы лижет океан в беспамятстве
их имена святые с плит как соль целебную
бродячая вселенская собака
А не может стереть слизать смахнуть их вечные
небесные заклатья
О АЛЛАХ! но почему рожденные на берегу арыка
хиссарского дальнего
Мечтают уповают упокоиться преставиться уснуть
приятъ умереть на берегу берегу Аль-Мухита
океана

Иль чтоб душа восторженно уйдя стрелой от тела
надоевшего парила витала билась вольно
в брызгах океанских?

Алла Алла Алллаааа

Аллах Акбар Аллах Акбар Аллах велик и океан — лишь
его капля

Но! но почему рожденные на берегу утлого родимого
песчаного арыка

Мечтают умереть на берегу берегу океана Аль-Мухита

Чтоб океан вечноживой лизал ласкал лелеял каменное
усопшее их имя на прощальных невозвратных
плитах плитах плитах?

Чай с мятою удурианскою атласской в долгом
медленном стакане-косе давно остыл остыл остыл
и мята в нем поникла

I ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Нет на земле ни городов ни языков

Икшанский облученный окаменелый омертвелый белый
белый дуб словно платиновый или алюминиевый
дуб косо замертво стоит словно молит

И сырдарьинская гиена крапчатая лижет алым спелым
языком металлоствол как живоносный солончак
иль кость младых могил

Гиена дальной дальной Сырдарьи как оказалась ты
у дуба близ Москвы

О Боже! миновало пять ночей и дней неразличимых
после войны

Теперь нет ни Москвы ни Сырдарьи

Ни Азыи ни Руси...

II ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

На том месте где упала отжила отсияла отплескалась
многосолнечная многозвездная водородная бомба

На самом дне лазоревого циклопического

пирамидального кратера

Лежит пылит чудит ворожит златосизый дивносизый
безвинный маслянистый майский жук хрущ рогац

Он лежит на спине и мается тщится хлопочет
пыльцовыми проворными извилисто златистыми
лапками
Он хочет перевернуться со спины и встать на лапки
и с медовым сытым гудом полететь взойти восстать
в небеса лазурные как прежде
Да нет у него спины

III ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Война уже окончилась
Давно давно давно давно
А сундальский древний одинокий ворон в голом голом
голом словно замогильный череп поле
Все закрывает лапой ослепшие от взрыва остывшие
пустынные очи очи очи
Все закрывает закрывает закрывает лапой бывые
глаза

IV ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

В далеком далеком далеком блаженном бухарском
лазоровом кишлаке Чорбакри-Мазари трехлетний
мальчик Тузук-бача плывет живет растет струится
длится ликует в рисовом полуденном илистом
глинистом родном летнем арыке
Он плывет и смеется и кричит биясь вياءь ногами
и руками в теплой родимой лепетливой говорливой
исконной хлебной воде воде воде:
Оя мать моя! Ата отец мой!
Оя!.. Ата!..
Он плывет и не знает что нет уже на земле
ни матери ни отца ни кишлака
Оя... Ата...

ПОЭМА О КНЯЗЕ МИХАИЛЕ ЧЕРНИГОВСКОМ

...О, стонати Руской земли, помянувшe первую
годину и первых князей...

Слово о полку Игореве

О русский грешный вольный неоглядный челове-
человек!.. Дай в русском поле одиноком постоять...
И кто там в поле бесприютном без креста, без па-
мяти зарыт убит забыт?..

И чья невинно погребенная до времени, до срока
кость посмертная нагая кость живая страждет вопиет
болит молит скорбит?..

И столько там — в военном русском поле — без-
винных недозрелых нераспустившихся тел и душ лежит
Что там земля горит и травы не родит

И там могилы как солончаки такыры соляные наги
наги наги. И им травой забвенной насмерть на века не
зарастит!..

Ей, ей! о Русь! сладки темны твоя пути, твоя судь-
бы, твоя суды!.. Амины!..

Но!.. Русский человек, гляди через века, как поми-
рали князи твои...

Гляди!.. Вот предок брат твой князь Михаил Чер-
ниговский сын русский дальный у шатра у юрты хан-
ской у Батыевой стоит.

Твой брат князь Михаил у шатра Батыя Батыги-
хана погромщика губителя язвителя червя загробного
Святой Руси стоит...

Дай сыне постоять у тех святых у наших русских
вопиющих безвестных безымянных у могил могил мо-
гил!..

Эй русский человек нынешний человек бражник грешник иль забыл?.. Гляди!..

Гляди на брата твоего единоутробного гляди на русского князя пресветлого Михаила Черниговского!.. Гляди!..

И князь Михаил посол вестник Руси весел от коня сошедши только что с веселого коня сойдя идет весел улыбчив горюч текуч горяч как ноздря дышащая гневно гонно ноздря его коня...

И князь Михаил Черниговский сойдя сбежав спав млад с коня идет хмельной лесной идет неготовый яростный русский улыбчивый отворенный идет к шатру хана Батыя...

И там стоят нукеры и темники и шаманы-тадибейи самоедские и чадят костры и нукеры кричат: Кху! Кху!.. Берикилля! Берикилля!.. Урангх!.. Уран!.. Айда!.. Нож о горло точить ласкать ломать укрощать!..

...О Господи о Спасе Иисусе охрани меня мя неповинного Твояя!..

А в степи татарской сырой чужой продувной февраль.

А в степи февраль.

А в душе князя февраль.

А в душе князя Русь-улус-ясак-тать тля-оброк-падь-рана-свеща-таль...

А в душе князя Русь — малая дочь его отроковица Василиса в княжеском платье рытого золотого персидского бархата бежит бежит бежит в талых дальних черниговских родимых холстах холмах простынях льняных снегах снегах снегах...

И ручонками берет и пьет талый снег хрупкий ломкий сквозистый крупитчатый она...

Дочь, не пей талый снег... Дочь, остудишь отроческую юную гортань...

Русь... Дочь в снегах побереги девичью блаженную гортань...

Дочь не пей полевую таль!..

А в степи сечень февраль. А в степи шатер. А в степи Батый-хан.

А князь идет к шатру а в душе его болит бежит
Русь дщерь его отроковица непослушная певунья ле-
петунья лопотунья младшая его Василиса в чернигов-
ских талых снегах и пьет снега и берет снега в уста
в девичью хрупкую арбузную алую податливую гор
тань...

Ай дщерь возлюбленная лакомая нельзя!..

И улыбается Михаил Всеволодович князь отец во-
спомнив дщерь в талых полях полях полях...

Ай Русь!

Ай дщерь!..

Ай поля ай талые снега!..

Ай мне уж вас не увидаты!..

Но!..

Но улыбается князь отец вспомнив дщерь свою
бегущую в талых черниговских полях... полях... полях...

И на князе беличий охабень с откидным четверо-
угольным воротом кобеняком соболиным, а на крутых
ногах пестрые сафьяновые болгарские сапоги с сереб-
ряными подковками, а под охабнем красная рубаха
персидского шелка и пояс золотой витой, а под руба-
хой открытое чистое молодое снежное сметанное
тело — такое оно невинное упоенное! так жить дышать
хочет хочет жаждет алчет оно!..

Но!.. Но...

...Кху! Кху!.. Айда!.. Уран!.. Берикилля! Берикилля!..
Аман! Аман! Аман!..

А у шатра хана Батья два костра чадят горят.

И там растет стоит поминальный адов куст китай-
ского змеиноного карагача.

И там на повозке стояли стоят идолы из войлока
Заягачи — Хранитель Судьбы и Эмегелджи — Тво-
ритель пастырь монгольских необъятных стад стад
стад.

И там на повозке стоял стоит Идол Образ Повели-
теля Вселенной Чингисхана из тибетских тьмовых
непролазных шкур горных яков зверояков кутасов...

И там стоял Идол Гад Кат Кость Смерть Тлен
Червь Прах!..

...Айда князь коназ Михаил айда смиришь покло-
нишь Идолу Чингизу дремливому могильному татар!..

Айда!..

Иль не нужна не дорога не заветна красавица блаженная чаша потир хмельная русская глава гордыня голова?..

Иль хочешь голову-чашу обронить расплескать?..

Иль не поползет перед Идолом льстивая змеиная покорная она?

Айда князь!

И два шамана-тадибея прыскали кумысом свежим в Идолов их и шипели шептали:

— Утт! Отт! Очча!.. Кычча! Кииск!.. Кто минует костры — тому смерти! Кто минует поминальный куст — тому смерти! Кто минует Идолов — тому смерти!..

И два адовых Батыевых сотника сокровника охранника Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур кричат поют велят князю Михаилу Черниговскому послу Руси и соратнику сподвижнику его боярину Федору:

— Князь — поклонись огню! Поклонись кусту! Поклонись Золотому Властителю Чингизу из тибетских горных высших шкур!.. Уйю! Уй!..

Как горят костры!.. Как глядит поминальный Чингизов куст, а из него змеи как от живого Чингиза Хакана смертные конницы кумысные гортанные победные пылящие тюмены тьмы ярые весенние гюрзы змеи рыщут ищут ползут яд спелый несут!..

Как Идол мерцает агатовыми маслянистыми мерклыми ночными бычьими очами из звериных чуждых замогильных шкур шкур шкур!..

Уйю!.. Горю... И доселе через семь веков горю!.. И доселе через семь веков я русский обделенный человек горю!..

Но! но но но но...

Но улыбается русский великий князь Михаил Всеволодович Черниговский вспомнив дочь дочь Василису отроковицу непослушную свою берущую пьющую ломкий талый снег в черниговских полях полях полях...

Ай!..

...Дщерь не бери ручонками вербными пуховыми первыми талый снег и не клади его в уста...

Дщерь не остуди не повреди побереги девичью ломкую алуя заветную завязь побег гортань...

Дщерь...
Василиса...
Русь...
Отроковица...
Слышишь князя?.. Слышишь отца?..

...Слышишь Михаил князь коназ?.. Пади у подножья куста... проползи меж двух огней костров!.. Поклонись помолись Яку Чингизу Идолу татар!.. Айда, коназ!..

А потом будем пить хмельную орзу из Батыевых золотых золотых золотых пиал...

Айда!..

Животы да души будем ублажать! Уран!.. Я люблю тебя князь коназ!.. Айда!.. Айда жить! Айда пить! Айда гулять!..

Но русский князь коназ улыбается и разбегаются в улыбке доброй атласные щеки добрые его как два младых раздольных луговых гулевых коня...

Но...

...Нет, Арапша-Сальдур!.. Нет, Кундуй-Казан!.. Нет, хан Батый!.. Нет, победная гортанная монгольская рать!..

Не паду я у куста. Не проползу меж двух костров, прося пощады у огня. Не поклонюсь не помолюсь Яку Идолу Чингизу усопшему живых татар... Оле! Ей, ей!..

Ибо!.. Понеже!..

Русь идолов в кострах в душах навек изжгла. (Ой ли князь?)

Ибо!.. Понеже!..

И там остался в дальнем христианском приднепровском праведном первокостре Рогволд-Язычник первенец мой старший брат.

Ибо!.. Понеже!..

И пришел на Русь навек Иисус Спас... (Ой ли навек, князь.)

...Аз есмь Господь Бог твой. Да не будут тебе бози инии, разве Мене. Не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею. Да не поклонишися им, не послуживши им...

Да!.. да... хоть скорбит чует плоть и душа моя...
Но. Да.

И улыбается русский христианин князь Святovitязь
Михаил Всеволодович Черниговский.

И щеки его расходятся разбегаются как два атлас-
ных круглых яблоневого сильного теста замеса коня.
Да.

И бежит бежит бежит в душе его последней воль-
ной и бежит в черниговских полях дочь дочь мень-
шая младшая его Василиса и ручонками вербными
прутьями тальми берет черпает с поля талого изник-
лый талый снег и кидает его в уста и студит ласкает
веселит девичью гортань...

Но! уже! пора!..

Но. Уже. Пора.

...Уран!..

Я поклонюсь тебе Бату-хан.

Я поклонюсь рабу твоему.

Я поклонюсь коню твоему.

Но не мертвому кусту.

Но не мертвому огню.

Но не мертвому Идолу из шкур.

Ибо Русь — обитель Христа а не идолов куми-
ров! да...

И так было десять раз.

И десять раз Батый-хан посылал к князю Михаилу
Черниговскому адовых ползучих змеиных нукеров
своих... Берикилля!.. Князь коназ! Аман! Аман! Аман!..

...Ай Русь! ай дочь сирота!

Ай гляди гляди гляди через дремучие забытые
века!

Ай гляди на князя своего!.. Ай ай как хочет жить
он...

Гляди — он жив жив жив еще!..

Еще не поздно!

Еще горит дышит младое яблоневое тело его!

Еще улыбаются уста!..

Айда! Князь!.. Айда жить! Айда пить! Айда дышать
гулять!..

Поклонись Идолу Мертвецу и будем пить в шатре
орзу-кумыс из золотых пиал!..

Айда!..

Князь Иуда! Князь трупопоклонник айда!..

Но!..

Гляди Русь на Христианина Князя своего!.. Вот Он!..

Вот четыре вольчих бычьих налитых нукера-татарина тихо тесно нежно берут обвивают облегают его... Вот снимают собирают бережно беличий охабень с тела русского крещеного его...

Вот снимают красную льющуюся рубаху персидского шелка с тела сметанного ярого его... Вот снимают осторожно золотой витой пояс с тела неповинного его...

Гляди Русь на Князя Святovitязя своего!.. Вот!..

Еще не поздно князь коназ Руси!..

Вот Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур стоят близ Михаила.

Еще дремливые сонные они. Еще их очи татарские степные узкие спят они.

Еще им лень очи разъять разлепить отворить открыть. Ийли!.. Йили!.. Или?.. И?..

Еще не поздно князь! Еще текут твои блаженные волны дни...

Русь! но Ты Ты Ты не затворяй не отводи очей бесслезных немых через века века века ясноокая гляди! Гляди!..

Вот Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур сонно а сочно глухо мясисто телесно бьют тычут хлещут ногами князя в грудь. А ноги их обуты упрятаны в сыромятные монгольские гутулы-сапоги без каблучков.

Вот они бьют князя в живот в грудь в ребро в кость. Долго бьют.

И у Кундуй-Казана сапог рвется и как луковица глядит из сапога рваного желтая монгольская кочевая пятка. И она жилистая хлесткая. И она врезается прорывается в живот князя. И долго так.

А князь Михаил Черниговский стоит. И улыбается Он. И стоит.

Эй Русь! гляди!.. Гляди на Князя Святovitязя своего!..

Ибо будет проклят забывший о могилах святых родных...

Гляди! Сквозь тлен сон одурь ложь пагубу вековую смертную чрез пелену смертную чрез гроб чрез могилу чрез траву забвенную могильную плесень паутину твою гляди гляди гляди...

Аминь!..

Гляди — и на губах Князя играет течет пузырится вспыхивает искрится рубиновое алое нежное пламя от легочной крови яблоко облако малиновое кровавое.

А Князь улыбается... А Князь облако глотает а оно не дается не глотається а оно не тает а гуляет на устах его блуждает гуляет...

Князь ты помираешь?..

Ты падаешь уже валишься?..

Твое тело нагос беззащитное белое как лебединое яйцо с которого согнали птицу наседку мать пернатую?..

И вот вороны напали на него и клюют опустошают его вороватые тайные адовы враны?..

Князь Руси Михаил Святый Ты помираешь исходишь кончаешься а Идолу не молишься не поклоняешься?..

Князь Ты помираешь?.. Русь ты помираешь?..

...Да помираю. Да ухожу. Да Идолу не молюсь не поганюсь не склоняюсь. Да улыбаюсь. Да облако малиновое последнее на уста нашедшее исшедшее из чрева моего избитого глотаю...

Но!..

Но там в полях черниговских Русь... дочь младшая моя Василиса берет изниклый талый снег вербными дымчатыми ручонками прутиками ивовыми и кладет снег в гортань малую...

Дочь не надо...

Слышишь дочь моя младшая заблудшая в полях талых?..

Слышишь дочь Русь сирота уже моя уже сирота малая?..

И будут на Руси сироты без отцов.

И будут на Руси жены без мужей.

И будут на Руси матери без сынов...

И будет Русь вдов...

Но ты слышишь меня мя дщерь дочь младшая моя?.. Не бери снег полевой в гортань в уста!..

...Тятя... тятенька я слышу последний глас твоея...
Слышу, тятенька, тятя отец князь...

И тут что-то Василиса останавливается выпрямляется вырастает в поле... что-то слышит чует она... что-то снег из уст из рук из гортани непослушно неповинно льется на поля...

Что-то снег текуч плакуч льется из ранних талых русских лазоревых синь васильковых очей ея...

Что-то льется снег талый в черниговские талые талые изниклые поля...

...Дщерь... Не плачь...

И мертвый Святовитязь Князь Михаил Черниговский Христианин пал у Батыева шатра...

Русь... Дщерь в талом поле... Сирота моя... Прощай!..

И ни весточки, и ни косточки...

...О русский грешный человек

Дай в русском одиноком святом поле постоять...

...Осенний кроткий ветер тишайшую жемчужную кочующую сеть скиталицу пленицу полевую паутину нанес набросил на блаженного меня...

К 600-летию битвы на Куликовом поле

ОТКРОВЕНИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

...Мы обязаны монахам нашей истории,
следовательно, и просвещением...

А. С. Пушкин

...Есть в этих формах, так глубоко исторических, в этом мире византийско-русском, где жизнь и верослужение составляют одно,— в этом мире столь древнем, что даже Рим, в сравнении с ним, пахнет новизною, есть во всем этом для человека, снабженного чутьем для подобных явлений, величие поэзии необычайное...

Ф. И. Тютчев

Тополиный край, стай вороних грай, колокольный град,
Тщись бежать из Руси, до пощад не проси,
Всяк тут рекрут, солдат, по могиле собрат,
Мать, коня расти! Конь, дитя уноси! Ворот, пленных
коси!

Жжёно хатам на Руси, вольно гадам, слепо пахарям
от зарев,

Мать, пчелиные вишни соси, дочерей верней сносить,
Чем сынов-шутов хоробрых юнцов следить,
Как залиvisto под копытами взывают, тишают они,
Тут монашкою прибыльно быть — монастырских оград
не избыть!

Да подъехал подмётный искрящийся царь —
Эй, молодка, на луг до трубы призывной вылезай,
Схиму смирную сбрось постылую, ноги к царским
плечам закидывай!..

Так Русь полнится стыдливо,
Русь данников сеч извечных,
Русь неназванных царевичей.

Ангел падал ангел падал на вечернюю волну,
 Витязь плакал витязь плакал, красну брызгал конь
 слюну,
 Цепких три стрелы омыл пеший витязь — конь полег,
 Трижды взято смято горло убежало во песок,
 Тонку песню дику песню дальний витязь напевал,
 Долгой крупчатою гущей конь покорный вытекал.
 — Ты не майся, не качайся, не смеркайся и не пой —
 Буду я тебе летучим и бестрепетным конем! —
 Ангел витязю пустынному так вещал с младой волны.
 — Я люблю, когда под мною в сече конь пробит
 стрелую

И ликует исходя и клокочет и парит,
 И у моря заревого я над ним свободно вою
 И чужие стрелы мою, их слагая в свой колчан.
 Ты же, ангел, ты бессмертен, я с тобой забуду песни,
 Стану камнем очерствелым, стану змием-людоедом! —
 Витязь ангелу сказал, свистнул с луга жеребца
 И по берегу к печенегу люто блудно ускакал.

Выйду в поле трав задальных —
 Гей, посаженная на верхушку ели Ярославна! —
 Там не видно ль князя? Там не зримо ль шествие
 воителя-скитальца?
 Там парит, царит навечная погромная стрела в глазу
 синей небес правдоискателя,
 Гей, торчат из рек копыта долгожданные!
 Помирать тебе солдаткой, женка несказанная,
 Слазь да лезь под духовитого татарина удалого
 немалого! —
 Лошаденка кличет, чтоб скакать нам по степи бараньей,
 Два орлиных там повенчаны сайгака — две стрелы
 в сердца их вешние спущу я две стрелы закатные,
 Да разросшиися в полночь груди званые сметанные
 укрю шкурами свежайшими поймаю уловлю зубами
 одичальными
 Да на холм на кочевой взбегут из недр твоих путивльских
 ярых ярые монгольцы синеглазые,
 Будешь беглой матерью обильною ласкательной,
 А откажешь — так в затылке пропадать стреле
 колодезной сайгачьей,

Слазь! Лизать скуластых будешь языком привязанным,
прилипчивым, привязчивым!..
— Всех передущу да уложу всех рядышком на
чужедальных холмах, травушках, емшанах...
Всех!.. Лисою изовьюсь в курятнике!..
Век...
Века...
Как колчан, затылок перист Ярославны.

* * *

Предтатарского гадателя слышу я глаголы адовы —
Чую, чую кочевой запах орд, треск монарших кадыков,
Взятых суетной стрелой,
Веет, веет хор сирот — Русь-то вся в нем запоет,
Мил народ, кровав народ, миролюб народ, как
стадочко

Серебристых да затейливых ягнят,
Разори копьем, копышком, ратник-лапотник
залатанный,

Ухо алое учуявшего низкого волхва,
Насекомому тельцу пахучего вождя
Белорыбицу, князь, женушку отдай! —
Пала мать благодатная во девичьих полях,
Пала мать при дите во мужем преданных нутрах,
Пала зрело с чужаком — да поднялась с ножом одна,
А трава окрест прозрачными пожарами светла,
А рука Евпатия смиренна и вольна,
А озера по лесам приемлют дика лебедя,
Горсть воителей, предателей несметность,
Был князёк гордец, да стал слугою свежим,
Хану стал тесней его добытчиков косящих.
Ночь. Века. Но Калита рубли слюнявит...

МОНАХ И БОГ

I

Сыне! побудь помедли в поле августовском ржи
Сыне! бóлезный моя! дождливой палой святой русской
рожьёю подыши прими
Сыне рожью русской забытою неповинной подыши
Сыне колос тихий неналитый так и неналитый за лето
за ливни колос возьми в уста да обогрей да испей да
утоли да пощади

Сыне русской рожью палой чистой подыши
Сыне в поле палом так и не поспевшем не
зазолотевшем полежи да подыши да не ярись да не
мятись да усмирись
Сыне ой не сладко ой ли не вольготно в поле ржи?

Отче! сладко! в поле мокром дальнем палом сладко!
Отче! но душа жива! но в поле палом в теле малом
исхудалом все душа душа душа болит болит точит
Отче! лучше на погосте деревенском кротком уложи
забудь да душу отдели да отними как ветер отнимает
отбирает у березы яхромской янтарный ранний млеый
лист

Отче! а иначе с этою душой живой точащей раной
свежей жаль мне и полевку мышь что родилась взялась
в колосьях нищенских Руси

Отче! даже куст жасмина хрупкий неповинный
распустившийся под ливнем хочется рубахой обогреть
прикрыть приютить приручить

Отче отче нету сил глядеть на это поле нету сил
тут маяться тут жить

Отче! нету сил тут жить дышать любить!

Отче! на погосте безымянном душу тихо тихо тихо
отыми

Отче! на погосте умиленном словно ливень рожь мя
тихо тихо уложи

Отче! надежу душу в поле палом отыми да
на погосте рódном тело словно колос без налива упокой
да уложи

Отче! на погосте на брёгу последнем русском уложи
Сыне! побудь помедли смирись в поле августовском ржи
Сыне приими

Аминь!

II

Сыне! побудь помедли в поле августовском ржи!

Отче! но в поле ржи такие ливни! такие сеногнойные
дожди!

Отче! недолита незрела пала рожь падучая ползучая
лежит лежит лежит

Отче! нынче на Руси такая глушь! такая тишь! такая
хворая тощяя даже полевая мышь!

О Господи прости мне полевому малому прохожему!
Но Отче! где ты? где? куда куда глядишь?
Отче где? на какой проселочной кривой калеке-дороге
на каком
горбуне-холме святы́й след Твоя пылит дымит живет
таит?

Отче ль не забыл?

Отче! ль в лопухах в бурьянах ковылях в несметных
рьяных
ливнях в бедах в сечах в татарах в опричниках да в
нынешних убойцах тишайших Отче Русь ли не забыл?
Отче! Русь ли не забыл среди неправых незаросших
безутешных вопиющих среди могил?

Отче! неоглядный! ненаглядный! необъятный! у подножия
Твоя мя скоротечного мя мимолетного как быстро спело
летне облако прости!

Отче! ль не забыл?

Сыне в поле палом мокром чистом полежи да душу рану
поле словно подорожник утолит угомонит уймет да
усладит

Сыне в поле полежи

Отче! да лежал! да подорожник приложил! да он горит
чудит чадит

Отче! что за глушь окрест? за дичь? за немь? за смерть?
Куда ни глянь — лишь тишина погоста?

Что три окраинных избы в деревне Едрово упали сонно в
реку с косогора

Что ловит только сонных снулых карасей в слепую мрежь
былой рыбарь пресветлых душ наш русский Николай
Угодник

Что душ не стало на святой Руси да и сама Русь лежит
как щука тинистая илистая вековая мшистая донная на
дне едровского озера

Отче! Отче! ей ей ей! Кто призовет ее оттуда? кто
подымет? кто очистит? кто ей вскроет очи Отче?

Сыне! не мятись а усмиришь а полежи а подыши в поле
Отче! утоплюсь сойду к Руси утопленнице!

Сыне! Ночь в поле! Гляди! разметались разгулялись
рассиялись в небе звездопады августа серпента густаря!
Ай сыне! гляди! ай очи молодые веселые не болят?

Пусть нету солнца на Руси! зато обильна многа есмь
падучая текучая звезда! течет грядет разгульная
раздольная рассыпчата звезда!
Гей! уж в малинниках лесных ночных поспелых млевых
мятных духовитых святая Авдотья-малиновка прошла да
ягоды в лукошки костромские собрала
Да нам оставила забыла у зарнистого росистого плетня
Гей сыне! пей текучую пахучую малину да душою
отдыхай гуляй летай!
Дождь батюшка рожь матушка малина женушка Русь
сиротинушка кровинушка моя!
Гей сыне! В ночи в Руси осыпанной чудящими летящими
звездáми загуляй
Ай!

Отче! в поле рожь встает да разыгрался расходился
раскидался разметался разгулялся чей-то забытой бычок
хлебничек полевичек хмельной млад яр удал богат!

* * *

И Муж скорбей в венце молений в долине бедности
в Руси бредет грядет грядет
Кто?..
Христос?..
А Россия в снегах а Россия в грехах а Россия бела бела
Как язык у отравленного палача
Ай хороша!..

* * *

В ночных октябрьских листопадных хладных дальных
вольных рощах
Так дико так пустынно люто одиноко сонно так печально
дремно
Так пахнет горьким дымным палым листом
Так пахнет голым беззащитным березовым стволом
Так пахнет тайным одичалым гибельным кочующим
волком
Так в рощах дальных переславльских наших русских
голо сиро одиноко
О Богородица!..

удушали усекали лесные вешние избыточные свои
жизни? за что безымянно схоронились упокоились
на кротких сиротских погостах?
А от Руси вашей остались только золотые октябрьские
облетающие рощи

О Господи

О затеряться о забыться усладиться о зарыться мышью
поздним квелым зайцем листопадником осмяглым в
листопадных багряных парчовых рощах рощах рощах

О Господи

Тепло в твоих листопадных постелях рощах
Хладно в твоём нагом предзимнем поле

* * *

Там стоят окрест деревни Едрово березы златоносцы
А народ мой бражный спит сопит в трухлявых рухлых
осмяглых курных избах самогонных

Там стоят чудят сентябрьские березовые рощи чащи
златоносцы

А народ мой пьяный спит как полевая мышь в норе
зимой бездонной

Гей народ!..

И я стучу и бьюсь и вьюсь и бью в косые палые заборы
прясла да побитые калитки

Гей народ! Очнись проснись от одури земной отряхнись
отвыкни

Да оглядись окрест — да там стоят чудят летят
во небеси златые наши рощи златоносцы неповинные
Гей оглядись!..

Да только две приبلудные козы из лопухов разгульных
жгут чадят глядят глазами полевыми кочевыми дикими
дурными

Да обильное беспутное млеко молоко ковыльное
тянется валится из неприкаянного неухоженного вымени
Гей!.. Русь!..

Эй хочешь — пей из заросшего забытого колодца

Хочешь — из заброшенного запущенного звериного
вымени малинового!..

Гой Русь!.. Гой воля!.. Гой гульба татьба!.. Гой!

Гой пустыня!..

И ближе гуще рощи чащи и глуше травы и пьянее
человеки и дряхлее избы избы избы

Гой!.. Да сгиньте травы!.. Сгиньте человеки!..

Сгиньте избы!..

Изыдите!..

Да золотые рощи златорощи златопадами Русь навек
заметите занесите

Да приидите встаньте навек рощи рощи златоносцы
золотые

* * *

Рощи рощи рощи наши русские златорусские
святорусские рощи рощи октябрьские

Рощи рощи наши златотелье златолистопадные
златотрепетные златолепетные златосыплющие рощи
рощи родные русские невинные рощи дочери дальные
листопадные листохладные неприкайнные

Рощи рощи злата злата злата опадающего слетающего
рощи златохлада златопада златопада

Рощи рощи стаи стада дерев бродящих неоглядно
необъятно

Рощи рощи стада стада дерев златородящих а где ваши
пастыри

Рощи рощи златорощи златорощи а где ваши
сребробородые апостолы пастухи пастыри

Ах рощи рощи своевольные бродящие одинокие
пустынные многодалные

Ай рощи рощи текучего летучего недолгого мимолетного
хрупкого немого злата злата злата

Рощи рощи чащи чащи белоствольные безвинные
бездонные березы златоносцы распахнутые на холмах
полях Руси златохранильницы златорощ
златопечальных

Рощи рощи русские мои невинно кротко палый лист
златой творящие хранящие оберегающие как дитя
болезное любезное чахлое чадо

Рощи рощи злата злата злата

Рощи рощи чащи чащи чащи облетающие молитвенные
чащи чащи храмовые потиры плещущего злата злата
злата

Рощи рощи чащи чащи златорощи златочащи дальные
слезные родимые беспечальные безначальные врачующие
исцеляющие душу рану

Рощи рощи чащи чащи златорощи златочащи
переславльские

Прощайте

КЛИКУША

Я умру вместе с русской последней деревней
Когда в очи и в душу ползет победный бурьян
И когда над забытою Русью в траве продираясь
последней
Лебединый последний навеки взойдет просквозит караван
Я умру вместе с русской последней деревней
Вместе с русским последним опойцей пропойцей
Сильвестром попом
Вместе с русской последней вдовой заревницей
бездонной солдаткой Лукерьей
Что покорно полвека с войны дожидалась убитых сынков
Я умру распадусь вместе с русской последней
трухлявой орловской избою
Вместе с церковью последней в которой лишь мышь да
зола
Вместе с нашим льновласым кудрявым пианым
раздольным
Христом что приколот прибит пригвожден притеснен
ко кресту ко березовому
И Его — Одного на Руси неповинного — некому снять
спеленать обласкать
Я умру вместе с русской последней блаженной
деревней
Я обдамся упыюсь из колодца последнего дремной
прогорклой невольной забытой сиротской водой
Русь!.. Слеза ты моя!.. Да была ль ты!..
Была ль твоя золотая деревня?
Или был только шелест сентябрьских твоих златотканых
златопарчовых златохладных златосеребряных
златодымчатых златотягучих златозадумчивых роц?..

* * *

Раскольников извечные главы обречены сожжению.
Забвение царей, в перстах которых их изникли шеи,
Всесветно и бессмертно...
Скиты заснеженные обметались частым следом
На выпуклых окрестностях,
Но костры свежи, и команды безмятежны,
И вдов прилипчивых тела напрасно вдохновенны
И явлены кудрявым палачам на сеновалах
уморительных,

И старый кат всю ночь детишек погорелых кличет,
Как рьяных петушков...

Здесь всякий сызмала к костру молитвенно готов,
Огнепоклонников Христовых величав, лукав народ.

* * *

И точат очи мои ибо близки гробы ибо родят родники
пески,

Матерь мать, платок на лике твоём, мать, вышли все
рубежи мои,

Платок на лике твоём, дремучим текучим огнем горят
вкруг озер камыши, тугаи,

Вышли все рубежи мои,

Платок на лике твоём, птица низко летит с полей, птица,
с лика платок сорви,

Горят вкруг озер камыши, тугаи,

Матерь, что словеса что глаголы мои?

Матерь, что слезы блаженны твои?

Матерь, вышли мои рубежи, сто птиц не поднимут
смеженные веки мои,

Спадает платок — и очи чисты, как нагие озера пустынные
чисты.

* * *

Софья, сон в траве высокой опиумной, Софья, лодка в
вольном рыщет озере,

Софья, камни бродят чудотворно по дорогам этой ночью
этой ночью, Софья,

Стадо лис у рук моих пушится игрится покорно
своеволью,

Софья, всех ночных пещер невольница-охотница в
водопаде ноги полощешь,

Кличешь рыб устремленных и нить их из волн на брег
упоенный выводешь,

Софья, камышовую шею клонишь на скале лежишь,
Софья,

Оком ловишь павшего ангела и сбегает по осыпям
девою горной

И ангела крылья уносишь и восходишь в ледниковое
облако,

Софья, платье твое на озерном берегу берегу, Софья.

Матерь погоды побудь помедли окропи водицами как
бубенцами колокольцами валдайскими ледовыми
хрустальными алмазными залетными
Матерь утоли согрей на миг навек Святая Вечная
помилуй мене мимолетного замерзшего

* * *

В душе равнина Русь осыпана метелью
И чешуйчатыми живыми переливчатыми переимчивыми
алмазами рождественскими блещет плещет
И грядет в равнине Дева Пустынница Родимица
Сошественница
И дитя у звончатых у млековых у девьих грудей
кормится лепечет лепится
Матерь!.. Да одна Ты на равнине на Руси крошечной
Матерь да где дитя родимое нездешнее взлелеешь
обогреешь
У какой избы глухой согбенной переславльской русской
нашей сирой косою горькой постучишь — да не ответят
не приветят не утешат
Матерь! но Ты пьешь веселая залетная заходяя у
прубуи у озера Плещеева
Да перстом лучистым осиянным ледяным дитя
березовое крестишь
Матерь улыбаясь грядет бредет по равнине мерлой
да замерзшей
И глядит окрест дитя из-за грудей холомов снежных
сокровенных девьих льющих живо свято невинно
млеко млеко млеко
И глядит Дитя на ледяную дремну Русь и уж ее жалеет
уж ея жалеет уж жалеет

ВОРОН

О чем ты грезишь грезишь ледовый лютый сизый
дымный ворон на равнинном одиноком дымном
сумеречном древе суздальского поля?
О чем ты грезишь вечеровый тьмовый в сумерках
вечерних дымчатых узорчатых во ранних ранних
русских русский в сумерках ледовых сизых во
крещенских во бездонных в родных
О чем ты сизый сирый вечеровый дымчатый ледовый
ветхий одинокий ворон в сумерках равнинных в
сумерках сиротских ай ледовых ай колодезных

О чем ты птица сизая родимая январская одна одна
в ледовом лютном дымном темном русском русском поле
поле поле в покровах снеговых
О чем ты ворон рódный рódного родимого ледового
ополья
О чем ты тьмовый ворон дрёмный дрёмный дрёмный
О чем ты ворон

Лишь жива дымна́ дымит в ледовом поле прорубь
порубь рана наша иордань купель Христова святая
святая одинока

* * *

Иль туман? Иль татарин? Иль туча? Иль ночь грядет?
Я один в непролазном дождливом владимирском поле
В золотистой смуте истоме мерцанье стоянье
сентябрьских свистящих неближних лесов
Где ты мой листопаде кроткий?..

СТРАХ

Мясистый ствол ночного дуба декабрьски лют
В такую ночь замыслил царь усекновение голов
На шеи опустелые единоверцев преданных
Присели вóроны пав с гробовых деревьев
Провидцы одичалыми перстами
Уставились в тела боярынь плачущих
И тем любезных сладострастному царю —
Я гордобровых вдов в свои постельные хоромы угоню
И речи тихие об их мужьях под одеялами зачну!..
В такую ночь самоубийца льнет к ножу
Народ к концу рыба ко дну...
В безутешных свечениях вьюг загробных
Дороги царских факелов — голов безвинных но
казненных —
По сим путям к кремлям незащищенным
Пройдут бега татарских низких гонных пенных
волчьих конниц неотмщенных...

МАМАЙ

Я плачу у пораненной апрельской березы березы березы
у березы
И роятся мухи и струятся дúхи дúхи соки

И стоят по всей Руси подрезанные плачущие березы
березы березы
И стоят по всей Руси святые плачущие божьи
человеки человеки человеки

ВЕСТЬ

И Ангел Благовещенья стоял по колени в вешней
мутной талой русской Нерль реке
И очами вешними очами отечными очами отчими
очами тяжкими очами талыми глядел
И монах Тимофей с сырого берега пел
О Ангел охраняй меня от талой палой мутной бешеной
воды
О Ангел огради меня от топора Руси
Гляди — тут птица уж гнезда не вьет!
Тут дева косы не плетет!
Тут церковь по реке плывет!
О Ангел скажи весть!..

Но Ангел Благовещенья весть произнести не смел
дрожа в прибывчивой реке

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

И снег апрельский неожиданный летал витал блуждал
И снег апрельский вербный ветхий полевой витал
летал да уморял озимые хлеба
И белого талого вербного захожего осла и
седока улыбчивого всадника цыгана заметал туманил
заносил забирал усыплял отнимал
Но у деревни у Федосьино храм благовещенский
разбитый палый присмирел учуял и в снегах
разверстыми разъятыми окнами куполами вратами
весь внимал
И тут учуяв перестала тайно разрушать разбирать
точить его разрыв трава сорняк трава сонь тлен трава
И летели и лелеяли русские такие поздние! такие
горькие! такие сладкие летучие снега архангельские
талы талы живы живы кружева
И всадник седок пил снега летучие невинные устами
аравийскими пустынными и все шептал шептал
шептал

О Боже охрани не остуди озимые русские безвинно
нищие хлеба! о дай сим низким бражным деревьям
градам! дай горемычным русским слёпым сим избам!
людям! полям!

И там лебяжья верба рьяно нежно в снегах
нежданных пуховых татарских лютых расцвела
И осел ветвь жемчужную чудящую ветвь
алебастровую снежную молочную пил брал жевал
И седок ветвь отнимал отстранял от осла
засушливого ветвь талу упасал отбирал
И падали снега и падали сережки пухлые вербные
алмазами на дивны чисты млады чужедальные
невинные его власа
И поднял всадник перст и снегам повелел запретил
приказал
И стали снега и стали ясны небеса
И стал ясен вербный Спас и дальный неоглядный
след Его Осла
И Русь-Голгофа со холма Федосьина вся стала
беспредельная бесцельная бездонная безбожная
святая пьяная болезная видна слышна близка ясна
И уж бежала уж ярилась уж стремилась
из деревни ближней с топорами досками гвоздями
бражных мужиков иуд толпа

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

И там был сад за нищенской оградой
И там был монастырский дряхлый древний
одичалый сад за нищенской кладбищенской оградой
И там был снег апрельский русский поздний вялый
талый тяжкий полевой остаточный
И там лежало низко тленно кладбище погост
почивших русских святых схимонахов
И дымились творились стволы сырые монастырских
дальных одичалых яблонь уповающих
И Он сошел с осла жемчужного дрожащего и сел
на истлевший надгробный белый камень
И дико дивно Он глядел на поле вдовье русское
на поле неродящее на церковь на холме скорбящую
на деревеньку ближнюю кривую темную заблудшую
болящую гулящую
И пал на камень ветхий ликом светлым
снежным дивным девьим необъятным

И молил молил молился лик свой жѣвый окуная
в хладный податливый камень и камень расступался
раздвигался

О Господь! Ты знаешь!.. Завтра пить мне
из последней смертной чаши!

Отче! Уж кричат по всей немой святой Руси
сырые петухи одни одни не спящие

Отче! Уж на крест мне рубят валят две березы
мужики иуды из Федосьино деревни сонной топорами
тайными ночными вороватыми

Отче! знаю знаю знаю знаю знаю

Отче! только не оставь голодного гортанного
захожего моя осла в полях во снѣгах алебастровых
останних

Отче! только пощади погладь согрей шелковым
иерусалимским щедрым южным ветром
русские озимые хлеба невиноватые

РАСПЯТИЕ

И сотворили крест из двух берѣз
И сотворили в поле талом крест
из двух порубленных берез

И сотворили в поле крест из двух струящихся
апрельских берез берез берез

И подняли Его как птицу сбитую с сырой родной
земли и вознесли пригнали вѣзвели на крест кривыми
рваными гвоздями

И свежесрубленные березы на власы на лик
улыбчивый на очи на уста Его струились таяли
кручинились печалились текли

И окрест тонули в поле талом низком нищем
в пьяных ватниках в кирзѣвых сапогах в лаптях
невинные иуды мужики

И с дальней смутною улыбкою сказал шепнул
метнул Иисус Христос:

О Русь! О родина! Голгофа! Сладок сок твоих берез!..

ВОЗНЕСЕНИЕ

И нѣчь нѣчь нѣчь изшла
И нѣчь Руси изшла изшла изшла
Гой Русь всю нѣчь кричали убивались умывались
убывали петухи недужные твоя

Гой Русь всю ночь по-волчьи выли псы весенняя
вселенския псы талыя твоя
Гой Русь гой избяная самогонная осмяглая слепая
талая гой Русь а ты всю ночь спала спала спала
Но! ранним ранним утром Он пошел взошел
Он взялся снялся с тихого креста
Но! ранним ранним ранним утром Он в лазурном небе
во льняной рубахе русской встал встал встал стоял
А поле снежное апрельское как свежее яйцо
пасхальное светилюсь пело водами великими талыми
шумело

А пело поле апрельское
А стояли пьяные бессонные босые сизые мужики
да бабы с куличами в водах полевых многошумящих
серебристых по колено по колено
А стояли неповинные а в небеса очами полевыми
васильковыми родными русскими уповали глядели
глядели глядели

Батюшко! распятый наш! блаженный! погоди! побудь
еще немного в нашем нищем неприютном русском небе!
Батюшко! осени с креста с небес распятые кривые
наши пьяные невинные деревни деревеньки!

Батюшко! отец безвинно удушенный
иль расстрелянный! помедли в нашем сиром небе где
и птицы ныне не кочуют перелетные запретные
Батюшко! прости нам крест березовый по пьяной
слепоте тоске затеянный содеянный

Батюшко! не уходи! не отлетай! помилуй! пощади!
помедли! Лебедь! лебедь лебедь лебедь

И Он сказал с небес: Блаженны вы моя заблудшие
полевые возлюбленные дети!

Блаженны чистые как апрельские бреззы!

И полетел пошел над полем и долго полотняная
льняная Его рубаха в небе дальнем таяла белела

И долго долго долго полотняная пресветлая
пресветлая приветная несметная

Его летучая рубаха над Русью синюю белела
И белет
Свете!..

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ДЕТСТВА МУШФИКИ	3
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА	69
ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА	148
КНИГА ОТКРОВЕНИЙ ОМАРА ХАЙЯМА	264
ТАТТАБУБУ	381
ОХОТА ЦАРЯ БАХРАМ-ГУРА САСАНИДА	400
АБХАЗСКАЯ БАЛЛАДА	443
ПРИТЧИ ДЕРВИША ХОДЖИ ЗУЛЬФИКАРА ДЕВОНЫ	448
ПЕСНИ ДЕРВИША	625
ПОЭМА О КНЯЗЕ МИХАИЛЕ ЧЕРНИГОВСКОМ	674
ОТКРОВЕНИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	684

Тимур Касимович Зульфикаров

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Редактор *Н. С. ГУДКОВА*

Художественный редактор *Е. Ф. КАПУСТИН*

Технический редактор *Н. В. СИДОРОВА*

Корректор *Т. В. МАЛЫШЕВА*

ИБ № 7031

Сдано в набор 20.07.88. Подписано к печати 09.02.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печ. л. 36,96. Уч.-изд. л. 35,73. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 3704. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»,
121069. Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государст-
венного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

